
Михаил Лост
НЕБЕСА 2.0
мистико-
философский
роман
© Авторские права защищены

Аннотация от автора:

Мистико-философская история на тему сущности бытия, от начала времен и до нынешних дней. Религиозным людям для прочтения КАТЕГОРИЧЕСКИ не рекомендуется.

Оглавление:

НЕБЕСА 2.0 4
Часть II. Ад и небеса 4
– 1 –..... 4
– 2 –..... 55
– 3 –..... 112
– 4 –..... 168
– 5 –..... 216
– 6 –..... 268
– 7 –..... 328
– 8 –..... 382
– 9 –..... 411

Координаты для связи с автором:
E-mail: letter@imi.su
https://vk.com/mihail_lost

Михаил Лост

НЕБЕСА 2.0

Часть II. Ад и небеса

Когда слезы архангелов прольются на землю,
наступит конец света.

– 1 –

Бывший военный, стрелок прошел отличную подготовку, которая с последующими годами только оттачивалась. Службу он давно закончил, однако без дела не остался. Как оказалось, в гражданской жизни его навыки были еще более востребованы, чем на поле боя, и платили за них гораздо лучше. Стрелок работал в одиночку, хотя не брезговал и частными военными компаниями. Иногда он подписывал с ними контракт, но в основном предпочитал оставаться фрилансером. Так было проще и безопаснее, учитывая тянувшуюся за ним вереницу трупов.

Не отягощенный моралью, стрелок спокойно убивал за деньги. Он не был маньяком, не испытывал страсти умерщвлять и не играл в господа бога, держа чужую жизнь на прицеле. Он даже не был психопатом. Спуская курок, он отправлял в мир иной лишь потому, что за это очень хорошо платили, а ничего другого он делать не умел. Стрелка не мучило чувство вины, и он особо ни во что не верил. Винтовка, пуля и звонкая монета — вот и вся была его философия. Заказчиков это вполне устраивало. Его и тем более, но только до тех пор, пока он не познакомился с владыкой ада.

Угодить в преисподнюю, да еще удостоиться внимания самого дьявола — это проймет кого угодно. Стрелок не ударился в религиозную истерию, однако и жить как прежде уже не мог. Воскрешенный могуществом Люцифера, он не стал об этом болтать. Во-первых, ему бы не поверили. Во-вторых, прогневить сатану было себе дороже. Некогда холодный циник, стрелок теперь думал лишь о том, надолго ли вернулся к жизни, и что его ждет после возвращения в ад. В последнем, хорошенько поразмыслив, он даже не сомневался.

Иной, возможно, ударился бы в покаяние, размазывая слезы и посыпая голову пеплом. К сожалению, гарантию на прощение это не давало. О небесах и тамошних порядках стрелок по-

прежнему ничего не знал, зато воочию виделся с сатаной. Попытка что-то переиграть не обнадежила. Священник в церкви не верил сам. Упомянув дьявола и ад, стрелок внезапно осознал, что его воспринимают за неадекватного, психически неустойчивого человека. Священник не допускал и мысли, что его собеседник действительно видел все сам. Не допускал потому, что по-настоящему он вообще не считал это возможным. Единственный, кому стрелок более-менее открылся, не поднял его на смех, однако ясно дал понять, что продуктивный разговор исключен.

Рассуждая о вере, оперируя каноническими вещами, в действительности священник мыслил гипотетически, никоим образом не применяя теорию на практике. Это встречалось сплошь и рядом. Священники и сами не верили в то, что проповедовали, словно предмет их учений находился в параллельном, вроде бы существующем, но недосягаемом мире. Стрелок же отныне прекрасно знал, что это не так, отчего и понял, что церковь ему никоим образом не поможет. Впрочем, он особо и не надеялся. Побывавший в аду и отпущенный на время, человек априори не находил понимания среди обычных людей. Уяснив, что от сатаны, он ему никуда не деться, стрелок решил хорошенько постараться, чтобы выполнить его задание.

Отточенная годами, сноровка делала свое дело. Настоящий профессионал, стрелок легко терялся в толпе, оставаясь незамеченным и при этом умело подбираясь к цели. Он вел себя как охотник, где джунглями выступали города, а дикими зверями служили их близкие родственники люди. На рожон он никогда не лез, памятуя об элементарных предосторожностях. Не лез он и сейчас, однако действовал гораздо оперативнее, нежели прежде. Он не терял время на излишнюю подготовку и продолжительное наблюдение за целью. Теперь он не видел в этом смысла. Долгой и счастливой жизни очевидно не ожидалось, а ее финал был заранее известен.

Снабженный списком от дьявола, стрелок не строил иллюзий насчет упомянутых людей. Дьявол узнал о них потому, что их знавал сам стрелок. Из многих других, конкретно этих он выбрал явно не наобум. Почему? Стрелок понятия не имел, а таким, как Люцифер, вопросов не задают. Ему надлежало выполнить поручение, и он его выполнял, не желая подвести ожидания сатаны. Одно он приметил однозначно — в списке праведников не значилось, хотя отношения стрелка это все равно особо не меняло.

Выйдя на парковку, щуплый посредник подошел к своей машине, чья стоимость не соответствовала его официальному заработку. Основным источником дохода служили исполнители и за-

казчики, которых он соединял между собой не без приличной выгоды для себя. Контракты предлагались довольно специфические, о которых органам правопорядка лучше было не знать. В той или иной степени, они всегда содержали элемент какого-то преступления. В чем бы ни заключалась работа, вопросов она не любила, как не любила морали и совести. Именно поэтому за нее серьезно и платили.

Кнопка на брелке открыла замок. Машина послушно мигнула фарами, но сесть в нее щуплый посредник не успел. Рядом послышался тихий шорох. Обернувшись, он увидел подошедшего человека. Одетый в джинсы и толстовку, тот натянул на голову капюшон, однако полностью лицо не скрывал. Камеры видеонаблюдения его не распознавали, однако посредник сразу понял, с кем имеет дело.

— Это ты? — удивленно спросил он. — Зачем ты здесь? Нам не стоит видеться на людях.

— У меня послание от Утренней звезды, — произнес стрелок.

— От кого? — опешил щуплый посредник.

— От Люцифера, — добавил стрелок, выводя руку из-за спины.

Тихо чихнул выстрел. Угодив прямо в сердце, пуля уложила цель на месте. Даже не охнув, щуплый посредник осел у машины, да так и остался сидеть, прислонившись к ее неоткрытой дверце. Его стекленеющие глаза недвижно смотрели куда-то в пространство. Крови словно и не было, поглощенной темным деловым костюмом и рубашкой. Убрав пистолет с глушителем, стрелок на парковке не задержался. Покинув ее через лестницу, он вышел с другой стороны здания и был таков.

Эффектная девица выглядела настоящей леди. Стильно одетая, с аккуратным макияжем и утонченными манерами, по-настоящему она раскрывалась только в приватной обстановке, где обрабатывала очередного порученного ей клиента. Проституткой она себя не считала, да в действительности и не была. Ей платили не за интимные услуги, а за тех, кем она занималась. Интим становился сопутствующим фактором, да и то если того требовали обстоятельства. Впрочем, требовали они часто, против чего девица не возражала. Сочетая работу с удовольствием, она неплохо обеспечивала свои потребности и ни о чем никогда не сожалела.

Мастер обольщения, девица завлекала почти кого угодно, выведывая секреты, опаивая клиентов или отвозя их, куда указывали. Что с ними было потом — ее не интересовало. Как правило, она их больше никогда не видела, если это не относилось к порученному делу.

— Что ты здесь забыл? — опешила она, припоминая знакомое ли-

цо.
Клуб был известным и дорогим. В отличие от дешевых заведений, где различные непотребства становились нормой, его дамская комната не предполагала появление мужчины, даже если девица его знала.
— У меня послание от Утренней звезды, — повторил стрелок все ту же фразу.
— Чего? — захлопала глазами девица.
— Тебе привет от Люцифера, — спуская курок, пояснил стрелок.

На красном, с поясом, платье кровь была не особо заметна. Так — в тон ему темное пятно, которое и растекалось не очень интенсивно. Дырка от пули тоже не очень выделялась. Упав навзничь, девица осталась лежать на полу, глядя невидящими глазами в потолок. На ее лице застыло удивление, а все еще теплая рука сжимала дамскую сумочку, из которой выкатилась помада. Тело по-прежнему выглядело как живое, но его душа уже была далеко. Спрятав оружие, стрелок вышел из уборной, заклинил замок и повесил на ручку двери табличку "Не работает". Затем, никем не замеченный, вышел из клуба, сел в такси и отправился в аэропорт.

Высокий посредник играл в гольф. Этот был особой персоной, выдававшей исключительно серьезные и конфиденциальные заказы. Очень серьезные и порой очень странные заказы, включая тот, который стрелок получил последним. Ему надлежало следить за указанным человеком, но убрать его только в том случае, если поступит условный сигнал. Необычной особенностью было специальное оружие, с непременным условием использовать для дела только его. Сигнал поступил, но убийства не произошло из-за вмешательства Люцифера. Стрелок не вдавался в подробности, зачем сатана прикрыл его цель, и чем он вообще занимался в тех краях. Как и прежде, он делал что велено, только на этот раз получал награду не деньгами, а душой.

Сценарий диктовала мизансцена. Это предполагало точные позиции и роли обязательных участников. Играя в гольф, высокий посредник дошел до нужной лунки, чтобы загнать в нее лежавший рядом мяч. Зазвонил смартфон, предназначенный для особых вызовов. Чертыхнувшись, посредник хотел проигнорировать его, но быстро понял, что нормального удара не получится. Сунув руку в карман, он достал смартфон и посмотрел на экран. Доселе нахмуренные от раздражения, его брови тут же полезли вверх. Судя по информационной строке, вызов поступал с телефона, владелец которого был мертв.

Ловушка это была, провокация или чья-то дурная шутка — не ответишь, не выяснишь. Так или иначе, звонок от мертвеца за-

служивал внимания.
— Слушаю, — поколебавшись, все-таки ответил посредник.
— У меня послание от Утренней звезды, — услышал он знакомый голос.
Поговаривали, что современные технологии умели подделывать не только звук, но и видео, однако в этом случае сомнения исключались. Голос несомненно принадлежал своему настоящему владельцу.
— Постой… Погоди минутку!.. — растерялся высокий посредник. — Разве ты не… Ты откуда звонишь?

Ответом был короткий свист, разрезавший воздух в какую-то секунду. Прилетев с возвышенности, он затих у лунки, куда так и не упал маленький мяч. Вместо него на газон упал игрок, чью белую жилетку заливало хлынувшей кровью. Угодив прямо в грудь, его навылет пробила пуля из снайперской винтовки.

Выронив сумку с клюшками, перепуганный кедди поднял крик, но на пустынном поле его едва ли кто-то слышал. Во всяком случае, не стрелок. Дежурно собрав винтовку, он упаковал ее так невозмутимо, как пекарь свежеиспеченные пирожки. Затем спустился с холма, пересек прогалину, сел в припаркованную машину, завел мотор и вскоре затерялся на оживленной магистрали. Список был большим, и дел у него оставалось невпроворот.

Агенты Люмениферус ни в кого не стреляли. Во всяком случае, на новой службе своей госпоже. Затея Люцифера оправдалась. Ей удалось завербовать целый отдел, решивший подчиняться по доброй воле. Ее светоносное влияние сказалось на них все тем же поразительным образом. Очарование развеялось, а пересмотренные взгляды на вещи остались. Помимо прочего, многие тут же отказались от дурных привычек. Лихой водитель больше никого не подрезал на дороге, склочная диспетчер перестала провоцировать скандалы, а грубый оперативник, любивший превышать полномочия, присмирел и начал вести себя куда корректнее. Узрев Люмениферус, услышав ее голос и наставления, люди желали измениться, что и выражалось даже в мелочах. Впрочем, не все. Оговорка Люцифера тоже сбылась.

По той или иной причине, примерно четверть агентов Люмениферус не вняла. Когда очарование развеялось, они повели себя достаточно красноречиво, чтобы стало ясно — на их лояльность рассчитывать не приходилось. Заранее к этому готовый, Люцифер тут же взял их в оборот. Решив довести эксперимент до конца, он обходился без стирания памяти. Он хотел проверить, как поведут себя люди, которые заведомо знают о Светоносной, но не желают

ее слушать; предпочитают держаться от нее подальше, выбирая нечто иное, нежели предложенный архангелом путь.

Отринувшие свет, неуверенные, либо слишком несостоятельные, чтобы последовать за ним, агенты подали в отставку. Подали все до единого, ибо в преображенном отделе им места уже не было. Выбора у них особо не оставалось. Владыка ада переговорил с ними лично, расписав весьма пугающие последствия неподчинения. Он же отправил их в длительное путешествие, где уволившиеся сотрудники очень долго не смогут связаться с внешним миром. Это Люмениферус как раз и не понравилось.

— Ты говорил, у людей будет добровольный выбор! — сердито напомнила она.

— Безусловно. Но я не могу оставить их здесь, пока мы не покончили с теми демонами, — пояснил Люцифер. — Не беспокойся, позднее я все улажу. Сейчас за ними присматривают мои служители. Они ни в чем не нуждаются, а позднее получат компенсацию.

Люмениферус не одобрила подход брата. Не так она рассчитывала повлиять на людей, чтобы одни остались с ней, а другие были высланы к черту на кулички. Люцифер хотел немедленно расширить ее штат, сначала поглотив весь филиал спецслужбы, а затем и региональный центр. Люмениферус отказалась наотрез. Стирая людям память, архангелы хотя бы возвращали их к нормальной жизни, а не ломали ее по своей прихоти. Люмениферус ясно дала понять, что такого не потерпит. Ограничившись отделом, на этом она и остановилась, к великому неудовольствию владыки ада. Уговоры и отсылки к необходимости не помогли. Люмениферус поставила условие, которое в данный момент он никак не мог принять. Он бы вообще никого не высылал, и уж тем более не удерживал, однако был вынужден так поступить.

Среди той части сотрудников, что не пошла за Светоносной, отыскался особенный агент. Сбросив очарование, он тут же попытался сообщить о ней тому, кому служил неофициально, и кого предпочел архангелу. Как говорится, нет худа без добра. Сохранение памяти имело свои преимущества. Сеанс этой связи не состоялся, зато Люцифер установил, с кем желал переговорить агент. Душа его была достаточно черна, чтобы отринуть свет Люмениферус, но в ней хватало полезной информации. Прежде Люцифер не знал, куда ведут его контакты. Одержимые и культисты там открыто не фигурировали, а проверять всех подряд возможным не представлялось. Теперь же агент выдал все самостоятельно. Оставив сестру командовать отделом, Люцифер отправился к своим служителям, чтобы скорректировать им задание.

Хоть и увлеченная новой ролью, Люмениферус не собиралась посвящать ей все время. Она и так задержалась в одном месте сверх всякой меры. Пока Люцифер носился туда-сюда, она занималась только агентами, которые в ее постоянном присутствии больше не нуждались. Агентами, причем, ее, но выполнявшими задание брата. Недовольная такой эксплуатацией, Люмениферус не стала его отменять, но сама почем зря с ними не сидела. Ворча на Люцифера, она проинструктировала своих людей и удалилась, ибо ей тоже было чем заняться.

Показав Михаилу девушку, едва живую от жизненных невзгод, Люмениферус и не думала тут же о ней забыть. Она приметила ее давно, лет еще с пяти. Тогда все было куда лучше, но время шло, и тягости посыпались на растущего ребенка как из рога изобилия. Инцидент с умершей собакой стал одним из последних. Самым же последним оказалось отчисление из учебного заведения. Не в состоянии разорваться, работая за гроши и вынужденно прогуливая, девушка осталась без диплома буквально за пару месяцев до выпуска. Небесная справедливость явила себя во всей красе, ломая жизнь ни в чем не повинному человеку. Возмущенная до глубины души, Люмениферус старалась, как могла, чтобы сгладить отцовскую любовь и милосердие. В ее представлении, эти чувства однозначно выглядели иначе.

Положительный сдвиг получился налицо. Девушке удалось покинуть родной дом. Без средств к существованию, она целиком и полностью зависела от пьющей матери, отношения с которой только усугублялись. Хорошенько расстаравшись, Люмениферус сумела свести ее с приличным молодым человеком. Девушка переехала к нему и больше не жила в нездоровой атмосфере, где ей причитались только нагоняи да обязанности, а все скромные доходы изымались. С одной стороны, такой переезд казался вынужденным, за невозможностью куда-то деваться. С другой, это было не выбором из двух зол, а реальным шансом уйти от объективно плохой жизни к более лучшей. Уж это Люмениферус обеспечила. Впрочем, не только она. Глядя на девушку, спокойно спавшую в своей кровати, она вдруг обнаружила рядом Михаила.

Появление этого брата всегда становилось для Люмениферус приятным сюрпризом. Прежде не баловавший вниманием, он все чаще приходил ее навестить, и отнюдь не просто так. С тех пор, как он протянул ей руку, Люмениферус ощущала его растущую симпатию, что очень даже радовало. Ощущала она и кое-что еще. Кое-что такое, чего она и добивалась, стараясь завоевать доверие и мысли Михаила.

— Я пришел рассказать, как помочь этой девушке, — сдержанно

пояснил он.
— Ты говорил, что это невозможно, — взволнованно напомнила Люмениферус.
— Невозможно для нас. Есть альтернативный путь, — помолчав, словно через силу произнес Михаил.

Люмениферус вся обратилась в слух. Момент был, что называется, исторический, ибо ни кто-нибудь, а сам Михаил решил ее научить, как обойти волю небес.
— Надо действовать через людей, — не стал он ходить вокруг да около. — Направляй к этой девушке тех, кто будет делать ей что-то за тебя. В отличие от нас, люди это смогут, хотя и на ограниченное время. Печать наказания будет пытаться вернуть все на круги своя.
— Например? — уточнила Люмениферус.
— Этой бедняжке дома жилось очень плохо. Я послал ей хорошего молодого человека. Теперь она живет у него, — пояснил Михаил.
— Ты послал?! — опешила Люмениферус. — Это же я их свела!
— Да, — невозмутимо кивнул Михаил. — Я немного подсобил тебе с кандидатурой. Только за ними надо присматривать, чтобы молодой человек не начал расплачиваться за нее. С такими наказаниями шутки плохи, так что будь предельно осторожна.

Разумеется, Люмениферус пожелала подробных разъяснений. Михаил не отказал. Сказав "А", он сказал и "Б", то есть обрисовал ей наглядные примеры от теории к практике. Люмениферус слушала очень внимательно, хотя узнавала не много нового. Она и сама уже следовала этой тактике, причем очень давно. К сожалению, тактика оказывалась не слишком эффективной. Михаил был абсолютно прав, когда говорил, что печать наказания будет пытаться все вернуть. Ни одно ухищрение Люмениферус долго не продержалось.

Послать хорошего человека — это было очевидным решением, но его следовало направлять. Сам по себе, он вряд ли мог сообразить, как совладать с обстоятельствами, о причине и силе которых даже не догадывался. Используя людей и события, Люмениферус пыталась облегчить девушке жизнь, причем давно и неоднократно.

Домашняя уборка кажется простой лишь тому, кто сам ей никогда не занимается. Она отнимает немало времени, требует серьезной физической нагрузки и своих специфических умений, без которых ее эффективность критически падает. В качестве подспорья тут любые средства хороши. Иные вещи кратно облегчают труд, заодно повышая его качество. Надрываясь за уборкой, хрупкая девушка теряла много сил, обходясь обычной тряпкой и

вeником. На большее ей рассчитывать не приходилось, и однажды Люмениферус передала ей пылесос. Не подарила, а именно передала, рассчитывая обойти воздействие печати. Не сама, разумеется, а через подходящего человека.

Пылесос считался очень хорошим, и девушке он серьезно помог. Тогда, лет восемь назад, она была еще девочкой, и очень ему обрадовалась. Уборка стала эффективнее и проще, а трудозатраты заметно сократились. Увы, продлилось это счастье недолго. Руками брата девочки, небесная справедливость вернула все на исходные места. Разобрав пылесос, брат потерял детали и превратил его в бесполезную груду хлама, ремонту уже не подлежащую. Наложенная на семью, печать наказания сработала семейным же образом.

Ситуация повторилась с игровой приставкой. Избегая подарков, Люмениферус смогла устроить такую девочке, чтобы разнообразить ее серую унылую жизнь. В ручном исполнении, приставка очень ей понравилась, с набором интересных и веселых игр. Говорят, будто черт под руку толкнул, однако именно небеса вторично использовали брата все с той же целью. Потеряв уникальное зарядное устройство, приставку он и вовсе сломал, да так, что ремонту она тоже не подлежала.

Еще примечательнее получилась история со смартфоном. На дорогой девушке вообще рассчитывать не приходилось. Она пользовалась таким, на какой хватило очень скромного семейного бюджета. Фактически, одним из худших, но даже это небесам показалось в избытке. Уже не впервые, смартфон вдребезги разбился, стараниями школьного хулигана. Хулиган ответственности не понес, как и типичная школа, где виновен всегда пострадавший. Справедливости там априори искать не приходилось. Девочка осталась без телефона, ибо купить что-то денег просто не было. Оценив ситуацию, Люмениферус послала того, кто подарил ей новый смартфон — действительно хороший, очень производительный и с множеством полезных функций. Девочка была счастлива, однако и это продлилось совсем недолго.

Смартфон не разбился. Его не украли, не испортили и не заблокировали. Ни много ни мало, его попросту забрала мать. Забрала чужой подарок у собственного ребенка, по той лишь простой причине, что он ей, видите ли, нужнее. Свой смартфон, едва работающий и с разбитым экраном, она взамен вручила дочке, начисто игнорируя, насколько такой поступок неприемлем и отвратителен. Семейная печать традиционно не подводила.

Даже стиральная машина — и та недолго прожила. Тут, формально, уже не было чьей-то прямой вины, да и стирала не только девочка, но и мать. Случай выглядел тривиальным. Бытовая тех-

ника, порой, ломалась, ибо в бренном мире ничто не вечно. Люмениферус, однако, не удивилась, что поломка произошла именно в этой семье. Ремонт оказался дорогостоящим, сравнимым с ценой нового изделия, а любые попытки исправить ситуацию к желаемому результату не приводили. Деньги уходили куда угодно, но только не на это. Иными словами, один раз печать стерпела стиральную машину, а второй раз обойти себя уже не дала. Кроме того, срабатывал общий принцип финансирования, который заведомо нивелировал усилия Люмениферус. Адресно направляя деньги, желаемого результата она никогда не получала.

По сути, любая подаренная вещь долго не служила, а то и вовсе не достигала цели. Это касалось и финансовых вливаний. Облегчить девочке жизнь получалось лишь на непродолжительный период. Едва она приходила домой, как любую помощь пожирала условная черная дыра. Хоть как-то поддержать ее получалось исключительно вне дома. Например, накормить, чтобы она не падала в голодный обморок, для чего подстраивалась оказия через друзей и знакомых. То же относилось и к приобретению личных вещей. Исподнее у девочки не забирали, равно как джинсы или теплую куртку, годившиеся только ей. Их она носила, что было особенно важно в холода, однако вещи быстро изнашивались, следуя неизменному курсу все той же печати. Увы, с этим Люмениферус уже ничего поделать не могла. Она лишь не опускала руки и не оставляла попыток помочь хотя бы иногда, стараясь хитрить и разнообразить свою тактику.

Расписывая варианты взаимодействия, Михаил, сам того не ведая, фактически озвучивал достижения Люмениферус. Вся разница заключалась в том, что он излагал теоретические примеры, в то время как она давно обкатала их на практике. Ничего принципиально нового Михаил не сообщал, и все же Люмениферус слушала, давая понять, насколько ценны его слова. Они и были ценными. По сути, Михаил впервые пошел против отца. Пошел по-настоящему, даже если сам этого не осознавал. Хоть и не напрямую, он наставлял сестру, как обойти его волю, помочь совершенно невинному человеку, которого бог использовал как часть наказания виновного.

— Запомни главное — эффект долго не длится, — подытожил Михаил. — Нужно постоянно присматривать, как идут дела. Стать неприметным ангелом-хранителем, а не случайным благодетелем. По возможности, менять источники, откуда приходит помощь. В противном случае может пострадать сам источник.

— Например? — обеспокоилась Люмениферус, хотя уже подозревала, что сейчас услышит.

Любой человек, вольно или невольно пошедший против печати, рисковал. Божья воля вмешательства не терпела. Благодаря свободе выбора, прямой запрет для небожителей к людям не применялся, однако неприкосновенности это ничуть не означало. Случайное доброе дело обычно оставалось безнаказанным, но целенаправленное редко обходилось без внимания. И без последствий.

За примерами далеко ходить не приходилось. Помогавшие девушке, люди, так или иначе, пострадали. Заметнее всего — те из них, кто делал это неоднократно и с завидным упорством. В божьих глазах, их добродетель превращались в злобное упрямство, граничившее с неповиновением. Пытаясь идти против печати, они обращали ее против себя, и чем дальше, тем значительнее. Невинный человек, виновный только в том, что помогал другому невинному человеку — такую справедливость изобрел отнюдь не дьявол. Ее можно и нужно было нивелировать, то есть восполнять хорошим людям понесенный ущерб.

Методика получалась непростой. Любое подспорье для девушки требовалось проводить руками третьих лиц, которым, в свою очередь, оказывать надлежащую поддержку. Самих же их почаще менять. Это позволяло вмешиваться, облегчая девушке жизнь, и одновременно не расплачиваться жизнями других. Задача представлялась нетривиальной, но только по человеческим понятиям. Для архангела она выглядела посильной, если он соглашался на роль настоящего хранителя. Одними случайными визитами тут было не отделаться.

Применительно к реалиям, Михаила заботила судьба молодого человека. Переехав к нему, девушка тем самым невольно поставила его под удар. Ведь переехала она из родительского дома, где на ней сказывалась печать, а не из какого-то другого места. Это была большая разница, и Михаила она очень беспокоила. Сознательно вмешавшись, он брал на себя всю полноту ответственности.

— Ты эту кашу заварила — изволь теперь не отступать. Приглядывай за обоими, — настоятельно рекомендовал он. — Я не знаю, как все отразится на парне. Может, и никак, но вряд ли. Там, где проявляется божий замысел, мое прогнозирование будущего сталкивается с непредсказуемостью. Наиболее вероятно, долго их отношения не продержатся. Печать будет стараться все разладить. Очень немногие способны противостоять ее воздействию. Настоящие святые, терпящие лишения ради кого-то другого.

— Я и не отступаю, — заметила Люмениферус. — Но мне не помешала бы помощь.

— Я приставлю к ним одного из ангелов. Вмешиваться он не ста-

нет, но будет докладывать мне обо всем, — предложил Михаил.
— Спасибо, — осветилась улыбкой Люмениферус.

Военачальник небес удалился не сразу. Складывалось ощущение, что визит к несчастной девушке он использовал как предлог. Наставляя сестру, он постепенно сместил разговор на Люцифера. Мол, как у них дела, и чем они вдвоем занимаются?
— Демонов гоняем, — не вдаваясь в подробности, похвасталась Люмениферус.
— И только? — усомнился Михаил. — Я засек довольно сильное излучение. Очень необычное даже для тебя.
— Н-ну… Я обратила к свету нескольких людей. Так, пару-тройку. Теперь они… М-м-м… добровольно слушаются меня, — не уверенная, стоит ли говорить, отозвалась Люмениферус.
— Что ты сказала?! — оторопел Михаил, хотя и сразу все прекрасно понял.
Люмениферус перефразировала, еще больше подозревая, что сболтнула лишнего. Впрочем, замалчивать особого смысла не было. Прецедент получился слишком яркий и вряд ли последний, а такого шила в мешке не утаишь. К тому же ничего преступного она не натворила, если не считать откровений для сознания людей.
— Феноменально! Значит, Люцифер был прав! — ошеломленно воскликнул Михаил.

Настал черед изумляться Люмениферус. Уцепившись за слова, она потребовала объяснений. По всему выходило, что для братьев ее новая способность не такая уж и новость.
— Это было там, в парке. Когда ты прогнала грабителей без всякого насилия. Люцифер еще тогда предположил, что твое воздействие изменилось; стало носить отнюдь не временный характер, — несколько смущенно пояснил Михаил. — Признаться, я ему не поверил. Я вообще не считал это возможным. На такое не способен даже он, первый архангел и ныне владыка ада, со всей его манией величия и мечтами о небесном троне. Даже не представляю, как он тебе завидует!
— Никак! — вырвалось у Люмениферус. — Я хорошо читаю любые чувства. Ваши в том числе. У Люцифера не было даже намека на зависть или что-то плохое.
— Ага. Значит, он участвовал, — сразу вычленил Михаил. — Не его ли это была идея?
— Ты против того, что люди следуют моим наставлениям? Говори здесь и сейчас, — тоже выразила свой акцент Люмениферус.

Прежде чем ответить, Михаил помолчал. По всему было видно, что услышанное произвело на него изрядное впечатление. Пауза объяснялась просто. Он еще не решил, как реагировать, и что

вообще с этим делать.
— Н-нет. Если ты действуешь во имя добра, — наконец, произнес он. — Обращение к свету можно лишь приветствовать. Цель разнится. Свет ведь всегда исходил и от Люцифера.
— Кажется, ты совсем не рад, — уловив эмоциональный фон, помрачнела Люмениферус.
— Не в этом дело, — честно сказал Михаил. — Если все так, как я думаю, твои способности огромны и чрезвычайно могущественны. По сути, это вообще считалось невозможным. Подобное происходило только при обращении самого бога. Именно поэтому он предпочитает лично с людьми не говорить. По его замыслу, им надлежит только верить, без прямого вмешательства.
— И тебе известно, что я с этим не согласна, — не удержалась Люмениферус. — Нельзя сделать выбор, если по-настоящему не знаешь, между чем выбираешь.
— Наш брат любит это повторять, — заметил Михаил. — Видимо, и тебя научил. Хотя я уже не уверен, кто из вас кого надоумил.

Люмениферус насторожилась, однако виду не подала. Последняя фраза Михаила прозвучала довольно двусмысленно, словно с неким намеком. Неужели догадался? Взаимная симпатия Светоносных ни для кого не была секретом, в отличие от совместных планов, а также путей их реализации.
— Твои речи мне оптимизма не внушают, — ловя эмоции брата, осторожно сказала Люмениферус. — Я не стану отказываться от своей способности, если найду ей надлежащее применение. Я не хочу тебе врать, так что имей это в виду. Человек, обладающий силой изменить мир к лучшему, но смиренно отрекающийся от нее — не мудрый святой, а слабовольный глупец. Уйти от ответственности, переложить ее на других и зарыть голову в песок гораздо проще. Архангелов это тоже касается.
— Возможно, ты и права. Сила дается не только для того, чтобы от нее отказывались. Ее надо уметь принять, — согласился Михаил. — Однако твой случай особенный. Она слишком огромна. На пару с Люцифером, вы уже воскрешаете людей. Если ты начнешь ТАК на них влиять — в совокупности это способно все перевернуть непредсказуемым образом. Сомневаюсь, что это входит в замысел отца.
— Тогда не стоило меня такой силой и наделять. Либо не все происходит по его воле. Одно из двух, — парировала Люмениферус.

Каковы бы ни были намерения Михаила, в ходе разговора с сестрой они явно изменились. Он пожелал увидеть обращенных ей людей. Отказывать ему было бессмысленно. При необходимости, с его возможностями военачальник небес быстро отыщет их и сам.

— Признаться, я жалею, что стал уделять тебе меньше внимания, — как бы оправдываясь за настойчивость, заверил Михаил. — Мы очень хорошо работали вместе. И я хочу это продолжить. Просто сейчас у меня очень срочные дела, требующие моего особого внимания.
Люмениферус уловила, что он не лгал. Впрочем, военачальник небес никогда не лгал. Он и впрямь сожалел, что надолго оставил сестру одну. Теперь она снова подпадала под влияние Люцифера, да еще тогда, когда в ней открылась настолько мощная феноменальная способность. Кто знает, что произойдет, если он воспользуется ей в своих интересах. Сестра станет влиять на людей, а он на сестру. Ничего себе упряжка получится! Нет, так дело не пойдет.
— Покажи мне своих поклонников, — пряча волнение за улыбкой, настоял Михаил.
Люмениферус не стала упрямиться и отвела его через пространство.

Кто работая, а кто отдыхая, агенты даже не догадывались, что их навестил еще один архангел. Михаил не показывался. Он лишь наблюдал, оценивая поведение людей и задавая вопросы Люмениферус. Затем попросил ее объявиться и поручить им сделать что-нибудь безобидное и простое. Люмениферус согласилась. Михаил внимательно смотрел, как они реагировали на его сестру. Он признал, что слепым подчинением здесь и не пахло. Он прекрасно знал, как Люмениферус очаровывала людей, заставляя выполнять любой свой приказ. В данном случае все было иначе. Похоже, агенты и впрямь слушались ее по доброй воле. Привыкший командовать, как военачальник небес Михаил это хорошо различал, хотя и не читал в душах и чувствах.
— Поразительно, — только и сказал он. — Постарайся своим даром не злоупотреблять. А еще лучше — держи меня в курсе, чтобы я не волновался.
— Я не против стать к тебе ближе, но не очутиться под твоим колпаком, — обрисовала разницу Люмениферус.
Михаил снова улыбнулся и снова промолчал. По его разумению, сестру следовало наставлять ему, а не Люциферу. Теперь еще больше, чем когда-либо.

Несколько угасшее, внимание Михаила несомненно всколыхнулось, чему Люмениферус искренне обрадовалась. Сближение с ним было основой всего замысла. Доверяя сестре, став ее наставником и близким другом, он будет более открыт и лоялен к ее идеям, заведомо отрицаемым из уст Люцифера. Прецедент с несчастной девушкой *уже* о многом говорил. Это было не начало и даже не прогресс — это был прорыв. Люмениферус добилась того, на

что Люциферу не хватило бы вечности. Михаил больше не считал отцовскую справедливость незыблемой и непогрешимой, и вносил в нее свои, пусть и небольшие, коррективы. Воодушевленная его наставлениями, Люмениферус отправилась внедрять их на практике. Михаил же засыпал ее советами совсем для другого. Спровадив сестру, он вернулся к ее адептам как обычный мужчина в черном костюме.

Углубленная проверка представлялась не лишней. До сих пор Михаила беспокоили только служители Люцифера. Настоящие служители, ибо типичные дьяволопоклонники угрозы не представляли. Зло они творили, однако локальное, присущее обычным людям, без развития во что-то большее. В отличие от них, люди Люцифера выполняли его подлинную волю, вызывавшую у Михаила те еще сомнения. До сих пор он ни в чем неприемлемом их не уличал, однако доверия уж точно не испытывал, только и ожидая чего-нибудь скверного. Теперь же к ним добавились и поклонники Люмениферус.

В сестре Михаил не сомневался, однако это не означало, что ее новый дар не выйдет боком. Благие намерения известно куда вели. Творческая и наивная, импульсивная и чувственная, Люмениферус могла наломать таких дров, какие Люциферу и не снились. Тут и оглянуться не успеешь, как люди пойдут за своей госпожой, которая и сама не будет понимать, куда их направляет. Как явление новое и неизученное, поклонники Люмениферус представлялись терра инкогнито с непредсказуемым поведением и последствиями.

Доступ в здание хорошо контролировался, однако появление Михаила никого не удивило. Способный управлять целыми звездами, документы и полномочия он изобразил атомарно идеально. Кроме того, его образ соответствовал амплуа, то есть секретному агенту, прибывшему по очень важному делу. Поклонники Люмениферус восприняли его довольно буднично. Их удивление проснулось лишь тогда, когда он закончил общие слова и внезапно заговорил про госпожу.

О таких вещах на каждом углу не рассуждали. Не доверяя чужаку, поначалу агенты все отрицали, хорошо разыгрывая речи и эмоции. Михаилу даже намекнули на визит к психиатру, пока он не сообщил такие детали, о которых обычный человек знать не мог. Люди вообще не знали про архангела Люмениферус, не говоря уже о служении ее светоносной сущности. Только тогда агенты признали в нем своего, позволив завязать более продуктивный разговор.

Разговаривая с поклонниками сестры, Михаил хотел узнать,

как их завербовали. Напрямую, разумеется, он ничего такого не заявил. Он подвел к тому, что собирает информацию, как люди реагируют на появление Люмениферус. Собирает непосредственно для нее. Мол, проводить опрос сама она не может, чтобы избежать заведомой субъективности.

— Красота. Я в жизни такой не видел. Я был потрясен. Готов исполнить ее любой приказ, — признался первый агент. — И тут я увидел ее подлинный облик. От него лился свет. Он озарил мою душу, полился сквозь нее. Он словно очистил мой разум, прежде пребывавший как во тьме. Госпожа спросила, хочу ли я служить ей. Я ответил "да". Я знал, кому отвечаю. Архангела я теперь ни с кем не спутаю. Я даже испугался, что она меня отвергнет. Тогда я вернусь обратно во тьму, а жизнь без этого света показалась мне ужасной. Я пообещал не делать зла, принять ее наставления и волю. И тогда она приняла меня.

Откровенность одного агента немедленно спровоцировала таковую других. Каждый навсегда запомнил момент, когда впервые увидел Люмениферус, и каждый находил это самым удивительным и ярким событием в своей жизни.

— У меня было примерно так же, — поддакнул второй агент. — Сначала неописуемый восторг, желание слепо подчиняться. Сделать что угодно, потому что прекрасная госпожа это приказала. Я был словно околдован. Вся моя воля сводилась к стремлению ей угодить. Потом наступило сознательное принятие. Я не был под гипнозом или какими-то чарами. Я сделал выбор, который она мне предлагала.

— Сознательное? — аккуратно уточнил Михаил, невольно впечатленный воздействием сестры.

Люмениферус давно очаровывала людей, но прежде Михаилу не доводилось расспрашивать их настолько подробно; старательно выяснять, что они испытали. Доселе это было как-то ни к чему, пока ситуация кардинально не изменилась.

— Да, — не колеблясь, подтвердила третий агент. — Разницу я почувствовала позднее. Восторженное подчинение было сначала. Затем госпожа ушла. Ее очарование развеялось, но свет остался. Он словно указал мне путь. Я его вижу, и забыть уже не могу. Я помню ее слова и не хочу от них отступать. Архангел просто так появляться не станет. Если я понадобилась госпоже — я хочу следовать за ней.

— Куда? — вырвалось у Михаила.

— Куда прикажет, — пожал плечами второй агент. — Такая, как она, дурного не поручит.

Задавая вопросы, Михаил получал все более подробные отве-

ты, однако картину они не очень проясняли. Точнее, проясняли, но не так однозначно, как ему хотелось. Он не мог определить наверняка, чем вызывалась преданность к Люмениферус — принудительным изменением личности или искренним преображением. Михаил ведь тоже являлся людям. Узнавая, кто он, многие желали ему служить, исполнить его волю, но Михаил не внушал ее необоримым очарованием. В этом и заключалась разница. Прежде подчинение сестре носило абсолютный, но временный характер. А ну как оно стало постоянным, и никакой свободой воли тут не пахло? Желая это установить, Михаил пустился в сложные расспросы.

Очарование Люмениферус имело побочный эффект. У людей, пребывавших в его власти, ухудшались умственные способности и память. Тоже, разумеется, временно, однако вполне заметно. Таковым был один из принципов мироздания. Только свободная воля обладала полной дееспособностью, а любое подчинение снижало их вплоть до критического минимума. Независимый гений становился противовесом недалекому рабу. Насильно мышление не озарялось и великие идеи не рождались. Зная про эту особенность, Михаил устроил агентам настоящий тест на сообразительность и интеллект.

Против всяких ожиданий, поклонники Люмениферус справились блестяще. Во всяком случае, достаточно для того, чтобы уверенно сделать вывод — их сознание ничто не затуманивало, а память работала без изъянов.

— Госпожа рассказывала вам что-нибудь о небесах? Об устройстве мира, о своих братьях? — не зная, что и думать, осведомился Михаил.

— А почему вы об этом спрашиваете? — устав от его странного поведения, насторожился первый агент.

Вопрос был очень даже по существу. Речи Михаила все больше обретали довольно специфический характер, не оставшийся без внимания.

— Это важно персонально для меня. Чтобы лишнего не сболтнуть, ибо лично я знаю от госпожи очень много, — вывернулся Михаил.

— Пока только вкратце. Что в мире многое не так, как принято считать, — удовлетворилась его объяснением третий агент. — Она обещала просветить нас позднее. Постепенно, по мере того, как мы станем к этому готовы.

— Следовательно, ее братьев вы не видели, — рассчитывая на возражение, вслух заключил Михаил.

— Видели, да не они, — раздался голос Люцифера. — Что, брат, опять ищешь черную кошку там, где ее нет?

Агенты не подозревали о присутствии владыки ада. Визуаль-

но, рядом стоял только Михаил, в образе мужчины в черном костюме. Люцифер оставался незримым и разговаривал с ним напрямую, из сознания в сознание.
— Значит, ты все-таки приложил к этому руку, — оценив его появление, помрачнел Михаил.
— Сам-то что здесь делаешь? Поразительная способность нашей сестры интересна мне так же, как и тебе, — отразил атаку Люцифер, не ожидавший, что брат заявится так скоро.
Он бы сюда не приходил, знай заранее, что наткнется на Михаила, а не Люмениферус. Вот же черт его принес!
— Как обычно, невинная овечка, — качнул головой Михаил.
— Идем со мной. Я покажу тебе тех, кто не принял свет нашей сестры, — предложил Люцифер. — Полагаю, наглядную разницу ты поймешь. Убедишься, что эти люди не под внушением. Ты ведь здесь за этим.

Вместо заготовленной тирады Михаил даже закряхтел. Искушение было слишком велико, и устоять он не сумел. В конце концов, здесь он уже выяснил достаточно, и вряд ли узнает что-то новое. Распрощавшись с агентами, он пообещал вернуться, если у госпожи останутся вопросы. Затем отошел в сторону, скрылся из глаз, а затем и в пространство, уйдя вслед за Люцифером.

Владыка ада не солгал. Как и Люмениферус, он отдавал себе отчет, что шила в мешке не утаишь. Пусть лучше Михаил узнает все из первоисточника, нежели получит впечатление другим путем. Тогда оно может оказаться весьма превратным, а тысячелетний опыт подсказывал, что потом его едва ли переубедишь.
— Вот они. Те, кто внимал нашей сестре, но повел себя иначе. Смотри. Слушай. Спрашивай, — повел рукой Люцифер, указывая на группу людей.

Расположенный в горах, древний монастырь находился в стороне от проторенных путей и был отличным убежищем от цивилизации. Обитали в нем отнюдь не монахи. Выкупленный и восстановленный, он использовался служителями Люцифера. Вдали от посторонних глаз, здесь они учились, осваивали тонкости колдовства, дарованного владыкой ада, и читали такие тексты, от которых даже современные религиозные иерархи заговорили бы о сожжении на костре. Они назвали бы это страшной ересью, чистейшим злом и чудовищным богохульством. Люцифер называл это просвещением, поскольку в его учении содержалась только правда.

Как правило, служители пребывали в монастыре одни, но иногда сюда попадали и другие люди. В данном случае, агенты, которые не пошли за Люмениферус. С нестертой памятью, их тре-

бовалось куда-то девать. Недолго думая, Люцифер отправил их в это убежище, где они находились под присмотром и продуктивным наблюдением. Сбегать отсюда было просто некуда, да и монастырь смахивал на тюрьму, вполне комфортную внутри, но неприступную по периметру.

Лишенные связи с внешним миром, на содержание пленники пожаловаться не могли. В монастыре было как в санатории с полным пансионом. Питание подавалось без излишеств, но разнообразное и качественное. Чистый горный воздух, тишина и покой способствовали отдыху, пускай и вынужденному. Прогулки, книги, спортивные тренажеры, кинозал и настольные игры вполне скрашивали время. Отношение к пленникам не вызывало нареканий. Служители вели себя с ними как с гостями, нашедшими приют под крышей их светоносного лорда.

Прибыв с Люцифером, Михаил застал пленников в просторной беседке. Усевшись на подушках, устилавших кресла и скамьи, они потягивали напитки и азартно резались в карты. Во избежание недовольства, им полагалась выплата за каждый день, проведенный в заключении. Компенсация была идеей Люцифера, не желавшего нагнетать напряжение. Тяга людей к свободе прекрасно нивелировалась материальными ценностями. Большинства из них, готовых за вознаграждение провести в тюрьме хоть половину жизни. Золото было наилучшей формой такового, неизменно производившее надлежащее впечатление. Настоящее золото, волей Люцифера воплощенное в монеты. Не придумав ничего умнее, пленники регулярно ставили их на кон.

Контингент подобрался разнородный, но примечательный. Пол, внешность и возраст отличались, однако у пленников прослеживалась общая тенденция, роднившая их отнюдь не физически. Читая в душах, Люцифер не удивлялся, почему эти люди не откликнулись на зов Люмениферус. Причинно-следственную связь он усматривал вполне отчетливую. Оставаясь невидимым, он поочередно рассказывал о них Михаилу. Также незримый, тот ничего не говорил, а лишь внимательно слушал и наблюдал.

Общая суть сводилась к одному. Души этих людей не желали идти к свету. Иных погубили суетные страсти, накопленные и развившиеся по мере лет. Другие отвернулись от него уже давно. Кто-то шел по кривой дорожке еще с юности, а некоторые не выдержали своих пороков в зрелом возрасте, поддались им уже в статусе агента. Как бы там ни было, свет Люмениферус отвергался не просто так. Чем чернее оказывалась душа, тем больше она его сторонилась.

Пошедшие за Светоносной, агенты тоже не были безгрешны-

ми. У кого-то больше, у кого-то меньше, дурных поступков хватало и у них, однако все имело свой предел. Такой, когда переступалась условная черта, а чаша весов склонялась в ярко выраженную сторону. Отяжелившись дурными делами, слишком запятнанная скверной, душа только к скверне уже и шла. Сделав выбор, она скрывалась во тьме как за ширмой, пряча свои намерения и пороки. Свет ее развеивал, выставляя все уродство напоказ, и душа отступала все дальше, бежала от него во мрак.

Как владыка ада, Люцифер прекрасно видел всю картину в целом. Он не упускал даже мельчайших, казавшихся незначительными деталей, однако обошелся без пространных описаний. Михаилу он пересказывал коротко и по существу. Не все адепты Люмениферус в данный момент заслуживали небес. Это зависело от их нынешних и будущих деяний. Они были обычными людьми, чьи души не очернились так, чтобы сторониться света. Узрев его и ощутив, они потянулись к нему интуитивно, но итог зависел только от них. Само по себе, индульгенции это не выдавало. С пленниками же ситуация выглядела однозначной. Умри они сейчас, то все до единого отправятся в ад. Шансов это изменить почти не оставалось, поскольку их испорченные, почерневшие и озлобленные души не приняли свет Люмениферус.

О мелких проступках не шло и речи. Пленников отягощали разные, но очень серьезные грехи, причем убийства отнюдь не считались самыми худшими. Иные деяния причиняли куда больше страданий, нежели лишение жизни. К примеру, один из этих людей оказался насильником, используя служебное положение для запугивания своих жертв. Физически, он никого не погубил, однако душа его настолько пала, что по-своему была хуже убийцы. Пользуясь стечением обстоятельств, заранее он свои деяния не планировал, но и останавливаться не собирался. И тем более раскаиваться.

Другой пленник практиковал домашнее насилие, не ограничиваясь простым рукоприкладством. Он не надругался над детьми, иначе Люцифер не выдержал и спалил бы его на месте, однако измывался над домочадцами как жестокий тиран. Это доставляло ему извращенное, основанное на собственных комплексах удовольствие. Он тоже не чувствовал вины. Он в принципе так жил, и отказываться от своего мировоззрения не собирался.

Еще один мздоимствовал, причем в особо скверной форме. Как агент, он на многое закрывал глаза, если за это хорошо платили. Речь шла не о пустяках в виде штрафов за парковку или нарушении общественного порядка. Он отлично знал, что покрывает большое зло, хотя по долгу службы да и просто по совести его сле-

довало пресекать. Он был гнилым и продажным человеком, который осознанно променял служение обществу на собственное преступное обогащение. Он уже не мог пойти за Светоносной. Его идеалы и ценности трансформировались так, что оказались с ней несовместимы.

В компании пленников нашелся и лжесвидетель, оговоривший даже не одного человека. Их судьбы были сломаны, чем Люцифер пообещал себе заняться. Агент же процветал, считался достойным гражданином и находился в спецслужбе на хорошем счету. Вот только душа его была черна. Такие поступки губили ее на корню, отравляя даже робкую попытку направиться к свету. Раскаяние могло бы его спасти, но в том проблема и заключалась, что угрызений совести он не испытывал. Его мораль допускала оговор и ложь, если те служили его расистским убеждениям и интересам.

Об одном из пленников Михаил аж слушать не пожелал. Точнее, он начал, но сказал Люциферу замолчать, когда тот стал описывать совершенно мерзкие извращения. Обычные шалости из фильмов для взрослых там и рядом не стояли. Михаил обошелся без подробностей, чтобы они не представали в его сознании красочным, по-архангельски живым и детализованным зрелищем. Чего и удивляться, что с такими выходками и фантазиями свет Люмениферус не воспринимался. Тут и без пояснений Люцифера было ясно, куда и почему подобные люди попадали.

На фоне остальных, самым безгрешным считался пленник, который жил двойной жизнью. В одной он был примерным семьянином и добропорядочным членом общества. В другой он не гнушался беспорядочных плотских связей, кутил, страдал азартными играми, и все глубже увязал в своих страстях. Чтобы оплачивать их и не попадаться, он ввязывался в сомнительные дела, лгал, жульничал, и даже повышение по службе получил за счет подделки документов. Свет Люмениферус он не отталкивал — он его избегал. Боялся, что ему воздадут по заслугам. Воздадут здесь и сейчас, а не когда-нибудь потом, отчего и оттягивал страшный момент расплаты. Вот у него, пожалуй, оставался шанс на исправление. Он не испортился настолько, чтобы отринуть свет. Ему лишь следовало осознать, что это его единственная надежда все изменить; что надо переломить себя и пойти к нему. Увы, озарить его этой истиной не хватило силы даже у Люмениферус, но у него еще оставалось время все обдумать.

Разыгрывая в карты кучки золота, пленники так и не узнали, кто и почему за ними наблюдал. Михаил передумал появляться и расспрашивать их в своем человеческом облике. Что нечасто случалось, он поверил Люциферу на слово, сопоставив его речи со

своими наблюдениями. Тот даже не утаил, что предстал перед узниками как владыка ада, пообещав суровое наказание, если они не станут держать язык за зубами. Не стирая им память, он прикрывал Люмениферус и одновременно придерживался чистоты эксперимента.
— Теперь доволен? — закончив ознакомительный обзор, осведомился Люцифер. — Наша сестра никому ничего не внушает. Ее голос звучит прямо в душах, озаряя их светом. Одни слушают ее добровольно. Другие добровольно же отталкивают. Так бывало и прежде, но касалось только бога. Уж нам ли не знать.
— Это меня и пугает, — очень серьезно ответил Михаил. — Если она обрела такую власть.

Ничуть себе не изменяя, Люцифер решил воспользоваться моментом. Он всегда стремился получить выгоду из любой, даже самой неожиданной и неприятной ситуации, и обычно ему это удавалось.
— Я пошел тебе навстречу и устроил эту экскурсию. Наглядно поведал про дар сестры и ничего не утаил. Надеюсь, и ты меня чем-то порадуешь. Новости есть? — выразительно сказал он, когда братья улетели за пределы монастыря.
Стоя на вершине горы, они обозревали завораживающие просторы, где сверкающие снега постепенно спускались к зеленевшей долине. Там, у журчавшей реки, паслись стада овец и тянула дымками очень живописная, по-природному естественная деревня. Озаренная солнцем, она мирно жила под куполом из небесной лазури, скрывавшей далекие созвездия и стелившиеся туманности космоса.
— Есть, — кивнул Михаил, сразу поняв, о чем вопрос. — Ты в курсе, чем занимаются твои архидемоны?
— А к исчезнувшим душам это какое имеет отношение? — выразил недоумение Люцифер.
— Возможно, самое прямое, — неторопливо отозвался Михаил.

Разгромленное и восстановленное, хранилище данных и впрямь играло очень важную роль. Потратив уйму сил и времени, Михаил наконец-то разобрался, какие сведения оно таило. Как оказалось, никакие. Применительно к его интересу, оно вообще не имело смысла. По этой причине одержимые и нанесли столь вопиющий удар. Подбиравшийся все ближе, Михаил просто не мог его не заметить. Уж слишком большой поднялся шум, как раз когда он распутывал ниточки от полковника. Он сделал те выводы, на которые демоны и рассчитывали. Полагая, что они пытаются замести следы, он сконцентрировал внимание на том, где их как

раз и не было.

Бросив ресурсы на ложную цель, Михаил автоматически упустил из виду настоящую. Установив, что его провели, он был вынужден начать сначала, в то время как демоны основательно подчистили концы. Теперь он с трудом определял, где подлинный след, а где поддельный. Любое важное событие маскировалось за множеством других, наслоившихся на него как снежный ком. Сойдя с различных вершин, информационная лавина погребла под собой очень многое, затерла и перемешала сведения до запутанной беспорядочной массы. Найти в ней что-нибудь оказалось непросто даже для архангела, который чем дальше, тем больше понимал — если он на что-то натыкался, с высокой вероятностью это был очередной отвлекающий маневр.

Смена тактики представлялась очевидной. Если противник рассчитывает, что ты поведешь себя естественно, поведение требовалось поменять на непредсказуемое. Михаил больше не следовал тем путем, который выглядел самым логичным. Он вообще прекратил активные действия, ограничиваясь пассивным наблюдением. Опираясь на дозорных ангелов, он посылал их для отвода глаз, а свое подлинное внимание ничем не выдавал. Ограничив контакты с миром смертных, он даже не встречался с Люмениферус или Люцифером. Он превратился в черный ящик, от которого не знаешь, чего ожидать. Такой подход выглядел не слишком эффективным, однако он тоже приносил плоды.

Разведка и аналитика делали свое дело. Михаил больше не занимался частностями. Изучая картину в целом, он исключал несомненные, регулярно предлагаемые ему провокации. Те плодились и множились. Аварии, нападения и пожары заметно изменили сводки новостей. Полиция фиксировала всплеск преступности. Пожарные и врачи ощущали рост чрезвычайных происшествий. Они не обошли и военных. Инциденты уровня хранилища не повторялись, однако более мелкие следовали один за другим. Михаил все это игнорировал. Не размениваясь на отдельные инциденты, он исходил из того, что кто-то ими управляет; отдает приказы, чтобы поднять побольше шума и в нем укрыться самому. Генерал не пойдет на передовую, где свистят снайперские пули и рвутся артиллерийские снаряды. Его командное укрытие куда надежнее, нежели окопный блиндаж, а все распоряжения передают вестовые и адъютанты. Следуя этому принципу, Михаил не искал на периферии. Он высматривал штаб, и обнаружил его не где-нибудь в уединенном горном бункере, а открытом и очень оживленном месте.

Пускай и не сразу, сведущий глаз угадывал присутствие ар-

хидемона. Огромное и многоярусное, состоявшее из целого комплекса зданий, министерство обороны функционировало днем и ночью. Бесчисленные комнаты и коридоры, лестницы, лифты и залы опутывало множество систем, начиная от кондиционирования и заканчивая новейшими средствами безопасности. Уходя под землю, они таили множество секретов, ибо для того и предназначались. Скрывая свои тайны, люди хорошо хранили их в этих стенах, если и допуская утечки, то намеренно. Исчадия ада поступали точно так же. Они прятались на виду, а все высокотехнологичные системы им в этом отлично помогали.

Рассчитанная на человека, техника становилась демонам очень полезным инструментом. Наука не могла доказать само их существование, не говоря уже о том, чтобы отследить и определить. Достижения цивилизации демоны использовали себе на пользу, заставляя людей видеть то, чего нет, и не замечать реально существующего. У них прекрасно это получалось, однако ангельское чутье работало иначе. Оно не зависело от запаха, уносимого системой вентиляции. Ему не требовались улики в виде отпечатков пальцев, анализы крови, фотографии в особом спектре или изощренные квантовые ловушки. Его не вводили в заблуждение поддельные видеозаписи, ошибки восприятия или преобразования материи в реальном времени. Чтобы почуять скверну, ангелу было достаточно хорошенько присмотреться. Особенно архангелу. Дозорные Михаила постарались на славу. Собрав их наблюдения воедино, он лично прибыл в министерство и неторопливо изучил его сверху донизу. Результаты не заставили себя ждать. Буквально под боком у людей, по их секретным подземельям и комнатам для совещаний разгуливал могущественный архидемон.

Появляться Михаил не спешил. Несмотря на соблазн, он по-прежнему ничем себя не выдавал. Наблюдение могло принести куда больше пользы, нежели очередной короткий и непродуктивный разговор. Исходя из опыта, он решил проследить, чем занимался архидемон, а не спрашивать об этом в лоб. Не применяя архангельскую силу, Михаил присматривал за ним издалека, чтобы не явить свою истинную сущность.

Поначалу Михаила удивляло, что архидемон не использует смертное тело. Узри его люди, они бы вскрикнули от ужаса. Присущее исключительно небожителям, сходство с человеком отсутствовало как таковое. Бог последовательно лепил их по своему образу и подобию, чего порождений тьмы ну никак не касалось. Все классические атрибуты были налицо, словно явившись из бредовых фантазий и ночных кошмаров. В известном смысле, так оно и было, ибо подобные наваждения пронзали сознание людей с неза-

памятных времен.

Тяжелые рога на широколобой голове, мощные когтистые ступни, кожистые крылья и ребристый торс были еще не самыми примечательными элементами. Тело архидемона воплощал огонь, горевший и в его глазах, но внутри притаилась, чадила из глазниц извечная тьма. Холодная и непроглядная, цепкая и всепожирающая, она затягивала в себя души как черная дыра, и не было из нее пути обратно. Архидемон лишь выглядел материальным, но эту неестественную материю создавала преисподняя. Законы мира смертных преодолевались его могуществом. Оно удерживало его в телесной форме. Оно же позволяло использовать свои силы. Обычным демонам требовалась одержимость, чтобы не витать черно-огненными клубами. Архидемон вполне обходился без нее. Понаблюдав за ним достаточно, Михаил догадался, для чего.

Оставаясь свободным, не скованным бренным телом, архидемон располагал особыми возможностями. Министерство обороны было важнейшим центром, где постоянно находилось, прибывало и убывало множество высокопоставленных военных. Пребывая на виду, одержимые зависели от законов физики, невидимыми не становились, летать не умели и через стены не проходили. В отличие от них, архидемон незримо успевал везде и всюду, не отягощенный материальными препятствиями. Удобство перемещения, способность оставаться невидимым он прямо обращал себе на пользу.

Пагубное влияние архидемона сказывалось повсеместно. Он внушал и наушничал, помещал в головы образы, гасил инициативы и порождал различные идеи. Он влиял на сознание, мешал независимо оценивать информацию. Какую-то он намеренно туманил, заставляя не придавать ей значение; иной наоборот — придавал наибольший приоритет, иногда разжигая настоящую паранойю. Стоя рядом с ледником, люди ощущали бы холод, но видели его и понимали, откуда тот идет. Архидемона они не замечали, в то время как от него исходила злоба, скверна и тьма. Вторгаясь в мысли, отравляя чувства, она воздействовала незримо, но уверенно, и сопротивляться ей получалось только у самых стойких.

Министерство обороны предполагало насилие, в том или ином его применении. Чтобы смущать умы, насаждать ненависть и сеять пагубные замыслы, лучшего места для архидемона и представить было сложно. Среди секретных планов и шпионских заговоров, интриг контрразведки и карьерных интересов, он чувствовал себя ненамного хуже, чем в аду. Здесь решались судьбы целых стран, превращались в разменные пешки жизни миллионов людей. Обличенные силой, высокопоставленные военные иной раз

начинали конфликт одним нажатием кнопки. Тут всегда жаждали крови и без архидемона. С ним же это желание устремлялось к своему апогею.

Внушая мысли, приглушая совесть и сострадание, архидемон добивался несравнимо большего, нежели прямо совращая души. Никакие контракты, никакие посулы не приносили ему столько, сколько здешняя богатая нива. Военные становились жертвами своих же страхов, убеждений и раздутых маний. Открытых для насилия, их даже излишне подталкивать не приходилось. Они видели врагов там, где их не было, подозревали коварство при полном его отсутствии и рвались применить силу без реальных на то оснований. Серьезную и разрушительную силу, способную внести изменения в карту мира. Они неплохо справлялись и сами, но и помощники у них очень даже были. Не полагаясь только на людей, архидемон прибегал к услугам обычных демонов.

Созданный явно не на днях, механизм был хорошо отлажен. Архидемон действовал не в одиночку. Административный аппарат оказывал ему надлежащее содействие. В разных званиях, на разных должностях и с разным уровнем допуска, в нем притаились одержимые. Они снабжали архидемона информацией. Они же направляли к нему нужных людей. Присутствуя на совещаниях, архидемон вносил в них свои коррективы. Он же обрабатывал военных, официально прибывавших в министерство по службе, но неофициально непосредственно к нему.

Продолжавшего наблюдать, Михаила все это очень обеспокоило. Припоминая доклады ангелов, он уже отмечал предпосылки к войне. Теперь они представали в новом свете, если очередной конфликт раздувался и подпитывался таким вот образом. Правда, в этом сценарии имелись и несоответствия. Хоть и очень сильный, один архидемон просто не мог спровоцировать войну мирового уровня, даже если очень этого хотел. Скорее, он просто был ее частью, ибо люди всегда находили повод для глобального смертоубийства. Процесс традиционно возник и развивался сам собой, а он лишь ускорял и раздувал его по мере возможности. Пользуясь настроем людей, он вносил в него свою лепту, умело направляя их на путь привычного саморазрушения. Эти выводы могли показаться допущением, но в их пользу говорили особые посетители.

Изрядно подкованный по части противника, военачальник небес хорошо замечал различных демонов. Падших ангелов он примечал и тем паче. Пока он осматривался в министерстве, двое из них навестили архидемона. О чем они говорили, Михаил не слышал. Не желая себя выдавать, он находился слишком далеко, однако такой визит наверняка носил отнюдь не светский харак-

тер. Уже сам по себе ничего хорошего он не предвещал. Как и архидемон, падшие ангелы по пустякам не объявлялись. Михаил узнал их в лицо, ибо некогда они все вместе обитали на небесах. Взяв их на заметку, он передал своим дозорным ряд приказов. Затем вернулся в рай и навел кое-какие справки.

Присущий каждому архангелу, уникальный дар принадлежал лишь ему. В совокупности, они как бы составляли силу бога, разделенную между старшими детьми в зависимости от их предназначения. Каждый был хорош не только в своем деле, но только в своем деле он не знал себе равных.

Самый первый и самый сильный, Утренняя звезда владел познанием душ, хотя на тот момент считал своим даром наивысшее могущество. Наивысшее после бога, что изменил полководческий талант Михаила. Огненный меч превозмог мощь Люцифера, врученный ему как военачальнику небес. Воин и целитель, Михаил совмещал две этих ипостаси. В первой он был непревзойден. Во второй он сравнивался с Люмениферус. Даруя жизнь, та творила ее везде и всюду, исцеляла что угодно, и даже воссоздавала тела с точностью до молекулы. Ее уникальным преимуществом были чувства, которые она видела насквозь у всех — без разницы, ангелов или людей.

По мере сил, лечить могли все архангелы, как и дублировать основные способности высших небожителей. Тот же Михаил изгонял болезни из целых городов, но применительно к одному человеку у Люмениферус это искусство достигало апогея. В душах при этом они не читали, и как Люцифер исцелять их не могли, зато все были крылатыми детекторами лжи. Во многом схожие, они превосходили других в чем-то своем, где кардинально, а где и полностью. Это заключалось не только в физических возможностях, воплощении могущества и взаимодействии с мирозданием. Помимо проецирования врожденной силы, не в последнюю очередь это касалось и знаний.

В сравнении с людьми, любой из архангелов был настоящим кладезем информации, ведая практически все и обо всем. При этом, в наивысшей степени, и уж тем более в человеческом восприятии, их знания отличались. Как и с уникальным даром, Люцифер, Михаил и Люмениферус специализировались каждый на своем. И тысячелетия спустя, они нередко открывали друг другу нечто новое, что доказывало пользу продуктивного и доверительного общения. Тем не менее, даже в совокупности они знали далеко не все. Этот дар принадлежал другому архангелу. Не читая в душах, новую жизнь он также не создавал и не претендовал на высший пост в военном деле. Его сила была в ином. Он единст-

венный ведал любым знанием, наделенным им от бога.

Наводя справки на небесах, Михаил делал это двумя способами. В первом фигурировал он сам, собирая сведения с помощью армии ангелов. Как правило, это позволяло ему иметь представление о любых событиях. Пропав из ада, душа не могла бесследно исчезнуть, как и другая, туда и вовсе не попавшая. Стараясь на совесть, Михаил использовал все свои возможности. Опросив приближенных, он изучил доступные ему источники, выдал поручения уйме ангелов и проанализировал огромный пласт информации. Безрезультатно. Ничего подобного в известной ему истории никогда не случалось. Тогда, и только тогда он прибег ко второму способу. Он обратился к всеведущему архангелу, что делал всегда, когда самостоятельно не получалось прояснить какой-либо вопрос.

Отказывать военачальнику небес было не принято. Восстание Люцифера осталось в прошлом, однако иерархия подчинения и могущества сохранилась. Приказы Михаила надлежало исполнять, ибо на небесах остались те, кто повиновался не размышляя и беспрекословно. Несмотря на превосходство, своим положением Михаил не злоупотреблял. По возможности, он не требовал, а просил, и тем более тогда, когда речь заходила о чем-то деликатном. Например, о загадке с пропавшими душами Люцифера. Болтать о ней не стоило, отчего прямые вопросы Михаил старался не задавать. К сожалению, деваться было некуда. Так ничего и не прояснив, он обратился к тому, кто мог ответить на любой вопрос.

— У тебя есть, что мне сказать? — скрывая волнение, осведомился Михаил. — Ты просил время на размышление.

— Да, — кивнул архангел Гавриил. — Я знаю ответ, хотя ума не приложу, зачем тебе это понадобилось.

Хоть и несомненное, всеведение Гавриила носило условный характер, с определенной и довольно значимой оговоркой. Даже оно не предполагало мгновенной и абсолютной осведомленности обо всем. Он не отвечал незамедлительно и на что угодно. Вселенская энциклопедия, он разделял свои знания на фундаментальные и динамические. К первым относилось устройство мироздания, его история и все природное взаимодействие. Вторые подразумевали поступки, мысли и следствия, возникавшие в ходе жизни. Фундаментальными, справочными знаниями Гавриил владел в совершенстве. Динамические, в том числе принципиально новые, проистекали из анализа. Выражаясь иначе, Гавриил разбирался во Вселенной не хуже бога, но не мог сообщить, что совершил какой-либо человек в отдельно взятый момент. Не мог сообщить сразу, ибо для этого ему требовалось время.

Динамическое знание вычислялось аналитикой, чья продол-

жительность зависела от сложности вопроса. Иной ответ не имел прямого и энциклопедически выведенного происхождения. Гавриил приходил к ним путем рассуждений, сопоставляя все известные ему данные. Это, в свою очередь, порождало новое утверждение, переходившее в разряд фундаментальных. Ближайшим примером выступала научная гипотеза, чье доказательство превращалось в реальный факт. Важная разница заключалась в том, что Гавриилу ничего доказывать не приходилось. Его слово приравнивалось к истине. Владея знанием от бога, он приходил к ней в соответствии со своим даром. Его откровения говорили о таком, чего никто другой знать не мог.

Вопрос Михаила относился к знанию динамическому. Готового ответа у Гавриила не было. Не отказав своему брату, он взял время на размышление, чтобы на основе законов мироздания сделать новый вывод, прежде никогда и нигде не фигурировавший. Этот вывод не имел ничего общего с предположением. Дар Гавриила не работал с допущениями. Единожды утвержденный, он означал реальность.

— Ты спрашивал, способна ли душа покинуть ад без ведения Люцифера, — как бы напоминая суть, неторопливо заговорил Гавриил. — Потом ты дополнил свой вопрос, возможна ли такая ситуация, когда заведомо проклятая душа в ад не попадает. Признаюсь, я был удивлен. Мне искренне непонятно, что вызвало столь нетривиальный интерес, однако это заинтриговало меня самого. Я люблю поразмыслить над сложными гипотетическими ситуациями. Что бы тобой ни движило, решение этой задачи доставило мне искреннее удовольствие.

— Гипотетическими? — уцепился Михаил.

— История не знает подобных прецедентов. Именно поэтому мне понадобилось время на размышление, — пояснил Гавриил. — Под гипотетическим я подразумеваю сам вопрос, на который у меня теперь есть ответ.

Возникшая пауза была естественной, в манере речи Гавриила. Он говорил раздельными монологами, чтобы дать время на их усвоение. Напомнив про вопрос, он ожидал, пока собеседник и сам припомнит все нюансы и обстоятельства. Михаилу, однако, это не требовалось. Последнее время он много думал о делах Люцифера, ни на мгновение не выпуская их из головы.

— Я слушаю, — с трудом сдержал он нетерпение.

— Да, такое возможно, — сообщил Гавриил.

Лаконичный ответ Михаила не устраивал. Он пожелал подробностей. Фактически, он и так это знал от надежного источника, то есть Люцифера. Теперь он убедился, что тот не сочинял, но

установленный факт не сопровождался объяснением. Иными словами, о самой такой возможности Михаил и Люцифер уже знали и без Гавриила. Они желали выяснить, КАК ИМЕННО это происходило. Сдерживая раздражение, Михаил выразил суть своего интереса, не сводившуюся к простому "да" или "нет".
— В следующий раз будь точнее в выражениях, — заметил Гавриил. — Корректнее задавай вопрос. Для тебя важна стратегия, а для меня четкость формулировок.

Хоть и недовольный, Михаил признал, что всеведущий брат совершенно прав. Не работая с домыслами, он в принципе исключал какие-то предположения. Какой вопрос — такой ответ, без всякой издевки и намеренных недомолвок. Скрывая причину интереса, Михаил был сам виноват, опасаясь спрашивать четко и по существу.
— Как этого достичь? — вынужденно уточнил он. — Раз это возможно, то каким образом?
— Мне надо подумать, — отозвался Гавриил.
— С чего бы вдруг?! Ты же уже подумал, раз дал ответ! — никак не ожидал такое услышать Михаил.
— Я дал его в общих чертах. О конкретных деталях речь не шла, — возразил Гавриил. — Здесь задействуются очень сильные и сложные материи, которые вообще пересекаться бы не должны. Я увидел истину в целом. Если ты желаешь подробностей, мне надо копнуть глубже. Теперь, когда мне известно, что это возможно, я размышляю иначе. Работаю не с гипотезой, а заведомо эффективными методами реализации. Надеюсь, ты понимаешь разницу. Люди изобрели электрический двигатель только после того, как открыли само электричество.

Да, разницу Михаил понимал. Не ему было учить Гавриила раскрывать вселенские истины. Гавриил ведь не учил его, как командовать небесным воинством, чтобы победить кого угодно.
— Ну хоть что-то ты можешь сказать прямо сейчас? — попросил Михаил. — О каких материях речь? Ты же на чем-то основывался.
— Я не люблю говорить наперед. Это порождает у собеседника ошибочные выводы и домыслы. Из них вырастают превратные толкования, ложные учения и полная ерунда. Мир смертных тому лучший пример, однако от подобных заблуждений не застрахованы и небожители, — помедлив, отозвался Гавриил. — Однако изволь, — сделав паузу, добавил он. — Другому я бы отказал, но ты наш архистратиг. Для тебя я сделаю исключение.

Михаил оценил слова всеведущего брата, что ему немедленно и выразил. Такое отношение тот и впрямь выказывал не каждому.
— Здесь фигурирует сама сущность ада. Он ведь существовал и до

Люцифера, — неторопливо, глядя куда-то в пространство, произнес Гавриил. — Он жил по своим правилам, подчинялся своим законам, пока его не возглавил наш падший брат. Таковым он и остался. Наш брат им правит, однако отнюдь не меняет. Он контролирует извечную тьму, но только потому, что сам к ней примкнул. По сути, ад функционирует и без него. Как правитель, он вносит в него свои прихоти и коррективы, подчиняет верховенству своей воли. Ад, при этом, остается тем же, чем и был. Что в нем существовало — оно никуда не делось. Даже Люцифер не в силах это изменить.
— Можно чуть яснее? — взмолился Михаил.
— До нашего брата власть в аду делили архидемоны, — смилостивился Гавриил. — Сделать такое с душами мог только кто-то из них. И явно не просто так. Должны быть условия и предпосылки. Точнее скажу, когда все обдумаю. И ты меня не торопи.

Память архангела никогда не подводила. В отличие от человеческой, она не зависела от клеток мозга и разрушению не подвергалась. Компьютерные уязвимости на нее также не распространялись. С течением лет она ничего не забывала и не утрачивала, равно как в ней не образовывались ошибки и ложные воспоминания. Стоя на горной вершине, Михаил по-прежнему слышал Гавриила так, будто только что с ним переговорил. Люцифер, разумеется, об этом не догадывался. Он рассчитывал получить от Михаила информацию, в то время как сам Михаил желал выудить кое-что из него.
— При чем тут архидемоны? — все больше недоумевая, повторил Люцифер. — Какая разница, чем они заняты?
— Вот это мы с тобой сейчас и выясним, — предложил Михаил.
— Ты это о чем? — насторожился Люцифер.
— Идем со мной, брат, — очень твердо, как-то совсем не просительно позвал Михаил. — Ты устроил мне свою экскурсию. Теперь я устрою тебе свою.

В министерстве обороны царила привычная деловая суета. Военные и штатские, сотрудники не только работали в своих офисах, но и оживленно сновали по делам. Трезвонили телефоны. Гудя механизмами, отпечатывали тонны документов принтеры и копировальные аппараты. Звук многочисленных шагов смешивался с людским говором. Шуршали и хлопали двери. Впуская и выпуская пассажиров, мелодично распахивались лифты. Посетители прибывали и убывали. В звукоизолированных комнатах проводились бесконечные презентации, встречи и совещания. Моргая индикаторами, компьютеры обрабатывали огромные потоки поступав-

шей информации. Они же отправляли ее во все стороны света, через наземные сети, спутники и даже устаревшие аналоговые коммуникации.

Пронизывая комплекс зданий, системы безопасности отслеживали каждое движение. Войдя в министерство, любой человек уже не оставался без их внимания. Рассредоточенная по постам, вооруженная охрана не дремала, обеспечивая допуск и порядок. Объективы видеокамер, сенсоры и датчики контролировали каждый квадратный дюйм, исключая враждебное действие или незаконное проникновение. Казалось, ничто не могло оставаться на таком объекте незамеченным, но архидемона, разумеется, это не касалось. Как часть делового оживления, он тоже без дела не сидел, однако его присутствие было незримым для людей и любых их технических ухищрений. Его перемещения не улавливала ни одна аппаратура. Целенаправленно и быстро, он спокойно миновал бдительную охрану, а она об этом даже не догадывалась. Пребывая среди людей, он был недоступен для их сознания и взора, и при этом ни на мгновение не прекращал свою вредоносную деятельность.

Очередная встреча требовала личного присутствия архидемона. Созванные по важному вопросу, на нее прибывали высокопоставленные офицеры. Заместитель министра обороны появился раньше всех. Его архидемон обработал предварительно и особо, внушив надлежащие мысли и настрой. С ним он провел немало времени в отдельном кабинете. С ним же он направился прямо в зал, где собирались все вызванные чины. Заместитель министра туда дошел, архидемон нет. Пространственный переход оказался недоступен, скованный чьей-то очень могущественной волей, а физические препятствия непреодолимы. Системы безопасности по-прежнему ничего не замечали, зато архидемон узрел сразу двух архангелов.

Появление владыки ада могло объясняться разными причинами. Что бы они ни сулили, его архидемон видел регулярно и с незапамятных времен, так что сама по себе такая встреча не особо удивляла. Иерарх преисподней вполне обыденно удостоился внимания верховного правителя. Другое дело визит Михаила. Вот он уже точно ничего хорошего не означал. Военачальник небес с демонами не церемонился и отношений с ними не заводил. Если он объявлялся, то явно не для светской беседы или обсуждения давно минувших дней. Со времен восстания на небесах, демонов он совсем не жаловал. Специально он за ними не гонялся, но в случае чего пощады от него ждать не приходилось. С огненным мечом, он представлял наивысшую угрозу, которую вряд ли смяг-

чит присутствие Люцифера. Скорее наоборот — усилит, поскольку их появление вдвоем было очевидно не случайным.

Побег исключался, за отсутствием смысла и самой возможности такового. Архангелы блокировали пространственный переход. Кроме того, огненный меч становился непреодолимым аргументом. Покинув ножны, он мог в любой момент повлиять на законы мироздания. Сохраняя спокойствие, архидемон отреагировал на ситуацию так, словно ее ожидал.

— Чем обязан такой чести? — полыхнув огнем в глазах, коротко осведомился он.

— Что ты здесь делаешь? — делая Люциферу знак, холодно осведомился Михаил.

Уже готовый заговорить, владыка ада промолчал. Буравя архидемона взглядом, он оставил инициативу на усмотрение брата. Он тоже желал узнать, какая нелегкая занесла иерарха в это министерство, но устами Михаила это получалось лучше. Ввиду истории с предательством, ситуация выглядела неоднозначной. Позвав его сюда, Михаил преследовал какую-то цель, и прямо сейчас он собирался ее предъявить.

— Мои дела никого не касаются. Я отчитываюсь только перед своим лордом, — без вызова в голосе, но при этом нарочито твердо ответил архидемон.

— Вот как? — на удивление, даже и бровью не повел Михаил. — Так он здесь. Изложи, что к чему. Если он, конечно, не в курсе.

— Если велит мой лорд, — с прежней интонацией заявил архидемон.

Обращенный на Люцифера, взгляд Михаила стал предельно красноречивым. Архидемон ясно выразил свою позицию, то ли не убоявшись огненного меча, то ли рассчитывая на поддержку своего властелина. Возможно, он тем самым выслуживался и выказывал лояльность, давая понять, что даже военачальнику небес его не сломить. Как бы там ни было, он отказывался говорить, если на то не поступит распоряжение свыше.

— Выкладывай, — приказал Люцифер.

— Раздуваю войну. Люди к ней уже готовы. Им надо переименовать министерство обороны в министерство войны. Для ее разжигателей так будет куда точнее. Их остается только подтолкнуть, — коротко изложил архидемон. — Созданная мной, сеть работает безукоризненно. Я внушаю генералам планы, направляю стратегические замыслы. Демоны на местах обеспечивают их реализацию на практике.

Оставаясь величественно суровым, Михаил не выразил иных эмоций, словно не услышал ничего особенного. Его лицо напоми-

нало камень с застывшим на нем неизменным выражением. Только взор потяжелел.
— Как это понимать?! — опешил Люцифер. — Что ты такое несешь?!
— По моим подсчетам, в ближайшей перспективе это унесет миллионы жизней, — продолжил архидемон. — Если конфликт удастся раздуть, мы разрушим три страны, и тогда счет пойдет на десятки миллионов. В совокупности, разумеется, с учетом последствий.

Уставившись на архидемона, Люцифер не верил своим ушам. Он ожидал услышать многое, но только не такое, причем в присутствии брата и прямо в лоб.
— Справедливость, да, — ледяным тоном обронил Михаил.
Его намек был понятнее некуда, адресуясь речам Утренней звезды про порядки небес, судьбу человечества и устройство мира.
— Как ты посмел?! — потемнел Люцифер. — Я же запретил вмешиваться подобным образом!
— Прости, мой лорд, но я лишь исполняю твои приказы, — к его полнейшей неожиданности, заявил архидемон. — Сожалею, если я в чем-то нарушил твою волю.

На лице Михаила появилась нехорошая усмешка. На брата он не смотрел, однако тяжесть его взгляда давила вселенским образом.
— Я правильно понимаю, что речь идет о неугодных? — негромко уточнил он. — Видимо, твой новый мир предназначен только для избранных, вроде служителей и принявших учение властелина ада. Остальных в расход.
Повернув к нему голову, Люцифер хотел было возразить, и будто застыл. Все происходящее показалось ему кошмаром, иррациональным сбоем бытия. Пространство заколыхалось как мираж, словно порождая параллельную реальность и тут же исправляя ее квантовые сдвиги. Удар был настолько внезапным, что Люцифер ненадолго онемел. Всегда такие точные и расчетливые, его завихрившиеся мысли расщепились и исказились словно материя, пожираемая притяжением черной дыры.
— Ты лжешь! — приходя в себя, взъярился Люцифер. — Ты лжешь мне прямо в глаза! — раскрывая крылья, осветился он.

Прорываясь на волю, эмоции могущественного архангела воплощались в физические явления. Послышался сердитый, исходивший из пространства гул. Свет повсеместно заморгал. Здания министерства мелко задрожали, звеня стеклами и стуча металлом. По столам покатились ручки и карандаши, на пол посыпались мелкие предметы. Отовсюду раздались испуганные возгласы. Люди

вообразили, что началось землетрясение. Тревожно зазвенели звонки, объявляя общую эвакуацию. Высыпая в коридоры, сотрудники и гости поспешили к лестницам, стремясь как можно быстрее оказаться на улице.

Возникла изрядная толчея, однако сияния Люцифера никто не видел. Оставаясь незримым, он обратил его только на архидемона. Все больше разъяряясь, он пошел прямо на него, теряя всякое самообладание. Гнев застилал ему разум и глаза, сиявшие слепящей белизной. Еще мгновение — и Люцифер испепелил бы архидемона на месте, не помешай ему в этом Михаил.

— Избавишься от свидетеля — на мою помощь можешь не рассчитывать, — жестко предупредил он.

Уже готовый покарать, Люцифер остановился. Слова Михаила проникли в его сознание отрезвляющей волной. Уничтожить архидемона сейчас означало признать, что тот сказал правду. В обратное Михаил уже просто не поверит.

— Он лжет! — насилу сдержавшись, унял свое сияние Люцифер. — Таких приказов я никогда не отдавал!

— Никогда? — выразительно подчеркнул Михаил.

— ДАВНО не отдавал. И больше не собираюсь, — поправился Люцифер, не отрицая свои деяния на заре человечества.

— Допустим. Но если он лжет, это означает, что он намеренно тебя оговорил, — констатировал Михаил. — Надеюсь, ты понимаешь, насколько мне в это не верится?

— Мне тоже! — вырвалось у Люцифера.

Ситуация начинала проясняться. Масштабы измены тут же выросли в сознании до пугающих размеров. Один из мятежников стоял прямо перед владыкой ада, и это был ни кто-нибудь, а один из иерархов. Обуздывая гнев, Люцифер немедленно взял бы его в оборот, однако столкнулся с непредвиденным препятствием. Оно заключалась в том, что защитником архидемона стал Михаил. Разумеется, невольным, однако легче от этого не становилось.

— Даю последний шанс! — грозно заявил Люцифер. — Ты оклеветал меня в глазах брата! Признай, что действовал по своей инициативе! Иначе снисхождения не будет!

— Ты мой лорд. Если ты велишь, я признаю что угодно, — покладисто отозвался архидемон.

Хуже ответа и представить было трудно. Сделав такое заявление, архидемон прямо дал понять, что его слова ничего не стоят. Выразив повиновение Люциферу, он прикрывал одну ложь другой, что не позволяло определить, в чем именно он солгал. С этого момента любое его признание заведомо обесценивалось. Архангелы улавливали правду в словах людей. На сущности небес и пре-

исподней их детектор лжи не распространялся.
— Это ты зря, — осознав всю хитрость, только и сказал Люцифер. — Такого я уже не прощу.
— К твоим ангелам это тоже относится? — словно невзначай осведомился Михаил.
— Ты это о чем? — не понял Люцифер.
— Здесь было двое. Они с ним встречались, — пояснил Михаил, мысленно передавая образы и имена.

Одно шокирующее известие следовало за другим. Уяснив, о чем толкует брат, Люцифер вторично испытал прилив оглушающего гнева. Он не стал интересоваться, так это или нет. Архидемону веры уже не было, а в словах Михаила он сейчас не сомневался.
— Ко мне! Немедленно! — громыхнул он в пространство, адресуя этот посыл вполне конкретным лицам.

В отличие от демонов, падшие ангелы свободно пребывали в мире смертных. Им не требовались человеческие тела и особые условия для появления. Зов владыки ада пронзал мироздание, достигая их везде и всюду. Не услышать его они не могли. Игнорировать его не стоило. Они и не стали. На мгновение снятые архангелами, пространственные оковы позволили им прибыть. Один за другим, оба появились рядом, чуть в стороне, и тоже незримые для техники и людей.
— Слушаю, — сказал первый падший, воззрившись на Люцифера.
— О, ты не один, — потемнев при виде Михаила, процедил второй.

Братское общение только на братьев и распространялось. Хоть и по разные стороны, архангелы поддерживали контакт, в той или иной его приемлемой степени. Они периодически встречались, но падшие ангелы не желали видеть того, кто низверг их с небес. К его покладистой рати это тоже относилось.
— Что у вас за дела с этим… провокатором?! — опустив слово "изменник", грозно вопросил Люцифер. — Предупреждаю! Не вздумайте мне солгать!
— Нам не хотелось бы говорить об этом в присутствии посторонних, — покосившись на Михаила, замялся первый падший ангел.
— Это не для чужих ушей, — негромко подтвердил второй.
— Говорите немедленно! Или я за себя не ручаюсь! — содрогнув все здание, громыхнул Люцифер.
— Хорошо. Если такова твоя воля, — не стал упираться первый падший ангел.
— Мы думаем, что этот архидемон тебя предает, — огорошил второй.

История с мятежом была слишком щекотливой, чтобы предавать ее огласке. Люцифер скрывал ее даже от Люмениферус, а те-

перь предоставил пищу для размышлений не кому-нибудь, а Михаилу. Он уже пожалел, что приказал падшим ангелам высказаться, и быстро соображал, как следует поступить. С одной стороны, их слова оправдывали его в глазах Михаила, что в данных обстоятельствах было несомненным плюсом. С другой, открыто подмывало авторитет, как бесспорного и всесильного правителя.

— На чем основаны ваши утверждения? — соображая на ходу, сдержанно осведомился Люцифер.

— Мы не утверждаем, мы подозреваем, — поправил второй падший ангел.

— Его планы расходятся с заявлениями, — пояснил первый. — В его воплощении, война пользы тебе не принесет. Он утверждал, что подчиняет людей ради того, чтобы они тебе служили. На деле он преследует собственные интересы. Он хочет как можно больше смертей, чтобы за их счет упрочить свое положение в аду.

Люцифер мысленно выругался. В преисподней царили свои извечные законы, хотел того ее правитель или нет. Свершение зла действительно придавало веса архидемонам, ибо их могущество на том и базировалось. Чем больше они творили всяких бед, тем сильнее и авторитетнее становились. Изводя человечество, каждый неизменно получал свое, и теперь выходило, что Люцифер как минимум этому попустительствовал. Упомянутая вербовка, при этом, его ничуть не оправдывала, а делала только хуже. Сначала он пожалел, что велел соратникам откровенничать. Теперь они еще больше осложнили ситуацию.

— Не находишь, что лучше звучать не стало? — немедленно это подтверждая, обронил Михаил. — Послушная армия на безобидных помощников не тянет.

Люцифер очень даже находил. Проблема заключалась в том, что падшим ангелам ему нечего было предъявить. Если они говорили правду, обвинить их во лжи ну никак не получалось.

Мятежник вполне мог утверждать нечто подобное, без всяких оснований в этом усомниться. В аду было не принято удостоверять любое действие у его властелина, да и не только там, а вообще везде. Ни один чиновник не станет всякий раз запрашивать одобрение президента. Ни один офицер не побежит проверять правомочность каждого приказа непосредственно у главнокомандующего. Как и многие другие, падшие ангелы были осведомлены, что Утренняя звезда заводит себе служителей. Если архидемон заявлял, что вербует для него людей, усомниться в нем оснований просто не было. Положение иерарха предполагало определенные полномочия и возможности.

— Я не велел ему никого вербовать. Я вообще ничего ему не велел.

Он здесь по своей инициативе, — мрачно произнес Люцифер.
— Ого. Получается, он и впрямь не следовал твоей воле? — недобро удивился первый падший ангел.
— Не считай нас причастными за то, что мы ему помогали. Мы не знали. Ты же с нами свои планы не обсуждаешь, — упредил гнев своего лорда второй.

Возразить было особо нечего. Бывший соратник по восстанию сказал сущую правду. Люцифер и впрямь никого о своих замыслах не извещал. Что бы он ни делал, какие бы решения ни принимал, он не должен никому ничего объяснять. Он — владыка, а остальным надлежит принимать его волю и повиноваться. Это и вылилось в обратную сторону медали. Если архидемон заявлял, что вербует ему сторонников — с чего бы падшим ангелам усомниться? Он ведь не простая сошка, и наверняка имел основания так говорить. До некоторых пор, мятеж против Утренней звезды считал невозможным сам Утренняя звезда.

Это была настоящая вселенская ирония. Некогда Люцифер упрекал бога за то, что тот не посвящал его в свои замыслы. Теперь он оказался в схожей ситуации.
— У нас и мысли не возникло спросить тебя о его полномочиях. Кроме того, ты ненавидишь, когда тебя тревожат по пустякам. Ты сам говорил, что не желаешь лично заниматься каждой мелочью. Мол, для чего тогда остальные нужны, — сыпанул соли на рану первый падший ангел.
— Мы подозревали, что он изменяет твоей воле, но не знали, что настолько, — добавил туда перцу второй.

Под взглядом Михаила, и не думавшего просветлеть, Люцифер чувствовал себя очень неуютно. Дела в аду, безусловно, касались только его правителя, однако не тогда, когда этот правитель пытается уверить военачальника небес в своем преображении. Уверить и склонить на свою сторону уже несколько веков.
— В чем вы ему помогали? — припоминая сказанное, уточнил Люцифер.
— Разные поручения, якобы в соответствии с твоими пожеланиями. Тогда мы и заметили, что у него концы с концами не сходятся, — обрисовал второй падший ангел.
— Мы бы сообщили тебе, но еще не были уверены. Поэтому и продолжали ему помогать, — добавил первый.
— Они лгут, — ко всеобщей неожиданности, глухо подал голос архидемон.

Доселе молчавший, иерарх преисподней только слушал падших ангелов и архангелов. Он сказал достаточно, и с гневом Люцифера шутить не стоило. Теперь же он внезапно заговорил, слов-

но не выдержал таких речей.
— Придержи язык, притворщик! Я тебя не спрашивал! — тут же закипая, вскинулся Люцифер.
— И напрасно, — прогудел архидемон. — Это не они выполняли мои поручения, а наоборот. Я следовал их указаниям.
— Что ты сказал? — обомлел Люцифер.
— Предатель! Обманщик! — изменившись в лице, вскричали падшие ангелы. — Ты смеешь обвинять в своем проступке нас?! Клеветать перед лицом нашего лорда?!
— Если придется отвечать, я не буду брать вашу вину на себя, — мрачно отрезал архидемон.
— Мне кажется, в твоем департаменте бардак, — не удержавшись, едко заметил брату Михаил.

Пощечина и то прозвучала бы менее звонко. Перед лицом военачальника небес творились какие-то невообразимые, неприемлемые и даже позорные разборки. Люцифер ощутил, что вот-вот разразится опаснейший скандал. Тот самый, которого он пытался избежать, и который теперь, по своей же инициативе, умудрялся делать достоянием общественности. Сюда, конечно, его привел Михаил, однако его сговор с архидемоном и падшими ангелами исключался. Да, прежде Люцифер не верил и в мятеж, но это были вещи совершенно разного порядка. Михаил не мог договориться с этой компанией точно так же, как и бог передать свой трон опальному сыну.
— Молчать! Всем молчать! — грохотнул Люцифер, снова содрогая министерство, и на сей раз полностью вырубая электричество.

Светоносного архангела давно до такого состояния не доводили. Электромагнитное возмущение вывело из строя всю энергетику, с чем не сразу справились резервные источники питания. Погруженное во тьму, здание озарялось изнутри многочисленными, блуждающими и словно призрачными голубыми вспышками. Вот это люди уже видели. Выбежав наружу, они только испуганно ахали, наблюдая нечто явно неладное.
— Если ты меня не выслушаешь, произойдет непоправимое, — осмелился подать голос архидемон.
— Выслушаю. Позднее. Когда предам тебя своему суду, — сжимая пальцы в кулак, грозно поставил точку Люцифер.

Выразительный жест был сделан не для красоты. Архидемон онемел. Он остался цел, но говорить уже не мог, пока его сковывала воля владыки преисподней. Тому надоела эта дикая сцена, и особенно в присутствии Михаила.
— Заберите его в ад, заприте и держите под наблюдением! — приказал падшим ангелам Люцифер. — Сами от него ни на шаг!

— Надеюсь, ты ему не поверил? — озабоченно уточнил второй падший ангел. — Спасая себя, он пытается нас оболгать.
— Поверил бы, не велел бы его сторожить! — резко заявил Люцифер. — Исполнять! Живо! Отвечаете за него головой!

Тянуть резину не стоило. Владыка ада был на грани разрушительного вымещения ярости. Падшие ангелы кивнули. Подхватив архидемона, они расправили крылья и тут же исчезли с ним в пространстве. Михаил им не препятствовал. Сняв оковы, он позволил завершиться этой небывалой сцене.
— Я надеюсь, ты никому на слово не поверил? — вторя бывшему небожителю, произнес он.
— Нет. Пусть приглядывают друг за другом. В аду им от меня никуда не деться, — хмуро пояснил Люцифер. — Там и разберемся.
— Ты понимаешь, что и тебе у меня нет оснований верить? — прищурился Михаил.
— Именно поэтому будет суд. Полноценное разбирательство. Иначе я уже устроил бы ту еще инквизицию с надлежащим приговором. Ты сам меня остановил, — несколько поостыв, ответил Люцифер. — Однако и у меня есть вопрос. Ты зачем меня сюда позвал? Твой сговор с этой троицей исключается, но тогда какую цель ты преследовал? Ты увязал это с моей проблемой пропавших душ, однако вместо ее решения я напоролся на провокацию и скандал.
— Да, это хороший вопрос, — как-то странно отозвался Михаил.

Полученные от Гавриила, сведения о пропавших душах меняли все представление о происходящем. Приняв их во внимание, Михаил скорректировал свою тактику. Обнаружив архидемона, он расценивал ситуацию в новом свете, применительно к загадке с душами и общей деятельности Люцифера. Столкнув их лбами, он заведомо не предполагал, к чему это приведет. Он хотел посмотреть на реакцию, в ходе которой рассчитывал что-нибудь прояснить. Именно поэтому он не вмешивался и наблюдал, никого не отпуская, но позволяя появляться.

Выводы получались смешанные. Либо Люцифер и впрямь не знал, что злоумышляет один из высших иерархов ада, либо он все предвидел и провел Михаила, позволив устроить эту встречу и мастерски разыграв комедию. С его прозорливостью и хитростью это было вполне возможно, тем более что в неведение верилось с трудом. С другой стороны, только оно и объясняло, куда подевались души без ведома Люцифера. Гавриил пока не дал точного ответа, однако ход его рассуждений выглядел достаточно ясно. Тут не обошлось без кого-то из архидемонов, но стоило ли говорить об этом Люциферу? Говорить теперь, с полной неопределенностью в

происходящем.

Не исключая коварство, Михаил понятия не имел, какую роль сыграет эта информация. А ну как Люцифер специально все подстроил? С него станется. Не в состоянии сам обратиться к Гавриилу, он использовал Михаила как надежного посланника, которому всеведущий архангел не откажет. Только вот зачем? Для чего ему знать, как сделать так, чтобы души автоматически не попадали в ад? Это же бессмыслица. Он сам был способен их выпускать, чего уже и делал, совершая неугодное богу воскрешение. Может, он замахивался на большее?

Заслуженно не отправляясь в ад, душа нарушала естественный, установленный Создателем порядок вещей. Если это обретет массовый, в масштабах человечества характер, одна из основ мироздания просто рухнет, с непредсказуемыми последствиями. Пресловутый ад на земле, в таком случае, становился вполне реальным. У него ведь не было однозначного воплощения, а толкования разнились даже на небесах. Также не стоило забывать, что гордый Люцифер обратился к Михаилу сам. С его нарциссизмом и амбициями, нежеланием кого-то слушать и мечтами о божьем троне, такое поведение выглядело весьма нетипично и нетривиально. В том, разумеется, случае, если не преследовало вышеупомянутые далеко идущие цели.

Размышляя, как поступить, Михаил выдерживал паузу, но складывалась она не в его пользу. Учитывая предпосылки, Люцифер имел право на ответ. Хоть какой-то ответ, объясняющий совместный визит в министерство обороны и всю эту скандальную историю.

— Что ты будешь делать, если выяснишь, каким образом душа не попадает в ад? — силясь принять решение, поинтересовался Михаил.

— Ты это к чему? Ты действительно что-то знаешь? — уловив подоплеку, оживился Люцифер. — Говори, не тяни комету за хвост!

— Точно пока не могу сказать. Это лишь гипотеза, — качнул головой Михаил.

— Все равно говори! Вопрос же серьезный! — еще больше распалился Люцифер.

— Вот поэтому я и не хочу спешить, — возразил Михаил. — Мне ясно дали понять, чем опасны преждевременные выводы. Они приводят к ложному восприятию вещей. Способны спровоцировать глобальные заблуждения с далеко идущими последствиями. Человечество постоянно наступает на эти грабли.

— Только мы с тобой не люди, а старшие сыновья бога! — напомнил Люцифер. — Прекрати тянуть и говори толком!

— А ты прекрати землю сотрясать! Ты сейчас весь город на уши поставишь! — раздраженно бросил Михаил.

Здание и впрямь опять содрогнулось. Отдаваясь в перекрытиях, мелкая дрожь пробежала через него так, словно ее спровоцировало несколько толчков. Одни будто пришли издалека, другие не иначе возникли поблизости. Моргая лампами, снова засбоило электричество. Где-то со звоном вылетели стекла. Врываясь с улицы, по коридору дохнул задиристый свежий ветер.

— Что, все никак не можешь успокоиться? — с досадой произнес Михаил. — Людям уже достаточно впечатлений.

— Это не я, — возразил Люцифер. — Хватит все на меня валить.

— Кроме тебя некому, — парировал Михаил, и вдруг очень сильно изменился в лице.

Призывающий к эвакуации, звонок уже затих. Вместо него по министерству прокатился отрывистый и резкий сигнал тревоги. С улицы послышались крики, полицейские сирены и надрывные клаксоны автомобилей. Их дополнял сердитый гул, будто где-то сходила тяжелая лавина. В сознании Михаила зазвучал целый хор, сливавшийся из множества голосов. То были дозорные ангелы. Громко и наперебой, они докладывали военачальнику о чрезвычайных происшествиях.

Вслушиваясь в пространство, Люцифер едва сдержался, чтобы не отправиться на шум. Он желал узнать, что произошло, но и Михаила покидать не хотел. Важнейший вопрос оставался нерешенным.

— Что случилось? — предчувствуя недоброе, тихо спросил он.

— Взрывы. В разных местах. Очень много жертв, — разбирая поток информации от ангелов, отрывисто произнес Михаил.

— Какие взрывы? Где? Почему?! Что происходит?! — разволновался Люцифер.

— Пока не знаю. Мои разведчики выясняют, — отмахнулся Михаил. — Один грянул прямо здесь, под министерством, — быстро добавил он. — Идем туда, пока не стало хуже.

Упрашивать Люцифера не пришлось. Вместе с Михаилом, он тут же шагнул через пространство, ибо уже почуял, что положение серьезное. Обычно не вмешиваясь, военачальник небес мог нарушить этот принцип лишь тогда, когда творилось нечто совсем из ряда вон.

Министерство обороны было очень сложным и развитым объектом, оснащенным по последнему слову техники. Его безопасность обеспечивалась на самом высоком уровне, включая безопасность энергетическую. Оснащенное традиционными генераторами, оно имело и более серьезную автономность. Глубоко под ком-

плексом, в надежном секретном бункере располагался его собственный ядерный реактор.

Продолжая развиваться, человечество сумело освоить атом, хотя и сделало это традиционно по-своему. В смертоносном оружии оно преуспело, наштамповав его в избытке, зато в энергетике осталось на уровне паровой машины. Вся технология сводилась к тому, чтобы вскипятить все ту же воду, только вместо дров или угля для нагрева использовалось расщепление атомов. Говорят, все гениальное просто, однако к данному случаю это утверждение не относилось. Коэффициент полезного действия был чрезвычайно низким, а примитивность технологии усугубляла ее критическая уязвимость. Она производила огромное количество радиоактивных отходов. Хуже того, при аварии те легко могли попасть в окружающую среду, сделав ее непригодной для обитания на века. Архангел Михаил и впрямь решил вмешаться не просто так. В свое время упущенный, второй Чернобыль на земле был уж точно не нужен.

Взрыв повредил систему охлаждения, начисто вышедшую из строя. Ее, конечно, спроектировали на случай чрезвычайных ситуаций, однако не полного отключения всех систем. Аварийное питание не подавалось, все запасные контуры деформировались и отказали. Пребывавшие на грани паники, инженеры были бессильны что-либо предпринять. Изрядно поврежденный, реактор семимильными шагами приближался к катастрофе. Его активная зона плавилась, угрожая мощным радиоактивным выбросом. Давление пара стремительно нарастало. Это приближало второй, уже техногенный взрыв, способный развороти́ть весь подземный бункер и превратить его в грязную атомную бомбу пугающего потенциала. Прорыв в окружающую среду становился неизбежным вопросом времени, причем ближайшего, но архангелы подоспели вовремя.

Едва только появившись у активной зоны, Михаил немедленно взял ситуацию под контроль. На физику вещей он воздействовал безукоризненно. Плавление немедленно прекратилось. Затем процесс обратился вспять, пресекая фатальное развитие событий. Температура падала, топливо возвращалось в рабочий вид. Поврежденные стены, трубы и провода обретали былую целостность. Трещины, разрывы и деформации исчезали, словно их и не было, но это оставалось тайной за семью печатями. О вмешательстве высших сил никто не подозревал. Люди не видели, что происходило внутри реактора, а их техника вышла из строя. Михаил незаметно остановил разраставшийся кризис, после чего перешел к менее критическим явлениям.

Утечка радиоактивной воды остановилась. Отправленная обратно в резервуары, она остывала и больше не вытекала. Восстанавливая контуры, Михаил ликвидировал все прорехи, вернул работоспособность аварийным насосам и генераторам. Оборудование стало оживать. Запредельно опасные, показатели на индикаторах и датчиках начали нормализоваться.

Незримый для людей, Михаил не вернул реактор в строй, но сделал так, чтобы тот уже не представлял огромной и неотвратимой угрозы. Это прошло совершенно незамеченным. Отказ аппаратуры и невозможность все увидеть оставили персонал в неведении. Он понятия не имел, насколько расплавилось ядро, и каким чудесным образом топливо восстановилось, а охлаждение стабилизировалось. Исправленные системы управления и питания к этому тоже относились. Их реальные разрушения никто не зафиксировал. Михаил свел их до минимального уровня, объясняющего причины аварии, но скрывающего ее масштабы.

Времени не терял и Люцифер. Он убрал высокий радиационный фон, успевший поразить весь подземный бункер атомного реактора. Он не нуждался в особых методах очистки, ограничившись раскрытыми крыльями и светоносным излучением. Молниеносно устранив эту беду, он тут же занялся людьми, чьи тела получили убойную дозу радиации. Его исцеление не дотягивало до уровня Люмениферус или Михаила, однако уступало только им. В остальном оно было чрезвычайно мощным и почти божественным. Люди понятия не имели, насколько успели пострадать. На это намекали только датчики, фиксировавшие ионизирующее излучение, но они перестали трещать так же внезапно, как и начали.

Паника улеглась тоже не сама собой. Мастер психологии, врачеватель душ, Люцифер вернул персоналу реактора самообладание. Успокоившись и придя в себя, он тут же взялся за работу, большую часть которой сделал Михаил. Несмотря на архангелов, работа эта была важна. Людям надлежало думать, будто они сами справились с кризисной ситуацией, в то время как злоумышленники это полностью исключали. Стирание памяти нужный ход событий в надлежащее русло не уводило.

— Тот, кто заложил взрывчатку, очень хорошо понимал, что делает. Он явно разбирался, где тут что, и зачем. Вредоносный результат поразительно эффективен, — напряженно констатировал Михаил.

Закончив с реактором, он наблюдал, как его брат благотворно влияет на психику людей.

— Боюсь, это еще не все, — мрачно отозвался Люцифер. — Здесь не обошлось без демонического вмешательства. Возможно, это бы-

ло злое колдовство, но из-за архидемона я не склонен так считать. Либо он, либо его подручные подстроили все напрямую. Усилили и направили процесс, достигая результата не только за счет естественной физики.

У владыки ада были все основания считать, что случайным взрывом тут и не пахло. Вне всяких сомнений, речь шла о серьезной и старательно подготовленной диверсии. В отличие от людей, архангелы почти мгновенно восстановили ход событий и сумели определить, что послужило причиной детонации. Кто-то заложил внушительную бомбу и сделал это очень умело, однако только ей масштабы катастрофы не объяснялись. Ее породило демоническое вмешательство, кратно увеличившее эффект и направлявшее его скрупулезно спланированным образом. Без нечеловеческого умысла, сверхъестественной корректировки так развороти́ть все системы реактора возможным не представлялось. Бомба была снаряжена не без участия исчадий ада, да и попала в бункер явно не почтовым отправлением. Вопрос заключался лишь в том, кто именно и когда это сделал.

Удивленный откровенностью брата, Михаил воззрился на него с некоторым сомнением.

— Даже странно, что ты мне это говоришь. Признаешь деяния своих средоточий зла, — заметил он, не озвучивая подозрения в сторону самого их правителя.

— Их, а не мои, — подчеркнул Люцифер. — Кто-то за это еще ответит.

Он тоже не все сказал. Отрицать и прикидываться несведущим было бессмысленно. Как владыка ада, он сразу уловил, откуда ветер дует. Демоническое воздействие он распознавал безошибочно. Распознает его и Михаил, только чуть позднее и с меньшими подробностями. Следовательно, скрывать свои наблюдения не имело смысла. Наоборот — лучше Михаил услышит это от Люцифера, чья открытость прозвучит в его защиту.

Угроза обрушения бункера также миновала. В целом, обстановка полностью стабилизировалась. Людям предстояло очень многое восстановить и еще больше наладить, однако чрезвычайно опасная катастрофа теперь исключалась.

— Надо узнать, кто пронес сюда взрывчатку. Сама она появиться не могла, — предложил Михаил.

У него хватало причин не оставлять эту историю без внимания, и особенно теперь, когда она приобрела совсем уж выразительные черты.

— Могла, если не обошлось без архидемона, — напомнил Люцифер. — Но это я скоро выясню, обещаю.

— Я тоже. И причастных к такому злодейству не проигнорирую, — сурово и многозначительно обронил Михаил. — Однако здесь мы закончили. Летим в другое место, у нас полно работы.
— Куда? — только и спросил Люцифер.
В ответ Михаил передал ему то, что получил и продолжал получать от дозорных ангелов.

Случайности исключались. Речь не шла о бытовой утечке газа или иных хоть и чрезвычайных, но естественных происшествиях. Разразившись одновременно, они сводили вероятность совпадения к нулю. Сказывались и масштабы, особенности вопиющих инцидентов. Ангелы поняли это сразу. Люди несколько припоздинились, но только потому, что власти не хотели поднимать в обществе панику. Пока по городу разносились сирены, завывавшие у пожарных, скорой и полиции, спецслужбы уже докладывали наверх, оперативно сделав надлежащие выводы. Произошедшее они однозначно характеризовали как теракт. Вопрос заключался только в заказчиках и исполнителях.

Набитые взрывчаткой, шесть фургонов устроили шесть трагедий. Как правило, террористам не удавалось нанести серьезный ущерб, однако на сей раз жертв было очень много. Глубина планирования и точность исполнения по-настоящему пугали. Все выглядело так, будто готовилось и реализовалось с величайшим знанием дела, поразительным предугадыванием событий и астрономически точным математическим расчетом.

Первый фургон взорвался на крупной автомагистрали. Плотность загруженных потоков способствовала увеличению урона. Момент был выбран ошеломляюще идеально. Разлетевшись в клочья, фургон прихватил с собой сразу два переполненных автобуса и три десятка набитых людьми машин. Эффект усилил до отказа наполненный бензовоз. Рванув не хуже фургона, он породил огненный самум, спаливший полсотни автомобилей вместе с пассажирами. Ни один человек на свете не мог бы подгадать такой момент, и все же обстоятельства сложились так, словно их направляла чья-то злая воля.

Второй фургон влетел в огромный гипермаркет, где детонировал в самом людном месте. Словно нарочно проходившая в этот час, распродажа привлекла кратно большее число посетителей. Ударная волна разнесла все вокруг на сотню ярдов. Несущие опоры перемололо вместе с живыми телами. Крыша рухнула, погребая под собой и погибших, и раненых. Экстренные службы прибыли очень оперативно, но спасать там было уже некого. На их долю достались только пострадавшие на парковке. Изувеченные и раздавленные, тела могла извлечь только тяжелая спецтехника.

Третий фургон подорвал заправочную станцию, перегруженную клиентами. Там разверзся настоящий пламенный ад. Полыхало и плавилось все, включая тугоплавкое железо. Тому, кто умер сразу, невероятно повезло. Многие горели заживо, не в состоянии выбраться из автомобилей. Целые дюжины метались по улице кричавшими факелами. Зрелище было душераздирающим, при всей невозможности хоть как-то помочь и что-либо изменить.

Четвертый фургон вызвал максимум непрямого ущерба. Заранее прибывший, он разнес подстанцию, снабжавшую город электричеством. Большинство кварталов оказалось обесточено, что кратно усиливало неразбериху и существенно осложняло работу экстренных служб. В момент детонации погибли немногие, из персонала подстанции. Число спровоцированных смертей, которым не подоспела, либо не была оказана помощь, знали только ангелы. К ним относились и те, что возникли как закономерное следствие, в виде несчастных случаев и совершенных преступлений.

Словно издевательски бросая вызов, пятый фургон раскурочил здание полиции. Не какое-нибудь, а одно из знаковых. Ударная волна и обвалы убили много офицеров. В чрезвычайной ситуации это усугубляло общий эффект, заведомо лишая общество компетентных специалистов. Немало патрулей так и не выехало на призыв о помощи. Оцепления недосчитались критически дефицитных сотрудников. Немало детективов и важных дел было похоронено под горящими обломками. Нанесенный ущерб исчислялся не только материальными и человеческими потерями, но и моральными, сугубо психологическими и по-своему еще более невосполнимыми.

Шестой фургон отличился особо. На фоне пятерых, казалось бы, он уже не мог чем-то выделиться и превзойти, но все-таки это сделал. Обрушить здание школы у него не получилось, да он и не пытался. Устроенное как на грех, возле нее проводилось массовое мероприятие, где одновременно находилось множество учеников, их родителей и гостей. Влетев на территорию учебного заведения, фургон сотворил такое, что адекватному описанию не подлежало. Нормальный человек просто не мог передать это словами, обходясь без кошмарных, неприемлемых для восприятия деталей.

Единовременно проведенная, масштабная террористическая атака фургонами не ограничилась. Искусно заминированное, одно из высоких зданий рухнуло до основания, погубив ужасающее количество людей. Спасать там тоже было некого. Вспыхнувший пожар устроил пляску на костях, которых, перемолотых бетонной тяжестью, особо и не осталось. Поднятая обвалом, пылевая завеса накрыла целый квартал, опять-таки осложняя работу экстренным

службам и усиливая панику. Из-за повреждения подстанции светофоры отключились, и обнулившаяся видимость спровоцировала множество дорожных аварий. Пребывавшие в движении, машины мгновенно останавливаться не умели, а препятствий водители уже не замечали. Наезды на пешеходов, заметавшихся в непроглядной взвеси, исчислялись сотнями. Обратившись в руины, здание продолжало губить людей, хотя от него уже ничего толком и не осталось.

Вишенкой на торте стал удар по аэропорту. Традиционно оживленный, он был идеальным местом для поражения огромной толпы людей. Его внушительные размеры не предполагали использование взрывчатки, чья эффективность зависела от площади объекта. Чтобы уничтожить такой комплекс требовалась авиационная бомбардировка, однако к этому никто и не стремился. Поражающим средством стало отравляющее вещество. В избытке вброшенное в вентиляцию, оно быстро распространилось по терминалам и залам ожидания.

Тревожные датчики не сработали. Призванная отслеживать такие угрозы, система безопасности почему-то ничего не заметила. Опасность обнаружили слишком поздно. Трупов было много. Критически пострадавших — еще больше. Люди погибали быстрее, чем им успевали оказать хоть какую-нибудь помощь. Паника и давка осложняли экстренную эвакуацию. Заторы снижали шансы на спасение до нуля. Застигнутые на бегу, люди падали и больше не вставали, громоздясь в содрогавшиеся баррикады. Количество смертей могло достигнуть ужасающего размаха, не вмешайся в происходящее архангелы.

Оставаясь невидимым, Михаил обезвредил поражающее вещество. Воздух стал совершенно безопасным. Расправив крылья, он вынул огненный меч и обратил его мощь на исцеление. Вернуть уже умерших он был не в силах, однако это спасло множество умирающих. Отрава покинула их тела. Мучительно погибая, они уже не переходили в мир иной, а возвращались к жизни, овеянные мощью военачальника небес. Испуская свет, с огненным мечом и раскрытыми крыльями он предстал во всей красе, однако не опасался быть увиденным. Прикрытие обеспечил Люцифер. Стремительно перемещаясь по аэропорту, он также помогал пострадавшим, останавливал панику, а заодно стирал людям память. С учетом происходящего, такое массовое забвение вопросов никак не предполагало. Кто бы потом ни проводил расследование, он резонно спишет его на стресс и воздействие отравляющего вещества.

Обрушенное здание сложило все этажи, спрессовав их в бес-

форменную массу, однако нижний ярус подземной парковки уцелел. Люди там не погибли, но не погибли именно сразу. Запертые обвалом, они очутились в смертельной ловушке. Разгоравшийся пожар лишал их и без того ограниченного кислорода. Дым и продукты горения стремительно усугубляли ситуацию. Пробиться к выжившим физически никто бы не успел. Их горькая участь была предрешена, не вмешайся своевременно архангелы.

Ускоряя процесс, Михаил раздвинул завал, соорудив в нем сквозной тоннель. Царившая снаружи, пыль скрывала как его, так и людей, выброшенных на улицу рукой Люцифера. Подхватывая по одному, он метал их словно тюки, перемещаясь по парковке с архангельской скоростью. Увечье от полета или при падении никому не грозило. Сотворенная Михаилом, упругая воздушная подушка обеспечивала безопасную амортизацию. Касание Люцифера гарантировало затуманивание памяти, заметавшее процесс чудесного спасения. Люди не понимали, как очутились снаружи, но это отлично списывалось на глубокий шок.

На автомагистрали, в торговом центре, на заправке и в полицейском участке архангелы тоже побывали. Доклады дозорных Михаила становились для них ориентиром при расставлении приоритетов. К сожалению, спасать там было особо некого. Они исцелили тех, кому еще можно было помочь, уменьшили страдания и сократили материальный ущерб. Пожары пошли на убыль. Продолжавшие разрастаться, сопутствующие разрушения прекратились. Стараясь на совесть, архангелы сделали все, чтобы хоть както сгладить последствия чудовищных преступлений. Это касалось и отсутствия электричества.

Быстро наведавшись на подстанцию, Михаил оперативно восстановил подачу энергии. Городу немедленно стало легче. Вспыхнуло освещение, ожили светофоры. В доселе обесточенных учреждениях заработало оборудование, очень важное в столь критический момент. Люцифер в этом не участвовал, однако и не бездействовал. Изучив подстанцию, он также обнаружил воздействие демонической природы. Детонация фургона была прикрытием. Подстанция вышла из строя из-за более изощренного вмешательства, скрытого взрывом и его последствиями. Скрытого от людей, но не от владыки ада и по совместительству архангела.

Разразившись по всему городу, трагедии повергали в скорбь и ужасали, однако кошмарнее всего дела обстояли у школы. Обозрев шокирующую панораму, Люцифер впал в неистовую ярость, в сравнении с которой его гнев на архидемона выглядел ласковым нагоняем. Она адресовалась авторам этого чудовищного деяния, но помимо них она адресовалась и небесам.

— Да кем надо быть, чтобы допускать такое! — не стесняясь в выражениях, гремел Люцифер. — Отец, это не я здесь дьявол! Да чтоб ты сам провалился в ад на своем сияющем троне! Моя бы воля, я бы лично стащил тебя туда за такую любовь и милосердие! Расскажи этим детям, как ты их любишь! Они сейчас у тебя в раю! Давай, приласкай и поведай, за что их настигла такая смерть! За что они лишены жизни и будущего! Отчего разлучены с родными и близкими! Почему их семьи будут страдать и тосковать до конца своих дней! За то, чтобы побежать к святошам и поставить тебе свечки за неисповедимые пути! Да провались ты пропадом, бессердечный тиран! Средоточие зла это у всех я! А ты у нас непогрешим! В аду я видал такую непогрешимость!
— Ты бы адресовал свои крики своим же демонам, — мрачно присоветовал Михаил, стараясь не замечать нецензурных выражений.

Слушая брата, военачальник небес не одергивал его за проклятья, отсылаемые богу. Ему и самому все это претило, но прямого вызова он не бросал. Он даже не посылал своих ангелов, чтобы вмешаться и помочь страдавшим людям. Взяв ответственность на себя, он делал это собственноручно, чтобы и спрос, при случае, был только с него. Так же поступал и Люцифер. Михаил не мог не отметить его рвения, казавшегося совершенно искренним участия. Если он и впрямь не стоял за этими инцидентами, то феноменально искусно разыгрывал доброту и невиновность.
— Прекрати богохульствовать. Хочешь показать себя на деле — накажи виновных, — сдержанно предложил Михаил.
— Накажу, уж будь уверен! Аж преисподняя содрогнется от страха! — бушевал Люцифер. — Но ведь можно было этого не допускать! Не дать грузовику взорваться! Уничтожить его на подъезде или послать патруль, чтобы полиция успела обезвредить злодея! Как можно допускать, как можно игнорировать массовое убийство детей?! Архидемоны о таком мечтают, а бог не препятствует! Так кто из них хуже?! Официальное средоточие зла или пресловутый образец любви?!

Захлестнувшие Люцифера, страсти распаляло отсутствие Люмениферус. Призывая сестру, он рассчитывал на ее помощь, недостатка в которой никогда не ощущалось. С ее чувствами и энтузиазмом, она всегда бросалась в условный омут с головой, и сейчас ей уж точно нашлось бы, чем заняться. В городе, охваченном бедой, творилось черти что, а Люмениферус так и не объявлялась. Вызванное деяниями братьев, не почувствовать возмущение в пространстве она не могла. Это мощное излучение было просто обязано привлечь ее внимание, не говоря про обычные человеческие новости. В кратчайшие сроки, их уже крутили по всем кана-

лам, а телефоны и интернет просто взрывались официальными и любительскими репортажами. Даже издалека, в пострадавший город уже стремились государственные силы и волонтеры. Люмениферус же как в воду канула.

Взбешенный демонами, разъяренный на бога, Люцифер честил и ругал сестру, чье отсутствие ничем вменяемым не объяснялось. Как оказалось, зря. Люмениферус не появилась не просто так. Вернувшись к своим агентам, она как раз искала с ними следы наемников и одержимых, когда в информационном пространстве началось нечто невообразимое. Пока Михаил и Люцифер помогали на местах, начав с реактора и закончив в городских больницах, она усердно разбиралась в офисных перипетиях, имевших отнюдь не меньшее значение.

Поднятая по тревоге, вся спецслужба пришла в полную боеготовность. Массовые и громкие теракты запустили соответствующие протоколы, что само по себе удивления не вызывало. Его вызывала оперативность наряду с источниками. Заметить это мог только архангел, уже работавший с преданными ему агентами. Следствие не упреждало причину, но разница между ними была астрономически минимальна. Ни один человек не обладал такой скоростью реакции, оперативностью принятия решений. Людям было не под силу так быстро все организовать, и особенно на уровне целых министерств и ведомств.

Быстро уловив, к чему все идет, Люмениферус делала что могла, стараясь сгладить разрушительный, лавиной нараставший эффект. Частично ей это удалось, однако именно что частично. Используя свой дар, улавливая чувства и воздействуя на людей, светоносная архангел сделала очень многое, но она была не всесильна. При всем ее могуществе, она лишь отсрочила неизбежное.

Информационная война вспыхнула в тот момент, когда кто-то устроил диверсию на реакторе, зная наверняка, что это приоритетно отвлечет внимание Люцифера и Михаила. Потеряв на него время, они не смогли предотвратить множество жертв, которых смерть стремительно забирала в других местах. Это раскачивало идеологический маховик, раскручивало повсеместно зазвучавшую политическую истерику. События развивались колоссальными темпами, словно направлялись и ускорялись по чьему-то сверхъестественному сценарию.

Информационная война была проиграна архангелами сразу, едва только началась. Война настоящая грянула позднее, запущенная старательно подготовленной провокацией. Масштабы террористической атаки, количество погибших и открыто брошенный, прогремевший на весь мир вызов сделали ее неизбежной.

– 2 –

Наползавшие еще с вечера, наутро небо окончательно затянули тучи. Непроглядная и тяжелая, их зловещая чернота отливала сизым, нет-нет, да и озаряясь разрядами внушительных узловатых молний. Шарахало громко. Порой, оглушительно, но даже этот звук, подобный пушечному залпу, заглушал гремевший затяжной ливень. Ниспадая стеной, он полностью перекрывал обзор, не позволяя видеть дальше десятка ярдов. Оптические прицелы становились бесполезны. Ютившиеся одна к другой, соседние постройки просто исчезли из поля зрения, а о кромке тропического леса и говорить не приходилось. Оставаясь где-то там, она как будто перестала существовать, несмотря на всю глубину и огромную, насыщенную опасностями массу. Поставив винтовку у стены, дозорный офицер молча курил, стряхивая пепел прямо на пол. Глядя в распахнутое окно, он не видел ничего, кроме ливня, что делало его дежурство довольно бесполезным.

Не иначе проклятая им назло, страна встречала захватчиков всеми прелестями жизни. Южный континент всегда славился жарой и полчищами кровососущих тварей, проливными дождями и весьма недружелюбной фауной. Тропические болезни тут шли рука об руку с ядовитыми испарениями, а разнообразие паразитов ставило ощущалось практически везде. Местные жители давно привыкли к этому сомнительному изобилию, отчего и видели в нем родной и уютный, ничем не заменимый дом. Туристы, в свою очередь, посещали обжитые места, где для их кошельков были созданы различные удобства. В джунгли они обычно не совались, а если и заходили, то при помощи гида и в курортные, заведомо облагороженные районы. К захватчикам все это не относилось. Вооруженное вторжение проторенных путей и комфорта не предполагало. Взятые довольно быстро, крупные города более-менее оставались под контролем, однако в сельской местности дела обстояли куда хуже. Там развернулось активное партизанское движение, доставлявшее хлопот даже больше, чем регулярная армия. Там же захватчики познавали все особенности климата и тропического леса.

Больше всего досаждали москиты. Роясь целыми тучами, они были способны превратить любой бивак в настоящий ад. Вездесущие и назойливые, они атаковали круглосуточно, несмотря на все применяемые средства. Они проникали даже в закрытые палатки, а в хижинах и вовсе чувствовали себя как дома. Дикие хищники не представляли угрозы для организованных, хорошо вооруженных людей, но перед миллиардами москитов самое со-

временное оружие оказывалось бесполезно. В сравнении с ними, ядовитые твари казались сущими пустяками, хотя и норовили тяпнуть из-за каждого куста. Пробираясь в здания, он представляли немалую опасность, будь то змея или паук, однако москиты досаждали несравнимо больше. Змею можно было разрубить, ягуара застрелить, а на москитов оставалось лишь ругаться, не стесняясь в выражениях. При этом любой укус мог спровоцировать какую-нибудь болезнь, занести очень скверную, порой неизлечимую заразу. Шлепнув себя по шее, дозорный прошипел нецензурную брань. Несмотря на ливень, москиты продолжали лезть, досаждая даже сейчас, когда вокруг царила запредельная сырость.

Формально, джунгли были никому не нужны. Скрываясь среди их дремучих зарослей, регулярные войска вели партизанскую борьбу наравне с местными жителями. Гоняться за ними особого смысла не имело, ограничиваясь отдельными рейдами и точечными бомбардировками. К сожалению, некоторые регионы представляли вынужденный интерес. Там находились запретные плантации. Там же производился кокаин и скрывали свои главные силы влиятельные наркокартели. В отличие от солдат и крестьян, они сражались совсем за другие идеалы. Хорошо вооруженные, они не умели воевать как регулярная армия, зато компенсировали это неукротимой яростью и невероятной жестокостью. В города они не совались, но захватчики были вынуждены соваться к ним. Одна из основных директив гласила, что все намеченные картели должны быть обнаружены и уничтожены.

Сунувшись в эту южную страну, захватчики располагали очень значительными ресурсами, но имели неоднородный состав. Вся грязная работа доставалась наемникам. Платили им, безусловно, хорошо, однако и в самые гнусные, самые опасные места посылались именно они. Правительственная армия предпочитала оставаться в городах, не заходя дальше крупных опорных точек. Там было куда удобнее и безопаснее, и там активность партизанского движения сводилась к минимуму. Прикрытие ей обеспечивала авиация, наносившая массированные удары, а также флот, подошедший к берегам. Атаковали они отнюдь не наугад. Под управлением компьютеров и операторов, ситуацию круглосуточно мониторили спутники, в реальном времени передавая данные в центры принятия решений.

Запущенные издалека, дальнобойные ракеты накрывали что угодно, даже если это были непроходимые джунгли. Обнаружив цель, разведка передавала координаты, и вскоре по заявленной точке наносился сокрушительный удар. Его эффективность была

очень высока. Что бы ни оказывалось в зоне поражения, оно перемалывалось в труху, сжигалось термобарическими, поджигавшими землю и лес зарядами. Проблема заключалась в том, что одними бомбардировками войны не выиграешь, особенно против мобильных, быстро нападавших и отступавших отрядов. Хочешь не хочешь, приходилось действовать и на местах, традиционно отправляя в поле боевые соединения пехоты. Точнее, во враждебные и дремучие джунгли, для чего и использовались отряды наемников.

Еще один москит заставил дозорного уронить окурок. Собираясь его выбросить, он потянулся к окну, но в этот момент инстинктивно шлепнул себя по запястью. Едва усевшись, кровососущая гадина с налета всадила жало, чем вызвала болезненный укол и непроизвольную реакцию. Так и не потушенный, окурок отлетел и свалился на пол, где продолжал дымить остатками табака. Впрочем, недолго. Сырость была настолько велика, что он пропитывался ей насквозь и угасал быстрее, чем мог бы опалить плохо оструганные доски. Нашарив его взглядом, дозорный увидел лишь пару искр, тут же угасших под натиском влаги. Увидел он и паука. Подозрительный на вид, тот аккуратно пробирался по полу, огибая капельки воды, и выискивал себе убежище посуше.

Торчавший в джунглях уже третий месяц, дозорный офицер изрядно поднаторел по части местной фауны. Паук был ядовитым, что выдавала характерная окраска, и разделять его компанию не стоило. Оставив винтовку у окна, дозорный шагнул к пауку и попытался раздавить его подошвой высокого шнурованного ботинка. Почуяв опасность, тот стремительно переместился и нырнул в подвернувшуюся щель, которыми изобиловал деревянный пол.

Дозорный чертыхнулся. Царивший на чердаке, полумрак не позволял определить, куда схоронилась опасная тварь, а свет зажигать не стоило. Даже от фонарика. Хорошо видимый снаружи, он сделает целью самого дозорного, надумай кто сунуться в такой ливень из мокрых джунглей. Кто-то и надумал. По-прежнему гремя, небесные хляби заглушали любые другие звуки, исключая раскаты сверкавших молний. Появление незнакомца осталось незамеченным. Повернувшись обратно, дозорный внезапно обнаружил, что на чердаке он уже не один. У открытого окна, возле оставленной винтовки, стоял какой-то человек в легкой белой одежде.

Тропический климат морозов не предполагал. В этом смысле наряд незнакомца вполне ему соответствовал. Он не соответствовал затяжному ливню. Без накидки или дождевика, незнакомцу надлежало промокнуть до нитки, и уж тем более в теннисных туф-

лях. Как ни странно, его одежда была абсолютно сухой. Несмотря на грязь, обувь выглядела чистой, без единого пятнышка. Погода старательно надрывалась, заливая глухую деревушку вселенским потопом, а он выглядел так, словно все это время оставался в герметичной витрине. В доме его доселе не было. За это дозорный мог ручаться, ибо лично и давно проверил каждый закоулок. Более того, единственная дверь на чердак в принципе не открывалась. Следовательно, незнакомец проник сюда извне. Вероятнее всего, через окно, но тогда он был просто обязан выглядеть соответствующе. Он же даже не запачкался.

В сравнении с возникшей проблемой, загадка наряда выглядела несущественной. Судя по виду, незнакомец не был вооружен, однако теперь остался безоружным и дозорный. Оставшаяся у окна, его винтовка была такой же недосягаемой, как если бы находилась на Луне. Подавив мгновенное оцепенение, дозорный быстро оценил ситуацию. В этом белом наряде, с объективно красивой внешностью, неизвестный мужчина походил на наркобарона, и уж точно не рядового боевика. К военным или партизанам он также очевидно не относился, и на эмиссара армии захватчиков никак не смахивал. Иными словами, он попадал в категорию неприятелей. Неприятелей, безусловно, нетривиальных, но в данных обстоятельствах это исключений и расшаркиваний не предполагало.

Бесполезный на посту у окна, пистолет остался в рюкзаке, лежавшем в углу чердака вместе с парой гранат, бутылкой воды и мощным светодиодным фонарем. Доселе отягощающее, его отсутствие стало удручающим, однако не критичным. Вспомнив про нож, дозорный потянул руку к поясу, решив использовать его в качестве приветствия и аргумента. Вопросы можно было задавать потом, став единоличным хозяином положения.

— Не стоит, — спокойно произнес неизвестный.

Дозорный, разумеется, не послушал. Подскочив к нему пружинистым броском, он попытался провести захват, одновременно приставляя лезвие к горлу незнакомца.

Надсадно зазвенев, надежная сталь раскололась на множество осыпавшихся кусочков. Раскалившаяся словно по волшебству, рукоятка сильно обожгла ладонь. Машинально вскрикнув, дозорный уронил остатки ножа на пол. Незнакомец даже не шевельнулся. Не придумав ничего умнее, дозорный попытался добраться до него голыми руками, но вторая попытка закончилась еще хуже первой.

Возникнув из ниоткуда, упругая воздушная волна отшвырнула дозорного назад, словно на чердаке ударил порыв свирепого урагана. Ветра при этом не было, да и чего-либо иного тоже, кро-

ме все того же ливня и наполнявшей чердак плохо освещенной пустоты. Грянувшись у дальней стены, дозорный охнул, ощутив сразу несколько болезненных ушибов. Недвижно стоявший у окна, незнакомец внезапно оказался тут как тут. Он переместился настолько быстро, что его контуры смазались в воздухе, как на архаичном жидкокристаллическом экране. Протянув к дозорному руку, он не коснулся его даже пальцем, однако сжавшийся кулак произвел необъяснимое действие. Дозорный лишился дара речи. Уже собиравшийся заорать, он так и не сумел этого сделать, ощущая неведомые оковы на своих голосовых связках.

Позвать на помощь не получилось. Ливень заглушал все звуки кроме молний, однако и от рации толку не оказалось. Сорванная с крепления, она отлетела в сторону, хотя до нее никто не дотрагивался. Затем настал черед дозорного. Он и сам хотел подняться, однако ему помогла чья-то незримая хватка. Словно поддетое за шкирку, его тело взмыло от пола и очутилось на ногах.

— Стой смирно, — холодно велел Люцифер.

Наклоняться к упавшему злодею он считал ниже своего достоинства. Вопросов он не задавал. Глядя прямо в душу, он прочел в ней все, что хотел узнать.

В глазах владыки ада, злодеем этот человек величался не просто так. Он был одним из тех, кто участвовал в нападении на пентхаус. Хуже того, он командовал минированием здания, чье обрушение погребло бы и тайны пленников, и тысячи безвинных людей. Многочисленных жертв удалось избежать благодаря вмешательству архангелов, и в первую очередь Михаила. Воспылав великим гневом, Люцифер давно мечтал добраться до исполнителей и заказчиков столь масштабного злодеяния. К сожалению, непредвиденная эскалация событий существенно отложила его возмездие. История с архидемоном и архангелами помножилась на начавшуюся войну. Она оттянула на себя и внимание, и ресурсы, однако момент, что называется, настал. Продолжая распутывать клубок, Люцифер уверенно разоблачал изменников, вычисляя их с помощью обнаруженных исполнителей.

Лишенный речи, дозорный наемник только трепыхался, стараясь хоть как-нибудь освободиться. Его тело Люцифер не контролировал, ибо послушание марионетки относилось к одержимости, однако материей одежды очень даже управлял. В своей экипировке, наемник походил на куклу, вроде бы и обладавшую свободой, но при этом подчинявшуюся ниточкам кукловода. Грубо, но подчинявшуюся, чего было достаточно для удержания на месте. Разговор же с пленником смысла не имел, чем и диктовалась принудительная немота. Как обычно, владыка ада видел этого человека

насквозь, со всеми его тайнами, мыслями, памятью и прегрешениями. Последних у него очень даже хватало. Узнав, что хотел, Люцифер поморщился. Хватая ртом воздух, перед ним стоял настоящий мерзавец, уже забронировавший место в аду. Туда он, безусловно, и отправится, но лишь после того, как в нем отпадет всякая надобность.

Непреодолимая для людей, невидимая хватка ослабла. Наемник ощутил, что его обмундирование перестало походить на смирительную рубашку.

— Сейчас я верну тебе свободу и речь, только не вздумай убегать или орать, — неторопливо, с расстановкой произнес Люцифер. — Ты позовешь сюда своих подельников, чьи образы прямо сейчас уже видишь в своей голове. Эти образы вызываю я. Скажи им, что дело срочное. Чтобы они явились немедленно. Я не хочу гоняться за ними по всей деревне. Кивни, если понял.

Наемник кивнул, однако в его глазах не наблюдалось покладистого понимания.

— На случай, если ты не понял серьезности ситуации, я кое-что проясню. Лучше сделай, как я велю, иначе пеняй на себя. Я не фокусник и не какой-то колдун. Я тот, кого испокон веков величают дьяволом, и со мной лучше не шутить, — сообщил Люцифер и принял свой адский облик.

Хотя бы и мятежный, архангел не любил, когда его называли сатаной, а заодно и прочими именами, которым насчитывался пресловутый Легион. Положение, однако, вынуждало. Грешники не трепетали перед красивым небесным образом. Когда они видели тунику и сандалии, будто сотканные из света утренней зари, их восприятие носило далекое от желаемого характер. То же относилось и к венцу с одинокой звездой. Светоносного архангела они панически не боялись, хотя следовало бы. Их приходилось стращать дьявольской внешностью, ибо только перед ней их души цепенели от ужаса и впадали в запредельный трепет. Вот что значила тысячелетняя, внушаемая религией пропаганда. Грешники не страшились света, и пугались до чертиков лишь перед огнем да тьмой. А надо было наоборот.

Просветив и проинструктировав наемника, Люцифер вернул ему рацию. Все так же самостоятельно, та взмыла с пола и скользнула в руку. Опустив глаза, наемник посмотрел на нее так, как неандерталец на смартфон, с недоуменно-туповатым лицом и расширенными зрачками. Затем выронил рацию и бросился наутек.

— Да чтоб тебя! — выругался Люцифер.

Такое тоже случалось. Слишком впечатленные, люди нередко реа-

гировали излишне драматически и экспрессивно. Бежать от дьявола толку не было никакого, однако они едва ли отдавали себе в этом отчет. Впрочем, иные и сбегали, если учесть загадку с душами, до сих пор не проясненную Михаилом. Новостей от него по-прежнему не поступало. С тех пор, как началась война, отношения между братьями заметно осложнились.

— Кх-х-р-р-р, — хотел заорать наемник, но из груди вырвался только сиплый хрип.

Упредив грядущие вопли, Люцифер снова ограничил его способность говорить.

— Что ж, придется все делать самому, — констатировал он, вторично превращая наемника в подвешенную куклу.

Целебного воздействия на психику злодеи не заслуживали. Люцифер вполне мог вернуть пленнику душевное равновесие, но ему претило применять свой дар на такого мерзавца. Возвращая свободу, он хотел, чтобы все произошло естественно, однако ничего не получилось. Пришлось эмулировать. Дрожа от ужаса, наемник наблюдал, как включилась оброненная им рация. Выходя в эфир, в ней зазвучал голос дьявола. Точнее, голос самого наемника, идеально имитированный дьяволом. Называя имена, он затребовал на чердак группу из нескольких людей. Его ранг это позволял. В чине капитана, наемник командовал собственным отрядом, но Люцифера тот интересовал не весь. Он вызвал только тех, кто участвовал в нападении на пентхаус, о чем и сообщила ему прочитанная душа.

— Подонки всегда держатся вместе, — холодно заключил Люцифер. — Ты не впервые возглавляешь свою шайку. Вы повязаны большой кровью. Вы причинили немало зла, и натворили бы еще много, но теперь наступил час расплаты.

Неизменной стеной, ливень мешал обзору, но не передвижению. Один за другим, вызванные наемники прибывали в домик на окраине и поднимались на чердак. Там они и оставались. Лишая голоса, Люцифер тут же лишал их и свободы. Беспомощные, словно младенцы, наемники лишь барахтались, стараясь вырваться из необъяснимой хватки. Люцифер уже не устраивал театр, суля последствия и представая в облике дьявола. Быстро прочитывая души, он только и ждал очередного пленника, пока в его сети не угодили все.

Включая капитана, их было девять — закоренелых злодеев и матерых убийц. Ремесло наемников подходило им идеально, а нынешняя миссия и тем паче. Иных солдат удачи нанимали для охраны каких-либо объектов и персон, сопровождения конвоев и даже спасения людей. Этим наемникам платили именно за убий-

ства, причем открыто поощряя насилие и жестокость. Прочитав всю компанию, Люцифер узнал, что хотел. Еще он уяснил, по какой причине демоны оставили ее в живых. Это были ценные кадры, не гнушавшиеся грязной работы и хорошо практиковавшие террор. Неправедная война требовала достойных исполнителей, чтобы разжигать конфликт и сеять ненависть, плодить страдания и губить множество невинных жизней. Польза от этих людей перевешивала потенциальный ущерб от их разоблачения.

— Я смотрю, вы тут неплохо потрудились, — произнес владыка ада голосом, не предвещающим ничего хорошего.

При всей своей высокомерности, презрению к местному народу и его культуре, регулярная армия захватчиков старалась открыто не мараться. В роли оккупантов, она уже не снискала себе симпатий, однако была граница, за которую ее солдаты и офицеры старались не переходить. Неоправданное насилие вредило имиджу освободителей, якобы боровшихся с нелегитимным правительством и наркокартелями. Преступления против гражданских исключались. Как минимум, их маскировали под сопутствующие потери при тактических операциях. Как максимум, посылали наемников, состоявших на службе у частных военных компаний. За них регулярная армия ответственности не несла, публично дистанцируясь от неких вооруженных формирований. На деле же активно использовала их там, где требовалось запачкать руки, а то и вовсе пролить реки крови.

Сокрытая в джунглях, деревушка опустела не из-за проливных дождей. Причиной ее безлюдности стали наемники. Нагрянув два дня назад, они перебили всех, включая женщин и детей. Их тела сейчас лежали в общей яме, засыпанной раскисшей от воды землей. Наемники никого не пощадили. Пленники доставляли много хлопот, а любой побег грозил раскрыть весь замысел. Согласно ему, деревня превращалась в ловушку для людей картеля. Скрывая свое местонахождение, дважды в месяц они приходили в нее за провиантом, и следующий визит ожидался послезавтра. Расстреляв местных жителей, наемники устроили засаду, однако на их беду к ним прибыли не боевики картеля, а Люцифер.

Изученные по отдельности, девять душ явили девять откровений, собравшихся воедино. Планы владыки ада переменились. Прежде он хотел ограничиться лишь теми, кто интересовал персонально его. Убийства служителей и подрыв высотного здания не должны были остаться безнаказанными. Теперь он счел, что этого недостаточно. Картель, безусловно, симпатий не вызывал. Производство наркотиков Люциферу не нравилось, а их распространение и тем более. Перебившие мирных жителей, наемники нрави-

лись ему еще меньше. Хоть и придя извести картель, они совершили настолько чудовищное преступление, что Люцифер решил воздать им по заслугам.

Свобода выбора, увы, относилась и к криминальной деятельности. Если сразу наказывать людей за любой проступок, Люцифер получит полицейскую Вселенную, а не свободный, столь усердно преподносимый им мир. Безусловно, в этом мире будет позволено далеко не все, однако его границы все еще формировались. Что-то Люцифер безоговорочно не терпел уже сейчас, начиная от насилия над детьми и заканчивая откровенным издевательством над женщинами. На какие-то вещи он пока закрывал глаза. Мир простых решений не существовал даже на небесах. Зачастую, Люцифер оказывался перед сложной дилеммой. Тогда он не всегда принимал решение сам, а отдавал его на откуп людям и сложившимся обстоятельствам.

Торговцев наркотиками ждал ад, сколько бы истово они ни крестились и ни жертвовали церквям. Вопрос заключался только в том, станет ли Люцифер дожидаться, когда они туда попадут, или ускорит этот процесс собственноручно. Здесь, в этой деревушке, выносить свой вердикт он не собирался. Нападай наемники на картель, он точно не стал бы им мешать. Напали они, увы, на деревню, и безжалостно перебили невинных жителей. Облепленные грязью, их тела лежали в братской могиле, но души требовали отмщения. Требовали даже те, кто пребывал сейчас на небесах. Бог принял их, но не защитил, а убийц даже не покарал. Насмотревшись на злодеяния, осевшие в девяти прочитанных душах, это сделал Люцифер.

Чердак внезапно ожил. Потрескивая древесиной, его доски пришли в движение. Изгибаясь, словно змеи, пол и стены схватили наемников, до сих пор удерживаемых Люцифером. Теперь он их отпустил, но вырваться эти люди все равно не могли. Их держал сам дом, повинуясь воле карающего архангела. Он вышел в окно, не оборачиваясь. Хрипя и содрогаясь, эти негодяи его больше не интересовали. Дом вспыхнул сразу, едва он коснулся земли. Занявшись от фундамента, пламя лизнуло его стены, пробежало по ним до самой крыши, и враз объяло целиком.

Владыка ада хорошо умел вызывать огонь. В этом искусстве он превосходил даже владевшего физикой мира Михаила. Поглощая дерево, пожар распространился считанные мгновения, а потом возник везде и сразу. Извиваясь в хватке пламени, прокусывая языки от звериной боли, наемники расплачивались за то, что свершили. Череда их преступлений подошла к концу. Здесь и сейчас она завершилась. Костяшки на счетах грехов были сброшены,

констатируя вынесенный приговор. Приговор, который только начинал приводиться в исполнение. Сожжением дело не ограничилось. Обугленные, рассыпавшиеся в прах тела все еще горели, в то время как души злодеев продолжали расплачиваться уже в аду.

Пронизывая черные тучи, грохочущие молнии высвечивали одинокую фигуру, шедшую по раскисшей улице. В отличие от города, мостовой у нее не было. Как и в минувшие века, асфальт заменяла утоптанная земля, и сейчас она превратилась в чавкающую, заливаемую водой грязь. Фигура в белой одежде не обращала на нее внимания. Ровной, уверенной походкой она удалялась от дома на окраине, внезапно вспыхнувшего за ней до самой крыши. Стена ливня не раздвигалась. Он проливался, как и прежде, но капли отскакивали от фигуры словно от статуи, неизменно остававшейся сухой. То же относилось и к обуви. Белая и чистая, как и весь наряд, она не увязала в сплошной грязи. Шествуя через ливень, ступая по вязкому месиву, одинокая фигура выглядела так, будто на нее не действовали законы физики.

Отбрасывая тени, дом горел все жарче, озаряя фигуру в белом красно-оранжевым ореолом. Внезапно начала разгораться и она. Появившись в глазах, белоснежный свет стал лучиться прямо от нее, словно источаемый некой внутренней звездой. Раскрывшиеся за спиной, крылья испустили его еще сильнее, освещая улицу далеко окрест. Теперь засветилась вся одинокая фигура, будто целиком и состояла из этого белого, ничем не замутненного света. Видение казалось бесподобным. Сам этот образ, вся эта лучистость будто предвещали нечто изумительное, по-настоящему волшебное и бесконечно прекрасное. В действительности все получилось наоборот.

Немного вытянув руку, одинокая фигура резко вскинула ее ладонью вверх, будто давала некий знак, показывала направление движения. Тут же вспыхнул ближайший дом, чей верхний этаж едва выглядывал из-под приземистой крыши. Он вспыхнул сразу весь, без разгорания и всяческих прелюдий. Потом, таким же образом, занялся второй, по другую сторону улицы. За ним еще два, стоявшие по соседству, а через мгновение и все окружавшие их постройки. Охваченные пламенем, взрываясь искрами, они загудели и затрещали, испуская нестерпимый, плавивший железо жар.

Следуя по улице, Люцифер приводил свой приговор в исполнение, вершил для расстрелянных жителей справедливость, в которой им отказали небеса. В неказистых домишках, зачастую сколоченных из подручных материалов, таились беспринципные наемники. Под их грубыми и утлыми, в основном соломенными крышами они устроили свою кровавую засаду. Под ними же они на-

ходили смерть.

Будто оживая, доски изгибались и хватали наемников как змеи. Половицы сковывали лодыжки, не позволяя ступить и шагу. Разделяясь на щупальца, стены обвивали за шею, перехватывали и держали руки. Стягиваясь и захлопываясь, стулья и кровати повели себя как венерина мухоловка. Обретя подвижность, интерьер открыл охоту на ошалевших людей. Он не убивал их, не ломал им кости и не лишал дыхания, сдавливая грудные клетки. Он вообще не причинял им вреда, ограничиваясь цепкой хваткой. Смерть приносило пламя. Вспыхивая по периметру, дома занимались и внутри, превращаясь для наемников и в печь, и в огненный капкан.

Невзирая на крики, не оборачиваясь на вздымавшиеся пожарища, Люцифер безмолвно шагал под ливнем, обращая в костры решительно все, что попадалось на пути. Щадить было некого. Эти люди, совершившие немало тяжких преступлений, жалости не заслуживали. Их направили сюда не просто так. Они составляли часть стратегии захватчиков, заключавшейся в терроре местного населения, уничтожении партизан и всех, кто им помогал. Армия оккупантов не воевала с мирными гражданами только на словах. Она выжигала всех, кто не желал мириться с ее присутствием, бомбила и расстреливала любого, кто имел нахальство защищать свою страну и оказывать хоть какое-то сопротивление. Поддержка партизан и снабжение их припасами к этому очень даже относилось.

Рыская по джунглям, наемники не ограничивались нападением на картели. Они истребляли всех, кто предоставлял партизанам кров, обеспечивал провиантом или просто не хотел выдавать их местонахождение. В этом преуспели не только девять человек, побывавших в пентхаусе служителей Люцифера. Остальные в этой деревне оказались не лучше. По достоинству оценив их злодеяния, Люцифер с расплатой не затянул. Особо гнусных грешников, вроде тех, что надругались над детьми, он сжигал своим первозданным светом. Чудовищам попроще досталось массовое аутодафе.

Довольно небольшая, в три десятка домов и одну улицу, деревушка горела вся. Пройдя ее насквозь, Люцифер не обошел вниманием ни одну постройку. Объятые пламенем, они вздымали к небу дымящие языки огромных пожарищ. Доселе ливень заглушал любые звуки. Теперь его грохот и сам заглушался диким треском, с которым, несмотря на сырость, пылало дерево. Воле властелина ада вода уж точно не препятствовала. Испаряясь от жара, она образовала густую завесу, бурно распространявшуюся во все стороны. Деревню накрыло паром словно котел, где бурлило и вы-

кипало колдовское варево.

Пар поднялся настолько густой, что через него не проглядывали даже молнии. Они по-прежнему сверкали там, в дочерна сизых тучах, но лишь бесформенным заревом, без всяких ветвистых рукавов. Рассредоточенные вокруг деревни, часовые видели лишь завесу, сквозь которую просвечивали десятки трескучих пожарищ. Люцифер видел всех, ибо никакая стихия не была ему помехой. Покончив с теми, кто был в домах, он приступил к остававшимся поодаль одиночкам. Впечатленные сгоравшей деревней, по достоинству оценив доносившиеся оттуда вопли, часовые разбегались, как разбегались и все, кому посчастливилось очутиться на улице. Вот только бежать от владыки ада было бесполезно.

Обрушив на деревушку огонь, Люцифер не оставил за собой ничего кроме пылавшего дерева, с треском валившихся крыш и дымящегося пепла. Пожирая наемников, пламя обугливало их до костей, чьей могилой становились обгоревшие завалы. Осиротевшие без убитых жителей, все эти постройки значения больше не имели. Его имели только беглецы. Люцифер не собирался никого отпускать. Взмахнув белоснежными крыльями, он взлетел повыше и оттуда, обозрев окрестности, снова нанес карающий удар. Проявив фантазию, он не ограничился одним лишь пламенем. Разбегавшихся под деревьями, наемников настигло нечто иное.

Ища спасения, спотыкаясь о корни и продираясь сквозь кустарник, одинокие наемники удирали, кто куда. Охваченные страхом, они боялись погони и внезапного появления врага, стремясь укрыться в дремучей чаще. Прежде такая враждебная, теперь лишь она и сулила чувство безопасности. Джунгли представлялись надежным убежищем, где в ливень не отыщет след ни одна собака. Кто бы ни напал на деревню, сейчас он бесчинствовал позади, сжигая ее дотла. Страшась не только остановиться, но и оборачиваться, скользя по мокрой траве и падая, наемники не смотрели по сторонам. Наверх, сквозь кроны деревьев, в падавший ливень и черные тучи они и тем более не глядели. Там сверкали молнии, ударяя куда-то в заросли. Оттуда же, раскаленная и горящая, обрушилась сера, будто сошедшая с самих небес.

Наемники напоминали муравьев, на которых вдруг пролилась горячая, вскипевшая от лесного пожара смола. Вот только что они бежали, обдираясь о колючие ветви джунглей, и вот уже они вопят, катаясь по земле в ужасающей, грызущей все тело боли. Облив словно из черпака, сера полностью покрыла их тягучим слоем. Еще живые под ее накипью, наемники даже не горели, а запекались, не в силах стряхнуть эту липкую и раскаленную жижу. Они избежали участи тех, кто сгорел в домах, остался в них пеплом на-

всегда. Их собственная участь оказалась еще страшнее. В кипящей сере, в ее пузырившемся огне они отправились на тот свет, где узрели все ту же серу, но уже на бескрайних полях клокотавшей преисподней, у подножья ее несуществующих и при этом вечно извергавшихся вулканов.

Паря среди грозы и швыряя серу, Люцифер постепенно удовлетворил свое чувство справедливости. С последним столбом, обрушенным на последнего же наемника, он покончил с целой ротой отпетых злодеев, загубивших на своем веку немало жизней. Удовольствия от наказания он не испытывал. Он даже не гневался, изрядно повидав на своем веку. Зловеще спокойный, он приводил свой приговор в исполнение и остановился лишь тогда, когда довел его до конца. По-прежнему пылавшее, чадившее дымом и вздымавшее пар, внушительное пожарище его больше не интересовало. Покружив над джунглями, Люцифер обождал, пока избавится от связующих оков, мешавших мгновенному перемещению. Их вызывало чрезмерное проявление в мире смертных. Когда они развеялись, у деревни владыка ада не задержался. Узнав, что хотел, он отправился в другое место, пролетев через пространство сразу на много тысяч миль.

Сиявшее над горным массивом, солнце золотило их крутые склоны и заигрывало с туманом, стелившимся в крутых ущельях. Не проникая в глубину, его лучи лишь пробегали по белесой дымке, становившейся все более темной по мере достижения дна. Там журчали ручьи, ниспадавшие с высоких обрывов. Веками обтачивая валуны, там же гремели реки, берущие начало из горных пород. Уносясь наверх, их шум становился глухим и далеким. Его мерный ропот затухал на просторах гор, чьи склоны зеленели густыми нетронутыми лесами. Они дышали чистой свежестью, без удушливой примеси смога и прогорклых выбросов автомобилей. Их ветви шелестели в дуновении ветра, набегавшего с вершин, где неторопливо проплывали облака и где над ними, раскинув озаренные солнцем крылья, парили величественные орлы.

Огибая ущелья, петляя вдоль обрывистых уступов, по узкой дороге неторопливо полз автобус. Извилистый подъем к набору скорости не располагал. Чихая и свистя мотором, он очень осторожно миновал опасные участки и еще осторожнее входил в извилистые повороты. И тех, и других более чем хватало. Порой, автобус замедлялся настолько, что казалось, будто он вот-вот заглохнет, но нет. Его двигатель взревывал, выбрасывая в чистый воздух сизые клубы, и он продолжал штурмовать горный серпантин.

Отражаясь от стекол автобуса, солнечные лучи разбегались

вокруг шаловливыми зайчиками. Они же подсвечивали крышу, менявшую оттенок в зависимости от тени и угла. С высоты скалы, уводившей к синевшему небу, автобус казался маленькой коробочкой, но архангельский взор различал его очень хорошо. Он видел каждую деталь, начиная от запыленных зеркал и заканчивая царапинами на кузове. Впрочем, только мельком. В основном, взгляд архангела был прикован к одному человеку. Тому, что стоял совсем рядом, нервно топчась на самом краю обрыва.

— Я сделал все, как вы велели. Последних двоих я нашел в монастыре. Они там, грехи замаливают, — стараясь не думать о высоте, сообщил стрелок.

— Я не припоминаю, что приказывал убивать всех подряд, — холодно отозвался Люцифер.

Стрелок был тем самым, сперва погибшим, а затем воскрешенным пленником пентхауса. Получив задание от владыки ада, он принялся ревностно его исполнять. Как оказалось, слишком ревностно. Он нарушал инструкции с самого начала. Люцифер поручил ему передать послание, выдав длинный список разных людей. Стрелок передавал, однако в своей интерпретации. Заколдованные, с меткой ада пули не предполагали исключительно летальный исход. Сами по себе, они уже несли послание для тех, кто был в состоянии его понять.

Устранить надлежало далеко не всех. Эта мера относилась только к отъявленным злодеям. Большинство, чьи прегрешения не тянули на досрочную смерть, следовало оставить в живых. Например, куртизанку, обольщавшую заказанных ей персон, или водителя фургона, в чьи обязанности только и входило перевозить архидемона. Стрелок провернул все по-своему. Ранениями он не ограничивался. Точнее, он быстро перестал ограничиваться только ими.

Замысел предполагал, что уцелевшие люди поднимут панику, так или иначе связываясь с нужными контактами. Раненые и напуганные, они наверняка передадут послание кому надо. Люцифер хотел растревожить эту паутину; посмотреть, куда приведут ее загудевшие тенета. Они и загудели, причем изрядно. Обилие примечательных убийств сотрясло ее более чем основательно. К сожалению, Люцифер не сразу уяснил, что творит стрелок, и в чем именно отличается порученная ему задача от реализованной.

Молитвенные доклады от стрелка поступали регулярно. В общих чертах, до поры они вопросов не вызывали. Потом вопросы появились, но события, стартовавшие в министерстве обороны, изрядно спутали все карты. И без того не сидевшему без дела, Люциферу хватало разных забот. Абсолютно везде и сразу не поспе-

вал даже архангел и владыка ада. Стрелком он долго не занимался, и тот преспокойно продолжал свою работу. Неладное выяснилось довольно поздно, когда Люцифер обнаружил очень многих из списка уже в аду. Прочитав их души, он понял, что пришла пора навестить стрелка. Он нашел его здесь, в горном массиве, подле старинных монастырей. Выследив очередную жертву, стрелок как раз намеревался сделать свое дело, как вдруг его подхватил и унес Люцифер.

Допрос на высокой скале ничего хорошего не принес. Проблема выявилась сразу, едва владыка ада заглянул в отпущенную им душу. Разозленный убийствами, которых не должно было произойти, он едва не стер стрелка в порошок. Загвоздка заключалась в том, что вина за них не выглядела такой уж однозначной.

— Я старался ради вашей славы! Приводил в исполнение вашу волю! — истово заверял стрелок, не понимая причины гнева владыки ада.

— Повторяю. Я не приказывал убивать всех подряд, — не без труда удерживаясь от наказания, неторопливо отчеканил Люцифер. — Тем более я не приказывал возвращаться и добивать.

Самодеятельность стрелка полностью не соответствовала замыслу. Передав "послание", сначала он оставлял иную цель в живых, но только до поры. По прошествии времени он снова объявлялся, и его повторный визит заканчивался трупом. Кровавые надписи, оставленные на стенах, восхваляли деяния сатаны. Их дополняли знаки, в стиле практиковавшейся у сатанистов дикой ахинеи.

— Я делал это только ради вас! Приносил в жертву неугодных вам людей! Прославлял ваше имя и заставлял трепетать ваших врагов! — будто в горячке, тараторил взбудораженный стрелок.

Слова у него и впрямь не расходились с делом. Люцифер уже уяснил, что получил не исполнителя, а фанатика. Ни много ни мало, тот принялся служить не архангелу, а дьяволу. Служить именно так, как себе это представлял, и как наущали тысячелетние религиозные убеждения.

Докладывая, что очередное послание донесено, стрелок и не помышлял нарушать волю сатаны. По его разумению, он старался ему на радость, всячески выказывал свою преданность и намерение умертвить кого угодно. Он искренне полагал, что именно так дьяволу и служат; фанатично верил, что смертями и насилием, чередой убийств и публичным прославлением он завоюет себе место у его трона. Огненного трона с возвышением из черепов, на котором восседает грозный и ужасный владыка ада.

Разозленный на преступное самоуправство, Люцифер хотел

спалить стрелка. Спалить прямо на скале, испепеляя светом за смерть, посеянную его именем. Увы, виновным в сложившейся ситуации было несправедливо считать только этого человека. Его душа уже побывала в аду, и очень даже заслуженно. Люцифер сам выпустил ее оттуда, но не просветил. Поручив задачу, он преследовал свои цели, однако не потрудился объяснить, в чем именно те заключались, и кем он был на самом деле. Он не донес, что представляет собой Светоносного архангела, чьи взгляды на человечество изрядно изменились. Без этих речей, без надлежащего внушения, стрелок посчитал его ровно тем, за кого и принял изначально. Тем, кем Люцифер предстал в аду, и кем его рисовали люди на протяжении веков. А именно, дьяволом, чьи помыслы и устремления описывались в религии достаточно красочно и подробно.

— В чем я провинился? Я столько сделал к вашему вящему удовольствию, — начисто не понимая, что натворил, волновался стрелок.

Так или иначе, какое-то решение следовало принимать непосредственно сейчас. Не забывая о справедливости, Люцифер учел все обстоятельства, прежде чем вынес свой вердикт. Он не проигнорировал тот факт, что стрелок о многом остался неосведомлен. При этом он пришел и к выводу, что обращению тот уже не подлежал. Чуда не произошло. Некогда безразличный и беспринципный, стрелок не переосмыслил свои деяния и не ступил на путь добра. Он усвоил только пламя ада, близкое его душе, и трансформировался в оголтелого фанатика. Именно таких не могла повести за собой даже Люмениферус.

— В чем ты провинился? В том, что света ты и впрямь недостоин, — мрачно констатировал Люцифер. — У тебя и мысли не возникло, насколько ужасно ты поступаешь. Убивая по своему желанию, ты вообразил, что служишь мне. Пусть так, но только черная душа станет прикрываться этим настолько охотно. Твоя черная и есть. Теперь она еще чернее, чем была. Я дал тебе второй шанс, и вот как ты им распорядился. Что ж, на этом все. Хуже я тебе не сделаю, раз уж сам недоглядел, но и поблажек не будет. Отправляйся в ад. Там тебя ожидает то, что ты изначально заслужил.

— Но господин!.. — воскликнул стрелок, однако договорить не успел.

Скала осталась целой, но при этом в ней открылся глубокий разлом. Физически он не существовал. Разверзшись под ногами у стрелка, он носил сверхъестественный характер. Его сотворила воля Люцифера, ибо только он и мог такое сделать. Резко потянуло серой. Лизнув обветренные камни, из разлома взметнулось пламя,

чей дым заменяли клубы непроглядной тьмы. Окружив стрелка до головы, оно обвило его, словно цепкая лиана, и рывком потянуло вниз. Потянуло туда, в далекую глубину, откуда вздымался огонь и доносились жуткие крики, будто миллиарды голосов вопили в унисон. Уяснив, что сейчас произойдет, завопил и стрелок, но его крик не успел разнестись среди безмолвия гор. Схватив приговоренного грешника, пламя в мгновение ока заживо утащило его в ад.

Люцифер покинул скалу не сразу. Какое-то время он молча стоял, глядя на расстилавшийся пейзаж. На сей раз он им не любовался, а просто смотрел, по сути глядя в никуда. Он не отдыхал, а размышлял. Он не любил признавать свои ошибки. Точнее, открыто он вообще никогда их не признавал, однако для себя все-таки выносил надлежащие уроки. Это была большая разница.

Неприятный нюанс заключался именно в воскрешении. Отпущенная из ада, душа усугубила причиненное ей зло. Скверная и черная, к скверне и черноте она и потянулась. Она продолжила творить ровно то, что прежде и творила. В этом не было ничего удивительного, но это и надлежало предвидеть Люциферу. Его оправдывала лишь чрезмерная загруженность, вызванная грянувшей войной. На фоне мятежа, поиска изменников и взаимоотношений с Михаилом, она и впрямь хоть как-то обеляла Утреннюю звезду. К сожалению, не полностью, и он это прекрасно понимал. Если ему не хватило времени проверить, чем занимается отправленный им грешник, то не следовало его и посылать.

Вопрос просвещения фигурировал отдельно. С одной стороны, все могло обернуться иначе, предстань Люцифер в своем истинном облике и поведай правду о себе. С другой, это вряд ли что-то меняло. Вторично прочитав эту душу, теперь Люцифер не сомневался, что ее бесполезно наставлять. К свету она бы уже не обратилась, и все истории про преображение дьявола правильно не восприняла. Ее место было в аду, и выпускать ее никак не стоило.
— Узнает Люмениферус — голову мне оторвет, — прошептал Люцифер, памятуя о реакции сестры.
Та изначально была недовольна воскрешением грешника. Теперь она уж точно не придет в восторг.

Замаливание грехов, порой, и впрямь могло возыметь действие, смотря за какие заслуги и для кого. Временами, бог миловал даже прожженных душегубов, стоило им раскаяться и потратиться на храмы. Люцифер был категорически против такой милости, ибо загубленные жизни уравнивались в раю со своим убийцей, но его не спрашивали. Он лишь констатировал этот факт, как констатировал и то, помогает кому-то раскаяние или нет. Упомяну-

тым стрелком, тем двоим в монастыре оно не помогало. Люцифер это видел очень хорошо. Подойдя поближе, он прочитал одну их душу за другой.

Пресловутая священность монастыря Люциферу не препятствовала. Нечестивым дьяволом он был только в глазах невежд. По сути же он всегда оставался Светоносным архангелом. Вот разлом, ведущий в ад, на земле монастыря он открыть действительно не мог. Их сущности вступали в противоречие. Именно поэтому он таился и выжидал. Улучив момент, он схватил обоих грешников, раздвинул стены монастыря и унес их прочь, в качестве места для экзекуции выбрав прежнюю скалу.

С теми, кто намеренно связался с демонами, церемониться не приходилось. Невиновность там отсутствовала априори. Введенный в заблуждение, человек вполне мог работать с одержимым или выполнять нашептанную волю архидемона. Осознанные действия всякую неосведомленность исключали. Большинство одержимых было виновно только в том, что проявило излишнюю неосмотрительность. Разбираясь в делах культистов, это Люцифер усвоил уже давно. Кандидатов мастерски ловили на крючок, заманивали в ловушку и крепко захлопывали капкан. К дееспособным людям, целенаправленно сотрудничавшим с демонами, это не относилось. Сожженных в джунглях, наемников Люцифер покарал за злодеяния, а не прямое служение исчадиям ада. Захваченные в монастыре, два человека сотрудничали с ними не без выгоды, но добровольно.

Первый служил в разведке, занимая довольно высокий пост. На него, проведя умелое расследование, вышли агенты Люмениферус. Он знал, кто отдает приказы. Дьявольскую идеологию он не разделял, однако вполне довольствовался мирским вознаграждением. В любые времена, деньги оставались весьма ходовым активом. Для демонов эта пыль ничего не стоила, зато взамен они получали кровь, насилие и бесценные души. Щедрая оплата была таковой лишь в глазах высокопоставленного разведчика. Обретая призрачное богатство, взамен он терял несравнимо больше, а заодно и способствовал причинению великого зла.

Второй оказался финансистом. Он входил в совет директоров, возглавлявший известный и крупный инвестиционный фонд. Этот фонд пользовался отличной репутацией, слыл надежной гаванью для вложений и сулил весьма приличную прибыль. На бумаге все так и было. Биржевые сводки росли, инвестиционный портфель внушал надежность своим содержанием. На деле все обстояло совсем иначе. Финансовая пирамида была только частью тотального обмана. Манипуляции с ценными бумагами, множество

подставных организаций, запутанная схема банковских переводов — это список тянулся долго, охватывая большинство мошеннических методов, щедро приправленных демонической хитростью.

Науськанные демонами, алчные люди хорошо знали свое дело. Разоряя честных вкладчиков, они разоряли и настоящие, способные приносить большую пользу производства. Перспективные фирмы и предприниматели разорялись, идеи губились на корню. Иные выкупались только для того, чтобы лечь под пресловутый ковер и больше никогда не увидеть света. Заведомо пустые проекты при этом активно раздувались, их продажи росли, а цены непрерывно увеличивались. Они образовывали финансовые пузыри, дарили веру в несбыточные концепции и бесплодные технологии. Огромное количество ресурсов расходовалось впустую, торпедируя прогресс и пестуя воздух. Ненавидя человечество, демоны наносили ему серьезный вред. Благодаря такому подходу, они насаждали ложные ценности, чья польза была равна нулю, и при этом обращали плоды реального труда в абсолютное ничто. Схваченный Люцифером, финансист прямо этому потворствовал. Состоятельный и уважаемый, он имел огромное влияние в обществе. Он не мог не понимать, насколько сильно ему вредил, и какой ценой ему давались репутация и власть.

Раскаяние было редкостью. С тех пор, как началась история с мятежом, Люцифер его особо не наблюдал. Фанатики вроде культистов в принципе не каялись. Их добровольные подельники тоже ни о чем не сожалели, ибо прекрасно знали, на что и зачем шли. Сознательный выбор зла обратного пути не предполагал, и все же некоторые, порой, задумывались о своих поступках. Задумывались, и даже вымаливали прощение. Это объясняло, что разведчик и финансист делали в священном монастыре. Точно зная, что дьявол есть, они заведомо же точно обращались к богу. Это знание не лишало их права на искупление. Нюанс заключался в том, как именно оно происходило.

Чтение души позволяло определить, куда она в итоге отправится. Архангел и владыка ада владел этим искусством в совершенстве. Унеся двух людей из монастыря, он тем самым не обрек их души на вечное проклятье. Памятуя о справедливости, он не стал бы лишать их небесного прощения, хотя и состоял в конфронтации с богом. Обращение к свету следовало всячески приветствовать, от кого бы и как оно ни исходило. Прощение, однако, просто так не даровалось. В отличие от людей, Люцифер очень хорошо разбирался в том, почему одни его заслуживали, а другие нет. Глядя в души этих двоих, он заведомо предвидел грядущий

исход, отчего оба и очутились на скале. Их покаяние ничего изменяло. Конкретно этим людям прощения не было.

Не считая недопустимый перегиб, послание через стрелка приносило свои плоды. Приспешники демонов переполошились. Люцифер вскрывал их сеть, аккуратно выводя ее на чистую воду. Ее масштабы неприятно поражали, отчего он и не думал торопиться. Он собирал все горошины воедино, чтобы потом, одновременно, поддеть их ножом и вилкой. Привело это к тому, что иные условные горошины здорово перепугались. До них неожиданно дошло, чем чревато недовольство владыки ада. Убоявшись его гнева, они оценили свое положение и бросились искать защиты у бога.

О расчетливом умысле не шло и речи, ибо такое покаяние уж точно не засчитывалось. Формально, раскаяние разведчика и финансиста было искренним. Признавая, что натворили, оба усердно молились, ища спасения у священников и надавав множество обетов. В сравнении с вечным адом, непродолжительная мирская жизнь представлялась сущей ерундой, какой бы суровой она ни была. Якшаясь с демонами, ужасающе нагрешив, разведчик и финансист об этом сожалели, и в их мольбах не звучало и капли лжи. Он соблюдали все, что предписывала вера, воздерживались от пороков и всячески старались следовать праведности, однако им ничего не помогало.

В своем покаянном рвении, надеясь на отпущение грехов, молящиеся допускали ошибку, которую было бесполезно объяснять. Бесполезно потому, что в этом и состояла суть. Она либо уже исходила от души, либо даже после просвещения оставалась для нее недоступной. В надежде на прощение, раскаяние заведомо не работало, каким бы искренним оно ни получалось. Раскаиваться следовало в принципе, вне зависимости от того, простят в итоге или нет. Это было не важно. Важным оставалось только само покаяние, в его абсолютной и бескорыстной форме. У двух людей, унесенных из монастыря, именно это и отсутствовало. Их молитвы не имели значения, а посты и лишения заведомо проходили втуне. Усердно стремясь к прощению, именно его они из-за самоцели и не обретали.

Люцифер хорошо разбирался в том, кого прощали, а кого нет, и не только потому, что был владыкой душ. Он сам через это проходил. В былые времена, после восстания на небесах, лояльные богу ангелы продолжали его увещевать. Это делал и Михаил. Они просили Люцифера покаяться, раз уж он своевременно не успел одуматься; предлагали прийти к отцу с повинной, признать себя неправым и тем самым заслужить возвращение на небеса. В том

проблема и заключалась. Вернуться Люцифер уже не мог, и не потому, что его лишили бы прежних привилегий, развенчав первородного архангела до уровня простого небожителя. Раскаяние так не работало.

Гипотетически усмирив гордыню, пускай Люцифер и согласился бы на ничтожную роль, лишь бы снова оказаться в объятиях отца, однако неправым он себя не считал. Просить прощения за мятеж — это одно, тут Люцифер признавал, что и впрямь переборщил. Сделать это только ради некоего искупления — совсем другое. Люцифер прекрасно отдавал себе отчет, что не станет каяться ради самого покаяния. Сознательно и упрямо, он это возможным не считал. Последствия не заставили себя ждать. В конце концов, небеса закрылись для него окончательно, и больше он был не в состоянии их посещать. Теперь он мог туда вернуться только силой, для чего ему и требовался Михаил.

Помощь мятежным демонам усугубляла помощь демонам вообще. Наказание грешников не затянулось. По проторенной дорожке, Люцифер поступил с ними так же, как и со стрелком. Поднявшись из разлома, вечное пламя заживо утащило разведчика и финансиста прямо в ад. Разница заключалась в том, что там они еще не бывали и даже не догадывались, что их ждет. При этом Люцифер уже знал наверняка, что подобные души никогда теперь не выпустит. Ему хватило одного эпизода, за который придется держать ответ перед Люмениферус. Рано или поздно, она поинтересуется, чего поделывает воскрешенный стрелок, и лучше бы Люциферу ей не лгать. Он и так уже слишком о многом умолчал. Создавать еще одну проблему явно не стоило. Ее следовало упредить. Утвердившись в этой мысли, Люцифер собрался уйти в пространство, как вдруг его внимание привлек отчаянный гудок.

Ползущий по горному серпантину, автобус очутился на краю обрыва. Под обвал он не попал, но порой и один скатившийся камень становился причиной несчастного случая. Избегая столкновения, водитель инстинктивно вывернул руль, из-за чего не сумел вписаться в очередной поворот. Выезжая все дальше, он миновал крутой изгиб, но пройти его до конца не получилось. Автобус все-таки вынесло с дороги. Сорвавшись передним колесом, он резко накренился и ударился о камень. Упав на руль, водитель надавил на клаксон, что и вызвало истошный гудок. К сожалению, на этом автобус не остановился. Он прекратил движение по дороге, но не движение вообще. Хрупкого равновесия не получилось. Сев на брюхо, автобус скрежетал металлом и заваливался на бок. Опрокидывание ему не грозило. Ему угрожало стремительное падение в пропасть, до которого оставались считанные секунды.

Хоть и с большого расстояния, Люцифер различал происходящее очень хорошо. Архангельский взор открывал ему все детали, которые человек не рассмотрел бы и в подзорную трубу. Катастрофа выглядела неминуемой, если чуда все же не произойдет. Оно, ожидаемо, и не произошло. Скрежеща все надсаднее, автобус резко дернулся, еще резче завалился и ухнул с обрыва в пропасть, под отчаянные крики находившихся внутри людей. Его падение было недолгим. Хищная бездна уже ждала, ощерив внизу острые камни. Высота собиралась взять свою убийственную дань, и непременно бы взяла, не останови автобус чья-то твердая рука. Расправив крылья, его держал в воздухе подоспевший Люцифер.

Земля была весьма недружелюбным местом. Несчастные случаи, болезни, травмы и смерть подстерегали на ней повсюду. Созданная в жестокой конкуренции, жизнь пожирала саму себя, а когда она этого не делала, истреблению помогала неумолимая природа. Ее воздействие проявлялось повсеместно, штормами и обвалами, лавинами, засухой, наводнениями, извержениями вулканов, химическими загрязнениями и даже радиацией. Прекрасный на вид, мир смертных на поверку оказывался довольно-таки ужасным, и даже в аду, в известном смысле, было куда спокойнее. В отличие от животных, люди познавали это в полной мере, ибо умели философски мыслить, накапливать знания и рассуждать. Их бренность носила перманентный характер, а тела могли подвести в любой момент. Люцифер тоже знал это очень хорошо.

Прежде Утренняя звезда погубил немало представителей рода человеческого, а впоследствии немало же и спас. Этим он занимался и теперь. Обычно он не вмешивался везде и всюду, не бросался спасать всех и каждого, едва лишь видел пусть даже смертельную опасность. Как правило, он позволял всему идти своим чередом, ибо таковы были законы мироздания. Он не считал их идеальными и очень многое хотел изменить, но если всю жизнь водить людей за руку, оберегая их от каждой напасти, в чем тогда вообще смысл существования? Чем они станут отличаться от тепличного огурца? Беречь детей — это одно, а отводить любую шишку от взрослых — совсем другое. Люцифер и не отводил, хотя не без сожаления взирал на иной тонущий корабль. Он бы не вмешался и сейчас, но все еще пребывал под влиянием эмоций, вызванных деяниями стрелка. Он не пытался искупить одно другим, заглушить ощущение вины хорошим поступком. Он просто решил помочь хоть кому-нибудь, раз неким другим помочь уже не мог.

Находившиеся внутри, люди натурально обомлели, когда стало очевидно, что удержало автобус от падения. Снаружи, прямо за окнами, неторопливо взмахивала крыльями человеческая фигура.

Одетая во все белое, автобуса она едва касалась, но никто не сомневался, что именно ее вмешательство остановило смертельный полет. Успев испытать животный ужас, пассажиры автобуса ударились в его противоположность. При виде крылатого человека они пришли в неописуемый восторг. Религиозный восторг, ибо приняли его за того, кем он по сути и являлся. А именно, ангела, хотя бы и не того имени и ранга. Восхваления последовали незамедлительно. Крен в автобусе тому не препятствовал, ибо крылатая фигура удержала его в надлежащем равновесии. Вскидывая руки, славословя наперебой, пассажиры принялись возносить благодарности всемогущему и милосердному богу.

Осознание не заставило себя ждать. Не столько слушая, сколько по привычке читая души, Люцифер сообразил, кого он спас. В автобусе ехали не туристы, рабочие или местные жители. Следуя в один из монастырей, в нем находились паломники. Учитывая сакральность местности, удивляться их наличию не стоило, но Утренняя звезда эту категорию не жаловал. Как и священникам, ничего плохого он ей не делал, но не делал и хорошего. В самом прямом значении, он не делал ничего. Его логика была проста — кому вы поклоняетесь, тот пускай вам и помогает.

— Вы возносите благодарность не по адресу, дражайшие мужи, — иронично произнес Люцифер, ибо женщин в обитель неизменно не пускали.

Оголтелый и традиционный, шовинизм был частью религии, ее неотъемлемой сущностью и даже воплощением. Своим отношением к Люмениферус, а впоследствии и к Еве, им отличился даже бог, а с простых людей и тем паче спрашивать не приходилось. Они унаследовали его от Создателя, и лишь немногие находили в себе силы его побороть.

— Вы же ангел! Вас послал сам бог! Мы его благодарим! — не подозревая подвоха, наперебой загомонили паломники. — Но скажите нам свое имя! Мы будем благодарить и вас! Его благостного и светоносного посланника!

— Извольте, — прохладно улыбнулся владыка ада. — Я действительно Светоносный. Имя мне Люцифер.

Как и в случае с экзорцистами, паломники вот так сразу не поверили. Они изрядно растерялись, но принимать на веру слова чудесного ангела не спешили. Ведь именно с их верой те как раз и расходились. Люциферу пришлось устранить всякие сомнения. Посланные в сознание людей, образы говорили о нем более чем красноречиво. В дьявольском облике он там не представал. Наоборот, он показался в своем истинном виде, делая акцент на события. Он не пытался запугать кого-то или впечатлить. Он пока-

зывал правду. Не всю — лишь ее частичку, — однако в старательно подобранной, словно в презентации, последовательности.

Паломники увидели краткую историю Люцифера. Первозданная Вселенная была полна творения, вершимого богом и его старшими детьми. Появление человечества изменило все. Преисполненные света и покоя, небеса сотрясла война, спровоцированная уязвленной Утренней звездой. Не разделив единые идеалы, ангелы сражались с ангелами. Под звон оружия, ослепительные вспышки и переливы огней содрогались основы мироздания. Затем последовало падение, в огненном шлейфе от меча архистратига Михаила. Скитание по земле, иные миры, появление на небесах уже в роли пресловутого дьявола — все это проносилось в головах паломников мимолетными, но красочными и яркими видениями. И вот они узрели ад, со всеми его особенностями, демонами и падшими ангелами. Проклятые души получали там то, что заслужили. Незаслуженно же попавшие мучений избегали. Восстанавливая справедливость, Люцифер карал одних и оберегал других, появлялся на земле и пытался… Что именно — паломники уже не видели.

Пропитанное религиозными убеждениями, сознание паломников отказывалось воспринимать иную картину мира. Навеянное архангелом, психологическое воздействие дало понять, что все им показанное — правда. Они это чувствовали и более не оспаривали. Они удостоверились, кем был их спаситель, но остальное их уже не интересовало. В частности, что и почему сделал Утренняя звезда, каким убеждениям он следовал, и какое отношение это имело к человечеству. Его мысли, представления о будущем и законах мироздания полностью игнорировались. Паломники признали в нем дьявола, а для них его любые речи означали ложь. Их вера навечно окрашивала мир в черно-белую гамму. Бог — добро, Люцифер — зло, вне зависимости от их деяний и объективных фактов. Как результат, от бога они терпели любую несправедливость, а от дьявола не принимали даже бескорыстную помощь.

Отсутствие логики компенсировалось ее абстрактной формой, сводившейся к единственному фундаментальному правилу. Оно заменяло собственное мнение слепым повиновением. Здравомыслие было присуще лишь свободному сознанию, чьи границы не зависели от беспрекословного подчинения чужой воле. Рабу не положено рассуждать и тем более критиковать. Все, что не соответствовало вере, им заведомо отвергалось, даже если было предельно рационально. Это касалось абсолютно всех. Оставшиеся на небесах, ангелы безоговорочно подчинялись богу в лице его военачальника Михаила, и уже не могли поступить иначе. С теми, кто не

разделял их безвольного существования, они автоматически состояли в непримиримой конфронтации.
— Не удивлен, — оценив реакцию паломников, лаконично подвел итог Люцифер.

Развернувшаяся над пропастью, сцена носила отнюдь не театральный характер. Удерживая автобус, Люцифер показывал истину не просто так. Он заведомо подозревал, что это ничего не изменит, однако хотел предоставить людям шанс. Он не желал, чтобы они ему поклонились. Такой цели он в принципе не ставил и никого не принуждал. Он лишь надеялся не услышать хотя бы то, что в итоге все-таки услышал. Словно в едином порыве, не сговариваясь, паломники начали осыпать его проклятьями.

Конкретные слова значения не имели. Все эти эпитеты и даже все их комбинации Люцифер слышал уже много раз. Они его не то чтобы не задевали — он к ним просто привык, как невольник к своим цепям или пророк, которого забрасывают гнилыми овощами и камнями.
— Сатана! Нечистый! Изыди! Отправляйся в ад! — взывая к защите божьей, наперебой выкрикивали паломники.
Выражения и формулировки несколько разнились. Сходились они в одном — куда рогатому дьяволу следовало проваливать, хотя рогов у него не наблюдалось, да и выглядел он как-то совсем не дьявольски.
— В аду и увидимся, — холодно подвел черту Люцифер, заведомо зная, куда попадет большинство этих людей.
И разжал свою архангельскую длань.

Зависший над пропастью, автобус удерживала только сверхъестественная сила. Едва она отступилась, законы физики возобновили свое неумолимое действие. Кренясь и переворачиваясь, автобус ухнул вниз, набирая скорость падения перед неизбежным свиданием с камнями. На них он и грянулся, прекращая вопли и проклятия паломников. Взрыва не последовало, ибо детонировать было особо нечему. Реальные автокатастрофы обычно заканчивались только деформацией. При падении с высоты — очень сильной деформацией, превращавшей железо и тела в одно изуродованное месиво. Автобус еще катился, теряя элементы конструкции и громыхая по крутому склону, но жизни в нем уже не было. Она прекратилась в момент убийственного удара.

Оставаясь в воздухе, Люцифер все так же помахивал крыльями у обрыва. Его взор не выражал сочувствия, однако в нем сквозило некоторое сожаление. Он никого не погубил. Небеса не препятствовали падению автобуса, а он лишь дал этим людям шанс. Они ожидаемо его отвергли, и так же ожидаемо верующих

не защитило то, во что они верили. Их жизни были потеряны во имя слепых, далеких от истины идеалов. Эта бессмысленная гибель и огорчала архангела Люцифера.

Сцена была завершена, но в спектакле оставался последний акт. Точнее, эпилог.

— Почему мы? — раздался тихий голос.

Люцифер не оборачивался. Он знал, кому тот принадлежал. Ошалело переглядываясь, у самого обрыва стояли трое — водитель и двое пассажиров. Пассажирами были паломники, один другого моложе и еще не дожившие до среднего возраста. Водитель не сгибался под тяжестью лет, но его голова уже убелилась сединой. Вопрос исходил от него, что паломники целиком и полностью разделяли.

— Разве не очевидно? — негромко отозвался Люцифер.

Хоть и шокированных, изрядно напуганных людей ответ сатаны никак не устроил. Они, быть может, и вовсе вопросов бы не задавали, однако состояние аффекта работало специфическим образом. Накачанный адреналином, их мозг не затуманило безумие или паника. Кроме того, на ясность их сознания целенаправленно воздействовал архангел.

— Очевидно не для нас, — осмелился заговорить самый молодой паломник. — Почему мы остались в живых? Мы не обещали тебе поклоняться. И не пообещаем!

— Я этого и не жду, — повернулся к ним Люцифер.

Спасение состоялось в последний момент. Волей архангела, крыша автобуса ненадолго раздвинулась. Три кресла превратились в три спасательные шлюпки. Оплетя ремнями безопасности, они помогли вытащить троих людей. Затем кресла отправилась за автобусом, а люди благополучно приземлились на краю пропасти.

— Тогда почему? — напряженно подал голос второй паломник. — Мы проклинали тебя, как и все. Они теперь мертвы, а мы здесь. Нас ты спас, а их убил. Если ты желаешь благодарности — не дождешься. Можешь сбросить нас вслед за остальными.

— Я никого не сбрасывал. И тем более не убивал. Автобус уже падал. Я его остановил, и все стали благодарить за это бога. Вот только не бог его удержал. Я показал вам это наглядно, — неторопливо изрек Люцифер. — К проклятьям я привык, и зла на вас не держу. С вашим спасением все просто. Я могу обойтись без благодарности, но не помогаю тем, кто благодарит за мою помощь бога. Каждый получает свою справедливость. Автобус упал не потому, что я его бросил. Он упал потому, что бог изначально позволил ему упасть. Вы не говорите спасибо мне, но не сказали и ему. Мне этого вполне достаточно.

Произнеся монолог, Люцифер не исчез, пусть ему и хотелось. Разговор был окончен, но инцидент с автобусом все еще удерживал его в мире смертных. Ему оставалось только улететь.
— Силы небесные! Мы дрогнули перед дьяволом! Мы согрешили! Теперь мы попадем в ад! — осознав услышанное, ужаснулся седовласый водитель.
— Сейчас это не определено. Верьте во что хотите, только не чините зла. Деяния ваши пока на ад не тянут. Это говорю вам я, его владыка, — усмехнулся Люцифер.
Память он никому не стер, позволяя спасенным людям сделать собственные выводы. И надумай они кому рассказать, все равно в появление сатаны никто не поверит. Взмахнув белоснежными крыльями, Люцифер набрал высоту и стремительно унесся в голубое небо. Это уменьшало время до исчезновения мирских оков. Благодарности он и впрямь не просил. Этой бескорыстной добродетели он научился у своей светоносной сестры. К ней он и направился, едва вернул возможность шагнуть через пространство.

Война шла на разных фронтах, в том числе политических, финансовых и информационных. На одном из них вела упорную борьбу Люмениферус. В отличие от людей, она не сражалась на передовой и не расстреливала кого-то издали, нажимая на кнопки и отдавая приказы. Ее оружием было увещевание. Используя свой дар, она смогла просветить очень многих, отвести их от пути насилия и обратить к первозданному свету. К сожалению, кардинально это ничего меняло. Маховик войны раскачивался. Человечество уже было к ней готово. Циклично повторяясь, история не преподнесла ничего нового. Как верно приметил Михаил, для очередного столкновения накопилось слишком много предпосылок. Демоны все только ускорили и подтолкнули.

Накопившиеся экономические проблемы, насаждение своих ценностей, желание жить в долг и за чужой счет — все это приводило к неизбежному, то есть к силовому перераспределению влияния и ресурсов. Прикрываясь идеологией, люди цеплялись за привычный им порядок даже тогда, когда тот оказывался нежизнеспособным. Сама идеология при этом ничего не означала. Какими бы словами ее ни называли, значение имела только власть, основанная на все том же золоте. Виртуальные ресурсы существовали исключительно для широких масс, которым под видом собственности предлагалась ничего не стоящая пустышка. Реальные ресурсы принадлежали очень немногим людям, и именно за них шла суровая борьба.

С течением времени, привычный образ жизни становился не

привилегией, а проклятьем и приговором. Не желая с ним расставаться, власть предержащие шли на любое преступление, лишь бы сохранить свой статус и свои богатства. А за них приходилось воевать, когда система разлаживалась и выходила из-под контроля. Порой, ценой большой крови и множества загубленных жизней. Впрочем, кого из тех, кто мнил себя элитой, это хоть когда-нибудь интересовало? Обманутые овцы шли на убой за своими пастухами, а руно их делилось между победителями. При этом, кто бы ни выигрывал войну, однозначными победителями всегда выходили демоны. Истребляя само себя, человечество играло им только на руку.

Стараясь исправить ситуацию, Люмениферус не ведала покоя. Число ее последователей постоянно увеличивалось, но точечно и целенаправленно. В общей массе это почти не сказывалось, а публичного воздействия она избегала. Ее дар прогрессировал, однако и пользоваться им уверенно она пока не научилась. Она и вовсе воздержалась бы от обращения людей, если бы не обстоятельства. Ее вынуждала война, которую Люмениферус пыталась остановить. Не ведая своей силы, страшась последствий и непредсказуемого влияния на мир, она действовала очень осторожно. Ряды ее сторонников росли. Увы, ряды сторонников насилия росли еще больше. Демоны ведь тоже сложа руки не сидели.

Агенты Люмениферус регулярно выявляли культистов, совращенных ими людей и одержимых. Получая эти сведения, их брали в оборот служители Люцифера, однако ситуация особо не менялась. Все слишком далеко зашло, и зашло еще до того, как об этом стало известно Светоносным архангелам. Теперь они только и делали, что минимизировали последствия. Люмениферус старалась вразумить людей. Весь свой дар, все свое могущество она обращала на добро и умиротворение. Люцифер, тем временем, искал предателей, чтобы разобраться с ними раз и навсегда. Они породили это зло. Их уничтожение автоматически прекратит разгонять запущенную машину смерти. Скрывая правду от сестры, он занимался своим делом, хотя ни разу не отказался помочь с ее собственным. За ним он Люмениферус и застал. Покинув горные просторы, он очутился в филиале Красного Креста, которым негласно заведовала Светоносная.

Выбор был сделан неслучайно. Прикрываясь статусом врачей, имевшим международное признание, спецслужбы окопались там уже давно. Обратив бо́льшую часть агентов, Люмениферус обратила и медицинский персонал. Этот филиал Красного Креста стал ее неформальной штаб-квартирой, и постепенно она расширяла свое влияние. Люцифер, по сути, заведовал колдунами. Его

служители не состояли в каком-либо официальном обществе, хотя бы потому, что он к этому и не стремился. Люмениферус решила действовать открыто. Исходя из ее убеждений, выбор вполне закономерно пал не на Ассоциацию Стрелков, а Красный Крест.

Безмерно довольный, Люцифер ничего не имел против. Наоборот — он всячески помогал сестре в ее затее. Пока она возилась с отдельными филиалами, он уже предвидел и планировал, как Люмениферус овладеет всей этой обширной организацией, и тем самым заложит фундамент своего утверждения на земле. Заложит, используя свой дар, который она упрямо не применяла, пока не грянула война.

— Какие новости? — осведомился Люцифер, объявляясь в кабинете главврача.

На появление дьявола главный врач никак не отреагировал. Просвещенный Люмениферус, он уже знал, как обстоят дела. Он занимался своей работой, пока архангелы занимались своей.

— Так себе, — мрачно отозвалась сестра. — Мои агенты обнаружили несколько крупных ячеек культистов. Ими уже занимаются твои служители. К сожалению, им нельзя соваться в правительство. Это будет слишком заметно. Ситуация гораздо хуже, чем мы представляли. Демоническая зараза поразила много стран. Ее присутствие выявляется повсеместно. Двойные агенты и продажные чиновники — отличный источник компрометирующей информации. У людей есть такое выражение "карманные лидеры". Теперь он приобрел еще одно значение, ибо это смотря у кого они в кармане.

— Кто ими управляет? — опасаясь худшего, уточнил Люцифер.

— Пока не знаю. Следы ведут на самый верх. Людям здесь не справиться. Я собираюсь проверить это лично. Я уже выявила очень многих. Среди них оказались даже министры, — озабоченно уточнила Люмениферус. — А у тебя какие новости?

— Тоже не очень, — ответил Люцифер.

Не откладывая в долгий ящик, он поведал о своем визите в тропическую страну.

Сожжение наемников было лишь одним из эпизодов, которых насчитывалось довольно много. Где-то Люцифер свершил возмездие или устроил показательную акцию, а где-то совсем не дал о себе знать. Не забыл он и про инцидент в монастыре. Автобус с паломниками он не упомянул, однако о стрелке не умолчал. Принятому решению он не изменил. Пусть лучше сестра узнает об этом от него, нежели однажды выяснит все сама. Зная ее характер, получится кратно хуже.

— А я предупреждала, — выслушав признание брата, замети-

ла Люмениферус.
— Ты как-то на удивление спокойна, — искренне удивился Люцифер.
Он ожидал эмоциональной вспышки и скоротечного, но бурного скандала. Без обиняков, Люмениферус имела право возмущаться. Она изначально была против воскрешения стрелка, и не зря, как в итоге оказалось.
— Надеюсь, брат, впредь ты будешь куда осмотрительнее, — наставительно изрекла Люмениферус.
— Это само собой. Можешь не сомневаться, — избежав разноса сестры, ощутил невероятное облегчение Люцифер.
— Однако всему есть цена, — неожиданно продолжила Люмениферус. — Ты мне должен, раз оплошал. Теперь уже я попрошу у тебя услугу.

* * *

Засушливую равнину усеивали поля, перемежаемые цепочками скудной растительности и грудами камней. Вдали, у подножия гор, начинались холмы, где ее становилось заметно больше. Оттуда текла река, извилисто виляя среди возделанных земель. Вокруг нее, словно часовые, цеплялись корнями узловатые деревья. Желтоватая и мутная, река питала их с неизменной щедростью, как и многочисленные арыки, протянувшие от нее свои рукава. Их тоже обрамляла зелень. Вода дарила ей жизнь. Плескаясь в потоке, журча на поворотах, она протекала к фруктовым плантациям, наполняя их отрадной свежестью. Отводимая земледельцами, она уходила к хлопковым полям, орошая их сухую, жаждавшую ее ласки почву. Река питала всю равнину. Без нее, страдая от засухи, она давно бы превратилась в бесплодную полупустыню. Талые воды гор позволяли ей цвести и приносить урожай на протяжении веков.

На перекрестке дорог, у старого моста, чьи камни укладывали еще пращуры, раскинулась большая деревня. За высокими изгородями зеленели сады. Невысокие глинобитные дома покрывали простые соломенные крыши. Купаясь в желтой пыли, на улице заливисто чирикали воробьи. Откуда-то из-за ограды им вторили кудахтавшие куры. Позванивая колокольчиком, за глиняной стеной блеяла коза. Сонно жужжали мухи. Надсадно скрипела ручка, приделанная к старинному колодцу. Ржавая, но еще крепкая, она все так же помогала наполнять ведро, как делала это сотню лет назад.

Казалось, время в этой деревне остановилось. О цивилизации

напоминали лишь столбы, чьи провода тянулись вдоль главной улицы. О ней же говорил видавший виды грузовичок, неторопливо проехавший в направлении полей. Там потрескивал трактор, чья облупившаяся краска роднила его с картинами импрессионистов. Оттуда же доносились голоса людей, работавших до позднего вечера. Выходившие в поля, трудившиеся на фруктовых плантациях, они выращивали и собирали кормивший их урожай. Так делали их деды, неизменно следуя одному и тому же распорядку. До них так поступали прадеды и прапрадеды, уводя свои родовые линии в глубину веков. Где-то там, в небесной вышине, чертили пушистые дорожки серебристые авиалайнеры. Над ними, невидимые глазу, проносились спутники, посверкивая в свете звезд. Жителям деревни не было до них никакого дела. Отвергая прогресс, они жили неизменным строем, основанным на родовых традициях и древних устоях.

Оглядываясь по сторонам, Люцифер не понимал, зачем его сюда притащили. Таких селений он повидал в избытке. Ничего нового они ему не приносили, тем более что этого нового в таких местах особо и не происходило. За редким исключением, тут все повторялось словно во временной петле. Нося одинаковый набор имен, люди здесь рождались и умирали, не оставляя после себя никаких следов, и сама Вселенная неторопливо следовала мимо них. Однажды религия помогла им выжить. Потом она застопорила их развитие, а позднее и вовсе остановила, запирая в историческом забытье. Любое изменение здесь воспринималось в штыки. Фанатичное толкование идеологических азов следовало всему буквально. Люцифер не одобрял это до крайности. Он давно бы навел здесь иные порядки, но ему хватало и других забот. В отличие от бога, он не обладал его вездесущим могуществом и был вынужден выбирать, следуя расстановке приоритетов.

Сокрытые от улицы стенами, дворы оставались невидимы для людей, но не для архангелов. Они свободно перемещались куда хотели, и один из дворов не оказался исключением. Ничем не примечательный, он походил на множество других, если не считать подчеркнутой чистоты и отнюдь не бедного убранства. Скрипучая калитка вела к типичному дому, возле которого дымилась печь. Судя по аромату, там выпекались классические лепешки. За домом благоухал тенистый сад, где царила блаженная прохлада.

— Сюда, — привлекая внимание брата, кивнула Люмениферус.

Встрепенувшись от накативших мыслей, Люцифер посмотрел, куда указывали. Там стояла беседка, выполненная рукой искусного мастера. Под куполом ее деревянной крыши, защищавшей от палящего дневного зноя, устроился какой-то старец. Высо-

хший и длиннобородый, он полулежал на подушках, в изобилии устилавших пространство вокруг него. Его голова кренилась под тяжестью внушительной чалмы, словно ее размер что-то да означал. Тонкие сухие губы посасывали чубук, бурля стоявшим рядом кальяном.

Неторопливо пуская дым, отсутствующим взором старец смотрел куда-то в бесконечность. Архангелов он не видел. Впрочем, он вообще вряд ли что-то видел. Судя по запаху, кальян был наполнен особой смесью, ныне запрещенной к употреблению даже в закоснелых патриархальных местах.

— Это кто? — коротко осведомился Люцифер.

— Прочти. Сам поймешь, — столь же лаконично предложила Люмениферус.

Пожав плечами, владыка ада приблизился к старцу, пребывавшему в мире возвышенно-духовных наркотических грез. Чтение его души много времени не заняло.

Сэкономив время на объяснениях, Люмениферус была полностью права. Заглянув в эту душу, Люцифер прекрасно понял, зачем сестра его сюда привела. Она показала ему то, чем всегда возмущалась до последней частички своего светоносного существа. Старец олицетворял женоненавистничество. Его отношение к противоположному полу носило даже не потребительский, а презренный и садистский характер. Таким было мало лишить женщину всяких прав. Прикрываясь дремучими обычаями, толкуя законы к своей вящей выгоде, они вытворяли что угодно, практически никогда не неся за это ответственности. На земле. В аду их было полным полно. К сожалению, лишь там они получали заслуженное возмездие. Выращивая детей в безоговорочном повиновении, с малолетства разделяя их на избранных и бесправных, они воспитывали себе подобных, и бесконечно передавали эту отвратительную эстафету из поколения в поколение.

— Моральный урод, с юности отравленный мракобесием, — констатировал Люцифер. — Таких мне не жаль. Иной молодежи сворачивают мозги принудительно. Этот принял все охотно и добровольно. Ничего нового.

Люмениферус поморщилась. Она ожидала от брата бо́льшей прозорливости. С его-то пониманием психологии, чтением души и познанием памяти он был просто обязан увидеть то, что выходило далеко за пределы этого сада.

— Дело не в том, что он моральный урод. Это я знаю и сама, — с нотками раздражения сказала Люмениферус. — Он идеолог для других моральных уродов. Многие из них сейчас у власти, где насаждают свои первобытные порядки.

Посланные прямо в сознание, уточняющие образы соответствовали прочитанному Люцифером. Забитые и бесправные, женщины только начали оживать. Перемены наконец-то докатились и до этих краев. Робко поднимая головы, они увидели свет солнца, веками скрываемый сеткой для лица, и вот он снова померк. Мировые потрясения возвращали все на круги своя. Стоило цивилизации отступить, как ее место тут же занимал дремучий архаизм. Схватившись за ресурсы, крупные игроки оставляли периферию, где немедленно восстанавливались средневековые порядки. Бесправие женщин здесь было нормой, вплоть до узаконенного убийства жестокими способами.

Невежество царило даже в толковании религиозных основ, что приводило к омерзительным отношениям с заведомо малолетними. Фундаментальные тексты трактовались настолько вольно, либо настолько буквально, что даже общеизвестные исторические реалии зачастую игнорировались. По сути, они сплошь и рядом подгонялись под желания конкретных людей, пытавшихся оправдать их казуистикой. Старец в беседке только выглядел благообразно, со своей белой и очень длинной бородой. На деле под его сединами скрывался не умудренный годами разум, а примитивное, отравленное злобой и фанатизмом чудовище. Люцифер не впервые разбирался с ними по-своему.

— Мне его сжечь? — осведомился он, и засветившиеся глаза архангела не предвещали для старца ничего хорошего.

— Это я могла сделать и сама! — фыркнула Люмениферус. — На кой бы ты мне тогда понадобился?!

Разгораясь все ярче, Люцифер уже готовился вершить справедливость. Реплика сестры охладила его гневный пыл.

— А действительно, на кой? — озадачился он. — Говори уж толком. Я не всевидящий, как отец, и точно не ясновидящий.

— Спалить нашим светом — это слишком просто. Так легко они не отделаются. Мое наказание достойно этих отвратительных людей, — явно о чем-то припоминая, с трудом сдержала эмоции Люмениферус. — Я полагаю, ты его оценишь.

— Я-то здесь при чем? — по-прежнему недоумевал Люцифер.

— Потому что придумать мало. Исполнить такое могут только двое. Бог или ты, — пояснила сестра.

И тут же послала в сознание брата все детали созревшего у нее возмездия.

Как правило, Люцифер не вторгался в психологию людей. Это шло вразрез со свободой выбора. Даже немного изменив их личность, он тем самым влиял и на поступки, которые заведомо становились не присущи изначальному сознанию. Владыка душ, он

умел не только исцелять их, но и править. Фактически, исцеление и означало исправление, однако оно носило положительный характер. При этом сила Утренней звезды была абсолютной, то есть располагала возможностью вносить характер и отрицательный. Например, наделить праведника пороками, сделать трезвенника пьяницей или внушить безгрешной деве плотский соблазн. Положа руку на сердце, когда-то Люцифер так и поступал, искушая даже очень стойких людей. Те времена давно прошли. Переменившись к человечеству, он уже не использовал свой дар ему во вред, ограничиваясь лишь редкими и оправданными вмешательствами. Одним из них и оказалась просьба Люмениферус.

Светоносная архангел и впрямь придумала достойное наказание, вполне соответствующее шовинистическим сексистам. Вот только реализовать его сама она никак не могла. Это было по плечу лишь властелину душ, повелителю ада, первородному архангелу Люциферу.

— Ты мне должен, — веско напомнила Люмениферус.

— Теперь понятно, почему ты не устроила мне разнос, — проворчал Люцифер. — Ты воспользовалась ситуацией.

— Я предвидела ее с самого начала, — улыбнулась Люмениферус. — Я не сомневалась, что ты сядешь в лужу со своей затеей. Души в ад просто так не попадают. Теперь, владея даром просвещения людей, я понимаю это лучше как никогда.

— Не ожидал от тебя такой расчетливости, — удивился Люцифер.

— Ты перенял многое от меня. Я от тебя. У нас это взаимно, — лукаво прищурилась Люмениферус.

— Ладно, будь по-твоему, — не стал упираться Люцифер. — Идем. Придется похлопотать.

Хлопот и впрямь оказалось предостаточно. Наказание Люмениферус только иссохшим старцем не ограничивалось. Пока этот авторитетный мракобес курил наркотик в своей беседке, его шовинистические идеи активно находили отклик в патриархальной среде. Разумеется, архаичный старец был не один. Таких бородачей, как он, насчитывалось много, и каждый проповедовал сексизм. Просто этот выделялся особо. Принимая злобный фанатизм за святость, а больное отношение к миру за праведность, к нему прислушивались многие. Те, кто дорвался до власти и вовсю насаждал средневековые, отступившие было прочь порядки.

Составленный Люмениферус, список получился внушительным. Следуя ему, Люцифер посещал одного бородатого изувера за другим. Физически он их и пальцем не трогал. Протягивая светившуюся длань, он всего лишь корректировал их психологию, изменяя в ней одну-единственную черту. Он словно переключал

некий триггер, менял значение логической переменной на противоположное. И это изменение имело очень выразительные последствия.

Даже с возможностями архангела возиться пришлось довольно долго. Люди из списка не сидели в одной комнате. Разрозненные и деятельные, они встречались в разных местах за разными же занятиями. Избегая свидетелей, их требовалось застать в относительном покое и наедине. В противном случае хлопот изрядно прибавлялось, а уединенное вмешательство проходило тихо и незаметно. Впрочем, это как посмотреть. Воздействуя на мужчин из списка, ибо женщины там заведомо не фигурировали, Люцифер неоднократно констатировал, насколько их публичные заявления расходятся с собственными делами. Порой, настолько, что становилось даже гротескно.

Один из мракобесов неистово проклинал проституток, ратуя за смертельное забивание их камнями. В религиозном рвении, он вещал об этом при каждом удобном случае, грозя и тем, кто был противником подобных мер. Люцифер лишь презрительно усмехнулся, застав этого блюстителя нравственности с одной из них. Бородач проявлял изрядную фантазию, не иначе подогретую распаленной добродетелью. Свои фанатичные заявления он явно оставил за порогом, вместе с разбросанными элементами одежды.

Другой патриарх проповедовал трезвость, проявляя абсолютную нетерпимость к употреблению алкоголя. Обоснований у него водилась масса, начиная от священных текстов и заканчивая толкованиями разных старцев. Как оказалось, это не мешало ему прикладываться к бутылочке, причем не без вкуса и со знанием дела. Карая других, он сам и не думал останавливаться, даже не пытаясь преодолеть собственный порок. От его религиозного запрета пострадало множество людей. Он же никакого наказания не нес.

Отдельного внимания заслуживало прелюбодейство. С незапамятных времен, с виновными в этом грехе обходились весьма сурово, от сечения плетьми до особых ножей лекаря. Третий мракобес мечтал о повсеместном возрождении таких наказаний и старался реализовать их на практике. Сам же блудил с чужой женой, да еще с ведома ее мужа. Он был начальником, а муж подчиненным, что породило эту нездоровую, но взаимовыгодную связь. Жена была имуществом, которое в принципе не спрашивали. Разоблачения бородатые праведники не боялись, что Люцифер прочел очень хорошо. Они уже решили, что во всем обвинят несчастную женщину, которая слушалась своих тиранов беспрекословно. При случае, ее ждала неминуемая смерть, обеляющая обоих злоде-

ев и позволяющая им сохранить лицо.

Еще один патриарх отличился воровством. Его видели только архангелы, в то время как сам религиозный вор не видел их. Суровые моральные устои не помешали ему запускать руку в чужой карман. Точнее, в общественное имущество, отобранное у неправедных и неверных. Крал он жадно и много. Так, словно мог набрать ровно столько, сколько вообще унесет. Должно быть, этот пыл ему внушила святая вера, за которую он публично обещал хоть голову сложить. Наставленный на путь истинный, не иначе он собрался захватить украденное с собой в могилу, чтобы заплатить им за пропуск в рай.

Еще несколько мракобесов банально делило власть. Прикрываясь все той же идеологией, они соревновались во вводимых ограничениях, ратуя за добродетели, кто во что горазд. На деле же каждый пытался урвать себе место повыше и посочнее. В лидеры обычно выбивался наиболее яростный фанатик, чья жестокость граничила не со святостью, а безумием. Таких обычно слушались беспрекословно, под страхом сурового наказания во имя праведности и порядка. Они же, добиваясь своего, были по-настоящему опасны для общества, которому обещали служить, но которое в действительности служило им.

Начав с заметной неохотой, по мере посещения шовинистов Люцифер уже и сам проникся вершимым возмездием. Грехов и злодеяний у этой презренной компании хватало и без издевательства над женщинами. Под конец он даже похвалил Люмениферус за изобретательность. Она и впрямь придумала достойное наказание, в полном соответствии с их поведением и убеждениями. Когда Люцифер закончил, сексисты преобразились. Они больше не интересовались женским полом. Теперь эти женоненавистники испытывали неудержимое влечение лишь к таким же бородатым мракобесам, как и они.

Особый, весьма глубокий смысл наказанию придавали религиозные устои наказуемых. Мужеложество у них считалось тягчайшим грехом, за который обычно расплачивались жизнью. Став безразличными к женщинам, теперь они интересовались только себе подобными. Велением телесной природы, они лишились тех, кого столь яро унижали, презирали, мучили и даже ненавидели. Получив по заслугам, теперь они в принципе игнорировали женский пол, который прекрасно обходился и без них.

Нанося последний штрих, как разошедшийся художник, Люцифер не удержался. Застав пару мракобесов вместе, он услышал, как те обсуждали очередные дикие запреты. Они бы и вовсе запретили самих женщин, кабы не удовлетворяли с ними свою по-

хоть. Люцифер избавил их от этой заботы. Усилив свое воздействие до апогея, он вынудил этих сексистов броситься в объятия друг друга. Его светоносная сестра аж скривилась и глаза отвела.
— Удовлетворена? — осведомился он, наблюдая за ее реакцией.
— Более чем, — заключила Люмениферус. — Следует отдать тебе должное. Как обычно, ты мастер своего дела.
— Только имей в виду. За те прегрешения, что натворят из-за меня эти моральные уроды, я с них в аду не спрошу, — поднял палец Люцифер. — Когда я вредил человечеству, за навязанные грехи ко мне ни одна душа не угодила. Принцип свободы воли никто не отменял. Совращение — это одно, а принуждение — совсем другое. Я перестал это делать, когда понял всю бессмысленность затеи.
— Это само собой, — кивнула Люмениферус. — Но они все равно никуда не денутся. За ними хватает и других грехов. Пусть мечтают о гуриях сколько влезет, но по факту получат демонов. Даже представлять не хочу, что демоны сотворят с ними в преисподней.

Вернувшись в Красный Крест, Люмениферус тут же принялась за дело. Пока Люцифер воплощал ее наказание, она оставалась в роли проводника и наблюдателя. Теперь они поменялись местами — Люмениферус работала, Люцифер смотрел и слушал. Координируя агентов, медиков и других людей, сестра была центром и командующим своей сети. Тысячелетиями общаясь с владыкой ада, она насмотрелась на управление множеством подчиненных. Это был теоретический опыт, но теперь она реализовала его на практике прямо на ходу. И ей это вполне удавалось.

Не озвучивая вслух, Люцифер мысленно хвалил административные навыки сестры. Она, безусловно, была другой, и командовала людьми совсем иначе. Ее чувства никуда не делись, и она предпочитала брать не властной жесткостью, а убеждением и добротой. Тем не менее, Люмениферус была лидером, и очень ярким. Люди подчинялись ей не из страха или по принуждению. Ее уважали и действительно любили. В ней видели проводник, ведущий к свету, его источник и путеводный луч. Сила ее была велика, однако силу физическую она не применяла. Ее светоносный дар завоевывал окружающих лучше всяких дел и слов. Отдавая ему должное, Люцифер охотно пожинал плоды. Сеть Люмениферус приносила уйму полезной информации. Ему только и оставалось, что использовать ее в своих интересах. Навещая сестру, он регулярно собирал неплохой урожай. Покончив с наказанием сексистов, по этой причине он задержался и сейчас.

Забот у Красного Креста хватало, причем и без разразившейся войны. Обретя множество последователей, Люмениферус недо-

умевала, как она обходилась без них раньше. Ее практические возможности несравнимо возросли. Верные люди были ее глазами и ушами, исполнителями воли и ценнейшим источником разнообразных сведений. В известном смысле, она начала поспевать сразу во многих местах. Теперь, и только теперь она стала понимать, какими ресурсами, командуя армией ангелов, располагает Михаил.

По соседству с кабинетом главврача располагался настоящий командный центр. Светлый и просторный, он был оснащен компьютерами и различной аппаратурой, за которой трудились доверенные ассистенты. За рядами столов сидели операторы, одновременно поддерживая связь с распределенными контактами в разных странах. Стены были увешаны большими экранами, куда выводилась интерактивная информация.

— У меня новости по вашему заданию, госпожа! — объявляясь на одном из них, сообщила молодая женщина.

— Э. Знакомое лицо, — обронил Люцифер. — Ты же та стажерка, которую моя сестрица обратила одной из первых.

— Все верно, господин. Простите, я вас не заметила, — почтительно, но без раболепия приветствовала его женщина. — Только я теперь не стажерка, а полноправный агент. Госпожа оценила мои заслуги.

— Ты вроде и выглядишь иначе, — снова не удержался от замечания Люцифер.

— Я была гораздо полнее, если вы об этом, — улыбнулась бывшая стажерка. — Госпожа исполнила мою маленькую просьбу и скорректировала мне фигуру.

— У тебя все? — сердито одернула брата Люмениферус. — Докладывай! — продолжила она женщине на экране.

— Попечительский совет принял решение закрыть сиротский приют. Он объявит об этом завтра, — сообщила та.

Люцифер мысленно чертыхнулся. С его точки зрения, сестра распыляла свои силы. Наконец-то набрав себе людей, она с энтузиазмом ударилась в благие дела. Спору нет, Люцифер это приветствовал, и в целом даже помогал, однако сейчас у них были заботы и поважнее. Война, мятежные демоны, загадка пропавших душ — все это заставляло его изрядно волноваться, причем по экспоненте. Сестра же занималась всем и сразу, не забывая о поручении брата, но и не в ущерб своим собственным делам. Дорвавшись до заботы о человечестве, она словно выплескивала веками копившуюся в ней энергию. Увы, Люцифер по-прежнему хранил все в тайне, отчего и не мог объяснить, насколько приоритетными должны быть именно его задания.

Души продолжали исчезать, так и не попадая в ад, а негласная ревизия показала, что некоторые сбежали и оттуда. Выявляя мятежников, обнаруживая их сообщников, Люцифер прибывал допрашивать тех, кто успел очутился в преисподней, но именно там он их не находил. Вне всяких сомнений, изменники и пропажа душ были как-то связаны, но ни сути, ни физической основы этой связи он пока не понимал. Михаил с ответом не спешил, а Люцифер, как ни старался, так ничего и не выяснил. Точнее, не выяснил до конца. Неявный след он все же нащупал, с чем ему и помогал Красный Крест Люмениферус.

Пользуясь присутствием госпожи, с командным центром связывалось сразу множество людей. Как архангел, она тоже слышала обращенные к ней молитвы, но конкретно здесь предпочитала человеческие коммуникации. Компьютеры, телефоны и антенны предназначались для персонала. Разговоры и файлы обрабатывались и записывались. Это позволяло узнавать все не только самой Люмениферус, но и ее многочисленным помощникам.

— Груз у нас, госпожа, — доложил подтянутый агент, объявляясь на очередном экране. — Служители вашего брата обезвредили группу культистов и двоих одержимых. Их тела они передали нам. Сейчас патологоанатом будет их вскрывать.

— Живыми кого-то захватили?! — наконец-то услышав нечто важное, снова влез в разговор Люцифер.

— Нет, господин. Не удается, — качнул головой агент. — Кто-то хорошо постарался, чтобы этого не допускать.

Владыка ада ничем не выдал своих эмоций. Он отлично знал, что пресловутый "кто-то" — это мятежные демоны. К сожалению, он еще далеко не всех узнал по именам. Чтобы никого не упустить, он не торопился сжигать всех подряд. Он выжидал, выявляя изменников и не желая упустить рыбу покрупнее. В том числе поэтому он и откладывал суд над архидемоном, чтобы нанести удар наверняка.

— Если ты не против, я отправляюсь туда, — скрывая накатившее волнение, деловито сообщил сестре Люцифер.

— Против. Я не пойму, зачем тебе потрошить покойников? Что ты так упорно ищешь? — пытливо осведомилась она.

— Сам пока не знаю, — честно ответил Люцифер, у которого и впрямь не было ничего, кроме смутных предположений. — Так я пойду?

— Сначала поможешь мне с приютом. Я справлюсь и сама, но с тобой надежнее, — безапелляционно заявила Люмениферус.

Снова мысленно чертыхнувшись, Люцифер решил не спорить. Во-первых, излишне давить на сестру не стоило. Она и так

серьезно помогала, и пока еще не заподозрила неладное. Во-вторых, Люцифер не желал препираться с ней на глазах у людей. Не просто людей, а ЕЕ людей. Следуя своему же принципу, он не забывал, насколько важен незыблемый авторитет. Ради этого авторитета он утаивал мятеж и пропавшие души от сестры. Защищая свой, он не позволял себе ронять ее собственный. Сделав кислую мину, он заявил, что сделает — так уж и быть, — это одолжение. К сожалению, его пришлось делать незамедлительно, о чем сообщила поманившая рука Люмениферус. Еще выразительнее скривившись, владыка ада прошел через пространство вслед за ней.

О детях заботился не только Люцифер. Правильнее сказать, из людей он в основном заботился именно о них, а Люмениферус переживала сразу за всех. Впрочем, детям она тоже отдавала естественный приоритет. Особенно одиноким и беззащитным, каковые обычно и встречались в приютах. Приют ведь был приюту рознь. Государственные и частные, обеспеченные и бедные, они отличались также идеологией и персоналом. В одних детям ничего не угрожало. Не считая отсутствия родных и близких, там они чувствовали себя вполне приемлемо. В другие, по мнению Люмениферус, им вообще попадать не стоило. Приют, который собирались закрыть, занимал промежуточное положение. Не плохой и не хороший, он просто был, давая пристанище обездоленным сиротам, и буквально завтра их судьбу ждало очередное потрясение.

По большей части, за так называемой благотворительностью всегда что-то стояло. Манипуляция с налогами, различные преференции, статусные привилегии или имиджевые ходы — за редким исключением, люди никогда ничего не делали просто так. Бескорыстная помощь оставалась таковой в основном на бумаге, для массмедиа и общественности. По факту она обычно приносила какую-то выгоду. Когда ее перевешивали некие издержки, благотворительности наставал конец. Фонды расформировывались, гранты заканчивались, сиротские приюты подлежали закрытию. Причины не имели значения, изменилась политическая повестка или экономика переживала потрясения. Суть оставалась неизменной. Едва благотворители затрачивали больше, нежели имели, они ликвидировали расходную статью, традиционно предпочитая выгоду любой добродетели.

В наилучшей форме, бескорыстное добро предполагало анонимность. Публичные деяния, как минимум, тешили самолюбие и пестовали нарциссизм. Принося известность, столь необходимую для эго некоторых людей, они приносили и некие дивиденды. Дея-

ния скрытные это заведомо не включали. Любая выгода автоматически не подразумевалась. Безусловно, все зависело от конкретной ситуации, ибо даже анонимность сама по себе альтруизма не означала. Тем не менее, она была достаточно показательной. Кто-кто, а владыка ада это знал. К публичной благотворительности он всегда относился весьма скептически, и на то у него имелись веские причины.

За пафосными речами и громкими проектами сплошь и рядом стояли финансовые махинации, а в наихудшем случае криминал и извращения. С завидной регулярностью, красивый фасад на поверку оказывался лживой гнилью. За публичным славословием и даже святостью вскрывалось бессердечное отношение к обездоленным и страждущим. Иных благодетелей знал и почитал весь мир, посмертно нарекая их именами различные социальные объекты. Гораздо лучше знали их в аду. Сокрыть от Люцифера свою истинную сущность было невозможно. Живые пребывали в уверенности, что их святые отправились в рай, зачастую вознося им проникновенные молитвы. Они же, тем временем, получали свое сполна в глубинах преисподней. Любое пожертвование, направленное не по адресу, каждая благотворительная монета, полученная ценой человеческих страданий, жгли их жестокие души хуже раскаленной стали.

Не располагая возможностями брата, Люмениферус исходила из жизненных реалий. Не читая в душах напрямую, она следовала насущной практике. За фондами, социальными программами и приютами она приглядывала по свершившемуся факту, закрывая глаза на мелкие нарушения, но наказывая за серьезные. Нецелевое расходование средств грозило свиданием с разгневанной архангелом. Обделение детей — тем более. Люмениферус терпела, когда приюты действительно финансировались, пускай и к определенной выгоде их содержателей. Их закрытие немедленно вызывало у нее вопросы. К сожалению, ее усилия оставались каплей в море, ибо божественным всеведением она не обладала. Многое вообще не попадало в поле ее внимания, однако с недавних пор картина начала меняться.

Идущие за светом, люди Люмениферус постоянно увеличивали ее возможности. Красный Крест становился неоценимым источником гуманитарной информации. Сообразив, какие перспективы он открывает, Люмениферус на достигнутом не останавливалась. Ее сеть постепенно расширялась, вбирая в себя хороших и достойных людей. Используя их во благо, она за месяц добивалась того, на что прежде уходили годы, а то и сотни лет. Человеческое общество функционировало само. Люмениферус только и остава-

лось, что его наставлять. Прежде она все делала лично, растрачивая архангельскую силу по отдельным инцидентам и пустякам. Управление процессами позволяло ей достичь несравнимо большего. Именно об этом толковал Люцифер, ныне утверждая, что человечество следовало направлять. Этим Люмениферус и занялась, реализуя теории светоносного брата на практике. Прихватив его за компанию, она отправилась спасать закрывавшийся приют.

Ситуация оказалась вполне типичной. Попечительский совет подошел к вопросу исключительно меркантильно. Расходы на приют окончательно перевесили его практическую пользу. Богатые люди больше не хотели тратиться на то, что им ничего не приносило. Поменявшись в составе, совет поменял и свою стратегию. Он отзывал финансирование, а без него приют существовать не мог. Судьба сирот никого не интересовала. Решение было принято. Работникам приюта отводился месяц, чтобы до закрытия пристроить всех детей. Частично им это удавалось. Точнее, должно было удастся. Заглядывая в будущее, Люмениферус предвидела это довольно хорошо. К сожалению, не менее ясно она различала и плохие последствия. Не обретя новое пристанище, некоторые дети оказывались на улице, и допустить такое развитие событий она никак не могла. Держа руку на пульсе, агенты помогли не упустить критический момент. Получив от них известие, архангел поняла, что настал черед вмешаться.

Вмешательство осложнял принцип добровольности. Справедливость принуждения не предполагала. Самый бессердечный богач имел полное право тратить свои деньги как угодно. Какой бы ни была, его благотворительность оставалась его же выбором. Как архангел, Люмениферус легко могла бы заставить кого угодно, однако против подобных мер выступал даже Люцифер. Свобода воли была тем, в чем он разделял позицию бога и отца. Правда, с серьезной оговоркой. Бог предоставлял некую свободу выбора, но карал за якобы неправильный. Тот, что не устраивал персонально его. Люцифер наказывал за конкретные дела, а не сам неугодный выбор в принципе. Этому подходу он учил и Люмениферус. Взять и заставить богача раскошелиться она не могла, даже на нуждавшихся детей. Ей приходилось действовать иначе, но это как раз и позволяли возможности архангела.

Люмениферус никому не платила и не обещала покровительство. Так добро не делалось. Она не создавала источники финансирования и не замыкала все на себя. Ее вмешательство происходило в реальной человеческой ситуации. Оценивая обстоятельства, она находила пути, как повернуть все во благо. Это происходило незаметно, приводя к желаемому результату. Например, Люмени-

ферус подстраивала жизненные инциденты, влиявшие на исход. Бытовые или общественные, они воздействовали на поступки выбранного человека. Непосредственный контакт тоже приносил свои плоды. Притворяясь кем угодно, Люмениферус общалась с нужными людьми и своими разговорами влияла на развитие событий.

Подстраивать инциденты научил Михаил, безупречно владевший физикой вещей. Люмениферус была хорошей ученицей, и его наставничество не прошло впустую. Порой, даже разбитая чашка могла изменить ход событий в желаемую сторону. Что касалось бесед, то они были собственным талантом Люмениферус. Властительница чувств, она умела произвести впечатление даже на самых черствых людей. Это никоим образом не нарушало свободу воли, однако Люцифер, сопровождая сестру, поступил иначе. Ее методы он одобрял, но их реализация занимала время. Он же торопился по своим делам. Кроме того, его возможности существенно отличались. Читая в душах, он сразу разбирался, что к чему, и немедленно использовал это на практике.

Перемещаясь в пространстве, Люцифер незаметно побывал у всех, кто входил в попечительский совет. Воздействовать на каждого ему не пришлось, что он и объяснил сестре. В этом не было необходимости, ибо ключевую роль играл лишь один человек. Тот, кто унаследовал состояние и пост, сменив почившего родственника. Его слово оказалось решающим. Перед ним же, озаряя спальню светом, воочию и предстал Люцифер.

Созерцание дьявола, объявившегося среди ночи — это приводило в трепет кого угодно. С уговорами не затянулось. Люцифер не использовал свой пламенный облик. Он вообще его не любил, приберегая для закоренелых грешников, и тем более не хотел оставлять у людей превратное впечатление. С этим вполне справлялись верующие и святоши. Он явился как человек, в белой одежде, но с белоснежными крыльями. Адский огонь он показал в сознании наследника. Точнее, наследницы. Эта капризная молодая особа знавала в жизни только удовольствия. Унаследовав состояние, она не собиралась растрачивать его на чужих детей. Она и своих-то не имела. Она любила лишь себя. Она считала достойными только богатых и знаменитых, а простых людей не переносила и даже презирала, смешивая с грязью. Владыка душ, Люцифер очень красочно показал, куда приводит подобное отношение.

Малые дела, отдельные слова и поступки не становились приговором, однако они сливались в единое целое. С течением лет, они покрывали душу как моллюски днище корабля. Непрерывно нарастая, сначала они снижали его ход, а затем, наливаясь тяже-

стью, начинали утаскивать на дно. Старательной рукою мастера, корабли своевременно очищались в сухом доке. Очищение души предполагало хорошие поступки и раскаяние. Раздавать все имущество и запираться в келье было необязательно. Посмертные весы благоволили тому, кто на своем пути хотя бы изредка вершил добрые дела.

— Выбор за тобой! — громыхнул Люцифер, протягивая длань к трясущейся наследнице.

Видения, посланные владыкой ада, за галлюцинации не воспринимались. Владыка душ, он и общался напрямую с душой, и та ощущала показанную ей правду.

— Что мне надо сделать? — пребывая на грани обморока, пролепетала наследница.

— Это тебе решать. Я рекомендую не прекращать финансирование приюта, — выразительно изрек Люцифер. — Что бы ты ни выбрала, сообщи об этом остальным. Они поступят так же. Вклад твоей покойной матери играл решающую роль. Речь не только про деньги, но уважение и авторитет. Эта роль досталась тебе вместе с наследством. Распорядись ей достойно.

— Тогда я не попаду в ад? — насмотревшись на тамошние прелести, содрогнулась наследница.

— Повторяю — это тебе решать! — вспыхнул глазами Люцифер. — Твоей матери в аду нет. Это говорю тебе я, его владыка. Можешь поступать как пожелаешь. Это твое право, но ориентир я указал.

— Я… Я поняла, — почти беззвучно шевельнула губами наследница.

— Тогда мы больше не увидимся. Надеюсь, ты понимаешь, что будет означать наша повторная встреча, — подытожил Люцифер.

И тут же исчез. Визуально. В действительности он остался в спальне, где незримой для людей находилась и Люмениферус.

Предпочитая избежать свидания с дьяволом, наследница с вопросом не затягивала. Нашарив смартфон, она едва не уронила его на пол. Трижды, пока трясущимися пальцами отправляла сообщения. Затем, для верности, начала звонить, продолжая видеть перед глазами Люцифера. Оставаясь незримым, он слегка подсобил ей с голосом, чтобы тот не срывался и не сипел. Вполне себе внятно, наследница сообщила всему совету, что передумала отзывать финансирование и настаивает на сохранении приюта. Будущее тут же изменилось. Предвидя вероятные события, Люмениферус удостоверилась, что Люцифер не ошибался. Утром совет попечителей и впрямь поддержит это измененное решение.

Вне всяких сомнений, цель была достигнута. Приюту ничего не угрожало, как и его сиротам, а наследница сохранила только

наиболее важные воспоминания. Позаботившись о влиянии на психику, Люцифер не сделал из нее религиозную истеричку. Люмениферус это более чем устраивало, и все же вопросы у нее остались.
— Как насчет свободы воли? Это же шантаж, — заметила она в сознании брата.
— Я ничего не нарушал. И никого не шантажировал. Я не ставил никаких условий. Я только явил истину, — пожал плечами Люцифер. — Я не говорил, что эта особа отправится в ад за закрытие приюта. Я показал, куда она МОЖЕТ угодить, если продолжит в том же духе. Все без обмана. Обычно, подобных ей на небесах с распростертыми объятиями не встречают. И про мать я не солгал. Судя по воспоминаниям, это была надменная и властная женщина, однако не чуждая и сострадания. Дела ее в итоге на преисподнюю не потянули. Мне ли о том не знать.
— С этим, пожалуй, соглашусь. И все же репутацию искусного обманщика ты заработал вполне заслуженно, — проворчала Люмениферус. — Ладно, теперь можешь идти, куда ты там собирался.
— Я еще не закончил, — неожиданно отозвался Люцифер. — В этом совете кое-кто и впрямь достоин моего повторного визита.

Спасая приют, Люмениферус только им бы и ограничилась. Читая души, владыка ада увидел гораздо больше. Безгрешные люди были редкостью, но и отъявленные злодеи встречались не так уж часто. Как правило, живых людей он не карал, однако некоторые грехи уж точно заслуживали его особого внимания.
— Вопросы есть? — осведомился Люцифер, транслируя образы в сознание сестры.
Там фигурировало неподобающее отношение к несовершеннолетним. К совсем уж несовершеннолетним, и отношение откровенно вопиющее.
— Ступай. Я не хочу на это смотреть, — нахмурилась Люмениферус.
Она прекрасно поняла, что ее светоносный брат намеревался сделать. Она не возражала, но сопровождать его желанием не горела. Люцифер кивнул и ушел в пространство. Она же вернулась в Красный Крест.

Наутро совет попечителей пересмотрел решение о закрытии приюта. Финансирование сохранилось. Более того, стараниями наследницы оно было увеличено, что стало поистине поразительной вестью для сотрудников и детей. Удивленные таким чудом, они традиционно благодарили не только щедрых покровителей, но и бога, который традиционно же не имел к произошедшему никакого отношения. Также к нему не имел отношения и один из по-

печителей. На совете он не присутствовал, по причине внезапного инсульта и полного паралича.

Люцифер не всегда сжигал тех, кто творил насилие над детьми. Поднаторевший по части наказаний, как владыка ада он проявлял изобретательность. Выявив злодея, он запер его в собственном теле. Тот не только пальцем шевельнуть, а даже глазами не мог двигать, полностью лишенный связи с внешним миром. Внутренний мир был при этом весьма насыщенным, о чем косвенно сообщала энцефалограмма. Активность мозга выглядела очень примечательно, очевидно исключая пресловутое состояние овоща. Злодей оставался в полном сознании. Подключенный к системе жизнеобеспечения, питаясь через трубочку, он ничем не выказывал того, что видел и ощущал. А видел и ощущал он многое. Мастер психологии, врачеватель душ, архангел Люцифер умел перевернуть свой целительный эффект и превратить сознание грешника в его собственный ад. Вложенный в голову, он еще при жизни, запертой в неподвижном теле, заставлял безмолвно вопить от не прекращавшегося кошмара.

Во вскрытии участвовали не только врачи и агенты Люменифферус. Там всегда присутствовал кто-то из служителей Люцифера, собирая для него всю возможную информацию. На этот раз присутствовал и сам Люцифер. Извещенные госпожой, все дождались, пока появится ее светоносный брат. Люди Люменифферус его не сторонились и не боялись. Истину от них не скрывали. Им было известно, что это тот самый дьявол, однако следовали они не за ним, а его сестрой. Нюансы идеологии в данном случае значения не имели. Его имел только путеводный свет, источаемый прекрасной госпожой. При всей его светоносности, такой не излучал даже Люцифер, ибо он проникал прямо в душу, как если бы к человеку обращался сам Творец. Люцифер не ревновал, окончательно убеждаясь в новых возможностях сестры. Он всегда ее поддерживал, и теперь был очень рад, соображая, как все это пойдет на пользу. Он не вмешивался в ее отношения с людьми и не пытался ими командовать. Они, в свою очередь, относились к нему очень адекватно, не чурались, и не влезали в его взаимоотношения с богом.

Как и прежде, присутствие архангела было своеобразной формальностью. Специалисты делали свою работу, он свою. Агенты искали улики, патологоанатомы изучали мертвые тела, а служители Люцифера высматривали демоническое присутствие и колдовские предметы. Архангел делал это одновременно. В человеческой помощи он не нуждался. Его известили — он пришел. Исследования людей отправлялись в базу данных, единую для слу-

жителей Люцифера и последователей Люмениферус. Это позволяло им накапливать бесценный опыт и взаимодействовать более эффективно. Собственные выводы Люцифер держал при себе. Он делился лишь тем, чем в принципе мог открыто поделиться.

— Опять ничего, — подытожил патологоанатом. — Исключая естественные особенности, никаких аномалий в телах не обнаружено.

Заключение эксперта, увы, новостью не оказалось. Вскрытие производилось не впервые, с примерно одинаковым результатом.

— У меня тоже все как обычно, — подтвердил служитель. — Стандартный набор колдовских предметов и демонических оберегов. Мы такие уже встречали. Все изучены и классифицированы, как и типичные пустышки. Они, видимо, простой декор. Символизируют принадлежность к определенной группе, ибо никакой практической пользы не несут.

— Некоторые элементы нерукотворны. Мы продолжаем проверять их в лаборатории. Вне всяких сомнений, их изготовили не люди. Зачем? Полагаю, служитель Утренней звезды прав, — заключил агент.

— Пожалуй, я с вами со всеми соглашусь, — выслушав специалистов, задумчиво кивнул Люцифер.

Анатомический театр озаряли яркие лампы. Лежа на прозекторских столах, умершие казались обычными людьми, ибо визуально на них не лежал отпечаток демонической природы. Его видел только владыка ада и частично его служитель. Вскрытые тела были отмечены скверной, следы которой в одночасье не развеивались. За этой оговоркой, ничего другого они не сообщали. Причина смерти сомнений не вызывала. Признаки насилия отсутствовали, однако самоубийство исключалось. Об этом говорила сама статистика. В критической ситуации все происходило по неизменному сценарию. Смерть наступала от мгновенной остановки сердца, без всякого шанса на реанимацию. Кто бы за этим ни стоял, он не оставлял свидетелей и был очень могуществен и умен.

Разложенные рядом, вещи умерших занимали два отдельных стола. Как и тела, их досконально изучили. Оружие с наложенными заклятьями, амулеты, нечестивые четки, заговоренные нити и вшитые в одежду символы — список особых находок был значительным, периодически пополняясь чем-нибудь новеньким. Роднил его типичный набор предметов, одинаковых по форме и содержанию. Хорошенько принявшись за мятежников, его уже неоднократно видел Люцифер, который разбирался в колдовстве куда лучше бижутерии.

С колдовством получалось проще. Кто бы его ни практиковал, оно всегда проистекало из ада, в любом его замысле и воплоще-

нии. Для сведущего глаза, его смысл, цель и средства определялись безошибочно. Украшениями заведовали люди, с их богатой и специфической фантазией, регулярно принимавшей желаемое за действительное и наоборот. Догадаться, чего они подразумевали, было куда труднее, за неимением очевидно продуктивного эффекта. Колдовство и украшения одновременно окончательно запутывали ситуацию. Их совмещение изрядно озадачивало Люцифера. Часть предметов действительно носила исключительно декоративный характер. Казалось бы, что тут особенного, не подметь агенты примечательную тонкость.

Некоторые элементы и впрямь были нерукотворными. Например, перевернутая пентаграмма, носимая на цепочке и созданная из стопроцентного золота. Такая абсолютная чистота металла технологически оставалась для людей недостижима. Как максимум, она имела сакральный смысл, но реальной колдовской пользы не приносила. То же относилось и к большой сиреневой жемчужине, что располагалась в нечестивых четках у основания перевернутого креста. Жемчужины поменьше составляли бусины четок, однако их изготовление вопросов не вызывало. Их вызывала только она одна, идеально круглая и до невозможности гладкая, словно отполированная самой вечностью. Такая же бесполезная, как и пентаграмма, она, тем не менее, была создана каким-то демоном, и наверняка из высшей иерархии. Демонам попроще подобные изделия оказывались не под силу.

Третьим декоративным элементом служили перстни. Их печатки разнились, не иначе в зависимости от статуса владельцев. У культистов были одни, одержимых другие, а их сознательных, не пребывавших под контролем помощников третьи. Это выражало определенные круги, по степени приближенности и взаимодействия с демонами. С одной стороны, перстни упрощали поиск и разоблачение своих носителей. С другой, они же позволяли им идентифицировать друг друга, что оправдывало риск даже при растущем внимании Люцифера. Как перевернутая пентаграмма и жемчужина, перстни были созданы не людьми. Покручивая в пальцах, Люцифер изучил эти вещи вдоль и поперек, но так и не обнаружил никакого колдовства. Их демоническая природа была для него очевидной, и при этом не подразумевала какого-либо практического применения.

Теряясь в догадках, Люцифер улавливал некую причинно-следственную связь. К сожалению, он улавливал ее смутно и бездоказательно. Демоны никогда ничего не делали просто так. В их поступках и тем более воплощениях все имело некий смысл. Его имели даже пустышки из числа бижутерии, чье назначение вполне

могло походить на обманный тактический маневр. Речь заходила не только об идеологии для культистов, якобы служивших сатане и при этом не имевших с ним ничего общего. Создавая ложные связи, демоны прятали истину в ворохе никчемных вещей, скрывали подлинные следы за целым хитросплетением подставных событий. Вопрос в том и заключался, что было настоящим, а что лишь пыталось казаться таковым, чтобы отвлечь внимание. Внимание вполне конкретных персон. На эту удочку регулярно попадался Михаил. На нее же не впервые клевал и Люцифер.

Сопоставляя факты, анализируя все случаи, Люцифер подозревал, что ответ у него под носом. Он был где-то здесь, в прислужниках демонов, их вещах или образе жизни. Знать бы еще, где. Владыка ада, властитель душ, Люцифер по-прежнему не знал, куда эти самые души пропадали, что приводило его не столько в ярость, сколько в смятение. Он до сих пор не понимал даже саму цель скрытого мятежа, что значительно усугублялось поведением мятежников. Заметая следы, те использовали нечто такое, о чем повелитель преисподней и понятия не имел.

— Михаил! Какого дьявола?! Чего ты там копаешься?! — мысленно возопил оксюморон Люцифер.

Ответа традиционно не последовало. Разделенные мирами и материями, архангелы не слышали друг друга так, как слышали молитвы людей или своих подчиненных. Все имело свои особенности и свою природу. Небожители не общались напрямую с обитателями ада или теми, кто пребывал в неопределенном состоянии вроде Люмениферус. Привилегия высших сущностей, ментальный контакт тоже имел свои ограничения. Впрочем, Люцифер подозревал, что Михаил все равно бы не отозвался. С начала войны в его отношении сквозило растущее недоверие.

Благодаря архидемону, у Михаила имелись основания считать, что за начавшимся насилием стоял Люцифер, и подтверждения тому в лице других демонов более чем хватало. Во-первых, в былые времена он изрядно отличился на подобном поприще, стремясь извести и совратить человечество. Во-вторых — что было куда хуже, — расследование показало, что кровавые теракты организовали именно его подчиненные. Это объясняло феноменальную точность исполнения, хронометраж, планирование и многочисленные жертвы. Настолько многочисленные, что это стало отличным поводом к войне. Старательно подготовленная, она только и ждала отмашки.

Потрясшие весь мир, террористические атаки оказались снежным комом, запустившим гремучую лавину. Обвиняя друг друга, люди решали свои проблемы, как социальные, так и эконо-

мические. И это не говоря уже об идеологических и национальных. Война традиционно позволяла осуществить это кровавым, но проверенным способом, особенно если ее умело спровоцировали демоны. Мятежные демоны, но признаться в этом брату Люцифер ну никак не мог. Взывая к нему, он прекрасно понимал, что ответа, быть может, теперь не получит никогда. И напрасно. Даже не доверяя Люциферу, Михаил все равно ни о чем не забывал и всегда доводил дело до конца. Пока Люцифер искал ответ на земле, Михаил снова испросил его на небесах.

Торопить Гавриила было бесполезно. Он отвечал только тогда, когда сам оказывался к этому готов. В противном случае ответа просто не существовало. Михаил и не торопил. Он знал, как работает дар этого брата, никак не зависящий от приказов архистратига. Он терпеливо выжидал, зато явился незамедлительно, едва Гавриил прислал ему весточку. Скрывая тревогу, он по-прежнему не раскрывал, чем вызван настолько необычный интерес. Если Люцифер и впрямь вел очередную игру, да еще завязанную на таком насилии, упоминать об его участии уж точно не стоило. На небесах и без того многие считали, что он слишком лояльно относится к падшему брату.

— Я так понимаю, теперь ты знаешь, как душа не попадает в ад или покидает его без ведома Люцифера, — напомнил суть вопроса Михаил.

— Зачем бы я тогда тебя извещал? — резонно заметил Гавриил.

— Говори, — обратился в слух Михаил.

Несмотря на подчеркнутое внимание, немедленного ответа не последовало. Михаил ожидал лаконичных формулировок, способных уложиться в несколько фраз. Вместо этого Гавриил выдержал паузу, словно нарочно нагнетал растущее нетерпение.

— Не торопись. Сначала ты должен хорошо осознавать, что такое ад, — уже рискуя вызвать раздражение, неторопливо начал он.

— По-твоему, я этого не знаю? — поднял брови Михаил. — Я не замечал за тобой подобных шуток, брат.

— Я не шучу, — очень серьезно возразил Гавриил. — Формально, это знают все небожители, и тем более архангелы. Знать, однако, не всегда означает досконально понимать. Прежде чем ответить на твой вопрос, я позволю себе кое-что напомнить. Кое-что такое, что даже на небесах с некоторых пор воспринимается не совсем корректно. Поверь, не просто так, ибо с твоим интересом это связано напрямую.

Выбирая форму ответа, Гавриил ставил собеседника в безвыходное положение. Он говорил либо так, как считал наиболее пра-

вильным, либо не говорил вообще. С его точки зрения, любое отклонение означало погрешность в донесении смысла, потенциальное искажение точности формулировок. Он не капризничал и не издевался, заставляя плясать под свою дудку и терпеть что угодно. Он старался исполнять свою работу на совесть. Он действительно желал, чтобы его знание было передано с максимальной точностью, без малейших искажений и тем более заблуждений, отчего и признавал только свою стратегию ответа. Под каждого слушателя он подстраивал ее индивидуально. Требовать от него иного не имело смысла. Если он считал, что самому архистратигу следует выслушать лекцию про ад — значит, так тому и быть. Хочешь не хочешь, приходилось слушать, в том виде и последовательности, какие избирал сам Гавриил.

Понятие преисподней у людей и небожителей очень серьезно отличалось. Несмотря на все свои учения, человечество довольно плохо понимало, что такое ад, а уж откуда он взялся — не ведало вообще. На этот счет ничего толкового не сообщала ни одна религиозная книга. Все откровения пророков, все озарения святых никак не проясняли настолько важный и даже животрепещущий вопрос. В том числе потому, что большая их часть была лжепророками и лжесвятыми, воспринимавшими свои бредовые фантазии за божественную истину. Чему и удивляться, что настоящего знания они в принципе поведать не могли. Архангел Гавриил с ними не разговаривал, а измышления религиозных фантастов фантастикой и оставались. Фундаментальный вопрос оставался открытым, и переоценить его значение было невозможно.

Религиозные иерархи, богословы, священники и простые верующие веками ломали головы, откуда появился ад, и создал ли его бог. Они преломили немало копий, препираясь, могло ли средоточие добра сотворить столь ужасное место. По их разумению, бог сотворил решительно все. Следовательно, и ад, но эта квинтэссенция зла никак не вписывалась в его светлый образ. Получался изрядный парадокс, что и вызывало растерянность у верующих. Как обычно, они прятали голову в песок, предпочитая верить и вопросов не задавать, либо же объясняли его типичной казуистикой. Ответ же был проще некуда. Всякий парадокс отсутствовал. Бог действительно создал все, однако только в человеческом понимании. Ад он никогда не создавал, как не создавал и то, что там обосновалось.

До сотворения Вселенной была тьма. Вечная тьма, без начала и конца, материи и энергетических полей, пространства и времени. Она была всегда. Просто была, бесконечно глубокой, не имею-

щей измерения пустотой. Ей она и оставалась. Однажды пролившись, божественный свет разогнал ее прочь, но не изгнал совсем. Абсолютную пустоту, бескрайнюю и физически несуществующую по определению, уничтожить было невозможно. Даже богу. Создавая все из ничего, он заполнял ее, но не ликвидировал. Актом творения он заложил основы мироздания, где до него царила только тьма.

Непрерывно расширяясь, Вселенная завоевывала пространство. Небесные тела формировали галактики. Они, в свою очередь, становились опорными структурами, летящими через пустоту и несущими свет туда, где его извечно не существовало. Они уподоблялись ковчегам, раздвигавшим границы мироздания. Полнясь планетами, туманностями и звездами, они становились основой для законов рожденного мира и пристанищем для появления жизни. Но тьма никуда не делась. Она лишь отступала под натиском света. Особенность заключалась в том, что отступать она могла вечно. Сотворенная в пустоте, Вселенная казалась людям огромной, но математически, на божественном уровне она оставалась бесконечно малой величиной. Сколько бы она ни увеличивалась, какие бы новые пространства ни завоевывала, в соотношении с бесконечностью это было неизменным.

Созданные первыми, за мирозданием приглядывали архангелы, как старшие и главнейшие дети бога. Уникальные каждый в своем роде, они помогали отцу расширять и поддерживать Вселенную. Они занимались этим постоянно, неся его свет и славу в бескрайнюю тьму. Наделенные великим могуществом, они управляли материей и структурами, преобразовывали и распространяли энергию, направляли божественные силы в соответствии с высшим замыслом. Вселенную породил творец. Архангелы лучили ее свет через бесконечность. В космическом пространстве, среди туманностей и звезд, они влекли за собой галактики, раздвигали границы мироздания, развеивали тьму сиянием первозданного света. Тьма отступала. Она не могла сопротивляться такому натиску, ибо в своих владениях бог действительно был всемогущ. Но только в них. Там, в необъятной пустоте, она по-прежнему властвовала безраздельно, и там таились те, кто был не рад светоносному вторжению, и кого бог никогда не создавал.

Существуя во тьме, как и она, демоны существовали всегда. Ее бессчетные порождения, они просто были, вне всякого божественного мироздания и его законов. В масштабах бесконечного мрака, их точной численности никто не знал. Олицетворение зла, лжи и коварства, они оказались таковыми в лучах зародившегося мира. Не совместимые со светом, они естественно ему сопротив-

лялись, ибо принципиально не имели отношения ни к божьему замыслу, ни к его воле. Они не стали ему антагонистами — они изначально ими были по своей природе. Реагируя на Вселенную, не вынося сиявшего света, они повели себя соответствующе, и вести себя иначе просто не могли. Обитатели тьмы, ее часть и ее исчадия, они ненавидели все, что создал бог.

Бесконечная и пустая, тьма воплощала противоположность мирозданию Творца. Ее порождения были такой же противоположностью детям света. Как плюс и минус, все получилось двухполярным. С одной стороны оказалась Вселенная. Ее противовесом было все, что оставалось за пределами ее энергетических полей. В устройстве мироздания это отражалось повсеместно. Два диаметрально предельных состояния находили воплощение везде. Положительное и отрицательное, позитив и негатив, синоним и антоним, добро и зло — физические и философские понятия можно было перечислять довольно долго. Это проявлялось даже в жизни, созданной после равновесия неорганической материи. Сначала в райские сады, а затем и на землю ступили мужчина и женщина. Так было устроено все сущее, и в этой фундаментальной основе имелось только одно исключение. Оно относилось к единственному месту, где несовместимые противоположности сталкивались. Это место называлось адом.

Проникая во тьму, свет проходил сквозь бесконечность, но проходил не мгновенно и уж тем более не до конца, которого просто не существовало. Это формировало пограничный регион, где тьмы уже не было как таковой, но еще не было и полноправного света. Там они вступали в конфликт, где божественное мироздание встречалось с извечной пустотой. Там происходили свои процессы и царили свои законы. Ад никогда не задумывался как обитель и кара для грешников и проклятых. Образовавшись на стыке сил, он стал ей по своей сути, как естественная противоположность Эдему. Он был пограничным состоянием, где божественный свет уже не действовал, но где еще не царила вечная тьма. Там обосновались демоны, сопротивлявшиеся расширению мироздания. Туда же отправлялись все, кого не принимали небеса. Отринутые светом, они закономерно устремлялись во тьму, но как творения бога не могли в ней существовать. Не имея другого пути, они попадали в ад, навечно оставаясь в нем как из-за собственного выбора, так и вселенской сущности.

Адский огонь объяснялся его происхождением. Он был своеобразным заревом, продуктом столкновения света с тьмой. Достигая предела, божественный свет не останавливался в конкретной точке, застывшим в пустоте лучом. Погружаясь во тьму, он поро-

ждал некий горизонт событий, присущий черной дыре. Им и становилось пламя преисподней, составлявшее ее основу. Там не было ни атомов, ни молекул. Искаженные и разорванные, они теряли божественный порядок в огне аннигиляции, словно частицы сталкивались с античастицами. Этот огонь являлся самой сутью ада, его воплощением, структурой и бесплотной материей, которой придавал любую форму. Это не было нечестивой пародией на акт творения. Это был его отголосок в пограничной области. В мироздании, в его Вселенной, столь разнообразной по сравнению с пустотой, все возникло в сиянии первозданного света. Как его затухающее следствие, пламя пограничной области частично сохраняло его исходные свойства. Ад представал из того, во что превращался его вечный, как и тьма, огонь.

Визуальные проявления ада проистекали из его сущности. Он находился в состоянии бесконечного формирования, ибо свет пребывал в бесконечном противостоянии с тьмой. Отражая процессы во Вселенной, несуществующие вулканы исторгали несуществующую лаву, коптя в ненастоящее небо никогда не существовавшим пеплом. Словно планета на раннем этапе своего развития, он кипел и клокотал, бурлил бесплотной магмой и проливал нематериальные огненные реки. Запах серы возникал именно отсюда, как сопутствующий химический эффект любого сильного извержения. Отсюда же происходило и все остальное, создавая традиционную картину царства дьявола. До определенного порога, в сознании людей эта картина была довольно верной, за исключением того, что ни к какому дьяволу он отношения никогда не имел.

Изначально в аду обитали только демоны. Именно поэтому в их воплощении бурлила не одна лишь тьма. Основа ада, огонь даровал им определенные свойства и проявлялся в сущностях соответствующе. Соблюдая определенные условия, только с ним они могли выбираться за его пределы. Им препятствовал все тот же свет, чья природа оставалась для них невыносимой. Исключение составляли архидемоны, то есть наиболее могущественные порождения тьмы. Вселенную бога они переносили с минимальными потерями. Как высшие иерархи, именно они управляли адом, придавая ему форму и желаемое направление. Своеобразный форпост в противостоянии со светом, эта пограничная область была для них чрезвычайно важна. Она формировалась огнем, затухающим светом, но доминировали в ней законы тьмы. Архидемоны царили там безраздельно и творили все, что хотели. Это стало особенно актуально, когда в ад, не принявшие света, начали попадать души людей.

Падение первородного архангела оказалось величайшим по-

трясением, которое не вписывалось ни в одно исходное правило. Первый после бога, Утренняя звезда обладал колоссальным могуществом. Изгнанный с небес, он все равно остался Светоносным. Даже в аду, где после всех скитаний он в итоге оказался, ибо только там его и приняли. Ведь туда попадало все, что отторгало божественный порядок. Творение света, его воплощение и сила, он очутился в пограничной зоне, которая не предназначалась для таких, как он. Причем не просто очутился, но и стал там правителем. Небеса его отвергли, но и тьма принять не могла. При всей абсурдности ситуации, ад автоматически становился местом, где Утренняя звезда был своим.

В противостоянии с богом, не принимая его правления и законов, Люцифер оказался для архидемонов подходящим лидером, и они без сопротивления признали его власть. Они с трудом выносили его свет, способный сжигать порождения тьмы целыми легионами, однако мирились с ним ради невиданного могущества. Их новый властелин желал свержения бога, хотел изменить созданную им Вселенную и ненавидел его любимое детище — человечество. Демоны целиком и полностью разделяли его убеждения. Могущественнее их всех, Люцифер брал свое по праву сильного, но они и не думали оспаривать его власть, которая служила в их собственных интересах.

Возглавив ад, Люцифер возглавил и его легионы. Все подчинялись ему беспрекословно. Светоносная мощь становилась опорой его огненного трона. Кроме того, опорой были и падшие ангелы, также низвергнутые с небес и последовавшие за своим предводителем. Очутившихся в одной лодке, их объединяла горечь поражения и обида на бога. Падшие ангелы и не думали отрекаться от Люцифера. Наоборот, они еще больше сплотились вокруг него, как олицетворения их надежд на иные законы мироздания. Утренняя звезда обещал их изначально, поднимая на восстание против отца. Он продолжал обещать их в аду, развернув кампанию против ненавистного человечества.

Несмотря на популярные заблуждения, падшие ангелы не стали демонами. Изгнанные из рая, они лишь оказались с ними на одной стороне, ступив на стезю зла и пропитавшись демонической скверной. Величайший архангел, Люцифер был к ней невосприимчив, однако на падших ангелах сказывалось влияние ада. Гвардия Утренней звезды, они были ударной силой и элитой, уступая по мощи только архидемонам, причем наивысшие падшие ангелы с ними вполне равнялись. Это обеспечивало Люциферу надежную поддержку среди несчетной орды демонов, ибо его соратники сохраняли способности, которые тем оставались недоступны. Это же

оберегало незыблемость его огненного трона.

В прямом столкновении Люциферу никто не мог противостоять, отчего открытый вызов ему никогда не бросали. Этого, однако, и не требовалось. Его правление архидемонов полностью устраивало. Его гнев, порой, испепелял неугодных подчиненных, но даже на это никто не обращал внимания. Такое поведение вполне соответствовало любому авторитарному властелину, и особенно такому, кто признавал только свою правоту и свою же волю. По характеру и сути, это тоже устраивало архидемонов, чьими добродетелями были зло, ненависть и насилие. Чем жестче была правящая ими рука, тем более лояльно они ей подчинялись, если эта рука вела их к свершению еще больших зол.

Верша их общее дело, продуктивно направляя легионы преисподней, Утренняя звезда и впрямь властвовал безраздельно, а на его периодическое самодурство все просто закрывали глаза. Великому и грозному лидеру простительны небольшие шалости. Пока он устраивал иерархов ада, те соглашались терпеть что угодно, лишь бы в борьбе между светом и тьмой им помогал Люцифер. Близкая к божественной, его мощь становилась залогом и стягом успешного противостояния. Пограничное состояние, ад и впрямь даровал ему почти божественные силы. Люцифер мог преобразовывать его, как хотел, направляя огонь и его воплощения в мироздание.

Противное богу, любое колдовство нарушало законы его Вселенной и происходило именно из преисподней. Там оно зарождалось, в демонических кузницах вечного пламени. Оттуда оно устремлялось к смертным, охотно принимавшим его ядовитые дары. Первородный сын света, колдовство изобрел не Люцифер. Оно было частью ада, которую он стал использовать в своих интересах. В отцовской Вселенной его возможности были ограничены, однако в преисподней он и сам становился творцом. Даже в нарушение ее законов, сформировавшихся ДО его падения. Величайший архангел, он был достаточно могуч, чтобы преодолеть их своей волей, но здесь-то и крылся очень важный, упускаемый даже им нюанс.

Ад существовал до Утренней звезды, и вполне самостоятельно существовал без него. В нем царили свои законы, и они никогда никуда не девались. Люцифер лишь вносил в них свои коррективы, подчинял и направлял своей прихотью, однако сам эту пограничную область не создавал. Он лишь возглавил тамошних обитателей и умел придавать ей любую форму, однако глобально никогда ее не менял. Ибо принципиально не мог. Согласно сути пограничной зоны, этого не мог даже бог, ибо в аду как раз и находилось то, что не принимало его творения и законы. Войдя туда, он

был способен вершить свою волю, никем не остановленный и тем более не побежденный, но только до тех пор, пока там и оставался. Потом все возвращалось на круги своя.

Бог создал свет, но не создал ад. Пограничная зона стала конфликтным образованием между светом и тьмой. И захоти он ее уничтожить, это было принципиально невозможно. Развязав бесконечную войну, он снова и снова сжигал бы эту область, но она бы никуда не исчезала. Под натиском света, она всего лишь отступала бы все дальше, ибо за ней расстилалась пустая и черная бесконечность. Более того, по мере увеличения Вселенной она бы непрерывно увеличивалась, как увеличивается площадь сферы при росте ее диаметра. При всем его могуществе, наивысшем среди всего сущего, ад не мог изменить или стереть даже бог. Тем более это был не в состоянии сделать Люцифер.

Подчинившись архангелу, ад фундаментально не менялся, неизменно оставаясь самим собой. Как самостоятельное образование, он был способен на такое, чего не хотел или даже не знал Люцифер. Преисподнюю породило неразрешимое и вечное противостояние между светом и тьмой. Если Люцифер и сам вступил бы с ней в конфликт, его последствия вполне могли привести к неконтролируемому им результату.

Закончив экскурс в основы мироздания, Гавриил снова замолчал. Он давал Михаилу время, чтобы тот хорошенько усвоил все услышанное. Архангелы общались не простыми человеческими словами, хотя и прибегали к речи. Транслированные прямо в сознание, образы содержали целые эпохи и фрагменты Вселенной, причем даже не архангельского, а божественного уровня. Ведомый своим даром, Гавриил вещал знанием самого Творца. Это и правда требовало некоторой паузы, чтобы все как следует переварить.

Невозможное для восприятия человека, у военачальника небес все уложилось довольно быстро.

— Хорошо, я тебя понял, — разложив теорию по полочкам, заговорил Михаил. — Итак, каков будет твой ответ?

— Но я уже его дал. В этом и был скрытый смысл моего разъяснения, о котором я намеренно не упомянул. Значит, ты не так уж и понял, — укоризненно заметил Гавриил.

— Ты говорил, что сначала напомнишь мне о сути ада. Я тебя выслушал. И? — нахмурился Михаил.

— При действительно правильном понимании, ответ на твой вопрос должен был сам сформироваться в твоем сознании, — стараясь не задеть архистратига, пояснил Гавриил.

— Допустим, не сформировался. Пускай я глупее, чем ты думаешь. Просто скажи толком, — сдерживая раздражение, предложил Михаил.
— Изволь, — слабо улыбнулся Гавриил.

Теперь, после продолжительной лекции, ответ и впрямь не занял много времени. Михаил даже удивился, насколько коротко и при этом содержательно он прозвучал. Впрочем, такие особенности были как раз в духе Гавриила.
— Но это же невозможно, — изрядно озадаченный, пробормотал Михаил. — Просто невозможно.
— Точнее, почти невозможно. Вероятность около нуля. Но мы же рассуждаем гипотетически. Ты спросил, я ответил. Да, души способны исчезать из ада и не попадать в него. Не сами, конечно. Такое действительно может происходить, если будет выполняться названное мной условие, — развел руками Гавриил.
— Ты точно в этом уверен? — все еще не мог поверить Михаил.
— Я надеюсь, ты сейчас не хотел меня оскорбить, — сдержанно отозвался Гавриил.
— Извини, брат. Я просто слегка ошарашен, — спохватился Михаил. — Спасибо тебе за все. Как всегда, ты неизменно оказался на высоте.

Похвала военачальника небес была куда значительнее его случайной грубости. Гавриил тут же потеплел. Церемонно склоняя голову, он поблагодарил архистратига за лестные слова. Тот кивнул своему всезнающему брату и удалился. Его ждали неотложные, ставшие еще более важными дела. Теперь, больше когда бы то ни было, Михаил окончательно уверился, насколько лукавил Люцифер.

– 3 –

Пребывая в своем царстве, обладая абсолютной властью, Люцифер впервые был вынужден действовать предельно осторожно. Он представлял, насколько широка сеть мятежников. За ними стояла не только пара архидемонов. Их шпионы могли быть повсюду, докладывая хозяевам обо всех действиях владыки ада. Мысли об этом приводили Люцифера в ярость. Он, величайший архангел, первый после бога и единственный в мироздании, кто осмелился ему не покориться, был вынужден терпеть подобные козни со стороны каких-то жалких рогатых тварей, которых он способен испепелить одним движением своей воли. Он бы уже это сделал, однако по-прежнему хотел разоблачить всех сразу, чтобы не ушел ни один изменник. По этой причине он и старался ничем

не выдавать своих подлинных намерений и эмоций.

Скрытность давалась не без труда, однако Люцифер и впрямь был мастером интриг, чья многоликость вполне соответствовала расчетливому уму и пресловутой дьявольской хитрости. Ведя даже не двойную, а тройную игру, он долго выжидал, чтобы отправиться переговорить с очень примечательной душой. Вне зависимости от результата, его визит не должен был привлекать внимания. Когда момент настал, он явился к ней будто бы по какому-то иному делу.

Памятуя об ошибке со стрелком, Люцифер не хотел повторения фиаско. Любого, в чем бы то ни выражалось. Он ведь допустил не одну промашку. Первая заключалась в том, что он освободил очень скверную душу, которая в его же славу охотно и без спросу принялась убивать. Ее спровоцировала вторая, ибо Люцифер рассчитывал, что стрелка убьют самого. Его душа была помечена особым знаком владыки ада. Что бы с ней ни случилось, куда бы она ни запропастилась, Люцифер обязательно бы ее нашел, и тем самым выяснил очень многое. К сожалению, стрелок оказался куда искуснее, чем предполагалось. Впрочем, тут имелся и альтернативный вариант. Мятежники раскусили замысел и в ловушку не угодили. В их ловушку, в свою очередь, не хотел угодить сам Люцифер. Отправляясь к намеченной душе, он долго выжидал, а затем действовал наверняка. Объявившись в дымящем пламени, он обошелся без прелюдий и тут же прочитал грешника насквозь.

Результат подтверждал наихудшие подозрения. Внушавший соседям страх, этот человек был мертв задолго до того, как начал его внушать. Его искусно подменили. Он уже находился в аду, в то время как его личность использовали для прикрытия. И демоны тут были не при чем. Люцифер знал лишь один вид сущностей, сочетавших в себе эти свойства. Вселяться в людей они не могли, зато легко принимали их облик, как раз и внушая подсознательный страх. Это были падшие ангелы. Проверенная Люцифером, душа не пропала из ада по простой причине. Она не представляла для мятежников угрозы, отчего и скрывать ее не имело смысла. Мятежники, однако, не учли, что само ее наличие скажет Люциферу о многом. Доселе не имея улик, теперь он знал наверняка, что измена проникла и в ряды его былых соратников.

Удар был силен. Поднятый демонами, мятеж уже стал ошеломляющей данностью, но даже на этом фоне Люцифер до последнего не верил в измену падших ангелов. Он искал надежные, железобетонные доказательства их причастности, отчего и не торопился с наказанием и судебной оглаской. Найдя их здесь, в этом пламенном узилище, он был настолько потрясен, что невольно по-

жалел томившегося там грешника. Пламя окружало его со всех сторон. Работник страховой компании, он приложил немало усилий, чтобы найти лазейку для формального отказа. А именно, тем, кто пострадал от стихийного пожара, когда из-за пылающих лесов были уничтожены жилые кварталы. Его наказание в аду воплотилось в соответствующую форму.

Как и медицинские, страховые полисы зачастую дарили только иллюзию безопасности. Бизнес диктовал свои законы. Любой компании было выгодно, чтобы ей платили максимально больше, а она выплачивала как можно меньше. Ее оружием становилось крючкотворство, сокрытое за множеством схем и слов. Этим занимались профессионалы, чьей обязанностью становился законный обман людей.

Юридические зацепки привели к тому, что компания сэкономила миллиарды, отказавшись выплачивать компенсацию пострадавшим. Исковеркав уйму судеб, страховой работник получил солидную премию и повышение по службе. Получил он награду и от Люцифера. Очутившись в аду, он в ужасе бегал по горящим, давно не существующим районам, воскресшим с отказных бумаг. Пылавшие стеной, леса не выпускали его за пределы узилища. Ища спасения, которого не было, грешник постоянно загорался сам, вновь и вновь проходя через возрождавшийся кошмар. Его наказание выглядело вполне заслуженным, однако Люцифер, в порыве эмоций, проявил некоторое снисхождение. Потрясенный изменой соратников, он невольно воплотил это в мыслях и позволил грешнику обрести убежище. Один из домов, куда тот забежал, так и не загорелся. Пожар бушевал вокруг, обдавая подступавшим жаром, однако дом не обваливался, и душа не попадала в объятия пламени.

Оказанная мимолетом, милость была не слишком справедлива по отношению к жертвам бессердечного негодяя. Их ведь никто не пожалел, а такое сомнительное прощение даровали только на небесах. Это там принимали убийц, чье покаяние отправляло их в один рай с ими же убитыми. Люцифер принципиально не желал поступать как его отец. Он пожалел эту душу не за ее, а свои страдания, которые в данный момент испытал из-за предательства. Он ведь тоже их испытывал — гордая и непокорная Утренняя звезда. Прекрасно осознав, чем вызвана минутная слабость, он взял в себя в руки и тут же все переиграл.

Дом по-прежнему не загорался. Окруженный пламенем, он оставался в центре бушующей стихии, не позволяя и носа высунуть наружу. Душа и не высовывала, ощущая невыносимое жжение карающего огня. Не высовывала даже тогда, когда у нее поя-

вились посетители. Один за другим, они представали в доме длинной чередой. Искусно воссозданные, это были иллюзии. Иллюзии тех, кто потерял свое имущество и остался без выплат благодаря этой душе.

Теперь грешника пытал не огонь. Его жгли слова и взгляды пострадавших, говоривших с ним людей, сменявших друг друга бесконечной чередой. С одной стороны, наказание несколько ослабло. Не пожирая душу, пламя облегчило ее вечные страдания. С другой, оно оставалось вполне достойным этого человека, чья черствость более не служила ему броней от жгучей совести. Быть может, даже более достойным, нежели было изначально. Влияние Люмениферус не проходило даром. Мастер психологии, Люцифер ныне сознавал, что чувства, порой, имеют мощь несравнимо большую, нежели самая свирепая огненная хватка. Поглощенную терзаниями, в них он душу грешника и оставил.

Предательство одного соратника наверняка не представляло исключения. Перестав питать иллюзии, Люцифер кардинально сменил свою ментальную установку. К сожалению, выявить падшего ангела было еще труднее, нежели разоблачить искусно укрывшегося демона. Даже определив, кто скрывался под личиной человека, Люцифер по-прежнему не знал его имени, и оно могло оказаться одним из многих. Любая поспешность, малейшая ошибка грозили серьезными последствиями. Привыкший доверять своим ангелам, теперь Люцифер не мог поручить им ничего. Выбор получался невелик. Появляясь перед служителями, он начал выдавать им новые знания и инструкции.

Война шла не только у людей. Точнее, обычных людей. Ее вели и служители Люцифера. Выявляя одержимых, разоблачая культистов и подручных, они атаковали их везде, получив на то не только разрешение, но и приказ своего лорда. Разумеется, не в открытом бою, где-нибудь на улице или в торговом центре. Выбирая место, служители наносили удар с минимальным присутствием свидетелей. Возглавляемые демонами, их враги были очень опасны, однако их сила не могла сравниться с силой Люцифера.

Проклиная дьявола, даже священники и верующие прекрасно понимали, что его лучше не злить. Это было себе дороже. Взявшись за дело всерьез, он сокрушал любого, кто становился на его пути, и отнюдь не обязательно собственноручно. Могущество архидемонов было велико, но не беспредельно. Как владыка ада, архангел Люцифер наделял своих служителей куда большей мощью и неоспоримым превосходством.

Пентхаус стал хорошим уроком, породившим череду прежде невиданных исключений. Люцифер не разбрасывался знанием и

никому без необходимости силу не давал. Новшества диктовались обстоятельствами. Ранее не такие грозные, теперь его служители знали такое, о чем когда-то и не догадывались. Знали и пускали в ход, побеждая не только культистов, но и одержимых, то есть настоящих демонов. Защищенные своим лордом, неуязвимые для пуль, они обращали его волю на врагов и крушили их словно кувалда ледяные стены. Никто, решительно никто не уходил от них живым, пусть даже спасаясь в паническом бегстве. К сожалению, именно это планам Люцифера и не соответствовало. Отнюдь не целенаправленно, его служители по-прежнему никого в плен не захватывали. Несмотря на все старания, им доставались только трупы, без всякого следа пропавших душ.

Отдав приказ атаковать, Люцифер уже не прекращал начавшуюся борьбу. В этом случае скрытность более не имела смысла. Мятежникам было известно, что он узнал об их существовании. Вопрос заключался только в именах. Открыв служителям особое знание, часть из них он отрядил на поиск падших ангелов. Прежде он не считал это разумным, до последнего не веря в саму возможность такой измены. Теперь он находил это необходимым, отчего распылял и без того небольшие силы. В отличие от Люмениферус, он не мог непрерывно и легко рекрутировать себе сторонников. Их подготовка требовала времени, которого у Люцифера теперь просто не было. К счастью, на людей сестры жаловаться не приходилось. Прирастая в численности, они обеспечивали разведку и прикрытие.

Как и одержимые, агенты Люмениферус внедрялись повсеместно, снабжая ее бесценной и заведомо достоверной информацией. Их лояльность сомнению не подлежала. Ведомые ее светом, они уже никак не могли изменить своей госпоже, в отличие от демонов и соратников Люцифера. Их души пошли на ее зов, и сам этот принцип иного пути уже не предполагал. Пути расходились у самих Люмениферус и Люцифера. Традиционно жесткий, брат хотел подавить врагов только силой. Минимизируя насилие, сестра не изменяла политике убеждения. Работая сообща, оба терпели позиции друг друга, однако война, продолжая разгораться, заметно обостряла эту разницу.

Ключевой проблемой становились скрытые, отчего неразрешимые противоречия. Люмениферус никак не понимала, почему Люцифер, с его-то чтением душ, прибегает исключительно к ударной мощи, пренебрегая дипломатией и психологией. Это усугублялось тем, что понять она как раз и не могла. Переговоры с мятежниками не имели смысла. Как зачинщики войны, осмелившись пойти против воли Утренней звезды, они и были подлинным вра-

гом, причем врагом с неясными мотивами. Учитывая логику происходящего, владыке ада только и оставалось, что всех уничтожать, о чем поведать своей сестре он все еще был не в состоянии. Определяя границы, выявляя участников мятежа, он по-прежнему рассчитывал покончить с ними прежде, чем об этом узнает Люмениферус.

Хочешь не хочешь, к ситуации приходилось адаптироваться. Люцифер уже сообразил, что шила в мешке не утаишь, однако явиться победителем, раздавившим коварных изменников, было уж точно лучше, нежели обманутым властелином, нуждавшимся в неотложной помощи. Критикуя методы Люцифера, сестра воображала, что им движет все то же эго. Не ошибаясь по сути, она заблуждалась лишь в причине, становившейся тем еще камнем преткновения. Люцифер не позволял упасть своему авторитету, который мятежники упорно подрывали. Он боялся предстать недальновидным самодуром, но именно таким в результате и представал. Раскол между братом и сестрой грозил существенно подорвать и без того пошатнувшиеся позиции Люцифера. И кто-то, судя по всему, это очень хорошо понимал.

Распространяя свое влияние, Люмениферус продолжала вербовать людей из Красного Креста. Ее возможности росли. Как и предвидел Люцифер, филиал добавлялся за филиалом, постепенно переходя под управление светоносной архангела. До полного контроля было далеко, однако эта перспектива становилась вопросом времени, причем не такого уж и далекого. Расширяя возможности, Люмениферус уже не могла остановиться, ибо это позволяло ей влиять на судьбы множества людей. Буквально недавно о таком она даже не мечтала. Соблюдая осторожность, она по-прежнему не торопилась, но в самом наборе последователей уже не сомневалась. И уж тем более от него не отказывалась.

Вне замыслов архангелов, война диктовала свои условия. Она не затихала, а разгоралась. Кровопролитие, человеческие жертвы не прекращались. Столкнувшись с необходимостью, Люмениферус тушила ее, как могла. Умелые пожарные тратят воду не только на огонь. Они поливают и соседние дома, чтобы не допустить распространения пламени. Не в состоянии совладать с источником, именно этим Люмениферус и занималась. Локализуя очаг, она старалась не дать войне разрастаться. Частично ей это удавалось. Фигурально выражаясь, она и впрямь была своеобразным пожарным. Пока Люцифер совался непосредственно в огонь, она остужала тех, кто вот-вот собирался окунуться в нараставшее пожарище. И в результате не воспламенялся. Командный центр, обустроенный в филиале Красного Креста, очень тому способствовал.

В отличие от Люцифера, Люмениферус не приходилось регулярно возвращаться в ад. Небесные дела Михаила ее тоже не ограничивали. Обосновавшись среди врачей, командуя агентами и медицинским персоналом, Люмениферус была как адмирал на флагманском корабле, направляя непрерывно растущую флотилию. Оставаясь среди людей, она только и действовала им во благо. Следуя за светом госпожи, они подчинялись ей добровольно и беспрекословно. Демоны, при этом, боялись ее не меньше Люцифера. Пожалуй, даже больше. Любое нападение на ее последователей каралось незамедлительно. Не отягощенная узами брата, Люмениферус тут же летела через пространство, едва улавливала обращенные к ней молитвы. Последнее, что видели отродья тьмы — это ее слепящий свет. Людей она щадила, а с демонами не церемонилась. Пребывая в штаб-квартире, она в любой момент могла очутиться где угодно, выплескивая свою архангельскую мощь. Получая сведения от агентов, она как раз собралась нанести очередной удар, когда произошло нечто совершенно непредвиденное.

— Не там воюешь, — удержав ее от перемещения, внезапно раздался чей-то голос.

Защищенный архангелом, командный центр был недосягаем для исчадий ада, но только для них. Появившись из ниоткуда, незваный гость к ним не относился. Резко обернувшись, Люмениферус увидела падшего ангела. Для людей он выглядел бы как обычный ангел, однако старшая дочь отца своего знала их всех наперечет. Знала и различала.

— Тебе конец, если тебя послал не Люцифер, — смерив его взглядом, холодно предупредила она.

— В том-то и дело. Меня послал не он, но здесь я исключительно ради него, — ничуть не стушевавшись, ответил падший ангел. — Выслушай меня, не пожалеешь. Я же никуда от тебя не денусь.

Замечание было по существу. Сковывая друг друга, архангелы поддерживали эти узы недолго, однако к обычным ангелам это не относилось. Их они могли удерживать сколько пожелают.

— Говори, — быстро все прикинув, кивнула Люмениферус.

Находившиеся в командном центре, ее люди ничего не заметили. Падший ангел оставался для них незрим, общаясь с ней исключительно в сознании.

— Сначала дай мне слово, что не расскажешь обо мне Люциферу, — неожиданно потребовал незваный гость. — Что не откроешь ему мое имя.

Светоносная не жаловала соратников брата. Бывших соратников. Поднявшись против бога, они не скомпрометировали себя в ее глазах. Люмениферус не присоединилась к их восстанию, но и

не выступила против, ибо имела основания усомниться в справедливости отца. Ее пути с падшими ангелами разошлись позднее. В отличие от Утренней звезды, к человечеству они не переменились. Суммируя тысячелетия, за ними числилось очень много зла. Памятуя о предыстории, падших ангелов Люмениферус не трогала, однако их выходки не игнорировала. Соблюдая паритет, они не попадались ей на глаза, прекрасно понимая, на что способна эта архангел.

— Ты в себе? — прищурилась Люмениферус. — Я могу стереть тебя в порошок, а ты еще и условия мне ставишь.

— Давай так. Я расскажу тебе все, зачем пришел. Ты же пообещаешь, что сохранишь мое имя в тайне, если сочтешь эту информацию достаточно интересной, — предложил падший ангел. — Иначе я и слова не скажу, хоть уничтожь меня на месте.

Предложение звучало здраво, не противореча объективной реальности. Все карты были на руках у Люмениферус. Для чего бы ни явился падший, он наверняка имел на то серьезные основания. Он не мог не понимать, с кем связывается, и чем грозит ему необдуманный визит. Следовательно, выслушать его очень даже стоило, и особенно с таким допущением в обязательстве. Оно оставалось на совести Люмениферус, развязывая ей руки и позволяя поступить по своему усмотрению.

— Гм. Хорошо. Такое условие я приму, — невольно заинтригованная, согласилась Светоносная.

— Ты не там ведешь войну. Ты и Утренняя звезда, — повторяя вступление, тут же заговорил падший ангел. — Помнишь того одержимого брокера? Он лишь винтик. Песчинка в огромном механизме. Вы нашли врага в министерстве обороны, но солдаты людей — только инструмент. Зачинщики находятся совсем в другом месте, а вы по-прежнему не видите их под самым носом.

Криво усмехнувшись, Люмениферус потеряла всколыхнувшийся было интерес. Интрига развеялась. Она ожидала чего-то особенного, однако незваный гость открыл ей секрет полишинеля.

— Зачинщики сидят в аду. Это демоны. Они перешли отведенные границы, за что Люцифер их и карает. И я с превеликим удовольствием ему помогаю. Это не новость. У тебя все? — не без иронии произнесла Люмениферус.

— Зачинщики — не просто демоны, а демоны мятежные. Они сговорились и действуют против воли Утренней звезды. Они дискредитируют его власть, порочат в глазах людей и Михаила, — неторопливо, будто заранее продумав каждое слово, изрек падший ангел.

Люмениферус часто-часто заморгала. Совсем по-человечески,

чуть округляя глаза и немного приоткрывая рот.
— Что ты сейчас сказал? — совладав с ошеломлением, не веря своим ушам, переспросила она.
— Трону Люцифера брошен вызов. В аду мятеж, который возглавляют несколько архидемонов. Я не голословен и готов предъявить доказательства. Если позволишь, я укажу тебе, где их искать, — будто молот по наковальне, твердо и гулко ударил словами падший ангел.

Потрясение было слишком велико. Словно в наваждении, Люмениферус усиленно соображала, не мерещится ли ей все это. В отличие от людей, небожители не зависели от прихотей физиологии, однако причуды сознания случались и у них. Например, когда они сталкивались с чем-то поистине сногсшибательным, сотрясавшим фундаментальные понятия и опоры.
— Ты лжешь! — в смятении воскликнула Люмениферус.
Воскликнула вслух, обуянная приливом выходящих из-под контроля эмоций. Падший ангел и бровью не повел, зато люди в командном центре дружно обернулись.
— Ты лжешь, — мысленно повторила Люмениферус, делая им знак, что все в порядке.
Ее последователи тут же вернулись к своим делам, списав восклицание архангела на общение с чем-то им неведомым. Происходя сплошь и рядом, для них это давно стало нормой.
— Я могу доказать, — ответил падший, сохраняя поразительное спокойствие.

Незваного гостя спасала его стоическая невозмутимость. Перед лицом нависшей бури, грозившей ему аннигиляцией, он открыто взирал в лицо распалявшейся Светоносной. Едва не испепеляя его взглядом, та невольно это учитывала. Дрогни падший ангел, отступи он хоть на дюйм, Люмениферус тут же заставила бы его пожалеть о своем опрометчивом визите.
— Можешь не стараться. Лучшее доказательство — мой брат. Будь в твоих словах хоть доля правды, он давно бы мне сказал, — грозно заявила она, прищуриваясь так, будто примерялась для атаки.
— Поэтому я и здесь, — возразил падший ангел. — Он не говорит. Хочет справиться самостоятельно. И этим допускает ошибку. Положение становится все хуже. Его враг совсем не там, где вы с ним сражаетесь.

Уже собираясь пресечь нелепые речи, Люмениферус внезапно замолчала. В словах незваного гостя она начала улавливать некую логику. Тот постоянно оперировал местоимениями, которые к тому и сводились, что война вроде как получалась общей, а противник при этом был исключительно Люцифера.

— Все так, — подтвердил падший ангел, уловив немой вопрос. — Войну спровоцировали мятежные демоны. Именно поэтому у вас никак не получается ее остановить. Ты не знаешь, что происходит, а Утренняя звезда не осознает всего масштаба. Вы оба не там сражаетесь, не говоря уже о том, что не видите подлинного противника.
— Этого не может быть, — уже не так уверенно, как прежде, заявила Люмениферус.

Угроза прямого столкновения миновала. Уверенность незваного гостя сделала свое дело. Начав прислушиваться к его словам, Люмениферус стала осознавать, что они во многом объясняют поведение Люцифера.
— Когда Утренняя звезда тебя привлек, он не сказал всей правды об одержимых. И не говорит до сих пор. Это очень осложняет эффективность вашего взаимодействия. Ты понятия не имеешь, с кем сражаешься, из-за чего блуждаешь впотьмах и действуешь наугад, — пояснил падший ангел. — Именно поэтому я к тебе и пришел.

Давно было унявшиеся, подозрения Люмениферус вспыхнули с новой силой. Она ведь и сама предполагала, что Люцифер ей чего-то недоговаривает. Его тогдашние исчезновения, недомолвки, внезапное взаимодействие с Михаилом… Помнится, она пыталась застать его врасплох. Казалось, ей это удалось, однако брат представил надлежащее объяснение и попросил помочь в его делах. Польщенная таким отношением, Люмениферус охотно согласилась. Она до сих пор помогала ему во всем, придерживая вопросы ради взаимного доверия. Вопросы, которые теперь стоило задать.
— Почему ты явился ко мне? Почему не к Люциферу? — обдумывая ситуацию, вполне резонно осведомилась Люмениферус.
— Он и слушать меня не станет. Он безоговорочно верит тем, на кого я тебе укажу. А я укажу, если ты позволишь сопроводить тебя к истинным зачинщикам, — неторопливо изрек падший ангел.

Проснувшись в глубине сознания, любопытство уже не давало Люмениферус покоя. Возможно, на это падший и рассчитывал, но она уже и впрямь не могла вот так запросто прервать этот разговор. Заглотив наживку, теперь она желала уяснить все до конца. И тем более узреть, что именно ей собирались показать. Впрочем, не без оглядки. Могущественному архангелу ловушка не грозила. Физическая. Ловушка стратегическая, способная смутить ее разум, не исключалась.
— Тебе какой резон? Ты тоже стал на путь человеколюбия и добра? — с нескрываемым подозрением прищурилась Люмениферус.
— До жалких людишек мне дела нет. Как и прежде, любезничать с

ними я не собираюсь, — отмахнулся падший ангел. — Мне есть дело только до Утренней звезды. Его власть под угрозой. Хаос в аду никому не пользу не пойдет. Признаюсь, мне не нравится, как наш предводитель ныне возится с человечеством, однако я не потерплю, чтобы на его авторитет посягали какие-то демоны. Эти твари нам не ровня! Мы — ангелы! Пусть уже и не на небесах. Однажды, во главе с Утренней звездой, мы еще можем туда вернуться, и я сделаю все, чтобы это произошло.

Возникла пауза, но только для существ не из мира смертных. Полнясь разговорами и звуками, командный центр не прекращал своей кипучей деятельности, пока архангел и падший ангел не сводили друг с друга взора.

— Мятеж против Люцифера? Война — его последствия? — взвешивая каждое слово, коротко уточнила Люмениферус.

— Да, — столь же лаконично ответил падший.

— Зачем им это? Его могущество слишком велико. Никто не сможет сместить моего брата с трона, — усомнилась Люмениферус.

— Демоны ненавидят людей, как любимое детище бога и олицетворение его замысла. Бунтовщики хотят их истребить, прежде чем Утренняя звезда успеет помешать. Устроить на земле пресловутый ад, ввергнув ее в огонь и хаос. Вне всякого сомнения, гнев Люцифера будет ужасен, но ему только и останется, что принять это как данность. Ради этого восставшие демоны жертвуют собой. Твой брат уже допрашивал их неоднократно. Они уверяют его в своей лояльности, предпочитая сгореть в сияющем свете Утренней звезды, но не выдать своих планов, — поведал падший ангел. — Вот почему он до сих пор не знает, что происходит. Я же сказать ему не могу. Мне он не поверит, ибо не сомневается в приближенных архидемонах. Он вообще никого не слушает. Он прислушивается лишь к тебе.

Посеянные весьма искусно, сомнения охватили весь разум Люмениферус. Поведанная падшим, история казалась бредом, однако она объясняла многое. Такое, что и допускать-то не хотелось.

— Предположим, я тебе поверю. На мгновение. Но ты должен понимать, что мне потребуются железобетонные доказательства, — хорошенько все обдумав, произнесла Люмениферус. — Ты уверяешь, что в аду мятеж. Говоришь, что мой брат об этом знал и ничего мне не сказал, используя как марионетку. Если ты не докажешь свои утверждения, от тебя и опаленного пера не останется. Я заселяла жизнью целые планеты. Я могу и прекратить ее даже у ангела.

— Для этого я здесь. Идем со мной. Ты увидишь все сама. Я буду давать пояснения по пути, — ничуть не колеблясь, кивнул незва-

ный гость.

Соблазн был слишком велик. Люмениферус не хотела, чтобы услышанное оказалось правдой, однако проигнорировать его она тем более не могла. В уме, обуянном эмоциями, она уже сделала свой выбор, и задолго до того, как озвучила его вслух.

— Продолжайте работать. В случае нештатной ситуации обращайте молитвы непосредственно ко мне, — услышанная во всем командном центре, сообщила Люмениферус. — Я удаляюсь по делам. До новых указаний все прежние распоряжения остаются в силе.

В обширном зале, наполненном людьми и техникой, будто ничего и не заметили. Последователи Светоносной отреагировали как и должно. Не отвлекаясь и не оборачиваясь, каждый продолжал заниматься своим делом и вопросов не задавал. Ставя их в известность, архангел следовала ей же установленному порядку. Она ни перед кем не отчитывалась, однако ее люди заслуживали внимания. Эффективность их взаимодействия существенно повышалась, если она не пропадала без объяснений. В отличие от Люцифера, Люмениферус поддерживала у подчиненных хотя бы базовое понимание своих поступков и своего присутствия. Ведомая падшим ангелом, она не опасалась оставить командный центр без присмотра. Ее помощники точно знали, что делают и зачем. Теперь, судя по всему, это надлежало уяснить и самой Люмениферус.

Ни одна война не разгоралась просто так. При всей своей натуре, склонной к разрушению, братоубийству и жестокости, люди обычно не кидались друг на друга без серьезного повода. Во всяком случае, в массе, поднимаясь великим числом и устраивая кровопролитные побоища. Исходные причины конфликтов оставались неизменны. В любом воплощении, борьбу за ресурсы никто не отменял, материальные они были или духовные. К первым относились движимые ценности и земли, то есть различные блага, природные ископаемые и пространство для обитания. Вторые предполагали насаждение идеологии, чтобы прикрыть ей все те же первые. Расширяя свое стадо, пастыри всех мастей успешно стригли с него шерсть. Иноверцев же можно было обирать, обращать в данников и рабов, и тем самым решать свои экономические проблемы. Время шло, эпохи сменяли одна другую, а суть и причины войны оставались прежними. Ввиду прогресса, трансформировались только инструменты, что наглядно и показывал падший ангел.

Одержимый брокер и впрямь был не один. Подконтрольных аду, марионеток в мировой финансовой системе насчитывалось

множество. Брокеры, маклеры, аналитики, акционеры, члены совета директоров и даже помощники министров — демоны внедрялись скрытно, успешно и давно, формируя свою огромную сеть. Их эффективность обеспечивали сверхъестественные знания, способности и хронометрическое взаимодействие. Люди даже не подозревали, кто работает с ними бок о бок, направляя мировые финансовые потоки и формируя экономическую повестку. Повестку, которая медленно, но верно вела экономику на рифы, суля ее торговым кораблям неминуемое крушение. Пушки кораблей военных рокотали следом, будто салютуя уходившим на дно в зареве занимавшейся битвы. Стараясь усердно и на славу, демоны успешно подготовили финансовый кризис, переходящий в откровенный крах.

Война не могла не начаться. Ужасный и кровопролитный, террористический акт был только поводом, чтобы развязать и оправдать борьбу за глобальные ресурсы. Все экономические предпосылки уже сформировались. Ловко оперируя финансами, скупая и продавая акции, раздувая одни активы и обанкрочивая другие, демоны уверенно вели экономику в идеальный шторм. Ощущая его дыхание, на бирже уже лопались финансовые пузыри. Считавшиеся надежными, закрывались банки. Многие акции обесценивались, в то время как цена других намеренно и кратно завышалась. Разумеется, только для того, чтобы впоследствии обвалиться и спровоцировать еще больший кризис.

Подменяя реальные ценности, банкротя и уничтожая производства, демоны обращали труды людей в бесполезную бумагу. Многие капиталы оказывались дутыми, о чем их владельцы даже не догадывались. Владея чем-то с неестественной ценой, по сути они владели воздухом, и в любой момент могли остаться без гроша, случись на бирже потрясение. Таковые и случались, причем частота их увеличивалась, обостряя социальное недовольство и неравенство. Финансовые манипуляции делали свое дело, начиная от крупнейших фондов и заканчивая обычным брокером. Им было все равно, что продавать и покупать. Они получали свой процент, даже если брали настоящие ценности и обращали их в ничто. По большому счету, именно этим они и занимались. Управляя процессом, демоны только ускоряли грядущий крах, ловко играя на жажде превосходства и наживы. Люди им не сопротивлялись. Ослепленные алчностью, пренебрегая всякой моралью, они охотно попадали в губительную ловушку.

Преследуя свою выгоду, к эскалации конфликта прикладывали руку даже знаменитые мультимиллиардеры. По факту, их бизнес-стратегии были аферами мирового масштаба. Привлекая ин-

вестиции, они намеренно устраивали показуху с чрезвычайно впечатляющими, фантастическими и при этом заведомо нежизнеспособными проектами. По-настоящему же у них работало совсем немногое, куда и уходили все не присвоенные средства. Работало, безусловно, хорошо, но именно потому, что обеспечивалось за счет финансовых вливаний и пиара других идей. В противном случае оно не потянуло бы честную конкуренцию и реальную себестоимость. Вне всяких сомнений, это шло на пользу отдельным людям и даже государственным структурам, имевшим свою прямую выгоду, но только не экономике. В бизнесе процветали и распространялись ложные идеи, оттягивавшие на себя внимание и деньги. Инвесторы получали совсем не то, на что рассчитывали, о чем даже не догадывались. Не то получало и человечество, поверив в обман и вкладываясь в заведомо нереализуемые затеи, в то время как проекты действительно полезные утрачивали финансирование и предавались забвению.

Подмена ценностей затрагивала все, включая не только биржевые активы, но и культуру. Ее искажение все больше напоминало гримасу умалишенного, трясущегося в припадке. С дальних вековых рубежей, настоящее искусство заменялось откровенным хламом, не имеющим художественной и нравственной ценности. Подавалось это как особый взгляд на мир, постепенно заменяющий в сознании людей все прекрасное на извращенно демоническое. Проникая во все сферы жизни, разрушение культурных ценностей обретало масштабный, поистине планетарный характер. Оно проявлялось везде, начиная от картинных галерей и заканчивая интимными предпочтениями. Несмотря на отсутствие зримой выгоды, для демонов это имело огромное значение. Утрачивая связь с прекрасным, переставая отличать реальные ценности от мусора, люди все глубже увязали в трясине безнравственности и безумия, куда их уверенно заводили исчадия преисподней.

Благодаря изменениям в восприятии, все манипуляции становились проще, соблазны привлекательнее и доступнее. Пороки превращались в повседневную, одобренную обществом норму, а подложные жизненные маяки вели не к великому цивилизованному будущему, а пылающей катастрофе. Уродливые картины кричали об этом с бездарных полотен. Набором звуков и речитативов, в музыке гремела откровенно адская какофония. Дичайшие инсталляции, кошмарные псевдоскульптуры предвещали грядущую реальность, когда в огне и хаосе в ней не останется ничего другого. Волей неволей, демоны выдавали свой губительный замысел, ибо не могли иначе, однако люди этого не замечали. Большинство из них. Принимая все как данность, они сами крушили менталь-

ные барьеры, ослабляли стойкость своих отравленных душ.

Значительно облегчая задачу, прекрасным подспорьем для демонов становились виртуальные активы. А именно, криптоденьги, которые в принципе ничего не стоили. Разгоняя их цену, раздувая значимость, демоны закладывали даже не мину, а ядерную бомбу замедленного действия. Реальные ценности уходили, обращаясь либо в прах, либо концентрируясь у тех, кто участвовал в глобальном замысле преисподней. Взамен люди получали ничего не значащие пустышки, которые в любой момент могли исчезнуть по одному даже не сверхъестественному щелчку.

Идея была проста, как все гениальное, вот только гениальность эта родилась в глубинах ада. Медленно, но верно она набирала ход, следуя по уже давно задуманному пути. Пускай и презренное, золото все же имело некую цену, ибо воплощало неотъемлемую частичку материального мира. Такую же, как уран или кварц, медь или углерод. Вопрос заключался в практическом применении, но еще больше он заключался в сакральном смысле и идеологии.

Нареченное совсем не тем, чем оно было, золото все же приносило очевидную пользу. Как минимум, в промышленности, где оно и впрямь играло значительную роль, или, на худой конец, в виде нержавеющих украшений. Внешний вид, его неокисляемость вызвали вполне объяснимое отношение. Благодаря своим свойствам, золото заложило основу мировой финансовой системы, но именно это и придало ему дурную славу. К сожалению, люди ставили свои жизни ниже самого факта обладания этим металлом, однако заменить его бумагой — это был первый расчетливый шаг в череде дальнейших преобразований и подлогов.

Улучив момент, обосновав это практической пользой, вместо денег из золота людям вручили кредитные билеты, обещая за них все то же золото. Поначалу так и было, однако время шло и люди привыкли, что оперируют не полновесными монетами, а бумагой, за которую работают и даже умирают. Тогда с этой бумаги исчезли всякие упоминания о кредите. Она стала тем, чем и предполагалась изначально — средством оплаты труда без всякой возможности обмена и реального обеспечения.

Формально, за бумажными купюрами стояло государство, однако любое государство могло и рухнуть, что регулярно и происходило. Более того, власть имущие решали свои проблемы за счет девальвации, то есть целенаправленного обесценивания денег. Реальных активов это не касалось, но деньги уже перестали иметь к ним какое-либо отношение. Золотые монеты сохраняли стоимость, даже если выпустившая их страна исчезала с карты мира. Бумага

не гарантировала ровным счетом ничего, однако и она постепенно выводилась из обращения.

Принцип касался всего, начиная от денег и заканчивая акциями. Реальные ценности подменялись фантиками, чья стоимость смахивала на поведение перекати-поля. Судьба товаров и услуг определялась не их настоящей пользой, а спекулятивной прихотью. Заводы и фабрики, рудники и технологические долины — жизни миллиардов людей зависели от того, в какую сторону подует ее ветер, и какие бумажки он при этом снесет. А дул, он, естественно, на разрушение, к чему закономерно приводило критическое нарушение баланса между настоящим и несуществующим. Но демонам, разумеется, этого было мало.

Как ни крути, даже купюры оставались хоть какой-то силой, дающей возможность расплатиться и в условиях кризиса. Чтобы окончательно лишить людей всяких ценностей, их требовалось изъять. Некогда владея землей, работая за настоящее вознаграждение, люди обращали имущество в виртуальную среду и трудились за цифры в компьютерных программах. Прикрываясь прогрессом и соблазном прибыли, идеологическая обработка действовала безотказно. Усугубляя проблему, невольно участвуя в пагубном замысле, демонам помогали даже центробанки, внедряя криптовалюты и национальные цифровые деньги. Разумеется, не только ввиду недальновидности и наживы. Занимая высокие посты, одержимые сидели и там, подмывая финансовую систему и обрекая на экономический крах правительства множества государств. Особенно огромных и могущественных, которые просто так развалиться не могли. Столкнувшись с грядущей катастрофой, защищая само свое существование, за неимением другого выхода они вполне ожидаемо развязывали войну.

Когда активы обесценивались, стратегии не оправдывали ожиданий, а непомерные долги начинали пожирать все вложения в экономику, та уже не кормила государство. Государство кормило несостоятельную, трещавшую по швам экономику, и ему больше ничего не оставалось, кроме как начать вооруженный конфликт.

Капитализм, основанный на конкуренции, существовал только тогда, когда капиталисты добивались своего привычными путями. Если это становилось невозможно, финансовые инструменты откладывались. В дело вступали феодалы, только надевшие маску буржуа. Их власть базировалась на материальных ценностях, за контроль над которыми они не останавливались перед любым преступлением. Не собираясь ее отдавать, они переключались с капитализма на грубую силу. Рыночная экономика существовала только в фантазии простонародья, и только до тех пор, пока это

устраивало феодалов. Реальная экономика принадлежала тем, в чьем распоряжении были настоящие активы, на которые содержалась мощная армия. Чем сильнее, чем глубже был финансовый кризис, тем глобальнее, опаснее и разрушительнее становилась война.

В не таком уж и грубом приближении, вся структура походила на кости домино, выставленные одна за другой, или неустойчивый карточный домик. Уже развязанная, отнюдь не единственная на планете, локальная война была лишь началом. Демонов не особо интересовали стычки отдельных стран. Сильный всегда одолеет слабого, что бы там ни утверждали религиозные учения. Одолеет, причем, довольно быстро, а это в замыслы демонов как раз и не входило. Они спровоцировали войну не для перераспределения ресурсов между богатыми и очень богатыми. Они спланировали ее ради всеобщего уничтожения.

Хорошенько внедрившись в человечество, исчадия ада не мелочились. Их планы простирались куда шире, нежели порабощение отдельных беспомощных государств. Им требовалось столкнуть государства сильнейшие. Экономическая несостоятельность была тому отличным инструментом. В борьбе за выживание, феодалы пойдут на что угодно, лишь бы сохранить свое влияние. Все остальное, включая их собственных граждан и вассалов, становилось расходным материалом. Участь ему была уготована одна — умирать за чужие интересы, что старательно внушалось как светскими, так и религиозными идеологами. Беспристрастная и не искаженная лжеучеными, история говорила, что так было всегда, однако на сей раз ситуация имела отличительную подоплеку. Народы не просто питали кровью пошатнувшиеся троны своих владык. Им надлежало сгореть в глобальной топке, разжигаемой исчадиями ада.

Умело спровоцированный, локальный конфликт основательно затягивался. Против всяких ожиданий, сильная сторона не добилась своего быстро и без потерь. Причины назывались разные, начиная от стратегических просчетов и заканчивая менталитетом населения, однако подлинная была одна. Война потому и не затихала, что демонам требовалось совсем иное. Мировые потрясения продолжались, напряженность росла. Одна за другой, горячие точки вспыхивали по всей планете. Как малые ручейки, они сливались в реки, а их русла, в свою очередь, питали озера, моря и океаны. Очень вязкие озера, моря и океаны, затягивавшие в свою пучину страшнее топкого болота.

Начав экспансию, одно могущественное государство уже не могло ее остановить, ибо другие не могли позволить ему добиться

своего. Они прекрасно понимали, к чему приведет одностороннее усиление. Они автоматически становились следующими. Прекращение войны означало передышку, возможность окрепнуть и еще лучше подготовиться. Ее разрастание наоборот — ослабляло обозначившегося себя врага, а новые очаги распыляли его силы. Увязая в противостоянии, ведущие державы уже давно вели эту борьбу, однако теперь меняли курс на открытое столкновение. Даже если сами этого еще не понимали.

Направляя Люмениферус, падший ангел был неголословен. Он показывал ей всех, кто участвовал в описанном им замысле. Всех, кто реально стоял за начавшейся войной, манипулировал людьми и дергал за невидимые ниточки. Разумеется, речь не заходила о рядовых исполнителях, во множестве окопавшихся на земле. Сделанный фрагментарно, их полный обход занял бы слишком много времени. Глазам Люмениферус, сестры Утренней звезды представали ключевые фигуры. Представали так, чтобы она могла определить их сущность издалека. Те же, в свою очередь, даже не догадывались о ее присутствии. Выбирая место и ракурс, падший ангел был очень осторожен. Похоже, он действительно оказался хорошо обо всем осведомлен. Ведя Люмениферус, он давал ей короткие, но при этом весьма исчерпывающие комментарии, раскрывавшие всю глубину чудовищного замысла. Замысла, рожденного и воплощаемого вне воли и желания Люцифера.

Одержимость задействованных персонажей дополняли цифры, красноречиво говорившие с наглядных сводок. Указывая на тех, кем руководили демоны, падший ангел сообщал о достигнутых ими результатах, не забывая раскрыть и грядущие намерения. Картина получалась пугающей. Как обычно, большинство людей не ведало, что творило, зато исчадия ада понимали это очень хорошо. Теперь это начинала понимать и Люмениферус. Высокие посты говорили сами за себя. Одержимые, либо их ставленники фигурировали там, где само их присутствие означало очень многое. Увы, это было еще не все. Сестра Люцифера требовала железобетонных доказательств. К ее великому сожалению, падший ангел их предоставил.

— Теперь будь особенно внимательна, — предупредил он перед очередным перемещением. — Не выдай себя, чтобы ты ни увидела и ни услышала.

— Почему? — нахмурилась крайне взволнованная Люмениферус.

— Сейчас сама поймешь, — не стал вдаваться в подробности падший ангел.

Управлением кредитно-денежной политикой занимались особо подготовленные специалисты, облеченные доверием профес-

сионалы высшего ранга. В известном смысле, именно они представляли государство, ибо их решения могли его как возвысить, так и уничтожить. Это были очень ответственные люди, чьи посты наделяли их огромной властью. Властью и могуществом. Предполагалось, что эти посты они занимали не случайно, заслужив их своим жизненным путем и деяниями на благо общества. По факту же назначение определяли феодалы, то есть все те же иерархи. Деля богатство и влияние, их клановая борьба никогда не прекращалась, а назначенцы становились оружием и тактическим инструментом. Даже разбираясь в своем деле, эти люди были только пешками, исполнителями чужой воли. Но именно что люди.
— Ну и что? Человек как человек, — созерцая главу центробанка, безмолвно, по-прежнему прямо в сознании констатировала Люмениферус.
— Обожди, сейчас войдет помощник, — также беззвучно шепнул в ее голове падший ангел.

Ждать пришлось недолго, благо что выбранные время и место позволяли. Помощник действительно вошел, явившись в рабочий кабинет своего начальства словно к себе домой. Как доверенное лицо, он обладал особыми привилегиями и был посвящен во все секреты своего высокопоставленного руководства. Вот только в реальности все оказалось наоборот. А именно, кто кем руководил, и кому какие секреты принадлежали. Любой другой не заметил бы ничего особенного, но Люмениферус к таковым не относилась. Строгий костюм, деловая походка и папка с документами не обманывали ее внутреннего взора. В одно мгновение она узнала очень могущественного архидемона, из самой верхушки иерархии ада.

Последние сомнения развеял падший ангел. В беседу главы центробанка и помощника он не вмешивался, позволяя им заниматься своим делом. Улучив момент, он дождался, когда архидемон покинет кабинет и застал его наедине, появившись в образе обычного человека.
— Продолжаешь смущать умы? — прохладно осведомился он. — Утренней звезде это не понравится.
— Утренней звезде знать не обязательно, — недружелюбно отозвался архидемон.
— Что именно? — прищурился падший ангел. — Что ты разваливаешь экономику этой страны? Что ты раздуваешь ее непомерные долги, разрушаешь производство ради несостоятельных банков и разгоняешь инфляцию? Что благодаря тебе люди теряют рабочие места, а их вера в мечту о лучшем будущем исчезает как тьма в лучах светила?

— Патетично, — усмехнулся архидемон. — Только мы не в церкви, а ты не проповедник. Знай свое место, крылатый отщепенец. Твое слово не имело значения даже на небесах. Тебя выгнал твой бог, так не указывай мне, что делать в аду.

Судя по всему, появление падшего ангела не стало для архидемона сюрпризом. Вероятно, они говорили не впервые, что обозначала краткость их ярко-выраженной речи.

— Тебе указываю не я, а Утренняя звезда, — резко напомнил падший ангел.

— Повторяю. Ему знать не обязательно, — заметно озлобился архидемон. — А тебе стоит придержать язык.

— Иначе что? — скрестил руки на груди бывший небожитель. — Мой меч по-прежнему остер, а мои братья действуют воедино. Даже не надейся одолеть меня в открытом бою.

— Я один из высших иерархов ада, его воплощение и сущность. Я занимаю свое место не просто так. Люцифер поверит мне, а ты впадешь в немилость, — предрек архидемон.

— Когда все выйдет наружу, это будет неважно. Развязанная вами, гнусные изменники, война станет лучшим тому доказательством, — заявил падший ангел.

— Ты абсолютно прав. Это будет уже неважно. Мы добьемся своего. Люциферу придется смириться с падением человечества, — усмехнулся архидемон. — Он станет его правителем, как и мечтал, но будет править его костями.

Откровенность речей окончательно доказывала ставшее очевидным. Эти двое встречались уже не в первый раз.

— Он тебя уничтожит, как уничтожил уже многих, — предупредил падший ангел. — Утренняя звезда не потерпит мятежа. Вы все предатели, посягнувшие на его волю. Гнев его будет ужасен.

— Пусть так. Это уже ничего не изменит, — полыхнул огнем в глазах архидемон. — Любой из нас готов уйти в небытие, если прихватит с собой человечество. Это больше, чем уничтожение каких-то жалких смертных. Это победа над вашим богом. Тот Люцифер, что некогда прибыл в ад, должен быть нам благодарен. Возможно, еще и будет. Похоронив одних питомцев, хозяева всегда заводят себе новых.

Обстановка не накалялась. Архидемон был явно в себе уверен. Падшего ангела он воспринимал как назойливую муху. Тот, в свою очередь, разыгрывал этот спектакль не ради сжимания кулаков.

— У вас ничего не выйдет. Вы уже знаете, на что способны вместе Люцифер и его светоносная сестра. Они воскресят всех погубленных вами людей. Огонь и пепел сменят цветущие сады, — вырази-

тельно возразил падший ангел.
— Это у них ничего не выйдет! — гулко расхохотался архидемон. — Попавшие на небеса, души им не подвластны. Им только и останется, что возвращать на землю грешников. За редким исключением, это те еще подонки и гнусь. Люцифер уже убедился, к чему приводят подобные эксперименты. Повторять их ему как раз и не позволит его сестра. Земля, полная воскрешенного зла — я лично не отказался бы на это посмотреть!
— Есть еще Михаил, — не вдаваясь в полемику, напомнил падший ангел. — Вы боитесь его так же сильно, как ненавидите.
— Твоя правда, — заскрежетал зубами архидемон. — Только ты забываешь об одном. Михаил и пальцем не пошевелит без приказа вашего бога, а мы оба знаем, чего стоят его защита и правосудие. Иначе бы мы не добились и малой части того, что хотели.

Пускай и необычный, разговор превращался в банальное перечисление фактов. Всякая дискуссия в нем отсутствовала, как и очевидный посыл. Разумеется, архидемон не мог этого не заметить.
— Зачем ты вообще явился? Все уже было сказано, — смерив собеседника взглядом, осведомился он.
— Я хочу предотвратить то, что грядет. Я лишь стараюсь избежать потрясений в мироздании. Ваш мятеж подрывает его основы. Это никому на пользу не пойдет. Я даю тебе шанс подчиниться воле Утренней звезды. Я пошел за ним на небесах, следую и в аду. Так или иначе, я тебя остановлю. Но я хотел бы обойтись без великих жертв и еще большей крови. Не захочешь по-хорошему, будет по-плохому, — словно вспоминая небесное величие, грозно сверкнул глазами падший ангел.
— Попробуй. Будет то же, что и в прошлый раз. Там, в министерстве обороны. Когда, в присутствии Михаила, другой иерарх преисподней свалил все на других же падших ангелов, — недобро улыбнулся архидемон. Как ты думаешь, почему Люцифер затягивает суд? Ведь сколько времени уже прошло. Мы предвидели таких, как ты, и хорошо замарали вашу крылатую братию. Он не знает, кому верить.
— Он поверит мне! Он поверит нам, своей верной гвардии! — бросил падший ангел.
— Ты можешь проверить это в любой момент. Однако до сих пор не проверил, — выразительно заметил архидемон.
— Я тебя предупредил, — мрачно произнес падший ангел.
— Я тебя тоже, — глухо отозвался архидемон.

Оставшуюся незамеченной, Люмениферус едва ли не трясло. Физика тела была над ней не властна, но ее с лихвой заменяли бу-

шевавшие эмоции.
— Это просто чудовищно! — воскликнула она, не боясь быть услышанной, ибо воскликнула в ментальном поле; в противном случае ее услышали бы все сотрудники центробанка. — Я не верю!
— Веришь. Только пока осознанно не принимаешь, — тихо отозвался падший ангел.
— Почему ты позвал меня?! Почему не Люцифера?! Чтобы он сам услышал вот это все! — всплеснула руками Люмениферус.
— Не получится, — качнул головой падший ангел. — Твой брат — владыка ада. Архидемон моментально уловит его присутствие. Тебя же он не почуял. Во-первых, ты не имеешь отношения к преисподней и тамошним обитателям. У тебя отсутствует с ними связь. Во-вторых, если ты не запамятовала, на тебе божественная печать забвения. Косвенно это действует даже на архидемонов. Тебя просто не замечают, пока ты сама не объявишься.
— Ты мог все это записать! — запальчиво воскликнула Люмениферус. — У людей уйма всякой техники!
— Шутишь? — поднял брови падший ангел. — Он архидемон, мы небожители. Ну, пускай я и бывший. Подделать человеческое видео нам просто пальцами шевельнуть. Любой из нас может пачками такое стряпать. Как бы иначе мы скрывались от их вездесущих камер?

Ошалев от происходящего, столкнувшись с невероятной реальностью, Люмениферус и впрямь отказывалась ее принимать. Она больше не нападала на падшего ангела. Погруженная в свои мысли, она очень долго не покидала центробанка, оставаясь незримой для его главы и других людей.
— И все-таки я не верю. Тем более это всего один архидемон, — совладав со своими чувствами, наконец, произнесла Люмениферус.
— Не один, — возразил падший ангел.
— Ты про то, что было в присутствии Михаила?! — припоминая услышанное, тут же вскинулась Светоносная. — А что там произошло?!
— Не про не него. Да, про тот инцидент в министерстве обороны я тебе тоже расскажу. Потом, когда мы закончим наше сегодняшнее путешествие, — не предложил, а уведомил падший ангел.
— Так мы еще не закончили? — безрадостно удивилась Люмениферус.
— Нет. Я же говорил, что в мятеже участвует несколько архидемонов, — напомнил падший. — Идем, — поманил он за собой рукой. — Пока эти твари чего не заподозрили.

Не оправившись от предыдущего удара, Люмениферус полу-

чила еще один. Следующим орудием демонов оказался министр финансов. Даже не помощник, а именно министр. В него архидемон не вселялся. Он просто обосновался там, где бывал этот человек, столь нужный для воплощения его замыслов. Конкретная личность значения не имела. Архидемон захватывал любого, кто оказывался на этом посту. Захватывал не силой, а воздействием на разум, угрозами либо посулом. Министры сменялись, но никто не оказал сопротивления иерарху ада.

Выбор получался простым и очевидным. Между властью и деньгами, карьерой и жизненными благами высокопоставленные чины всегда выбирали личное благополучие, взамен утраты общественного положения, лишения средств к существованию и тем более психушки. А что еще подумали бы люди, заяви министр во всеуслышание, что его науськивает архидемон? Тот никогда не сомневался в результате. Он не мог совратить любого человека, но чем выше во власть, тем меньше там было добродетели и тем более желания приносить себя в жертву ради народа. Там царил противоестественный отбор, куда наиболее честные и достойные люди как раз и не выбивались.

— Людишки слабы. Они говорят, что верят в бога, но на самом деле верят только в то, во что хотят. А хотят они власти, удовольствий и золота. Будь это иначе, вся жизнь их протекала бы подругому. Кроме того, бог ни разу их не защитил. Его зримое отсутствие — наше лучшее оружие. Они это видят и подчиняются моим нашептываниям, — прогудел архидемон, парируя нападки падшего ангела. — Оставь уже. Тебе тоже нет дела до человечества.

Избранная тактика успешно приносила плоды. Стараясь для Люмениферус, ее неожиданный проводник вызывал иерархов ада на короткий откровенный разговор.

— Вы пренебрегаете волей Утренней звезды! Вы — мятежники! Вот что мне точно небезразлично! — гневно воскликнул бывший небожитель.

— Он это примет. Потом. Когда успокоится. Блажь на человечество пройдет. Он снова станет собой и поведет армии преисподней на небеса! — громыхнул архидемон. — Он станет тем, кем и хотел — правителем Вселенной, уничтожая все, что исходит от бога. Уйди с дороги, или мы тебя растопчем!

— Его ярость будет страшна! Весь ад содрогнется до основания! — пригрозил падший ангел.

— Даже не сомневаюсь. Но падут только немногие из нас. А нас легион. Тот самый, который приписывают его имени. Бесконечный легион, — ядовито улыбнулся архидемон. — Не забывай об этом, крылатый. Вас бесконечно мало, а нас бесконечно много.

Мы можем себе это позволить.

Мечом были вооружены все ангелы, от самого момента сотворения. Решительно все, и уж тем более первозданные. Это касалось и Люмениферус. Ее облик не включал клинок, как не включал у Люцифера и многих других, однако он присутствовал в самой их сущности. Люмениферус никогда им не пользовалась. Она старалась не доставать это оружие, скрывая его в глубине своего Я. Она прекрасно могла испепелить и светом, но именно сейчас едва удержалась, чтобы не снести архидемону башку. Клинок олицетворял ангельские полномочия, дарованные самим Творцом. У архангелов он воплощал их божественную силу, которая основывалась отнюдь не на убеждении и уговорах.

— Если его не уничтожит Люцифер, это сделаю я, — дрожа нематериальным телом, прошептала Люмениферус.

— Это еще не все, — будто умелый палач, обжег ее этими словами падший ангел. — Следуй за мной.

— Не могу, — словно под грузом мироздания, поникла и как-то даже потускнела Люмениферус. — Слишком тяжело. Просто назови мне имена. Покажи образы. Сущность. Деяния.

Ломающая восприятие, экскурсия и впрямь не была закончена, однако падший ангел на ее продолжении не настаивал. Как и всем небесам, ему была хорошо известна чувствительность Светоносной, на которой он сыграл как по нотам. Дальнейшая демонстрация не имела прежнего значения. Он добился своего, и видел это без всякого особого дара. Его слова сомнению уже не подвергались. Люмениферус услышала достаточно, и не от кого-то, а напрямую от архидемонов. В отличие от фигур попроще, подкупить их, чтобы разыграть спектакль, было невозможно за отсутствием всякой заинтересованности. Никто в здравом уме под удар Люцифера без серьезной причины не подставлялся. Следовательно, либо они говорили правду, либо их слова просто не имели смысла. Падший ангел это учитывал. Он показал, чего желала сестра Утренней звезды. Показал очень многое, и Люмениферус едва не обратилась в сверхновую от избытка чувств.

В том или ином присутствии, архидемоны влияли не только на одно могущественное государство. Их эмиссары проникли и в другие. Для того чтобы спровоцировать глобальный конфликт, разрушения одной экономики оказывалось недостаточно, какой бы крупной она ни была. Здесь требовался комплексный подход. Им следовало сломать весь существующий уклад, нарушить торговые устои, поставить на грань исчезновения важнейшие производственные цепочки, обрушить рынки и внести в мировую финансовую систему максимальную нестабильность и абсолютную

непредсказуемость. Для этого они задействовали всех ведущих игроков. Разный государственный строй, моральные ценности и религии им ничуть не препятствовали. В отличие от обычных шпионов, архидемоны легко играли на страстях и желаниях человечества, вне зависимости от пола, расы и убеждений. Не считая бога, в своем могуществе они уступали только архангелам и особенно Люциферу. В остальном их сила была невероятно велика, а возможности заходили далеко за представления человечества.

Иными людьми не приходилось напрямую управлять, и даже целенаправленно подталкивать. Их поступки диктовал разворачивавшийся сценарий. Инстинкт самосохранения требовал соответствующих мер, принимаемых на самом высоком уровне. Проиграть в борьбе за ресурсы означало обречь себя на медленное уничтожение. Пока мировые богатства делились в честной — относительно, — игре, ведущие державы избегали военного противостояния, используя как оружие коммерцию и дипломатию. Методов для этого более чем хватало. Карманные лидеры даровали сателлитов, ведущих свои страны в фарватере господской воли. Компрадорские ставленники на местах выполняли свои задачи получше всех диверсантов вместе взятых. Юридические уловки сталкивались на мировой арене с торговыми стратегиями или скрытой экспансией, когда в обмен на блага и развитие иные регионы переходили под доминирование какой-либо державы. Это и впрямь была игра, подкрепленная очень сильными армиями. Игра на выживание, без необходимости принятия крайних мер. Именно поэтому демоны и разрушали всю глобальную экономическую систему.

Когда законы коммерции переставали работать, а все производство и торговля начинали зависеть от силового и непредсказуемого вмешательства, привычные деловые структуры ломались как река во время ледохода. Ценные бумаги в бумагу и превращались, к вящей выгоде тех, кто их выпускал. Обесценить долг и сбросить всякие обязательства — логичный шаг для игрока, который уже не видит другого выхода, но который способен обеспечить это военной мощью. Финансовые рынки лихорадило. Уверенность в завтрашнем дне просто исчезала. Вынудив одну могущественную державу решать свои проблемы силой, демоны автоматически вынуждали пойти по этому пути и другие. Остальным же только и оставалось, что примкнуть к какому-либо флагману, либо пойти на дно в одиночку и куда быстрее.

Никто не хотел начинать мировую войну, но спираль экономической эскалации раскручивалась. Долги не могли накапливаться бесконечно, как и люди постоянно жить в искусственном

мирке, где финансовые показатели на два порядка превышали реальное производство. А то и на три. Манипулируя цифрами и спекулируя страстями, биржевые активы давно утратили связь с реальностью. Доселе, чтобы выжить, ведущие державы избегали глобального военного противостояния. Теперь, именно ради выживания, они готовились в нем столкнуться. Выступая перед общественностью, мировые лидеры регулярно повторяли тезис, что в атомной войне победителей не будет. В этом они кардинально и опаснейше заблуждались. На руинах человечества, в беспощадном пламени и безжизненном пепле, затмевающих сами небеса, победителями становились исчадия ада.

Расставались в командном центре Красного Креста. Вернувшись туда после череды визитов, Люмениферус снова явила себя своим людям. Ее судьбоносный проводник по-прежнему оставался невидимым инкогнито.

— Я взываю к твоему слову. Ты обещала не называть мое имя Утренней звезде, если согласишься, что информация того достойна, — не скрывая волнения, напомнил падший ангел.

— Не назову, — кивнула Люмениферус.

Вне зависимости от желаний, иначе она и не могла.

Верная совести, не чуждой даже архангелам, Люмениферус была не в состоянии выдать своего неожиданного просветителя. Ведь он поведал ей не только о причинах войны. Он открыл ей истинные роли тех, кто намеренно пошел против воли Люцифера. Пошел против их общих замыслов, ибо брат и сестра совместно вынашивали будущее как свое, так и человечества. Более того, он рассказал ей и о том, что произошло в министерстве обороны, в присутствии архистратига Михаила. Среди падших ангелов это не было секретом.

— Его туда каким ветром занесло? — только и пробормотала, на прощание, Люмениферус.

— Как? Разве ты и этого не знаешь? — удивился падший ангел. — Из ада пропадают души. И в ад иные тоже не попадают. Для Утренней звезды, как владыки ада, это тяжелейший для репутации удар.

— Что? — спросила упавшим голосом Люмениферус.

— Он потому и обратился к Михаилу. В надежде, что тот поможет прояснить этот вопрос, — пояснил падший ангел. — Неужели он тебе не говорил? Я думал, у вас нет друг от друга тайн.

— Я тоже так думала, — машинально ответила Люмениферус.

Ложь заведомо исключалась. Прекрасно владея своим даром, светоносная архангел, единственная дочь своего небесного отца, прощупала незваного гостя досконально. Он говорил сущую прав-

ду, в той мере, в какой ее показывал. При этом он испытывал и страх, чтобы было вполне естественно в его ситуации. Еще бы — пойти на такой риск ради Люцифера, когда и он, и его сестра могли испепелить за крамольные слова, даже не дослушав до конца. Ему было вполне простительно, что он чего-то явно не договаривал, да и вообще ощущал себя с Люмениферус некомфортно. Та ведь в любой момент могла его прогнать, выдать брату, а то и вовсе уничтожить.

Люмениферус безошибочно ощущала все эмоции падшего ангела, как искренние, так и напускные. К первым, к сожалению, относилась правда про архидемонов. Все сказанное им сомнению не подлежало, не говоря уже о полученных вживую доказательствах. В означенном свете вторые особого значения не имели. Падший ангел не лгал, когда упомянул, что его отношение к людям осталось неизменным. Его интересовала только власть Утренней звезды, пускай он и заявлял несколько не то, что думал. Люмениферус ощущала, как он испытывает страх, отчаянно храбрясь, но не оставаясь искренним до конца. Страх и трепет перед возмездием Люцифера, и это соответствовало тому, зачем он пришел к его сестре. Он очень боялся гнева владыки ада, если тот сочтет его виновным в измене. Измене, которую он как раз и старался разоблачить. Кроме того, у него не было оснований доверять Люмениферус, ибо к ней он пришел исключительно от безысходности. Его отрицательные чувства, несколько странное поведение и эмоциональный фон полностью вписывались в картину испытываемых им противоречий.

С очередным потрясением дело не затянулось. Задержавшись с уходом, падший ангел не скрыл от Люмениферус того, о чем сам же и обмолвился. Он поведал о пропавших душах, невольно связав это в ее сознании с запросами Люцифера и расследованием ее агентов. Многое, очень многое теперь стало ей более чем ясно.

— Спасибо. Можешь не беспокоиться, я тебя не выдам. И об оказанной услуге не забуду, — шокированная дальше некуда, пообещала Люмениферус.

— Прости за откровенность, но старался я не ради тебя, — отмахнулся падший ангел. — Твоя забота о человечестве не находит понимания даже на небесах. Ты знаешь, что тебя всегда многие недолюбливали. Теперь и тем более. Я не исключение. Падшие помнят, что ты не присоединилась к Михаилу, но не забыли и того, что ты не выступила и с Люцифером. Я бы к тебе не обратился, но ты единственная, к кому прислушивается Утренняя звезда.

Улавливая эмоции, Люмениферус не усомнилась, что незваный гость опять говорил чистую правду.

— Понимаю, — кивнула она. — Но все равно я благодарна тебе за сведения.
— Распорядись этим правильно. Ты меня не видела, я тебя тоже, — отозвался падший ангел.
Он не прощался. Узы архангела его более не сковывали. Он просто исчез, оставив Люмениферус в таком смятении чувств, какого не было со времен пощечины отца, сбросившей ее с небес.

Импульсивная и чувственная, Светоносная едва удерживалась, чтобы горы не своротить. Точнее, не наломать горы дров, что умом она прекрасно понимала. В штормовом порыве, обуянная эмоциями, она могла натворить такого, о чем жалела бы до скончания веков. Услышанное едва укладывалось в ее распаленном сознании, но даже мятежные демоны, гибель человечества и непонятная загадка с душами были не самым скверным в этой череде открытий. Хуже всего было недоверие Люцифера, сравнимое с предательством. Их планы, мечты, сотрудничество и вера в будущее базировались на важнейшем постулате — никаких секретов друг от друга, и тем более неких действий за спиной.

Люмениферус прекрасно понимала, с кем имела дело, но она всегда была для своего опального брата исключением. Тот никогда ее не подводил, не обманывал сестринского доверия. Со времен садов Эдема, Люцифер был единственным, на кого она могла положиться, в то время как почти весь мир считал его олицетворением коварства, лжи и зла; хулил и ненавидел. Так неужели все это оказалась игра? Очередная, старательно спланированная интрига хитрого и расчетливого ума? Неужели и Люмениферус была нужна Люциферу лишь для достижения своих целей? Он ведь просил ее о помощи, но так и не раскрывал, для чего. Нет! Не может быть! Наверняка есть правдивое, оправдывающее брата истолкование!
— Дьявол меня раздери! Я спрошу об этом сама! — заходясь от эмоций, в сердцах воскликнула Люмениферус.

Несмотря на громогласность, в Красном Кресте восклицания госпожи не слышали. Вызвав грозовые эффекты в атмосфере, приведшие к возмущению в электромагнитных полях, Люмениферус произнесла это уже в пространстве, отправляясь прямиком к своему брату. Искать его долго не пришлось, ибо там, где она очутилась, дорогу указывали все, равно как и отвечали прямо в сознании.
— Чем обязан? — удивился Михаил, узрев перед собой фигуру сестры.
— Что у тебя за дело с Люцифером, о котором вы оба не сочли уместным меня известить? — прямо сходу, без обиняков осведо-

милась Люмениферус.

Внезапно начавшийся, разговор с первых же слов становился неуместным. Люмениферус не запрещалось посещать небеса. Этого права не лишил ее сам бог, поэтому никто не осмеливался пенять ей на появление. Проблема заключалась в том, ради чего она столь внезапно появилась. Михаил и так старался не афишировать свои отношения с опальным братом. Понимания он особо не находил, однако ему, как архистратигу, вопросов не задавали. Их начала задавать Люмениферус, и совсем не о том, о чем вообще стоило говорить. Секрет пропавших душ должен был оставаться таковым, и особенно в свете услышанного от Гавриила.

— Тише, — невольно оглядываясь по сторонам, молвил Михаил. — Ты же знаешь, как здесь относятся к нашим с ним встречам.

— Тогда выкладывай. Я и орать не буду, — напористо предложила Люмениферус.

— Не здесь. Если ты не хочешь навредить и себе, и мне, и нашему брату, — твердо возразил Михаил.

— Вы со мной не особо считаетесь. С чего бы МНЕ с вами считаться? — парировала Люмениферус.

— Потому что из нас ты единственная, у кого наилучшее так называемое сердце, — ответил Михаил.

Замечание пришлось ко двору. Распаленная и взбудораженная, Люмениферус не смогла проигнорировать сделанный комплимент, тем более что брат не пытался заткнуть им рот. Точнее, пытался, но искренне. Владычица эмоций, в его словах она не уловила льстивой фальши.

— Надо поговорить, — заявила она, давая понять, что не отступит.

— Идем, — быстро приняв решение, позвал Михаил.

Состояние сестры читалось невооруженным взглядом. Что бы ее ни разволновало, она могла взорваться в любой момент, причем даже на небесах. Скандал, способный изрядно все осложнить, архистратигу был не нужен совершенно.

Пройдя через пространство, Михаил провел Люмениферус на задворки Вселенной. Со времен Люцифера, та расширялась не так интенсивно, ибо никто не сменил его на этом несущим свет посту. Разлетаясь в стороны, галактики лучились в бесконечную пустоту. Здесь не было разумной жизни, включая не только смертную, но демонов и небожителей. Здесь не было вообще никого, кто мог бы что-либо подслушать. Как пограничное состояние, ад находился вне досягаемости человеческих измерений, и физической границей расширявшейся Вселенной не определялся. Понятие мироздания было шире, нежели материальный мир людей.

Холодная и безжизненная, каменистая планета озарялась

призрачным светом далекой звезды. Его хватало лишь на то, чтобы отбрасывать слабые тени от скалистых пиков, торчавших промеж пустынных равнин. Никто не ступал по ним с начала времен. По ним не гуляли даже ветра, ибо космический шарик был лишен всякой атмосферы. Его ледяные пустоши только условно именовались таковыми, за неимением хоть чего-нибудь, что могло обратиться в лед.

— Я слушаю, — складывая крылья, опустился на камни Михаил.

— Это я слушаю! — воскликнула Люмениферус. — Не в твоих привычках заводить секреты с Люцифером! Что вас такое связывает?! Только не отрицай! Иначе с чего бы вам двоим искать архидемона в министерстве обороны!

— Значит, ты в курсе, — обдумывая ситуацию, неторопливо произнес Михаил.

— Именно! Так что выкладывай! — наседала сестра.

Выдерживая паузу, Михаил кивнул. Тема была слишком щекотливая. Дабы не выболтать лишнего, ему следовало определить, в курсе ИМЕННО ЧЕГО была Люмениферус. Заведомый блеф, равно как искусные ловушки, никто не отменял. Даже устами прекрасного светоносного архангела. Михаил хорошо относился к своей сестре, однако та слишком много времени проводила с Люцифером. Кто знает, до чего они вдвоем додумались, и не была ли эта сцена очередным, давно и старательно рассчитанным коварством. Пусть даже и действуя самостоятельно, Люмениферус невольно могла быть орудием в руках хитроумного владыки ада.

Вне всяких сомнений, Люцифер вел нечистую игру. Теперь Михаил был в этом полностью уверен. Подсунув ему шараду с душами, он отвлек его внимание от других забот. Он знал, что отвлечет. Вопрос был слишком серьезным, чтобы военачальник небес его проигнорировал. Привлекая ангелов, он занимался совсем не тем, чем стоило бы, в то время как Люцифер благополучно проворачивал свои дела. Какие именно? На земле разгоралась война, к которой владыка ада якобы не имел никакого отношения. Война, переходящее в нечто большее, нежели очередное столкновение людей.

Весьма наглядно и красноречиво, Люцифер неоднократно давал понять, что за кровавой бойней стоит не он, а ослушники архидемоны. Его великий гнев, его неописуемая ярость и впрямь выглядели очень натуральными. Настолько, что Михаил почти ему поверил, не получи он ответ от Гавриила. Теперь он не верил ни на грош, что демоны творят злодейства без ведома своего властелина. Скорее, наоборот — они исправно выполняли его волю согласно новой тактике, где некую роль играл и сам Михаил. Какую? Если

бы это знать.

Хитрость Люцифера обрела свою славу вполне заслуженно. Михаил не сомневался, что тот реализовал какой-то замысел, на сей раз выходивший далеко за рамки обыденного. К сожалению, он понятия не имел, в чем именно тот заключался, и какую роль в нем играла Люмениферус. Именно поэтому он отнесся к ее вопросам очень осторожно. Ее появление на небесах было слишком неожиданным, не вписываясь ни в одну логическую схему. Чем бы оно ни вызывалось, Михаилу не следовало попасться на очередной крючок. Он ведь уже неоднократно попадался, следуя по ложному пути, и за этим наверняка стояли не безликие демоны, а Люцифер.

— У нашего брата проблема с душами. Он обратился ко мне за советом, — взвешивая каждое слово, изрек Михаил.

— Выражайся точнее, — ничуть не удовлетворилась таким ответом Люмениферус.

Волна недоверия ничуть не шла на пользу делу. Не испытывая к сестре ничего плохого, Михаил, тем не менее, не излучал обыденной открытости. Люмениферус ощущала это очень хорошо. Она и сама была настороже, узнав про его интриги с Люцифером. Проблема заключалась в том, что в этих же интригах ее подозревал и Михаил. Люмениферус не хотела говорить, о чем она уже была осведомлена. Заведомо этого не зная, свои стратегические карты Михаил тоже не раскрывал.

— Как ты, полагаю, помнишь, мы вместе побывали там, где Люцифер устроил искаженное подобие Эдема. Это едва ли не открытая насмешка над богом. Каким бы ни был его замысел, души попадают в ад не для комфорта и покоя, — избрав подходящую тактику, сумел не солгать Михаил. — При всем его бахвальстве, Люциферу весьма полезно узнать, как воспримут его поступок на небесах. Ему очень важно мое мнение, а также то, известно ли о новшествах с душами кому-нибудь еще.

Не забывая о способностях сестры, Михаил искусно формулировал свой ответ. Не погрешив против правды, он говорил о душах так, чтобы не пересекать красную черту. Он хотел узнать, что именно так разволновало Люмениферус, и при этом не выдать своей осведомленности о коварстве Люцифера. Если они заодно, ему в любом случае следовало помалкивать. Если же нет, сестре пока не стоило знать о том, что он услышал от Гавриила. Если вообще стоило.

— Надеюсь, ты понимаешь, почему я не хотел это афишировать, — заметил Михаил. — К подобным вещам надо относиться предельно осторожно. Со времен падения с небес, Люцифер получил

отсрочку, а не индульгенцию.
— И это все? — пристально созерцала его Люмениферус.
— А этого мало? Того, что учинил наш брат? Ему словно нейметься испытывать границы гнева божьего, — повел рукой Михаил.
— В принципе, достаточно, — помрачнела Люмениферус.
Под этим достаточно она подразумевала выводы, сделанные прямо здесь и сейчас. Она намеренно скрывала, что ей известно от падшего ангела. Теперь она удостоверилась, что и этот брат предпочитает держать ее в неведении.

Дальнейший разговор особой пользы не принес. Он лишь усиливал нараставшее недоверие. Обычно бесхитростный и прямолинейный, Михаил умело изворачивался. Считая ложь ниже своего достоинства, он упорно избегал всякого упоминания о пропавших душах. Как Люмениферус ни подталкивала, она так и не сумела вывести его на чистую воду. Значит, либо падший ангел все придумал, либо Михаил хранил эту тайну за семью печатями. В пользу последнего свидетельствовало его молчание. Когда Люмениферус загоняла его в угол, он отделывался отговоркой о служебном положении. Не желая лгать сестре в глаза, он ссылался на закрытые сведения, доверенные ему как архистратигу. Это было лишним доказательством его осведомленности, поскольку прежде он к таким уловкам не прибегал.

Настойчивость Люмениферус не лучшим образом сказывалась и на отношении Михаила. Он уже инициировал проверку некоторых фактов. Старательно изучая все, что было связано с Люцифером, он искал улики в пользу его умысла, и находил. Отправленные с неприметной миссией, дозорные ангелы собирали сведения и сообщали неприглядные подробности. Они заставляли предположить, что многие эпизоды были подстроены. Возможно, все, где фигурировал Люцифер, чтобы сыграть на реакции и чувствах военачальника небес. Это, впрочем, Михаила не удивляло. Ему только и оставалось, что корить себя за недопустимую доверчивость. Неприятный нюанс заключался в том, что в докладах ангелов проскальзывала и Люмениферус. Возможно, случайно, однако некоторые сцены с ее участием тоже начинали казаться постановочными.

Боясь удостовериться в своих предположениях, в сторону сестры Михаил пока не копал. Если она вела с ним игру, как Люцифер, удар будет настолько силен, что навсегда изменит его отношение к Люмениферус. Если же нет, он мог глубоко оскорбить ее своими подозрениями. Осторожно собирая факты, Михаил не торопился и продолжал анализировать данные от ангелов. Визит сестры застал его врасплох. Не зная, что и думать, он избегал всякой

откровенности, чем закономерно вызывал недоверие Люмениферус. И этим допускал огромную ошибку, игравшую на руку совсем не тем, кого он считал причастным к вопиющим событиям.
— Значит, тебе больше нечего мне сказать? — мрачновато подытожила сестра.
— Если только нет других вопросов, — развел руками Михаил.
— Есть, но не к тебе, — сдержанно отозвалась Люмениферус.

Нехарактерность развития событий сказывалась решительно на всем, начиная от визита падшего ангела и заканчивая персональной реакцией на происходящее. Обычно вспыльчивая до взрыва, Люмениферус выказывала настоящий стоицизм. Она сумела удержаться, чтобы не атаковать одержимых и тем более архидемонов. Она проявила невероятную выдержку при визите на небеса и последующем разговоре с Михаилом. Теперь ей предстоял еще один разговор, однако сперва Люмениферус все-таки дала волю эмоциям. Накопившись словно пар в свистящем котле, они грозили разорвать ее в любой момент.

Распрощавшись с Михаилом, Люмениферус улетела в другую галактику и там закричала так, что снесла, будто ураганом, целую туманность, доселе мирно паривщую на просторах. Сталкиваясь и раскалываясь, планеты устроили метеоритный хаос, запуская в космическом пространстве сумасшедший бильярд. Ближайшая звезда немедленно взорвалась, обратившись в сверхновую под напором архангельских эмоций. Две другие, в совместном гравитационном поле, схлопнулись воедино, образовав черную дыру. Та просуществовала совсем недолго и тоже детонировала, пребывая в неестественной нестабильности. Она породила новую туманность, горячую и наполненную плазмой. Из нее, разлетавшейся далеко окрест, тут же начали формироваться небесные тела и малые звезды. Люмениферус же все кричала, то вслух, а то беззвучно, распространяя в далекой части Вселенной невиданное возмущение. Затем успокоилась и умолкла, наконец-то выпустив накопившееся напряжение. Ее эмоции не унялись. Выплеснув их наружу, она на какое-то время снова взяла себя в руки. Этого должно было хватить для грядущего разговора. Стараясь выглядеть спокойной, Люмениферус опять шагнула через пространство, но теперь отнюдь не на небеса.

Когда Люцифер исчезал, найти его было довольно трудно, если вообще возможно. Его терял из виду даже Михаил, с чем и Люмениферус сталкивалась неоднократно. Доселе она терпела, мирясь с типичными выходками брата, однако на сей раз решила взять быка за рога. Полученные от падшего ангела, сведения требовали подтверждения, а выводы следовало закрепить. Люмени-

ферус не стала дожидаться, когда Люцифер соизволит объявиться. Она ковала железо, пока горячо, тем более что и впрямь делала это не только фигурально. Не один владыка ада умел обращаться к своим служителям, звуча у них прямо в головах. Теперь, обретя собственных сторонников, это могла и Люмениферус.

Следуя приказу, переданному на расстоянии, агенты Светоносной немедленно прекратили всякое сотрудничество с людьми Люцифера. Подконтрольный ей, Красный Крест приостановил с ними любое взаимодействие, ссылаясь на волю своей госпожи. Воля Утренней звезды для них значения не имела. Результат не заставил себя ждать. Извещенный служителями, в аду довольно быстро объявился Люцифер. Найдя сестру, где и указывали, а именно в огненном Эдеме, он хмуро потребовал от нее объяснений.

Место оказалось выбрано не случайно. Душа самоубийцы — одинокой девушки, столь драматично предъявленной Михаилу, — была плодом совместного замысла Люцифера и Люмениферус. Ее страдания были настоящими, как и вся судьба, никак не зависевшая от архангелов. К подстроенному относилась лишь уловка. Приведя к ней Михаила, Люмениферус заведомо знала, что найдет квартиру пустой. Она уже была в курсе, что бедняжка покончила собой. В тот день она лично явилась к Люциферу, чтобы потребовать для нее снисхождения. Люцифер ничуть не возражал. Более того, он уже и сам обустроил для девушки надлежащее узилище, где она пребывала не в страданиях, а покое. От начала и до конца, история бедняжки была подлинной, вот только Михаилу все это было предъявлено постфактум.

Военачальника небес не стоило располагать искусной ложью. Разоблачив ее хоть раз, он станет еще более недоступен и отчужден. Пеняя брату за подлоги, Люмениферус избегала любых инсценировок, однако сочла уместным воспользоваться реальной божественной несправедливостью. Кто виноват, что Михаил не увидел ее сразу? В нужный момент, сестра показала ему все как надо, умолчав только о хронологии своего участия в этих событиях. Внося свою лепту, став главным орудием в убеждении Михаила, Люмениферус старалась не столько для себя, сколько ради идей Утренней звезды и человечества. Теперь человечество оказалось на грани огненной бездны, а Утренняя звезда проворачивал дела у нее за спиной.

— Ты что такое вытворяешь? Что это на тебя нашло? — осведомился Люцифер, сердито уставившись на сестру.

Вместо ответа та отвесила ему звонкую пощечину.

Недовольный выходкой сестры, внезапно приостановившей их налаженное сотрудничество, Люцифер был настроен совсем не

добродушно. У него и так хватало забот, чтобы та усложняла их подобными фортелями. Прибыв на рандеву, он собирался задать ей хорошую взбучку, но несказанно опешил, когда получил ее сам.
— Ты чего?! — тут же утратил он воинственный пыл.
Вторая пощечина хлестнула сильнее первой. Аж засветившись от эмоций, Люмениферус вложила в нее всю силу своего возмущения.
— Прекрати! — отступая на шаг, воскликнул Люцифер. — Ты что, с ума сошла?!

Самоуверенный до нарциссизма и властный до вызова богу, Утренняя звезда никогда не стерпел бы ничего подобного от кого другого, однако сестру он действительно любил. Ошарашенный ее поведением, он и не подумал дать отпор. Он уже не помышлял о нападении. Перейдя в защиту, теперь он только и пытался уяснить, чем вызван столь агрессивный прием.
— Мерзавец! Подонок! Притворщик! Гнусный лжец! — сверкая глазами, давала волю рукам Люмениферус.
Перестав оперировать одной ладонью, она поочередно пустила в ход сразу обе. Продолжая пятиться, Люцифер только и успевал закрываться. Сестру он не отталкивал и вообще не трогал. Уклоняясь от ударов, нет-нет, да и попадавших в цель, он упорно допытывался, чем вызван ее внезапный гнев.
— А ты будто не знаешь! — распаленная атакой, сверкнула светом Люмениферус.

Обретая ударную мощь, вспышка едва не снесла Люцифера нематериальной волной. Архангелы ведь и сами были нематериальны, а свет становился их естественным оружием и чрезвычайно сильным проявлением в мироздании.
— Да скажи уже, в чем дело-то?! — возопил Люцифер, ощутив себя как бетонная свая при ядерном взрыве.
Уцелевший, но помятый, он не упал, а покачнулся, обдаваемый страшной силой слепящего напора.
— И он еще спрашивает! — грохотнула Люмениферус. — Когда ты собирался рассказать мне о мятежных демонах?! Поведать о пропавших душах?! Держать меня в неведении соответствует твоим великим замыслам?! Я в них, поди, очередная дура и полезная марионетка!

Изменившись в лице, Люцифер тут же выдал себя с головой. Он даже закрываться перестал, отчего пропустил две оглушительные оплеухи. Люмениферус, впрочем, перестала его колотить, впечатленная такой реакцией.
— Кто тебе сказал? — упавшим голосом произнес Люцифер, чем окончательно подтвердил наихудшие подозрения сестры.
— Я наведывалась на небеса. Михаил сегодня многое мне открыл,

— не вдаваясь в подробности, бросила Люмениферус.
Дав твердое обещание, выдать падшего ангела она не могла. Оболгать Михаила ей тоже не хотелось, пускай тот и скрыл от нее очень важные вещи, да и вообще повел себя очень некрасиво. Воспользовавшись ситуацией, Люмениферус подыскала подходящую реплику. Она позволяла узнать, действительно ли братья были в сговоре, или нет.
— Да чтоб у него язык отвалился! — в сердцах воскликнул Люцифер, с треском угодив в расставленную ловушку. — Вот и доверяй ему по секрету!

Теперь в лице изменилась Люмениферус. Ее гнев полностью развеялся. На смену ему пришли обида и разочарование. Сердце защемило, пускай оно у архангела и не существовало. В самой ее сущности, доселе наполненной светом и любовью, стала разливаться горечь, чей желтый оттенок омрачил белоснежное сияние.
— Спасибо за доверие, брат, — тихо произнесла Люмениферус. — Как видно, слова об искренности нашего союза и были лишь словами.

Ощутив правоту замечания, Люцифер почувствовал себя чрезвычайно неуютно. Внезапный удар застиг его врасплох. Скрывая от сестры опасную правду, он как-то не очень предвидел такую сцену. Оберегая их союз, он как раз и не хотел погубить его мятежом и своим пошатнувшимся авторитетом. Теперь же их отношения треснули по швам. И без дара сестры, Люцифер уловил это одним лишь брошенным на нее взглядом. Без доверия Люмениферус их будущее было обречено. Сестра перестанет помогать ему в их совместных замыслах. Она никогда не поддержит его притязаний на небесный трон, если сочтет, что Люцифер посвящает ее в дела исключительно в меру стратегической необходимости. Это даже отдаленно не соответствовало истине, однако теперь поди ей докажи. Смятенный и растерянный, Люцифер начал подозревать, что допустил огромную ошибку.
— Все совсем не так, — не очень-то убедительно заверил он.
— Что именно? — подозрительно спокойно уточнила Люмениферус.

Хоть и в преисподней, семейная сцена оставалась неприметной, протекая только между ее участниками. Не считая вспышки света, в закутке адского Эдема царило привычное умиротворение. Демонам вход сюда был заказан, а душа одинокой девушки ничего не слышала. Погруженная в себя, она гуляла по другому берегу озера, даже не зная о размолвке между архангелами.
— Что именно не так? — пугающе ровным голосом переспросила Люмениферус. — Мятеж? Души? Твой обман, когда ты использо-

вал меня как последнюю идиотку? Даже представлять не хочу, зачем ты науськивал меня обретать все больше последователей.
— Все совсем не так, — лихорадочно ища выход из положения, повторил Люцифер.
— Боюсь, теперь я тебе на слово не поверю, — качнула головой Люмениферус.
— И не надо! — с внезапной твердостью произнес Люцифер. — Я долго откладывал это мероприятие! Ради тебя я начну его немедленно!

Уверенность, пришедшая к владыке ада, читалась так же ясно, как и его предыдущая растерянность. Он был и впрямь уверен в том, что говорил. Смятение уступило место решимости.
— О чем это ты? — прищурилась Люмениферус.
— Я тебе не лгал, когда говорил, что некоторые демоны перешли отведенные им границы, — напомнил Люцифер. — Просто я не думал, что их окажется настолько много. И тем более не предполагал, куда ведут концы. К сожалению, они привели на самый верх.
— Мне это уже известно, — прохладно заметила Люмениферус. — Скажи что-нибудь новое.
— Ты услышишь все сама, — с жаром пообещал Люцифер. — Раз Михаил тебе все разболтал, значит, ты в курсе деяний архидемона. Он все еще дожидается моего суда. Я собирался тебя позвать, чтобы доказать, что ничего не скрываю. Просто подбирал наилучший момент. Это было бы публичное судилище, где присутствовали бы все иерархи ада, ты и Михаил. Под судилищем я подразумеваю не насмешку над правосудием, а общее действо, с массой привлеченных персон. Оно и будет. Идем со мной. Чтобы доказать тебе свою искренность, я начну его прямо сейчас.

Пришедшая внезапно, идея казалась единственной возможностью исправить ситуацию. Исправить быстро и с минимальными последствиями. Громкое, не имевшее аналогов событие затмило бы собой потрясение Люмениферус, сглаживая ее болезненную реакцию. Публично наводя порядок, Люцифер рассчитывал предстать грозным властелином, проводящим жесткую политику, но не чуждым и справедливости. Под этот шумок он выгадал бы время и сумел успокоить Люмениферус, истолковав ужасное недоразумение в свою пользу. Он ведь и впрямь ее не обманывал. Он лишь боялся открыть неприглядную правду, что было совсем не одно и то же.

— О какой искренности речь? Что именно это докажет? — не слишком-то впечатлилась Люмениферус.
Иного от нее ожидать и не приходилось. Теперь, для надлежащего воздействия, ей и впрямь требовалась очень выразительная сцена.

Такая, чтобы произвести ударный эффект на очень чуткую и чувствительную натуру; затмить неприглядные факты их красочным освещением. Люцифер уже прикидывал, что будет говорить, увязывая все вопросы сестры воедино. Он сумеет оправдать свою скрытность, свалив загадку пропавших душ на Михаила. Тот ведь не дал ему ответ, способный кардинально прояснить очень многое. Люцифер уже решил, что сделает это краеугольным камнем своей защиты. Мол, он хотел обо всем рассказать Люмениферус, но целиком и сразу, не оставляя пробелов и неопределенности. Вопрос же, тем временем, изрядно затянулся из-за нерасторопности архистратига.

— Идем со мной, — протянул ей руку Люцифер. — Ты услышишь все, что желаешь узнать. Надеюсь, мои объяснения тебя удовлетворят.

— Хорошо. Я предоставлю тебе шанс, — сдержанно кивнула Люмениферус.

Было бы наивно воображать, что возмущенная сестра тут же остыла и успокоилась. Ничего подобного. Она требовала объяснений, и Люцифер согласился их предъявить. Отказаться означало не получить ответы. Люмениферус затеяла скандал не ради скандала. Наоборот, она надеялась, что брат сумеет восстановить ее пошатнувшееся доверие, и эту возможность нельзя было упускать. Упускать им обоим.

Заручившись согласием, Люцифер тут же отступил на шаг и протяжно протрубил, пронизывая гулким и тяжелым звуком всю преисподнюю. Не как архангел Гавриил, а силой воли, в нематериальное пространство вечного огня. Он испускал глобальный зов, присущий исключительно владыке ада. Это был сигнал на сбор. Своей верховной властью, Утренняя звезда созывал на суд иерархов преисподней.

Несмотря на масштабность невиданного события, передавать многочисленные указания не пришлось. Заведомо извещенные, все участники давно уже знали свои обязанности и роли. Помимо герольдов, административного персонала и подозреваемых, это касалось и свидетелей. Особой чередой, среди них фигурировали падшие ангелы — гвардия Утренней звезды, пользовавшаяся его особым расположением и доверием. Люцифер так и не выяснил, кто-то из них выступал на стороне мятежников. Его архангельский дар распространялся только души людей. Одних предположений было недостаточно, а запутанность истории пока еще не позволяла выявить конкретные имена. Теперь ему только и оставалось, что уличить их на суде, полагаясь на показания и доказательства. Тогда, и только тогда он вынесет свой публичный и су-

ровый приговор, без всякой оглядки на прежнюю лояльность.
— Идем, — повторил он сестре, формируя из огненного вихря сквозной проход в глубины ада.
Ввиду грядущих событий, Люцифер принял свой подлинный облик. Раскрытые крылья испустили белоснежное свечение, присущее всей его первозданной сущности. Украшавшая венец, на его челе ярко вспыхнула одинокая звезда.

Во все времена, сердце любой империи олицетворял собой тронный зал, где на особо подчеркнутом возвышении восседала священная особа монарха. Как правило, в воображении людей представлялась примерно схожая картина. Она относилась даже к раю и аду, где бог правил на небесном, а Люцифер на дьявольском троне. Она фигурировала в описаниях, исторических документах, рассуждениях, и самом воплощении высшего господства. Трон символизировал устоявшийся общемировой порядок, наделяя своего владельца сакральной властью. Он делал это настолько ярко, что прямо-таки представал перед глазами, либо слепя своей божественной белизной, либо опаляя огненными языками преисподней. В обоих случаях эта фантазия не соответствовала реальности. Для бога и его первородного архангела трон был понятием исключительно абстрактным.

Никто не сидел на неком кресле, из чего бы то ни было сделано. Бог и Утренняя звезда не выражали свою власть в каком-то зале и не зависели от человеческого представления вещей. Преисподняя вообще не имела ни центра, ни физической структуры. Небеса тоже не выглядели как облачное королевство. Их устройство не поддавалось человеческому восприятию, выходя далеко за рамки мира смертных. Привыкшие к трехмерной реальности, люди самонадеянно рассуждали о реальностях более многомерных, однако даже приблизительно не могли сформулировать, что это такое. Иные, опрометчиво именовавшие себя учеными, умудрялись причислять к таковым и время, которое как физическая величина попросту не существовало. Представляя сверхъестественное, люди неизменно описывали его обыденным.

Оперируя окружающим, земная наука заведомо безуспешно пыталась объяснить божественное. То, что ее породило, и что априори не поддавалось ее анализу. Ближайшим, пускай и отдаленным примером выступала виртуальная реальность. Пребывая в своей среде, некий высший разум сотворил отдельный мир, где действовали придуманные им законы. Для удобства, исключительно математические, основанные на материальной физике вещей, которые в пространстве самого высшего разума отсутствова-

ли. Понять это изнутри виртуальной реальности возможным не представлялось. Она была будто снежный шар, паривший перед чьим-то взором в череде других шаров. Его населяла жизнь, в том или ином ее воплощении. Не в состоянии выбраться за его пределы, свое представление о мироздании она видела исключительно на основе окружающей субстанции. Чему и удивляться, что она наделяла собственными качествами высшие материи, весьма и весьма далекие от ее воображения. Даже при одинаковых понятиях, их непосредственное воплощение основательно различалось.

Про теологов и вовсе говорить не приходилось. Все их утверждения, все умозаключения базировались исключительно на архаичных текстах, где отражались чьи-то персональные фантазии. У современных людей, где источниками болезней давно определили микробов, а человечество искало контакты с инопланетянами, за них обычно попадали в сумасшедший дом. При этом уже высказанный, давно попавший в историю чей-то бред становился основополагающей истиной.

Ни на каких Престолах бог не восседал. Он вообще не нуждался ни в чем подобном, и особенно в специальных существах, чье раболепие только и выражалось, что поддерживать его на своих плечах. И уж тем более был способен передвигаться самостоятельно, без конструкции из херувимов. Это была исключительно человеческая выдумка, и то фигурировавшая в единичных и не слишком достоверных источниках. Ошибочные утверждения порождала смесь эпох, языков и разыгравшегося воображения, чье психическое состояние вызывало закономерные вопросы. Привело это к тому, что из-за древних патриархов, зачастую находившихся в том еще угаре, люди на полном серьезе путали ангелов, серафимов и херувимов, суть одно и то же.

Фанатики смотрели своим идеологам прямо в рот, заведомо принимая на веру все, что оттуда исходило. Громкие заявления порождали власть, даже если они диктовались нездоровой фантазией, либо расчетливостью ума. До власти люди всегда были охочи, пытаясь возвыситься над себе подобными любыми способами. Чистейшая выдумка, исходившая из почитаемых уст, автоматически возвеличивала эти уста до уровня пророка, если поражала дремучие умы людей некими божественными высотами. Фантазии превращались в откровения, вне зависимости от того, верил в них сам сочинитель или нет. В фундаментальные основы закладывалось нагромождение нелепой лжи.

Наводя порядок, богословы умудрились кратно усугубить ситуацию, классифицировать несуществующих существ и их несуществующую же иерархию. Порицая язычников, расплодивших

всевозможных духов, они и сами ввели не только престолы, но и начала с некими силами, властями и господствами, то есть своими домыслами придумали уйму высших сущностей. Как архангел, тот же Люцифер очутился у них на одной из нижних ступеней, что противоречило здравому смыслу, не говоря уже о сакральных текстах. В одном из них он даже прямо назывался херувимом, низвергнутым из Эдема за грех гордыни. Богословы утверждали, что архангелы и херувимы — разные сущности, но на это очевидное противоречие никто не обращал внимания. Люди традиционно верили только в то, во что хотели, игнорируя любые не устраивающие их источники.

Безусловно, ролей и обязанностей в небесной иерархии хватало, однако как первый и самый старший, Утренняя звезда был наиболее приближен к богу. Это и вызвало его ревность к людям, которым потребовали поклонения. Обратившись к отцу, и не через какое-то там выдуманное Начало, он не получил разъяснений. Восстание окончательно спровоцировал отказ, ибо бог не посвятил своего любимого архангела в причины столь странного решения. Восстание, на которое Люцифер просто не осмелился бы, находись над ним множество более высоких и могущественных чинов. Кроме того, он никогда бы не заявил, что воздвигнет свой престол выше престола бога, если бы тот и впрямь состоял из особых сущностей. Он заведомо не мог бы этого сделать. Это противоречило всякой вменяемой логике, но именно она в рассуждениях богословов и отсутствовала как таковая. Не имея ничего общего с наукой, теология опиралась исключительно на летописные фантазии ЛЮДЕЙ, чья вольность определялась статусом и авторитетом конкретного религиозного лица. Перу небожителя не принадлежал ни один документ. В итоге ученые были весьма далеки от того, чтобы хотя бы частично понимать устройство небес и преисподней. Парадокс заключался в том, что верующие были от этого еще дальше.

Объявляя суд, Утренняя звезда не подразумевал специальное здание, со всей бюрократией и проволочками юридической машины. Обширная площадь для народного схода к нему тоже не относилась. Это было лишь название — термин для особого события, где владыка ада публично разбирал дела и выносил единоличное решение. Движение его воли обретало открытый характер, как если бы электромагнитные поля внезапно стали видимы человеческому глазу. Для этого, безусловно, требовалось обособленное пространство, чтобы обеспечить процессуальное удобство и всеобщую наглядность. Обретая предметную форму, оно воплощалось из ниоткуда, прямо из пылающего хаоса вечного огня.

Архидемоны не зависели от трехмерного мира человечества.

Люцифер и тем более, заправляя адом и при этом обладая могуществом первозданного архангела. Улицы, дома и прочие элементы обихода создавались исключительно для душ, чье восприятие конфликтовало с пламенеющей пустотой. Высшие существа использовали что хотели и когда хотели, легко пересекая воплощения в любой их пространственной комбинации. Их восприятие не сковывали примитивные органы, а взаимодействие с окружающим не основывалось на прямом контакте. У них, конечно, имелись свои особенности и ограничения, но это были величины совсем другого уровня.

Ввиду грядущего процесса, Люцифер не сотворил амфитеатр или стадион. Скамьи и кресла заменяли скалы, слепленные из густой, подернутой коркой демонической лавы. Их плоские, конусом вниз, фрагменты парили в пустоте, сочась огнем и струйками непроглядной тьмы. Скал было много, мозаично распределенных вдоль внутренней поверхности огромной сферы. Незримая и нематериальная, она обозначала внешний контур, отделяя обособленную часть преисподней от всего остального. Законы гравитации были уделом мира смертных. В аду они не мешали стоять даже вниз головой. Какого-либо неудобства это не причиняло. У ангелов, демонов и душ тела отсутствовали, как и связанное с ними кровообращение. Их члены не затекали, и прилив крови к мозгу не грозил апоплексическим ударом. Располагаясь по сфере где угодно, они беспрепятственно обращали внимание в ее центр, предназначенный для основного действия. Дискомфорта или технических осложнений это не вызывало.

Поток визуальной информации зависел от персонального восприятия. Переворачивать картинку в глазах мог даже человек. По сути, он всегда и все видел вверх тормашками, а особый механизм в его голове трансформировал изображение как надо. Нарушения в стволе головного мозга приводили к тому, что небо менялось местом с землей. Иными словами, даже у людей это вполне работало, пускай и на уровне аномалии. Для высших существ зрительный ракурс вообще значения не имел. Они обрабатывали его, как хотели, в том числе разбивая на фрагменты не хуже фасеточного зрения пчелы.

Что на вершине, что в основании сферы, любой из архидемонов преобразовывал панораму как угодно, вращая ее в стороны и выделяя любые детали. Но и это было еще не все. Световые лучи отражались даже в мире смертных, позволяя наблюдать скрытый за углом объект. Восприятие архидемонов было гораздо шире. Они могли находиться в любой точке на поверхности сферы и при этом видеть Люцифера в лицо, даже если сами оставались за его спи-

ной. Сфера, однако, была создана не только для того, чтобы равномерно распределить всех присутствующих и обеспечить им надлежащий вид. Подобный механизм Люцифер мог реализовать и в иной форме. Ее внешний периметр окружал сплошной огонь. Не просто огонь, а пылающий вихрь, непрерывно бушующий штормовой ураган. Он служил пространственным экраном, передавая происходящее внутри прямо в сущность ада. Через него, из любого состояния и места, судилище видели все обитатели преисподней.

Как таковой, трон у Люцифера действительно отсутствовал, хотя периодически упоминался им самим, когда речь заходила о власти и правлении адом. Этим понятием он оперировал исключительно номинально. Как минимум, владыке неизмеримой пограничной зоны просто некогда было на нем сидеть. Не скованный физическими законами, он в принципе не желал увязывать себя с каким-либо объектом, как бы величественно и вычурно тот ни выглядел. И тем более запирать в неком тронном зале. Лишь здесь, внутри пылающей сферы, наличие условностей диктовали обстоятельства.

Люцифер не сотворил себе вульгарную мебель. Он сидел в потоках света, формировавших плавную структуру и овевавших его фигуру неторопливо льющимися лучами. Свет и был его престолом, наподобие престола божьего. По самой своей природе, Люцифер никогда не ассоциировал себя ни с черепами, ни с языками адского пламени, в каких бы кошмарных образах его не рисовали сатанисты. Его трон всегда находился с ним и воплощался там, где желал архангел и владыка ада. Ввиду судилища, сейчас он воплотился в центре сферы, где Люцифер занимал свое главенствующее место. По левую руку от него, в световых потоках поменьше, расположилась его сестра Люмениферус.

Архангелам не требовалось восседать. Это лишь обозначало их высокий статус, во главе с самим владыкой ада. Призвав архидемонов, он целенаправленно выказывал им свое положение, подчеркивал приоритет и неоспоримость своей воли. Сейчас, на фоне мятежа, это имело смысл как никогда. Иерархам ада следовало помнить, кто в преисподней главный, и кто распоряжается в ней одним лишь движением мысли. Забывшим стоило преподать урок. Ради этого Люцифер и собрал невиданное судилище, чтобы публично определить вину конкретного архидемона. Хотя и не вычислив всех мятежников, он собирался показать, насколько суров и беспощаден будет его приговор. Пусть знают, что их ждет, и трепещут в ожидании неминуемой кары от владыки ада, светоносного архангела и могущественной Утренней звезды.

Хорошо спланированный и надлежаще организованный, су-

дебный процесс был полностью готов, однако все не начинался. Занявшие места из лавовых скал, архидемоны безмолвствовали как монолиты. Для тех, кто оперировал вечностью, условные часы значения не имели. Иерархи ада не испытывали усталости. Прибыв на зов властелина преисподней, они терпеливо ожидали, когда тот подаст условный сигнал. Они прекрасно знали, что должно было произойти. Судилище не стало для них сюрпризом. Оно было ожидаемой действительностью, с момента изоляции изобличенного архидемона. Обвиняемый в измене Утренней звезде, он готовился выступить в свою защиту. Готовились выступить и другие демоны, равно как и очень многие падшие ангелы. Каждый из них играл свою роль, и каждому надлежало исполнить ее безукоризненно.

Человеческое правосудие никогда не видело такого процесса. Ресурсы ада оперировали совсем другими измерениями и величинами. Адвокат, прокурор, суд присяжных и судья в одном лице, Люцифер лишь сам определял, кого следует вызвать, а кого нет. Он сам выстраивал структуру действия, называл участников и формировал обвинения. Доказательную базу тоже определял только он. Он заслушивал всех, кто желал выступить перед ним, но сам же и решал, что с этим делать. Вердикт он выносил единолично. Только он признавал, виновен кто-либо или нет. Он же принимал какие-то факты к сведению, либо отвергал их как несостоятельные. Цель у всего этого была одна. Готовясь нанести удар, Люцифер уже мысленно прикидывал, в какой момент обрушит его на мятежников.

Пускай и не законченное, расследование выявило многих. Минувшие месяцы не прошли впустую. Скрывая свою осведомленность, Люцифер лично постарался, чтобы вычислить максимум изменников. В этом ему существенно помогли служители, а вклад последователей Люмениферус и вовсе был неоценим. Они значительно облегчили ему задачу, позволяя привлекать дополнительные глаза, руки и ресурсы. Благодаря им, теперь он знал, что мятежники находились и среди присутствующих. Присутствующих прямо здесь, на публичном судилище. Эти архидемоны даже не подозревали, что Утренней звезде уже известно об их мятеже. Полагая, что замели следы, они спокойно пришли на судебный процесс, где сами скоро окажутся на месте обвиняемых.

Первый после бога, могущественный до неуязвимости, Люцифер ни мгновения не сомневался, что сокрушит ничтожных предателей, посмевших пойти против его воли. Он даже предвкушал этот момент, стараясь ничем не выдать своих намерений. Пускай и досрочный, суд нанесет по мятежникам такой удар, ко-

торый послужит всем уроком своей силой и возмездием. Оставшихся мятежников Люцифер вычислит позднее. В его распоряжении было много времени, чтобы выловить даже самую незначительную сошку, однако начать следовало с ключевых фигур. Именно это он и собирался сделать, чтобы поразить самое сердце мятежа, его главных зачинщиков и идеологов. Люцифер уже придумал кару, отнюдь не связанную с банальным испепелением. Так легко изменники у него не отделаются. Предвосхищая момент, он и сам ожидал процесса, однако приказ о начале суда все еще не отдавал. Изгибаясь от него по правую руку, потоки света попрежнему пустовали. Они предназначались для Михаила, но по какой-то неведомой причине тот запаздывал.

Присутствие военачальника небес имело колоссальное значение. Люцифер обещал ему судилище, чтобы доказать свою непричастность к злодеяниям демонов. Михаил должен был сам во всем удостовериться. В противном случае он ни за что не примет сторону Светоносных, так и не поверив в изменившиеся взгляды опального брата. Все старания Люмениферус, их общие планы привлечь Михаила в свои ряды надолго пойдут прахом. Возможно, навсегда, лишая надежды на преобразование мироздания и судьбы человечества. Без Михаила, обладателя огненного меча и главнокомандующего армией ангелов, все замыслы Утренней звезды и Люмениферус не имели смысла. Они были идеологами нового мира, основанного на открытости и справедливости. Михаил являлся силой, без которой победа в противостоянии с богом оставалась невозможной.

Подняв легионы преисподней на небеса, Люцифер вторично потерпел бы весьма предсказуемое поражение. Ему требовалась поддержка, и поддержка фундаментальная, способная перевесить чашу весов в его пользу. Указывая на изъяны бога, апеллируя к его вопиющей несправедливости, он целенаправленно и долго склонял Михаила на свою сторону. Не преуспев на этом поприще, он переложил его на Люмениферус, к которой архистратиг относился без предубеждения. Искренние и добровольные, ее старания приносили свои многообещающие плоды.

Люмениферус не обманывала Михаила. Она показывала ему жизнь как есть, в ее болезнях, скорби и без прикрас. Она предъявляла ему людей, чьи судьбы полнились лишениями и горем. Она приводила его к детям, в слезах и непонимании страдавшим ни за что. Она открывала ему боль, терзавшую тела и души, и все глобальные беды человечества, порожденные отнюдь не волей Утренней звезды. Начиная от отдельных личностей, оперируя частным, она постепенно переходила к общему, формируя единую картину

красочными мазками. Закоснелый в убеждениях, прежде не сомневавшийся в отцовской справедливости, Михаил начинал видеть мир иначе. Видеть и допускать, что за болью и страданиями, мучительными смертями и загубленными жизнями стоял совсем не Люцифер. Тогда, быть может, его собственное чувство справедливости заставило бы его принять судьбоносное решение.

Дожидаясь появления Михаила, Люцифер не забывал разговаривать с сестрой. Ее вопросы никуда не делись. Ему требовалось поддерживать с ней контакт, чтобы не допустить наихудшей эскалации событий. Ее отношение висело на волоске. Восстанавливая доверие, он подавал ей сведения так, чтобы подвести их к кульминации судилища. В этом ему невольно помогала и сама Люмениферус.

— Эмоции демонов я улавливать не умею, однако и без этого ясно, насколько мне здесь не рады, — заметила она, неторопливо оглядывая иерархов ада.

— Некоторые из них мне тоже скоро не обрадуются, — отозвался Люцифер. — У меня имелись причины держать все в тайне. Твоя осведомленность могла нечаянно выдать им мои намерения. Особенно вкупе работы со многими новыми людьми.

— Естественность реакции. Ты и прежде прибегал к этой отговорке, — нахмурилась Люмениферус.

— Сейчас она была важна как никогда, — прекрасно понимая, куда брошен камень, кивнул Люцифер.

Дожидаясь суда, архидемоны не шевелились и безмолвствовали. Визуально они ничем не выдавали своего настроя, и все же Люмениферус не ошибалась. Сестра владыки ада была им поперек горла. Они вообще не выносили ангелов, и тем более архангелов, которых ненавидели и боялись. Исключение составлял один Люцифер, как властелин и предводитель в противостоянии с богом. Его только боялись, за властный и суровый нрав, подкрепляемый исключительным тираническим могуществом. Это вполне соответствовало облику правителя ада, но его братья и сестра были для демонов один хуже другого.

Люмениферус не пользовалась расположением за свой характер, способный спонтанно кого-нибудь испепелить. Ее вспыльчивость, сердобольность и добродетели не единожды задавали трепку разным демонам. Михаил, как военачальник небесного воинства, и вовсе был для обитателей преисподней ночным кошмаром. При одной лишь мысли о его возможностях они испытывали ужас, который сами привыкли внушать другим. Архидемоны старались не встречаться с архангелами даже поодиночке. Когда те объявлялись вместе, их натурально лихорадило. К их великому неудоволь-

ствию, Люцифер упорно не разрывал семейные связи. Хуже того, в последние века он старательно их налаживал, исходя из своих изменившихся соображений.

Зачастив в преисподнюю, Люмениферус была там очень нежеланной персоной, однако открыто перечить Люциферу никто не смел. Его сестра, порой, позволяла себе нападки, обращая в пепел подвернувшихся демонов. Владыка ада ее даже не отчитывал, спуская с рук любую выходку. Это ничуть не усиливало симпатий к ним обоим, однако еще меньше в преисподней хотели видеть Михаила. Тот появлялся редко и никогда ни на кого не нападал, однако сам его визит вызывал крайне отрицательную реакцию. Михаил олицетворял диаметральную противоположность иерархов ада. Он был острием меча и воплощением воинской силы бога, отчего и воспринимался соответствующе. Хуже него считалось только появление самого бога, в любой его ипостаси, что на рубеже эпох однажды и произошло.

В Люцифере архидемоны видели предводителя, в Люмениферус импульсивную хаотичность, а в Михаиле смертельного и чрезвычайно опасного врага. Врага, с которым сама логика предсказывала когда-нибудь столкнуться. Глядя на пустующий световой поток, предназначавшийся для военачальника небес, архидемоны невольно задумывались о будущем и его в нем роли. Грядущее развитие событий меняло набор переменных и превращало ее в неопределенность.

— Интересно, что у них на уме? — озаботилась Люмениферус. — Держу пари на свои крылья, твоя затея с судом им очень не нравится. Теперь им только и не хватало меня с Михаилом. Не думаю, что они это понимают.

— Без вас никак. И мне наплевать, что они там понимают, — процедил Люцифер. — Однако ты права. Я и сам хотел бы проникнуть в их мысли. Жаль, что не могу. Отец не даровал мне власть читать кого угодно. Впрочем, он вряд ли на такое способен. Порождения тьмы — его естественные антагонисты и антиподы. Он не управляет их природой.

— Тебе это зачем? Ты все равно с ними не считаешься и приказываешь что угодно, — заметила Люмениферус.

— Затем, что я до сих пор не знаю причины мятежа. Я не в состоянии поведать тебе то, о чем и сам не имею представления, — сглаживая обиду сестры, выложил свою неосведомленность Люцифер. — Одной ненависти к человечеству тут явно недостаточно. Здесь есть что-то еще. Что-то, чего я пока не понимаю, и мне это ОЧЕНЬ не нравится. Пропажа душ — лучшее тому свидетельство. Вот почему я жалею, что не могу читать демонов. Я бы сразу на-

шел все ответы.

Люмениферус было что сказать. Она увидела и узнала тех, кого показал ей падший ангел. Их непримиримая злоба, их слова до сих пор звучали у нее в голове. Эти иерархи присутствовали здесь, призванные Люцифером на суд над одним из них. Возможно, он и сам их подозревал, а возможно и нет. Смятенная последними событиями, Люмениферус уже неоднократно порывалась ему все рассказать, однако до поры держала язык за зубами. Причин на то у нее хватало. Она не знала, что именно скрывал от нее Люцифер, и хотела сопоставить свою осведомленность с его признанием.

Восстанавливая доверие, первым откровенность должен был выразить брат. Тогда, и только тогда сестра поделится с ним своими сведениями. Если Люцифер будет искренним — у нее тоже не останется от него тайн. Если же он снова проявит скрытность, то пусть разбирается со своими проблемами сам. Люмениферус найдет, как защитить людей, сжигая демонов везде, где встретит их на земле. Она уже не станет что-либо согласовывать. Последствия их разлада будут целиком и полностью виной Люцифера.

— Я все-таки не понимаю, при чем тут мятеж и пропавшие души, — придержав язык, только и сказала она.

— Я тоже. Потому и тебе не говорил, — помрачнел Люцифер. — Связь ясна. Мятежники прячут от меня людей, способных изобличить их на корню. Я не знаю, как им это удается. Согласись, для владыки ада это крайне скверная ситуация. Выбирая из двух зол, я был вынужден обратиться к Михаилу. Тот обещал все узнать, но до сих пор и словом не обмолвился.

— Может, ему и самому это не выяснить? — предположила Люмениферус.

— Исключено. Он располагает ресурсом, к которому я обратиться не могу, — качнул головой Люцифер. — Вопрос слишком серьезный. Не преуспев самостоятельно, он наверняка обратится к Гавриилу. А тот всегда дает ответ, и архистратигу не откажет.

В ожидании Михаила, Люцифер аккуратно направлял разговор в нужное русло. Свалить все на молчание брата было бы просто идеально. Правда, это никак не объясняло, почему тот действительно молчал, причем не объясняло самому Люциферу. По логике вещей, все сроки уже вышли. Если Михаил обратился к всеведущему архангелу, тот не затягивал с ответом целую вечность. Значит, либо он еще не обращался, либо уже все знал, но по какой-то причине не сообщал. Верить хотелось в первое. Второе означало, что Михаил вынашивал некий умысел.

— Да где его носит? — с досадой покосился Люцифер.

Сотканное из потоков света, пустующее место вызывало все больше вопросов. Значимое событие было согласовано давно. Михаил обещал присутствовать, вняв очень настойчивым призывам брата. Подав сигнал, Люцифер тем самым отправил и гонцов, известить Михаила заранее оговоренным способом. Весточка передавалась через ангелов, чье земное дежурство носило соответствующий характер. Безусловно, какие-то дела могли его задержать, однако время шло, а военачальник небес все не появлялся. Напряжение, между тем, нарастало. Иерархи ада не выказывали недовольства. Теоретически, они могли ожидать сколь угодно долго, однако сам факт задержки играл не в пользу Люцифера. Пытаясь подчеркнуть свое превосходство, он явил очередной управленческий провал. Не начиная суд, он показывал свою зависимость от Михаила, совершенно неприемлемую в сложившихся обстоятельствах. Демоны знали, для кого предназначалось пустующее место. Причина затянувшейся паузы становилась очевидной.

Вторым осложняющим обстоятельством была Люмениферус. Вытягивая кота за хвост, Люцифер успешно заговаривал ей зубы, однако бесконечно долго так продолжаться не могло. Сестра жаждала ответов, целенаправленно построенных на роли Михаила. Его отсутствие разрушало всю стратегию. От природы нетерпеливая, она казалась спокойной только из чувства архангельского достоинства. Устраивать скандалы при архидемонах означало уронить его ниже плинтуса. На публике семейные раздоры исключались. Визуально Люмениферус сидела как императрица, величественно-невозмутимая и не дрогнувшая ни единым мускулом. В ментальном поле, однако, страсти постепенно накалялись.

Удерживать внимание сестры становилось все труднее. Люцифер исхитрялся, до поры отделываясь намеками и общими словами, но Люмениферус начала подозревать его в очередной игре.

— Надеюсь, ты не водишь меня за нос, — прохладно обронила она.

— Да я себе свой, скорее, оторву, — истово заверил ее Люцифер.

— Второго шанса не будет. Если ты опять… — начала было Люмениферус, однако умолкла на полуслове.

Прорывая пустоту, раздвигая красноватое пространство ада, рядом вспыхнуло характерное сияние.

— Наконец-то! — едва не вскакивая, невольно воскликнул Люцифер.

Возникнув перед архангелами, яркое свечение пошло на убыль. Закончив перемещение, из него проступила крылатая фигура. Люцифер приветственно поднял руку, но тут же застыл, обманувшись в своих ожиданиях. Явившись с небес, перед ним действительно предстал небожитель, однако совсем другой. Нарочито

не глядя ни на кого, кроме Люцифера, к нему обратился один из ангелов, доверенных и приближенных посланников Михаила.
— Архистратиг велел передать, что он не придет, — не утруждаясь расшаркиванием с падшим архангелом, сообщил гонец.
— Это еще почему?! — натурально опешил Люцифер.
— Сие мне неизвестно. Я лишь передаю его слова. Более мне добавить нечего, — без вызова в голосе, но и всякого почтения ответил гонец.

Представитель небес, ангел подчеркнуто игнорировал как место, где находился, так и архидемонов. Их для него словно не существовало. Сообщив, что было велено, он тут же собрался уйти, однако не смог, скованный не адом, а волей Утренней звезды.
— Не удерживай меня. Михаилу это не понравится, — спокойно произнес ангел.
— Передай ему, что я немедленно хочу его видеть! — резко заявил Люцифер.
— Это не имеет смысла. Иначе он бы меня не посылал, — резонно заметил ангел.
— Не сюда. Скажи ему, что я жду его в нашем условном месте. Жду прямо сейчас! Последствия неявки падут на человечество и станут только его виной! Вот именно так ему и передай! — очень выразительно отчеканил Люцифер.

Посланник Михаила не забывал, с кем имеет дело. Отверженного богом, Утреннюю звезду он не боялся, ибо однажды уже сходился с его сторонниками на поле боя. За ним стояло непобедимое воинство, во главе с величайшим архистратигом. Лояльный небесам, ангел излучал спокойствие и уверенность, однако сущность владыки ада не позволяла относиться к нему как к архидемонам. В конце концов, некогда тот был великим небожителем, а не одним из исчадий тьмы. Раз его не трогал бог, в своем неведомом замысле, остальным уж точно не стоило это делать, и уж тем более обращаться с ним неподобающе.
— Хорошо, — не стал артачиться ангел. — Я ему скажу.
Он ничуть не лукавил. Передать он действительно передаст, а братья-архангелы пусть сами разбираются.
— Ступай, — снимая пространственные узы, кивнул Люцифер.
Ангел немедленно удалился, не утруждаясь прощанием, как и прежде приветствием.
— До моего нового распоряжения, всем оставаться на местах! — поднимаясь во весь рост, громогласно приказал Люцифер.
Его грозный голос прозвучал по всему судилищу, гулко наполняя пределы сферы.
— Никуда не уходи, — мысленно добавил он сестре и тут же исчез,

прежде чем она хоть что-то успела возразить.

Океан опять штормило. Потемневший от времени и соли, заброшенный маяк выглядел особенно мрачно в темноте бегущих туч. Сизые до черноты, они полнились свинцовым ливнем, а в их непроглядной пелене мелькали яривщиеся молнии. Ударяясь о камни, волны с грохотом разбивали о них свой неистовый бег, обдавая все вокруг залпами из тяжелых капель. Налетая упругими шквалами, свистел и завывал безумствующий ветер, гоня над скалами взвесь из поднятой воды. Дыханием из пучины, холодный туман охватывал берега, словно пытался пожрать их без остатка. Кругом, сколько хватало глаз, нигде не наблюдалось признаков жизни. Корабли в этом месте были нечастыми гостями, а от гремевшей стихии попрятались даже альбатросы.

В реве океана, у кромки его царства пены и валов, Люцифер стоял в полном одиночестве, будто ощущая на себе тяжелый, сокрытый свирепой грозой небосвод. Шторм начался не случайно. Он порождался эмоциями, переполнявшими мятущегося архангела. Он был лишь внешним отражением той бури, что бушевала у него внутри, ее физическим воплощением и неукротимой яростью. Владыка ада даже отдаленно не догадывался, что происходит. Его интерес был очевиден, но присутствовать на суде было и в интересах Михаила. Его решение не вписывалось ни в какую логику. Отказавшись прибыть на то, что только ради него и затевалось, архистратиг ломал все понимание даже у хитроумного Люцифера. Это был какой-то бред, в самый неподходящий момент проступивший наяву. Возможно, Михаила задержали срочные дела. Не исключено, даже сам отец, однако брат известил бы об этом брата. Не называя причины, он велел бы передать, что задерживается, или озвучил другие сроки своего визита. Он же ответил отказом, и вот именно этого Люцифер решительно не понимал. Выплескивая эмоции на океан, он чувствовал бы себя лучше, влепи ему кто-нибудь звонкую оплеуху.

Безмолвно стоя у самых волн, Люцифер смотрел в никуда невидящим взором, словно пытался найти ответы через пространство. Ожидание затягивалось. Гарантии прибытия Михаила не было никакой. Отказавшись прийти на суд, он тем более мог отказаться и от личной встречи, не утруждая себя какими-либо объяснениями. Люцифер оказался в ужасном положении. Собрав судилище, без Михаила он никак не мог его начать, а внезапное отсутствие их обоих ничего хорошего не сулило. Иерархам ада следовало преподать урок, а не публично продемонстрировать свои неувязки. Хуже того, доверие Люмениферус сейчас стремительно истоща-

лось. Испортив отношения с сестрой, Люцифер терял все то же самое, что и лишаясь поддержки архистратига. Вызванный мятежом, усугубленный войной, кризис стремительно разрастался, к невообразимому бессилию владыки ада.

— Да какого дьявола! — нарушая безмолвие, воскликнул в окружающее пространство Люцифер. — Почему Михаил так себя ведет?!

— Это риторический вопрос? — послышался суровый голос.

Характерный звук, словно поблизости возникла упругая воздушная волна, утонул в реве океана. Появившись рядом с братом, Михаил стоял как изваяние, в своем величественном облике военачальника небес. Скрестив руки на груди, он не сводил с него стального взора.

— Наконец-то! Где тебя носило?! — вспыхнул глазами Люцифер.

— Тебя это не касается, — холодно отрезал Михаил.

— Ты в своем уме?! Мы же договаривались! — в сердцах воскликнул Люцифер. — Я собрал всех иерархов ада! Они и сейчас там ждут, а я выгляжу нелепым идиотом!

— Так не надо было делать идиота из меня, — еще холоднее заявил Михаил.

— Ты вообще о чем?! Ты же сам обещал прийти на суд! — окончательно утратил всякую связь с реальностью Люцифер.

— Я не собираюсь участвовать в этом фарсе, — твердо заключил Михаил.

С трудом соображая, Люцифер какое-то время молча смотрел на брата. Ясные по отдельности, слова он расслышал хорошо, однако до него не сразу дошел весь смысл фразы.

— Я тебя не понимаю, — растеряв весь гневный апломб, гораздо тише произнес он. — Объясни.

— Я и пришел только для того, чтобы объясниться. Чтобы ты меня попусту не дергал, — с величественным спокойствием отметил Михаил.

— Ну так говори. Что такое произошло, что ты ведешь себя со мной как с врагом? — пытливо осведомился Люцифер.

— Мы и были врагами, — напомнил Михаил.

— Когда-то! С тех пор все изменилось, — вскинулся Люцифер.

— Это ты так утверждаешь. И напрасно пытаешься меня убедить, — выразительно отринул Михаил. — Я тебе почти поверил, но этой ошибки теперь не совершу.

Жесткий и отчужденный, тон военачальника небес полностью соответствовал риторике. Его словно подменили. Совсем недавно он был пусть и недоверчивым, но все же братом, хоть как-то и что-то понимающим. Теперь он вел себя таким образом, как

будто им снова предстояло сойтись в непримиримой битве.
— Какая муха тебя укусила? С чего вдруг такие речи? Скажи ты толком! — едва ли не взмолился Люцифер.
— Как пожелаешь, — мрачно улыбнулся Михаил. — Помнится, ты интересовался вопросом о пропавших душах.
— Еще бы не помнить! Что ты узнал?! — всколыхнулся Люцифер.
— У меня есть ответ на твой вопрос. Сомневаться в нем не приходится, ибо он исходит от всеведущего Гавриила, — неторопливо молвил Михаил.

Выдержанная в драматическом духе, пауза изрядно сыграла на нервах. Хитроумный и расчетливый, Люцифер обычно не позволял эмоциям брать над собой верх, однако на сей раз едва не перещеголял Люмениферус. Протянувшись змеящейся цепочкой, молния спикировала из тяжелых туч и шарахнула в океан, подняв облака шипящего пара. Рядом ударила другая, а затем еще и еще, пока одна из них не угодила в маяк. Потрепанная океаном и ветрами, седая от соли конструкция выдержала, однако содрогнулась до основания.
— Не издевайся! Скажи! — воскликнул истомившийся Люцифер.
— Такое действительно возможно. Чтобы души отторгались преисподней или не попадали туда без твоего ведома, — подбирая выражения, заговорил Михаил. — Именно поэтому я теперь и не верю ни единому твоему слову. Спору нет, ты искуснейший притворщик. Чистейшую правду ты сделал орудием коварной лжи. Ты хорошо отвлек мое внимание от своих деяний. Ты знал, подсовывая мне этот ребус, что я буду вынужден его разгадывать. Ты сваливал все на ослушание своих демонов, в то время как вел очередную игру. Она принесла обильные плоды. Человечество на грани глобального конфликта, где победителями выйдут исчадия ада. Ты хотел доказать отцу всю несостоятельность людей? Что ж, ты ему докажешь. У тебя и на меня имелись планы — не отрицай, ты никогда ничего не делаешь просто так. Не знаю, какие, но и выяснять не собираюсь. Теперь это не имеет значения. Ты меня больше не обманешь. Мои дозорные ангелы о многом мне доложили. Обо всех твоих выходках и подлогах. Кредит доверия исчерпан. Если отец прикажет, я не стану колебаться! Мой огненный меч призовет все небесное воинство! Люди не сгорят в горне чужих интересов! Никто не посмеет воцарить ад на земле!

Люцифер натурально обомлел. Услышав такую отповедь, он даже невольно ожидал, что та закончится объявлением войны. Оно, однако, не прозвучало, как не прозвучало и то, почему вдруг Михаил пришел к таким внезапным и безапелляционным выводам.

— Так души тут при чем? — тихо сказал он, словно опасаясь окончательно довести архистратига.
— Следует отдать тебе должное — ты гениально разыгрываешь невиновность, — прищурился Михаил. — Вероятно, ты действительно не знаешь, ибо в этом и получился твой просчет. В твоей стратегии, в привлечении меня они сыграли свою роль. Они отвлекли моих ангелов, отправленных на другие задачи, и направили мой взор по ложному пути. Они отлично вписались в некий хаос, в якобы начавшуюся неразбериху, когда ты под шумок подвел людей к самому краю мирового взаимоуничтожения. При этом и не знать, куда они деваются, ты просто не мог. А именно — никуда. Вся эта история выдумана от начала и до конца, чтобы сбить меня с толку, в дополнение к запутанным следам злодеяний демонов.
— Да почему?! — всплеснул руками Люцифер. — Брат, я правда не понимаю, что за ахинею ты несешь!

Владыка ада выглядел невероятно искренне. При всей своей выдержке, Михаил все-таки усомнился, что правильно оценил ситуацию. Только на мгновение, поскольку все факты говорили против Люцифера. К сожалению, ожидаемо, ибо надежда на изменение этого упорствующего гордеца изначально была наивной и несостоятельной.
— Потому что для этого требуется одно условие, — раз уж дошло до обвинения в лоб, мрачно усмехнулся Михаил. — Чтобы с душами происходила такая аномалия, против тебя должны восстать иерархи ада. В это я не поверю никогда. Следовательно, за всем стоит лишь твой, и только твой извечный умысел. Третьего варианта просто не существует.
— Некоторые и восстали! Я же тебе об этом говорил! Я для того и позвал тебя на суд! — с невероятным облегчением воскликнул Люцифер. — Кто?! Сколько?! Скажи, и я наглядно докажу тебе свою непричастность к их злому умыслу!
— Изволь, — ответил Михаил, раз уж брат пожелал услышать все в лицо.

Затянувшееся ожидание проходило без эксцессов. Получив приказ, архидемоны не двигались с места. Публичное ослушание Утренней звезды не входило ни в чьи интересы, чем бы те ни диктовались. Если они и переговаривались, то исключительно на уровне мыслей, не нарушая безмолвия ни единым словом. Они даже не шевелились, застыв будто истуканы, ибо им не требовалось разминать затекшие члены. Это относилось и к Люмениферрус.

Сестра правителя ада, его верный друг и ровня тоже не по-

кидала своего возвышения. Она не могла уронить архангельский престиж. Внезапно удалившись, Люцифер невольно переложил свое величие на нее. Здесь, на суде, в этой сфере и в присутствии иерархов преисподней, она стала своеобразным символом его сакральной власти. Она хранила дисциплину и как бы наблюдала за исполнением приказа, олицетворяя его своим светоносным обликом. Собранное публично, судилище не могло разойтись, пока никуда не уходила она. Люмениферус же не могла удалиться, пока судилище оставалось на своих местах. А удалиться ей очень даже хотелось. Делая над собой усилие, Люмениферус по-прежнему выглядела величественной и невозмутимой. Внутри же у нее бушевали страсти.

Не так себе сестра представляла отношение брата. Не так она видела восстановление пошатнувшегося доверия. Ничего не объясняя, Люцифер исчез, оставив ее в полнейшем недоумении. Опять! Возмущение Люмениферус критически нарастало, сдерживаемое только силой воли. Светоносная архангел, единственная дочь своего небесного отца, она не желала предстать перед исчадиями ада какой-то взбудораженной истеричкой. Чувство превосходства небожителей, вера в неизменную победу добра над злом были присущи Люмениферус с мгновения ее рождения. Она никогда не сомневалась, что право света всегда преодолеет тьму. Творя свои сады, создавая жизнь из ничего, она верила в гармонию и красоту, за которыми было будущее. Этому будущему противились исчадия ада, которым она не могла явить даже малейшую слабость.

Бушевавшие страсти искали выхода. Искусно ни на кого не глядя, Люмениферус исподтишка присматривалась к иерархам преисподней. Особенно к тем, кого указал ей падший ангел. Он тоже был здесь, неподалеку. Люмениферус ощущала его присутствие. Единожды уловив его эмоции, теперь она улавливала их на близком расстоянии. В судилище участвовало множество обвиняемых и свидетелей. Они ожидали там, во вложенном пространстве сферы. Основное предназначалось для архангелов и архидемонов, где происходило действие. Вторичное наполняли различные чины, вызванные сущности и прибывшие добровольцы. В третьем находились души, привлеченные по указанию Люцифера. Вся эта толпа превосходила население иного человеческого города. Ее требовалось держать в строгом порядке, и он сохранялся падшими ангелами, силами гвардии Утренней звезды. Осведомитель Люмениферус был из их числа. Сообщив ей об изменниках, теперь он явно надеялся, что сестра Люцифера сделает надлежащий ход. Вот только она теперь и сама не ведала, какой.

Неожиданный уход Люцифера, покинувшего им же созванный суд, окончательно пустил все наперекосяк. Не зная, что и думать, Люмениферус всерьез начинала планировать, как расправится с архидемонами сама. Не здесь. Она ведь знала их в лицо. Если брат не предоставит надлежащих объяснений, она застигнет их на земле, и тогда пусть пеняют на себя. Но брат все же дал. Когда ожидание стало превращаться в испытание, он объявился столь же внезапно, как и ушел. Вонзившись в него словами, Люмениферус немедленно засыпала ментальное поле сонмищем вопросов. Ее внешняя невозмутимость компенсировалась прорывом в лавине мыслей. Очень бурным прорывом, наполнявшим сознание брата целым комплексом требований и эмоций. Люцифер не мог их не ощущать. Тем не менее, он вел себя так, словно Люмениферус не было здесь и вовсе.

Будто высеченный из мрамора, Люцифер стоял у светящегося возвышения, однако не садился на свое главенствующее место. Внимание архидемонов сосредоточилось исключительно на нем. Обратившись в слух, они выжидали, что скажет владыка ада. С раскрытыми крыльями, в своем светоносном облике, он выглядел так, словно нарочито собирал на себе глаза иерархов преисподней. И в каждого смотрел в ответ, хотя при этом, следуя царственной манере, безлико глядел в пространство строго перед собой. Перед его внутренним взором все еще стояла фигура Михаила, а в сознании звучали речи, переворачивавшие все мироздание. В реве океана, в грохоте грозы и хлещущих шквалах шторма, шторм бушевал и внутри него, полностью разрушая такую хорошо известную и внезапно ставшую незнакомой вселенную.

— До выяснения новых обстоятельств, суд откладывается на неопределенный срок. Все свободны, — очень твердо, но как-то бесцветно, словно лишенный жизни и эмоций огласил свою волю Люцифер.

Архидемоны встрепенулись. Переглядываясь, они явно не остались безучастными к внезапному решению Утренней звезды. Удаляясь, они по-прежнему безмолвствовали, но в уме уже анализировали изменения в поведении владыки преисподней. Это изменение окончательно вывело Люмениферус из себя. В отличие от иерархов ада, она никуда не ушла. Пока пространства сферы освобождались, свидетели расходились, а падшие ангелы возвращали в узилища обвиняемых, она оставалась подле Люцифера. Поднявшись из потоков света, она шагнула к брату и не сводила с него пристального взора. Она продолжала требовать объяснений.

— Ступай, сестра. Прости, сейчас мне нечего тебе сказать, — сделав над собой усилие, негромко изрек Люцифер.

Посмотреть ей в глаза он не осмелился, ибо все еще видел перед собой Михаила. Видел и слышал, как тот говорил про восставших иерархов ада.
— Кто?! Сколько?! — восклицал сам Люцифер, в своем вновь и вновь повторявшемся воображении.
— Все, — подведя черту, пронзил его одним словом Михаил.

– 4 –

Перестукивая колесами, состав привычно катил по тоннелю, испуская мерный гул и покачиваясь на поворотах. Иногда, в такт моргавшему освещению, вагоны потряхивало, на проходе стрелок или при широких стыках на изгибах рельсах. Сидевшие и стоявшие, многочисленные пассажиры не обращали на это внимания. Привыкшие к подземке, они давно не удивлялись ее техническим особенностям. Погруженные в смартфоны, дремавшие или поглощенные болтовней, они ехали словно роботы, входившие и выходившие из дверей. Тело следовало привычным маршрутом, а разум между тем искал, чем себя занять. Исключения встречались редко, в виде странствующих музыкантов, попрошаек, а также особо эксцентричных личностей. Выделяясь в общей массе, они, порой, привлекали к себе внимание. Впрочем, ненадолго. Скользнув по ним равнодушным взглядом, безликие пассажиры ехали своей дорогой, словно отрешенные от всего земного.

Человеческая масса теряла индивидуальность. Уникальные по отдельности, все вместе люди представляли собой своеобразную среду, как деревья, в значительном скоплении становившиеся лесом. Воспринимаясь будто целое, они и вели себя словно целое, поддаваясь эффекту подражания и массы. Укрыться в такой среде было очень легко. Кое-кто и укрывался. Ничем не отличимый от человека, он ехал в вагоне подземки, хотя вполне мог мгновенно перемещаться сквозь пространство на любое расстояние. Его незримый спутник — тоже. Первый не подозревал о существовании второго. Второй не спускал глаз с первого.

Необходимость, как говорится, вынуждала. Против обыкновения, Люцифер едва ли не полностью воплотился в человеческий облик. В отличие от демонов, вселиться в кого-либо он не мог, зато успешно создавал себе любой образ, любых же одеяний и внешности. Обычно он к этому не прибегал, предпочитая оставаться мужчиной в белом наряде. К сожалению, этот облик был хорошо известен, а его знали в лицо. Кроме того, от него за милю веяло небожителем, либо владыкой ада — это уж кто как ощущал. Человеческое тело скрывало все сверхъестественные проявления.

Прикинувшись обычным клерком, слегка небритым и немного помятым в длинном плаще и роговых очках, Люцифер весьма умело изображал типичного обывателя. Для полноты картины, он даже пакет с парой бургеров прихватил, от которого тянуло убитой коровой и холестериновым кошмаром. Войдя в человеческий образ, иногда он даже шмыгал носом и покашливал, почесывая на подбородке вскочивший прыщик. Маскарад был достоверным и практически идеальным. Лучшим доказательством тому служил объект наблюдения. Тот тоже мастерски притворялся. Его подлинная сущность не была секретом только для архангела. Ради него Люцифер терпел все неудобства, присущие миру людей. Ограничивая себя фальшивым телом, он проделывал такое не в первый раз. Полученный опыт говорил, что иначе выследить падших ангелов было невозможно.

Измена архидемонов застала владыку ада врасплох. Это было еще мягко сказано. Не успев привыкнуть к мысли, что некоторые из них вообще осмелились на мятеж, он столкнулся с невообразимой реальностью. Он до сих пор отказывался в нее верить, не в состоянии уложить в голове жестокие факты против своего величия. Но он не бездействовал. Отмена суда стала импульсивным, однако вполне обоснованным шагом. Гавриил никогда не ошибался, а Михаил передавал слова всеведущего брата. Судилище действительно превращалось в фарс, вот только роль главного болвана играл сам Люцифер. Собрав иерархов ада, он собрал не свидетелей своей воли, а изменников и врагов, планомерно и целенаправленно ее нарушавших. Люмениферус наверняка нанесла бы по ним немедленный удар, заполоняя всю сферу слепящим светом. В первом порыве, Люцифер и сам хотел поступить именно так, однако разум взял верх над гневом.

Любой неверный поступок грозил усугубить и без того немыслимое положение. Чтобы не допустить ошибки, Люцифер отпустил архидемонов восвояси, взяв паузу на размышление. Он сам всегда учил Люмениферус не пороть горячку, а проявлять ум и выдержку. Настал его черед доказать это на практике, и особенно перед лицом запредельной ярости. Всегда гораздо легче говорить, чем делать. Куда сложнее выказать силу воли, однако справился он блестяще.

От немедленной атаки Люцифера удержало одно важное соображение. Его могущество было велико, и особенно при поддержке гвардии — падших ангелов, следовавших за ним еще со времен небес. С их армией за спиной, он преподал бы урок всем архидемонам вместе взятым, и при этом не расстроил порядок в аду. Вернувшись на суд, он стоял будто изваяние, на волоске от

того, чтобы атаковать изменников в полную мощь, благо что собрались они все рядом. Один лишь клич — и падшие ангелы тут же поддержали бы своего неизменного предводителя, великую и грозную Утреннюю звезду. Но так ли это было на самом деле?..

Люцифер не забыл, что измена проникла и в ряды бывших небожителей. Доселе он предполагал, что этих мятежников были считанные единицы, однако в свете архидемонов его представления требовали пересмотра. Если Люцифер призовет свою гвардию, швыряя в иерархов ада вспышки света, кто из падших ангелов прибудет в его распоряжение? Все? Половина? Треть или... никто? Ошеломленный этим соображением, Люцифер принял единственно верное — на тот момент, — решение. Он распустил судилище и удалился, чтобы все осмыслить, переварить и определиться, что ему следует предпринять.

В отличие от демонов, падшие ангелы к преисподней не относились. Как сам Люцифер, они были пришлыми сущностями, нашедшими в ней место среди всего божественного мироздания. Заявляя про мятеж, Гавриил устами Михаила упомянул только иерархов ада. Про бывших небожителей он не сказал ни слова. Следовательно, Люцифер заведомо не знал, кто из них сохранял ему верность или примкнул к изменникам, продолжая изображать видимость послушания и лояльности. Это требовалось прояснить, и как можно скорее.

Ничего не предпринимая против архидемонов, Люцифер делал вид, будто занят разными делами и ни о чем не осведомлен. Архидемоны тоже ничем себя не выдавали. Пользуясь таким паритетом, владыка ада, у которого весь ад внезапно вышел из повиновения, стал прощупывать тех, кому он мог или не мог доверять. Разумеется, проверить досконально всех получалось невозможно. Падших ангелов было слишком много, а ресурсы Люцифера оказались критически ограничены. Не полагаясь только на своих служителей, он сам начал выборочную проверку, основываясь на ряде приметных кандидатур. Это смахивало на социальный опрос у людей, когда на основе выборки из определенного процента формировалась общая картина. Ориентируясь на свои критерии, Люцифер поступил примерно так же, и картина эта ничего хорошего не предвещала. Прикинувшийся человеком, падший ангел в подземке был далеко не первым. В той или иной степени, все проверенные до него имели контакты с демонами.

Интегрируясь в человеческое общество, надевая личины и успешно добиваясь своего, одержимые и падшие ангелы полностью вписывались во взятые на себя роли. Повседневному образу жизни своих персонажей они следовали в точности. В простран-

стве они не перемещались и сверхъестественного могущества не демонстрировали. Ведя себя как обычные люди, они прекрасно имитировали все их привычки и особенности. Даже хорошо проинформированные, обученные новым знаниям и приемам, служители Люцифера раскусывали их с трудом. Уверенно и безошибочно, на чистую воду их выводил только сам Люцифер. К сожалению, это занимало у него очень много времени, зато неизменно приносило гарантированный результат.

Выйдя на одной из станций, падший ангел, словно невзначай, опустил купюру в стаканчик уличного музыканта, обменявшись с ним парой слов. Таких самобытных исполнителей в крупных городах более чем хватало. Увы, это безобидное действие было отнюдь не спонтанным. Под маской человека, сидевшего в переходе и умело игравшего на гитаре, скрывался одержимый, что владыка ада угадывал мгновенно. Случайность исключалась. Он хорошо расслышал, какими словами обменялись эти двое. Не вслух — в человеческой голове, которую контролировал демон, но куда без труда проникал и Люцифер.

Дальнейшее преследование не имело смысла. Компрометирующий контакт был доказательством лучше некуда. Остановившись, Люцифер сделал в уме пометку, формируя в нем особый список. Точнее, сразу несколько списков, где намеченные кандидатуры мигрировали из одного в другой. Он уже не следовал за падшим ангелом. Теперь он поджидал другого, который появился довольно скоро. Переговорив с одержимым, как и предыдущий, он прошел на платформу и сел в вагон метро. Сменив свое поддельное тело, Люцифер отправился за ним.

Подменяя людей, в некоторых случаях падшие ангелы были куда эффективнее одержимых. Как ни крути, те зависели от различных условий. Ограниченные телом, они утрачивали часть способностей, а без тела и вовсе не могли оставаться на земле. Реагируя на сакральные предметы, они подчинялись физическим законам своих носителей, на которые накладывались проявления законов небесных. Их скверна была силой, но была и недостатком, наделяя одними возможностями и лишая других. Безусловно могучие, неуязвимые перед оружием людей, они не могли мигрировать из тела в тело по своему усмотрению. Покинув его, они отправлялись обратно в ад. Падшие ангелы не имели всех этих минусов и при этом обладали своими плюсами.

Бывшие небожители никогда не становились исчадиями ада. Они хоть и пали, но как создания света не могли трансформироваться в отродье тьмы, что бы там ни утверждала религия. Таковой была сущность мироздания. С приложенной энергией, элемен-

ты менялись, как и заряды полюсов, а их исходные основы — нет. Человек не становился ангелом, ангел не обращался в демона, однако и те, и другие могли избрать путь зла или добра. Условно говоря, так было и с Люцифером, когда он пошел иным идеологическим путем, приведшим его в пограничную зону. Несмотря на это, по сути он остался самим собой. То же касалось и падших ангелов.

Ангел есть ангел, пускай и низвергнутый. Он легко принимал любой человеческий облик. Он никак не зависел от тела и окружающей среды, оставаясь сильным и неуязвимым. Даже самые священные, предметы культа против них были бесполезны. То, что изгоняло демонов, жгло их и выявляло сущность, на падших ангелов не действовало вообще. Находясь в соборе или монастыре, падший ангел легко мог совращать настоятеля или священника, не реагируя ни на что, кроме персонального разоблачения. Какой-нибудь президентский дворец ему и тем паче ничего не осложнял. Люцифер таких уже выявлял. Вхожие в министерства и палаты, они там бывали не для того, чтобы вести мир к лучшему.

Власть предержащие пользовались особым вниманием падших ангелов. Было даже жутко от того, чем занимались в человеческих верхах бывшие небожители. Они вели себя как полноправные ангелы. Они служили хранителями, защищая своих подопечных от любых невзгод. Они подстраивали случайности и даровали различные блага. Они материализовали предметы и обеспечивали неприкосновенность каких-либо процессов, видимых и невидимых. Советы падшие ангелы тоже давали, и причем такие, которые приводили к значительному и наглядному результату. Вот только результат этот на пользу человечеству не шел. Выигрывали от него немногие — лишь сами сильные мира, да и то на определенный срок. В остальном же картина была противоположной. Незаметно, но уверенно, человечество шагало к краю пропасти.

Без надлежащих знаний, не будучи просвещенным существами не из мира смертных, вычислить падших ангелов было невозможно. Внушая страх, подсознательный и необъяснимый, они только этим себя и выдавали. Они желали людям зла, и это желание воплощалось в психологическую форму. Они никогда не забывали, что стало первопричиной их свержения с небес. Улучая возможность, они всегда вымещали это на человечестве. Его погибель компенсировала и оправдывала их падение. Это была не просто месть — это было доказательство их правоты и его несостоятельности. Изначально во главе такого отношения стоял Утренняя звезда. Затем, глубоко оценив происходящее, он переменил свои взгляды, а вот остальные ничего подобного не сделали.

Выискивая предателей в своей гвардии, Люцифер постоянно

размышлял, что именно привело их в стан мятежников. Они ведь никогда не считали демонов себе ровней. Как и опальный архангел, они оказались с ними вместе, но только в силу обстоятельств, связанные местонахождением и общей целью. Каждый по своей причине, они хотели погубить людей, и сделать это раз и навсегда. Но падшие ангелы стремились вернуться на небеса, а для демонов это было принципиально невозможно. Более того, падшие ангелы мечтали о новых порядках в мироздании, некогда обещанные Люцифером. Демоны хотели разрушить его априори. И те и другие видели в Утренней звезде своего вождя. Первый после бога, он многими воспринимался как его преемник. Не слишком могущественный, недостаточно великий сын столь близко к своему отцу не оказался бы. Отсюда следовала простая логика — если кто и сможет победить в их противостоянии, то только он. Так считали многие, причем не в одной лишь преисподней, но на небесах и на земле. Большинство. Почти все. Это и вгоняло Люцифера в логический ступор. Падшие знали, что без него никогда не вернутся в рай. Тогда какого дьявола они примкнули к противникам его воли?!

Вероятно, всему причиной стали личные обиды, ибо другого объяснения просто не находилось. Изменившись к человечеству, Люцифер начал ограничивать поле деятельности своих соратников. Падшим ангелам запрещалось ему вредить. Во всяком случае, напрямую, когда речь заходила о посягательстве на свободу воли. Делая выбор, люди сами ступали на стезю зла, в чем падшие ангелы, как и демоны, им охотно помогали. Совращение, нашептывание и соблазны играли колоссальную роль. Придерживаясь права самому вершить свою судьбу, Люцифер не вмешивался, хотя и был очень недоволен, а вот за нарушение границ, превышение полномочий и открытое вмешательство он карал. Демонов — беспощадно, не оставляя от них даже нематериального праха. С падшими ангелами он обходился более снисходительно. Пользуясь благосклонностью своего вождя, они отделывались своеобразными нарядами и гауптвахтой. Это их, видимо, все равно задевало. Где же тут право делать что угодно, не опасаясь наказания свыше? Однажды им это посулили, да только посулы в итоге не сбылись.

Пойдя против бога, Люцифер в итоге и сам повел себя как бог — в тех именно случаях, из-за которых и поднял восстание на небесах. Отдавая приказы, он никого не слушал и планы свои не раскрывал. Обещая не наказывать даже за зло, именно так он и поступал, когда речь заходила о человечестве. Он к нему переменился, а вот остальные — нет. Они не разделяли преображенных взглядов своего вождя. Они прекрасно знали, что тот по-прежнему

не отказался от притязаний на небесный трон, мечтает свергнуть отца и воцариться в мироздании. Именно поэтому они его выходки и терпели, однако совсем, как оказалось, сбрасывать их со счетов не стоило. Любая власть держится на штыках, ибо даже бог подавил восстание не лично, а небесной армией во главе с Михаилом. Задетые несправедливостью, падшие ангелы стали примыкать к мятежу, едва на него осмелились архидемоны.

Быть всемогущим не означало самому во всем поддерживать порядок. Неслучайно бог создал на небесах целую иерархию, которая существовала и в аду. Иначе она просто не имела смысла. Каждый занимался своим делом, к которому, согласно сущности, подходил наилучшим образом. Считалось, что бог был способен разогнать мятежников и сам, но это разрушило бы весь устоявшийся уклад, в клочья разнесло уже внедренные процессы и законы. Он предпочел сделать ставку на Михаила, и не прогадал. На похожий шаг пошел и Люцифер. Не атакуя архидемонов, он подумал о том, к чему это приведет.

Бардак в аду, переходящий в полнейший хаос — это было явно не то, чего Люцифер хотел и к чему стремился. Миллиарды душ, все созданные им структуры перемешались бы друг с другом, вне всяких границ и даже подобия реальности. Невероятно могучий, Люцифер разносил бы всех и вся, но при этом разносил бы и сам ад. Уничтожить его он не мог, ибо на такое был неспособен даже бог, однако учинить невообразимый управленческий кошмар — очень даже. Поди его потом разгребай, и особенно без помощи падших ангелов. Последствия такого разгрома оказывались поистине громадны и непредсказуемы.

Неуязвимый по сути, Люцифер был в состоянии испепелить кого угодно. Без всякой помощи, он мог один вести войну, причем вести ее бесконечно долго, однако в том-то проблема и заключалась. А именно, в ее бессмысленной бесконечности. Люцифер никогда бы в ней не победил. Выйдя из повиновения, сжигаемые легионами, демоны уже не стали бы ему служить, а это как раз и означало полный хаос. Громя преисподнюю, Люцифер собственноручно усугублял бы ситуацию, полностью утрачивая надо всем контроль. Это было наихудшее развитие событий, на которое он и не пошел. Необдуманная эскалация угрожала ему самому, всем планам на будущее, а в итоге мечтам о небесном троне и новой судьбе для человечества. Скрывая свой гнев, Люцифер проявлял и ум, и выдержку. Пока его приказы исполнялись, души оставались на своих местах, равно как и все узилища.

Иерархи ада олицетворяли саму основу преисподней. Зная, чем грозит им открытое столкновение с Утренней звездой, они не

осмеливались на него по очевидной причине. Уходить в небытие не хотелось никому, ибо шансов победить в бою просто не было. При этом и терпеть все выходки своего предводителя им тоже надоело. Мятеж получился своеобразный. Исключительно по-своему демоны поступали там, где входили в непримиримое противоречие с новыми взглядами Люцифера. Во всем остальном они продолжали его слушаться, ибо хаос в преисподней не устраивал никого. Архидемоны хотели другого, и уж точно не вечной грызни в огне неразрешимого конфликта. Вероятно, падшие ангелы считали так же. Их предательство носило фрагментарный характер, относясь лишь к тому, что касалось человечества. В остальном, как и иерархи ада, они ничем не оспаривали власть Утренней звезды.

Выслеживая падших ангелов, Люцифер начинал понимать сущность мятежа, равно как и ситуацию, в которой оказался. Изменники наверняка наперед подумали о том, о чем станет думать он, если сразу не сорвется в атомный свет и испепеление реальности. А он не сорвался, предсказуемо не поведя себя импульсивно, как Люмениферус, или непримиримо будто Михаил. Сообразив, к чему это приведет, он невольно играл по сценарию мятежников, ибо те наверняка приняли его поведение в расчет. При этом все прекрасно сознавали, что предательства Люцифер не простит, никогда его не забудет, и без последствий не оставит. Следовательно, все упиралось в то, что будет потом, а это по-прежнему оставалось неясным для логики Люцифера. Допустим, его планы сбудутся, к чему стремились даже мятежные соратники. Воцарившись на небесах, он тут же перестанет нуждаться хоть в ком-нибудь в аду. В его распоряжении окажется достаточно ангелов, чтобы припомнить предателям все обстоятельства их мятежа и при этом не повергнуть мироздание в полный хаос. Как архидемоны, так и падшие ангелы не могли этого не понимать, отчего в уме Люцифера и выходил тот еще парадокс.

Отравляя верхи человечества, изменники не забывали и про низы. Контроль над властями позволял им сталкивать страны между собой. Народные волнения обеспечивали беспорядки внутри втянутых альянсов и отдельных государств. Мятежники не добивались победы какой-либо стороны. Они намеревались устроить глобальный хаос, к чему уверенно и шли. Акции протеста множились, вспыхивая одна за другой. Демонстрации становились все шире и ожесточеннее. Экономические проблемы накладывались на политические, провоцируя смуту. Выходя на улицы, люди выказывали недовольство действиями властей, причем с диаметрально противоположной идеологией. Одни демонстранты поддерживали войну, упрекая правительство в недостаточно суровых

мерах. Другие ратовали за мир, требуя отставки правительства и кардинального пересмотра курса. И те и другие обвиняли оппонентов в предательстве национальных интересов. Обе стороны ненавидели друг друга, вплоть до открытых столкновений, закономерно переходивших в неконтролируемые погромы.

Взаимный конфликт перерастал в противостояние с силовиками. Выражение мнений трансформировалось в свою войну, в которой недалеко было и до гражданской. Накладываясь на внешнюю, суммируясь с мировыми потрясениями, эта война кратно увеличивала шансы глобальной, когда ситуация на планете окончательно выйдет из-под контроля. Падшие ангелы очень старались. Их поездки по городу имели свою цель, тем более что город был не один, да еще и не в одной стране. Разжигая митинги, выводя людей на улицы, они науськивали их как охотники своих собак, и для этой роли подходили идеально, в отличие от демонов. Внушая страх, они превращали его в оружие и направляли на кого угодно, но только не на истинных врагов. Руками людей, они обращали свое зло на все человечество.

Способные к общению ментально, падшие ангелы это и практиковали, скрывая свои разговоры от Люцифера. Но только между собой. Их уязвимым местом были контакты с демонами. Тут передача мыслей исключалась, за принципиальной разницей в сущностях. В распоряжении мятежников оставались более прозаические способы передачи информации. Смартфонами и компьютерами они не пользовались. При всем их удобстве на земле, эти технологии элементарно читались владыкой ада. Хотя и не вездесущий, он легко проникал в каналы связи и прослушивал их досконально, равно как изучал накопители информации. Хочешь не хочешь, падшие ангелы встречались с одержимыми тет-а-тет, за чем их регулярно и заставал Люцифер. Тут получался очередной парадокс. Скрывая свои намерения, тем самым они выдавали их с головой.

Выслеживание бывших небожителей не проходило втуне. Люцифер не только разоблачал мятежников — он выявлял всю сеть, которой управлялся, провоцировался целый город. Множество городов, и не только в одной стране. Кое-где доходило до того, что уличные восстания пошатнули правительственную власть. Ее свержение было мятежникам только на руку. Массовые акции протеста приводили к жертвам, число которых лишь росло. Закономерные действия силовиков распаляли протестующих. Бездействие полиции, невмешательство армии означало разрушение институтов власти, полный паралич закона и в итоге гибель государства. Исключая подобный сценарий, государство защищалось,

принимая жесткие меры и осаживая протестующих, но это вызывало еще большую ярость с их стороны. При любом развитии ситуации, это не представляло ничего хорошего. Не осознавая всех последствий своих поступков, искусно науськанные врагами человечества, люди сами делали все, чтобы себя погубить.

Проследив за падшим ангелом, Люцифер попал в толпу очередного митинга. Повелитель ада, владыка душ, он читал его страсти как свою ладонь. Взбудораженных и распаленных, людей охватывала ненависть. Объединенные ее влиянием, сойдясь в едином порыве, они протестовали против тех, кто испытывал то же самое по другой идеологической причине. Сторонники войны хотели истребить не только внешних, но и внутренних врагов, к коим причисляли любых несогласных со своей точкой зрения. Примерно с тем же эффектом, борцы за мир желали насилия ради мира. Их злоба складывалась воедино, выплескиваясь на ряды силовиков. Они, в свою очередь, тоже не испытывали симпатии к протестующим. Поддерживая порядок, они служили государству, но это было не живое существо, а условная структура. За ней стояли все те же люди, в ее основе, наполнении и формировании. И эти люди конфликт не останавливали, а только раздували его, как вольно, так и невольно.

Воображая, что следуют закону, силовики были во власти все той же ненависти, обрушивая ее на собственных граждан, друзей и соседей. И многим, очень многим нравилось эту ненависть воплощать. Разгоняя митинги, задерживая протестующих, силовики все чаще опускались до рукоприкладства, выходя далеко за рамки своих полномочий. Разожженная демонами, ведомая падшими ангелами, злоба укоренялась в сознании людей, набирая обороты в низах и старательно поддерживаемая верхами. Читая митингующих, проникая в мысли служителей правопорядка, Люцифер осознавал, как далеко зашел процесс. Теперь даже он ничего не мог с этим поделать. Он был в состоянии вразумлять людей поодиночке, но только не в массе, и уж тем более по всей планете. На это, как максимум, хватило бы сил лишь у Люмениферус, однако и ее возможности оказались небезграничны. Люцифер примечал, где его сестра не единожды пыталась образумить толпу. Без прямого, публичного появления это не получалось, а неограниченно таковые исключались. Проклятье забвения никуда не делось. Обретая новых последователей, Люмениферус начинала утрачивать старых.

В митинг Люцифер не вмешивался. Он мог бы заняться одним, другим, и добиться их благополучного исхода, однако в масштабах всей планеты это была даже не капля в море. Это вообще не имело смысла, при всей бесполезности результата и сопутст-

вующих осложнениях. Не преуспевая среди людей, Люцифер терял бы из виду падших ангелов, выдавая, помимо прочего, свое присутствие и намерения. Усмиряя эмоции, владыка ада держал себя в руках, не размениваясь на заведомо бесперспективные мелочи. Игнорируя человеческие страсти, он твердо следовал по намеченному пути. Выявляя мятежников, он определял, кому и насколько он все еще может доверять. Увы, прогнозы получались так себе, начиная подтверждать наихудшие предположения Люцифера.

Выглядя как бородатый, лет пятидесяти, мужчина в засаленной кожаной куртке и потертых джинсах, падший ангел делал вид, что смотрит только в смартфон. Возможно, он и смотрел, хотя Люцифер подозревал, что тот исподтишка изучает окружающих. Неужели почуял неладное? Уловил присутствие владыки ада? Гипотетически, это было вполне возможно. Падший ангел был одним старших, некогда довольно высокопоставленных на небесах и приближенных к Утренней звезде. Последнее не столько приводило в ярость, сколько огорчало. Это чувство посещало Люцифера довольно редко. Всякая уверенность в своих соратниках окончательно испарялась. Измена проникла на самые верхи, в его ближайшее окружение. Да что там верхи… Ни одна проверка Люцифера не закончилась оправданием. Вывод отсюда напрашивался неутешительный. Появлявшиеся на земле, все падшие ангелы так или иначе участвовали в мятеже.

Раздался возмущенный возглас. Погруженный в безрадостные думы, Люцифер встрепенулся. В вагон вошел разбитной мужик, державшийся так, словно он король любого положения. А королю принято дорогу уступать, даже если он настоящее отребье и прет, как бегемот. Толкнув выходивших пассажиров, мужик пропихнулся через стоявших людей и остановился, вальяжно придерживаясь за поручень. Люцифер поморщился. Этот типаж был ему хорошо знаком. Вызывающие на публике, на поверку такие индивиды оказывались сущими ничтожествами.

Прожужжав механизмом, двери закрылись, поезд тронулся. Набирая скорость, он нырнул в тоннель, выхватывая из темноты его серые стены. Люцифер снова поморщился. Грузно покачнувшись, разбитной мужик навалился на какую-то женщину и осчастливил ее скабрезным замечанием. С его точки зрения, ситуация требовала не извинений, а одобрительного поощрения. Женщина отодвинулась, стараясь не смотреть на пренеприятного нахала. Люцифер, тем временем, снова переключил внимание на падшего ангела. Общественный транспорт мира смертных, увы, его давно уже не удивлял.

Оторвавшись от смартфона, падший ангел перешел в другой

вагон. Вряд ли он сделал это просто так. Стараясь не привлекать внимания, Люцифер последовал за ним, выдерживая надлежащую дистанцию. Как и ожидалось, не зря. Не иначе войдя на последней станции, в этом вагоне находился еще один падший ангел, причем в компании одержимого. Это вынуждало их общаться вслух, причем на человеческом языке. Речь небожителей, равно как и обитателя преисподней, привлекла бы к ним нежелательное внимание. Расположившись в середине прохода, все трое вступили в почти неслышный разговор. Но не для архангела. Обратившись в слух, Люцифер улавливал каждое слово.

Зловещая троица обсуждала провокацию — одну из тех, в которых демоны показали себя подлинными мастерами. Очередной мирный митинг должен был перерасти в столкновение с полицией и вызвать массовые беспорядки. Заранее сформированные, бригады мародеров, хулиганов и поджигателей только и ждали условного сигнала. Выражавшие свои взгляды, протестующие ни о чем не подозревали. Раздувая страсти, их централизованно организовали, но использовали как прикрытие, чтобы добиться своей цели. А целью этой был весь город, окончательно выходящий из-под контроля властей.

Горящие покрышки, сожженные машины, разбитые витрины и разграбленные магазины — многообещающее начало перерастало в нечто более серьезное. Это была не анархия — это была старательно спланированная акция, где стихийные, на вид, толпы строго следовали чьей-то незримой воле. Упорядоченные подразделения — тоже. Помимо протестующих, мятежники науськивали силовиков. Следуя замыслу, в какой-то момент начнется стрельба, и численность жертв превзойдет все мыслимые пределы. Людей заранее намеревались убивать, проливая кровь как среди горожан, так и представителей власти. Ожидаемая эскалация немедленно захлестнет обе стороны. Охваченный беспорядками, город окончательно восстанет, а следом за ним восстанут и другие, где события начнут развиваться по схожему сценарию.

Архангельская память работала безукоризненно, не говоря о сообразительности и логике. В голове Люцифера уже представали грядущие события, в точности смоделированные на основе свершившихся и идущих. Отлично подготовленные, внедренные повсеместно, мятежники из ада умело разжигали конфликт. В отличие от людей, они видели всю картину в целом, где каждый элемент, каждый отдельный эпизод складывались в единую мозаику. Спровоцировав войну, они постоянно вовлекали в нее все новые территории и страны. Гражданские протесты усугубляли ситуацию, приводя к падению режимов и перекраиванию политиче-

ских сил на карте мира. Это обостряло обстановку в тех особых условиях, когда началась открытая международная борьба за ресурсы и влияние. Фактически, за будущее мира, которое каждый агрессивно перекраивал под себя и тем самым направлял к всеобщему необратимому краху.

Закончив разговор, младший падший ангел вышел в компании все того же одержимого. Старший поехал дальше. Люцифер поехал с ним. Он уже не столько за ним следил, сколько пребывал под впечатлением. Он начинал приходить к умозаключению, что дальнейшая слежка не имела смысла. Если все, кого он уже проверил на земле, оказались мятежниками, то ему следовало кардинально изменить подход. В частности, выяснить, кто в общем и целом бывал среди людей, вне зависимости от причины. Тогда он почти наверняка получит полный список изменников поименно. Минимальный очевидный список, ибо пребывание вне земли ничуть не гарантировало чье-либо лояльности.

Наличие перечня имен не означало ликвидации проблемы, далеко выходившей за рамки обыденности и понимания. Погруженный в невеселые думы, Люцифер до сих пор не решил, что в итоге станет предпринимать. Выявляя масштабы мятежа, пока он только констатировал очевидное, не забегая вперед и не строя каких-либо иллюзий. Впервые оказавшись в такой ситуации, он впервые же попросту не знал, как ему следует поступить. Должно быть, в похожей ситуации оказался бог, когда столкнулся с восстанием любимого сына. Какой бы выбор он ни совершил, тот будет иметь вселенски идущие последствия и для многих, очень многих все равно окажется неправильным. Ох, как же не вовремя приключилась эта размолвка с Люмениферус!..

Приглушенный шумом поезда, чей-то возглас опять привлек внимание Люцифера. Даже не возглас, а вскрик, вырвавшийся от неожиданности. Бросив молниеносный взгляд, он увидел все того же развязного мужика. Тот тоже перешел в другой вагон, не иначе движимый своими страстями. Их воплощение не заставило себя ждать. Улучив момент, он нагло облапал молоденькую девушку, прислонившись к ней якобы из-за покачивания поезда. Хрупкая и юная, эта крошка казалась сущим ребенком по сравнению с крупным, давно уже в зрелых летах мужиком. Ошеломленная такой выходкой, она издала громкий возглас, едва ли услышанный окружающими. Их обыденное безразличие было тому надежной порукой.

Внешне и внутренне, развязный мужик ощущал свою безнаказанность. Он проделывал такое не впервые. Заглянув в его душу, владыка ада увидел все досконально. Даже здесь, а не прежде,

этот мерзавец успел облапать и ту женщину, на которую навалился после входа в вагон. Сюда он перешел в поисках новой жертвы, совершенно беспомощной перед его гнусными нападками. Она только и могла, что отстраниться, пытаясь сохранить хоть какое-то достоинство.

Вспыхнувший на щеках, румянец стыда обжигал девушку изнутри, хотя конкретно ей как раз стыдиться было нечего. С незапамятных времен, за животную похоть мужчин человеческий социум веками делал виноватыми и самых безгрешных женщин. В оправдание насильников он даже умудрился придумать психологию жертвы, к которым хрупкая девушка ну никак не относилась. Ее всколыхнувшиеся чувства читались и без всякого дара Люмениферус. В них смешались отвращение, обида, оскорбленная честь и щемящее ощущение полной беззащитности. Беззащитности прямо в обществе, где с ней публично проделывали такое. Люди и впрямь оставались равнодушными, либо не заметив мерзкую выходку, либо проигнорировав. Люди, но не архангел, думавший в этот момент о своей сестре. Та наверняка не осталась бы безучастной, а он теперь только и думал, как вернуть ее расположение. Совсем ненадолго, но спонтанная импульсивность взяла верх над холодным расчетом.

— Ну, нет. Достаточно, — вспоминая о том, кто он такой, процедил Люцифер. — Да отнимутся у тебя руки на сутки. При каждом повторении срок станет утраиваться. И ни одно средство на свете тебе не поможет. Да будет так!

И с этим вердиктом он приподнял свою ладонь в направлении развязного мужика.

Реакция не заставила себя ждать. Глумливо ухмылявшийся, довольный собой, мужик испуганно вскрикнул. Словно механизм, отказавший при отключении питания, его руки внезапно опали и повисли вдоль тела. Он все еще ощущал их тепло, дуновение воздуха в вагоне и прикосновение собственной одежды. Руки не утратили чувствительности, однако он больше не мог пошевелить и пальцем.

— Какого черта?! Что происходит?! — впадая в истерику, силился приподнять их развязный мужик.

Хамскую уверенность как ветром сдуло. Под ней, как и ожидалось, обнажилось полное визгливое ничтожество.

— Мои руки! Я их не чувствую! — все громче голосил мужик, но и до него никому не было дела.

Разве что девушке, изумленно смотревшей на своего фривольного преследователя, да падшего ангела. Тот сразу понял, что произошло. Никто не заметил мимолетного света, испущенного ладонью

неприметного человека, и уж тем более молниеносного сияния в глубине его глаз. Никто, кроме него. Возмущение в пространстве, вызванное архангелом, было слишком велико, чтобы его не заметило существо не из мира смертных.
— Люцифер… — беззвучно молвил падший ангел.
Но тот уже и сам понял, что разоблачен.

Вот уж точно ни одно доброе дело не остается безнаказанным. Не удержавшись, Люцифер поддался порыву и наложил кару на дурного человека. В результате он закономерно выдал себя падшему ангелу. Тот, не будь идиотом, наверняка сообразил, по какой причине Утренняя звезда находился рядом в обличье смертного. Вряд ли для того, чтобы в полной мере насладиться прелестями общественного транспорта, шумами и запахами, присущими метро. Вопрос заключался в том, что с этим теперь делать. Вперившись взглядом в падшего ангела, Люцифер прощупывал его реакцию, пока принимал надлежащее решение. Он мог изобразить случайную встречу, в которую наверняка никто не поверит, либо немедленно атаковать. В обоих случаях перед ним возникал ряд серьезных затруднений.

Осведомленность изменников сомнений не вызывала. Они не случайно вели столь сложную игру, чтобы как можно дольше водить владыку ада за нос. Ему только и оставалось, что выявить все ключевые фигуры мятежа, определить его структуру и масштабы. При этом им вряд ли было известно, что Люциферу сообщил Михаил. По их представлениям, он ограничивался подозрениями, изобличив не так уж много имен. Люцифер предпочитал поддерживать в них эти заблуждения, пока не определится с выводами и решением. Объявившись перед падшим ангелом, он поставил себя в непростую ситуацию. Отпустить мятежника означало выдать им всем свою осведомленность и намерения. Атака тоже ничего хорошего не предвещала.

Когда-то, на небесах, ангелы уже воевали с ангелами. Подняв восстание, Люцифер повел их за собой, не только командуя издалека, но и сражаясь лично. Его могущество было тому залогом. В отличие от людей, где генерала на передовой могла убить шальная пуля, не говоря уже о внезапном артобстреле или бомбежке, ему ничего не угрожало. Бессмертные по сути, нематериальные ангелы не умирали навсегда. Во всяком случае, в человеческом представлении. Архангела это и вовсе не касалось. Его могла уничтожить лишь божественная мощь, в проявлении огненного меча Михаила. В остальном же Люцифер оставался неуязвим, однако сам повергал противников неотразимо и сурово. Его сила была слишком велика. Настолько, что он действительно мог отправить кого угодно

в небытие. Демонов он и отправлял. С ангелами получалось несколько иначе.

Моральный выбор был особым даром Люцифера, исходившим от самого бога. В отличие от многих, он позволял ему поступать по своей воле, владеть понятиями добра и зла. Считалось, что он осознанно выбрал зло. На деле все обстояло не так-то просто, ибо только люди привыкли измерять все крайними степенями. Не обладавшие такой свободой, ангелы неизменно следовали приказам свыше, никогда не подвергая их сомнениям. Люцифер именно что подвергал. В противостояние с отцом он вступил по вполне конкретной причине, а не вообще, однако глобальность их конфликта скрыла исходное положение вещей.

Противоположностью богу была извечная тьма, как райские кущи пламенному аду. Светоносный архангел никакого отношения к ней не имел. Он был сыном своего отца, с которым не сошелся в нескольких принципиальных взглядах. Загвоздка заключалась в том, что бог инакомыслия не терпел, хотя и даровал довольно многим свободу воли. Это был один из его оксюморонов, в котором фигурировал даже Люцифер. Он это прекрасно понимал, отчего придерживал свой меч. Сражаясь с ангелами, сохранившими лояльность богу, он не забывал, что у них просто не было другого выбора. Он служили тому, кто возглавлял небеса. Если их однажды возглавит Люцифер, они точно так же станут служить и ему, за отсутствием возможности что-либо выбирать. Разя мечом, он повергал, но щадил своих противников. Те ведь тоже были ангелами, детьми и сущностью небес, ставшими заложниками обстоятельств. Он сокрушал их на поле боя, но не отправлял в небытие.

Восстание разделило всех на два лагеря, не считая нейтральных небожителей вроде Люмениферус. Сделав свой выбор осознанно, многие ангелы пошли за Люцифером, но закономерно оказались в меньшинстве. Большинство отказалось выбирать, ибо просто не могло, либо лишило себя самой возможности выбора. Так или иначе, в итоге на небесах только такие и остались — те, кто был не в состоянии не подчиниться приказу, даже если однажды его отдаст Утренняя звезда. Остальные были низвергнуты вместе с ним, и с тех пор никого из ангелов он не сражал. Тем более никого из тех, кто последовал за ним, пользовался особым доверием и сформировал в аду его своеобразную гвардию. Не сражал до этого самого момента, когда в вагоне метро он очутился перед очень скверным выбором.

Падший ангел сам решил свою судьбу. Прощупывая пространство, Люцифер улавливал любую мелочь, пока соображал,

как ему теперь быть. Внешне ничем себя не выдавая, мятежник выглядел вполне обыденно, выражая легкое недоумение появлением владыки ада. На деле же он отнюдь не оставался безучастным. Оценив ситуацию, он попытался связаться с другими мятежниками. Не получилось. Архангел установил вокруг вагона экран, отражавший все ментальное поле обратно. Это была очень действенная мера, а не прибегал он к ней доселе из-за немедленного разоблачения, в данном случае уже неактуального. Адресованные сообщникам, мысли заметались внутри экрана как удары колокола в стенах собора, прекрасно услышанные Люцифером. В них прозвучало достаточно, чтобы оба усвоили создавшееся положение. Доказательство измены было налицо. Если прежде Люцифер колебался, то теперь у него не оставалось другого выхода. Сбежать падший ангел не успел. Во-первых, архангел сковал его узами, не позволявшими проходить через пространство. Во-вторых, атака последовала незамедлительно.

Даже не замерцав, электрические лампы в вагоне погасли, словно кто-то повернул рубильник. Качнувшись так сильно, словно вот-вот сойдет с рельс, весь поезд заскрежетал и содрогнулся, полностью теряя освещение до последнего светодиода. Потухли даже экраны смартфонов в руках пассажиров. Вся электроника отказала, как и любые не механические устройства. Набравший скорость, поезд продолжал катить вперед, но делал это по инерции, будто внезапно въехал в каменный век.

Вагон озарила ослепительная вспышка, поглощавшая все пространство изнутри. Казалось, в нем возникла шаровая молния, чей диаметр разросся из крупинки до самого потолка. Качка и тряска сбивали с ног. Теряя равновесие, стоявшие люди падали, испуская испуганные возгласы. Они только и слышали, что крики других пассажиров, скрежет металла и громкий гул, словно рядом проснулся чрезвычайно мощный трансформатор или же в тоннеле началась гроза. Не видели они при этом ничего. На фоне мрака, яркая вспышка полностью парализовала зрение, что человеческое, что электронное. Буквально на мгновение, в ее центре очертилась чья-то крылатая фигура, оставшаяся незамеченной. В следующую секунду свет полностью залил весь вагон, скрывая даже малейшие детали у самого носа.

Стратегия строилась на внезапности и краткосрочности, исходя из окружения и обстоятельств. Люцифер не навредил никому из людей. Их глаза не пострадали — уж об этом он позаботился, обеспечив хоть и слепящее, однако мягкое сияние, не выжигавшее нервы и сетчатку. Падение тоже обошлось без травматизма, ограничившись ссадинами и шишками. Гул, с последующим грохотом,

и вовсе не нес никакой угрозы. Мощные и дезориентирующие, все светошумовые эффекты предназначались исключительно для пассажиров, скрывая от них происходящее. Обеспечив себе прикрытие, Люцифер немедленно ринулся в атаку. Сбросив узы человеческого тела, с раскрытыми крыльями он тут же очутился возле падшего ангела.

Боевая сцена разочаровала бы любителей хороших схваток, когда противники изощряются во владении мечом или искусстве фехтования. Сойдись Люцифер с Михаилом, они бы и впрямь увидели нечто необыкновенное, но падший ангел не относился к столь тяжеловесной категории. Сопротивление было бесполезно. Сразиться с Утренней звездой могли только другие архангелы, и в первую очередь военачальник небес. В открытом бою остальных ждало неминуемое и чрезвычайно быстрое поражение.

Финты, выпады и маневры отсутствовали, за всякой бессмысленностью таковых. Люцифер атаковал прямо в лоб, как таран, сметающий хлипкие ворота. Падший ангел только и успел, что приоткрыть свои крылья и вытащить клинок. Скорее, инстинктивно, нежели осознанно, ведомый воспоминаниями о небесной битве. Противостоять клинку архангела он был не в состоянии, и тем более клинку Утренней звезды. С первым же ударом его оружие сдало. Утратив былую силу, оно стало бледным подобием самого себя. Остальные не заставили себя ждать.

Испущенный столкнувшимися мечами, мелодичный звон утонул в грозовом гудении электричества. Второй удар Люцифера расколол клинок противника на миллионы крохотных частиц, засверкавших в воздухе нематериальной пылью. Он был словно алмаз, разлетевшийся в микроскопический порошок, который вихрился и сиял в потоках радужного света. Как часть самой сущности, ангельский меч не мог исчезнуть в никуда, но и восстановиться он тоже не успел. Третий удар пронзил падшего ангела насквозь. Не сумев увернуться от разящего острия, он оказался совершенно беззащитен перед натиском архангела. Теряя энергию, он так и замер, не в состоянии пошевелиться и ожидая свой конец.

Поистине молниеносная, схватка закончилась ожидаемой победой Люцифера, однако действие продолжалось. Сверкнула еще одна вспышка света, хотя ярче, казалось, было уже некуда. Она как бы наложилась на предыдущую, пронизывая не столько вагон, сколько сокрытые за миром смертных незримые материи. Люцифер не пытался уничтожить противника светоносным излучением. В отличие от исчадий тьмы, атаковать пусть и падшего, но ангела им было совершенно бесполезно ввиду единства их природы.

Именно поэтому Люцифер пустил в ход свой клинок, который обычно не вынимал. Свет ему потребовался для другого. Приобняв своего противника крыльями, они ринулся с ним вперед и в мгновение ока пролетел через пространство.

Тряска прекратилась столь же внезапно, как и началась. Освещение восстановилось по всему поезду. Гул затих, сразу и без всякого продолжительного угасания. Поднимаясь на ноги, люди ошарашенно оглядывались, выискивая источник потрясений. Его нигде не было. Все выглядело так, словно ничего и не происходило, не считая опаленных отметин на крыше поезда и разводов на потолке. Проявив воображение, их намеренно оставил Люцифер, чтобы любое расследование указало на некое короткое замыкание. В тоннеле хватало кабелей, один из которых якобы провис и устроил чрезвычайное происшествие, к счастью обошедшееся без жертв. Инсценировка была шита белыми нитками, однако люди верили и не в такое. Даже технические специалисты, у которых другого объяснения все равно не имелось. Продлившаяся пару секунд, схватка бывших небожителей на глаза не попала, равно как и на видеозапись. Пока люди только поднимались, оглядываясь и приводя себя в порядок, Люцифер и падший ангел были уже далеко. Вдали от любого внимания, они находились на другом краю Вселенной.

Несмотря на всю остроту желания, Люцифер мятежника не убил. Он очень точно пронзил его мечом, лишая энергии и всякой силы к сопротивлению, но не более. Его сущность он не уничтожил. Моральный выбор воспротивился, удерживая руку Люцифера от смертельного удара. Воспротивился и ум. Даже оставшиеся лояльными, падшие ангелы могли очень плохо воспринять убийство себе подобного. С учетом мятежа, владыке ада следовало действовать осмотрительно. Безусловно, он должен был покарать изменников, на страх врагам и в назидание остальным, однако и момент для этого требовалось выбрать подходящий. Уж явно не такой, когда его власть очутилась под вопросом, а любой из приближенных мог оказаться предателем.

Швырнув свою ношу, Люцифер навис над ней грозным властелином, с раскрытыми крыльями, но уже опущенным мечом. Раскаленная, но при этом твердая, от экстремальной гравитации поверхность нейтронной звезды была гладкая словно зеркало. Ангельские сущности не замечали силы тяжести и поистине чудовищного рентгеновского излучения. Они никак на него не реагировали, зато нейтронная звезда полностью скрывала их присутствие даже без веления воли Люцифера. Вызванное электромагнитным полем и процессами ее ядра, пространственное возмущение

было слишком велико. Архангелу оно оставалось нипочем, а его ослабленный противник лишился львиной доли своей энергии. Он был не в состоянии ни вырваться, ни кому-либо что-то передать. На нейтронной звезде, у ног владыки ада, он оказался заперт не хуже, чем в аду.

— Говори! — сияя белоснежными глазами, сурово велел Люцифер.

Юлить и отрицать не имело смысла. Изобличенные самыми первыми, демоны ни в чем не сознавались, предпочитая сгореть в лучах испепеляющего света, нежели признаться в измене. Несмотря на все старания, от них Люцифер так ничего и не добился, однако с тех пор многое изменилось. Пойманный с поличным, падший ангел невинной овечкой не прикидывался. Он уже уразумел, что делал в метро Люцифер, и что тот был в курсе, кто стоял за подстрекательством горожан. В курсе, вероятно, всей развернутой кампании.

— Мы верны тебе во всем, кроме людей, — обозначил он. — Мы не хотим их ни терпеть, ни принимать. Из-за них ты поднял восстание и повел нас за собой. Теперь же никто не понимает, что за блажь на тебя нашла. Мы долго терпели, полагая, что она вскоре пройдет. К сожалению, с годами она становится только крепче. Ты же никому ничего не объяснил, как однажды бог не объяснил ничего тебе. Ты не усматриваешь в этом некую иронию?

Да, Люцифер усматривал. Он уже неоднократно примечал немалую схожесть между прошлым и настоящим, некогда пойдя против отца и теперь словно глядя в отражение их общей истории.

— Как вы могли связаться с демонами?! Вы не считаете их ровней! Между собой вы их презираете! Не отрицай, я знаю имена мятежных иерархов ада наперечет! — стараясь не уронить достоинства, гневно прогремел Люцифер.

— Только из-за людей, — не меняя лейтмотив, ответил падший ангел. — Это даже не вынужденный союз, а временный, неприятный нам альянс ради единственной цели. Возвышение человечества нам невыносимо. Мы не можем этого допустить. Уж лучше смерть, чем такой позор. Когда-то ты сам так считал, отказавшись поклониться этим ничтожествам. Что же случилось с мечтами о небесном троне? Властелины рабам не кланяются.

— Здесь я задаю вопросы! — резко одернул Люцифер.

— Тогда не удивляйся, что многие ищут ответы сами. Так поступал и ты, когда бог не счел уместным посвятить тебя в свои замыслы. Мы согласились, что его отказ неприемлем и несправедлив. Но ведь это относится и к тебе, — заметил падший ангел.

Спокойствие, сквозившее в речах обессиленного пленника, выглядело весьма показательно. Возражая Утренней звезде, он яв-

но считал, что ему уже нечего терять. Он не вел себя вызывающе, не грубил и не оскорблял. Он вообще никак его не задевал. Не таясь, он смело озвучивал причины неповиновения, позволяя себе акцентировать детали и делать выводы. Частичного неповиновения, ибо падшие ангелы не отказывались и дальше поддерживать Люцифера.

Люди стали камнем преткновения, с которым падшие ангелы смириться не могли, и конкретно это было вполне объяснимо. Отказавшись им поклониться, они пошли за Люцифером, не желавшим покориться прихоти отца. Теперь же сам Люцифер объявил их своей любимой игрушкой. Со времен изгнания, человечеству не запрещал вредить даже бог. Утренняя звезда, словно спятив, пошел гораздо дальше, взяв его под свое покровительство.

— Кто это — мы? — сохраняя грозные интонации, только и осведомился Люцифер. — Я желаю знать, на кого больше не могу положиться во всем.

— Я не стану извиняться за то, что не открою имена, — не без чувства собственного достоинства произнес падший ангел. — Это имена моих братьев. Они не должны пострадать за то, чему ты сам их учил. Ты часто любишь твердить о справедливости. Значит, ты должен меня понять.

Не убирая меч, Люцифер стоял возле поверженного пленника, лежавшего на поверхности нейтронной звезды. Приподнятый в руке, клинок смотрел острием на крылатую фигуру, которую мог пронзить в любой момент. Люциферу очень хотелось это сделать. Его самолюбие, властность и гордыня не могли примириться с таким ослушанием. При этом он и сам понимал, что падшие ангелы не так уж неправы. Разумеется, Люцифер не собирался терпеть их нападки на человечество. Проблема заключалась в том, что эти нападки действительно породил он сам, начиная непосредственно с восстания, и всячески поощрял, низвергнутый с небес.

Отрицать очевидное было невозможно, как и отвергать определенную несправедливость. Об этом говорило само поведение Люцифера. Неслучайно он прощал своей гвардии то, за что испепелял любого демона. Он сам критиковал бога и религию за принцип слепого повиновения. Возможно, он и впрямь допустил ошибку, когда пренебрегал объяснениями, будучи в венце абсолютной власти. Ошибку любого тирана, которым был бог, и которым Люцифер оказался сам. Вот уж точно яблоко от яблоньки.

— Я не хочу твоей смерти. Но своим молчанием ты не оставишь мне выбора, — скрывая свое замешательство, сурово предупредил Люцифер.

— Пусть так, — ответил падший ангел. — Это ничего не изменит,

ни для меня, ни для тебя.

Люцифер насторожился. Прозвучавший почти открыто, такой фатализм он слышал не впервые. Так называемая судьба существовала лишь для тех, кто не мог ей управлять, был не властен над собственной жизнью и будущим, либо же не имел силы воли, чтобы воспротивиться и взять ее в свои руки. Он к таковым уж точно не относился, однако мятежники, кажется, верили в обратное. Во всяком случае, в том, чего они добивались, и чего Люцифер, согласно их словам, был не в состоянии изменить.

— Чего вы добиваетесь? — жестко осведомился он.

— Как и прежде. Возвращения на небеса. Свободы для нас, власти над мирозданием для тебя, за кем мы последовали даже в ад, — неторопливо ответил падший ангел. — Мы не отказались от своих убеждений. Ты сам от них отказался.

— Я не отказывался от небесного трона! — громыхнул Люцифер. — Но я больше не хочу уничтожать человечество! Я желаю им править, и куда справедливее, чем отец!

Это было не совсем корректно. Люцифер не солгал, однако не раскрыл подлинный смысл своих слов. Дьявол, как небезызвестно, кроется в деталях. Теперь, на фоне восстания, знать эти детали мятежникам было уж точно ни к чему.

— Порабощение я могу понять. Все из нас могут, — согласился падший ангел. — Однако тебе известно, что это невозможно. Нам дали отсрочку. ТЕБЕ дали отсрочку. Ты знаешь, что произойдет, если ты не докажешь несостоятельность человечества. А как ты ее докажешь, если станешь заботиться о нем как хозяин о толстом и ленивом коте? Не в твоем стиле жертвовать собой. И уж точно не в нашем, расплачиваясь за твои прихоти. Ты утянешь всех за собой.

— Я вернусь на небеса, не погубив людей! — не удержавшись, парировал Люцифер.

— Даже если отринуть наше неприятие, это неосуществимо, — возразил падший ангел. — Но если у тебя есть план, может, поделишься?

— Не могу, — качнул головой Люцифер. — Вам нужно в меня верить.

— Как ты сам верил в замысел бога? — слабо улыбнулся падший ангел. — Чему же ты тогда удивляешься?

Угодив в идеологическую ловушку, Люцифер не имел объективной возможности из нее выбраться. План у него действительно был. План, в котором фигурировал Михаил, подпадавший под влияние правды от Люмениферус. Особенность заключалась в том, что открыть его Люцифер никому не мог. Михаил отринет любую

истину, если узнает, от кого она исходит. А он узнает, если владыка ада посвятит в свой замысел падших ангелов. Ведь посвящать придется всех, а не одних лишь приближенных. Нагляднее некуда это доказывали причины и масштабы мятежа.

Земля извечно слухами полнится. Никто из падших не побежит докладывать обо всем военачальнику небес, но у того по всему миру были глаза и уши. Однажды, случайно, они сболтнут что-то лишнее, как-нибудь выдадут свою осведомленность — и тогда затее конец. Надежда была лишь до тех пор, пока Михаил оставался в неведении, следуя по старательно расписанному пути. По этой причине Люцифер никого в свои намерения не посвящал. Оттого помалкивала и Люмениферус. Только она знала о планах Люцифера. Они разрабатывали их вдвоем. Вдвоем их и надлежало осуществлять, а разглашение замысла почти наверняка приводило к катастрофе. Которая, в иной своей форме, как раз из-за скрытности внезапно и разразилась.

История гласила, что правителю нельзя закрывать глаза мятеж. Незыблемость его авторитета, безропотное исполнение приказов были залогом твердой власти. Разброд и шатания приводили к волнениям, гражданской войне и борьбе за трон. Порой, очень продолжительной, когда гибли миллионы, а государства приходили в упадок. Мятеж подмывал устои, заставлял усомниться в надежности властелина и его способности править. Даже будучи неправым, он должен был сурово наказывать за любое восстание. В противном случае его власть обесценивалась как деньги во время гиперинфляции. Надлежаще не наказанные, бунтовщики провоцировали цепную реакцию, когда становилось ясно, что своего можно добиться открытым неповиновением, публичным игнорированием верховной воли. Даже у самого справедливого, у самого милосердного и мудрого правителя просто не было выбора. Либо он преподавал мятежникам урок, либо потеря власти становилась для него вопросом времени.

— Я не хочу твоей смерти, — твердо, но без всякой угрозы повторил Люцифер.

— Если тебе больше нечего сказать, то и мне нечего, — отозвался падший ангел. — Решение за тобой.

Могущество архангела было велико. Он мог сокрушить что угодно и кого угодно. Он испепелял даже архидемонов и обращал в порошок планетарные системы. Противостоять его силе было невозможно, особенно когда она питалась оскорбленным величием и гневом. Подняв клинок, Люцифер наполнил его силой света, а затем обрушил одним неотразимым ударом.

Изданный нейтронной звездой, страшный грохот не воспри-

нимался даже самым богатым воображением. Громче взрывалась только сама Вселенная, хотя этот звук не распространялся через безвоздушное пространство. Рядом с падшим ангелом возник разлом. Рассеченная до ядра, нейтронная звезда не взорвалась только потому, что это сделал Люцифер. Он сотворил в ней разрез, как сверкающим лезвием в арбузе. Он же удерживал ее от разрушения. Махнув свободной дланью, он сбросил падшего ангела в ревущие недра, содрогавшиеся от атомного распада.

Стремительный полет вертикально вниз продолжался недолго, ибо не подчинялся законам физики. В конце расщелины, в самом ядре звезды, падший ангел угодил в небольшую, раскрывшуюся вокруг него сферу. Сотворенная Люцифером, она была соткана из чистого света. Пока она находилась в сердце звезды, проникнуть через нее не могло ничто, ни внутрь, ни наружу. Даже мысли, адресованные в ментальном поле.

— Посиди пока там, — молвил на прощание Люцифер. — Позднее я решу, что с тобой делать.

Убирая меч, словно растворившийся в пространстве, он плавно повел рукой, завершая эту космическую сцену.

Натужно загудев, грохочущий разлом сомкнулся. Нейтронная звезда утихомирилась, приняв свой обычный вид. Теперь на ее поверхности стоял только Люцифер, в этом царстве тяжелых металлов и запредельного рентгеновского излучения. Глубоко внизу, падший ангел был лишен всякого контакта как с божественным мирозданием, так и неугасимым пламенем ада. Исключая ограниченность узилища, там ему ничего не угрожало. В пище или чем-либо ином он не нуждался. Он в принципе не мог умереть, не считая, разве что, скуки. Бесконечное заключение в одиночестве гипотетически кого угодно сводило с ума. Даже бессмертное существо, которое перестанет отличать свои мысли от реальности. Про вечность, впрочем, речь не заходила. Люцифер не решил проблему с мятежником. Он лишь отсрочил ее на какое-то время. Падшего ангела скоро хватятся, и будет нетрудно догадаться, почему он запропастился. Относительно скоро, к вопросу о целях и сроках мятежа.

— Нет. Погубить людей я вам не дам, — жестко произнес Люцифер.

Не убирая крылья, он шагнул через пространство и отправился прямо в ад.

Комната выглядела обыденно и при этом не совсем. В точности сохранив исходный вид, она увеличилась в размерах. Мебель стояла на своих местах, но самой площади было больше. Еще боль-

ше стало свободного пространства в центре комнаты. Теперь там легко помещался новый, ранее не существовавший столик, за которым сидело несколько человек. За ним, у прежнего письменного стола, спиной к нему сидело еще двое, в то время как на кровати расположилась отдыхавшая душа. Именно душа, ибо все это происходило в аду.

Озадаченно оглядываясь, служитель Люцифера осматривал хорошо знакомое ему помещение. Он будто снова оказался в своей квартире, где некогда проводил наилучшее при жизни время. Теперь он видел ее вновь, однако не забывал, где находится. Видел он и людей, которые уже умерли, а теперь были здесь, под одной с ним крышей над головой. Он знал этих людей, очень близких с давних лет. Служитель решительно не понимал, что бы это значило, однако вопросы задавать не торопился. Он опасался, что все это было наваждение. Одно неверное движение, одна попытка заговорить — и души развеются как сон, которым они, возможно, и представали. Увидеть их здесь, после смерти и в преисподней само по себе было чем-то из ряда вон. Не зная, как и сам тут оказался, служитель молча стоял, не решаясь пошевелиться или заговорить.

— У лорда Люцифера для нас работа, — сообщил вдруг чей-то голос.

Обернувшись, служитель увидел позади себя какого-то незнакомого человека. Стоя в коридоре, тот выглядел спокойно, но уверенно. Он явно знал, к кому обращался и зачем пришел.

— Сейчас я все тебе объясню. Мне поручили ввести тебя в курс дела, — пояснил этот человек.

За окнами была ночь, точно имитировавшая настоящий, расстилавшийся за ними пейзаж. Выйти туда не получалось, но для душевного комфорта он очень подходил, даже без всякого с ним взаимодействия. Выйти ведь в принципе не получалось. Наружная дверь в квартире оставалась там, где и была, однако теперь она никуда не вела. Она вообще не открывалась. Она сохранилась как память, своеобразная дань миру смертных. Покинуть квартиру можно было только через особый выход. Там появилась новая дверь, на месте проема небольшой кладовки. С большим стеклом в верхней половине, эта дверь, казалось, вела все в ту же ночь, ибо за ней не виднелось ни единого проблеска света. Вот только вела она не в ночь, а в ад. Это разъяснил незнакомый человек, тоже оказавшийся служителем Люцифера. Теперь он играл роль наставника, взяв на себя обязанность рассказать новичку, что к чему. Пройдя в эту дверь, он поманил служителя за собой.

— Смелее, — сказал он, стоя в чем-то вроде обширной темной под-

воротни. — Бояться нечего.

Подворотня начиналась сразу за дверью, чье стекло уютно освещалось изнутри, и только выглядела таковой. Это было пространство в сотни полторы квадратных ярдов, где напротив виднелась еще одна дверь, но только без света. Мимо нее, из одной арки в другую, проходила узкая дорога. Кругом царил полумрак, где видимость сводилась к минимуму. Под темным сводчатым потолком было не разобрать, из чего состоит поверхность под ногами, не говоря уже о невнятных стенах. Исключая дверь в квартиру, всякие источники освещения отсутствовали, а ее свет не распространялся за пределы пары ступеней. Отошедший на несколько шагов, наставник виделся очень смутно.

— Смелее, — повторил он, призывно маня за собой.

Служитель вышел. Дверь за ним немедленно закрылась, продолжая светить через матовое стекло желтоватыми огнями оставленного жилища. Поколебавшись, он преодолел неуверенность и направился за наставником. Проигнорировав проход направо, тот провел своего подопечного под арку налево. Там, сразу за подворотней, мимо тянулась улица, шириной футов шестьдесят. Шагнув из темноты, служитель остановился и стал ошеломленно озираться.

Как и подворотня, улица только фигурально так именовалась. Ровная и прямая, она тянулась куда-то вдаль, куда не хватало даже самых зорких глаз. Люди ее не строили, равно как не мостили и не украшали. Дорогой служил серый базальт — такой ровный, словно его выглаживали утюгом. Он же составлял и стены улицы, вздымавшиеся вертикально вверх ярдов на двадцать. Не настолько гладкая, как дорога, их шершавая поверхность содержала фрагменты многоугольных образований, вздымавшихся вверх будто частично вмурованные столбы. Дома здесь отсутствовали как таковые. Казалось, улица была геометрически правильным каньоном, который образовала некогда протекавшая здесь лава. Она и оставила после себя широкий канал, прожженный в податливой породе, а заодно и стены, сформированные угасавшим жаром.

Справа от арки улица продолжалась не очень далеко. Там она упиралась в базальт, формируя Т-образный перекресток. Слева она уходила к горизонту, исчезая за пределами видимости. Впереди, несколько поодаль, ее пересекала другая дорога, пролегавшая под прямым углом. Еще дальше виднелась еще одна, словно разделяя базальт на своеобразные кварталы. Рассмотреть перекрестки мешали сумерки. Не полумрак, как в подворотне, а именно сумерки.

Света здесь не было как такового, за отсутствием солнца или

фонарей. Освещение в аду не зависело от каких-либо источников. Однообразные серые окрестности пребывали в неизменном виде, несмотря на наличие звезд, горевших в необъятной выси над головой. В сотне ярдов над дорогой, прямо в пустоте парили разрозненные валуны, среди которых витали огромные обточенные камни, будто выдернутые из крепостной стены. Несмотря на обилие, небо они не заслоняли — черное, как в космосе, небо, в глубине которого и сияли большие и малые звезды.

— Это не звезды, — пояснил наставник. — Это другие сегменты ада.

— Где мы? — продолжая озираться, тихо спросил служитель.

— Главное не где мы, а что мы. И что мы тут делаем, — раздался какой-то не очень-то понятный ответ.

Уже на что попривыкший, где находится, служитель продолжал пребывать под изрядным впечатлением. Вопросов у него появлялось все больше, однако прояснить наставник ничего толком не успел.

— Эй! Куда?! — прервавшись на полуслове, внезапно воскликнул он.

Выхватив кнут, доселе заткнутый у него за поясом, он припустил за какой-то фигурой, отделившейся от стены несколько поодаль. Не отзываясь, та тут же припустила к левому перекрестку, не иначе желая скрыться из виду. Бранясь на ходу, наставник побежал за ней. Его примеру служитель последовать не решился. Оставшись на месте, он только и глядел, как эти двое быстро удаляются, пока рядом не мелькнула какая-то тень.

Несмотря на внешнюю безжизненность и однообразие, улица не была пустынной. Чуть впереди, не иначе из-за гребня, прямо по стене резво спускались три каких-то существа. Передвигаясь попаучьи, они выглядели весьма зловеще. Спрыгнув на дорогу, первое из них встало на ноги и резво направилось к служителю. Эти существа только смахивали на людей. Их силуэты производили обманчивое впечатление, однако по мере сокращения дистанции их уродливость читалась более чем отчетливо. Искажавшая лица, злоба ничего хорошего не сулила. Не спуская со служителя горящих глаз, они быстро приближались, отчего он решил не дожидаться возвращения наставника. Докрикиваться до него было бесполезно. Добежав до перекрестка, в азарте погони он повернул за угол. Недолго думая, служитель развернулся, намереваясь ретироваться, и внезапно узрел, что и позади, пересекая улицу, к нему подбирались еще две твари. Такие же угловатые и уродливые, они оказались в опасной близости, и останавливаться явно не собирались.

Выяснять, чего было надобно этим существам, очевидно не стоило. Ноги в руки, служитель нырнул обратно в подворотню. Навстречу ему, из противоположной арки, уже бежала еще одна человекоподобная фигура. Метнувшись к освещенной двери, он едва не столкнулся с последней, объявившейся прямо с потолка. Где-то в нем имелась брешь, почти неразличимая в полумраке, либо же некий сквозной канал. Выбравшись оттуда, существо попыталось достать служителя когтями, но не успело. Не чуя ног, служитель перескочил через ступеньки и влетел в квартиру, тут же захлопнув дверь за собой.

Внутри ничего не изменилось. Квартира встретила служителя все тем же уютным светом и голосами разговаривавших душ. Что происходило снаружи — оставалось неизвестным. Так и не догнав служителя, существа не давали о себе знать. Они не скреблись и не стучались, и уж тем более не пытались выломать дверь. Служитель понятия не имел, там ли они еще или отступились. В квартиру им хода не было. Это понимание пришло интуитивно, на основе царившего в ней покоя и ощущения безопасности. Оно возникало не впервые, и отдельного разъяснения не требовало.

Ад не предназначался для отдыха или развлечений, однако с некоторых пор Люцифер начал наводить в нем свои порядки. Движимый обновленными убеждениями, он создавал в нем особые узилища. Вне обычных правил, они вмещали тех, кто несправедливо угодил в преисподнюю. Несправедливо по мнению Утренней звезды. Демоны туда не совались, как и любое зло. В эти узилища путь им был заказан. Там душам ровным счетом ничего не угрожало. Это был не небесный Эдем, однако и не тюремная камера, не говоря уже о вечных пытках и различных мучениях. Копия реальной, квартира представляла собой именно такое безопасное исключение. Дожидаясь возвращения наставника, проявившего себя не очень-то профессионально, служитель принялся осматривать свое воссозданное жилище.

Да, это была та самая квартира, если не считать, что находилась она в аду. Ее копия воссоздавалась до самых мелочей, и лишь пропорции изменились в сторону увеличения площади. Вероятно, не просто так, ибо в большой комнате находились души. Словно не замечая служителя, они думали о своем, либо общались, чувствуя себя в своей тарелке. Знакомые души — все до одной, и оказались они тут явно не случайно.

На разложенном диване, вытянувшись во весь рост, задумчиво склонила голову к подушке молодая девушка. Обращенная лицом к окну, она смотрела невидящими глазами в ночь. Она ни с кем не разговаривала, погруженная в свои мысли, и на ее лице

витало умиротворенное выражение. Единственная в своем роде, она не обращала внимания на других, но при этом и не держалась особняком. Она словно грезила наяву, занимая свой кусочек безопасного островка.

Между диваном и сервантом, уставленным стеклянными безделушками, расположился круглый столик, которого прежде не было. В настоящую квартиру он в принципе не помещался, но ее увеличенные габариты позволили втиснуться и ему, и нескольким стульям. На них, вокруг этого стола, устроились четыре души, на вид и среднего, и старшего возраста. Оживленно обменивались репликами, они азартно шлепали игральными картами и были погружены в какую-то игру, занимавшую все их внимание.

Начинаясь от боковой двери, параллелепипед комнаты заканчивался у окна. Там, у псевдоподлинного, стоявшего у большого окна письменного стола, где виднелся подключенный к компьютеру телевизор, сидела еще одна душа — пожилая женщина в очках. К ней наклонилась другая женщина — куда более молодая, присевшая рядом. Головой к голове, она показывала ей что-то в открытой книге, которую держала так, чтобы пожилой было удобно видеть. Обе тоже о чем-то разговаривали. Они были очень увлечены своим занятием и ничего другого вокруг не замечали.

Служитель как-то не удивился. Он знал всех этих людей. Знал при жизни, и не мог не узнать их души. В его смоделированной квартире они чувствовали себя вполне комфортно, не удивляясь и не выказывая неестественного поведения. Другое дело, как они здесь оказались, и что бы все это значило?

— Здесь те, кого бы ты хотел увидеть и приютить. Я же читал твою душу, — раздался рядом спокойный голос.

Служитель сразу уяснил, кому он принадлежит. В шаге от него, за входом в комнату, у большого шкафа для белья и верхней одежды объявился Люцифер. Дверями он не пользовался, за отсутствием всякой надобности. Он просто появлялся, где хотел и когда хотел. В отличие от белого, в темном костюме он выглядел несколько необычно. Маскируясь на земле, он настолько часто менял свой облик, что успел попривыкнуть и к другому наряду.

При виде Утренней звезды служитель немедленно выразил свое почтение. Сдержанно-вежливое, ибо раболепия этот архангел не любил, оставляя его отцу. Остальные души словно бы ничего и не заметили. Они не узнали владыку ада, который ничем себя не выдавал.

— Обойдемся без формальностей, — отмахнулся Люцифер. — Давай сразу к делу.

— Не стану спорить. Я рад увидеть их всех у себя. Я просто не по-

нимаю, что это означает, — сказал служитель.
— Многое. Я затеял в аду большие перемены и призываю своих людей на новую службу, — пояснил Люцифер. — Служба эта добровольная, но я надеюсь, что большинство предпочтет мне не отказать.
— А если откажут? — невольно спросил служитель.
— Они вернутся туда, где и были. Кто в горный отель, кто на пляж, а кто еще в какое-нибудь место уюта и покоя. Однако всего этого не будет, — ответил Люцифер, выразительно поведя рукой.
— Моей квартиры? — поднял брови служитель.
— Да нет же. Мог бы и сам догадаться, — покачал головой Люцифер. — Твоя квартира — для тебя, как воплощение лучшего убежища, которое ты тоже сам хотел бы видеть. Каждый получит что-то свое.

Лицо служителя прояснилось. Теперь ему стало куда понятнее, хотя в целом вопросов только прибавилось.
— А они тут при чем? — кивнул он на своих гостей.
— Это награда авансом. Награда в виде привилегии. Если согласишься, — с хитринкой улыбнулся Люцифер. — Ад — не место для свидания душ. Это не клуб по интересам, однако для тех, кто станет в нем работать, будет сделано естественное исключение. Ведь в том эта работа и заключается.
— Ничего не понимаю, — честно признался служитель.
— Я набираю новый персонал. В человеческом эквиваленте это приставы, надсмотрщики и управляющие, хотя лично я называю их иначе. Только на языке, который людям не понять, — обрисовал Люцифер. — Ты служил мне при жизни, я призываю служить и после смерти. Я возложу на тебя определенные обязанности. Взамен ты получишь право призывать к себе друзей и близких, из числа тех, кто уж точно не заслуживает вечных страданий. Некоторые уже здесь, и чувствуют себя прекрасно. Общайтесь и развлекайтесь, сколько хотите. Так будет и впредь, если ты примешь мое предложение.

Еще одним важным вопросом стало меньше. Внезапное наличие знакомых душ проистекало из воли самого Люцифера, не иначе и впрямь затеявшего что-то очень серьезное.
— И в чем это предложение заключается? — весьма заинтригованный, поинтересовался служитель.
— Это надлежало рассказать тому растяпе, который подрядился на роль фиррита, наставника, — не без досады ответил Люцифер. — Однако я его не виню. Система совсем новая, я даже сам к ней еще не привык. Как говорится, первый блин комом, она еще в стадии отладки. Но я вижу все огрехи. Души служителей у меня на

контроле. Ты остался снаружи один, растерялся и перепугался. Тебя бы не разорвали, но приятного, конечно, получилось мало. Бояться тут нечего, когда у тебя будет это.
Воплотив из ниоткуда, с этими словами Люцифер протянул служителю кнут и жезл.

Обычные на вид, оба предмета воплощали огромную силу, ибо были сотворены светоносным архангелом. Их и наполняла сила света. Более того, они состояли из него целиком, и только на вид выглядели как художественные раритеты. Доступные человеку, они становились проводниками воли Утренней звезды.

Короткий, в две ладони, каштановый жезл представлял собой мощный оберег. Симметричный по форме, он увенчивался небольшим утолщением, точно таким же, как и в основании. Его поверхность украшала резьба, выполненная по дереву непонятными символами и словами. Разумеется, по ненастоящему дереву нечитаемыми словами. Это был язык небожителей, воспринимаемый человеческим сознанием в удобоваримой форме. Любой, кто владел этим жезлом, находился под прямой защитой Утренней звезды. Он был неуязвим для всякого зла, и ничто в аду не могло причинить ему вреда.

С рукояткой, похожей на половину жезла, кнут служил мерой обуздания и устрашения. Свернутая кольцом, его витая плеть хранила в себе печать архангела, проявлявшаяся белым, едва заметным промеж волокон свечением. Кнут не защищал — он предназначался для внушения и острастки. Он поражал любую сущность, демоническую или человеческую. Его воздействие было настолько велико, что всего один удар тут же приводил в чувство кого угодно. Познакомившись с первым, второго болезненного удара все старательно избегали. Также кнут выступал и оружием. На проклятой душе или исчадии ада он оставлял дымящиеся борозды. Поодиночке они быстро затягивались, но только не в том случае, когда удары сыпались как из рога изобилия. Тогда они начинали испепелять, вгрызаясь в сущность и даже рассекая ее на части.

Протягивая оба предмета, Утренняя звезда предлагал не дары. Он вручал символы власти, которой наделял своего слугу. Их обладатель обретал силу и неуязвимость, однако не для собственного удовольствия. Ему надлежало исполнять в аду приказы Люцифера.
— В чем заключаются обязанности? — рассматривая кнут и жезл, закономерно осведомился служитель.
— У всех они разные. Конкретно ты будешь заниматься душами. Если согласишься, — отозвался Люцифер.
— Я полагаю, ты уже знаешь мой ответ, — заметил служитель.

— Разумеется, — снова улыбнулся Люцифер. — Я же читал твою душу. Я знаю, кто чем живет, и кто на что готов. Я никого не принуждаю. Я предлагаю только то, на что человек заведомо пойдет. Мне нужны верные слуги. Такие, на кого я смогу положиться всегда и во всем.

Последние слова Люцифер произнес с промелькнувшей горечью. Даже поглощенный свалившейся заботой, служитель сумел ее заметить. Всегда такой уверенный и властный, казалось, владыка ада был чем-то удручен.

— Прошу прощения, господин, но… Что-нибудь случилось? — осмелился спросить служитель.

— Об этом после. Сейчас твоя задача — учиться новому ремеслу, осваиваться в своей новой роли, — тут же скрыл все эмоции Люцифер. — Отныне ты — мехтиаз. Проводник для душ и надсмотрщик над демонами. Ты не наказываешь, ты распределяешь. Демоны не вправе тебе препятствовать. Применительно к подотчетным тебе душам они обязаны выполнять любой твой приказ.

Выдав назначение, Люцифер умолк и неторопливо оглядывал души в комнате. Некоторые из них встречались ему неоднократно. Например, девушка на диване — та самая самоубийца, доселе в одиночестве бродившая по берегам озера. При жизни она и служитель были знакомы. Она покончила собой в молодости, а служителем этот человек стал позднее.

— А как я стану это делать?! — ошарашенно воскликнул новоиспеченный мехтиаз. — Есть какой-то обучающий курс или мне поможет наставник? Как его там… фиррит?

Краткого вступления Люцифера оказалось явно недостаточно, что выглядело естественно, когда поручают абсолютно новое, незнакомое, масштабное и чрезвычайно ответственное дело.

— Мы же в аду. Теперь ты не скован узами бренной плоти и воспринимаешь все иначе. Я же архангел и владыка преисподней. Мои дары поведут тебя. Ты сам все поймешь, по мере того, как приступишь к своим обязанностям, — усмехнулся Люцифер. — Фиррит, конечно, еще подскажет кое-что, но понимание само станет приходить на ходу. Твое убежище возле той дороги расположено не случайно. Это магистраль в зоне твоей ответственности.

— Я даже не понимаю, где нахожусь. А тут еще и делать неизвестно что, — окончательно растерялся мехтиаз.

— Не страшись постичь все на практике. Иди, тебе нечего бояться, — ответил Люцифер, указав ладонью в направлении двери. Внешней двери, ведущей в подворотню, то есть прямо в ад.

— А они как же? — кивнул мехтиаз на другие души.

— Они никуда не денутся. Здесь они под защитой. В это убежище

злу хода нет, — заверил Люцифер.
— До сих пор не могу поверить, что вижу всех этих людей! Я думал, мы больше никогда не встретимся! — вырвалось у преображенного служителя. — Неужели это все по-настоящему?
— Ну, не все, — неожиданно заметил Люцифер.

Уточнение требовало наглядной демонстрации. Поведя рукой, владыка ада словно протирал запотевшее стекло, открывая сокрытый конденсатом обзор. Повинуясь этому движению, одну из душ как будто стерло из реальности. А именно, женщину помоложе, что сидела рядом с пожилой женщиной в очках. Та словно ничего и не заметила, продолжая читать висевшую в воздухе книгу. Плавным движением, Люцифер вернул все обратно.
— Это морок, — пояснил он. — Морок, который используется в добрых целях. Эта женщина была верным компаньоном. Ее душа не здесь, я не могу ее призвать. Я лишь создал иллюзию во благо, чтобы поддерживать привычную компанию. Все остальные души здесь настоящие.
— Почему-то я не удивлен. Я удивился, увидев их вместе, — тихо сказал мехтиаз.
— Теперь ступай. Твоя служба не ждет. Впереди бесконечно много дел, — завершил беседу Люцифер.

Открыть примечательную дверь, за которой таились зловещие фигуры, было не так-то просто. Сделав над собой усилие, мехтиаз вышел наружу, сделал несколько шагов и тут же увидел одну из тех сущностей. Как будто подкарауливая, она маячила в полумраке у левой арки и тут же ринулась навстречу. Изрядно струхнув, мехтиаз испугался и хотел нырнуть обратно в квартиру. Затем испытал прилив внезапной уверенности, от кончиков пальцев до последнего уголка сознания. Сжимаемый в руке, жезл гарантировал неприкосновенность, наполняя душу ощущением неуязвимости. Размахнувшись, мехтиаз стеганул фигуру кнутом.

Удар получился быстрым и неотразимым. Целиться не пришлось. В аду не действовала физика мира смертных, а только желание душевной воли. В этом он походил на рай, где царили похожие правила. Кнут сам точно попадал туда, куда хотел его владелец, без всяких промахов, помех и тренировок. От витого плетения полыхнуло пламя, однако не красное, а белое, по цвету испустившего его света. Болезненно взвыв, сущность тут же утратила всякое желание познакомиться. Развернувшись, она опрометью ринулась наутек.
— Бес, — внезапно осознал мехтиаз, чувствуя странное тепло, исходившее от жезла. — Блуждающий бес, без насущной цели. В бескрайнем аду таких полно.

Заткнув его за пояс, он ощутил еще больший прилив уверенности. Пришло осознание полного контроля над ситуацией, где вокруг было подвластно все. Дверь в квартиру затворилась сама, ибо пропускала отнюдь не всякого. Только разок и обернувшись, мехтиаз удостоверился, что за ней горит все тот же уютный желтоватый свет. Затем прошел до левой арки и ступил на сумеречную улицу.

Доселе безжизненная, дорога теперь преобразилась. На ее полотне виднелись разрозненные фигуры, неторопливо бредущие в направлении терявшейся дали. Безмолвные и отрешенные, они не озирались, мерно направляясь строго по прямой. Иные двигались у обочины, словно искали защиты у стен или размышляли, не свернуть ли на ближайшем углу. От Т-образного перекрестка к мехтиазу приближалась целая процессия. Впереди шли люди разного пола и возраста. Точнее, души, ибо живых людей, с их телами и потребностями, уже не существовало. Между ними, подобно конвоирам, шагали другие сущности, только внешне похожие на человека. Это были бесы, что безошибочно подсказал врученный жезл. Они не нападали на души и не терзали их. Они не позволяли им разбежаться, а в остальном вели себя словно такие же путники. За ними, в параллельный ряд, следовали трое здоровенных животных, будто самый обычный ездовой скот. Вот только обычного в них не было ровным счетом ничего.

Черные, как пресловутая дыра, звери казались порождением ночных кошмаров. Их глаза горели красным огнем самой преисподней. Осклабленные пасти усеивали острые треугольные зубы, только и дожидавшиеся, кого бы разорвать. Изнутри их подсвечивали отблески, как если бы языки тлели угольями, а в утробе пылала неугасимая печь.

Вол выглядел наиболее безобидно. Массивный и округлый, он клубился тьмой своей плотной шерсти. Его широкая морда покачивалась в такт неторопливому движению. Его дымящиеся копыта грузно топали по дороге, и он лишь покосился на мехтиаза дурным взглядом.

Козел проявил больше внимания. Он хищно оскалился, не иначе обдумывая вполне конкретную трапезу. Клубившаяся как и у вола, его шерсть заметно вздыбилась. Борода затряслась. Наклонив голову с огромными, испещренными тлеющими прожилками винторогими рогами, он как будто примерялся для атаки.

Ближайший к арке, кабан повел себя наиболее агрессивно. Он и впрямь атаковал. Его туша курилась чернотой, а бивни жаждали насадить подходящую жертву. Разъявив пасть, где острые зубы аж вывернулись наружу, он издал утробный звук и побежал прямо на мехтиаза. Его намерения представлялись яснее некуда.

Воображение немедленно нарисовало, как бесплотное тело начинает резать это скопление острейших треугольных зубов. Вероятно, так бы оно и произошло, но только не с тем, кто отныне обладал полномочиями от владыки преисподней.

Оставшись спокойным, мехтиаз не забыл про кнут, равно как и про свое новое положение. Резко размахнувшись, он хорошенько стеганул кабана, игнорируя расстояние. Растянувшись без ограничений, кнут прошелся по черной туше световым ожогом. Кабан тут же присмирел. Его агрессию как рукой сняло. Вернувшись на место, он продолжил идти вместе с другими животными, тоже потерявшими к мехтиазу всякий членовредительский интерес.

— Нечисть, — усвоил мехтиаз излучение жезла. — Кидается на любую душу, которая не на своем месте. Не поняла, с кем связалась. Новшества ей в диковинку.

Обитатели преисподней не подразделялись исключительно на бесов и демонов. Тут водились и менее развитые сущности. Не такие могущественные и умные, они выходили из тьмы в изрядном изобилии. В сравнении с человеческим сообществом они как раз и находились на уровне зверей, которыми обычно и представали. Они тоже бывали в мире смертных. Они являлись людям в кошмарных сновидениях, подкарауливали их в проклятых местах и всячески старались причинить как психологический, так и физический вред. При особых обстоятельствах, иные даже пытались утащить их заживо в ад, что особенно отличало этих чудовищ от других исчадий преисподней. Все это именовалось нечистью, принимавшей самую разнообразную форму. Как правило, животную, и в данном случае образчиками стали вол, кабан и козел. Тот самый козел, которого сплошь и рядом ассоциировали с дьяволом. Выглядел он и впрямь по-дьявольски, однако ничего общего с Люцифером не имел.

На базальтовой дороге, проходившей мимо арки, звериная троица оказалась не просто так. Она тащила за собой конструкцию, похожую на самую обычную телегу на колесах. Она не была впряжена в нее традиционным способом. Она просто шла, а телега катилась следом, влекомая связующими их незримыми узами. От поклажи веяло чем-то темным, проступавшим сквозь тюки и коробки. Подобно сырости, эта темнота распространялась вокруг, незримая и при этом густая, словно смола, и увесистая как свинец. Она не источала запаха, но создавала ощущение гнилости болота. Увлекая телегу, нечисть тоже выполняла в аду свою роль, если не шаталась без дела подобно незанятым бесам.

— Груз грехов, — прошептал служитель, внимая очередному наставлению жезла.

Чьих именно, гадать особо не пришлось. Они принадлежали душам, идущим в этой процессии. Замыкала ее еще одна примечательная троица, ехавшая в самом хвосте на небольшой повозке. Катилась та сама по себе, без всякой тягловой силы. На лавочке передка, где обычно располагался возница, сидели с виду обычные женщины.

Самая дальняя оказалась самой старшей, с ясно читаемым на лице пожилым возрастом. Средняя и была средних лет, сохранив не увядшую привлекательность. Ближайшая выглядела совсем уж молодухой, едва переступившей рубеж совершеннолетия. В отличие от других душ, эти трое не казались отрешенными и не шли вперед как пресловутые зомби. Их старомодная, близкая к средневековой одежде также приковывала внимание. Невольно заинтригованный, мехтиаз подошел прямо к ним.

— Вы, собственно, кто? — осведомился он, пытливо оглядывая странных женщин.

Их визуальное сходство только подогревало его проснувшийся интерес.

— О! Вот он нам и поможет добраться до города! — переглянувшись, оживились женщины.

Расспрашивать, что да как, не пришлось. Насущные комментарии источал все тот же жезл. Восседавшие на месте возницы, женщины по этой сумеречной дороге ехали не просто так. Это были ведьмы. Самые настоящие, некогда ступившие на стезю тьмы. Их сходство объяснялось родством, ибо ремесло передавалось из поколения в поколение. Багаж — тоже, совместно нажитый под одной крышей. Он лишь трансформировался в их деяния, где каждая вещь символизировала что-то свое. Гонимые чернью, ведьмы снялись с нажитого места, но до нового так и не добрались. С ними расправились, и весьма жестоким, присущим дремучим людям образом. Мучительная смерть не претерпевалась почем зря. Она снимала часть грехов, не таких уж и больших по сравнению со многими. Эти ведьмы не особо кому-то вредили, хотя и практиковали колдовство. Они не приносили в жертву младенцев, не насылали мор и не губили посевы. Занимаясь знахарством, они практиковали темные обряды, пытались проникнуть в будущее и хотели вечной жизни. Они ее и получили. С тех самых пор они скитались, не находя себе места даже в преисподней.

Персонального узилища, с изощренными пытками и душевными муками три ведьмы не заслуживали, однако и адского Эдема тоже. Их бесконечная дорога воплощала грешное странствие, длившееся без конца. Они так и ехали по ней, когда в одиночестве, а когда и в компании, разнившейся по численности и сущест-

ву. Потеряв счет годам, они уже не осознавали, как давно здесь оказались, но все еще стремились добраться до некоего города. Появление мехтиаза вернуло им надежду. Он вел себя иначе, нежели знакомая публика, и тем самым изменял привычное восприятие. Отнюдь не случайно. Все происходило согласно новым замыслам Люцифера. Детали подсказал неизменный жезл, выступавший как носитель директив владыки ада пополам с адской же базой данных.

Ввиду недавних потрясений, Люцифер задумал в преисподней очень серьезные преобразования. Безусловно, настоящих грешников миловать он не собирался. Отягощенные дурными делами, черные души и дальше будут получать сполна, расплачиваясь за причиненное зло. Другое дело — малые прегрешения, и особенно по глупости или незнанию. Ведьмы на повозке к таковым и относились. Они не служили настоящему Люциферу, пребывая в типичных для людей заблуждениях, однако ничего плохого его именем не совершили. Возясь с темными силами, они не заработали печать навечно проклятых, хотя и в рай их, само собой, ни под каким видом уже не пускали. Люциферу требовались новые кадры, где одних служителей даже близко не хватало. Хорошенько поразмыслив, он решил привлечь наименее провинившиеся души, подходящие по сути и менталитету. Пусть искупают свои провинности трудом. Направленные мехтиазу, три ведьмы стали его первым заданием, к которому вскоре присоединились и другие.

Наставления кнута слышал только его владелец. Никакого города, куда стремились ведьмы, не существовало. Ад, конечно, воплощал даже фрагменты мегаполисов, но только для конкретных целей. Как правило, наказания грешников, заключавшемся в его персональных особенностях. Сумеречная улица, то есть магистраль, предназначалась для распределения душ или тех, кто пребывал в подвешенном состоянии. Тут не горело адское пламя и не громыхали вулканические потрясения. Черное небо составляла тьма, на рубеже которой начиналась пограничная зона ада. Его звездные вкрапления были единым целым, но представали в абстрактной форме, как и магистраль. Она символизировала путь, ответвления от которого в нужный момент уводили строго к отведенному месту.

— Да. Я вас провожу, — вживаясь в свою роль, сказал мехтиаз.

— Спасибо, добрый человек! — обрадовались ведьмы. — Наконец-то мы доедем до города!

Долгие скитания накладывали свой специфический отпечаток. Оставаясь в здравом уме, сознание претерпевало определенные изменения, чья обратимость зависела от обстоятельств. Похо-

же, ведьмы до сих пор верили в то, что однажды доедут до своего города. Ад влиял на них таким образом, что даже несмотря на антураж они не до конца понимали, где находились. Элемент неопределенности был частью мягкой пытки, индивидуально сформированного наказания.

— Я служитель Люцифера, проводник его воли, — представился мехтиаз, улыбнувшись при эпитете, прозвучавшем в его адрес.

— Мы тоже! Мы тоже ему служим! — еще больше обрадовались ведьмы.

— Если бы, — зашагав рядом с их повозкой, усмехнулся мехтиаз. — Пока едем, мне многое предстоит вам разъяснить. Он совсем не тот, за кого его принято считать. Прежде вы занимались ерундой, не имевшей к нему никакого отношения. Все ваше колдовство если кому и служило, то одной лишь тьме. Но теперь он и впрямь призывает вас на службу. Настоятельно рекомендую это предложение принять.

Начавшись от арки, ведущей в убежище мехтиаза, новый путь быстро приводил трех ведьм в осознание реальности. Вскоре подоспел фиррит, смущенный донельзя и очень извинявшийся за свое исчезновение. Погнавшись за зловредным демоном, давно нарывавшимся на неприятности, он упустил подопечного из виду, а когда хватился, то с непривычки заплутал. Теперь он вернулся, чтобы ввести его в курс дела, но бывший служитель, а ныне мехтиаз уже и сам прекрасно осваивался в новой роли. Личный визит Утренней звезды очень тому способствовал. Взяв быка за рога, он с места в карьер принялся за дело, что могли подтвердить ехавшие ведьмы.

Мехтиаз хорошо знал, что говорил. Нужные слова и сведения ему подсказывал жезл. На серьезные должности Люцифер не ставил абы кого, даже при дефиците кадров. На них назначались только верные служители, зарекомендовавшие себя души или совсем уж безгрешные, насколько это понятие вообще было применимо в аду. Однако имелись должности и попроще, причем в великом множестве. Например, смотрители за узилищами и распорядители пыток. Доселе их занимали демоны, командовавшие исполнителями в виде бесов, но по известным причинам Люцифер утратил к ним всякое доверие. На роль смотрителей ведьмы очень даже подходили. Не слишком нагрешившие, они и впрямь будут искупать вину бесконечным и продуктивным трудом, который не позволит аду погрузиться в хаос. Ведь ради этого Утренняя звезда все новшества и затевал.

Осознав масштабы мятежа, Люцифер еще надеялся на пад-

ших ангелов, но все больше понимал, что теперь им тоже доверия не было. Что касалось иерархов ада, то с ними уже все стало яснее некуда. Их измена оказалась критической и фундаментальной. В отличие от бывших небожителей, их намерения диаметрально расходились с намерениями Люцифера. Падшие ангелы присоединились к мятежу по единственной причине, заключавшейся в людях. Архидемоны затеяли его в принципе.

Утренняя звезда стремился к новому миру, более справедливому для всех, включая его самого и человечество. Под своим, разумеется, началом, но обновленному и открытому, где небесный свет и огонь преисподней перестанут быть вопросами веры. Архидемоны хотели гибели мироздания как такового. Их не интересовали только люди, ставшие любимым воплощением Вселенной бога. Они мечтали вернуть все во тьму или ввергнуть в ад, где на остатках света пускай правит Люцифер. Его прежнее мировоззрение в эту роль очень даже вписывалось, когда он ненавидел человечество и придумывал, как его извести. Ад на земле опального архангела более чем устраивал. Остыв и поразмыслив, понаблюдав за миром смертных и деяниями бога, он довольно серьезно переосмыслил многие убеждения. Иерархи преисподней — нет, и с этого момента начался их постепенный и необратимый разрыв.

Быть главным в аду, управлять им силой архангела и ощущать все тамошние материи не означало оставаться вездесущим, единолично контролировать все и сразу. Любая власть основывалась на исполнителях, и даже бог не был исключением. Война против архидемонов, да еще без поддержки падших ангелов, привела бы к полному развалу ада, крушению всех узилищ и натуральной катастрофе. Преисподней требовался порядок, непрерывность управления и твердая рука, чего Люцифер немедленно лишался, увязнув в разрушительной войне, без всяких перспектив на ее скорое завершение. Размышляя о том, как выпутаться из ситуации, он решил сделать ставку на людей, поскольку на демонов и падших ангелов больше рассчитывать не приходилось. Раз уж он взялся за их будущее, подрядился вывести на качественно новый уровень, пускай они сами собой и управляют. Разумеется, под его наставничеством, и не только на земле, но и в аду.

Замысел и впрямь был глобальным, посягавшим на основы преисподней. В управляющей структуре, ее функционировании и чинах Люцифер вознамерился заменить всех демонов душами людей. Прежде он и мысли такой не допускал, заведомо понимая, что в аду это не примут. Занимаясь грешниками, демоны играли свою роль, которая полностью устраивала самого Люцифера. Теперь все кардинально изменилось. Порождения тьмы больше не

имели какого-либо значения. Подняв мятеж, они тем самым объявили себя врагами Утренней звезды, вычеркнули свой род из любых его планов на будущее. Он твердо решил, что объявит им войну, и что они расплатятся за измену, познают всю силу его гнева. Однако сначала требовалось подготовиться.

По-прежнему делая вид, будто ничего не происходит, Люцифер стал принимать превентивные меры. В частности, вводить в структуру ада своих людей, то есть доверенные, наделенные властью души. Не нарицательной властью, а именно его — могущественной и необоримой, воплощенной в свете Утренней звезды. Реакция демонов значения не имела. Их недовольство и возмущение было исключительно их же проблемой, ими созданной и ими же пожинаемой. Люцифер и прежде не особо слушал даже иерархов ада. Отныне он и вовсе не брал их в расчет, заведомо решив смахнуть со вселенской шахматной доски. Вот только на это требовалось время. Вопрос заключался в том, кто кого сумеет опередить. Ввиду происходящего, Люциферу ой как не помешало бы содействие Люмениферус. К сожалению, на ее помощь рассчитывать не приходилось. Причины на то были очень серьезные, порожденные его собственными ошибками и событиями по эскалации. Размолвка между братом и сестрой достигла угрожающего масштаба.

Отменив судилище, Люцифер так и не удостоил Люмениферус хоть какими-то пояснениями. Возмущенная дальше некуда, она покинула ад и занялась делами своего Красного Креста. Она невероятно злилась, но еще надеялась, что Люцифер сумеет оправдать свое вопиющее поведение. Время, однако, шло, а он не объявлялся. Не стерпев молчания брата, она снова наведалась в преисподнюю, но его и след простыл. Никто не знал, где находится владыка ада, ибо тот намеренно скрывался от всяких глаз. Прикидываясь смертным, он выслеживал падших ангелов и себя ничем не раскрывал.

Вызывая брата на встречу, Люмениферус не жалела сил. Подавая знаки, она устраивала одно атмосферное явление за другим. Она разошлась до того, что полярное сияние люди увидели даже в южных широтах, а зарницы и спрайты сверкали по всей планете. Помимо прочего, она использовала и комету, объявившуюся в солнечной системе. Та посылала недвусмысленные сигналы, испуская специфическое, хорошо различимое архангелами излучение. Безрезультатно. Люцифер как в воду канул, словно ему ни до чего не было дела. Положение, тем временем, становилось только хуже.

Война продолжала разгораться. Локальные конфликты множились, волнения охватывали одну страну за другой. Ломая все

устои, пренебрегая давними соглашениями и открыто нарушая международные нормы, государства приближались к прямому столкновению. Под прикрытием национальных интересов в ход пошел открытый грабеж, словно мир вернулся в средние века, когда даже власти не чурались отнимать чужую собственность, а в морях процветало узаконенное пиратство. Одна большая страна не чуралась блокировать суверенные средства другой, лишать ее доступа к своим банковским счетам и всячески обирать под любым надуманным предлогом. Та не оставалась в долгу и принимала ответные меры.

Свободная торговля и честная конкуренция стремительно терпели крах, став разменной монетой в экономической войне, быстро переставшей в войну настоящую. Заградительные тарифы, санкции и пошлины ограничивали влияние противника, но при этом разрушали международный рынок. Принудительные запреты вносили в финансовые институты и биржевые активы полную неопределенность, грозившую обрушением индексов и в конечном итоге катастрофой.

Отток капитала, перераспределение активов были похожи на корабли, искавшие себе убежище ввиду грядущего шторма. Удивляться этому не приходилось. По самому принципу капитализма был нанесен сокрушительный удар, когда власти посягнули на священное для него право частной собственности. Он перестал быть надежной опорой как таковой, уже не даруя людям уверенность в завтрашнем дне. Наступало осознание, что любое имущество может оказаться недоступно в любой момент, просто потому, что кому-то так захотелось. Вся экономическая деятельность планеты вступала в период хаоса, где прежние фундаментальные механизмы ничего не гарантировали. Дипломатия становилась бесполезной, ибо слова не стоили бумаги, на которой были написаны. Публично звучавшие, тезисы смахивали на безумие и не подвергались даже мало-мальски вменяемой логике. Выясняя отношения, крупные державы заходили все дальше, окончательно теряя всякую видимость закона в попытке подавить сопротивление противника. С небольшими же странами и вовсе никто не считался, перемалывая их экономики в угоду собственным, трещавшим по швам и лишь ненадолго оживавшим от силовых дотаций.

Народные протесты нарастали. Люди не хотели воевать за чужие интересы, но система, выстроенная веками, дала ожидаемый сбой. Как форма правления, в нынешнем человеческом социуме демократия была нежизнеспособна. Многообещающее начало приводило к закономерному результату. Она подразумевала свободу выборов, когда к власти мог прийти абсолютно любой. До

поры все так и происходило, однако рано или поздно ее заполучал автократ, преступник или просто мерзавец. А такой добровольно власть уже не отдавал. Он шел на любые ухищрения, чтобы держаться за нее бесконечно долго, и в конечном счете либо правил пожизненно, либо подыскивал себе подходящего преемника.

При видимости выборов, демократия превращалась в фарс, ибо странами правили либо автократы, либо ставленники таковых. Само по себе это было не критично и не означало некоего приговора. Человечеством издревле правили тираны, императоры и цари, и в определенные эпохи оно даже процветало. Проблема заключалась в том, что подобной системой было очень легко воспользоваться. "Карманных лидеров" заводили себе не только правители крупнейших держав. Демоны делали то же самое. Им не надо было совращать все человечество, тратя уйму сил, времени и энергии на рядовых невежд. Им было достаточно влиять на ключевые фигуры планетарного масштаба, а в идеале и полностью брать их под контроль. Не обязательно напрямую. Нашептывание и возвеличивание прекрасно сочеталось с надлежащими советниками, пребывавшими под прямым управлением преисподней. Результат не заставил себя ждать. Словно сойдя с ума, мир готовился схлестнуться в войне на уничтожение, а карманные лидеры продолжали прилагать к тому множество усилий, при этом всерьез воображая, что именно ее они и пытаются избежать.

Начиная сознавать, к чему все идет, Люмениферус не могла сидеть сложа руки. Доселе осторожная, она стала появляться на публике, стараясь утихомирить массовые протесты и успокоить разгоравшиеся страсти. Тут неожиданно и выяснилось, что ее дар имеет серьезное ограничение. Наказание забвением никуда не делось. Наложенное богом, оно действовало до сих пор и оставалось непреодолимо. Люмениферус открывала людям свет, за которым, в ее лице, они и шли, однако их число оказалось не бесконечно.

Обретая новых сторонников, Люмениферус начинала терять старых. Повторное явление возвращало их обратно, но тогда ее забывал кто-то другой. Такая чехарда серьезно расстраивала деятельность агентов и медиков Красного Креста, внезапно утрачивавших как понимание, так и лояльность внутри очень необычной, созданной архангелом структуры. В какой-то момент Люмениферус столкнулась с внутренними волнениями, захлестнувшими ее собственную организацию. Сообразив, что происходит, она была вынуждена прекратить свою миссионерскую деятельность, и в массе людям больше не показывалась. Это означало, что она перестала утихомиривать восстания и протесты, продолжавшие вспыхивать и развиваться губительной чередой. Усмирять военных на

поле боя теперь и тем более не приходилось.

Страсти продолжали накаляться. Мировая обстановка быстро ухудшалась, и Люмениферус ничего не могла с этим поделать. Расширяя Красный Крест, она достигла своего предела, а имевшихся возможностей даже близко не хватало. Размолвка с Люцифером еще больше осложняла ситуацию, ибо его служители ныне действовали отдельно. Люмениферус не желала продолжать сотрудничество, когда брат откровенно игнорировал все ее призывы и никаких объяснений тому не давал. Тем временем люди гибли, и целые народы накрывала волна бедствий и страданий. Расстроенная и разозленная, Люмениферус окончательно вышла из себя. Она прекрасно знала, кто раздувал конфликт. Непосредственных виновников ей показал падший ангел. Она придерживала самодеятельность до объяснений Люцифера, однако тех так и не последовало. Решив взять дело в свои руки, Люмениферус проявила долгожданную инициативу. Намереваясь отрубить голову змее, она составила свой личный список и явилась к первому из намеченных архидемонов.

Визит в центробанк предвещал серьезные потрясения. При всей своей импульсивности, Люмениферус не была наивной идиоткой. Она отдавала себе отчет, как будет выглядеть нападение архангела на архидемона. В своей победе она не сомневалась. Более того, она заранее знала, что его испепелит. Проблема заключалась в том, что увидят и подумают люди. Такое зрелище не скроешь. Уничтожение иерарха ада — это вам не экзорцизм мелкого беса. Хорошо если центробанк не разнесет на молекулы, и он не обрушится на головы сотрудникам. Это было бы действительно хорошо, ибо в наихудшем случае аннигиляция архидемона могла вызвать нечто похожее на ядерный взрыв.

При всех своих вселенских знаниях и могуществе, Люмениферус понятия не имела, что произойдет. Доселе ничего подобного никогда не случалось. Архидемонов, бывало, изгоняли, но как сущности их никто из реальности не стирал. В отличие от рядовых исчадий ада, они были средоточием огромной энергии, частичкой и самой сутью преисподней. Отправить их в небытие без всяких последствий было просто невозможно. Уничтожая их в аду, Люцифер ничем бы не рисковал. Во всяком случае, жизнями людей. Проделывая то же самое на земле, Люмениферус могла погубить очень многих. Она никогда не пошла бы на такой риск, отнюдь не случайно придерживая свой разящий свет, однако выбора особо не оставалось.

Разрушительная деятельность исчадий ада вела человечество к катастрофе. Желая ее предотвратить, Люмениферус не смогла

ни выманить, ни подкараулить архидемона в наиболее безлюдном месте. Как нарочно, он упорно не покидал центробанк, да еще и постоянно находился в присутствии людей, словно предвидел угрозу и использовал их на манер щита. Теряя время, Люмениферус ловила момент и выжидала, пока ее терпение не иссякло. Тогда она атаковала в лоб, приняв на себя все возможные последствия. Объявившись в зале для совещаний, она предстала перед иерархом преисподней.

Архидемон немедленно сообразил, зачем прибыла светоносная сестра Утренней звезды. В отличие от людей, остолбеневших от ее сияния, он даже не удивился. Он словно ждал этого момента и тут же воззвал к владыке ада. Люмениферус не церемонилась и в разговоры не вступала. Раскрывая крылья, она испустила ослепительный белоснежный свет, быстро достигший своего апогея. Рядового демона испепелило бы в момент. Архидемон был несравнимо могущественнее. Подернувшись черным дымом, полыхнув красно-оранжевым огнем, он покинул человека, тут же рухнувшего без сознания, и принял свой истинный облик. В ад он не сбегал, лишенный пространственного перехода волей архангела. Закрываясь рукой от разящего света, он сопротивлялся ему, как мог, утробно ревел и язвился всем телом. Его словно сдувало, смазывало из реальности, пока он оставался на месте и продолжал призывать Утреннюю звезду.

Люмениферус не сразу поняла, почему ее усилия не имеют эффекта. Она продолжала испускать белоснежное сияние, в котором уже не ревел и не таял архидемон. Между ним и ей возникла чья-то фигура. Распустив свои крылья, она тоже излучала яркий свет. Обычные законы физики тут не работали, поскольку речь шла не о простом свете, а божественном. Подобно воде, их потоки сталкивались и взаимодействовали, вызывая сильное возмущение в пространстве. Свет Люмениферус лился сплошным потоком, застилавшим абсолютно все. Встречный отражал его своеобразным щитом, направляя в стороны и вынуждая обтекать вокруг архидемона. Распаленная происходящим, выплескивая горечь и ярость, Люмениферус осознала препятствие лишь тогда, когда оно шагнуло ей навстречу.

— Ты! — не веря своим глазам, ошеломленно воскликнула Люмениферус.

— Остановись, сестра, — молвил Люцифер. — Своих подданных могу судить только я.

Это было уже слишком! Отказываясь признавать происходящее, Люмениферус упрямо не унималась. Она все давила и давила световым потоком, давно обратившим бы и сотню архидемонов в

нематериальный прах — толку не получалось никакого. Люцифер уверенно блокировал всю его мощь, ибо ничуть ей не уступал. Светоносные архангелы были равны, а единство их природы взаимно нивелировало все усилия.

— Люцифер! Брат, что ты творишь?! Ты сошел с ума?! — вскричала Люмениферус, не желая принимать столь дикую реальность.

— Успокойся. Я знаю, что делаю. Просто поверь в меня, — весьма неубедительно воззвал Люцифер.

— Поверить во что?! Что ты защищаешь этих тварей?! Чудовищ, которые вот-вот погубят человечество?! — громыхнула, вне себя, Люмениферус. — Так-то ты к нему переменился?! Ты вообще знаешь, что творят твои архидемоны?! Это же они за всем стоят!

О, да. Теперь Люцифер очень хорошо это знал. Именно поэтому он архидемона и защищал. Он просто не мог сказать сестре, что лишился абсолютной власти в аду. Не мог в прямом смысле слова, даже если бы очень захотел. А он хотел. Ради общего блага, эта невообразимая истина оставалась тайной для всех непосвященных. Люцифер был вынужден сохранять хрупкое равновесие. Весь нынешний порядок держался только до тех пор, пока он сам не вступил с иерархами в войну. Войну, которую прямо сейчас едва не начала Люмениферус.

О лояльности архидемонов не шло и речи. Люцифер и сам бы стер мятежника в порошок, но ему была нужна хотя бы видимость повиновения. Пока иерархи открыто не взбунтовались, в аду царил привычный порядок. Люцифер не собирался терпеть это бесконечно. Придумав, как поступить, он замещал демонов душами людей и сам планировал удар, но сейчас для него было не время и не место. Вот только объяснить это сестре ну никак не получалось. Ее осведомленность могла погубить всю затею на корню. Фальшь иерархи ада распознали бы моментально. Защищая архидемонов, Люцифер выигрывал время, мучительно сознавая, что тем самым причиняет сестре ужасную боль. Ему только и оставалось, что просить ее поверить, от чего она категорически отказывалась. Люцифер и сам бы отказался. В такой ситуации его поведение выглядело чудовищным.

Поддавшись порыву, Люмениферус выхватила меч. Никогда, решительно никогда она так не поступала, а теперь, объятая шквалом эмоций, была готова пройти через брата. Пройти, чтобы добраться до архидемона и положить конец тому злу, что исходило от этой твари. И все же не прошла. На кону стояло слишком многое — едва ли не все, о чем заботилась и о чем мечтала Люмениферус. Она была на волоске, чтобы бороться за это до конца, даже если бы ее противником оказался сам Люцифер. Но она сдержа-

лась. Скрепя несуществующее сердце, испытывая сильнейшую психологическую боль, она уняла сияние и опустила клинок, уже направленный на брата.

Поникшая и угасшая, Люмениферус молча стояла напротив Люцифера. Родственные чувства взяли верх, несмотря на все безумие Утренней звезды. В одном мгновении от непоправимого, с великим трудом она остановила свою руку, державшую сверкавший меч. Она не смогла атаковать любимого брата, такого же светоносного, как сама. Их связывало слишком многое, чтобы она вот так разрушила это одним ударом. Но Люцифер, увы, разрушил. Защищая архидемона, он ничем не оправдывал своего ужасного поступка, словно и впрямь оказался на его стороне. На стороне всех тех, кто приносил во Вселенную одно лишь зло.

— Я не узнаю тебя, брат, — с безмерной горечью произнесла Люмениферус.

— Мы со всем разберемся, обещаю. Просто поверь, — звуча как никогда искренне, попросил Люцифер.

— Боюсь, твой кредит доверия исчерпан, — тихо отозвалась Люмениферус.

Сложив белоснежные крылья, она какое-то время смотрела брату прямо в глаза. Затем безмолвно ушла через пространство.

Оправившись от нападения, архидемон вернул себе обыденный вид. Его дымившиеся язвы затянулись. На теле больше не виднелись следы ожогов, а его сущность не искажалась от воздействия света. О возвращении в человека не шло и речи. Упав без сознания, тот по-прежнему лежал на полу. Покинув носителя, архидемон уже не мог просто так вернуть былую одержимость. Для этого требовалось новое согласие, которого в данный момент никто не давал. Архидемон его и не просил. Восстановившись после атаки Люмениферус, он ожидал, что скажет властелин преисподней.

— Ступай в ад, — велел Люцифер. — Здесь тебе оставаться нельзя.

— Я признателен за защиту, — глухо поблагодарил архидемон.

— Не стоит выносить сор из избы. К твоим деяниям на земле мы еще вернемся, но если кто и будет тебя судить, то только я, — стараясь выражаться нейтрально, произнес Люцифер.

— Понимаю, — кивнул архидемон.

Вспыхнуло пламя, образуя под исчадием ада идеально ровный круг. Пробежав по его телу, оно лизало языками окружающее пространство. Поднявшись вокруг архидемона, тьма опоясала его спиралевидным облаком, кружившим все сильнее по мере нарастания величины и плотности. В воздухе потянуло серой, а температура поднялась на пару градусов. Дальнейшие разговоры не

имели смысла. Получив приказ, архидемон и не думал его оспаривать. Он отлично сыграл свою роль, и его дальнейшее присутствие среди людей становилось не обязательным. Покинув центробанк, где начинался тот еще переполох, архидемон исчез из мира смертных и ушел прямиком в ад.

Оставшись один, Люцифер на месте не стоял. Атака Люмениферус, столкновение света архангелов, горение сущности архидемона и все сопровождавшие это эффекты сотрясали здание так, будто началось землетрясение. Электрика полностью отключилась, вместе со всевозможными системами. Звенели стекла, билась посуда, раскачивались люстры и падала мебель. Крича и разбегаясь, люди ударялись в панику. Те люди, что даже не видели происходящего, а ведь были и такие, что оставались в зале для заседаний. Они видели все, что оказалось доступно человеческому восприятию, и теперь пребывали на грани истерики и помешательства. Одновременно лицезреть двух архангелов, архидемона и их внезапное столкновение не доводилось даже пророкам. Кто-то грохнулся в обморок. Одни застыли, будто соляные столбы, другие беспорядочно метались или пытались убежать, куда глаза глядят. Стоической выдержкой отличились немногие, пытаясь заснять происходящее на смартфоны. Разумеется, безуспешно, ибо пространственное возмущение вывело из строя всю электронику. Все здание погрузилось в хаос, и его следовало немедленно прекратить.

Властелин психологии, могущественный архангел, Люцифер умело взялся за дело. Он действовал настолько быстро и умело, что вскоре центробанк вернулся к обычной жизни. Люди позабыли о внезапном потрясении, а кто и помнил, то не придавал ему особого значения. Успокоившись, они занялись повседневными делами и об ослепительном свете даже не вспоминали. Они так и не поняли, к кому и зачем приходила архангел Люмениферус. Это понимал только Люцифер, прекрасно сознавая, насколько отвратительно выглядел в глазах сестры. Увы, в данный момент он поделать ничего не мог. Он должен был хранить существующий порядок до того, как сам сумеет вновь обрести его в аду.

— Прости, сестра. Надеюсь, скоро ты меня поймешь, — прошептал Люцифер, отправляясь рекрутировать очередного мехтиаза.

Увы, сейчас Люмениферус была далека от понимания. Глубоко потрясенная поведением Люцифера, она улетела далеко за пределы планеты. Страдавшая и обескураженная, она металась среди звезд, пересекала туманности и словно искала в своем стремительном полете успокоения.

Как и прежде, защищенная область надежно скрывала присутствующих от посторонних глаз. Любых глаз, включая небожителей и обитателей преисподней. Как нейтральная территория, земля предоставляла особые условия, недоступные где-нибудь еще, однако конспирацию требовалось соблюдать неукоснительно. Собираясь не впервые, все присутствующие неизменно следовали правилам до ничтожных мелочей. Именно поэтому они долгие годы успешно избегали разоблачения. Теперь оно близилось. Фактически, оно уже происходило, но теперь это не имело особого значения. Цель была близка, а хитроумность замысла до сих пор удерживала ключевые фигуры от его нарушения.

Архидемоны ненавидели человечество. Им было очень тяжело находиться в обществе этих жалких смертных, но дело того стоило. Этот бункер, хорошо замаскированный от кого угодно, создавался людьми, но отлично служил замыслам преисподней.

— Все идет даже лучше, чем мы ожидали, — произнес очень властный голос, принадлежавший одному из самых старших иерархов ада. — Я полагаю, мы собираемся здесь в последний раз.

— Жаль, что они так и не схватились. Она даже вынула меч, но так и не пустила его в ход, — посетовал другой архидемон.

— Достаточно и того, что они стали врозь. Теперь им нас не остановить. Мы же в шаге от завершения, — заметил еще один иерарх.

— Люцифер потратил уйму времени, играя в детектива. И продолжает тратить, вычисляя падших ангелов, которых мы ему подсовываем, — поддакнул его сосед.

Последнее уточнение имело особый смысл. В бункере находились не только исчадия ада. Среди них, в не меньшем количестве, восседали и бывшие небожители.

— Утреннюю звезду подвела уверенность в собственном превосходстве. Он думает, что умнее других, — пояснил один из падших ангелов. — Это действительно так, однако самомнение ослепило его разум.

— Его идея с душами не так уж плоха, — озабоченно сказал другой. — Она может сработать.

— Мы примем меры, как приняли их против Люмениферус. Она и впрямь поверила в искренность гонца, открывшего ей заговор, — напомнил старший из падших ангелов. — Я опасался, что нам не удастся их поссорить, но в итоге все сложилось намного лучше, чем планировалось.

— Согласен, — кивнул один из старших архидемонов. — Теперь души зависят не только от него. У Люцифера ничего не выйдет.

— Есть еще Михаил, — вкрадчиво напомнил один из присутст-

вующих. — Он уже не верит брату, но все еще прислушивается к сестре.
— Значит, надо сделать так, чтобы больше он ее не слушал, — твердо заключил главный иерарх.

– 5 –

На отсутствие работы жаловаться не приходилось. Ангелы-хранители сбивались с ног. Оберегая подопечных, они отводили от них любую угрозу, которых с каждым днем только прибавлялось. Боевые действия не прекращались, а если и затихали, то исключительно для того, чтобы вскоре вспыхнуть с новой силой. Традиционная война, где противники сходились лицом к лицу, сменилась целым комплексом различных столкновений, начиная от диверсий и заканчивая массированными дальнобойными обстрелами. Если прежде ангелам было достаточно отвести стрелу или копье, то ныне смерть приходила в любой момент и словно ниоткуда. Чутье небожителей, их ощущение происходящего ни разу не давало сбой, однако им приходилось держать ухо востро.

Пули были меньшим из зол. Несмотря на то, что стрельба, порой, велась очень интенсивно, хранители без труда отклоняли их траектории. Это оставалось совершенно незамеченным. То же касалось и осколков, сколько бы на позиции ни падали мины или гранаты. С артиллерией было куда тяжелее. Ее поражающая мощь вынуждала проявлять фантазию, в крайнем случае прибегая к осечке или досрочной детонации снаряда. Отдельную головную боль представляли боевые машины, во всем своем разнообразии, но ракеты доставляли больше всего хлопот. Иные прилетали очень быстро. Ангелы, разумеется, были быстрее, однако задачу им существенно осложняла площадь поражения, умноженная на разрушительную силу боеприпаса.

Ракетные удары разносили даже самые прочные укрепления, где гибло или увечилось все живое. При детонации особо разрушительных боеголовок и вовсе никто не выживал. Ангелам приходилось очень хорошо стараться, чтобы их подопечные оставались невредимыми. Например, подстраивать все так, чтобы они заранее отошли в безопасное место, или же самостоятельно оглушать их, а затем выносить из зоны поражения и подбрасывать поблизости, имитируя счастливую случайность. Свидетелей тому не оставалось. Не хуже РЭБ, ангелы глушили любые дроны, либо заставляли их видеть ровно то, что они хотели. Сами дроны при этом были наиболее легкой для них целью. Прервав сигнал, они перехватывали управление, либо выводили беспилотный аппарат из строя. Та-

ких на поле боя валялась масса, и никто даже не догадывался, что некоторые отказали из-за вмешательства небожителей.

С авиацией выходило сложнее, но самые нетривиальные ситуации возникали при ударе баллистических ракет. В таких случаях хранителям и впрямь приходилось тяжело, ибо как спасти человека там, где даже железобетонные перекрытия обращались в труху. И все же они выпутывались. Закрывая человека крыльями, они образовывали непроницаемый щит, через который не могла пробиться ни одна ударная волна. Это создавало другую проблему — что делать с памятью спасенного, однако ее затуманивание вполне себе списывалось на оглушение, вызванное легкой контузией. К счастью, таких случаев было мало, но к счастью отнюдь не для людей. Мало было самих ангелов-хранителей — не числом, а назначением.

Посланного небесами, своего персонального защитника любой человек при рождении не получал. Этот миф происходил из фантазии все тех же религиозных деятелей, которые либо сами не понимали, во что верили, либо нарочно придумывали сказки, преследуя те или иные цели. Будь это так, человечеству бы в принципе ничего не угрожало, однако младенцы гибли прямо в колыбели, задохнувшись отрыгнутым молоком, а женщины испускали дух во время родов, причем зачастую вместе с плодом. Про массовые смерти от эпидемий, стихийные бедствия, преступления или боевые действия вообще говорить не приходилось. Люди постоянно умирали, как по естественным причинам, так и нелепым случайностям. Такова была жизнь, во всей своей обыденной несправедливости и жестокости. Наличием у каждого ангела-хранителя она уж точно не объяснялась.

Работу ангелов, приставленных для защиты людей, контролировал лично Михаил. Он точно знал, сколько их всего, ибо сам направлял к тому или иному человеку, как при рождении, так и на любом этапе жизненного пути. Иных он оберегал по собственному усмотрению, находя достойным такого покровительства, однако обычно руководствовался божьей волей. Она же и вызывала у него вопросы, с тех пор как зерна сомнения посеял Люцифер, а потом эти всходы щедро поливала Люмениферус. Он неоднократно примечал, что одних, очень даже хороших людей никто не защищал, а другие, ничем особенно не выделяясь, обретали небесный щит. Свою задачу, однако, Михаил выполнял безукоризненно, хотя в уме пытался найти разгадку или хоть какое-то объяснение происходящему.

Божественное благоволение проявлялось неоднозначно, зачастую без всякой видимой причины. Даже Михаил, с его огром-

ным опытом на земле и небесах, далеко не всегда понимал, кому и за что оно давалось. Искусный врач, не прочитавший ни единой молитвы, мог спасти очень много жизней, однако погибал прямо на рабочем месте. Бесполезный верующий, чья заслуга только в том и заключалась, что он постоянно бормотал псалмы, не получал и царапины, хотя героизма не проявлял и никого из-под обстрела не вытаскивал. Военачальник небес старался не обращать на это внимания и тем более не рассуждать. Ему надлежало командовать, исполняя поступавшие приказы. Он и исполнял, и особенно тогда, когда его призывали ангелы-хранители. Они не всегда могли управиться сами. В особо сложных случаях им требовалась помощь, на которую был способен только архангел.

Наличие ангела-хранителя не означало абсолютную неуязвимость. Точнее, означало гипотетически, но все упиралось в полномочия небожителя, а они существенно разнились. Защищая от ранений, он не вмешивался в случае болезней. Отводя падающий провод, способный убить высоким напряжением, он не закрывал крылом от ковровых бомбардировок. Выходя невредимым из ужасной автомобильной аварии, человек погибал от снайперской пули. Иные счастливчики выживали даже при падении с огромной высоты, держась за кресло развалившегося самолета, но война могла забрать их в первой же своей кровавой жатве.

Полным иммунитетом обладали немногие. Остальные либо сыграли свою роль и утрачивали свою пользу для божественного замысла, либо в принципе оставались подвержены влиянию сторонних сил. Ту же свободу воли никто не отменял. Если люди вступили в разрушительную войну, они и губили друг друга за достаточно редкими исключениями. Последние гарантировал Михаил. Только он, как военачальник небес, был способен отвести любую угрозу. За ним же оставалось последнее слово. Прибывая на зов хранителей, он решал, использовать свое могущество или предоставить всему идти своим чередом. Полномочия архистратига и могущество архангела наделяли его достаточной властью, чтобы управляться даже тогда, когда война все сильнее сотрясала целую планету.

Даже в мирное время авиакатастрофы не были редкостью. По разным причинам, лайнеры разбивались, как при столкновении в небе, так и на взлетной полосе. Иногда, из-за преступной халатности или роковой случайности, их сбивала боевая ракета, выпущенная совсем не по запланированной цели. Когда все больше стран охватывала война, очаги напряженности множились как поганки осенью, а горячие точки вспыхивали по всему миру, инциденты с гражданскими судами превращались в печальную обы-

денность. Воздушные коридоры закрывались с опозданием, зачастую уже после свершившейся трагедии. Иные регионы и вовсе представляли перманентную опасность, из-за своего расположение и особенностей авиаперелетов. Получив ментальный вызов, на один из таких инцидентов и прибыл Михаил.

Как правило, ангелы-хранители подстраивали все так, чтобы их подопечный не сел на гибельный рейс. Они умели предвидеть будущее, хотя и не так досконально, архангелы. Их дар ограничивался жизненным путем защищаемого человека. В предзнаменовании катастрофы, они удерживали его как угодно, но только чтобы он не попал на борт. Обычно это срабатывало, однако не тогда, когда в ситуацию вмешивались третьи силы. Науськанные демонами, люди творили все большее зло. Разжигание войны требовало подпитки, ибо многие страны по-прежнему удерживались от затягивания в конфликт. Провокации становились типичным средством, хорошо зарекомендовавшим себя на протяжении веков.

Владея несметным количеством информации, исчадия ада прекрасно знали, в какой момент и как им следует бросить камень, чтобы вызвать лавину. Порой, даже обстрел пограничных пунктов не приводил к нужному обострению, но взрыв особенной семьи или гибель гражданского самолета вызывали желанную цепную реакцию. Увы, ангелы-хранители не всегда предвидели демоническое вмешательство, из-за природы его происхождения. В противодействии свету, сущность исчадий ада обладала злым могуществом. В прямом столкновении она проигрывала, однако среди людей успешно осуществляла свою вредоносную деятельность.

Получив приказ, пилот истребителя исполнил его в точности, не особо задумываясь, от кого он исходил. Любая армия отличилась беспрекословным повиновением, не оставляя места для собственных суждений и морали. Таков был сам принцип ее организации. Ради силы, дарованной дисциплиной, в жертву приносились многие человеческие качества. Нажимая на спуск, пилот действовал подобно роботу. Наведенные на цель, ракеты хищно устремились к пассажирскому лайнеру.

Поняв, к чему все идет, ангел-хранитель подал сигнал тревоги. Он оберегал женщину с ребенком, еще только растущим в ее утробе, и оказался в крайне непростой ситуации. Он был в состоянии полностью нивелировать любой урон, но тогда автоматически утрачивал летучесть. Если самолет развалится прямо в воздухе, в грохоте взрыва ракет и свисте искореженного металла, разреженный воздух и низкая температура убьют любого человека сами по себе. Ангел мог создать непроницаемый барьер, однако проблема заключалась в том, что закрыть кого-то крыльями и одновременно

лететь не получалось, как не получилась переместить живое тело через пространство. Это не позволяли законы мира смертных, а открывать сквозной тоннель умели исключительно архангелы.

Имелся альтернативный вариант. Подхватив женщину на руки, ангел мог унести ее из самолета, не дожидаясь детонации ракеты, но только ценой разрушения корпуса. Выводить ее как-то иначе времени просто не было. Одно мгновение — и они улетят далеко прочь, но тем самым лишат остальных пассажиров даже призрачного шанса на спасение. Что бы ни произошло в дальнейшем, лайнер точно уничтожит ангел, пробив дорогу через фюзеляж и нанеся ему катастрофические повреждения. Более того, уничтожит ДО попадания ракеты, что тем самым делало его виновным в гибели людей. Очередность событий в данном случае была важна, а предвидеть, что произойдет, у него никак не получалось. Демоническое вмешательство ощущалось ангелом безошибочно. Оно же ставило вопрос, спасать ли ему лайнер целиком. Это затрагивало множество судеб, в то время как хранителю поручался вполне конкретный человек. Не рискуя принимать решение самостоятельно, он воззвал к архистратигу, который не проигнорировал ситуацию и не заставил себя ждать.

Михаил прибыл за несколько секунд до взрыва. Взмахивая крыльями, он несся выше пассажирского самолета, воочию наблюдая сближение в воздухе. Ракеты были на подлете, когда он взвешенно оценил ситуацию. Озадаченность хранителя вопросов не вызывала. Его полномочия не простирались за пределы цели. При обрушении небоскреба ему надлежало спасать именно ее, но не ценой сохранения здания вместе со всеми другими людьми. Ускорять разрушение ему тоже не стоило, даже будучи уверенным, что остальные все равно погибнут. В случае с авиалайнером ситуация выглядела неоднозначной.

Чувствам архангела не мешали физические препятствия. Находясь вне самолета, проносясь в воздушных потоках, он видел и слышал все происходящее на борту. Там находились не обычные пассажиры. Это был гуманитарный рейс, перевозивший беженцев из горячей точки. За редким исключением, почти все места занимали женщины и дети. Детей было особенно много. Постарше и помладше, подростки и совсем крошки, они довольно обыденно переносили перелет. Смех дурачившихся ребятишек смешивался с плачем малышей. Иные возились с соседями, перевешиваясь через кресла. Кто-то тихо посапывал, убаюканный заботливыми женскими руками. Воздушный детский сад привычно шумел, как шумят любые дети на игровой площадке, и даже не подозревал, что через несколько секунд его не станет.

Брови Михаила сдвинулись. Он мог помочь одному хранителю, оставив пассажирский лайнер погибать, а мог спасти решительно всех, однако такое вмешательство было слишком значительным. Огромное могущество не означало вседозволенность, в рамках массового вершения человеческих судеб. Война уносила много жизней, а небеса этому не препятствовали. Они и сейчас молчали, не выдавая инструкций и не подсказывая ровным счетом ничего. Решать приходилось Михаилу, и он решил. Решил в последнее мгновение, среагировав на детский плач и детский смех. Уж слишком много безвинных юных душ должно было умереть, и он не смог остаться в стороне.

— Не в этот раз, — твердо молвил он, принимая ответственность на себя.

Одно мановение руки — и ракеты прошли мимо, отклоненные от траектории. Выведенные из строя, их боеголовки не сдетонировали, превратившись в летевший по инерции металлолом.

Казалось, угроза миновала, однако Михаил не торопился покидать это воздушное пространство. У него хватало забот, но за отсутствием срочного вызова он немного повременил. Предчувствие его не обмануло. Доложив, что ракеты не поразили лайнер, пилот получил все тот же приказ. Держась позади цели, он опять выпустил по ней ракеты.

Новая атака преуспела не больше предыдущей. Военачальник небес не тянул резину. Он тут же вывел ракеты из строя, не дожидаясь, пока они подлетят к пассажирскому самолету. Пилот истребителя, должно быть, ничего не понимал, как не понимал и капитан авиалайнера. Он видел боевую машину и подозревал неладное. Связавшись с диспетчером, он сообщал о ситуации, одновременно вызывая военный борт. Тот не отвечал. Там царило недоумение, вызванное происходящим. Неисправность одной ракеты еще хоть как-то объяснялась, но уж точно не четырех. Не придумав ничего умнее, пилот и в третий раз попытался выполнить приказ. Начиная подозревать его в саботаже, начальство требовало довести миссию до конца.

Терпение Михаила лопнуло. На его величественном лице появилось жесткое выражение. Он мог поступить иначе, но столь целенаправленное желание убить детей вызывало у него глубочайшее неприятие. Выпущенные ракеты так и остались на своих местах. Об этом пилоту сообщили бортовые системы истребителя, фиксируя критическую неисправность. Они же известили, что боеголовки сейчас детонируют. Несмотря на гнев, Михаил дал этому человеку шанс, не желая мараться о военного преступника. Сообразив, к чему все идет, пилот не стал искушать судьбу и катапульти-

ровался. Покинутый истребитель пролетел совсем немного, прежде чем взорвался позади невредимого лайнера.

Даже вынужденно вмешиваясь, Михаил старался не прерывать чью-либо жизнь. Это было довольно трудно, однако возможности архангела обычно позволяли находить выход из положения. В этом отношении Люциферу приходилось несравнимо проще. Он карал без всяких моральных границ и сожалений. Если бы речь заходила только о злодеях, Михаил закрывал бы на все глаза. Увы, коварный брат остался верен своей натуре. Изменившись только на словах, он творил, что хотел, и сумел поставить человечество на грань глобального взаимоуничтожения. Военачальник небес очень не хотел в это верить, но доклады дозорных ангелов наглядно это подтверждали.

Мастерски подготовленный, конфликт продолжал уверенно разрастаться, и прогнозы ничего хорошего не предвещали. Заглядывая в будущее, Михаил в лучшем случае видел в нем мрачную неопределенность. В игру вступили очень серьезные силы, не иначе подготовленные Люцифером в аду. Опасаясь за людей, Михаил регулярно запрашивал указания у отца, но в ответ получал только молчание. В чем бы ни заключался его замысел, он, как обычно, ничего не объяснял. Это вызывало беспокойство, растущее по мере того, как проливалось все больше невинной крови. Архистратиг полагал, что ему надлежит вмешаться, однако без приказа свыше ничего не предпринимал. Он ограничивался наблюдением, исключая случаи, когда его чувство справедливости не выдерживало, и он лично выступал в роли ангела-хранителя. Таковые же приключались все чаще, словно испытывая его на прочность.

Спасенный Михаилом, авиалайнер был далеко не первым в череде различных инцидентов. Наказав ангелу-хранителю сопроводить этот борт до самой посадки, архистратиг отбыл в другую часть планеты, где события тоже развивались не лучшим образом. Судя по всему, провокации начали носить системный характер, затрагивая почти любые сферы человеческой деятельности.

Происшествия с воздушными гражданскими судами пока еще происходили редко, чего никак не получалось сказать о морских. Атаки на них постоянно учащались. Их задерживали под любым предлогом, досматривали и принудительно отправляли в недружественный порт. Фактически, это означало конфискацию корабля и груза в пользу агрессора, отныне понимавшего только право силы. Без надлежащего сопровождения танкеры и сухогрузы становились легкой добычей геополитического неприятеля, а боевых судов на всех не хватало.

Коммерческий флот многократно превосходил военный. Как

максимум, вооруженный конвой сопровождал большие караваны, собиравшиеся ради этой цели, однако одиночки оставались без защиты. Изрядно рискуя, они надеялись остаться незамеченными, однако от внимания демонов ничто не ускользало. Игнорируя одни, казалось бы, приоритетные цели, они зачастую занимались не особо примечательными. Люди не видели и не понимали их замысла, не находя в нем хоть какой-то объективной пользы. Для них ее просто не было, но демоны очень хорошо знали, что делали. Материальная выгода их не интересовала. Они преследовали стратегический расчет, а смысл провокации в том и заключался, чтобы вынудить кого-то принять ответные меры.

Малые корабли были совершенно бессильны против более грозного противника. Оберегая сухогруз от захвата, они могли уничтожить десант, не подпустить береговую охрану, вышедшую за пределы своих территориальных вод, но никак не отразить серьезную атаку. Хорошо спланированное нападение быстро вывело их из строя. Дальнобойные и проворные, крылатые ракеты обезвредили конвой. Один из катеров быстро пошел на дно. Другой утратил ход и остался чадить полыхнувшим пожаром. События, тем временем, продолжали развиваться. К сухогрузу уже направлялись десантные вертолеты, заблаговременно вылетевшие с ближайшего места дисклокации. Лишенный эскорта, гражданский экипаж ничего не мог противопоставить вооруженным военным. Высадившись на борт, под страхом применения силы они велели сменить курс и следовать в новый пункт назначения. Команде сухогруза ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Десантники, тем временем, приступили к досмотру захваченного корабля.

Нестыковки выявились сразу. Груз не соответствовал заявленному. Согласно донесению разведки, в контейнерах перевозились товары двойного назначения, среди которых скрывались разобранные системы ПВО. Скрытно установленные в зоне интересов, они могли доставить изрядную головную боль, вплоть до потери высокотехнологичной и дорогостоящей авиации. Не желая допускать ничего подобного, власти конкурирующей страны приняли решение о перехвате, благо что нездоровая мировая обстановка это позволяла. Проблема заключалась в том, что никакого военного груза на борту не оказалось. Не оказалось даже товаров двойного назначения.

Боевые катера сопровождали обычный груз, защищая его от современных сверхдержавных пиратов. Дорогостоящий груз, которым никто не хотел рисковать. Вырастая в цене, он становился лакомым куском для любого, кто давно уже пренебрегал свободой международного судоходства. Теперь конвой был уничтожен, а

причин для такой агрессии внезапно не отыскалось. Хуже того, на борту сухогруза обнаружились пассажиры. Не иначе заинтересованный материально, экипаж приютил переселенцев, устроивших в трюме импровизированный бивуак.

Многие люди вынужденно покидали родные края. Не имевшие денег пускались по морю на утлых лодках, регулярно тонувших даже не в шторма. Более состоятельные могли позволить себе полулегальное путешествие, особенно если скидывались на него сообща. Сухогруз перевозил именно таких. Он должен был высадить их в порту, где за определенную плату на подобные вещи смотрели сквозь пальцы. Захват корабля вносил в этот замысел непредвиденные коррективы.

Озадаченные несоответствием, незваные гости доложили командованию о происходящем. Ответ последовал так быстро, словно его заранее предполагали. Десантникам предписывалось покинуть судно, предварительно выведя из строя его средства связи. Последнее обстоятельство выглядело подозрительно, однако о дальнейшей судьбе сухогруза командование ничего не сообщало. Причины на то у него имелись, однако десантникам их было знать совершенно не обязательно.

Особо циничным выглядел тот факт, что экипажам подбитых катеров позволили подняться на борт сухогруза. Конвой затонул, а люди вроде как уцелели. Отбывая восвояси, десантники ничего не минировали и даже ни в кого не стреляли. Они просто улетели, следуя приказу, однако для сухогруза ничего не закончилось. Худшее было впереди. Неподалеку, в зоне боевой досягаемости, скрытно дежурила подводная лодка. Там она оказалась тоже не случайно, заранее направленная чей-то очень злой и расчетливой волей. Получив приказ, ее капитан не мешкал. В отличие от десантников, он не знал, что гражданское судно не представляло какой-либо угрозы. Впрочем, это все равно ничего не меняло, а лишь запутывало концы, целенаправленно вызывая неразбериху.

Любая провокация носила запутанный характер, чтобы добиться желаемого и при этом замарать военных дальше некуда, сжигая за ними все условные мосты. Также это осложняло расследование всем заинтересованным, начиная от владыки ада и заканчивая дозорными военачальника небес. Пока они распутывали клубок, на него уже наслаивались другие преступные деяния. Собака лаяла, караван все шел, и цель его путешествия с каждым днем становилась все ближе. Подойдя для атаки, подводная лодка поднялась на расчетную глубину и выпустила две торпеды.

На сей раз ангел-хранитель архистратига не звал. Он просто докладывал ему обо всем происходящем. Оберегая одного из чле-

нов экипажа, он был уверен, что справится самостоятельно, без чьей-либо сторонней помощи. Даже в открытом море вариантов насчитывалась масса, включая все тот же полет с человеком на руках. Появление военачальника небес вызвало у ангела недоумение.

— Сколько на борту людей? — раздался уточняющий вопрос.

Хранитель назвал число, отдельно считая членов экипажа и переселенцев, плывущих на сухогрузе целыми семьями. Это число архангелу очень не понравилось.

Пока торпеды приближались, Михаил переместился в трюм. Оставаясь незримым, он всмотрелся в тамошних людей, силясь проникнуть в их потенциальное будущее. Выглядело оно мрачно. Вероятность глобального конфликта бросала на него густую тень, где было трудно что-либо разобрать, кроме проскальзывавших боли, страданий и огня. Тем не менее, Михаил ясно отметил одно. Укрывшихся в трюме, сегодня переселенцев гибель не ждала. Прежде не ждала. Она пришла к ним досрочно, в виде инцидента с захватом и подводной лодкой. Тут вмешалась чья-то злая воля, и Михаил считал, что ему было известно, чья. Небеса по-прежнему не отвечали, однако он решил, что ответное вмешательство будет очень даже правильным. Он не нарушал естественный порядок вещей — он его восстанавливал. Бог молчал, и Михаил снова взял ответственность на себя. Торпеды не достигли цели. Повинуясь архангелу, корабль совершил маневр, и они благополучно прошли мимо.

К сожалению, было ожидаемо, что подводная лодка проявит такое же упорство, как и недавний истребитель. Не достигнув желаемого, она повторила атаку, однако все с тем же неудовлетворительным результатом. Удивленный маневрами сухогруза, словно знавшего траекторию торпед, капитан изрядно удивился. Ему и в голову не пришло, что судно оберегает архангел, поэтому он не отступился и решил ударить наверняка. Его приказ был исполнен в точности. Теперь сухогруз ну никак не мог увернуться, однако он этого и не сделал. Удерживаясь от более радикальных действий, Михаил попросту отклонил торпеды. Словно потяжелев, они опустили нос и ушли на глубину.

Открыто вмешиваясь в физику вещей, архангел ничем не рисковал. Он заведомо знал — люди все равно не поймут, что произошло под водой. Они и не поняли. Разозленный и обескураженный происходящим, капитан не стал растрачивать на цель весь торпедный боезапас. Вообразив, что столкнулся с какой-то необъяснимой неполадкой, он решил пустить крылатые ракеты. Тут терпение Михаила снова иссякло. Он мог утопить подводную лодку

движением мысли, а то и рассечь ее огненным мечом. Он был в состоянии стереть ее в порошок или даже схлопнуть вокруг нее реальность, сжимая до миниатюрной черной дыры. Могущество военачальника небес позволяло и не такое, однако он, как обычно, удержался от прямого насилия.

Косвенных методов хватало. Окружив себя уймой сложной техники, люди воображали, что контролируют окружающий мир, но в действительности сделали себя уязвимее. Она позволяла вмешиваться в их жизнь совершенно незаметно, чем регулярно пользовались ангелы или демоны. Михаилу было легче легкого устроить на подводной лодке серьезную аварию. Настолько серьезную, что ее капитан и думать забыл атаковать. Экстренное всплытие превратило ее в дрейфующий кусок металла, лишенный всякого управления. Михаил, тем временем, восстановил на сухогрузе связь. Сразу на многих языках, из его радиорубки понеслись призывы о помощи. Это исключало дальнейшие агрессивные действия нападавшей стороны. История вышла наружу, став достоянием общественности. Поручив хранителю присматривать за сухогрузом, Михаил тут же отбыл, выбрав наиболее приоритетную ситуацию.

Защищая невинных, архистратиг не ограничивался полем боя. Гражданских лиц это тоже касалось, причем в далеких от фронта городах. Диверсии никто не отменял. Расшатывая международную обстановку, вредя интересам соперников, сильные мира сего опускались до актов экономического терроризма. Объектов для него более чем хватало. Трогать атомные станции они не решались, опасаясь радиационного заражения огромной территории — ладно бы чужой, однако вполне способной аукнуться по всей планете, — но менее опасные цели начали попадать под удар. Тысячи миль нефтепроводов, газопроводов и даже линий электропередач становились легкой мишенью, защитить которую не было никакой возможности. Уединенная местность либо морское дно заведомо исключали надежную охрану, на которую не хватило бы никаких вменяемых сил. Шахты, промышленные комплексы и нефтеперерабатывающие заводы также имели свои уязвимые места. Там, куда не докатилась война, открытые бомбардировки исключались. Вместо них действовали хорошо обученные диверсанты, либо же подкупленный, старательно проинструктированный персонал.

Выведенный из строя, крупный терминал существенно портил жизнь геополитическому противнику. Авария на заводе нарушала цепочку важных поставок, а обрушенный рудник и вовсе лишал доступа к ценному ресурсу, не говоря уже о гибели квали-

фицированных специалистов. В нынешней войне были все средства хороши. Избегая крайних мер, крупные мировые игроки пускали в ход все остальное, стремясь ослабить оппонента до того, как он решится нанести упреждающий удар. Его промышленный развал, гражданская война и крушение экономики были бы лучшим способом смахнуть его с глобальной шахматной доски.

Мягкая сила выглядела лучше открытого противостояния, однако особенность заключалась в том, что не все агонизирующие государства мирно канули бы в Лету. С максимальной долей вероятности, они прихватили бы всех с собой, и демоны это прекрасно понимали. У ядерных держав существовало такое понятие, как "Нулевой вариант". Оно было простым и страшным по своей сути. Когда такое государство оказывалось на грани краха, причем краха неизбежного, оно считало уместным использовать атомное оружие. Использовать масштабно, затеяв войну, в которой хуже ему уже не будет. Для умирающего больного лучевая терапия оставалась единственным шансом на продление жизни, даже если она применялась ко всему миру сразу. Тот, кому уже нечего терять, вполне мог нажать на роковую кнопку. Иными словами, какими бы методами сверхдержавы не пытались друг друга задушить, конец все равно вырисовывался один. Действуя окольными путями, воюя с третьими странами, но между собой не напрямую, они лишь оттягивали неизбежное. Хуже того, они увязали в нем так, что спираль эскалации уже не позволяла затормозить, уверенно направляя к единственному закономерному результату.

Прибыв на очередной завод, где диверсия привела к масштабной утечке хлора, Михаил растерял всякий оптимизм. Стоимость человеческой жизни окончательно обнулялась. Промышленный вред представлялся очевидным, как и выгода для заинтересованной стороны — настолько, что организатор этой преступной акции не постоял за ценой. Кто бы ее ни замышлял, он не чурался погубить целый город. Более того, он и погубил бы, не вмешайся в происходящее архистратиг.

Момент был выбран ювелирно. Поднявшись в нужном направлении, ветер дул настолько сильно и уверенно, что хлор нанес бы максимальный поражающий эффект. Число предполагаемых жертв поистине зашкаливало. Заглядывая в будущее, Михаил видел практически одно и то же, с незначительной разницей ввиду сторонних факторов. Как и в предыдущих случаях, здесь ощущалась чья-то могущественная злая воля, благодаря которой и ветер мог возникнуть отнюдь не спонтанно. Да, исполнителями диверсии были люди, сумевшие причинить заводу значительный ущерб, но спланировал ее, вероятно, отнюдь не человек. Емкости с хлором

разрушились как следствие, однако Михаил заподозрил, что именно они и были основной целью для удара. Разрушение завода кто-то использовал как инструмент, чтобы погубить население ближайшего города. Замысел был поистине дьявольским, а точность его исполнения, включая стечение обстоятельств и природные факторы, заставляла предположить, что родился он в аду.

Предотвращая техногенную катастрофу, грозившую унести десятки тысяч жизней, Михаил действовал молниеносно. Способный управлять созвездиями, с такой ерундой он управлялся движением пальцев. Поврежденные резервуары немедленно восстановили целостность. Хлор больше не покидал их клубившимся потоком, а уже вытекший был нейтрализован. Ветер переменился. Теперь он дул не в сторону города, а туда, где отравляющие пары не представляли какой-либо угрозы. Их концентрация тут же снизилась, не успев причинить особого вреда, а их остатки уничтожил Михаил. Он же побеспокоился о том, чтобы его вмешательство прошло незаметно для людей. Не успев осознать масштабы чрезвычайной ситуации, они не поймут и то, каким образом ее удалось избежать.

Завывавшие сирены говорили о том, что для завода еще ничего не кончилось. Хлор уже не вытекал, и вообще перестал представлять опасность, однако технологический ущерб никто не отменял. Архангел спасал людей, но починку их оборудования он не считал своей моральной и тем более должностной обязанностью. Он вообще вмешался только потому, что до него вмешались демоны. Горы трупов они не получили, оставшись без множества мучительных смертей. Будущее снова изменилось. Ближайшее будущее, где город уже не погибал в клубах ядовитых испарений, стелившихся по улицам, переходам и подвалам. Все худшее людей миновало, однако завод требовал серьезного ремонта и продолжительного восстановления.

Все то, что не свершилось, Михаил по-прежнему видел словно воочию. Его разум возмущался и протестовал. Он не сомневался, кто стоял за этим ужасным инцидентом, но при этом с трудом мог поверить, что нечто подобное придумал Люцифер. Он, либо исчадия ада, действующие с его разрешения и по его указке. Михаил не забывал, что опальный брат изрядно навредил человечеству. Он вредил ему со дня низвержения с небес, и явно продолжал вредить до сих пор. Нестыковка заключалась в том, что делал он это более изысканно и изощренно.

Со времен грехопадения Люцифер нашептывал и искушал, совращал и сбивал с пути, внушал крамольные мысли и опасные иллюзии, однако до прямого насилия не опускался. Его творили

одержимые, либо отпетые фанатики, но даже они не в таких чудовищных масштабах. В сравнении с обычной работой Люцифера, диверсия на заводе выглядела весьма топорно. Хоть и ненавидя людей, он не устраивал над ними повальные расправы и в массе не травил. Пестуя грехи, ведя к погибели души, он иногда действительно сталкивал их между собой, однако сам из пушки не стрелял и бомбы не сбрасывал. Его методика носила тонкий и филигранный характер. Он желал погубить человечество духовно, а не поголовно истребить физически. Спровоцировать войну — это одно, там люди сами успешно справлялись со взаимным уничтожением. Извести каким-то химикатом целый город — совсем другое. Такие выходки были не в стиле Люцифера. Это несколько не вписывалось в представления Михаила. Он не сомневался, что глобальную войну срежиссировал и разжигал владыка ада. Его смущало то, что в самых разных местах периодически всплывали странные нестыковки.

Ситуация стабилизировалась. Дальнейшее было делом самих людей, однако Михаил завод все еще не покидал. Размышляя о роли Люцифера, он незримо летал среди бушевавшего пожара, словно надеялся найти ответ на свой вопрос. Эта заминка спасла жизнь простому рабочему. Страшно обожженный, придавленный упавшей трубой, он уже не кричал и не двигался. Оставаясь без сознания, он безмолвно уходил в мир иной, с пораженными легкими и частично обгоревшим телом. Теперь ему не помогли бы и лучшие медики, даже окажись они прямо здесь и сейчас с надлежащим оборудованием. Но рядом оказался архангел. Пожалев этого беднягу, пострадавшего в игре ада и небес, он беззвучно опустился рядом. Откинув трубу, он склонился к лежавшему телу и приложил засветившуюся длань к его груди.

Ткани тут же восстановились. Обугленная плоть вернула утраченные фрагменты, а от ран не осталось ни малейшего рубца. Чудовищные, до костей, ожоги немедленно исчезли, словно их и не было. Пораженные хлором, легкие стали как новые и свободно задышали, а из крови исчез даже намек на смертельную отраву. К рабочему вернулась жизнь. Он по-прежнему пребывал без сознания, но только потому, что этого хотел Михаил. Так было куда естественней, нежели затуманивать или стирать память.

— Теперь все будет хорошо, — заверил он, отнимая руку.

Ближайшее будущее сулило, что вскоре этого человека найдет спасательная команда.

— Однако ты тут не один, — добавил архистратиг, уловив наличие еще одного пострадавшего.

Взмахнув расправленными крыльями, он резко поднялся в воздух,

но только для того, чтобы вновь приземлиться поодаль, у большой полуразрушенной цистерны.

Судя по характеру обломков, взрыв застал этого человека врасплох. Поспешно удаляясь, он направлялся к выходу из охваченной бедствием территории, когда обрушение конструкций образовало внушительный завал. Лопаясь как воздушные шары, цистерны не столько изливали свое содержимое, сколько провоцировали ударную волну. Одна за другой, те сносили столбы и опоры, и итоге все посыпалось будто карточный домик. Не выдержав потерю несущей конструкции, рухнула высокая металлическая башня. Она, в свою очередь, сокрушила большой водонапорный бак. Оборванная электрика с такой сыростью не дружила. Там, где не полыхнуло пламя, искрившие провода вели себя будто взбесившиеся змеи.

Антураж вполне соответствовал произошедшему. Стараясь избежать огня и поражения током, убегавший инженер изменил маршрут и угодил под стихийно образовавшийся завал. Он не слишком пострадал, отделавшись сломанной ногой и плечом, пробитым насквозь прутом железа. В отличие от предыдущего бедняги, он не обгорел, будто забытый на жаровне стейк, и не отравился хлором. С противогазом на лице, он был экипирован как спасатель из аварийной команды, либо же специалист, который работал в агрессивной среде. Это навело Михаила на одно соображение. Повременив с оказанием помощи, он внимательно осмотрел стонавшего человека и особо тщательно изучил его вещи. Подозрения тут же подтвердились. Если этот инженер от чего и пострадал, то от последствий собственной вредоносной деятельности.

Читая напрямую в душах, Люцифер узнавал любые сведения сразу и безошибочно, имея неоспоримое превосходство в реконструкции событий. Михаил так не умел, но зато он хорошо владел физикой вещей, что включало и логику ее применения. Вне всяких сомнений, человек со сломанной ногой был причастен к диверсии на заводе, и вряд ли действовал один. Как инженер, он хорошо разбирался, где лучше всего нанести удар, однако для одновременного и масштабного эффекта ему требовались помощники. Как минимум, двое, если Михаил правильно оценил очередность структурных разрушений.

Военачальник небес не занимался распутыванием преступлений. Он не стал искать подельников обнаруженного негодяя, равно как и допрашивать его по существу. Что толку? Он и так знал, кто и зачем все организовал, а конкретные исполнители значения не имели. Возможно, он и спас бы этого диверсанта, чтобы передать в руки человеческого правосудия, однако его жизни ничего

не угрожало. Травмы были значительными, но не опасными, включая прут, торчавший из плеча. Будущее не сулило смертельную кровопотерю.

Оценив ситуацию, Михаил увидел, как диверсантом занимаются врачи. В этом отношении все было в порядке, однако в другом… К сожалению, люди не обладали такой же прозорливостью, как архангел. Оказывая помощь пострадавшему, они не раскусят, кто перед ними на самом деле, и тот успеет сбежать, прежде чем станет известно о его злодействе. Михаила это категорически не устраивало. Хоть и действую по наущению, преступные пешки ада обладали свободой воли и свой выбор делали вполне осознанно.

— За содеянное ты ответишь, — и не собираясь исцелять этого человека, вынес он свой беззвучный вердикт.

Одно движение воли — и вот уже рядом с диверсантом возникла пара не опасных, но вполне примечательных предметов, не оставлявших сомнений в своей принадлежности. Не заметить их команда спасения просто не могла. Будущее тут же изменилось. Над пострадавшим по-прежнему хлопотали врачи, однако теперь рядом с ним дежурили два суровых полицейских, не считая прибывшего агента в штатском. Михаил не занимался инсценировкой. Он восстанавливал справедливость, не позволяя злодею избежать ответственности. Не вмешайся он в происходящее, этот человек стал бы причиной гибели огромного числа людей. Он и так не ответит за их смерти, предотвращенные архистратигом, но именно по этой причине от правосудия не уйдет. Даже человеческое временами работало исправно, и особенно тогда, когда небесное сбоило. Михаил прогонял такие мысли и старался не сомневаться в решениях отца, однако в земные дела вмешивался все чаще. Как сказал бы Люцифер, само по себе это говорило о многом.

Негодуя на коварного брата, глубоко огорченный подорванным доверием, мало-помалу архистратиг и впрямь начинал регулярно влиять на жизнь людей. Прежде он воздерживался от прямого вмешательства, ограничиваясь отдельными случаями. Нынешние события на земле изменили его настрой, утративший бесстрастную невозмутимость. Визуально все так же сдержанный, он испытывал множество противоречивых чувств. Обман Люцифера и молчание бога оставляли его наедине со своими мыслями, никак не находившими уверенности и покоя. Михаил сомневался, правильно ли он поступает, однако не мог оставаться в стороне. Уже не мог, поскольку в мире происходило нечто из ряда вон.

Началось все с малого. Обладая специфическим арсеналом, иные страны использовали изрядно устаревшее вооружение,

включая архаичные морские мины. Проблема заключалась не в их эффективности, а надежности и эксплуатации. Срываясь с якоря, они представляли серьезную угрозу для судоходства, что в итоге и происходило. Михаил не реагировал, когда удары приходились на грузовые суда, однако не позволил утонуть пассажирскому лайнеру. Это было уж слишком. Набитый туристами, путешествовавшими с детьми, он не пал жертвой чужих страстей, чей молох и так пожирал слишком много безвинных душ. Море не получило свою дань. Обезвреженная архангелом, мина превратилась в безопасный кусок плавучей рухляди, как и многие другие, способные погубить безобидные суда.

Следующим этапом вмешательства стал автомобильный транспорт. В горячих точках находились не только солдаты противоборствующих сторон. Еще там бывали корреспонденты, волонтеры, а также врачи и неравнодушные представители благотворительных организаций. Втягиваясь все сильнее, Михаил не позволял расстреливать автобусы с детьми, которых эвакуировали подальше от войны. Оберегая машины с семьями, он отводил от них снаряды, рвавшиеся поодаль, и лишал управления беспилотники, пытавшиеся настигнуть скорую помощь. Он прикрывал крылом и журналистов, но только из тех, кто освещал события достоверно и без прикрас. Продажные работники СМИ, кривившие душой за идеологию и деньги, такой чести от архистратига не удостаивались. Он ничуть не сожалел, когда у него на глазах те отправлялись в ад, если не считать печали о погубленных во тьме бессмертных душах. Каждая из них падала на чашу весов в пользу Люцифера.

Волонтеры, рисковавшие без всякого принуждения и корысти, пользовались благоволением Михаила, но врачей он хранил и тем паче. Врачей, сестер милосердия и прочий медицинский персонал, включая представителей Красного Креста. Жертвуя собой, подвергаясь опасности, эти люди спасали множество жизней, и гибли при этом сами. Михаил, по возможности, отводил от них злую участь. Его стараниями, смертность среди медиков была значительно ниже, чем у тех, кто оставался предоставлен своей судьбе. К сожалению, ему не удавалось уберечь решительно всех. Во-первых, это было в принципе невозможно, ибо нарушало фундаментальное правило о естественном ходе жизни. Во-вторых, Михаил проявлял самодеятельность, то есть действовал без санкции отца. Получив приказ, он развернулся бы в полную силу, способный явить свое могущество миллионократно. По собственной инициативе он помогал тогда, когда его чувство справедливости откровенно протестовало.

Архистратиг не всегда мог спасти врача, закрывшего собой

пациента, зато приказывал одному из ангелов сопроводить его душу прямо в рай. Сглаживая потерю, он защищал другого, прибывавшего на смену герою, и отводил от него смертоносный артобстрел. Он не позволял ракетам бить по госпиталям, топить санитарные суда и сбивать медицинскую авиацию. Он хранил палатки во время полевых операций и присматривал за теми, кто заботился о раненых. Увы, далеко не везде и не всегда, хотя и обладал такой возможностью. Под командованием военачальника небес была огромная армия, сильнейшая во всем мироздании, однако он не прибегал к ее потенциалу. Он полагал, что не вправе использовать ангелов по своему личному усмотрению. Действуя без санкции бога, Михаил брал всю ответственность исключительно на себя.

По мере развития конфликта, накала страстей и втягивания мира в войну, втягивался и Михаил. Чем тяжелее становилось человечеству, тем чаще он приходил ему на помощь. Формально он оправдывал свое вмешательство деяниями Люцифера, считая себя небесным противовесом. В действительности же ему было просто не все равно. Это подтверждали любые его поступки. Его вело чувство справедливости, словно только и ожидавшее, чтобы получить долгожданную свободу. Козни Люцифера стали предлогом, развязавшим Михаилу руки. Теперь ему не требовались увещевания Люмениферус. Суровый на вид, величественный и несгибаемый, архистратиг был не чужд страданий людей. Он достаточно на них насмотрелся, чтобы понимать, когда и кому прийти на помощь. Пользуясь случаем, ныне он и приходил, и забот у него с каждым днем только прибавлялось.

Основным занятием Михаила стало посещение больниц. Фактически, он проводил там все основное время, лишь периодически отлучаясь во Вселенную или наведываясь на небеса. Оттуда же он отправлялся на срочные вызовы, поступившие от ангелов-хранителей или скаутов. Туда же он возвращался, когда заканчивал очередное патрулирование, перемещаясь в пространстве по всей планете или проносясь над морями и сушей с колоссальной скоростью. По больницам он тоже перемещался. Там хватало пациентов, требовавших особого внимания.

Пострадавшим от войны или ее эха, больным и раненым детям уделялся несомненный приоритет. Несмотря на то, что военачальник небес обычно заботился о солдатах, в этом случае он был солидарен с Люмениферус и Люцифером. Ну, если не считать того, что последний все время лгал, используя детей как прикрытие, а первая, не исключено, ему потакала. Улучая момент, архистратиг исцелял всех тех, кого позволяли обстоятельства. Вернуть ребенка к жизни он уже не мог, если тот погибал до его прибытия, и утра-

ченные конечности тоже не восстанавливал. Чудеса небесами не поощрялись, следуя принципу неведения и слепой веры. Стараясь не привлекать внимания, Михаил искал лазейки. Если никто не видел, он исцелял детей еще до того, как выявлялась вся естественная невозможность столь благополучного исхода. Порой, целиком и полностью, а иногда лишь частично, отводя угрозу для жизни и предоставляя остальное медикам.

Безусловно, внимания архистратига заслуживали и солдаты, в широком понимании включавшие и офицеров, но он никогда не лечил военных преступников. Стрелявшим по мирным жителям, бомбившим женщин и детей на милость Михаила рассчитывать не приходилось. Своей светившейся дланью, взмахом белого крыла он удостаивал лишь честных людей и настоящих героев. Именно настоящих, а не нареченных таковыми, ибо само присутствие на фронте, да еще за деньги, героизмом уж точно не величалось. Деяния подлинных героев обычно оставались скрыты от внимания людей, но не укрывались от взора Михаила. Больше видел только бог, однако и архистратиг примечал достаточно, чтобы озарять достойных солдат светом своей архангельской помощи.

Хорошо разбираясь в своем деле, Михаил облегчал страдания контуженных, исцелял любые степени ожогов, ускорял процесс регенерации клеток и устранял сопутствующие инфекции, ибо в отсутствие квалифицированной помощи очень многие умирали от банального заражения крови. Он останавливал кровотечения, заживлял внутренние органы и растворял осколки, за извлечение которых не взялся бы и лучший медик. За этим занятием его и застала Люмениферус. Переместившись в плавучий госпиталь, Михаил как раз помогал очередному солдату, оставшись с ним наедине, когда у его постели объявилась сестра. Как оказалось, этот госпиталь находился в ведении Красного Креста — той самой его части, которой заведовала светоносная архангел. Не заметить прибытие брата она просто не могла, отчего и пришла с ним переговорить.

— Ты не отвечал, — сказала она, не имея ничего против целительного вмешательства.

— Занят был. Благодаря нашему брату у меня теперь много дел, — сдержанно отозвался Михаил.

Ситуация получилась неоднозначной. Михаил подозревал, что Люмениферус, так или иначе, состоит в некоем сговоре с Люцифером. На это указывали доклады ангелов, однако он глубоко не копал. Он боялся разрушить свое отношение к сестре, утратить в нее веру и поставить на одну доску с владыкой ада. Люмениферус, в свою очередь, сомневалась в Михаиле. После того, что вы-

кинул Люцифер, со всеми его интригами и отказом хоть что-то прояснять, она понятия не имела, в чем замешан военачальник небес. Доверие между ними оказалось хрупким как никогда. Оно еще не рухнуло, и оба всячески избегали опрометчивых шагов, способных навсегда разрушить его столь бережно возведенный мостик.

— Я рада, что ты не остался безучастным. Нынче в мире много тех, кому надо помогать, — только и сказала Люмениферус, тщательно прислушиваясь к эмоциям брата.

— Ты тоже без дела не сидишь. Ангелы регулярно сообщают мне, чем ты занимаешься, — сдержанно отозвался Михаил.

Архистратиг был в курсе деятельности Люмениферус. Рост числа ее последователей остановился только ввиду естественного ограничения, наложенного божественным наказанием забвения. Михаил не думал, что она собирает свою армию, однако и совсем такое новое положение вещей не игнорировал. Особенно когда узнал, что люди Люмениферус тесно взаимодействуют со служителями Люцифера. Изначально он насторожился, но и только. Теперь же, после вскрывшегося коварства брата, доверия это ничуть не прибавляло.

— Значит, этот плавучий госпиталь тоже твой, — осторожно добавил он, выразительно поведя рукой.

— Он принадлежит людям. Я лишь… направляю деятельность. Некоторых из них, — так же аккуратно ответила Люмениферус.

— А служителей брата тоже направляешь? — не удержавшись, обронил Михаил.

— Они сами по себе, — нахмурилась Люмениферус. — Или тебе твои скауты не сообщали?

Возражений не последовало. Ссориться с сестрой Михаил не собирался, однако и от истины отмахиваться бы не стал. Другое дело, какой. Взаимодействие между сторонниками Люцифера и Люмениферус носило специфический характер. Еще недавно они сотрудничали, но с некоторых пор держались порознь. Наблюдения дозорных это подтверждали. Обеспокоенный растущей численностью людей, прямо возглавляемых архангелами, военачальник небес приглядывал за ними исподтишка. Как ни крути, Люмениферус говорила правду. В данный момент их продуктивные контакты свелись к нулю. Возможно, потому что Светоносные держались настороже, ощутив излишнее внимание Михаила, но то уже отдельная история.

— Они много чего сообщают, только я не вездесущ, — придерживаясь нейтральной линии, ответил архистратиг.

Исцеление закончилось. Получив чудодейственную помощь,

солдат спокойно дремал, не выходя из мягкого сна. Ему, конечно, и так ничего не угрожало, под присмотром Красного Креста Люмениферус, однако она тоже не могла поспевать везде и всюду. Ее люди работали на совесть, и она постоянно перемещалась в разные места, но целительных рук на всех не хватало. Вмешательство Михаила всячески приветствовалось, ибо происходило не впервые. Но только ли за этим он появился здесь, в плавучем госпитале под патронажем своей сестры?

— Можно тебя спросить? — пользуясь случаем, решилась Люмениферус. — Что у тебя за дела с Люцифером?

— А у тебя? — задал зеркальный вопрос Михаил.

Напряжение заметно возросло. Оба архангела имели основания узнать об одном и тоже, и при этом оба совершенно не хотели отвечать. Полные сомнений, что стоит за интересом другого, они всячески скрывали свою истинную вовлеченность. В глазах Люмениферус, поведение Люцифера бросало тень на Михаила, с которым он уже водил какие-то секреты. Михаил, в свою очередь, тоже ощущал нечто подобное по отношению к сестре. Из-за того, что вытворял их брат, они понятия не имели, кто и в какие интриги оказался втянут, не говоря уже о причастности к происходящему.

Люмениферус знала, что Михаил не желал людям зла, однако и помогал он тоже не слишком интенсивно, с его-то возможностям и армией. Взирая на страдания, ведя подсчет загубленным невинным жизням, он оставался наблюдателем. Он вмешивался, когда восставало его чувство справедливости, но это была лишь капля в море. Он мог прекратить все людские беды, остановить войну одним приказом, однако и пальцем не шевелил без приказа бога.

Люмениферус не исключала, что братья о чем-то негласно договорились. Защищая архидемона, Люцифер встал между ним и своей сестрой. Это было настолько из ряда вон, что теперь она допускала некую сделку с Михаилом. Например, о незримой границе, через которую никто не переходит. Злу ведь разрешалось вредить человечеству с незапамятных времен. С учетом современных реалий, владыка ада и военачальник небес могли уточнить некие пределы, однако держать их при себе. Предположительно, какие-то нюансы с душами, о которых обмолвился Люцифер, имели к этому самое прямое отношение.

У Михаила тоже имелась пища для ума. Сотрудничество людей, служивших светоносным архангелам, наводило его на отнюдь не радужные соображения. Он действительно отмечал, что в последнее время их взаимодействие сошло на нет, однако с выводами не спешил. Возможно, Люмениферус тоже прозрела относительно замыслов Люцифера. Узнав, что человечество в войну втя-

гивал владыка ада, она к нему переменилась и перестала поддерживать его затеи. Увы, стоило рассмотреть и альтернативный вариант. Ее искусная игра никак не исключалась, и особенно если брат и сестра вели ее вдвоем. Люмениферус никогда не была двуличной, но продолжительное общение с Люцифером могло сказаться на ком угодно.

Размышляя о происходящем, Михаил очень боялся ошибиться. Обвинив Люмениферус в притворстве, в ее соучастии козням Люцифера, он оскорбил бы ее дальше некуда и вполне заслуженно утратил всякое расположение. Обратная ошибка тоже ничего хорошего не сулила. Если архистратиг, ослепленный родственной симпатией, прозевает очередное коварство, то винить во всех последствиях ему придется лишь себя.

Не торопясь уходить, Михаил соображал, как бы найти подход к сестре и прояснить для себя ряд животрепещущих вопросов. Люмениферус думала о том же, не желая упускать этот подвернувшийся случай. Не осмеливаясь на первый шаг, оба старались подобрать нужные слова, и никак не находили. Пауза затягивалась. Ситуация становилась все более натянутой, осложняя любое продолжение разговора. Наконец, Люмениферус решила проявить инициативу. Прислушиваясь к эмоциям Михаила, она как раз собралась перейти в наступление, когда произошло нечто непредвиденное. Из ниоткуда, как и положено небожителям, в палате объявились два ангела, державшие третьего.

— Этот падший что-то здесь разнюхивал, — доложил старший.

— Должно быть, шпион Люцифера. Он встречался мне и прежде, — уточнил младший.

Михаил нахмурился, ибо низверженных ангелов не жаловал. Люмениферус относилась к ним иначе, однако изрядно разволновалась. Дело было не в шпионаже и каких-то интригах Люцифера. Этого бывшего небожителя она тоже видела не в первый раз. Именно он поведал ей о мятеже против владыки ада, открыл источники войны и личины архидемонов. Вот только концы у него с концами не сходились. Архидемоны, безусловно, чинили зло и вредили людям там, где он и указал. С этим вопросов не возникало, однако с чего бы Люциферу защищать мятежников?

Теряясь в догадках, Люмениферус снова представила ту сцену, где опальный брат встал между ней и врагом человечества. Возможно, этот падший ангел что-нибудь да прояснит, иначе с чего бы ему приходить опять.

— Что ты здесь забыл? — сурово осведомился Михаил, смерив пленника тяжелым взглядом.

— Я пришел к Светоносной, — подтверждая ее догадку, кивнул

падший ангел на Люмениферус.
— Да неужели? — открыто усомнился Михаил. — А прятался зачем? Будни шпионского ремесла?
— Я не ожидал застать вас вместе, — на удивление спокойно ответил бывший небожитель. — У меня не так много времени. Меня могут хватиться. Я хотел подождать, когда Светоносная останется одна.
— Надеюсь, ты понимаешь, что я тебе не верю? — прищурился Михаил.
— Я думаю, он не лжет, — подала голос Люмениферус. — Точнее, я чувствую страх и неправду в его речах, но это потому, что он боится тебя. Как боялся и меня. Я его знаю. Он уже ко мне приходил.

Люмениферус не хотелось признавать, что она уже виделась со схваченным падшим ангелом. К сожалению, ей пришлось вмешаться, коли он так неосторожно попался дозорным Михаила. Впрочем, в этом было трудно его винить. Поди тут угадай, где военачальник небес расставил своих скаутов, имевшихся у него в великом множестве. Как оказалось, он присматривал и за этим плавучим госпиталем, и хотелось бы верить, что за пациентами, а не своей сестрой. Вероятно, падшему ангелу и впрямь было что сообщить, раз он пришел к Люмениферус, увидел архистратига, но свой визит не отложил. Иди теперь объясняй это Михаилу, и без того охваченному недоверием. Объяснять, однако, придется, иначе кто знает, как он поступит с тем, кого закономерно принял за шпиона Люцифера.

Предсказуемая до движения глаз, реакция военачальника небес не заставила себя ждать.
— Значит, вы действительно знакомы? — безрадостно отметил он.
— Это совсем не то, что ты подумал, — какой-то уж совсем избитой фразой возразила Люмениферус.
— Ну да, ну да, — хмыкнул Михаил. — И Люцифер у нас средоточие кристальной честности. Как обычно, без вины виноватый, просто не так понятый.
— Все так, — кивнул падший ангел. — Мои слова только для ушей Светоносной, но если она позволит, я скажу при всех. Мне не стоит болтать, но это будет выражением моего доверия.
— Позволит. Я настаиваю, — сурово произнес Михаил, однако своих дозорных все же отпустил.
Пожалуй, лишние уши действительно ни к чему, учитывая щекотливость создавшегося положения. Теперь он сам контролировал ситуацию, сковывая пленника пространственными узами архангела.

— Говори, — согласилась Люмениферус, логично рассудив, что иначе изрядно скомпрометирует себя в глазах брата.
— Я пришел объяснить, почему Люцифер защитил архидемонов. Тех, на которых я тебе указал, — с места в карьер заявил падший ангел. — Они ему нужны. Утренняя звезда устанавливает принципиально новый мировой порядок.

За иные сведения лучше бы откусить язык, особенно когда они звучат не в том месте и не в то время. Пораженная услышанным, Люмениферус немедленно пожалела, что это было сказано не наедине. Падший ангел, безусловно, говорил нечто очень важное, способное пролить свет на поведение Люцифера, однако Михаил наверняка воспримет это по-своему. Он и воспринял, заметно изменившись в лице. Когда оно становилось словно каменное, ничего хорошего это не предвещало.
— Новый мировой порядок? — холодно переспросил он. — Полагаю, ты нас просветишь, в чем он заключается?
— За этим я здесь, — кивнул падший ангел. — Отныне души приглядывают за душами. Люцифер наделяет их властью от своего имени. Его избранникам надлежит занять все ключевые места. Люди станут управлять людьми, а над всеми ними будет сиять только Утренняя звезда.

Люмениферус ощутила нечто похожее на головокружение. Выражаясь человеческими ощущениями, почва словно поплыла у нее из-под ног, а в голове появился звенящий туман неопределенности. В совместных планах, в новой версии мироздания сияло две звезды, одна из которых внезапно исчезла с небосвода. Трон Вселенной занимал только Люцифер.
— Только он? — упавшим голосом спросила Люмениферус. — Тогда зачем он защищал архидемонов? — метнув взгляд на Михаила, быстро поправилась она.
— У них своеобразный паритет, — с готовностью пояснил падший ангел. — Люцифер не мешает иерархам ада, иерархи ада не мешают затее Люцифера.
— Но они же ввергают человечество в тотальную войну! В войну на уничтожение! — воскликнула Люмениферус.
— Это не будет иметь значения, когда Люцифер соберет под своей волей достаточно людей, — мотнул головой падший ангел. — Не важно, скольких истребят архидемоны, если в конечном счете большинство живых и мертвых достанутся Утренней звезде.

Не глядя друг на друга, архангелы молча переваривали услышанное. По разным причинам, каждый по-своему пребывал под глубоким впечатлением. Люмениферус вообразила, что Люцифер пошел своим путем, спланировав его заранее, пока она, как по-

следняя дура, склоняла на их сторону Михаила. По сути же только отвлекала, отвлекаясь и сама. Заняв каждого своим делом, Утренняя звезда преспокойно добивался своей цели, когда земля, ад и небеса превратились для него в театр военно-политических действий. Архистратиг, в свою очередь, в очередной раз поразился коварству Люцифера. Он не собирался изводить человечество. Он порабощал его хорошо доступным ему способом. В горниле пламени, в пучине насилия люди попадали прямо к нему в сети, где их только и поджидал хитроумный владыка ада. Это было настолько просто, жутко и эффективно, что Михаил почувствовал себя ослом, которого водили за нос долгие столетия.

— Этого не может быть! — не в силах смириться с таким обманом, резко возразил он.

В отличие от архангелов, падший ангел вел себя куда спокойнее. Похоже, он твердо отдавал себе отчет, зачем пришел, и чего ожидать от столь нетривиального развития событий.

— Это уже происходит. В аду заправляет все больше людей, — поддал он жару в полыхнувшие страсти. — На земле, в мире смертных, его ставленники проводят нужную политику. Попадая в ад, люди ступают на свой вечный, уготованный им путь. Новый путь, служа власти и могуществу Люцифера. Мятеж архидемонов ему оказался только на руку. Он прикрыл им все, отводя от себя подозрения и выигрывая время. Не удивлюсь, что он его предвидел, ибо нет в мироздании ума расчетливее и хитрее. Воображая, что действуют самостоятельно, иерархи ада по-прежнему выполняют его волю.

— Я не верю! — вскричала Люмениферус. — Он говорил, что хочет для человечества новой судьбы! Более лучшей и справедливой!

— Он не лгал. Просто он видит это по-своему, — резанул ее по сердцу падший ангел. — Дорога к трону мироздания может быть скрытой, извилистой, и уж точно не прямой.

Слушая бывшего небожителя, Михаил с расспросами не спешил. Его словам он не доверял, но ориентировался на реакцию сестры. Та же была достаточно примечательной, чтобы служить своеобразным детектором правды или лжи.

— Я тебе не верю, — ужасаясь глубине потенциального предательства, тихо повторила Люмениферус. — Когда мы говорили, когда встречались, он всегда был таким… настоящим. Я бы поняла, если бы он лгал мне в глаза.

— Лгать и недоговаривать — не одно и то же. К тому же в последнее время он избегал твоего общества, а теперь вы и вовсе не видитесь, — заметил падший ангел.

— И как часто вы встречались? — многозначительно произнес

Михаил.
— Это совсем другое, — обескураженно посмотрела на него Люмениферус.
— А ты, получается, знала про архидемонов? Что это они спровоцировали войну и науськивают людей, — вычленил важную деталь Михаил.
— Я хотела их остановить! — попадая в ловушку, воскликнула Люмениферус.
— И, как я понял, не остановила, — подчеркнул архистратиг. — Решила не мешать своему любимому брату в его грандиозных замыслах.

Ситуация получалась скверная. Что бы ни натворил Люцифер, теперь вся эта история сказывалась и на Люмениферус. Действуя с ним заодно, она автоматически была причастна к происходящему, даже если и в мыслях не имела войны и кровопролития. Михаил наверняка станет исходить из худшего, особенно если поймет, для чего она столь упорно с ним сближалась. Своими речами падший ангел только что слепил из нее чудовище. Открыто оболгав Люмениферус, он и то добился бы менее разрушительного эффекта. Вне всяких сомнений, он действовал самостоятельно. Правду он говорил или нет — Люцифер его точно не подсылал, ибо в обоих случаях это было ему не выгодно. Но что если его подослал кто-то другой? Что если в мятеже против Люцифера участвовали не только архидемоны?.. Тогда они не упустили бы случая очернить Утреннюю звезду, посеять раздор в стане его самых могущественных в мироздании союзников.

От внезапно пришедшей мысли у Люмениферус вспыхнули глаза. Перестав думать о Михаиле, она уставилась на падшего ангела так, словно видела его впервые.
— Он лжет! Я чувствую его ложь! — засветившись от прилива надежды, протянула длань Люмениферус.
Если ее догадка была верна, это очень многое бы объясняло, предоставляя как ей, так и Михаилу куда более приглядную трактовку происходящего. Она ведь действительно ощущала, что падший ангел излучает немало отрицательных эмоций. Среди них отчетливо читались страх и обман, но до сих пор она списывала это на страх именно перед ней и Люцифером — за свою собственную шкуру, а не за разоблачение вранья. Такое ведь тоже было возможно. Люмениферус определяла любые чувства безошибочно, однако не могла сказать, что их вызывало.
— Я не лгал тебе тогда, не лгу и сейчас, — печально потупился бывший небожитель. — Я предъявлял доказательства. Показал тебе всех архидемонов — в корпорациях, правительствах и мини-

стерствах, кто замаскировался и вредил человечеству. Свои нынешние слова я тоже могу доказать прямо сейчас.
— Каким образом? — коротко осведомился Михаил.
— Идемте со мной в ад. Вы сами увидите души, назначенные на посты Люцифером, — с твердой уверенностью предложил падший ангел.

Все выглядело слишком странно. Даже раскрывая некий скверный замысел, бывший небожитель делал это так, что становилось только хуже. Словно нарочно, он избрал такой момент, когда говорить подобные вещи уж точно не стоило. Даже архангелам следовало преподносить подобные новости очень аккуратно, чтобы не вызвать чрезмерную и нежелательную реакцию. Но именно что желательную, если это и было подлинной целью откровений.
— Не пойду! — предчувствуя неладное, отказалась Люмениферус. Уж больно идеально складывалась эта встреча с разоблачением.
— Нет уж, сестрица, давай прогуляемся, — прохладно молвил архистратиг. — Я терпеть не могу бывать в краю злобы и огня, но эта история заслуживает, чтобы дослушать ее до конца. Неужели ты не хочешь увидеть достижения Люцифера, которые столь рьяно отрицаешь? Не потому ли, что для тебя уже это не новость?

Любой аргумент, адресованный Михаилу, требовал хоть каких-то доказательств. Проблема заключалась в том, что именно их Люмениферус предоставить не могла. Точнее, могла, сумев обелить и себя и Люцифера в одном, но тут же кратно дискредитировала бы в другом. Даже если Михаил согласится, что ко всем злодеяниям его брат и сестра были непричастны, он узнает про их истинные замыслы, которым тогда наверняка конец. Спасая честь, Люмениферус, возможно, и пошла бы на этот шаг, однако она и сама пребывала в неопределенности относительно деяний Люцифера. Уж больно уверенно говорил падший ангел, и это отравляло разум получше любого яда. Впрочем, у нее оставался адекватный ход, где ее откровенность совершенно не требовалась. Почему защищаться должна именно она?
— Тебе какая в этом выгода?! Зачем ты обо всем этом рассказываешь?! — обрушилась на падшего ангела Люмениферус.

Смятения или растерянности не последовало. Увиливания — тоже, с примечательными паузами и отговорками. Рассчитывая застать падшего ангела врасплох, Люмениферус добилась обратного результата. Ответ не заставил себя ждать. Падший ангел говорил как по сценарию, весьма красноречиво, подчеркнуто корректно и без малейшей запинки, исключая подобающие театральные эффекты.
— Я не хочу, чтобы замыслы Люцифера сбылись. Это уже через

чур, — с готовностью ответил он, излучая неподдельную, отмеченную Люмениферус искренность. — Сначала я полагал, что архидемоны провели его, самый прозорливый и хитрый ум во Вселенной. Теперь я понимаю, что это Утренняя звезда всех обманул. Даже нас, свою неизменную гвардию. Люди не должны вечно править людьми, став абсолютно самостоятельной, ни от кого не зависящей структурой. Это нарушает основы мироздания. Если Люцифер получит то, чего желает, мы все ему станем не нужны. Какое ему будет дело до бывших соратников, родных и всех демонов ада, если он сам окажется центром собственной Вселенной? И постепенно расширит ее как заблагорассудится. Поставленное богом, условие касательно человечества это позволяет, хотя оно предполагало совсем не то, до чего додумался Люцифер. Я хочу, чтобы вы этому помешали. Падшие ангелы по-прежнему мечтают вернуться на небеса, но если Люцифер преуспеет, нам просто незачем будет возвращаться. А может и некуда.
— Идем. Я хочу увидеть все своими глазами, — приняв решение, велел Михаил. — Ты со мной? — выразительно добавил он Люмениферус.

Нетривиальная, доселе невиданная затея требовала огромных человеческих ресурсов — поистине несметных, однако Люцифер, планируя свои новшества, сразу нашел выход из положения. Ему было не обязательно контролировать весь ад, для чего едва бы падших ангелов хватило. Для его замысла вся эта пограничная, набитая демонами зона не имела особой надобности. Его интересовала только часть, в которой он надежно смог бы обеспечить надлежащий порядок. Там ютились бы души, распределенные по узилищам, и там же его новые подчиненные управляли бы всем светоносной, от его имени рукой. Наделенные дарами Утренней звезды, фирриты, мехтиазы, оцеры, истолы и многие другие надежно хранили бы границы обособленной области ада. Остальное, уже без всякого стеснения и оглядки, он запросто превратил бы для демонов в испепеляющий кошмар. Привлекая новые души, он постоянно расширял бы свои владения, за счет полыхавших владений демонов. Процесс мог длиться бесконечно, но это вполне устраивало вечное и бессмертное существо. Чем больше у него станет людей, тем дальше он распространит свою волю, а чем дальше протянется его воля, тем больше у него под началом окажется людей.

Нематериальный, преобразуемый как угодно ад служил в руках Утренней звезды податливым пластилином, хоть и состоял из хаоса распада света и вызванного этим неугасимого огня. Он не

зависел от трехмерных координат, и вообще никак не обременялся узами пространства. Следуя своему плану, Люцифер легко перемещал как отдельные узилища, так и внушительные фрагменты преисподней, начиная от внешних врат и заканчивая адским Эдемом. При необходимости, он их просто пересоздавал, вручая под опеку новым подчиненным. Те не умели творить самостоятельно, зато надежно хранили все преобразования Утренней звезды. Демоны недооценили его мощь. Первый после бога, Люцифер мог наделять своей силой бесконечное число людей, превращая их в проводников своей воли, оружие и щит одновременно. Носители его света, исчадиям ада они были не по зубам.

Первый блин, как обычно, выходил комом. Внедряя придуманную систему, рекрутируя людей и поручая им уникальные обязанности, Люцифер спотыкался о множество нюансов, вскрывал массу недочетов, но быстро исправлял их со свойственным ему могуществом и умом. На земле он был ограничен божественными правилами. В аду же никто не запрещал ему поступать как угодно — даже мятежные иерархи. Они могли не подчиняться, но были не в состоянии помешать размашистому творчеству Утренней звезды. Дело быстро пошло на лад. До завершения, конечно, было еще далеко, однако в новой преисподней уже сформировались регионы, полностью управлявшиеся по невиданным прежде законам Люцифера.

Полномочия фирритов расширились. Теперь они не только выступали наставниками для тех, на кого указывал им Утренняя звезда. Они встречали души у врат, куда те попадали после смерти бренного тела. Предупреждая хаос, они сразу объясняли всем прибывшим, что тут теперь к чему. Будущих помощников Люцифера они приветствовали особо. Остальных фирриты готовили для дальнейшего пути. Прежде это не имело особого значения, но теперь все кардинально изменилось. Души поступали не только извне. Они направлялись к вратам со всей пограничной зоны, что стало возможно благодаря оцерам.

По многим причинам, Люцифер был не в состоянии тратить время на то, чтобы лично принимать в аду всех и каждого. Оцеры выступали своеобразными магнитами. Отныне души попадали в преисподнюю лишь там, где этого хотел ее властелин. Минуя прежнюю систему, они притягивались к особым вратам, созданным именно с этой целью. Управляемые оцерами, они работали надежно и бесперебойно, будучи единственным местом перехода через границу как от внешнего мира, так и прежнего ада. Сама же граница тоже требовала соответствующего внимания.

Хоть доминируя в преисподней, Люцифер не мог присутство-

вать везде и сразу. Выражая особую волю, он накладывал архангельскую печать, однако ее действие проявлялось сугубо локально. Иными словами, он не сумел бы опечатать весь мир, даже и возникни в том острая необходимость. Раньше его это не заботило, когда дело касалось только адского Эдема. Туда демоны не совались, не в силах преодолеть волю Люцифера, однако теперь ему требовалось оградить от них огромные пространства. Для этого печати уже не хватало, и он придумал подходящее решение. Им стали истолы — наделенные особой властью души, которые хранили границу от любых посягательств исчадий ада.

Истолы не патрулировали регион, хотя перемещаться в установленных пределах им вполне дозволялось. Они воплощали своеобразные центры силы, оплоты выстроенных воедино ячеек обширной пространственной сети. Они были как звезды, излучавшие энергию, чьи лучи закрывали собой всю вверенную им территорию. Соединяясь по периметру, они образовывали незримый щит, миновать который не получилось бы и у архидемонов. Даже иерархи сгорели бы так, как сгорело любое живое существо, проходя через перекрещенные боевые лазеры, но только в миллиард раз плотнее и страшнее. Это касалось и пространственных перемещений, ибо истолы блокировали границу не только в прямом геометрическом измерении.

Узилища находились в ведомстве грайнитов. Они занимались только ими, получая своих подопечных в этой конечной для тех точке пути. Преобразуя ад, меняя судьбы человечества, Люцифер никоим образом не отказался от воздаяния грешникам. Наоборот, он стал походить к этому вопросу еще ответственнее. Давно задуманный, новый мир предназначался для достойных людей, не замаравших себя злом и преступными деяниями. Они наследовали землю, попадали на небеса или занимали должности в аду, следуя воле Люцифера и во благо человечества. Грешники отправлялись только в ад, и отнюдь не в управленцы или его эдемскую зону. Они расплачивались за свои дела, чему и служили индивидуальные узилища, с их разнообразными пытками и изощренными мучениями.

Грязную работу выполняли бесы — самые младшие исчадия тьмы, не способные противиться воле Утренней звезды. Даже без дефицита кадров он оставил бы их на своих местах. Без всякого принуждения, бесам нравилось делать то, что требовала насущная необходимость. Насущная необходимость заключалась в каре для грешников, и это устраивало всех, кроме самих грешников. Сделав оправданное исключение, Люцифер сменил только надзирателей. Полностью отстраняя демонов, командование бесами, кон-

троль над узилищами и надлежащим исполнением наказания он поручил грайнитам.

Мехтиазов Люцифер ценил особо. Это были самые доверенные души, которые работали с душами других людей. Как проводники, они перемещались везде и всюду, не сковывались региональными узами и подчинялись только самому Люциферу. Внутри его нового ада она обладали всей полнотой власти. Они контролировали магистрали, забирали души от врат, сопровождали их к надлежащему месту и проверяли работу грайнитов. Они были вхожи в адский Эдем, где присматривали за тамошними обитателями. Мехтиазы имели право отстранять другой персонал, если находили на то серьезные основания. Исчадия ада шарахались от них как от приближенных архистратига Михаила. Познав удар кнутом, никто не хотел испытать его жгучую силу дважды. Жезлы открывали перед мехтиазами любые двери. Даже двери обратно в тот мир, который они покинули.

Мысля далеко наперед, Люцифер прекрасно понимал, что и на земле ему потребуются помощники, ибо одних живых служителей катастрофически не хватало. Без содействия Люмениферус воскрешать он не умел, однако выпускать души из ада было в его власти. В убежищах мехтиазов, дарованных им в награду для покоя, имелась не одна лишь новоявленная дверь в преисподнюю. Обычная прежняя вела обратно в смертный мир, куда они попадали в виде духов. Точнее, могли попасть. Люцифер только начинал обкатывать эту идею, поскольку вступал на Терра инкогнита и сталкивался с многочисленными трудностями. Пока что он выпускал самых доверенных, избранных мехтиазов. Возвращаясь на землю, бывая среди живых людей, они присматривали подходящие кандидатуры и заранее направляли их к просвещению Люцифера. Конкретные методы еще толком не определились. Постоянно экспериментируя, Утренняя звезда отрабатывал различные способы того, как мехтиазы могли взаимодействовать и с людьми, и с материальным миром. Без дела они уж точно не сидели. Забот им хватало и в аду, особенно при остром дефиците кадров. Командировки на землю загружали их бессмертное существование дальше некуда.

Колоссальный по размеру, без всяких пространственных координат, ад представлял собой даже не лабиринт, а настоящий логистический кошмар для того, кто в нем не ориентировался. Заведомо не зная, где и что искать, те же Михаил и Люмениферус могли блуждать в нем целую вечность. Вот почему они никогда не обходились без проводника, каковым обычно выступал Люцифер. Попасть в уже известное место они могли, вроде того Эдема для

одинокой девушки, однако были не в состоянии отыскать нечто пока неведомое. В отличие от демонов, истолы никак архангелам не препятствовали, однако Люмениферус и Михаил не нашли бы преобразований Утренней звезды, даже если бы очень захотели там оказаться. Их мгновенные перемещения выглядели потрясающими на земле, среди смертных людей, и даровали огромные преимущества во Вселенной. В преисподней же, учитывая ее устройство и размеры, эффективность этого небожительского таланта сводилась практически к нулю. Падший ангел, однако, действительно знал, о чем говорил. Не кружа вокруг да около, он привел архангелов прямо в новый ад Люцифера.

С первого же взгляда становилось ясно, что преисподняя и впрямь переменилась. Она стала более внятной и упорядоченной. Сегменты, фракталы и магистрали выстраивались уже не хаотично, а в соответствии с человеческим восприятием реальности. Элементы абстракции сохранялись, причем в неизменном множестве, однако их комплексная форма была более понятной для людей. Люцифер пошел на это ради них, и не в угоду, а в силу необходимости. Даже самый мудрый и развитый, человек просто не обладал пониманием архангела, продолжая мыслить своими приземленными категориями. Постигая новое, он, безусловно, развивался, но все-таки только в отведенных ему пределах.

Устраняя ненужные сложности, Люцифер так обустраивал новый ад, чтобы верные души в нем ориентировались адекватно, не сворачивая за каждым углом не туда. История с тем фирритом была не единственной, когда он убежал от будущего мехтиаза и заплутал. Об этом, не без улыбки, вспоминал и сам мехтиаз. Возвращаясь в свое убежище, теперь уже по совсем привычной сумеречной магистрали, он всегда смотрел на поворот, который вел отнюдь не туда, куда казалось. Бесов он уже не гонял. Строптивые присмирели и повиновались. Наиболее упрямых изгоняли прочь, за пределы преисподней Люцифера. Демонов — и тем паче, вне зависимости от выражения лояльности. Доверия им больше не было, а природное желание вредить человечеству никуда не делось. Теперь мехтиаз если кого и встречал, то души людей и низших тварей, вроде тех вола, козла и кабана. Подходя к своей квартире, он порой встречал блуждающих бесов, тут же шарахавшихся, кто куда, но уж точно никого другого. Появление сразу трех примечательных фигур оказалось для него полнейшей неожиданностью.

В подворотне витал привычный полумрак, скрывавший черты лица. Мехтиаз не сразу разглядел, кто очутился на его пути, а когда присмотрелся, то остановился, будто остолбенев. Падшего ангела он узнал, и тот как раз не вызывал у него удивления. Лю-

цифер не изгонял бывших соратников, если они не давали к тому повода. Он до сих пор сохранял веру в то, что его предали не все, и не хотел оскорблять невиновных. Мехтиаза поразили два других примечательных ангела, стоявших возле его двери. Точнее, архангела, ибо ему было известно, как выглядят Люмениферус и Михаил.

— Чем обязан такой чести? — вежливо осведомился он.

Дверь в квартиру озарялась уютным желтоватым светом, но пройти туда мимо небожителей никак не получалось. Вероятно, не просто так, что и вызвало закономерный вопрос мехтиаза.

— Не пригласишь войти? — спросил падший ангел.

— Смотря кого, — многозначительно ответил мехтиаз. — Сомневаюсь, что Светоносной и архистратигу требуется мое приглашение. В отличие от тебя, они и так вольны входить куда угодно.

— Это наш сопровождающий, — сдержанно произнес Михаил. — Мы хотели бы взглянуть, что тут у тебя и как.

— Тогда прошу, — повел рукой мехтиаз. — От архангелов, брата и сестры Утренней звезды, у меня секретов нет.

Квартира выглядела как обычно, став уже не чудом, а чем-то будничным. Во всяком случае, в глазах ее хозяина, ибо архангелам было на что посмотреть. Сама по себе, она еще хоть как-то вписывалась в ад, применительно к его импровизированному Эдему. С этим смирился даже Михаил, однако находившиеся в ней души не вписывались ни во что. Расположившись там и сям, они оживленно общались, развлекались, либо пребывали в умиротворенном одиночестве. Спальных мест хватало, чтобы предоставить каждому из отдыхавших отдельное ложе. В человеческом понимании, отдых душам не требовался, за неимением физического тела, но привычное положение приносило тихий покой. Лежавшим никто не мешал, находя себе занятие по вкусу. Чтение и настольные игры были самым распространенным досугом, однако фантазию душ никто этим не ограничивал.

Основное действие происходило в комнатах, но кухня тоже не пустовала. Там практиковались отнюдь не в картах. Судя по шкворчанию масла, кто-то осваивал премудрости сковороды, попеременно гремя кастрюлями и дуршлагами. Души не нуждались в еде, как и во сне, однако процесс приготовления блюд становился для них довольно любопытным развлечением. Ингредиенты брались в холодильнике из ниоткуда, и все необходимое тотчас оказывалось под рукой. Для тех, кого в аду доселе не баловали, нынешние условия смахивали на курорт, пускай и далекий от курортов служителей Люцифера.

Не осталась бесхозной даже ванная. Кто-то напустил туда

рыб и наблюдал за ними долгими часами. Затем открыл для себя более интригующее занятие. Квартира не превращалась в парк аттракционов и сохраняла неизменный вид, однако отдельные ее элементы вполне себе трансформировались, обретая дополнительные функции. Наполненная изумрудной водой, ванна утратила дно как таковое. Где-то там, в ее бездонной глубине, плавали различные рыбы, которых одна из душ с азартом ловила на зимнюю удочку. Улов она отпускала обратно, либо отправляла на кухню, где ему тут же находили достойное применение.

Трансформация затронула и шкаф. Там находились те предметы, которые в нем рассчитывали отыскать. Сам шкаф при этом стал глубже и вместительнее. Его задняя стенка превратилась в потайную перегородку. Она пока не открывалась и никуда не вела, однако намекала на перспективу расширения. Нематериальная квартира вполне могла прирастать дополнительными помещениями, при этом не меняя свою исходную визуальную структуру. Например, отдельными комнатами для уединения, залом с игровыми столами или целой оранжереей.

Не привлекая внимания, архангелы хорошенько изучили всю квартиру вместе с нынешними постояльцами. Скрывая свои подлинные сущности, они выглядели как обычные люди, гости сопровождавшего их хозяина. Падший ангел не солгал. Решительно отовсюду, под кровом этого убежища веяло кардинальными преобразованиями Утренней звезды.

— Поразительно, — прошептала Люмениферус, прежде не видавшая ничего подобного.

Поднаторев на ниве адского Эдема, Люцифер пошел гораздо дальше. Несмотря на скромные размеры, квартира мехтиаза полнилась новыми идеями, главной из которых была возможность встречи различных душ.

— Это не ад, это какой-то дом свиданий, — нахмурился Михаил. — Просто насмешка над небесами. С чего бы людям стремиться к лучшему, если они угодят сюда, под заботливое крылышко Люцифера.

— Спросите про ту дверь в прихожей, — мысленно указал им падший ангел.

— Куда она ведет? — бросив быстрый взгляд, коротко осведомился архистратиг.

— Туда же, куда и прежде, когда я тут жил, — ответил мехтиаз.

— И ты можешь туда пройти? — пытливо уточнила Люмениферус.

— Конечно. Иначе зачем бы ее делать? — кивнул мехтиаз.

— Вот ты мне и скажи, — предложил Михаил.

Способность покидать пределы ада оказалась отнюдь не вы-

думкой. Мехтиаза не сдерживали его границы, если он проходил именно через эти, миниатюрные собственные врата. Другие души они не пропускали, что изнутри, что снаружи, равно как и демонов, однако сам владелец убежища миновал их беспрепятственно. Это он и показал, открыв тяжелую двойную дверь и очутившись на какой-то самой обычной лестничной площадке. Пролеты каменных ступенек вели куда-то вниз. За окном, колыхаясь в набегавшем ветерке, шумела листьями большая раскидистая береза.

Демонстрация получилась нагляднее некуда. Пройдя вслед за мехтиазом, словно шагнув через обычный порог, архангелы очутились на земле, в мире смертных. Сомнений в этом не было никаких. Перепутать одно с другим они в принципе не могли. Такое перемещение было для них совершенно естественным, однако отнюдь не для души, свободно покидавшей край, откуда вроде как выходить заведомо не полагалось, да еще по собственному, без всякого спроса почину. Небезызвестная фраза "Оставь надежду, всяк сюда входящий" очевидным образом утратила свою актуальность.

Мрачнея все больше, Михаил ментально подозвал одного из дозорных, немедленно прибывших на зов архистратига. Держась поодаль, никем не замеченный, он получил распоряжение приглядывать за этим местом, где мир людей столь возмутительнейшим образом сопрягался с адом.

— Покажи, чем ты тут занимаешься, — велел Михаил.

— Не могу. Как-нибудь в другой раз, — качнул головой мехтиаз. — У меня немало других забот. На земле события происходят с другой скоростью, нежели в аду. Пока я здесь, я очень многое не сделаю там.

— Ты не забыл, с кем говоришь? — сурово напомнил архистратиг.

— Нет. При всем уважении, я вам не подчиняюсь, — почтительно, но твердо ответил мехтиаз. — Я получаю приказы только от Утренней звезды. На небесах одни правила, на земле другие, в аду свои. Я принадлежу аду. Нынешние законы мироздания таковы, что в нем правит Люцифер. Лишь он вправе мне указывать.

За особым исключением, с архангелами так не разговаривали. Михаил не страдал манией величия и не разделял гордыню своего падшего брата, однако не привык, чтобы люди ему в чем-то отказывали.

— Дерзко. На твоем месте я бы не сбрасывал меня со счетов, — многозначительно заметил он.

— Я не сбрасываю. Как военачальник небес, именно вы лучше всего должны меня понять. Я исполняю приказы своего лорда. Верность я храню только ему. Иначе и быть не может, ибо о какой

тогда вообще верности речь, — с достоинством возразил мехтиаз. — Присутствующая здесь, светоносная госпожа подтвердит мои слова. Ее люди точно так же не подчиняются Утренней звезде.
— Да. Это справедливо, — вынужденно признал Михаил, бросив на сестру выразительный взгляд. — Пускай ты служитель ада, в отсутствии чести я тебя упрекнуть не могу.
— Тогда, если вы не возражаете, я вернусь к своим обязанностям, — напомнил мехтиаз.
— Я желаю тебя сопровождать, — подала голос Люмениферус, ощутив себя крайне неуютно под взором брата. — Или ты опять откажешь?
— Если это не помешает моей работе, ничего не имею против, — кивнул мехтиаз.

Забот у доверенного сотрудника Люцифера действительно хватало. Он и в убежище-то вернулся пробегом, проверить своих гостей и вызвать туда еще одного. Этот гость прибыл через дверь в преисподнюю, сопровожденный грайнитом. Последним оказалась молодая ведьма — одна из тех троих, которых мехтиаз первыми встретил на сумеречной магистрали.
— Освоилась? — улыбнулся он.
Приведенную душу он тут же отправил в комнату, куда та с невыразимым облегчением поспешила удалиться.
— Вполне, — кивнула грайнит. — Тем более ты поручил мне узилище попроще.
— Теперь будет куда сложнее, — посерьезнел мехтиаз. — Эту душу я забираю, здесь она под моей опекой. Возвращайся к себе. Жди. Скоро я приведу другую. Ей ты займешься уже на высшем уровне. Вели бесам все обновить. Твой новый постоялец заслуживает особого внимания. Считай это испытанием.
— А кто это с тобой? — не проигнорировав присутствующих, полюбопытствовала грайнит. — Утренняя звезда прислал своих гвардейцев?
— Не совсем. Он только один. Это архангелы Михаил и Люмениферус. Они желают взглянуть, чем мы тут занимаемся, — представил их мехтиаз.

Бывшая ведьма ахнула. Разинув рот, она во все глаза уставилась на великих небожителей. О Михаиле, худо-бедно, слыхало большинство людей, хотя даже верующие воспринимали его скорее как красивую сказку. Люмениферус так вообще мало кому была известна. Бывшая ведьма узнала о ней совсем недавно, став грайнитом и узнав очень много нового об устройстве мироздания. Придя в себя, она присела в вежливом реверансе. Пользуясь моментом, Михаил тут же расспросил, кто она и откуда, не забыв

поинтересоваться о недавних преобразованиях и новых обязанностях.
— Я хочу посмотреть, — заявил он.
Бывшая ведьма изрядно растерялась, но ей на выручку пришел мехтиаз.
— Нет ничего проще. Я иду за душой к вратам. В узилище, которым заведует эта грайнит, я ее и отведу, — заверил он.
— Так даже лучше, — кивнул Михаил. — Веди. Сам говорил, у тебя много забот.

Особенность перемещения в аду зависела от конкретной цели. Если мехтиаз искал на магистрали душу, занимался животноподобными тварями или устраивал взбучку бесам, то он передвигался обычным человеческим образом, меняя только скорость этого передвижения. Иногда он неторопливо шел пешком, оглядывая окрестности, а порой проносился выше фигуральной скорости света, ибо в преисподней физических величин попросту не существовало. Когда же ему требовалось оказаться в конкретном месте, он прибывал туда сразу, шагнув напрямую через пространство. Например, к вратам, откуда забирал как новых рекрутов Люцифера, так и души грешников.

Врата не выглядели традиционным образом, как их рисовало человеческое воображение. Это не были некие двери, каменные либо медные, и уж тем более огромные космические кольца, подобные тем, через которые в фантастических сказаниях проходили звездолеты. Тут не кружили спирали телепортов и не вздымались столбы транспортного света. Это была пустота, такая же черная, как и окружающая тьма, однако вела она не туда, где извечно ютились демоны, а к божественному мирозданию. В этой обособленной ее части, хранимой молчаливым оцером, души появлялись на каменистой пустоши, покрытой серой лунной пылью.

У врат не светили даже звезды, в любой их форме и воплощении. Кругом царили сумерки, не имевшие источника происхождения. С одной стороны пустоши был отвесный обрыв в никуда, на край которого и прибывали души. С другой подходила магистраль, уводившая к горизонту. Над ним, в неопределенной дали, как формировавшийся шторм краснело зарево преисподней. В промежуточной зоне располагался своеобразный терминал, по сути незримый и не имевший внятных очертаний. Принимая очередную душу, проход туда появлялся только в нужный момент. Точно так же она его и покидала, но уже через другой проем, ведущий в ад.

Фиррит резину не тянул. Встретив целую партию душ, он уже провел с ними надлежащие беседы, отделяя зерна от плевел. Зерна

ожидали своего распределения в одной части терминала, плевелы в другой, куда за ними прибывали проводники. Там они отнюдь не прохлаждались, ибо внутреннее убранство удобствами не прельщало. В отличие от аэропорта или вокзала, адский терминал смахивал на обширные гроты из пемзы и обсидиана, где скамьи заменяли камни, а вместо конвейеров для багажа ползли дорожки чадившей лавы.

— Этот из тех, кто пользуется особым вниманием Утренней звезды, — многозначительно молвил фиррит, передавая грешника.

— Что он натворил? — пытливо осведомилась Люмениферус, поддержанная тем же молчаливым вопросом Михаила.

— Достаточно, — сдержанно ответил фиррит. — Пусть вам мехтиаз по пути расскажет, пока я сам этому подонку шею не свернул.

В отличие от Люцифера, другие архангелы читать в душах не умели. Его человеческий персонал — тоже, однако он использовал очередное нововведение владыки ада. Он трансформировал и расширил понятие печати проклятых. По прибытии, каждая душа наделялась персональной меткой, похожей на монету, но содержала она не название и номинал. Символизируя деньги, она означала расплату за содеянное. В ней воплощалось личное дело — пересказ жизненного пути и подробный перечень грехов. Избавиться от нее было невозможно. Любой, кто обладал надлежащей властью, протягивал руку — и эта монета оказывалась на его ладони. Приняв ее от фиррита, мехтиаз вздрогнул и поморщился.

— Хотите узнать? Просто возьмите, — предложил он архангелам этот тусклый, сотканный из адского огня предмет.

Люмениферус оказалась проворнее. Схватив псевдомонету, она не успела спросить, каким образом та работает, как в ее разум немедленно хлынул поток насыщенной информации.

Сомневаться не приходилось. Такую штуку мог придумать и тем более сотворить только Люцифер. Проходя через врата, она формировалась самостоятельно, попадая в руки оцера. Тот передавал ее фирриту, и далее по цепочке. Взявший монету не видел всего того, во что проникал владыка ада, однако и умело подобранной выдержки оказывалось достаточно. Она была наглядной квинтэссенцией жизненного пути. Полная копия не требовалась, тем более что люди все равно были неспособны ее объять. Она содержала только самое необходимое, что читалось с помощью светоносных жезлов. Люмениферус таковой не требовался. Как архангел, она и сама досконально познала творение брата. Точнее, монета передала ей все свое содержимое, поведав о конкретном грешнике, и поведав более чем достаточно.

Война приносила множество страданий, и далеко не все из

них были связаны с непосредственной гибелью людей. Размытая линия фронта существенно увеличивала сопутствующий ущерб, глубоко поражая соседние регионы, а отсутствующая и вовсе вносила куда угодно элемент полнейшей неожиданности. К таковой относились внезапные бомбежки и ракетные удары, без прямой интервенции и даже видимых предпосылок. Беженцы и вынужденные переселенцы становились естественным следствием боевых действий, однако на них человеческая боль не заканчивалась, а только начиналась.

Разрушения инфраструктуры, возвращавшие людей в каменный век, отсутствие медицинской помощи и предметов первой необходимости были сами по себе тяжким испытанием, но они провоцировали и другие. Вспыхивали болезни, разрастаясь до уровня эпидемий. Дефицит воды превращался в подлинный кошмар, даже похуже перебоев с продовольствием, вплоть до откровенного голода. Лишаясь коммуникаций, люди теряли связь с родными и близкими, были не в состоянии обратиться к кому-нибудь за помощью. Перманентная угроза и полная неизвестность ломали их психику, повергали в страх даже тогда, когда обстановка выглядела более-менее благополучной.

Нарастание криминала носило спонтанный и ожесточенный характер, начиная от мародерства и заканчивая убийствами. Безвинные жертвы чужих страстей, расплачиваясь за чьи-то амбиции, люди страдали не семьями, домами или населенными пунктами — они страдали целыми народами, но даже это было не самым страшным. Наиболее отъявленные негодяи, наихудшие представители рода человеческого делали бизнес на крови, корнями уходивший к правящим верхам цивилизации. Увы, зачастую это заключалось не в поставках оружия, краже гуманитарной помощи и чудовищной коррупции, за счет которой покупались чемоданы акций, суперкары, дорогие апартаменты и элитные особняки. Наемничество, экономическая выгода и присвоение имущества также были не худшей формой этого злого дела. Порой, бизнес на крови заключался в самом прямом смысле этого слова.

Чем больший поднимался хаос, тем проще было прятать в нем концы, а когда закон подменяло право силы, беззаконие достигало апогея. Использованная в преступных целях, даже эвакуация могла оказаться совсем не тем, чем выглядела. Пользуясь ситуацией, особо гнусные чудовища, отчего-то тоже именовавшиеся людьми, налаживали торговлю детьми. За солидную мзду, в лучшем случае их вывозили в другие страны, самостоятельно или через фонды отдавая в приемные семьи. Дальнейшая судьба похищенных ребятишек превращалась в лотерею, от приемлемого су-

ществования до непрерывного кошмара в руках психологических насильников и педофилов. В особо чудовищных, вне всякой морали эпизодах детей продавали на органы. Душа, чью метку прочла Люмениферус, имела к ним самое прямое отношение. Она была из тех, кто лично стоял у основ этого зла, выискивая жертвы и отправляя их на верную смерть.

Носившие военную форму, именовавшие себя солдатами и офицерами, иные подонки вершили свое черное дело открыто и безнаказанно. Мирным жителям было просто нечего противопоставить вооруженным, облеченным властью и погонами головорезам. Под угрозой физической расправы, либо наглым обманом, они забирали детей якобы для вывоза в безопасное место. Иных разлучали с семьями, прикрываясь некими приказами и одновременно передергивая затворы. Других ловили прямо на улицах, заталкивали в автобусы и увозили в неизвестном направлении. Боевые действия, административный бардак и целенаправленное сокрытие следов приводили к тому, что дети просто исчезали. Найти их потом не было никакой возможности, ибо уже некого было искать.

Религиозные, национальные или расовые отличия служили отличным поводом для отбора живого материала. Люди всегда сбивались в группы, порой превосходившие жестокостью голодные волчьи стаи. Деление на чужих и наших происходило с незапамятных времен. "Наших" старались не трогать, без особой на то причины; "чужих" дозволялось грабить, насиловать и убивать, либо превращать в живые контейнеры биологического товара.

Душа в чине унтер-офицера изрядно потрудилась на своем гнусном поприще. Ее происхождение, место жительства и регион конфликта значения не имели. Чудовищный бизнес велся во многих странах, затронутых войной, гуманитарными катастрофами и неразберихой. На земле она уверенно избегала всякой ответственности, действуя под покровительством высокопоставленных лиц. В аду ничье заступничество уже не помогало. Здесь не было продажных политиков и ловких адвокатов. Точнее, они были, но сами находились в своих узилищах, где расплачивались за содеянное. Доказательством же злодеяний служила сама душа, и от того что хранилось в ней самой, ей уже никак не получалось не отвертеться.

Унтер-офицер выглядел неважно. Устами фиррита, ему обстоятельно разъяснили, куда он попал. Чего бы он себе ни думал при жизни, посмертная реальность оказалась беспощадна. Он даже во что-то верил, но так, как и большинство людей — скорее, для галочки, на всякий случай, всерьез не допуская подобного ис-

хода. В противном случае, трясясь от страха, он до последнего вздоха искупал бы свои грехи, и уж точно не осмелился бы погубить ребенка. Унтер еще на что-то надеялся, рассчитывал убедить, что он не так уж и виноват. В аду такие оправдания слыхали миллиарды раз — мол, продукт системы, заложник обстоятельств, делал как все… Они никогда не помогали, хотя бы потому, что будь душа невиновна, она не угодила бы в преисподнюю. Суд уже свершился. Само ее наличие здесь оказывалось приговором. Вопрос заключался лишь в конкретном наказании, к которому душу и должен был доставить мехтиаз.

Тысячелетиями живя среди людей, Люмениферус повидала всякое, однако это не означало, что ее чувства притупились. Каждую жестокость, каждое чудовищное преступление она воспринимала столь же остро, как и в первый раз. Печать-монета поведала ей достаточно. Гневно глядя на унтера, она с трудом удерживалась, чтобы самой не покарать его прямо здесь и сейчас. Ее останавливало лишь то, что это всегда была прерогативой Люцифера, не столько по праву владыки ада, сколько его изощренной, присущей случаю фантазии. Для каждого он находил достойное наказание, и самые отъявленные злодеи получали именно то, что получить могли только от него.

— Полюбуйся, — коротко сказала Люмениферус, протягивая брату адскую монету.

Михаил был более сдержан в проявлении эмоций. Он лишь взглянул на унтера тяжелым взглядом. Он тоже повидал таких людей и считал позором, что те носили военную форму. Своими черными делами они марали мундир, обесценивали присвоенное им звание. Как военачальник небес, Михаил очень щепетильно относился к чести, дисциплине и достоинству. Военных преступников он держал на особом счету, позволяя ангелам-хранителям защищать своих подопечных ценой их скверных жизней. К сожалению, конкретно этого негодяя они не сразили. Его прикончили свои же, в суматохе приняв за неприятеля и открыв огонь по автомашине. Печальная реальность заключалась в том, что ехал он там не один.

Водителя было не жалко. Такой же подонок, как и унтер, он отправился в ад и дожидался своего узилища в терминале у других врат. Увы, вместе с этими двумя погибли и маленькие дети — мальчик и девочка. Увезенные насильно, теперь они пребывали на небесах, оставив позади творившиеся с ними ужасы. Михаила опечалила их судьба, такая преждевременная и несправедливая смерть. Будь на то его воля, он бы ничего подобного не допустил, но был вынужден подчиняться законам своего отца. Порой, подчиняться скрепя сердце, но уж точно не из-за наказания для унте-

ра. В отличие от детей, того ждала другая участь, против которой Михаил и слова не говорил.

Сбежать куда-либо в аду было невозможно. Отягощенная грехами, вне узилища душа едва ходила, как если бы на ее плечах лежала целая скала, а о пространственном перемещении не шло и речи. Кроме того, она всегда оставалась под присмотром. Прежде этим занимались демоны и бесы. Теперь душами грешников ведал человеческий персонал Люцифера. Последний, кто прикасался к монете, всегда знал, где находится его подопечный, и легко притягивал к себе. Съежившегося от страха, унтера лишили дара речи, чтобы не слушать его бессмысленных стенаний, но не передвижения. Пока архангелы изучали метку, а мехтиаз говорил с фирритом, бочком-бочком, унтер попытался удрать, хотя на серой пустоши укрыться было решительно негде. Презрительно кривя губы, падший ангел молча наблюдал, как грешник отходит все дальше. Мехтиаз даже не обернулся. В какой-то момент он просто взмахнул рукой. Его жезл за поясом осветился, и душа унтера тут же оказалась рядом, словно никуда и не отлучалась.

— Не выйдет, — многозначительно обронил он, по-прежнему не удостаивая изверга взглядом.

— Чего мы ждем? — с ноткой нетерпения осведомился Михаил.

— Один момент. Мне надо кое-что уладить, — пояснил мехтиаз.

Улаживать пришлось недолго. По магистрали, от самого горизонта, молниеносно прибежали черные волы, с внушительным большерогим козлом посередине. Ведомая фирритом, из терминала вышла чертова дюжина душ. За адскими животными тут же образовалась надлежащая повозка. Поклажа формировалась автоматически, пока на нее забирались грешники. Устроившись на тюках, они прямо-таки ощущали свои деяния, приведшие их сюда. Посадку сопровождало гнетущее безмолвие. Подавленные и унылые, души ушли глубоко в себя, не в силах примириться с кошмарной реальностью.

Закончив погрузку, мехтиаз взмахнул кнутом и стеганул по лунной пыли. Черным животным этого оказалось достаточно. Вернувшись на магистраль, они покатили повозку куда-то к горизонту.

— Это еще что? — решила уточнить Люмениферус, хотя и видела подобное прежде.

— Не все отправляются в узилище напрямую, в сопровождении кого-то из нас. Повозка развозит грешников вроде автобуса, облегчая задачу дефицитному персоналу. Иным предстоит долгий путь, а для некоторых наказание в нем и заключается, — пояснил мехтиаз. — Та бывшая ведьма, к которой мы сейчас пойдем, тоже

ехала похожим образом.
— Ведьма? — как-то неприветливо отметил Михаил.
— Бывшая ведьма, — поправил мехтиаз. — Теперь она грайнит. Искупает полезным трудом свои не столь великие прегрешения.
— Ведьма? — с другой интонацией, риторически повторил архистратиг, и было ясно, что это ему совсем не нравится.
— Надеюсь, она уже успела все подготовить, — не стал заострять на этом внимание мехтиаз. — Однако, нам пора.
Потянув за собой унтера, он шагнул на магистраль и тут же унесся по ней с космической скоростью. Архангелы и падший ангел последовали рядом. Фиррит не стоял столбом, провожая их долгим взором. Вернувшись в терминал, он принял от врат новоприбывших грешников, пока другой фиррит выводил другому мехтиазу порученные тому души.

Нелинейная магистраль уводила в хитросплетения пересозданного Люцифером ада, не имевшего структурно геометрическую зависимость. Перекрестки, ответвления и переходы носили осмысленный и при этом номинальный характер, приводя туда, куда и полагалось. Сонмы узилищ, их пространственные воплощения находились в середине нигде, одновременно существуя по соседству и порознь. Дверь слева могла вести в одну часть преисподней, а дверь справа совершенно в другую, хотя между ними вроде бы и было всего несколько шагов. Их расположение объединяла не физическая необходимость, а замысел высшего архитектора. Сами узилища при этом не обязательно носили замкнутый характер. Многие размещались на открытом пространстве, а то и вовсе в пустоте, в виде небольшой площадки или витавшего там фрагмента скалы. Какие-то представляли собой бездонные колодцы, терзая грешника бесконечным ужасом падения. Кипящая сера, озера из лавы и ледяные, пробирающие до костей дожди здесь также присутствовали в изрядном изобилии. Перечислять фантазию владыки ада, для каждого находившего свою расплату, можно было бесконечно долго. Чем иметь дело с вечностью, следовало сосредоточиться на частном.

Предупрежденная об особом грешнике, грайнит расстаралась на славу. Подгоняемые звуками кнута, бесы носились как ошпаренные. Они создавали антураж, соответствующий грядущей пытке. До прибытия души его точные декорации оставались неизвестны, однако заведомо делились по целому спектру предназначений, требуя разной подготовки и разных же усилий. Иными словами, мелкому преступнику заведомо не полагалось то, что ожидало самых отъявленных негодяев, и уж тем более особое зло, удостоенное внимания самого Люцифера.

Бесы не отлынивали от работы. Подход владыки ада себя оправдывал. Ненавидя людей, они исправно служили подмастерьями и палачами, даже на фоне мятежа архидемонов. Их сил не хватало саботировать правление Утренней звезды. Они и не пытались, компенсируя свое положение удовольствием от пыток. Вот командовал ими уже не демон, а грайнит. Облеченная доверием, получив счастливый шанс, бывшая молодая ведьма не хотела спустить его в сточную канаву, тем более что ее не принуждали сжигать младенцев и мучить девственниц. Все эти байки про рогатого дьявола она теперь воочию опровергала. Ее совесть не протестовала против службы, на которую она добровольно поступила. Завидев мехтиаза, она тут же устремилась ему навстречу и приняла адресованную ей монету.

Узилище быстро переменилось. Один щелчок кнутом, вспышка светоносного жезла — и бесы оперативно воплотили надлежащие декорации, заранее подготовленные как детали адского конструктора и собранные мановением пальцев. Мгновение назад перед мехтиазом и архангелами расстилалась бесплодная долина, где курились вулканические дымки, а в небе проносились огненные длиннохвостые метеоры. Теперь ее устилала травы, местами доходившая до пояса, а густые деревья кое-где сбивались в настоящий лес. От реального земного пейзажа ее отличали только цвета, где доминировали неизменные адские оттенки.

— И это воздаяние? — обронил Михаил. — Пикник на природе.

— Терпение, — отозвался мехтиаз.

Передав унтера грайниту, он ожидал исполнения ее обязанностей, которое незамедлительно и последовало.

— Ступай, — велела грайнит, указывая грешнику в глубину долины.

Предчувствуя неладное, унтер заупрямился. Ожидая такой реакции, грайнит резко свистнула. Откуда ни возьмись, рядом возник здоровенный черный пес с широкими лапами, чья взъерошенная шкура состояла из вечной тьмы, а в раскрытой пасти пылало пламя. Адский пес, со всем, что из этого вытекало. Повинуясь приказу, он тут же вцепился в душу, опрокинул на землю и принялся разрывать на части. Его острейшие зубы впивались в бесплотное тело, рассекали словно бритвы и вгрызались в само нутро, причиняя неистовую, ослепляющую боль. Унтер дико завопил, поскольку ему вернули голос, просто без права самого голоса. Отбиваясь от пса, он извивался и так орал, будто его поджаривали и одновременно резали циркулярной пилой.

Грайнит снова свистнула. Отпустив свою жертву, пес немедленно отступил на несколько шагов, оставляя опаленные следы.

Владельцу жезла он повиновался беспрекословно. Оставаясь рядом, он продолжал пожирать душу грешника, но уже горящими глазами, из которых коптили серные дымки. Десны осклабленной пасти лизал огонь. Капавшая на землю, слюна проедала в ней прорехи как от концентрированной кислоты.
— Ступай, — выразительно повторила грайнит.
На этот раз унтер не заставил себя упрашивать. Поднявшись, он глянул на пса и пустился наутек.
— А теперь ты пустишь его следом, словно гончую на охоте, и все будет повторяться из раза в раз, — прокомментировал Михаил. — Действенно, но примитивно и неоригинально.
— Терпение, — сказала уже Люмениферус, прекрасно знавшая, на что способна фантазия владыки ада.
И та ожидаемо не подвела.

В известном понимании, грайнит и мехтиаз уже не были простыми людьми, а про остальных и тем более говорить не приходилось. Чтобы увидеть все происходящее с душой, им не требовалось находиться рядом. Они были в аду, в особом пространстве узилища. Их взоры пронзали расстояние, не подчинявшееся законам смертного мира, и концентрировались на своей насущной цели. Убежав от них за много миль, душа будто бы по-прежнему оставалась рядом, открывая ничем не заслоненный обзор. Составленный для нее сценарий, ее персональная пытка разворачивались для наблюдателей как на сцене самого реалистичного в мироздании театра.

Унтер очень быстро забыл, где в действительности находился. Он помнил лишь страх, непрерывно гнавший его вперед. Его преследовали враги. Обманчивое спокойствие долины, ее зеленые леса и густая трава таили нараставшую опасность. Линия фронта была прорвана. Противник наступал. Преследуя по пятам, за унтером охотилась сама смерть, во всей своей пугающей неизвестности. От нее веяло холодом, вгрызавшимся в душу, и тянуло тленом, отдававшим от замшелых кочек и каждого сухого дерева. Свершенные преступления пульсировали в голову с каждым ударом лихорадочно бившегося сердца. Унтер знал, что пощады ему не будет. Уж слишком много он натворил того, за что не полагалось даже малейшего снисхождения. Все похищенные дети, все загубленные жизни представали в уме длинной, повторявшейся обвиняющей чередой.

Хрустнула ветка. Звучно захлопав крыльями, птицы сорвались с высокой кроны и улетели прочь. Воровато обернувшись, унтер вперился в чащу лихорадочным взглядом. Где-то оброненная, винтовка уже не могла его спасти, да и боеприпасы все равно за-

кончились. Он вообще не помнил, когда это произошло, и сколько с тех пор минуло времени. Он только и стремился выбраться, преследуемый беспощадными врагами. А те уже мелькали среди деревьев. Как призраки, они то появлялись, то исчезали, чернели в прорехах чащи и виднелись из-за больших камней. Их силуэты возникали на опушках, стремительно пересекали просеки и надвигались из оврагов, где стелился серый, с алым отливом, густой туман. Унтер слышал шепот, суливший грядущую расправу. Его искали. Его имя было известно, а преступления изобличены. Теперь ему только и оставалось, что добраться до своих, добежать до сместившихся позиций и найти убежище за новой линией фронта.

Очередная просека, с проходившей по ней лесной дорогой, преподнесла воодушевляющий сюрприз. Там стоял автомобиль, и не бесхозный, а с небольшой семьей. На заднем сиденье виднелись мальчик и девочка, чьи лица показались унтеру знакомыми. Стоя снаружи, их отец держал канистру, из которой заливал бензин в опустевший бак. Все трое выглядели совершенно безобидно. Скорее всего, их можно было попросить о помощи, однако затравленному унтеру было не до церемоний. Он бы угнал машину, избавившись от всей компании, но внезапно подумал, что будет неплохо иметь под рукой заложников.

Огнестрельного оружия не понадобилось. Крупный и жилистый, унтер изрядно поднаторел по части физического насилия. Выхватив армейский нож, он выразительно предъявил его отцу семейства. Когда канистра опустела, он втолкнул его на водительское сиденье, а сам устроился на пассажирском, угрожая немедленной расправой. Преследователи уже подбегали. Их черные фигуры рвались к машине, когда она дала полный газ и с надсадным визгом, с диким скрежетом и проворотами колес унеслась по лесной дороге. Расчет себя оправдал. Завидев детей, враги не стали стрелять, а лишь ревели унтеру вслед как озверелые, упустившие свою добычу чудовища.

Страх сменился надеждой, пока деревья расступались, пропуская к дороге свободу и простор, а лесная чаща быстро оставалась позади. Затем надежда превратилась в ликование, когда впереди показалось поле, у въезда на которое располагался блокпост. Рядом стоял пикап с крупнокалиберным пулеметом, а несколько поодаль виднелась бронемашина пехоты, затянутая маскировочной сеткой. Перекрывший дорогу, шлагбаум был отмечен приметным знаком, а у мешков с песком виднелся флаг. Свои! Облегчение унтера таковым, словно его свели с возведенного костра, сняв все обвинения в ереси.

С воздетой ладонью, от шлагбаума к машине подошел офи-

цер с двумя вооруженными солдатами. Приветственно улыбаясь, унтер махнул рукой. Ему было известно это подразделение. Его принадлежность и подчинение сомнений не вызывали. Теперь унтер точно осознал, что он в полной безопасности.
— Диверсант! — внезапно крикнул офицер, заглянув в автомобиль со стороны водителя.
Выхватив пистолет, он наставил его на боковое стекло.
— Вы чего?! Я свой! — обомлел унтер.
Схватив себя за плечо, он потянул мундир, чтобы предъявить шевроны, и в глазах его зарябило. Как же он мог забыть, что во время бегства переоделся во вражескую форму?!
— Огонь! — рявкнул офицер.
— Стойте! Это ошибка! — дико заорал унтер, но больше ничего добавить не успел.
Загрохотали выстрелы. Наведя винтовки, солдаты изрешетили и машину, и всех, кто в ней находился, невзирая на детей. Им вторил крупнокалиберный пулемет. Стуча с пикапа, он дырявил легковой автомобиль навылет, превращая в металлические лохмотья.

Наступившая со смертью, тьма продлилась всего мгновение, ибо умершие времени не ощущают. Они ничего не ощущают, но унтер ощутил. Кромешный мрак внезапно рассеялся, будто его и не было. Словно выныривая из глубокого колодца, вернулся слух. Потом, проявляясь как фотоснимок на бумаге, восстановилось зрение. Следом вступили в свои права осязание и обоняние. Чувствуя странную тяжесть, унтер пришел в себя, хлопая глазами в потолок. Странный это был потолок, покатый и матерчатый. Он уже где-то его видел, причем не один вроде бы даже раз.

Хлопнув пологом, повеял легкий ветерок. Напрягая память, унтер сообразил, что находится в палатке полевого госпиталя. Раздетый донага, накрытый только простыней, он лежал на операционном столе, холодившем ему спину. Рядом виднелась передвижная тумба с разложенными на ней хирургическими инструментами. У стены в ногах расположился стеллаж, полный разнокалиберных контейнеров и склянок.
— Очнулся. Очень хорошо, — раздался чей-то басовитый голос.

Унтер попытался сесть, но не сумел. Он вообще не мог пошевелиться, словно накачанный каким-то парализующим препаратом. Скосив глаза, он увидел мужчину во врачебной одежде, гигиенической маске и переднике. Держа в руках шприц, тот вводил его содержимое в стоявшую рядом капельницу, чья прозрачная трубка тянулась к вене унтера.
— Так я не погиб! Я всего лишь ранен! — возрадовался унтер, сообразив, что его отнюдь не застрелили. — Доктор, вы мне поможе-

те?!
Его голос прозвучал очень странно, будто оставался в груди, не срываясь с неподвижных губ даже тихим шепотом. Врач, казалось, его не слышал. Не реагируя на призывы, он занимался только своим делом.
— Жизненные показатели в норме, — сказала какая-то женщина откуда-то из-за головы унтера.
Словно в подтверждение ее слов, там мерно пикало медицинское оборудование, фиксируя состояние пациента.
— Ввести ему обезболивающее? Или снотворное? — уточнила женщина.
— Ни в коем случае, — мотнул головой врач. — Это может навредить всему процессу. В ткани не должно попадать ничего постороннего.

Приготовления, вся эта атмосфера быстро принимала зловещий, не предвещающий ничего хорошего характер.
— Какому процессу? Что вы делаете? — упавшим голосом спросил унтер, снова предпринимая безуспешную попытку пошевелиться.
Чем бы ни накачал его врач, он знал свое дело очень хорошо, обеспечив полную неподвижность пациента.
— Контейнеры для органов готовы? — деловито осведомился подошедший хирург.
Ответом ему послужило выразительное постукивание чем-то твердым.
— Тогда приступим, — велел хирург. — У нас мало времени. Следите за показателями. Он должен оставаться живым как можно дольше.
Звякнув инструментами на тумбе, он подошел и протянул к унтеру руку, в которой блеснул скальпель. Унтер заорал. Он заорал еще до того, как черный трансплантолог сделал первый разрез, и продолжал заходиться от воплей пока его потрошили подчистую.

Когда кошмарная операция закончилась, вырезанные органы лежали рядом, разложенные каждый в своем контейнере. Из вспоротой брюшины тянулись кишки, собранные в отдельный таз. Унтер, при этом, был все еще жив. Такое, впрочем, история знавала, когда при мучительной казни, так и называвшейся потрошением, приговоренные к смерти умирали лишь тогда, когда их сжигаемые внутренности уже обратились в пепел. Внутренности унтера никто не сжигал. Каким-то непонятным, поистине неведомым образом он все еще чувствовал их так, словно они по-прежнему оставались связаны с телом.
— Отличное сердце. Как раз то, что надо, — удовлетворенно заявил хирург, поднимая его на окровавленной ладони.

И вдруг впился в него зубами. Острыми, внезапно выросшими зубами, наполнившими рот металлическими пиками.

Из черных глаз хирурга полилась смолянистая тьма. Такая же, как из глаз медсестры, доселе следившей за состоянием пациента, а теперь вгрызавшейся в его теплую печень. Готовивший капельницу, врач терзал клыками почки, попеременно откусывая то от одной, то от другой. Подбежали санитары. Хватая оставшиеся органы, они принимались пожирать их как изголодавшиеся псы. Те тоже не заставили себя ждать. Ворвавшись в палатку, они вдвоем накинулись на добычу. Один сунул морду в таз и принялся за кишки, жадно разгрызая их в бесформенные клочья. Другой сунул морду в открытую брюшину и стал глодать, хрустеть окровавленными ребрами, крошившимися на его зубах.

Унтер чувствовал все, до последнего нерва, мельчайшего сосуда и самой незначительной живой клетки. Он ощущал, как его потрошили, рассекая плоть и вынимая один орган за другим. Теперь он ощущал, как его поедали заживо. Он не терял сознание от боли, не испытывал лишающего осязания шока и не проваливался в забвение смерти. Он познал все кровавое пиршество до конца. Познал целиком и полностью, каждой частичкой своей черной души, но только для того, чтобы по его завершению все началось сначала.

У входа в узилище, в самом начале стелившейся долины воспоминания ненадолго возвратились. В отличие от бога, одним из принципов Люцифера было понимание, чем и за что тебя наказывают. Унтер осознал, что с ним произошло, но совсем ненадолго, только чтобы по-настоящему вникнуть в происходящее. Вскоре он снова бежал через лесную чащу и помнил лишь страх, который гнал его вперед. Страх и боль, гнездившиеся в его душе чем-то поистине кошмарным, чего он всячески стремился избежать. Он и пытался, продираясь через густой лес. Преследуя по пятам, враги внушали ему невыразимый ужас, и этот ужас, память о боли возрастали с каждым разом, как унтер заканчивал свою цикличную жизнь на столе черных трансплантологов.

Сценарий никогда в точности не повторялся. В пределах главного действия, всякий раз в нем происходили вариативные изменения. Порой унтер находил убежище в блиндаже. Иногда он встречал не легковой автомобиль, а грузовик или даже танк. Преследователи меняли облик, количество и качество. Заложников становилось больше, меньше, либо в роли безвинных жертв выступали близкие люди самого унтера. Разумеется, ненастоящие, ибо Люцифер, в отличие от все того же бога, никогда не преподавал никому урок за счет страданий безвинных. Вот только унтер

этого не знал. Неизменным оставалось одно — он всегда испытывал страх, сменявшийся надеждой, а затем и невероятным облегчением, но только для того, чтобы вновь ощутить волну нараставшего, ведущего к мучительной смерти ужаса. Того ужаса, который испытывали несчастные, проданные им на органы дети, многократно усиленного волей Люцифера.

Скорость событий в аду действительно протекала иначе. Для унтера прошли недели, когда архангел Михаил в кратчайшие сроки изучил его наказание пару дюжин раз.

— Я увидел достаточно, — подытожил он, исподтишка наблюдая за бывшей ведьмой.

Та и впрямь справлялась со своими обязанностями безукоризненно. Она прошла испытание и доказала, что даже новая и не слишком опытная человеческая душа способна управлять одной из самых фундаментальных задач преисподней. Во всяком случае, наделенная дарами Утренней звезды, светившимися за поясом.

Затея Люцифера действительно работала. Ангелы или демоны не могли стать проводниками его силы, но души людей подходили для этого идеально. Доселе никто и не предполагал, что с подачи владыки ада души могут стать такими могущественными исполнителями, вроде мехтиазов, фирритов и грайнитов, или мощными центрами силы, как оцеры и истолы. Узрев все воочию, проверив способности этих душ, Михаил пребывал под изрядным впечатлением, и не сказать чтобы хорошим. Если Люцифер разовьет эту идею и начнет экспансию в мироздание, он перепишет его и без всякого противостояния с богом.

— Полагаю, ты уже не считаешь все банальным. Как обычно, наш брат придумал для этого подонка достойное наказание, — не подозревая о размышлениях архистратига, заметила Люмениферус.

— Но лучше бы я его не видела. Я предпочитаю находиться среди живых людей. Я дарю любовь, а не кровавые ужасы. Карой мертвых пусть занимается Люцифер.

— Это верно, — кивнул Михаил. — Каждому свое место, и место нашего брата — в аду, как и его приспешникам. На земле им делать нечего.

Сказанное военачальником небес прозвучало весьма неоднозначно, словно он открыто вкладывал некий прямой намек.

— Ты это о чем? — обеспокоилась Люмениферус.

— Мне неприятно это признавать, но падший прав. Так быть не должно, — веско произнес Михаил. — Людям не следует управлять людьми. На земле они предоставлены сами себе, но именно поэтому оказываются в раю или в аду. Теперь этот порядок полностью расстроен. Когда душам воздавали ангелы, либо их терзали демо-

ны, действовал принцип незаинтересованности. Каждый играл в мироздании свою роль, независимую от других. Теперь у Люцифера всем заправляют сами люди. Результат налицо. Ведьмы обличены властью. Грешные души преспокойно развлекаются в уютных квартирах, потому что служителям Люцифера полагаются поощрения. И только бог, пожалуй, знает, что эти служители еще натворят.

Люмениферус и самой понравилось далеко не все. Она успела составить немало вопросов, которые при случае задаст владыке ада, однако настрой Михаила ей совершенно не понравился.

— По-твоему, те души должны страдать? — нахмурилась она. — Ты же узнал ту несчастную девушку. Там, в квартире мехтиаза. Ты сам признавал, что она не заслужила своей горькой участи.

— Кстати о той девушке, — прищурился Михаил. — Ты мне нарочно снова ее подсунула? Чтобы я лояльнее отнесся к новшествам нашего брата.

— О чем это ты? — совсем по-человечески заморгала Люмениферус.

— Я тут навел справки… Ты очень искусно предъявила мне ее в прошлый раз. Начиная от дома, где она покончила собой, и заканчивая пародией на Эдем, — угрюмо произнес Михаил. — Это было подстроено, но даже узнав об этом, я стерпел. Надеялся, что это была случайность. Что ты действовала из лучших побуждений, по коварному наущению Люцифера. Однако вторично я глаза на это не закрою. И твою непредвзятость более не рассматриваю.

Люмениферус изменилась в лице. Изрядно растерявшись, она бы сильно побледнела, теки в ее жилах кровь. Архангелы не испытывали физиологических воздействий. Другое дело, воздействия эмоциональные. Слова Михаила прозвучали так, что переспрашивать явно не стоило, и все же она переспросила, охваченная целым набором всколыхнувшихся чувств.

— Все ты поняла, — отрезал Михаил. — Не знаю, причастна ли ты ко всем этим нововведениям, но прежде ты точно была заодно с Люцифером. Станешь отрицать — и я проверю каждый инцидент с твоим участием досконально, но тогда берегись! Я готов простить заблуждения своей сестре, однако никогда не прощу их сообщнице Люцифера! Того Люцифера, что лгал мне столько лет, а теперь развязал мировую войну, сделав из меня последнего, занятого совсем не тем, чем надо бы идиота.

Интонация Михаила, каждая фраза и каждый акцент били будто молотом по незащищенной голове. Складывалось впечатление, словно он давно их выверял, и теперь, наконец-то, не выдержал и высказал все в лицо.

— Брат! Что ты такое говоришь?! — в горе и ужасе вскричала Люмениферус. — Ко всем нынешним событиям я вообще никак не причастна!
— Хорошо, если так. Потому что я намерен положить этому конец, — твердо заявил Михаил.
— Ты остановишь войну?! — вспыхнула надеждой Люмениферус.
— Война — дело людей. Они сами ее развязали, действуя хоть и по наущению, но по доброй воле. Я не позволю свершиться замыслу Люцифера, — отчеканил Михаил.
— О чем ты? — окончательно растерялась Люмениферус.
— Увидишь, — многозначительно изрек архистратиг.
И тут же исчез, не утруждая себя прощальными церемониями. Тихонько, не привлекая внимания, удалился и падший ангел.

Оглушенная услышанным, расстроенная и подавленная, Люмениферус так и стояла, не в силах двинуться с места. Потрясенные минувшей сценой, мехтиаз и грайнит молчали, пока она вновь и вновь переживала разговор с разочарованным братом. Разочарованным В НЕЙ, и подозревавшем гораздо больше, нежели она действительно натворила. После выходок Люцифера, его необъяснимого поведения, удар от Михаила сломал психологическую стойкость их чувственной сестры. По щеке Люмениферус покатилась слеза. Стиснув кулаки, она подавила всхлип, готовый вырваться из вздымавшейся груди, и тут произошло нечто абсолютно неожиданное, доселе никогда в истории не случавшееся. Не сговариваясь, как по команде, души людей принялись утешать архангела.
— Вы тут ни при чем, светоносная госпожа. Это просто недопонимание. Столько всего произошло. Сразу такое трудно принять. Я думаю, все образуется, когда вы поговорите с братом позднее, — мягко и тепло увещевал мехтиаз.
— Это все падший ангел, — взяв Люмениферус за руку, убежденно сказала грайнит. — Это же он вас привел? Я уже видела его раньше. Готова поспорить, он тут болтался непроста. И физиономия у него та еще. От такой улыбки аж мурашки. Ай!
Последнее восклицание сопроводило движение, с которым архангел стиснула ее пальцы. Стиснула импульсивно, совсем не желая причинить боль.

Слова бывшей ведьмы встряхнули память Люмениферус, доселе зацикленную на одном лишь Михаиле. Незначительный штрих на периферии зрения доселе ускользал от ее внимания. Совсем мимолетно, краем глаза она отметила падшего ангела, за мгновение до того, как тот ушел через пространство. Эта мелочь так и осталась бы незамеченной, не прозвучи случайное, последо-

вавшее без всякого умысла упоминание. Когда падший ангел уходил, успев наломать своей правдивостью немало дров, на его лице, полная яда, промелькнула змеиная улыбка.

– 6 –

Создание новой преисподней шло воодушевляющими темпами, когда внезапно процесс начал буксовать. Выявляемые во множестве, проблемы носили два ярко-выраженных принципиальных характера. Казавшиеся незначительными, отдельные инциденты сливались в единое целое, достигавшее критического уровня. Каждое из них было не похоже на другое, но каждое становилось камнем преткновения, который никак не получалось обойти.

Налаживая двери между адом и миром смертных, Люцифер существенно упрощал реализацию своего глобального замысла. Получив свободу передвижения, его персонал наведывался на землю отнюдь не для развлечения. Он выполнял самые разные задачи, начиная от простого наблюдения и заканчивая взаимодействием со служителями Утренней звезды. Незримые без необходимости, скауты преисподней уступали в эффективности ангелам Михаила, однако их пользу было невозможно переоценить. Двери позволяли объединить усилия людей Люцифера — живых и умерших. Их контакты быстро превратились в полноценное сотрудничество, на пользу обеих сторон. Преимущества одних нивелировали недостатки других. Действуя сообща, они кратно повысили свою эффективность, научившись поддерживать связь не только при личной встрече, но и каждый на своем рабочем месте. Все развивалось прекрасным образом, когда воодушевляющей перспективе настал конец.

Двери не открывались. Они по-прежнему вели туда, куда и задумывал владыка ада, однако пройти через них не получалось. Поначалу единичные, словно пробный шар, эти инциденты быстро приняли массовый характер, полностью выводя индивидуальные врата из строя. Едва обретя возможность для перехода между мирами, избранные души лишились ее целиком и полностью. Сама по себе, эта проблема носила неприятный, но терпимый характер. Лишая полезного инструментария, она не затрагивала преисподнюю как таковую. Увы, пока Люцифер соображал, что происходит, ситуацию кратно усугубила еще одна, наложившаяся как по заказу. И без того дефицитный, человеческий персонал ада начал нести серьезные потери.

Подняв мятеж против Утренней звезды, архидемоны по сути

сами правили основами ада. Загвоздка с душами никуда не делась. Они могли управляться с ними самостоятельно, в обход всякого мнения низвергнутого с небес архангела. Помимо прочего, это означало, что они выкидывали из преисподней всех, кого считали персоной нон грата, а иных и вовсе не пускали туда изначально. Разумеется, не из симпатии к людям, а исключительно во вред планам Люцифера. Прежде это сказывалось на тех, кто интересовал его в свете расследования мятежа. Теперь же мятеж иерархов ада обернулся против его нововведений. Доступа в новый ад им по-прежнему не было, однако их воздействие продолжало сказываться на самой основе вечного огня.

Защищенный дарами Люцифера, содержавшими в себе частичку его света, уже сформированный персонал не пострадал. Могущество первозданного архангела было слишком велико, чтобы его превозмочь. К сожалению, остальных душ это не касалось. Отобранные для служения, но еще не введенные в должность, они массово пропадали. Они не успели получить символы власти, и по сути ничем от других душ не отличались. Люцифер понятия не имел, как совершалось принудительное изгнание, и куда вообще девались души. Он мог лишь констатировать их исчезновение, порой происходившее прямо на глазах, и хуже всего ситуация обстояла у самых врат.

Привратники в лице оцеров встречали всех, кто прибывал в преисподнюю Утренней звезды. Получая метки-монеты, они передавали их фирритам, и те производили первичное распределение. Грешники направлялись в одну часть терминала, дожидаться своей дальнейшей судьбы, будущие сотрудники ада — в другую, где начинали знакомиться со здешними порядками. Оттуда их забирали мехтиазы, но только до тех пор, пока недавно запущенная система не дала критический сбой. Не успев освоиться, души рекрутов стали пропадать, причем еще до выхода из терминала. Иные — сразу по прибытию к вратам, как только оцеры вникали в содержание их монеты. Пропадали на месте, словно призраки с наступлением утра — мгновенно и бесследно, без всяких прелюдий и театральных эффектов. Обретая масштабный характер, явление быстро охватило всю преисподнюю Люцифера, фактически парализуя ее дальнейшее развитие.

Вне себя от ярости, Люцифер просто рвал и метал. Теперь он знал, кто стоит за таинственным исчезновением душ, хотя легче от этого не становилось. Как он ни старался, предотвратить вредоносное вмешательство никак не удавалось. Несмотря на совершенство структуры, истолы были бессильны. Они надежно не пропускали отродья тьмы в новый ад, однако не могли изменить его

основу. Та оставалась неизменной, выражая намерения архидемонов, идущие вразрез с желаниями Утренней звезды.

После всех бесплодных метаний, попыток хоть как-то пресечь саботаж, Люцифер пришел к неутешительному выводу. Ему теперь только и оставалось, что встречать каждую душу лично, заранее защищая ее печатью архангела. К сожалению, это было нереалистично и практически неосуществимо. Во-первых, он станет делать это в одиночку, и ни на что другое у него банально не хватит времени. Во-вторых, печать пришлось бы ставить на всех и каждого, включая проклятые души, а это было для Люцифера совершенно неприемлемо. Его аж коробило от мысли, кого коснется светоносная благодать, пока он читает душу и понимает, что та заслужила совершенно иное. И даже если допустить, что он пошел бы на такую мороку, это не решало В-ТРЕТЬИХ, ибо заведомо отобранные люди в ад все чаще и вовсе не попадали. Фигуральные терминалы теперь еще больше напоминали аэропорт — пустынный, словно вымерший, когда из-за непогоды отменили рейсы.

За пропажей душ стояли архидемоны — в этом сомневаться не приходилось. Люцифер избегал открытого столкновения, пока не создаст надежный оплот, и был вынужден констатировать, что им успешно удается ему мешать. Это, однако, не объясняло отказ индивидуальных врат. Сначала он решил, что здесь тоже приложили руку иерархи ада, однако быстро усомнился в столь закономерном предположении. Что-то тут не клеилось. Потенциально, врата подпадали под власть архидемонов, но только не тогда, когда их контролировали или использовали особые души, отмеченные лично Люцифером. Их дары работали безотказно. Даже иерархи не могли превозмочь силу Утренней звезды или как-то воспрепятствовать ее проявлению. Следовательно, тут они были не при чем, а лишь загадочным образом сыграли на столь удачном стечении обстоятельств. Люцифер, впрочем, в такие совпадения не верил. Пока на земле разгоралась война, а новый ад требовал его внимания, он снова был вынужден отвлечься. Занимаясь малыми вратами, он сконцентрировал на них все свое внимание, и вскоре докопался до истинной причины происходящего.

Двери между адом и миром смертных контролировали ангелы Михаила. Как оказалось, у каждой из них неподалеку дежурил один из его посланников. Он приглядывал за теми, кто пытался взаимодействовать с дверью, и немедленно докладывал об этом куда следует. Он же полностью блокировал всякую возможность перехода. Для этого он использовал не собственную силу, неспособную противостоять воле Утренней звезды, а силу небес — могущество, исходящее напрямую от своего военачальника, архи-

стратига Михаила. Вопиющее в своей неожиданности, его вмешательство становилось неопровержимым. Только он был в состоянии нивелировать мощь своего брата, и лишь он обладал такими полномочиями на земле.

Уяснив, кто стоял за его катастрофическими неприятностями, Люцифер едва не впал в настоящий ступор. При всем недопонимании, конфликтах и разногласиях, такого удара от брата он не ожидал. Складывалось впечатление, будто он действовал заодно с архидемонами, однако подобное заведомо исключалось. Военачальник небес не пошел бы на это никогда, и своим ангелам тоже ничего подобного не позволил. Тем не менее, все происходило так, что совместно обернулось против Люцифера. С учетом его серьезной размолвки с сестрой, обернулось наихудшим образом. Михаил на призыв не отвечал, игнорируя владыку ада. Обсудить с ним какие-либо действия и взаимные претензии возможным не представлялось. Не видя другого выхода, Люцифер отправился поговорить с Люмениферус, хотя предпочитал вообще не попадаться ей на глаза.

На теплый прием рассчитывать не приходилось. Сестра не забыла ни скрытности брата, ни его вопиющего поведения, на вершине которого звездой сверкала защита архидемона. Пока она сбивалась с ног, бросая свои скромные ресурсы на помощь человечеству, Люцифер даже не пытался останавливать исчадий ада. В отличие от Михаила, Люмениферус не верила, что он желал людям зла, с тех пор как к ним переменился. Такой глобальный обман она принципиально не допускала, однако собственные, тайком вынашиваемые планы владыки ада были очень даже вероятны.

Озвученная падшим ангелом, версия весьма хорошо объясняла все поступки Люцифера. Подтверждая теорию практикой, доказательства не заставили себя ждать. Терзаемая болью от коварства брата, Люмениферус почти поверила в его двойную игру, если бы не одна-единственная улыбка. Ядовитая улыбка, с которой ушел проводник, приведший ее и Михаила в новую преисподнюю. Иной не придал бы ей особого значения, но только не владычица чувств. Зацепившись за этот миг, она взяла себя в руки и неторопливо проанализировала все эмоции, исходившие от падшего ангела с момента их самой первой встречи.

Стараясь рассуждать беспристрастно, Люмениферус полностью переосмыслила все случившееся, взглянув на него как бы со стороны. Такому приему людей учили даже некоторые философы, предлагая абстрагировать собственное Я от взвешенной реальности. Отринув то, что казалось очевидным, она стала рассматри-

вать события под другим углом. А именно, если бы падший ангел добивался не того, о чем говорил, а стремился нанести ущерб Люциферу, пребывая в сговоре с мятежниками и врагами. В этом случае его правдивость становилась оружием. В расчетный момент, она была особенно разрушительной, косвенно подтверждая присказку Люцифера — "Каждой истине свои уши и свое время". Доселе возмущавшая Люмениферус, теперь она представала в новом свете. В том самом, в котором ее всегда видел хитроумный и прозорливый брат, таивший что-то даже от нее, но только из лучших побуждений.

С какой бы целью Люцифер ни создавал новый ад, Михаил посчитал это вызовом мирозданию и невольно сыграл на руку архидемонам. Сыграла и сама Люмениферус, перестав разговаривать с опальным братом. Но что если он отнюдь не водил ее за нос? Что если именно сейчас ему была нужна ее помощь, как никогда? Прояснить это мог лишь Люцифер, который как в воду канул и больше не приходил. Гадая, что происходит, Люмениферус уже ни в чем не была уверена. Проверять какие-то версии у нее попросту не хватало времени и знаний. Земля была все ближе к мировой войне, причем войне на уничтожение. Ухудшение отношений с Михаилом этому только поспособствовало. Люмениферус трижды пыталась выйти с ним на связь, но военачальник небес не отвечал, недвусмысленно уклоняясь и от встречи, и от разговора. Очутившись в одиночестве, лишенная контактов с братьями, она помаленьку начинала впадать в отчаяние, когда в командном центре Красного Креста наконец-то объявился Люцифер.

Напряжение между братом и сестрой ощущалось настолько явно, что проявлялось едва ли не физически. Люмениферус тут же оживила в своей памяти, как Люцифер встал между ней и творившим зло архидемоном. Люцифер, в свою очередь, не забывал, как она негласно посетила его ад в компании Михаила, впоследствии перекрывшего все двери. Ему ведь обо всем доложили. Даже обычные люди могли обращаться к Люциферу, если точно знали, кому именно адресованы их слова. Служители и персонал тем паче поддерживали с ним прямую связь, когда в том возникала насущная необходимость. Почем зря они его не беспокоили, однако сообщали обо всем, представлявшем очевидный интерес. Слыша их всегда и всюду, Люцифер реагировал по мере надобности.

О визите брата и сестры владыка ада узнал почти сразу, однако не прибыл к ним навстречу и вообще никак не дал о себе знать. Он старался избежать непростого разговора, ибо не мог дать таких объяснений, которые бы их удовлетворили. Кроме того, он хотел понаблюдать, как без его личного присутствия, самостоя-

тельно и беспристрастно отреагируют Люмениферус и Михаил. Теперь он жалел, что не появился прямо там. Жалел потому, что деваться было уже некуда, а время оказалось критически упущено.

— Здравствуй, сестра, — ровным голосом произнес Люцифер, ощущая себя крайне неуютно под ее щемящим, полным болезненных воспоминаний взором.

— Ну? В какую дикость я на сей раз должна поверить? — помолчав, безрадостно отозвалась Люмениферус.

Одно лишь приветствие выдавало настрой почище всякой проникновенной отповеди. Люциферу было бы гораздо лучше, если бы его попросту избили, нежели рассматривали вот так, сопровождая это гнетущими словами. Жаловаться, впрочем, оснований не находилось, равно как и пенять на дурное обращение. Мягко говоря, сестра была права, делая одолжение хотя бы тем, что вообще с ним разговаривала.

— У тебя есть все причины мне не доверять, — аккуратно сказал Люцифер, старательно подбирая слова.

— Не доверять?! — теряя самообладание, тут же вспылила Люмениферус. — Да у меня есть все причины тебя возненавидеть!

— Правильно. Так себя и веди, — неожиданно шепнул ей Люцифер. — Все должны считать, что между нами большая ссора.

— Еще какая! — начала заводиться Люмениферус. — За чем бы ты ни явился, мало тебе не покажется!

— Не ругайся. Я пришел восстановить наши добрые отношения, — во всеуслышание заявил Люцифер. — Против меня восстал весь ад, тут же едва слышно добавил он. — Все иерархи, до последнего. Михаил об этом знает, но и на грош мне не верит. Думает, это я за всем стою. Я не могу пойти на них войной, не ввергнув всю преисподнюю в хаос. Вот почему я был вынужден сделать то, что причинило тебе такую боль.

Люмениферус остолбенела. По-прежнему распаленно глядя на брата, она силилась переварить его двоякие речи.

— Ругай меня, — все так же на грани слышимости, произнес диаметрально противоположное Люцифер. — Нас могут подслушивать, мои падшие ангелы или ангелы Михаила. Теперь я даже не знаю, от кого больше вреда. Надо играть на публику.

— Ругать? — переспросила Люмениферус. — О, с большой охотой! Подлец. Мерзавец. Гнусный двуличный лжец!

И за другими проникновенными эпитетами не постояла.

Экспрессивность сестры заслуживала внимания летописцев. Сочетая изящную словесность с откровенно уничижительными наименованиями, она энергично упражнялась в построении изо-

бличающих фраз, выходя на очевидно новый вселенский уровень. Люцифер невольно поежился, отлично понимая, чем вызвана такая нелестная для него словоохотливость. Плотину, что называется, прорвало. Пользуясь возможностью, Люмениферус отводила душу, высказывая брату все наболевшее в груди. Ее глаза, однако, выдавали работу ума. Ошеломленная услышанным, она не сводила их со смиренно стоявшего перед ней Люцифера.

— Я не мог тебе сказать, — шептал он под лавиной проклятий. — Сначала я был не в состоянии признать, что моя власть оказалась такой непрочной. Какой из меня правитель мира, если я не удержал даже ад? Затем я старался сам все исправить. Утаивал это даже от тебя, чтобы мне не помешали. Я бы сам спалил того архидемона, но должен был хранить порядок, чтобы не развалить весь ад. Я начал создавать принципиально новый, не зависящий от демонов, как надежную крепость перед надлежащим уроком всем мятежникам. Увы, эта скрытность обернулась против меня. Михаил считает меня чудовищем. Ты, видимо, тоже. Теперь мне только и осталось, что открыть тебе правду. Терять уже попросту нечего.

Судя по всему, сестра не осталась глуха к внезапной, сделанной столь нетривиальным образом исповеди. Ее неподдельная реакция не заставила себя ждать.

— Говори! — машинально вырвалось у Люмениферус, но эта обмолвка вполне себе вписывалась в ее пламенно-ругательную речь.

И Люцифер заговорил. Оправдываясь вслух, поддерживая громкую и эмоциональную перепалку, слышимую во всем командном центре Красного Креста, он выкладывал сестре то, в чем до недавнего времени не хотел признаваться даже самому себе.

Выясняя отношения, архангелы могли удалиться на задворки Вселенной, чтобы без помех побеседовать тет-а-тет, однако это не соответствовало замыслу. Собираясь открыться во всем сестре, с присущей ему расчетливостью, Люцифер решил извлечь из этого двойную пользу. Он и так переломил гордыню, сообщая лично, что в аду против него восстали все, причем включая падших ангелов. Он ведь уже сообразил, кто сообщал архидемонам про души и продолжал вредить в новой преисподней. Теперь, надеясь вернуть расположение Люмениферус, он хотел представить все так, будто их размолвка лишь усилилась. Пускай враги воображают, что они по-прежнему на ножах, пока оба ищут выход из сложившейся ситуации. Заведя импульсивную сестру, но добившись ее внимания, Люцифер выкладывал ей истину, на сей раз без всяких недомолвок и прикрас. В них уже не было никакого смысла. Положение сложилось хуже некуда, а стратегия Утренней звезды оказалась известна взбунтовавшимся архидемонам.

С учетом экспрессии Люмениферус, сцена выглядела абсолютно натурально. Вспыльчивая до взрыва, она отлично играла свою роль, пока внимательно, вне себя от изумления, слушала откровения брата. Никто бы и не заподозрил, что происходило между ними на самом деле, ибо даже их присутствие в командном центре объяснялось реалистичнее некуда. Взбешенная коварством Люцифера, сестра отказывалась с ним куда-либо идти, а на его попытки оправдаться отвечала гневом и весьма нелестными эпитетами.

— Не могу в это поверить, — улучив момент, шепнула она. — ВЕСЬ АД? Как такое вообще возможно?

— Спроси Михаила. Ему Гавриил об этом наболтал, — мрачно ответил Люцифер. — Помнишь загадку пропавших душ? В том она и заключается. Такое возможно, только если вся преисподняя поднимется против меня. Вот тебе и доказательство лучше некуда.

Люмениферус ахнула. Отступив на шаг, она пожирала взглядом брата так, словно здесь и сейчас пыталась определить, вся эта невероятная история действительно верна или ее снова водят за нос. Утвердившись в решении, она размахнулась и отвесила Люциферу оглушительную пощечину.

— Это тебе за все! — выразительно сообщила она.

И тут же влепила еще одну.

Люцифер ничуть не возражал, и не оттого, что заслужил. Дело было даже не в том, что нападки идеально следовали публичному сценарию. Он испытал невероятное облегчение. Сестра колотила его не в силу неприятия, вышвыривая из своей жизни вон. Это было свидетельство восстановления ее доверия. Она действительно его любила, ибо никто другой вот так запросто не открыл бы ему свои объятия. Люцифер никогда в этом не сомневался, а сейчас убедился воочию и показательно.

— Как ты мог, подлец? Чертов интриган, — беззвучно шепнула Люмениферус. — Я столько из-за тебя пережила!

— Рвать на части будешь после. Сейчас надо выпутываться из ситуации. Земля близка к катастрофе, и положение в аду ничуть не лучше, — тихо перешел к делу Люцифер.

— Надо сообщить Михаилу! — пылая эмоциями, громко и двусмысленно заявила Люмениферус.

Пламенный энтузиазм сестры отлично вписывался в бурю гнева, обрушенную на проштрафившегося брата. Кто бы их ни подслушивал, он воспринимал все за чистую монету. Только Светоносная была способна уловить не злость и ярость, а прощение и вспыхнувшую надежду; мощный прилив наилучших чувств, быстро сменивших все отрицательные. Никто, кроме нее, такой воз-

можностью не обладал. Люцифер намеренно поддерживал беседу вслух. Мысленное общение архангелов могли подслушать другие небожители — даже бывшие, — если находились рядом. Человеческая речь, одними недвижными губами, отлично скрывалась в потоке слов, эмоций и шторме пространственных сотрясений.
— Михаил и так об этом знает, — украдкой напомнил Люцифер. — Я услышал ответ про души именно от него. Точнее, от Гавриила, а тебе известно, что наш всезнающий брат никогда не ошибается. Михаил мне не верит. Ты поверила сразу, а он не верит до сих пор, что весь ад взбунтовался против своего властелина. Дьявола, падшей Утренней звезды.
— Почему? Если это правда! — недоуменно вырвалось у Люмениферус.

Совсем по-человечески, Люцифер вздохнул. Реальность заключалась в том, что на любую истину могло существовать как минимум два диаметрально противоположных взгляда. Михаил увидел ее со своей стороны, исходя из присущего ему недоверия к опальному брату. Он решил, что Люцифер придумал этот ребус, дабы отвлечь его внимание от своих коварных планов. Кроме ничем не подтвержденных заявлений, тот ничего не предъявил, и особенно на фоне своего благоволения мятежным архидемонам. Все выглядело так, будто он и впрямь стоял за всеми злодеяниями, погружавшими людей в кровавый гибельный хаос. Это Люцифер и объяснил озадаченной сестре, еще раз подчеркивая, в какую скверную ситуацию угодил.
— Меня он не послушает, — подытожил он. — Я надеюсь, он послушает тебя.
— А вот это вряд ли, — резко помрачнела Люмениферус. — Видимо, ты еще не в курсе. Один из твоих дьявольских ангелочков ту еще кашу заварил.
— О чем это ты? — обеспокоился Люцифер.
Ощущая себя дурой, которую в очередной раз провели, Люмениферус публично продолжала возмущаться, а под шумок поведала об откровениях падшего ангела. Тех, что сперва столкнули ее с Люцифером, а затем спровоцировали конфликт с Михаилом.

Уяснив произошедшее, Люцифер пришел в натуральный ужас.
— Почему ты мне сразу не рассказала?! — воскликнул он, только что за голову не хватаясь. — Тебя использовали как марионетку!
— Кто бы говорил, — воткнула ему шпильку Люмениферус. — У меня не было оснований тут же откровенничать с тобой обо всем. После всех твоих выходок. А потом они даже в перспективе испарились.

— Проклятье! — выругался Люцифер, прибавляя множество почерпнутых у людей нецензурных выражений. — Нас обоих провели! Провели как малых детей! Уму непостижимо, как я мог угодить в такую ловушку!
— Впредь будет тебе уроком, — заметила сестра. — Даже если ты самый умный во Вселенной, гордыня тебя ослепляет. Ты и мысли о мятеже не мог допустить, вот его и прозевал. И по той же причине позволил обвести себя вокруг пальца.
— Твоя правда, — был вынужден признать Люцифер.
— Ты курсе, что ты нарцисс? — сердито осведомилась Люмениферус. — Пускай и небезосновательно обвиняя отца, ты похож на него больше, чем думаешь. Еще один самоуверенный тиран этому мирозданию ни к чему.

Для самолюбия Люцифера такие речи были хуже каленого железа, которым верующие веками и по-христиански, сугубо в любви к ближнему и заботе о его душе, жгли несогласных со своими убеждениями. Самое неприятное заключалось в том, что сестра была кругом права.
— Спрашиваешь, почему я про падшего не рассказала, а сам о мятеже и словом не обмолвился. Вдвоем мы еще тогда имели хорошие шансы все предотвратить, — пеняла Люмениферус.
— Я боялся уронить свой авторитет. Что после такого скандала ты не поддержишь мои притязания на вселенский трон, — признался Люцифер. — Трон, который я хотел разделить с тобой. Кто доверит власть такому несостоятельному вождю?
— Потому я и сказала, что гордыня и самоуверенность тебя ослепляют. И буду повторять это снова, пока ты не сделаешь надлежащие выводы, — сурово корила Люмениферус. — Наш отец пережил величайшее восстание. Твое восстание, а незыблемо правит до сих пор, в ореоле благоговейного слепого поклонения. Как ты мог вообразить, что я от тебя возьму да отрекусь? О каком тут доверии вообще речь?

Отповедь сестры колола по живому. Даже не колола, а резала, вызывая горячее желание провалиться от нее подальше в ад. Ее устами, болезненная правда представала неискривленным зеркалом. Глубоко уязвленный, Люцифер поджаривался как на углях, но стоически терпел, в кои-то веки наблюдая свое подлинное отражение.
— Я смиренно предоставлю тебе возможность пилить меня хоть до скончания времен. Но потом. Сейчас надо срочно выпутываться из положения, — воззвал к конструктивности Люцифер.
— Что ты предлагаешь? — прекращая истязание, спросила Люмениферус.

— Раз Михаил нас не послушает, надежное средство остается лишь одно. Мы предъявим ему железобетонное доказательство, — задумчиво произнес Люцифер.
— Это какое же? — озаботилась Люмениферус.
— Надо разобраться, куда деваются души. Этим и занимались мои служители, вскрывая тела с помощью твоих медиков. Если Михаил убедится, что это действительно происходит, он автоматически поймет, что архидемоны и впрямь орудуют самостоятельно. Такова суть сказанного Гавриилом, — ответил Люцифер. — К сожалению, у меня огромные трудности. Я дальше некуда занят в новом аду, не говоря уже о мятежниках и проблемах, которые доставляют война людей и ангелы Михаила. К тому же за мной постоянно следят, так что заняться этим придется тебе, сестра.

Общий созыв падших ангелов теперь не вызывал подозрений, а очень даже вписывался в стратегию Люцифера. Мятежникам было очевидно, почему он создает новый ад, однако неясна его осведомленность. Неясна до конца, в чем именно он уже уверен, а что лишь подозревал. Критически серьезная, ссора между архангелами очень эффектно дополняла вредоносное дело. Лишая их возможности действовать сообща, она позволяла беспрепятственно действовать самим мятежникам. Направив гнев и внимание архангелов друг на друга, они были только рады усилению дальнейшей напряженности. Пусть занимаются не тем, чем надо бы, а мятежники им охотно помогут.
— Дежурить по периметру в два рубежа! К вратам ни на шаг не подходить! Без моего разрешения внутри не появляться! — собрав свою огромную гвардию, властно отдавал приказы Люцифер.

На границе старого, речь шла о новом аде. Собранные легионы падших ангелов выстроились в огненной пустоте, обратив свои взоры на Утреннюю звезду. Вызов был неотложным и по важности чрезвычайным. Возмущенный реакцией Михаила, велевшего своим дозорным блокировать двери в мир людей, Люцифер собирался вступить с ним в конфронтацию. Точнее, с его ангелами, отвечая на открытое вмешательство военачальника небес. Призванные в строй, падшие ангелы ничего против не имели.

Агрессивная реакция владыки ада полностью соответствовала концепции происходящего и не грозила поражением, как с вторжением в рай. На земле действовали другие правила. Не желая спускать брату выходку, посягавшую на его права, Люцифер намеревался дать отпор, снаряжая гвардию на защиту индивидуальных врат. Он же расставлял ее по периметру свой новой преисподней. Отныне никто, начиная от архангелов и заканчивая

самым незначительным скаутом Михаила, не должен был проникнуть внутрь без его ведома. Истолы безупречно защищали регион от исчадий ада, но против небожителей они силы не имели.
— Чтобы ни одна тень не проскочила! — властно требовал Люцифер. — Души людей не отличают вас от ангелов Михаила! Пока мы не закончим, в моих новых владениях не должен появляться никто, кого они примут за враждебного нам небожителя! Мы не станем распыляться и гадать, недруг это был или один из наших! Любой, кто объявится в запретной зоне, автоматически будет считаться врагом!

Идея была проста и эффективна. Под прикрытием того, что с архистратигом он теперь на ножах, опасаясь его провокаций и лазутчиков, Люцифер выставлял из нового ада всех, кроме людей и бесов. Первые либо сидели в своих узилищах, либо его противнику уж точно не служили. Читая в душах, он был безоговорочно уверен в своем персонале. Оставаясь под присмотром, вторые не обладали возможностью вредить. Не подпуская их к терминалам, держа подальше от рекрутов и важных душ, Люцифер заведомо исключал доносы и шпионаж, а ничего другого бесы делать не умели.

Разумеется, падшим ангелам не очень понравилась вынужденная депортация. С другой стороны, они находили ей вполне логичное и даже естественное обоснование, вызванное их собственными инсинуациями. Грядущее противостояние требовало радикальных мер, и особенно в тех условиях, когда у владыки ада к другим архангелам не осталось ни малейшего доверия.
— Моя сестра отвернулась от меня! — жестко выбрасывал слова в пространство Люцифер. — Она предпочла ковать души в пользу небес и Михаила! Пускай ее последователи катятся на небеса! Мы прекрасно справимся без них в аду!

Слушая гневные, в адрес сестры речи Утренней звезды, падшие ангелы выражали молчаливое одобрение. Светоносная отщепенка, не вошедшая в ад, но и нежеланная на небесах, давно набила им оскомину. Ее дурное влияние сказывалось на владыке преисподней уже давно и не лучшим образом. Это она заложила в нем симпатию к человечеству. Она же всячески ее раздувала, приводя к столь неприемлемому преображению Люцифера. Наслушавшись ее речей, тот окончательно сбился с прежнего пути и строил с ней совместные планы. Эти планы Светоносных падшим ангелам решительно не нравились, ибо в их предполагаемом будущем от былых мечтаний о небесном троне мало что осталось. Иными словами, падшие ангелы места себе в нем не находили, отчего поддержали архидемонов и воспротивились. И уж точно были рады отвадить Люмениферус от Люцифера. Им требовался прež-

ний непреклонный вождь, за которым они пошли даже в самые глубины ада, а не человеколюбивый подкаблучник своей сестры. Безобразный скандал, приключившийся в Красном Кресте, пролился им настоящим бальзамом на душу.

Придя мириться, желая восстановить контакт, Люцифер в итоге вдрызг разругался с взбалмошной сестрой. Она публично хлестала его по щекам, унижая перед жалкими людишками, и даже выразительно предъявила меч, который астрономически редко доставала. Люцифер в долгу не остался. Под градом оскорблений, не выдержав наглого вмешательства в свои дела, он пообещал раскатать Красный Крест на красные же лоскуты, не пригодные даже для бинтов, а самой Люмениферус указать на ее место в мироздании. Он грозился пролить на головы серу, низвергнуть с неба огонь и устроить показательную экзекуцию, и как исполнители падшие ангелы для этого отлично подходили.

До начала открытого столкновения, земных служителей Люцифера следовало взять под прямую защиту. Пойдя своей дорогой, отказавшись воссоединиться с братом, сестра становилась не союзником, а препятствием. Если она продолжит в том же духе, ее людей потребуется устранить. По нынешним временам, в условиях набиравшего обороты хаоса, это представлялось не такой уж сложной задачей. В отличие от агентов и медиков, служители Люцифера использовали мощное поражающее колдовство. Вне всяких сомнений, они запросто перебьют последователей Люмениферус, если падшие ангелы обеспечат им надлежащее прикрытие. Воодушевленные свирепостью владыки ада, те, разумеется, клятвенно это пообещали. Они уже знали всех его служителей наперечет. Им только и оставалось, что объединиться в подразделения и спланировать совместную атаку, не забывая и про грядущее столкновение с ангелами Михаила.

Начавшись под благовидным предлогом, общий сбор превратился в тотальную мобилизацию. Призвав свою гвардию, Люцифер сыграл против врагов их же руками. Он вооружался на войну, которую никоим образом не собирался начинать, и выстраивал эшелонированную оборону от тех, кто и не думал на него набрасываться. Затея полностью себя оправдала. Избавившись от шпионов, он на какое-то время освободил свой новый ад от диверсантов и соглядатаев, ибо на данный момент любым ангелам запрещалось там появляться. К сожалению, это был непродолжительный маневр. Загвоздка именно во времени и заключалась.

— Ну, сестричка, только не подведи. Я занял эту ораву делом, но не смогу держать ее на цепи бесконечно долго, — мысленно сказал себе Люцифер, организуя легионы падших ангелов.

Поставленная перед Люмениферус, задача выглядела невероятно сложной. Сжатые сроки и вовсе превращали ее в экстремальное испытание, едва ли выпадавшее когда-либо. Озаботившись пропажей душ, Люцифер подключил к ней своих служителей еще до войны, и в изрядном количестве. Поначалу действуя самостоятельно, впоследствии они прибегали к широкой помощи последователей Люмениферус, однако так ничего и не прояснили. Теперь раскрыть эту загадку предстояло самой Люмениферус, причем практически в одиночку. На чье-то содействие рассчитывать особо не приходилось.

Согласно легенде, служители Утренней звезды пребывали во враждебном лагере. Любые контакты с ними тут же станут известны мятежникам, чьи шпионы шныряли по всей земле и в аду, со всеми пагубными последствиями. От собственных людей тоже было мало проку. Люмениферус не готовила колдунов и не учила их взаимодействовать со сверхъестественными материями. Ее медики лечили, но не накладывали заклятья, а секретные агенты умели добывать информацию, однако не уровня рая или ада. В отличие от служителей Люцифера, они оставались обычными людьми, посвятившими себя обществу и свету.

В повседневной жизни последователи Люмениферус справлялись на отлично, играя в ней достойную и продуктивную роль. Вопросы божественного уровня просто не соответствовали их возможностям и восприятию. Они и сами не понимали, что представляла собой их собственная душа, так где уж им было найти душу кого-то другого, да еще заведомо не зная, в каком направлении искать. Люмениферус и сама понятия не имела. Поставленная Люцифером, задача смахивала на пресловутую сказочную: "поди туда — не знаю, куда, принеси то — не знаю, что".

Информации не было практически никакой. Из ада души исчезали, а на небеса уж точно не попадали, и на этом всякие ориентиры заканчивались. Иными словами, они могли оказаться где угодно во Вселенной, причем в совершенно незнакомой прежде форме. Обшаривать ее до последнего астероида было непосильным трудом даже для архангела, однако вряд ли именно это и требовалось. Так или иначе, во всем присутствовала некая логика, действовали свои законы и проявлялся определенный порядок. Решив не иметь дело с бесконечностью, что было заведомо бесперспективно, Люмениферус сосредоточилась на более реальных частностях.

Исчезновение душ делилось на две категории. Одни куда-то девались непосредственно из ада, покидая его неведомым для архангелов образом. Другие вообще туда не попадали, когда бренное

тело настигала смерть. В первом случае все выглядело неважно. Исторгнутая преисподней, гипотетически душа перемещалась в любое место, и поди ее там найди, все в той же условной бесконечности. Второй представлялся более многообещающим.

Покидая тело, душа отправлялась либо в рай, либо в ад, и отправлялась сразу, а не путешествовала пешком через мироздание. Для тех, кто связался с демонами, небеса заведомо исключались, однако и преисподняя в данных обстоятельствах их не принимала. Куда же тогда девалась душа, если конечные пункты назначения оказывались недоступны? Это вам не настольный теннис, где маленький шарик со стуком мечется между двумя противоборствующими ракетками. Вероятно — никуда. Иначе говоря, она так и оставалась там, где покинула тело. Если это происходило на земле, она и пребывала на земле, но в каком-то неизвестном и оттого незамеченном доселе виде.

Ворча на Люцифера, свалившего на нее это бремя, Люмениферус круглосуточно ломала голову, чем бы в данный момент ни занималась. У нее и самой забот хватало. Возможно, они не шли в сравнение с делами владыки ада, который ныне вертелся как белка в колесе, однако тоже имели немалую трудоемкость и ценность. Пока Люцифер разгребал свой бардак в аду, а Михаил заправлял небесными порядками мироздания, Люмениферус посвящала себя колыбели человечества. Ее неустанными заботами, боль и страдания уменьшались. Не обладая ресурсами своих братьев, по-своему она была даже больше занята, нежели любой из них. С другой стороны, при поиске душ ее преимущество выглядело очевидным. Постоянно пребывая на земле, Люмениферус знала ее, как никто другой, и куда-то далеко, бросая все, обычно не отлучалась. Перемещаясь по всей планете, без каких-либо условностей и временных ограничений, она намного проворнее искала ответы, нежели тот же Люцифер. Кроме того, она искала их сама, и в этих странных, казавшихся излишними словах крылся очень глубокий смысл.

Каждый архангел был уникальной индивидуальностью. Люди, конечно, тоже, однако в случае высших небожителей эта разница достигала звездного апогея. Поручая сестре загадку душ, Люцифер не просто сваливал на нее свою вселенскую проблему. С присущей ему прозорливостью, он предположил, что пользы может оказаться гораздо больше, нежели банальное высвобождение собственного времени. У людей это называлось "взглянуть свежим взглядом". Подобный принцип касался и архангелов, но в данном случае он имел более широкую подоплеку. Другая по природе, с немалой вероятностью сестра могла увидеть то, что укрывалось от

его собственного взора.

Опираясь на опыт владыки ада, Люмениферус не следовала слепо по его стопам. Одно дело спалить какого-нибудь детоубийцу или серийного насильника, и совсем другое — прикончить человека в исследовательских целях. Даже человека очень скверного. Карая злодеев, Люцифер соответствовал своей роли, как владыка ада и дамоклов меч для наихудших грешников. Порой, Люмениферус проделывала то же самое. Например, когда испепеляла ведьму, причинявшую вред ребенку, но это происходило именно как неотвратимое и заслуженное наказание. Поймав культиста, она могла бы утащить его в укромное место и там провести научные изыскания. А именно, прикончить в лабораторных условиях, словно подопытное животное, и понаблюдать, куда девается душа. С точки зрения эксперимента, это было бы идеально, однако кара превращалась в хладнокровное убийство, что ей категорически претило. Люмениферус не шла на него сама и не поручала никому другому. От самой идеи, впрочем, она тоже не отказывалась. Совмещая одно с другим, она предоставляла врагу возможность сделать грязную работу за нее.

Изобличенные культисты долго в живых не задерживались. Выявляя новых, по-прежнему старавшихся на пользу демонам, агенты передавали сведения Люмениферус. Та наведывалась к злодеям лично, причем не инкогнито, а с надлежащей помпой. Не заметить ее было невозможно, что провоцировало уже известную и закономерную реакцию. Культисты либо совершали самоубийство, либо различными способами их кто-то устранял. По отлаженной схеме, это происходило до сих пор, хотя масштабы мятежа уже не были секретом для Люцифера. Концы по-прежнему подчищались, максимально сохраняя планы демонов от стороннего вмешательства. Люмениферус этому не препятствовала. Пребывая рядом, она внимательно прощупала пространство, выискивая малейшие следы незнакомых процессов или иных проявлений чего-либо неизвестного. Толку с того выходило круглый нуль. Пребывая в живом теле, душа теплилась в нем до последнего, а потом просто исчезала. Вот она здесь — хорошо различимой божественной искрой, — а вот ее уже нет, словно и не было.

Прощупывая эмоциональный фон, Люмениферус улавливала все чувства умиравших культистов или их сообщников. Там было много всего, начиная от ужаса перед небожительницей и заканчивая экстазом оголтелого фанатизма, однако и эта ниточка никуда не вела. Чувства просто обрывались. Душа ведь тоже их испытывала, причем даже в большей мере, нежели в живом теле. Их источник овевал Люмениферус будто ветер, состоявший из множе-

ства запахов, и без всякой видимой причины он внезапно прекращался. Наступал полнейшей штиль, в котором не витало ни одной ароматической молекулы. В мертвом теле не оставалось и намека на присутствие души, а куда она при этом девалась — было столь же непонятно, как и всегда.

Потерпев множество неудач, Люмениферус не опускала руки, а только еще больше напрягала разум. Не преуспев с наскока, она с головой увязла в заковыристой задаче и тратила на нее все больше времени. Она разрабатывала разные способы проверки, придумывала новые ухищрения, и в какой-то момент даже отправилась на небеса, ибо попытка, как говорится, не пытка. В отличие от Люцифера, ее оттуда не изгоняли и пускали беспрепятственно, ибо иных указаний от бога не поступало. Вполне ожидаемо, встретиться с Михаилом опять не удалось. Ангелы сообщили, что он не хочет ее видеть, однако на сей раз Люмениферус к этому и не стремилась. Улучив момент, она отыскала Гавриила.

Всеведущий брат без дела не бродил, и посетителей, томимый скукой, не дожидался. Фигурально выражаясь, он не сидел где-нибудь на облаке, погруженный в божественные откровения, и не дремал над пыльными фолиантами в небесной библиотеке. У него хватало своих обязанностей, однако при этом он не пропадал неизвестно где и был вполне доступен для общения.

— Это ты, сестра, — спокойно произнес он, завидев светоносную женскую фигуру. — Давненько я тебя не видел.

— Ты вроде не удивлен, — заметила Люмениферус.

— Михаил говорил, что ты можешь прийти, — пояснил Гавриил.

— Неужели? — насторожилась Люмениферус, ибо такое начало не предвещало ничего хорошего.

— Угу. И мой ответ — нет, — тут же это подтверждая, без всякого неприятия сказал Гавриил.

— Я же ничего не спросила, — помрачнела Люмениферус.

— А я знаю, о чем ты спросишь, — пожал плечами всеведущий брат. — И я не стану отвечать.

От Гавриила не исходило враждебности или антипатии. Он не воспринимал сестру в штыки и вообще не испытывал к ней плохих эмоций. Хороших, впрочем, тоже. Он относился к ней нейтрально, и его трудно было в этом винить. Так он относился ко всем, гений рассудительности и кладезь знаний в ущерб спонтанности и эмоциям.

— А что, если я тебя удивлю? — не пожелала отступиться Люмениферус.

— Ты хочешь узнать, куда деваются души, если их не принимает ад, — пожал плечами Гавриил.

— Туше, — буркнула Люмениферус.
— Ответа не будет, — ровным голосом повторил Гавриил.

В отличие от Люцифера, Люмениферус могла смириться с фиаско и признать поражение, даже если то было публичным, однако это не означало, что она просто молча удалялась. С присущей ей порывистостью она потребовала объяснений.
— Это Михаил велел ничего мне не говорить? — допытывалась она, прощупывая чувства брата.
— Он военачальник небес. Главнокомандующий всех ангелов, включая самых старших. Я обязан ему подчиняться, однако дело не в этом, — несколько неопределенно ответил Гавриил.
— Скажи уже толком! Это ведь совсем другое, — упрашивала Люмениферус.
— Изволь. Ты заодно с Люцифером. С другим отношением ко многому, но все же. Только не отрицай — не забывай, с кем говоришь. Помогая тебе, я помогаю ему, а я заведомо не могу ему помогать, ибо выбрал сторону бога, — разъяснил Гавриил.

Со времен восстания Утренней звезды, деление на два лагеря носило принципиальный и непреодолимый характер. Люмениферус была единственным исключением, за что расплачивалась наказанием забвения. Всякое взаимодействие между небесами и адом обоюдно исключалось, на что и указал, без всяких личных мотивов, Гавриил. Убеждать его было бесполезно, но камень преткновения стоило попробовать обойти.
— Между прочим, эти сведения будут полезны и Михаилу, — пускаясь на тактическую хитрость, выразительно заметила Люмениферус.
— И все равно ответ нет. Причина та же, — качнул головой Гавриил. — Так или иначе, Михаил использует эти сведения в интересах Люцифера, что автоматически накладывает на них запрет.
— Да ладно! Ему ты тоже ничего не скажешь? — не поверила Люмениферус.
— Я буду вынужден ему подчиниться. Бог наделил его правом командовать всеми нами. Только Михаил такого приказа не отдаст, — все так же спокойно произнес Гавриил.

Не слишком обнадеживающая изначально, попытка окончательно себя исчерпала. Люмениферус услышала достаточно, чтобы это понять. Спорить не имело смысла. Разговорить всеведущего брата мог лишь один архистратиг, но он этого не сделает, если его не убедит Люмениферус. Которую, в свою очередь, он не желает подпускать.
— Что ж, спасибо и на том. Пойду искать ответ самостоятельно, — не скрыла своего разочарования Люмениферус.

Доселе теплясь, хоть и слабая надежда полностью угасла, и ее место заполонила печаль. Печаль не за себя, а за людей, которые попрежнему погибали, пока архангелы воротили нос и выясняли отношения.

Внезапно в сущности Гавриила что-то шевельнулось. Уже уходя, Люмениферус уловила это едва-едва, но все же достаточно, чтобы обратить внимание.

— В тебе сильны черты любви, привязанности и самопожертвования, — молвил Гавриил.

Он выглядел так, будто куда-то всматривался, глядя на сестру и при этом как бы вглубь нее. На мгновение даже показалось, словно он читает будущее.

— Это ты к чему? — невольно удивилась Люмениферус.

— Ты полна эмоций. Я всегда считал это недостатком, мешающим ясности ума. Ты все принимаешь близко к сердцу. Ощущая чувства других, ты еще больше распаляешь свои, и тем самым видишь то, что для остальных просто не существует. Однако иногда это и впрямь может быть преимуществом, — слабо улыбнулся Гавриил.

Покинув небеса, Люмениферус вернулась к своим делам, однако голос всеведущего брата все никак не шел у нее из головы. Его отличала примечательная особенность. Он никогда попусту не болтал. Что бы он ни говорил, это всегда имело определенный смысл. Другое дело, не обязательно ясный окружающим, однако его последние слова, обращенные к сестре, были сказаны явно не просто так. Это что-нибудь да значило.

Допрос культистов ничего не дал. Служители Люцифера уже проводили с ними не одну беседу и в своих расспросах были весьма настойчивы. Безрезультатно. Вероятно, те и впрямь понятия не имели, что будет происходить с ними после смерти. Они попрежнему воображали, что служат дьяволу, в его том самом неприглядном виде, который так претил Утренней звезде. С ними Люмениферус тоже поработала, однако зашла дальше. С людьми она старалась избегать жестокости и насилия, порой испепеляя на месте преступления, но не пытая пленных. Демонов, однако, это не касалось.

Разного рода и в разных же местах, в одержимых недостатка не наблюдалось. Поставив процесс на поток, демоны добились того, что культисты штамповали им носителей почти бесперебойно и с неизменной регулярностью. Принцип оставался прежним — люди добровольно, по глупости или из нездорового любопытства, соглашались стать прибежищем для некой потусторонней сущности. Исключением не становились и верующие, ничуть не защищенные своими убеждениями. Зачастую, к ним подход находили еще про-

ще, представляя все как испытание и погружая в надлежащий антураж. Люди сплошь и рядом сами не понимали, во что верили, и какие силы как именно работают. Поймать их в демонические сети было даже легче, нежели упертого в науку атеиста. Культисты и ловили, выдавая себя за монахов или еще каких-нибудь представителей любого учения или церкви. Хитроумных сценариев хватало на все случаи жизни, ибо разрабатывались они злыми гениями преисподней. Культисты исправно поставляли своим адским хозяевам новые тела, а те, в свою очередь, становились объектом внимания Люмениферус.

Подкараулить очередного одержимого было весьма нетрудно. Имитируя образ жизни людей, они выполняли ежедневные, присущие им поведенческие ритуалы, в которых сами, разумеется, не нуждались. Подземная парковка великолепно подходила для задуманного. Выйдя из машины, одержимый в чине майора направлялся к лифту, когда очутился в непреодолимой хватке Люмениферус. Какой-то миг — и вот он уже провалился с ней куда-то вниз, словно его самого утаскивали в ад. Там он, разумеется, не оказался. Раскрыв бетонное перекрытие, Люмениферус унесла одержимого в подвал. Он и пикнуть не успел, как потолок над ними сомкнулся, а стены служебного помещения озарило белое, резавшее ему глаза сияние. Наложив архангельскую печать, Люмениферус полностью изолировала демона от внешнего мира, включая его рогатых приятелей и преисподнюю. Затем, позволив хорошенько усвоить ситуацию, приступила к делу.

Испепеление порождений тьмы ничего не давало. Они стоически выдерживали потоки света, исходившие даже от самого Люцифера. Почти наверняка, они не стерпели бы испытание вечностью, когда их жгли бы бесконечно долго, однако непродолжительные пытки всякий раз заканчивались уничтожением. У владыки ада не было времени превращать их существование в непрерывный светоносный кошмар, хотя после подавления мятежа именно это он и собирался сделать. У Люмениферус было, что она доходчиво и донесла до плененного демона.

— Чего тебе надо? — злобно осведомился тот, не желая тянуть эту скверную для него резину.

Уж исчезать в ничто, так без лишних проволочек.

— Я желаю знать, куда деваются души, — без обиняков потребовала Люмениферус.

— Понятия не имею, о чем ты, — прошипел демон, пребывавший в человеческом, лишенном воли теле.

— Думаешь, я выбрала тебя случайно? В аду ты довольно крупная фигура. Не фельдмаршал, конечно, но и не расходный материал,

— сурово пояснила Люмениферус. — Говори, или пеняй на себя.

Ответа не последовало. Горя угольями красных глаз, проступивших через человеческие, демон решил отмалчиваться до последнего. Люмениферус была к этому готова, раз уж даже Люцифер пленников ни разу не разговорил.

— Ладно. Объясню иначе, — как бы делая одолжение, заявила она. — У меня с братом наступили не лучшие времена. Он собрался напасть на моих людей. Мне известно, что угроза эта не пустая. Сидеть сложа руки я не намерена. Я преподам ему урок, но для этого мне нужны ресурсы.

— Я тут при чем? — невольно заинтересовался демон.

— Полагаю, всем в аду известно, что я на пару с Люцифером воскрешала людей, — напомнила Люмениферус. — Без меня это невозможно, как и без него, однако в последнем случае есть важная оговорка. Люцифер выпускает души, я восстанавливаю им тела, но если души уже выпущены, мой дражайший братец мне ни к чему.

— Да, в этом что-то есть, — заинтригованно произнес демон, все больше проникаясь столь неожиданным разговором.

Пленник уже не запирался, за неимением резона. Сестра владыки ада явно знала, о чем говорила. Ей было известно о происходящем с душами, зато демону было неизвестно, для чего это ей понадобилось. Перестав отмалчиваться, он вступил с ней в полноценный диалог.

— Я не в состоянии бесконечно набирать себе живых людей. Они начинают меня забывать. Полагаю, в аду и это давно не тайна, — продолжила Люмениферус. — Мертвых, однако, это не касается. И воскрешенных тоже. Побывав на том свете, они забыть уже ничего не могут. Я так понимаю, вашими стараниями вне ада теперь пребывает очень много душ. Я хочу их все. Хочу воскресить их и создать себе армию. Я сделаю это до того, как ко мне сунутся подручные Люцифера или ангелочки Михаила. Оба брата решили мной пренебречь, однако до сих пор не поняли, что на земле хозяйка Я. Заполучив свою армию, я устрою им достойный прием. Небожители не имеют права открыто атаковать людей, даже если они мои, а от нападок шестерок из ада я наделю их своей защитой. Тогда нынешняя войнушка покажется моим братьям детской недоразумением в песочнице.

Несмотря на ненависть к светоносной сущности, демону становилось все более интересно. Слушая Люмениферус, он уже мысленно представлял, как это может выглядеть. При других обстоятельствах он не поверил бы ни единому ее слову, однако в том ситуация и заключалась, что конфликту между архангелами демоны

сами и поспособствовали. Михаил направил ангелов для нейтрализации новой затеи Люцифера и взял под наблюдение все деяния сестры. Люцифер мобилизовал свою гвардию для конфронтации с Михаилом и нападения на людей Люмениферус. Если она, в свою очередь, обзаведется личным воинством, каша заварится еще та. Тут, пожалуй, и человеческая война не понадобится. Сцепившись друг с другом, архангелы сами разнесут землю в клочья.

— Звучит недурно, — согласился демон, окончательно выдавая свою осведомленность. — Но много ли будет толку от этих душ?

Попался! Мысленно восторжествовав, внешне Люмениферус не подала и виду. Шансы на успех были довольно велики, однако демон мог отказаться говорить с ней просто из принципа. Из принципа от природной ненависти, которую он питал к небожителям вообще и Светоносной в частности.

— Если я правильно понимаю, из ада выкидывают всех, кто хоть в какой-то мере подошел бы Люциферу, — выразительно напомнила Люмениферус. — Их немалое число. Как раз на армию хватит. Полагаю, после воскрешения они пойдут за мной, а не вернутся туда, откуда я их вытащила. Большинство наверняка предпочтет именно меня, тем более что я смогу воскрешать их снова и снова. И тогда я заполучу бессмертное войско на земле, с которым ничего не сумеет поделать даже Михаил.

— Хм. Неплохо придумано. А мы всегда считали тебя взбалмошной бестолочью, — ляпнул впечатленный демон.

В череде продуманных слов Люмениферус выстрелила наугад. Она понятия не имела, в каких условиях пребывают отторгнутые души. Она лишь справедливо предположила, что вряд ли в комфортных, учитывая то, кто за всем стоял. Судя по реплике демона, она попала не в бровь, а в глаз. Не ощущая ее подлинных эмоций, он не сумел раскусить обма.н. Люмениферус изрядно выручало, что никто, кроме нее, не умел считывать чувства других. Разговаривая с пленником, внешне она великолепно играла свою роль, но внутри едва не взрывались все предохранители. Ощути демон то, что на самом деле испытывает светоносная архангел, он бы сам сгорел от страха дотла. Люмениферус едва удерживалась, чтобы не выдать этому отродью свой подлинный настрой, и ловко прятала его за гневом якобы на Люцифера и Михаила.

— Ну так что? — напористо осведомилась она. — Выкладывай, времени мало! Я надежно заперла печатью подвал, но это скоро заметят и что-нибудь заподозрят.

— Ты не по адресу, — неожиданно сказал демон. — Такими вещами заведуют только иерархи.

— Ты вроде тоже не последний в аду, — заметила Люмениферус.

— И все же недостаточно, — скривился демон. — Обратись к ним.

Не выходя из роли, Люмениферус очень искренне выразила свою реакцию, весьма безрадостную даже при мысли от общения с архидемонами.

— Ага. Уже бегу. Меня сейчас только в преисподней и ждали, со всей вашей компанией, падшими и Люцифером. Помнится, вы затеяли на земле глобальную войну, а он грозился обрушить на моих людей серу и огонь с небес. Безусловно, все будут просто счастливы меня увидеть, — язвительно произнесла она.

— Это не обязательно, — понимающе усмехнулся демон. — Многие сейчас на земле.

— Говори, где мне и кого искать! — впилась в него невольно вспыхнувшими глазами Люмениферус.

Разузнав дислокацию главных врагов, она бы одновременно подстрелила сразу двух жирнющих зайцев.

— Э, нет. Этого я тебе не скажу, — заподозрив неладное, мотнул головой демон. — Мало ли ты чего удумаешь. Разбирайся с братьями сколько угодно — никто из нас не воспрепятствует, однако союзниками мы от этого не стали.

— Не надо всех. Назови любого одного, у кого хватает компетенции, — едва не проколовшись, быстро поправилась Люмениферус.

Возникла небольшая пауза. Демон колебался, испытывая вполне естественное недоверие, однако сам подвел разговор к этой черте. В итоге он ее перешагнул, назвав сестре владыки ада имя, упомянув и координаты.

— Только не говори, что тебя послал я. Мало ли что. Иерархи такое не любят, — присовокупил он напоследок.

— Зачем тогда сказал? — прищурилась Люмениферус.

— Если он сочтет вашу встречу полезной, я получу награду. Если нет, меня не накажут, — пояснил демон.

— О, милок, не беспокойся. Никто о твоей болтливости никогда не узнает, ибо награду ты получишь прямо сейчас, — заверила Люмениферус.

И тут же, раскрывая крылья, испепелила порождение тьмы на месте.

Безусловно, Люмениферус никогда бы не сделала так, как в красках расписала злобной твари. Она предпочла бы угаснуть сама, нежели схлестнуться в противостоянии с братьями. В известном смысле, она уже так поступила, когда не поддержала ни одну из сторон при восстании на небесах. С тех пор ничего не изменилось, но демоны мыслили своими категориями, где были только зло и ненависть ко всему живому. Благородство они не практиковали, за полным отсутствием такового, а поведение архангелов истолко-

вывали по-своему, хотя бы потому, что наглядный пример им некогда предоставил мятежный и низверженный Утренняя звезда.

При всем его уме и могуществе, Люцифера демоны воспринимали как самовлюбленного эгоиста, обиженного на всех и вся, что они охотно обращали к своей вящей выгоде. Михаил в их глазах был закоснелым служакой — сокрушительным, но не слушавшим никого, кроме бога, и без его указания неспособным ни на одно серьезное дело. Панически его боясь, демоны почти не сомневались, что он никогда их не тронет, пока не нарушаются правила небес. Люмениферус они тоже ненавидели и боялись, но именно из-за ее неосмотрительной импульсивности. Они считали ее вспыльчивой и недальновидной, зацикленной на своей прихоти по защите человечества. К сожалению, такой же экстремально сильной, как и ее братья, зато ограниченной исключительно вотчиной людей.

Связанные собственными правилами, влекомые своими страстями, архангелы становились уязвимы, чем демоны постоянно и пользовались. Пользовались весьма небезуспешно, что и продолжали делать, вбив огромный клин между Михаилом, Люцифером и Люмениферус. Их закономерная реакция выглядела естественной, отчего испепеленный демон и не понял, как его провели. В своем действительно изощренном плане, продуманном далеко наперед и до последних мелочей, демоны не учли одного — принципиально недоступного им чувства. Сестра действительно любила своего брата. Любила настолько, что тут же перешагнула через все препятствия и вновь распахнула ему объятия, едва он пришел просить о помощи.

Иерарх преисподней отыскался именно там, где и указали. Формально, Люмениферус была способна обнаружить его и сама. События на земле принимали все более скверный оборот, чем постепенно выявляли источники распространения злой силы. Первых архидемонов ей показал падший ангел — в своей псевдоразоблачительной экскурсии, преследуя цель столкнуть ее с Люцифером. Агенты Люмениферус обнаруживали и других, однако здесь следовало помнить важную особенность. Каждый иерарх был архидемоном, но не каждый архидемон был иерархом.

Звание и должность, не говоря уже о влиянии и силе, не обязательно шли рука об руку. Не все высокопоставленные офицеры входили в верховное командование, и не каждый министр обладал правящей властью. Так было заведено у людей, и нечто похожее воплощалось даже на небесах. В преисподней, как и везде, сформировалась своя служебная лестница. Подобно генералам, архидемоны возглавляли различные структуры и подразделения, одна-

ко командовали всем наивысшие сущности ада; самые могущественные порождения тьмы, олицетворявшие подлинную суть преисподней и управлявшие ее глобальными процессами. К одному из них, следуя наводке, и явилась Люмениферус. С ним же она завела все тот же специфический разговор.

В отличие от одержимого, пленить иерарха возможным не представлялось. Во-первых, он разгуливал в своем истинном виде, скрываясь от взоров людей прямо в здании парламента. Во-вторых, это было бы сравни прямой атаке. Схвати Люмениферус архидемона, она начала бы его жечь одним прикосновением, невыносимым для порождения тьмы. Без этого ей не удалось бы утащить его куда-нибудь, а какие уж после такой интермедии разговоры. Стестенная обстоятельствами, вынужденная действовать дипломатично, она появилась так, чтобы ее заранее заметили, и сразу изложила цель своего визита.

Разница была заметна невооруженным взглядом. Испепеленный демон быстро проникся речами Люмениферус, не иначе потирая лапы от уже вспыхнувшего в воображении конфликта между архангелами. Иерарх оказался менее болтлив и доверчив. Осведомленность сестры владыки ада его не удивляла. Она его настораживала. Не исключая нападок, вплоть до сияния белоснежного света, он не торопился предоставить ненавистной сущности то, что она столь настойчиво и страстно жаждала. Порождение тьмы не забывало, что они непримиримые враги, пускай сейчас внимание архангела и направлено в другую сторону. Однажды все вернется на круги своя, вместе с созданными ныне последствиями, а с учетом ее импульсивности это может произойти очень даже скоро.

Изложив, зачем прибыла, Люмениферус ждала ответа, не забыв представать не смиренной просительницей, а величественным небожителем, в любой момент способным стать для архидемона неотразимой погибелью.

— Какой нам в этом резон? — прямо спросил иерарх, желая получить объяснения от нежданной и отнюдь не желанной визитерши.

"Сдохнете быстро и менее болезненно", — мысленно бросила Люмениферус. — Своих людей я заберу себе. Навечно. Тех, кто последует за мной, а не за богом или Люцифером. С остальными сможете делать, что хотите. Если они выберут не меня, то и мне до них дела нет, — вслух озвучила она.

Сама по себе, идея была не так уж и нова, что не вызывало критического недоверия. В общих чертах, в преисподней уже представляли, чего замышляют светоносные архангелы, иначе не подняли бы мятеж. Разругавшись с братьями, перед лицом всех

рухнувших планов, ущемленная в правах Люмениферус желала заполучить личный кусок. Одержимая человечеством, она соглашалась только на его часть, зато часть свою собственную, принося в жертву остальных. Логике демонов это очень даже соответствовало. Зачем заботиться о том, кто тебя отвергает? Лучше сконцентрироваться на тех, кем сможешь править вечно, единолично и с абсолютной властью. Это иерарх очень даже понимал, формально не имея ничего против намерений Люмениферус. Проблема заключалась в том, что она спасет многих людей, в то время как демоны намеревались извести их всех. Не просто спасет, а превратит в настоящую крепость, ядром и защитой которой станет сама.

В отличие от Михаила, богу Люмениферус беспрекословно не повиновалась и присущая Люциферу гордыня ее не ослепляла. Ее амбиции не простирались на все мироздание, зато свой интерес она видела очень хорошо. Видела, и была готова защищать его даже против воли небес. Иными словами, человечество пострадает, но полностью не сгинет, а на руинах земли она превратится в очень грозного противника. Такого, через которого иерархам преисподней не удастся легко перешагнуть, если это вообще когда-либо произойдет. Смысл мятежа заключался в том, чтобы человечество пало во всепожирающем огне и на земле наступил библейский ад. Только так иерархам удалось бы добиться своего, основываясь на изречениях самого бога. В них не уточнялось, как именно это должно свершиться. Важен был лишь конечный результат, и полумеры тут физически не годились.

— Возможно, нам удастся прийти к соглашению, — не стал отвечать отказом иерарх.

Могущественный во зле, один из высших архидемонов не мог допустить, чтобы Люмениферус получила желаемое, однако и отказываться от ее затеи было неосмотрительно. Не стоило пускать все на самотек. Действуя самостоятельно, она натворит неизвестно что. Непредсказуемость, исходящая от настолько сильного существа, представляла собой угрозу почище хорошо известных планов. Именно поэтому ее следовало использовать в своих интересах, чтобы ускорить наступление финала и заведомо до того, как архангелы сумеют этому помешать.

Люмениферус вполне сознавала, что на ее счет думает иерарх. Ей не требовалось заключать с ним сделку, на которую она никогда бы не пошла — его было достаточно разговорить; под соусом масштабных планов заполучить крупицу, которая кардинально переменит все.

— Ты абсолютно прав. Мы всегда будем непримиримыми врагами, однако вполне можем разделить сферы влияния. Примерно как

сейчас они делятся на рай, землю и ад, — озвучила она вслух сомнения архидемона. — Об этом я и говорю. Я заполучаю своих людей и делаю их неприкасаемыми и бессмертными. Возможно, даже переселю их в другую галактику. Остальное меня не интересует.
— В другую галактику? — оживился иерарх. — Гм. В этом что-то есть. Ведь тебе, и только тебе такое действительно по плечу.

У порождения тьмы и впрямь пробудился отнюдь не напускной интерес. Все заключалось в том, что именно подразумевалось под пресловутым адом на земле — среда обитания смертных людей или вполне конкретное место, по которому они бродили. В первом случае их переселение ничего не меняло, ибо земля оставалась понятием нарицательным, и касалось оно любой точки во Вселенной. Во втором, если речь заходила об одноименной планете, ситуация представала под другим углом. Тогда, гипотетически, пусть Люмениферус убирается с когортой своих избранников и сидит с ними где-нибудь на задворках. Она получит свой маленький мирок, зато самоустранится с глобальной доски мироздания. В глазах иерарха преисподней, этот вариант был не так уж и плох, позволяя добиться своего руками в том числе Люмениферус, которая и в перспективе не станет никому мешать. Его беспокоил побочный эффект — небольшой изъян, способный однажды разрастись до неограниченного масштаба.
— Воскрешение предполагает полноценную человеческую жизнь, — словно невзначай обронил иерарх. — Если ты заполучишь все отверженные адом души, они тебе новых нарожают.
— Я не стану превращать их в стерилизованных животных, — поняв, к чему он клонит, властно произнесла Люмениферус.

Лгать смысла не имело. Светоносная архангел и одно из сильнейших исчадий тьмы слишком хорошо разбирались в том, что некогда сотворил бог. Просто отпущенные из ада, условные призраки размножаться не умели. Тот же Люцифер был не в состоянии наплодить себе людей, поручив это особо избранным производителям. Попавшие к нему, души всегда ограничивались конкретным числом, пополнявшимся исключительно извне. В отличие от него, Люмениферус оказывалась в принципиально ином положении. Она возвращала умершим полноправную жизнь, со всеми вытекающими. Умершим, которые будут служить только ей, и тем самым заполучала фабрику душ. Настоящий конвейер, непрерывно пополняющий ее личную армию в некой прогрессии. В перспективе бесконечности это сулило захват Вселенной, где она превзойдет все притязания Люцифера. Этого и опасался Михаил, проведав о новом даре своей сестры. Изначально добрая и любя-

щая, с такой растущей абсолютной властью она могла превратиться в ужасную самозваную богиню. У порождений тьмы были все основания его опасения разделять.

Души не брались из ниоткуда, равно как никуда не исчезали. Именно поэтому ад их не уничтожал, при всем неистовом желании архидемонов, а лишь исторгал, избавляясь от тех, кто мог сыграть в пользу Люцифера. Процесс носил контролируемый и ограниченный характер. Мертвые не порождали мертвых, и уж тем более живых, однако живые были в состоянии плодиться без ограничений. Этот принцип однажды заложили не где-нибудь, а на небесах, в садах того самого Эдема. Обойти его не получалось ни у кого, включая всех высших архидемонов. Чтобы покончить с человечеством, им требовалось уничтожить всех людей до последнего, иначе восстановление популяции становилось лишь вопросом времени.

Сотворенные в раю, Адам и Ева действительно отличались уникальностью, доселе не виданной в мироздании. По своему образу и подобию бог слепил архангелов, а людей он создал как их более упрощенный телесный вариант. Могущественное существо получает все и сразу, велением одной лишь воли сокрушая горы или возводя любые дворцовые каскады. Куда труднее стремиться к звездам не имея ничего, кроме жалкого, уязвимого смертного тела, чья жизнь настолько хрупка, что в любой момент способна оборваться из-за великого множества даже самых незначительных факторов. Наделив людей этих испытанием, больше похожим на пытку из непрерывных страданий, бог принялся за ними наблюдать, корректируя свое творение различными вмешательствами. Особенность заключалась в том, что изначально Адама и Еву это не касалось.

Созданная последней, пара эдемских людей вмещала в себе весь опыт, накопленный богом за период возни с человечеством. Именно поэтому она не походила на неандертальцев, коловших друг другу черепа за ошметки мяса или фрагмент грубо обработанной кости. Приземистая уродливость и шерстистая косматость обошли ее стороной, равно как и прочие, присущие первобытным людям черты. Эволюция предназначалась не для нее, оставаясь суровым уделом земной юдоли. Рожденная в раю, она изначально обладала конечной красотой, откуда та и пошла до нынешних дней. Как итоговая версия творения, исключившая ошибки и вместившая достоинства, Адам и Ева и впрямь представали любимым творением бога. Именно поэтому он наделил их особенным даром, доселе неизвестным и недоступным никому другому. Этим

даром стала душа.

Двухполость Адама и Евы тем и объяснялась, что они были не первыми мужчиной и женщиной. Богословы и ученые преломляли копья совершенно напрасно, начисто игнорируя написанное в фундаментальных текстах. В эдемскую пару никто не закладывал то, что не имело смысла без грехопадения, и тем самым якобы выдавая свою заведомую осведомленность. Как старательно отшлифованный образец, Адама и Еву сотворили последними. Они были первыми, в ком появилась душа. Именно это и позволяло им находиться на небесах — в краю бесплотных ангелов, этих неподвластных физическим законам духов. Там они бродили по райским кущам, не ведая страданий и земных забот, и однажды забрели в сады Люмениферус. Там же они познакомились со светоносными архангелами. Закончилось это не лучшим для всех образом. У Люцифера и Люмениферус были собственные взгляды на избранное творение отца. Каждый отнесся к нему по-своему, что породило глобальные и далеко идущие последствия.

Низверженный с небес, Люцифер отправился скитаться по мирозданию и в итоге пришел в ад, где и обосновался в этой пограничной зоне, месте распада света и царстве неугасимого огня. Люмениферус оказалась как бы посередине, незнакомая людям из-за наказания забвением. Изгнанные из рая, Адам и Ева очутились там, где в изменившихся обстоятельствах, лишенные божьего благоволения только и могли. Они сошли на смертную землю, где с тех самых пор и были вынуждены влачить тяжкое существование. Они, и все потомки, образуя семьи с местными племенами, ибо как еще их сыновья взяли бы себе жен, будь их родители первыми представителями людского рода. Библейское грехопадение прямо озвучивает этот факт, и никакого парадокса в нем нет. История Адама и Евы — это история зарождения не человечества, а вполне конкретного народа, столь прихотливо избранного богом, который за это избрание настрадался так, что кровавые слезы едва не проливались из глаз даже у архангелов.

Разгневавшись на любимое детище, одним изгнанием бог не ограничился. Об этом говорят все те же библейские истории, больше напоминающие хроники эпических стихийных бедствий, вплоть до всемирного Потопа. Расплачивались за это, как обычно, и полностью безвинные существа, которым доставалось еще больше на их и без того нелегкую долю. Больше намного, поскольку смертная жизнь с тех самых пор шагнула за новые границы. Наделив Адама и Еву душами, а затем выставив их из рая, бог очутился в специфической ситуации. Произведя на свет сыновей, они передали свой дар и им. Предсказать дальнейшее было нетрудно,

поскольку их земное воспроизводство на этом явно останавливаться не собиралось. Дар следовало либо отнимать, либо расширять, отчего и пришлось разрешать все кардинальным и вполне себе божественным образом. Рождение нового человека стало означать и рождение новой души, без каких-либо ограничений.

Размножение человечества носило несколько специфический характер. С одной стороны, религия и власть имущие обычно всячески приветствовали рождение детей, заверяя, что создатель велел плодиться. Объяснялось это проще некуда. Им требовались рабы, беспрекословные исполнители навязанной воли, для чего надлежащие убеждения агрессивно вбивались в головы с малолетства. Лорд не будет лордом без крестьян, как и пастырь пастырем без овец. Им требовалось кого-то стричь и отправлять на убой, а численность стада напрямую влияла на власть и влияние. С другой стороны, размножение загонялось в рамки закона, чтобы контролировать популяцию и та не множилась сама по себе. Для этого внедрялись различные социальные устои, где одним из самых фундаментальных стал институт брака. Детей, рожденных вне его уз, всячески унижали и ущемляли, до самой смерти не забывая им напоминать о неподобающем происхождении. В иные времена, отдельные фанатики отказывали им даже в наличии души, хотя это всегда было следствием их собственного психически нездорового восприятия. Именно такие исповедовали крайнюю степень мизогинии, когда присутствие души у женского пола отрицалось в принципе. Реальность, разумеется, была иной.

Невзирая на всех оголтелых шовинистов и надуманные, созданные исключительно для их господства границы, жизнь брала свое. Новые души появлялись на свет без всякого одобрения человеческих иерархов, хотя бы потому, что этим даром их наделил сам бог, не привыкший у кого-то там спрашивать разрешения. Заявляя, что браки заключаются на небесах, иерархи тем самым узурпировали право решать, кому и при каких обстоятельствах даровано продолжить род, а кто оказывался вне подконтрольного им общества. Меж тем, такое право отсутствовало даже у архангелов, исключая одного. Единственной, кто действительно мог влиять на популяцию людей, была Люмениферус.

Исцелять смертные тела умели все архангелы, однако только светоносная сестра Утренней звезды избавляла от бесплодия. Она даровала беременность и тем, кто вообще был не в состоянии понести, что иногда попадало в анналы истории. Узнавая о чудесном появлении наследников, даже человеческие иерархи не догадывались, кто за этим стоял, не говоря уже о простом народе. В отличие от них, иерарх преисподней разбирался в означенном вопросе

очень хорошо. Ему было нетрудно сообразить, как далеко способна зайти Люмениферус, заполучив под свое крыло хотя бы малую толику человечества. Она не создавала души из ничего, но их неограниченно производили сами люди. Под ее защитой, неусыпной и вне всяких прежних правил, бессмертные люди. Смерть, безусловно, могла прийти и к ним, однако какое это будет иметь значение, если светоносная архангел всякий раз станет их воскрешать?

Архидемону не потребовалось много времени, чтобы представить потенциальное будущее. Такое, где Вселенную заполоняют верные люди Люмениферус, даже если подобное развитие событий в данный момент она искренне станет отрицать. Сейчас ее сдерживали божественные законы, которым вынужденно следовали и порождения тьмы. Она не могла своевольно устанавливать свои порядки на земле, как не мог и Люцифер, но если иерархи ада добьются своего, то сломают этот фундаментальный принцип, доказав несостоятельность любимого творения бога. Предполагалось, что это сделает низверженный Утренняя звезда, однако по сути конкретный исполнитель значения не имел. Был важен лишь сам факт, и тогда абсолютно все, что его касается, утратит прежние основы. Всякие границы исчезнут. Существование людей перестанет соответствовать замыслу Творца. Тогда будет возможно что угодно, в том числе неограниченное господство наделенной подходящими талантами Люмениферус.

Согласно логике, души безальтернативно попадали в рай или преисподнюю, но логике именно что известной. Когда нынешние порядки обратятся в прах, а на земле воцарится ад, что произойдет с теми, кто достанется Светоносной? Сейчас архидемоны продолжали контролировать процесс. Они исторгли неугодные души, однако после новой смерти вполне могли принять их обратно и уже не выпускать. Таким образом, Люмениферус постепенно лишится своей паствы, но что если души перестанут отправляться в ад, как почти наверняка утратят возможность уйти на небеса? Тогда они окажутся во власти одного-единственного архангела, и прежде не очень-то слушавшего даже бога или дьявола.

— Это крайне рискованно, — вслух произнес иерарх, осознавший масштаб потенциальной угрозы.

Человечество требовалось извести до последнего живого тела. В противном случае, с недопустимо опасной вероятностью, дар Светоносной мог сделать из нее неодолимого врага.

Люмениферус не ведала о том, какие мысли роились в уме архидемона. Она не догадывалась, что именно тот предположил на ее счет. Она лишь отметила, как внезапно усилилась его нена-

висть, к которой отчетливо примешивался кратно выросший страх. Представляя картину в красках, средоточие зла даже не пыталось это скрыть. Посеяв раздор между архангелами, спровоцировав их начинавшийся прямой конфликт, иерархи ада как-то не учли, на что вдруг решится пойти сестра Утренней звезды. Казавшаяся только на руку, ее затея ничего хорошего не сулила.

— Ну так что? — сурово осведомилась Люмениферус, выражая недовольство затянувшимся ожиданием.

— Надо все обдумать. Вопрос слишком серьезный, — уклончиво ответил иерарх.

Исходившие от исчадий ада, сугубо отрицательные эмоции ни о чем не говорили. Ничего другого они в принципе не испытывали, превращая умение отличать ложь от правды практически в ничто. Люмениферус не могла определить, что надумал иерарх. Он же уже решил, что сейчас ни о какой сделке с душами не может быть и речи. Ему следовало выяснить, действительно ли Люмениферус способна на все то, что его так разволновало. Если нет, то пусть она вносит свою лепту в разрушение мира, чему архидемоны охотно поспособствуют. Если же да — ухо надо держать востро, пока человечество не сгинет. Тогда все души окажутся распределены и ее дар уже не будет иметь значения. Утратив власть в аду, Люцифер не сможет выпустить ни одной, и его сестре попросту некого будет воскрешать.

— И долго ты собираешься соображать? — с еще большим недовольством надавила Люмениферус. — Если ты не забыл, мои братья скоро начнут действовать. У меня не очень много времени.

— Приходи завтра, — желая не дать ей соскочить с крючка, предложил иерарх. — Я обсужу твой запрос с кем необходимо. Я полагаю, мы придем к какому-то соглашению, но я не вправе решать столь серьезное дело в одиночку.

— Мне нужна душа! — потребовала Люмениферус. — Хотя бы одна. Здесь и сейчас, и тогда я согласна немного подождать.

— Это еще зачем? — насторожился архидемон.

— Я хочу проверить свои силы. Воскресить человека без участия Люцифера. Кроме того, это станет свидетельством, что я обратилась по адресу. Залогом, что ты не водишь меня за нос, — заявила Люмениферус.

— Да, это было бы неплохо, — вырвалось у иерарха, который и сам хотел удостовериться в ее способностях. — Однако я не могу на это пойти.

— Это еще почему? — нахмурилась Люмениферус. — Тебе жалко одну душу?

— Не жалко. Но ты ведь одной не ограничишься, — с непонятной

уверенностью возразил иерарх.

Оставшись одна, Люмениферус дала волю эмоциям. Все это время она едва удерживалась, чтобы не испепелить отродье тьмы, эту бесконечно злобную и непримиримую со светом сущность. Изводившая людей, причина стольких бед стояла рядом, а она ее и пальцем не тронула. С другой стороны, уничтожение только этой твари ничего не меняло, иначе ей бы точно несдобровать. Улетев на космические просторы, Люмениферус снова носилась там галактическим ураганом, вызывая возмущение в пространстве и порождая сверхновые. Встреча, на которую она пересилила себя пойти, не принесла ничего, кроме неопределенности. Иерарх обещал что-то там обсудить, однако это и выражало его очевидные сомнения. Вряд ли он догадался об ее истинных мотивах. Скорее, опасался, что она захочет большего, о чем и проговорился в своей заключительной фразе.

Выпустив пар, Люмениферус ощутила некоторое облегчение. Невидимая из колыбели человечества, ее светоносная энергия потрепала немало космических объектов, которые следовало привести в порядок. С этим куда лучше управлялся Михаил, однако и она была достаточно сильна. Восстановив движение небесных тел, нарушенное ее неистовыми метаниями, она вернула на прежний курс отклонившиеся кометы, придав красочные черты их хвостатому облику. Слегка расшалившись, Люмениферус добавила в их состав органику, олицетворявшему собой теорию панспермии, и благословила на долгий, но продуктивный путь. Затем вернула планеты на прежние орбиты и развела сходившиеся звезды, грозившие своим системам коллапсом. Собрав космическую пыль, она создала множество новых астероидов, сформировав из них целый межзвездный пояс. Потом принялась за туманность, потрепанную минувшим выбросом эмоций. Поправив ее цветастое покрывало, смятое пространственной небрежностью, она стала рисовать по ней как художник кистью вселенского холста.

Созидательный процесс всегда успокаивал Люмениферус. Горячные до взрыва, ее чувства остывали, проясняя творческий ум и неспешную рассудительность. Прекращая зацикливаться на чем-либо, Люмениферус становилась выше всяких мелочей, относясь к ним постольку поскольку. Пускай ей не удалось перехитрить архидемона, однако в известном смысле она все равно добилась многого. А именно, выяснила, что пропавшие души все еще доступны, иначе иерарх преисподней сразу ответил бы ей отказом. В противном случае ему не имело смысла затевать с ней какую-то интригу. Жаль, что он не согласился отдать хотя бы одну душу. Этого бы вполне хватило для задуманного, и совсем не того,

что она внушила средоточию зла. Она бы сразу поняла, как удерживается исчезнувшая душа, и сумела бы предъявить ее Михаилу. Тогда…

— Ох! Какая же я действительно дура! — воскликнула Люмениферус, совсем по-человечески хлопнув себя по лбу. — Потому он мне ничего и не дал! Вот что означали его слова! Заполучив одну душу, я заполучу их все, так как они где-то прямо у меня под носом!

* * *

Один день ожидания превратился в другой, затем в третий, четвертый… Переназначая встречу, иерарх преисподней всякий раз кормил Люмениферус обещаниями, заверяя, что процесс согласования идет. Это ее мало интересовало. Чем он там занимался, и с кем в действительности что-либо обсуждал, ей было глубоко наплевать. Ее интересовала лишь возможность добраться хотя бы до одной души. Именно этому Люмениферус и посвящала весь свой нажим на архидемона. Тот, разумеется, по-прежнему отказывал, однако всякий раз ей удавалось вытянуть из него новые формулировки. Отличаясь совсем немного, они все же позволяли по крупинке подтверждать догадку, озарившую Люмениферус. Перефразируя запрос, заходя с разных сторон, она вынуждала иерарха незаметно проговариваться о том, о чем тот вряд ли хотел. Анализируя его реплики, незаметно проясняя суть, мало-помалу Люмениферус окончательно утвердилась в своем предположении. Пока архидемон тянул резину, стараясь держать ее в неопределенности, она и сама продолжала поддерживать его заблуждения, в то время как полностью сформировала для себя общую концепцию.

Отторгнутые адом, души не пребывали в неком абстрактном измерении, в извечной тьме или специально созданном для них узилище. Они не угодили в некое промежуточное место вроде пресловутого, придуманного религией чистилища, и не болтались абы где, хаотично разлетаясь в пустоте. Они находились рядом, в самом прямом смысле этого слова. Более того, их нынешнее состояние никак не контролировалось иерархами ада. Оно было стабильным, в достаточной мере для того, чтобы ничем себя не проявлять, и при этом полностью самостоятельным.

Архидемон не мог предоставить даже одну душу по очень простой причине. Показав одну, он тем самым показал бы все, то есть выдал бы сам принцип их нынешнего состояния. А он им никак не управлял. Об этом он и заявил, когда прекрасно осознал, что на единственном опытом образце Люмениферус не остановит-

ся. Ее просто некому будет остановить. Души не хранились где-то в тайнике, открытом лишь архидемонам. Доступ к ним оставался таким, что Люмениферус легко доберется до них сама, едва увидит, с чем имеет дело. И дозволения ни у кого спрашивать уже не станет, откуда и проистекала простая истина. Души действительно были где-то под рукой. Их просто никто не замечал, за уникальностью прецедента, доселе не случавшегося в истории. Архангелам была неведома та форма, в которой они оказались, отчего все поиски закономерно терпели неудачу. Но так было до сих пор. Отныне, вооруженная своим открытием, Люмениферус стала внимательнее присматриваться к тому, что уже не считалось представлявшим интерес.

Не изобретая колесо, Люмениферус пошла по пути Люцифера, то есть собирала все факты воедино. С помощью агентов и патологоанатомов, его служители накопили внушительную базу данных, которая дополнялась хранилищем собранных вещей. Все изученные тела старательно каталогизировались, как и обнаруженные при них предметы. Главным образом, это касалось личного имущества, что окружало их в момент смерти, где бы та ни наступила. Логика подсказывала, что у всех этих людей было что-то общее. Что-то однозначно общее, неизменное до абсолютной степени.

Бренные тела однозначно исключались. Вскрытие выявляло что угодно, но только не очевидные для архангельского взора аномалии. Тела как тела, с присущими им дефектами и заболеваниями. Проводя эксперименты, служители Люцифера кремировали довольно многих, и после себя те не оставляли ничего, кроме обычного пепла. Следовательно, души не прятались где-нибудь внутри, сокрытые в покойнике, а пребывали вне останков. Другой вопрос, как далеко от них? Вряд ли на другом континенте и тем более на другой планете. При значительном разбросе отыскать их было бы непросто самим архидемонам, если вообще возможно. Следуя все той же логике, на основе слов иерарха ада, они оставались в непосредственной доступности, скрывая содержание неприметной формой. И не помышляя отступаться, Люмениферус изучала базу данных с завидным упорством, не забывая регулярно наведываться и в хранилище.

Краеугольным камнем поисков становилась неприметность. У всех культистов, их сообщников и одержимых встречалось множество предметов, имевших колдовской или религиозный смысл. Часть из них действительно обладала практической пользой. В одних хранилась частичка демонической силы, способствуя силе самих носителей или выполняя заранее заданные функции. Другие

играли социальную роль. В какой-либо степени, относившиеся к ним элементы одежды, обереги, браслеты и прочее в том же духе прямо помогали служить интересам демонов. Оставшаяся часть носила исключительно декоративный характер, хотя порой и выглядела весьма впечатляюще. Кто-кто, а Люцифер прекрасно в этом разбирался. Как никто другой, он определял, что имело отношение к демонам и колдовству, а что было никчемной пустышкой.

Сочинив для культистов особую легенду, демоны уверяли, что те служат сатане, но сделали все, чтобы этот самый сатана ни о чем не прознал. Для этого они и внедрили ничего не значившие слова, символы и безделушки, преследовавшие только одну цель — вводить людей в заблуждение. Направленное по ложному пути, все их потенциальное взаимодействие с Люцифером заведомо оставалось втуне. Этот ловкий обман — настоящий и до мелочей продуманный культ того, кому культисты в действительности не служили, — оправдал себя целиком и полностью. Вся эта мишура, бесполезные побрякушки и не имевшие никакой силы амулеты детально вписывались в картину, которую вывел для себя Люцифер. Но что если здесь был еще один умысел? Что если в означенных пустышках скрывалось то, что архангелы столь старательно и бесплодно искали? Как известно, прятать тайны лучше всего на самом виду. Исходя из своей новой теории, Люмениферус отбросила разумные пути и сосредоточилась на очевидно никчемном.

В отличие от людей, архангелу не требовалось постоянно копаться в базе данных, сидя за компьютерами и перерывая бумажные картотеки. Со своей-то памятью, Люмениферус занесла в нее все записи целиком и полностью. Наведываясь в архив, она проверяла только новые поступления и различные свежие поправки. Остальное же штудировала без всякого использования человеческих машин, в любое время и где бы ни находилась. В том числе в хранилище изъятых вещей, где она все больше внимания уделяла пресловутым безделушкам.

Скрупулезный анализ свел объекты интереса к минимуму. Действуя самостоятельно, Люмениферус пришла к тем же выводам, что и Люцифер, но на этом не остановилась. Она стала собирать и косвенные сведения, выходившие за рамки непосредственно изученных людей. К вещам, обнаруженным при них, она добавила и те, что были зафиксированы в их окружении при смерти — дома, в офисе и даже на улице, то есть где бы та ни произошла. К сожалению, многие предметы не попали в каталог, а иные и вовсе не были обнаружены, когда дело происходило в публичном месте. Люмениферус взялась восполнить этот пробел сама.

Основываясь на записях, где старательно фиксировались все обстоятельства захвата и гибели пленников, она стала наведываться по указанным адресам. Там она тщательно осматривалась, стараясь ничего не упустить из виду.

От архангельского взора не ускользала ни единая деталь, а возможности небожительницы позволяли довольно точно воспроизвести драматические события. К человеческой базе данных Люмениферус изначально добавила мысленную свою, и теперь в ней появлялись определенные разночтения. Чем больше она посещала места, избежавшие скрупулезного описания и каталогизации, тем точнее ей удавалось сопоставить сцены действия и набор предметов. Это позволяло сделать дополнительную выборку, изменить процентное соотношение найденных предметов. В итоге старания Люмениферус принесли примечательный результат, очевидно выходивший за рамки статистической погрешности. Среди всех пустышек, найденных при тех или иных обстоятельствах, с заметным отрывом вперед вырывались крупные сиреневые жемчужины.

Численность находок говорила сама за себя. Сосредоточившись лишь на них, Люмениферус удвоила усилия и еще больше увеличила количественный отрыв. Там, где жемчужины отсутствовали, она начала искать только их, и к своему растущему подозрению нередко находила. Доселе они считались частью украшений, входя в состав оберегов, четок и амулетов. Исследование Люмениферус показало, что зачастую это было далеко не так. Порой, погибший человек вообще не имел отношения к колдовству, а только служил культистам или демонам неким иным образом. Как важного свидетеля, его убирали, и никаких оккультных предметов при нем закономерно не оказывалось. Жемчужины же внезапно отыскались, когда Люмениферус заведомо решила, что искать. Она обнаруживала их там, на месте смерти, закатившимися под мебель или куда-нибудь в дренаж.

Архангельские возможности позволяли осматривать местность досконально, вплоть до веками затерянных монет и крысиных гнезд. Это и поспособствовало установить непреложный факт. В отличие от чего-либо другого, сиреневые жемчужины всегда сопутствовали кончине изучаемых людей. Точнее, почти всегда, но этот пробел вполне объяснялся естественными причинами. В частности, не всегда точным указанием координат и существенными переменами, произошедшими с момента смерти человека. Жемчужина легко могла затеряться, в силу разных причин оказавшись далеко от места первоначального появления.

Сконцентрировавшись на своем открытии, Люмениферус пустилась в эксперименты. Теперь она занималась только жемчу-

жинами и лично подтверждала их необычные свойства. Аномалии заметили еще служители Люцифера. Некоторые безделушки, очевидно не имевшие никакого смысла, обладали совершенно невероятными характеристиками. Одна из них заключалась в том, что они были запредельно твердыми. Фактически, неразрушимыми. Как исследователи ни старались, им не удалось нанести на них даже малейшую царапину, выщербить хоть крохотный изъян. Вне всяких сомнений, эти предметы обладали сверхъестественной природой, ибо такие штуки очень даже умели создавать не только на небесах, но и в аду. Раз небеса заведомо исключались, тут очевидно приложили руку демоны, что никого как раз и не удивляло. Удивляло другое — зачем это им понадобилось?

Оставив попытки деформировать предметы, служители Люцифера занялись иными исследованиями, но Люмениферус их выводами не ограничилась. Они были людьми, а она архангелом, перед которым ничто не могло устоять. Задаваясь вопросом, зачем бы демонам понадобилось создавать сверхпрочные вещи, не имевшие практического смысла, она пришла все к тому же предположению. Они старались укрыть среди них нечто такое, что заведомо обладало подобными свойствами; спрятать настоящий секрет среди похожих подделок. Доселе Люмениферус воздерживалась от применения силы, не желая уничтожать важные улики, однако теперь именно в этом и заключался эксперимент. Испуская вспышку света, ее пальцы сокрушали все, сдавливая демонические изделия словно вселенскими тисками. Не выдерживая мощи архангела, они рассыпались в прах или сгорали в белоснежном сиянии. Все, кроме одного. Ни одна из жемчужин так и не поддалась, как Люмениферус ни старалась.

Очевидный успех будоражил и воодушевлял. Подозрения закончились, началось нечто и впрямь реальнее некуда. Это уже не ерунда и не догадки — предмет, который не поддается натиску архангела. Единственным, кто мог создать подобную твердыню, был только сам бог, ибо мало что оставалось неподвластно его старшим детям. Душа относилась к этому самым прямейшим образом. Она была вечной и неуничтожимой. Только Создатель обладал возможностью отправить ее в небытие. Архангелам и архидемонам такое оказывалось не по зубам, как бы они ни хотели иногда стереть того или иного человека из самой реальности.

За примерами далеко ходить не приходилось. Сам Люцифер, владыка ада, был не в состоянии уничтожить даже самую черную, насквозь прогнившую душу, чьи деяния вызывали у него запредельное неприятие. Он придумывал для нее достойную кару, но не аннигилировал. Архидемоны и тем более не упустили бы случая

избавляться от людей навсегда, в самом прямом смысле этого слова. Не получалось. Души создала божественная мощь. Она же горела в них неугасимой искрой, совладать с которой принципиально никто не мог. Не сумев совладать с сиреневой жемчужиной, Люмениферус увидела здесь прямую связь. Она обрадовалась как ребенок, совершив в своих поисках кардинальный прорыв. Ее глаза сияли, а фигура светилась под властью нахлынувших эмоций. Ее открытие омрачало лишь одно — толку с того особо не выходило.

Идеально гладкие, сиреневые жемчужины выглядели именно как жемчужины — и не более. Их однородную поверхность Люмениферус видела и без человеческого микроскопа, а проникнуть за оболочки не удавалось. Вся архангельская сила не влияла на них ни малейшим образом, как если бы младенец пытался своим писком сокрушить алмазную скалу. Поочередно всматриваясь в жемчужины, Люмениферус вертела их и так, и эдак, но добилась не больше, чем в первый раз. Жемчужины напрашивались на вместилище душ, однако при этом вообще никак себя не проявляли. Тем самым она по-прежнему пребывала в области домыслов, а не доказательств. Предъявленные Михаилу, жемчужины произведут на него определенное впечатление своими свойствами — но и только. Не увидев в них душ, он не станет слушать сестру, заведомо знавшую, что ей скажут. Секрет жемчужин требовалось раскрыть. Лихорадочно соображая, как это сделать, Люмениферус провела еще один довольно простой эксперимент.

Повторенный неоднократно, опыт закончился очень быстро. Перемещаясь по земле, Люмениферус носила жемчужины с собой, наблюдая за их состоянием. Ничего. Она унесла их на другой конец Вселенной и также не добилась ни малейшего результата. Он последовал тогда, когда Люмениферус попыталась забрать их на небеса. Сама она туда шагнула, а жемчужины остались в мире смертных. Как она ни старалась, ей так и не удалось переместить их в рай. Тот же результат получился и с преисподней. Жемчужины не покидали землю, словно что-то противилось принятию их куда-то еще.

Для человека столь наглядный итог стал бы несомненным доказательством присутствия души, но не для архангелов. Проблема заключалась в том, что в ад или на небеса было невозможно перенести материальный предмет. Что бы там ни создавалось, оно обретало материальные черты только при отправке в мир людей, как те же Адам и Ева обрели бренные тела в момент изгнания из рая. Обратного ходу для физической материи уже не было. Иначе говоря, сиреневые жемчужины продолжали вести себя как жемчужи-

ны, и ничем свои душевные свойства не проявляли. Возможно, вполне закономерно. Заслужившие ад, на небеса души в принципе уже не попадали, а преисподняя в лице иерархов их целенаправленно не принимала. Как бы там ни было, Люмениферус не добилась ровным счетом ничего. Сохраняя оптимизм, вызванный несомненностью важного открытия, она оставалась в тупике, из которого, как ни старалась, выхода пока не находила.

Сосредоточенная на жемчужинах, Люмениферус старалась не забывать и про другие заботы. Фактически, она постоянно разрывалась между уймой дел, начиная от командования Красным Крестом и заканчивая личной помощью конкретным людям. Неприятности с Михаилом и угроза со стороны Люцифера тоже давали себя знать. В отличие от второй, первые были настоящими. Изрядно охладев к сестре, архистратиг подозревал ее в коварстве и далеко идущих неприемлемых планах, из-за чего за ее людьми постоянно присматривал кто-то из ангелов. Работе это пока особо не мешало, но различные сложности очень даже появились, и особенно в плане секретных исследований. Что же касалось Люцифера, то опасность, разумеется, была липовой, придуманной с ним совместно почище любого театра. Вот только легче от этого особо не становилось.

Для служителей Утренней звезды и особенно его падших ангелов конфликт с другими архангелами был взаправду, ибо ничего другого реалистичность обмана не позволяла. Они всерьез готовились к столкновению, и Люциферу становилось непросто их удержать. С каждым днем напряжение росло и вероятность случайного инцидента возрастала. Любой из служителей или падших ангелов мог проявить ретивую инициативу, и тогда шанс неконтролируемого развития событий вырастал до астрономических значений. Придерживаясь легенды, Люмениферус и сама готовила своих людей. Ей пришлось им внушить, что ее братья отныне не союзники, а враги, и что в недалекой перспективе им предстоит серьезная схватка. Проходя специальную подготовку, ее агенты и медики вооружались, а Красный крест помаленьку превращался в военизированную твердыню.

Оставаясь в образе, Люмениферус была вынуждена пойти на то, что претило ей по природной сути. Она создавала светоносное оружие или благословляла человеческое, делая примерно то, что делал для своего адского персонала Люцифер. Это коробило Светоносную дальше некуда, но обстоятельства вынуждали. Она поклялась уничтожить все смертоубийственные вещи, однако на данный момент неизменно пополняла арсенал, превращая своих людей в очень опасных и хорошо подготовленных бойцов. Она за-

нималась этим даже тогда, когда изучала сиреневые жемчужины, то глядя на них, то держа в руках. Сотворяя клинки, состоявшие из света, или наделяя своим могуществом пистолеты и винтовки, Люмениферус испытывала сильнейшую эмоциональную боль, и внезапно ощутила боль ответную.

Импульс был достаточно заметным, чтобы Люмениферус его не проигнорировала. Удивленная и озадаченная, она стала прислушиваться к своим ощущениям, но тщетно. Ничего не уловив, вскоре она продолжила прерванное занятие. Перебирая жемчужины, она снова втянулась в процесс, размышляя о загадке душ и одновременно творя орудия смертоубийства. Фантазия подсказывала, как ее лучистые клинки станут не лечить, а умерщвлять, и как кровь потечет по белоснежному воплощению ее света. Ужаснувшись этому видению, Люмениферус вторично испытала прилив психологической боли, и та опять отразилась пришедшим эхом. Благодаря всколыхнувшемуся вниманию, на сей раз его источник был более определен. Чтобы подтвердить свою догадку, Люмениферус воспроизвела все с самого начала, сосредоточившись на деталях, и аж вздрогнула нематериальным телом. Ее словно током ударило, когда мучительные эмоции стали настолько сильны, что излучались едва ли не осязаемо, и в ладонь ее кольнула другая боль. Боль и отчаяние, пришедшие из сжимаемой в кулаке жемчужины.

Охваченная порывом, Люмениферус вперила взор в неразрушимый сиреневый предмет. Она была не в состоянии в него проникнуть, но она и не пыталась — физически или своим сознанием. На сей раз она направила в него свои чувства, терзавшие ее созданием оружия и еще не успевшие развеяться. Отклик пришел мгновенно, и она не упустила возникшую связь. Уцепившись за нее как за путеводную нить, Люмениферус ухватилась покрепче, а затем рванула что было сил. Рванула не просто по-архангельски, а с присущей только ей уникальной возможностью. Ни у кого просто не получилось бы сделать то, что было даровано только ей. Вспышка света, возмущение в пространстве, перелив музыки самих небес — и вот уже перед ней стоял воскрешенный человек.

Для воссоздания тела Люмениферус не требовался образец ДНК. Выполняя просьбу Люцифера, она возвращала к жизни его служителей неизменными до последней клетки, но это не было обязательным условием. Воскрешая человека, она вполне могла основываться на его внешнем и духовном облике, а конкретные генетические особенности значения не имели. Иными словами, она сотворяла душе тело, которое полностью соответствовало ее внешнему виду и не создавало биологических помех психологиче-

ским качествам. В отличие от бога, она не вносила в гены неизлечимые болезни, наследственные уродства и прочие гримасы жестокой судьбы. Воскрешенный ей, человек был полностью, абсолютно здоров, не имел каких-либо изъянов, и при этом оставался самим собой. Это был тот же самый человек, возвращенный к жизни уникальным даром Люмениферус. Хлопая глазами, он смятенно озирался, затем глянул в лицо архангелу и повалился на колени.

Отвергнутые адом и закономерно не принятые на небесах, души оставались на земле, но при этом не были на ней как таковой. Они попадали в ужасное место, где не существовало ничего — даже чудовищ, таившихся в вечной тьме. Там была лишь пустота, непроглядная и черная, без единой искорки света, малейшего звука и самого легкого дуновения атмосферы. Это была их собственная мини-вселенная, образованная в результате произошедшей аномалии. Появляясь возле тела в момент смерти, она становилась непроницаема даже для архангелов, ибо олицетворяла собой неприятие самим мирозданием. Ведь места душе не нашлось нигде, а куда-то деваться неуничтожимой искре было надо.

Снаружи, как ни посмотри, отторгнутая Вселенная выглядела словно большая сиреневая жемчужина, оттого и неразрушимая ввиду своей природы. Внутри она была полностью пуста, ибо душа не обладала возможностью творить, а никто другой ее не наполнял. Душа ощущала все, и при этом ничего. Внутренний мир, все его эмоции и мысли оставались с ней, но ничто не касалось ее бесплотной сущности, а вокруг царило абсолютное безмолвие без малейшего проблеска света. Поначалу это не казалось таким уж ужасным, однако постепенно превращалось в неописуемый кошмар, превосходивший даже те, что творились в аду. Там было хоть что-то, пусть и терзавшее нематериальное тело. В собственной Вселенной души не было НИЧЕГО.

Воскрешенный Люмениферус, человек не отличался добродетелями. В ад он угодил вполне закономерно, откуда был исторгнут только ввиду архидемонского мятежа. Исключение составляли служители Люцифера или души самоубийц, вроде той одинокой девушки, не заслужившие вечных мук, но принципиально отвергнутые небесами. Возвращенный из жемчужины первым, человек к ним не относился. Это был довольно скверный тип, изрядно нагрешивший и не достойный снисхождения. С культистами и демонами он напрямую не работал, однако с одержимыми ему взаимодействовать очень даже доводилось. Как работник госаппарата, он знал достаточно, чтобы архидемоны сокрыли его от Люцифера.

Очутившись в кромешной пустоте, нежелательный свидетель ничего не понимал. Поначалу он испытал безмерное облегчение, когда изощренная пытка прекратилась. Это было как сойти с костра в одиночную камеру, лишенную света, звуков и всякого внешнего воздействия. Отступивший жар воспринимался благом, а все остальное пока еще не атаковало сознание абсолютным отсутствием. Все изменилось по ходу времени, которого не существовало и в физическом мире, но там оно хотя бы условно измерялось некими механизмами или движением звезд, а в кромешной пустоте любого мерила не было вообще. Лишенный осязания, не ощущая внешней среды и вообще чего-либо кроме внутреннего Я, человек довольно быстро начинал ощущать сильнейший дискомфорт, мало-помалу переходивший в непередаваемые мучения. Безумие при этом ему не грозило.

Потерпевшие кораблекрушение на необитаемом острове, пожизненные узники тесных камер или иные отверженные миром живые люди вполне могли лишиться рассудка из-за одиночества. Могли и лишались, но даже они всегда что-то чувствовали, имея возможность содрогать криком воздух или выплеснуть свои чувства хотя бы на твердый камень. Душа в пустоте не обладала такой роскошью и при этом, в отсутствие биологического тела, не имела привилегии сойти с ума, провалиться в блаженное безумие и утратить всякое понимание себя. Она испытывала все, до последней закрученной струны мятущихся мыслей и непрерывного ужаса, пожиравшего каждую частичку ее бесплотного тела несуществующим огнем и холодом одновременно.

Пустота не означала отсутствие ощущений, хотя именно это сперва и подсказывала логика. Их внешнее отсутствие заменялось пожаром всего восприятия души, рожденной чувствовать по природе и теперь не чувствующей ничего. Даже пылая в печи, каждая клетка и то не испытывала бы таких мучений. Накапливаясь и нарастая, они наполняли душу до отказа, настоящей вселенной боли и мирозданием отчаяния. Сжимая жемчужину в руке, это и уловила Люмениферус. Уловила, когда сама ощутила подобное, и оказалась с эмоциями одинокого узника на одной волне. Принимая все близко к сердцу, она так глубоко прониклась чужими страданиями, что услышала их оттуда, куда был не силах проникнуть никто другой. Об этом, на прощание, и обмолвился Гавриил, и теперь до Люмениферус дошел весь смысл его прежде непонятных слов.

Вызволенная из пустоты, душа прониклась к своей спасительнице непередаваемой благодарностью. Живые люди обычно не понимали, с кем имеют дело, в отличие от умерших и тем более

увидевших архангела. Душа его узрела, когда ей навстречу пролился животворящий свет. Точнее, ее, и тут же рухнула на колени, готовая сделать что угодно. Недолго думая, Люмениферус расспросила обо всем, что воскрешенная душа вообще могла рассказать, и та отвечала без утайки. Так она и узнала, что происходило внутри сиреневой жемчужины, а заодно и многое другое, весьма полезное в нынешних обстоятельствах.

Не умея читать в душах напрямую, Люмениферус ограничивалась словами, однако чувствовала, что ей не лгут. Послужив не государству, а своей выгоде и демонам, нагрешивший аппаратчик очень не хотел угодить обратно. Он уже прочувствовал, как его отблагодарили в аду, а затем вообще запихнули неизвестно куда, и одна лишь мысль о возвращении пугала его до икоты. Аппаратчик и не помышлял обмануть Люмениферус. Наоборот — он мечтал заслужить ее расположение и заступничество. Так это, конечно, не работало, однако недавний опыт подсказывал, что он еще не совсем потерян. Душа потянулась к свету Люмениферус, а это означало, что она не испортилась настолько, чтобы навечно сгинуть в адском пламени. До воскрешения она архангела не видела, и возможности пойти за ней не имела. Конечно, это не исключало, что деяния аппаратчика не заслуживали милости. Сделать однозначное заключение мог только Люцифер, но на его появление рассчитывать не приходилось.

Совершив поразительное открытие, сумев добиться своего, Люмениферус немедленно хотела позвать светоносного брата, и удержалась лишь усилием воли. Это было чрезвычайно опасно и неосмотрительно. Находясь под наблюдением, оба рисковали своим прикрытием дальше некуда. Воскрешение души осталось тайной для всех. Не впервые экспериментируя с жемчужинами, в этом Люмениферус не сомневалась, однако ее свидание с Люцифером почти наверняка станет достоянием небес и ада. Со всеми вытекающими последствиями. В нынешних обстоятельствах ей приходилось соблюдать еще бо́льшую осторожность. Конечно, они заранее договорились об условных сигналах, чтобы поддерживать контакт при насущной необходимости, однако речь не шла о подробной информации и тем более срочных депешах вроде фигуральной телеграммы.

С точки зрения людей, не было ничего проще зашифрованного сообщения, спрятанного где-нибудь на сервере или даже на другой планете. Вот только и следили за Светоносными не люди, а демоны и ангелы, включая архидемонов и как минимум одного архангела. Оставленная в особом месте, информация могла остаться секретом для посторонних, но ее актуальность нивелирова-

лась о прошедшее время, а прямой канал между Люцифером и Люмениферус исключался. Тут не подходили даже былые спрайты и огни святого Эльма, ибо теперь у иерархов ада и архистратига Михаила были глаза и уши по всей планете. Разобравшись в загадке душ, Люмениферус собиралась известить владыку ада, однако не действуя сгоряча. Взвесив все за и против, она предпочла обождать, проводя дальнейшие опыты с жемчужинами, чтобы закрепить свой уникальный результат.

Такой импульсивной и чувствительной, Люмениферус было нетрудно довести себя до глубочайших переживаний, психологической боли и горьких слез. Событий в мире для этого более чем хватало, не говоря о собственной памяти архангела. Концентрируясь на какой-либо драме, вроде разбомбленной больницы с множеством погибших детей, Люмениферус тут же приходила в надлежащее состояние. Это уверенно позволяло проникать во вселенную жемчужины, улавливая тамошние тоску и боль.

Со вторым и третьим воскрешением не заладилось, однако Люмениферус быстро разобралась, почему. Хранилище изобиловало собранными вещами, и недостатка в сиреневых жемчужинах у нее не наблюдалось. Поочередно их перебирая, она оттачивала свой опыт сразу на нескольких, а не только на одной, что и позволило установить причину неудачи. Томившиеся внутри, отнюдь не все души успели впасть в безмерное отчаяние. Их чувства нарастали по мере длительности заключения, отчего поначалу даже Люмениферус не ощущала никакого излучения. Не обязательно одинаковый, временной промежуток играл решающую роль. Недавно отторгнутые адом, души еще не источали надлежащего уровня эмоций и не заливали ими свою мини-вселенную. Пребывавшие там достаточно долго полнились чувствами дальше некуда. Их Люмениферус ощущала хорошо и сразу, и немедленно вырывала из объятий черной пустоты.

Пятнадцатый успешный опыт, ставший шестым успешным подряд, окончательно уверил Люмениферус в ее возможностях. Дальнейшие эксперименты особого смысла не имели, а количество воскрешенных людей начинало создавать ненужные сложности. Соображая, куда их девать, Люмениферус разыграла целое представление. Не забывая, что неподалеку обретаются ангелы, причем как обычные, так и падшие, она сумела разыграть перед ними убедительную сцену. Особенности Красного Креста это очень даже позволяли, а военное положение и архангельское руководство довершали остальное.

Верный персонал слушался Люмениферус беспрекословно и вопросов не задавал. Новая партия пациентов не заставила себя

ждать, и в ней без труда удалось скрыть полтора десятка возвращенных душ. Разместив воскрешенных по боксам, медики ввели их в искусственную кому, чтобы те чего лишнего не наболтали, а уж прикрытие и легенду появления состряпала сама Люмениферрус. Это позволяло оставить секрет в надежных руках, без опаски его разглашения и одновременно под самым носом наблюдателей. Самой же незамедлительно воспользоваться плодами сногсшибательного открытия.

Добиться встречи с тем, кто ее всячески избегал, по-своему оказалось сложнее, нежели разобраться в причине, ради которой она вообще понадобилась. Прилетев на небеса, Люмениферус традиционно столкнулась с препятствием в виде ближайшего окружения Михаила. Пройти к своему брату она могла и так, ибо никто не обладал достаточной силой ее остановить. Загвоздка заключалась в том, что она понятия не имела, где того носило. Все больше разрастаясь, война на земле не оставила архистратига безучастным. Он регулярно отправлялся куда-то в мир людей, где задерживался все дольше и чаще. Также никто не отменял его дела в мироздании. Земля была лишь малой частью творения бога. Там проживало его любимое детище, однако остальная Вселенная никуда не делась, и за ней требовалось приглядывать. Искать Михаила наугад представлялось занятием весьма трудоемким и по эффективности крайне сомнительным. Увы, приближенные архистратига отказывались сообщить, где его искать.

Настойчивость Люмениферус ни к чему не привела. Получив указания, ангелы традиционно выполняли их безукоризненно. Они не отказывали сестре Михаила в уважении, не говоря уже о том, что та и сама была архангелом, однако всякое сотрудничество исключали. В нынешних обстоятельствах это было особенно заметно. Прежде к ней сохраняли определенную симпатию или относились нейтрально. Теперь же, ввиду недавних событий, от многих небожителей веяло холодком. Михаил не сам заподозрил сестру в сговоре с Люцифером. Точнее, сам, однако пищу для размышлений ему поставляли разведчики и дозорные ангелы. Они не делали из этого тайны, как и из проистекавшего отсюда поведения архистратига. Откуда взялась черная кошка, пробежавшая между братом и сестрой, было известно не только его ближайшему окружению. Поэтому Люмениферус ничего и не добилась. Как она ни старалась донести, насколько важное у нее дело, ангелы неизменно отвечали вежливым, но твердым отказом.

Раздраженная препятствием, Люмениферус постепенно распалялась. Владея доказательством, способным кардинально на все повлиять, она столкнулась с невозможностью его предъявить.

Время уходило, люди погибали, а она болталась по раю в тщетной попытке разузнать хоть что-нибудь про Михаила. Спокойное ожидание было не в ее характере, тем более что оно ничего не давало. Прибывая на небеса, архистратиг не торчал в неизменном месте, ибо как и бог ни на чем не восседал. За редким исключением, он постоянно находился в движении ввиду уймы всяких дел, и гоняться за ним в одиночку Люмениферус могла недопустимо долго. Конечно, не вечность, однако теперь в нее превращалась каждая минута, потраченная не на спасение жизней, а бесплодные метания.

Изрядно выйдя из себя, Люмениферус начала поднимать скандал в свойственной ей творческой манере. А что ей еще оставалось? Урезонить ее никто не мог, и так она имела шансы привлечь внимание Михаила. Конечно, тот явится не в духе, чтобы лично сделать сестре внушение, однако у нее было надежное оправдание своей выходке.

Гроза в раю считалась явлением, мягко говоря, нехарактерным. Хотя и локальная, не расползавшаяся слишком далеко, она сопровождалась сизыми тучами и ветвистыми молниями, чьи гремучие вспышки прорезались все чаще. К ним добавился и град, чувствительно колотивший по крыльям ангелов. Люмениферус не хотела вредить садам, шумевшим в порывах сердитого ветра. Она не срывала с них листву и уж тем паче не выкорчевывала деревья. Она не губила цветы и вообще ничем не нарушала царившую в них красоту. Скорее, она добавила к ней красоту суровую, окрасив все в штормовые тона своего растущего гнева. Не обращая его против Эдема, она стала все сильнее трепать им упорствующих ангелов. Ветер нарушал их полет, град ударял все пуще, а сверкавшие молнии в любой момент могли превратиться из антуража в грозное оружие.

— Прекрати, — появляясь рядом, произнес Гавриил. — Так ты сделаешь только хуже.

Как и обычно, всеведущий брат выглядел совершенно спокойно, ни на мгновение не повышая голос. Даже спокойнее Михаила, который временами все-таки терял терпение. Лицо Гавриила отличало и похожее величие, но оно было совсем другим. В архистратиге читался полководец, наделенный огромной властью, который не злоупотреблял ей, однако сознавал всю силу своей воли. Величие Гавриила проистекало из глубокомысленной мудрости, озарявшей глаза особым умиротворенным и при этом проникновенным светом.

— Я уже говорил, что всегда считал твою полноту эмоций недостатком, мешающим ясности ума, — ровным голосом заметил Гав-

риил.
— А еще ты сказал, что иногда это может быть преимуществом! — порывисто напомнила Люмениферус. — Именно поэтому я и здесь. Я нашла то, что искала! Хотел ты мне помочь или нет, однако твои слова полностью оправдались.
— Значит, стоит прислушиваться ко мне и впредь. Не так ли? — слабо улыбнулся Гавриил. — Хватит бузить. Повторяю, ты сделаешь только хуже.

Присутствие всеведущего архангела охладило пыл небесных стражей. Соображая, как сладить с Люмениферус, те собирались значительным числом, однако отступили, не решаясь помешать их разговору. Люмениферус напрашивалась на противодействие, однако подступиться к Гавриилу никто не осмеливался. Как средоточия вселенских знаний и воплощения божественных откровений, его авторитет был слишком велик. За малейшее беспокойство, причиненное этому архангелу, устроит знатную взбучку тот же Михаил. Держась поодаль, ангелы старались не маячить и предпочитали ожидать развития событий.
— Но я ведь явилась не просто так! — тем временем, возмущалась Люмениферус. — Тебе же это хорошо известно!
Грозу она, впрочем, заметно уняла. Несущий колючий град, порывистый ветер почти стих. Тучи частично разошлись, пропуская привычный небесный свет, и среди них уже не сверкали разгулявшиеся молнии. Так — отголоски, по-прежнему выражавшие эмоциональный настрой Люмениферус.
— Безусловно, — кивнул Гавриил. — И этим ты меня удивляешь.

К несказанному подозрению Люмениферус, в голосе всеведущего брата удивления как раз и не отмечалось. Скорее, наоборот — он вообще ничему не удивлялся, будучи уж слишком о многом осведомлен и заведомо усматривая причинно-следственную связь. Окончательно присмирев, Люмениферус развеяла сизое ненастье. Вместо нее она сотворила облака, побежавшие меж бескрайних лазурных горизонтов золотисто-жемчужной чередой. Насыпанный в изобилии, град немедленно пророс животворящими семенами, откуда показались трепетные, сплетавшиеся в ковер цветы.
— Давненько ты здесь не практиковалась, — огляделся Гавриил, оценив преображение и ничего не имея против.
— Выкладывай, — предложила Люмениферус.
— Что именно? — невозмутимо обронил Гавриил.
— Надо еще и уточнять?! Ты в курсе, зачем я здесь, и отчего-то этому изумляешься! — вспылила Люмениферус.
— Потому что я сказал тебе достаточно, а ты, уж извини за фра-

зеологизм, наступаешь на те же грабли, — невозмутимо отозвался Гавриил.

Само собой, ответ в виде нотации от брата Люмениферус категорически не устроил. В ее глазах вспыхнула очередная буря, желавшая прояснить все до того, как в них изрядно потемнеет.

— Эмоциональная импульсивность по-прежнему застилает тебе разум, — пойдя на встречу, терпеливо продолжил Гавриил. — Наши враги из тьмы принимают это за глупость. К сожалению, так считает и немало ангелов, хотя это совсем не соответствует истине. Когда ты успокаиваешься, ясность твоего ума не отличается от ума наших братьев. Иногда даже превосходит, хотя с хитроумием Люцифера, конечно, не сравнится никто. Ему все портит ослепляющая гордыня. Тебе — излишняя вспыльчивость, вытесняющая живое рациональное мышление.

— Спасибо за комплимент, но понятнее мне не стало, — буркнула Люмениферус.

— Хорошо, я скажу еще раз, — качнул головой Гавриил. — Твоя насыщенная чувствительность — очевидный недостаток. Она же бывает и уникальным преимуществом. Благодаря ей ты нашла, что искала. Отчего же сама не додумалась повторить?

Вернувшись в Красный Крест, Люмениферус немедленно принялась за дело. Наверстывая упущенное время, она сосредоточилась на помощи больным и раненым. Теперь, после своей грозы на небесах, она считала себя той еще бестолочью, хотя бы Гавриил и утверждал обратное. Люмениферус прозрела благодаря ему. Перестав привлекать внимание Михаила, она собралась вычислить его сама. Для этого она и сочетала два дела сразу. Исцеляя страждущих, овевая их животворящим светом, она ловила малейшие возмущения в пространстве.

Расчет строился на обновленной логике, напрямую связанной с эмоциями. Как не один лишь архистратиг, но и целитель, Михаил наведывался на землю не только поглазеть. Рано или поздно, он тоже примется исцелять, как неоднократно делал до сих пор, и тогда его местонахождение тут же откроется Люмениферус. Архангелы всегда ощущали, когда кто-нибудь из них проявлял свою великую силу в мире смертных, однако ее незначительное использование вполне могло оставаться незамеченным. В отличие от сожжения рабовладельцев, восстановления небоскребов или испепеления демонов, точечное исцеление людей было непримечательным, если речь не шла сразу о целой деревне и тем более городе. На нем, однако, и сосредоточилась Люмениферус.

Известный своим обычным невмешательством, Михаил приходил на помощь людям не просто так. В такие моменты он был не

в состоянии сохранять внутреннюю невозмутимость. Он испытывал то, что вынуждало его посещать очаги вопиющей несправедливости. Это и пыталась обнаружить в пространстве Люмениферрус. Занимаясь тем же самым, она старалась уловить идентичные импульсы, сочетавшие в себе архангельскую силу и архангельское же сострадание. И на вторые сутки нашла. Посещая больницу за больницей, она как раз избавляла от мучений очередное дитя, когда ощутила характерное излучение. Закончив с маленьким пациентом, она тут же шагнула через пространство и очутилась рядом с Михаилом.

Стоя в дыму пожарища, где еще осыпались бесформенные обломки, архистратиг с тяжелым сердцем созерцал руины очередной разрушенной школы. Детской школы, возле которой не было ни одного военного объекта. Ошибочные координаты, человеческий фактор или сбой оборудования исключались. Михаил легко это определил, подтвердив свою догадку сведениями от дозорных ангелов. Удар был нанесен сознательно, причем без всякого наущивания демонами — просто в силу отвратительной, насквозь прогнившей сущности отдельных представителей рода человеческого. Обычно такими чудовищами в людском обличье занимался Люцифер, воздавая им по заслугам в аду, однако на сей раз чаша терпения переполнилась даже у Михаила. Он решил не дожидаться, когда эти гнусные существа проявят свое нутро как-нибудь еще. Преступников он не жаловал, а преступников военных, как военачальник небес, не прощал никогда. Коснувшись огненного меча, он мгновенно воплотил его безграничное могущество.

Воля архангела была непреодолима, как и ее суровый приговор. Выпустивший ракеты, истребитель был уничтожен будто бы случайным дружественным огнем, перепутавшим цель и не оставившим пилоту ни единого шанса на спасение. Одного из злодеев сразило током якобы неисправного оборудования, откуда происходило наведение. Сразило там, где он собирался исполнить очередной бесчеловечный приказ. Тот, кто его отдал, скончался от внезапного приступа, хватаясь за грудь, где остановилось черное, не заслуживающее снисхождения сердце. Увы, погибших детей этим было не вернуть. Михаил сумел спасти немногих, в ком под грудой завалов еще теплилась жизнь. Остальные — больше ста, — лежали бездыханными телами, вызывая печаль у такого могущественного и теперь совершенно бессильного архангела. Самому старшему ребенку было лет двенадцать. Младшему не насчитывалось и семи.

Незримый для людей, архистратиг овеивал светом всех оставшихся в живых, пока тем помогали волонтеры и медики. В

этот момент к нему присоединилась Люмениферус. Оценив обстановку, она не сказала брату ни единого слова, ринувшись исцелять пострадавшего за пострадавшим. К словам она перешла позднее, когда состояние детей стабилизировалось и в непосредственном вмешательстве архангелов отпала всякая нужда.
— Накладывать узы было необязательно, — сдержанно заметил Михаил. — Очевидно, что ты объявилась неспроста. Поверь, я оценил, что сначала ты позаботилась о детях, а не сразу же вцепилась в меня. За это я бы не ушел, не выслушав тебя. Хотя желания слушать нет, и я в любой момент могу разрубить оковы огненным мечом.
— Ты винишь во всех бедах Люцифера, — сразу перешла к делу Люмениферус. — Я пришла доказать, что это не так.

Руины больницы, откуда только начали увозить тела детей, были не лучшим местом для серьезного разговора. Немного поколебавшись, Михаил поманил Люмениферус за собой. Он хотел увести ее за пределы планеты, но та вдруг воспротивилась, ссылаясь на сугубо земные обстоятельства. Отправиться на горный пик она тоже отказалась, чем вызывала раздражение архистратига. Пустыня тоже не очень подходила, однако Люмениферус пришлось согласиться, ибо терпение брата оказалось на исходе.
— Я слушаю, — лаконично изрек он, остановившись на вершине ребристого бархана.
В качестве ответа Люмениферус протянула ему на ладони три сиреневые жемчужины.

Первое впечатление Михаила было далеко от благоприятного. Бегло оглядев неприметельные шарики, он даже не стал к ним прикасаться.
— Это что? — нарушил он молчание, ибо сестра никак свое подношение не прокомментировала.
— Пропавшие души. Души, отвергнутые адом, — сообщила Люмениферус.
— Чего? — невольно опешил Михаил, никак не ожидавший услышать ничего подобного.
— Гавриил открыл тебе причину, по которой души могут исчезать из ада без ведома Люцифера. Вот они. Три из них, ибо общее число велико и точно неизвестно. Я думаю, ты понимаешь, что это означает, — твердым голосом произнесла Люмениферус.
Опешив еще больше, Михаил все-таки взял одну из сиреневых жемчужин и покрутил ее в пальцах. Его пытливый взор старался проникнуть сквозь гладкую оболочку, однако ничего особенного, кроме идеальности, в ней не нашел. Однородность жемчужины несколько удивляла — но и только.

— Это шутка такая? — нахмурился он, переводя взгляд на Люмениферус.
— Попробуй ее раздавить. Ты же не кто-нибудь, сам архистратиг, — предложила Люмениферус.

Опыт ожидаемо не удался. Как Михаил ни старался, у него ничего не вышло. Сначала он не очень-то и хотел. Нажав на жемчужину, он сделал это скорее в пику Люмениферус. Когда жемчужина не подалась, он глянул на нее как на досадную помеху и удвоил усилия. Затем сдавил так, что мог бы сокрушить целую планету, пусть даже ее сковали все демоны ада. Безрезультатно.
— Это ничего не значит, — заявил Михаил, хотя при этом выглядел несколько обескураженным. — Сила Люцифера велика, спору нет. Да и твоя не меньше. Вдвоем вы вполне могли придумать что-нибудь эдакое.
Потянув из ножен огненный меч, он собрался провести радикальный и решающий эксперимент.

Подсунув брату жемчужину, Люмениферус хотела, чтобы для начала он лично убедился в ее неразрушимости, как свидетельстве бессмертной души, однако как-то упустила из виду, что имеет дело именно с архистратигом. Воинственная реакция не заставила себя ждать, ибо конкретно для него несокрушимых вещей не существовало.
— Стой! — воскликнула Люмениферус. — Ты что творишь?!
— Собираюсь покончить с твоей бирюлькой, — сурово ответил Михаил.
— Какая бирюлька?! Это же душа! Ты сейчас разрубишь душу! — схватив его за руку, ужаснулась Люмениферус.
Отстранить сестру было нетрудно. Куда труднее оказалось закончить начатое. Михаил по-прежнему не верил, что этот странный сиреневый шарик был душой, поскольку не улавливал от него ровным счетом ничего. Руку он, тем не менее, придержал.

Огненный меч обладал неотразимым могуществом, без каких-либо заявленных ограничений. Он мог рассечь и сокрушить что угодно, как в божественном мироздании, так и среди порождений тьмы. Гипотетически, это означало и то, что он был способен уничтожить душу. Один из фундаментальных законов мироздания заключался в том, что погасить ее искру мог лишь сам Творец, и никому другому это неподвластно. Вот только на душах силу огненного меча доселе никто не проверял. Если допустить правоту Люмениферус, один удар был в состоянии отправить бессмертную сущность в небытие, уничтожив воплощение воли и мощи самого бога.
— Это не душа, — не слишком уверенно произнес Михаил.

— Так ты все равно ничего не докажешь! — воззвала к его здравомыслию Люмениферус.
— Значит, на этом все. Забирай свои бестолковые украшения, мне они без надобности, — вернул меч в ножны архистратиг.

Несокрушимость жемчужины была только частью доказательства, его прелюдией и впечатляющим подготовительным звеном. Последний аргумент Люмениферус намеревалась предъявить собственноручно, да только огненный меч нарушил весь сценарий. Теперь, исправляя ситуацию, ей пришлось отбросить промежуточные эффекты и сразу перейти к заключительному действию.
— Погоди! — воскликнула Люмениферус.
Забрав жемчужину, она воззвала к своей памяти, вызывая прилив сильнейших болезненных эмоций. Смотря куда-то в пространство, ее глаза затуманились, да так, что из них была готова скользнуть слеза. Мимолетная вспышка света, мелодичный перелив пения самих небес — и сиреневая жемчужина исчезла. Откуда ни возьмись, рядом с архангелами стояла женщина зрелых лет.

Появившись из ниоткуда, живой человек произвел на Михаила куда большее впечатление, а его было трудно удивить. Удивить по-настоящему, а не мимолетным событием или занятной ерундой.
— Она еще откуда? — осведомился Михаил, пристально оглядывая неизвестную женщину.
— Из жемчужины. Я ее только что воскресила, — твердо заявила Люмениферус. — Только не говори, что ты этого не ощутил!
— Я ощутил всплеск твоей животворящей силы. Да, очень мощный, но это для меня не новость, — неторопливо произнес Михаил. Женщина, тем временем, ударилась в натуральную истерику. После всего пережитого, при виде двух архангелов она повела себя не слишком разумно, взмахивая руками, рыдая и крича. Это несколько осложняло замысел Люмениферус. Успокоив воскрешенную, она уложила ее на песок, не забыв позаботиться, чтобы тот не обжигал.
— Опять твои фокусы, сестра, — прищурился Михаил. — Ты уже неоднократно вводила меня в заблуждение. Следует отдать тебе должное — это действительно что-то новенькое.
— Это душа! Воскрешенная душа, которая снова обрела живое тело! — вспылила Люмениферус.
— Или твоя очередная мистификация. Для тебя это было бы не впервые, — с холодом в голосе напомнил Михаил.

Да, не такой реакции ожидала Люмениферус. Изрядно осерчав, она собралась наговорить брату много интересного, однако сама прервала себя на полуслове. Лучшим доказательством оставалось действие, и второе воскрешение не заставило себя ждать.

На гребне бархана, озарившегося вспышкой света, прямо в воздухе возник молодой мужчина. Архангелы не успели и слова сказать. Вытаращив глаза, он дико огляделся и с воплями пустился наутек.
— Да что ж такое! — выругалась Люмениферус, утихомиривая очередную истеричку.
— М-да, неважно ты подготовила своих людей, — скептически обронил Михаил.
— Они не подставные! Откуда я, по-твоему, их беру?! — всплеснула руками Люмениферус.
— Понятия не имею. Но ты же архангел, как и я. Сила твоя велика. Я уже имел удовольствие убедиться, что твои новые возможности — отнюдь не вымысел Люцифера, — скрестив руки на груди, возразил Михаил.

Доселе казавшееся простым, доказательство окончательно пошло не по плану, разбиваясь о глубокое недоверие архистратига.
— Унеси жемчужину в рай — она туда не попадет! — наспех соображая, предложила Люмениферус.
— Как и любой другой материальный предмет, — парировал Михаил.
— Тогда я не знаю, как тебе еще доказать! — топнула ногой Люмениферус. — Скажи мне сам! Чтобы я попусту не старалась!

Требование сестры прозвучало вполне резонно. Подозревая, что все это обман, Михаил не мог отвергнуть условия его разоблачения. Желая уличить Люмениферус, размышлял он недолго.
— Летим в открытый космос, — безапелляционно предложил он. — Там, в межзвездном пространстве, тебе уже не удастся что-нибудь провернуть. Там не земля, где ты изрядно во всем поднаторела. Там меня не обманешь.
— Какой космос?! Почему я, по-твоему, сразу отказалась туда отправиться?! — начала уже не возмущаться, а злиться Люмениферус. — Воскресив там человека, я тем самым его убью! В качестве доказательства тебе нужен труп?! Да ни за что! Доказывая свою правоту, так поступает только наш отец!
— Ты сделай свое дело, а я сделаю свое, — проигнорировал выпад архистратиг. — Будь уверена, умереть я никому не дам. Только я так думаю, что предосторожности излишни.
— Изволь! — грозно согласилась Люмениферус. — Но имей в виду — смерть этого человека окажется на твоей совести!

Выбор Михаила оказался не случаен. Как знаток Вселенной, он добивался полной чистоты эксперимента. Это было даже не межзвездное пространство, а межгалактическое. Свет сюда доходил, и вдали угадывались цветастые туманности, однако в бли-

жайшей перспективе не наблюдалось ничего, кроме черной пустоты и неощутимого холода.
— Я жду, — коротко изрек Михаил, мерно помахивая крыльями.

Обуянная не теми эмоциями, Люмениферус не сразу настроилась на нужный лад. С воскрешением не ладилось, ибо на гнев и досаду сиреневая жемчужина не отвечала. Все настолько затянулось, что Михаил совсем уж собрался покончить с этим спектаклем, когда Люмениферус, наконец, сумела перебороть себя. Охватив ее существо, боль и горе проникли в мини-вселенную души, найдя долгожданный отклик в ее страданиях и отчаянии. Пронзив темноту вспышкой света, небесная музыка явила в космическую пустоту живого человека.

При всем растущем недоверии, дошедшем практически до апогея, Михаилу следовало отдать должное. Он ничего не проморгал. Возникнув из ниоткуда, человек не успел прочувствовать на себе все муки гибели в безвоздушном, лишенном всякого давления пространстве. Одно мановение руки — и вот уже его оберегает воля архистратига. В космической пустоте, в радиусе нескольких ярдов, немедленно появилась надлежащая атмосфера. Сохраняя телу жизнь, она соответствовали привычной для нее норме. Правда, восприятия человека, оказавшегося девушкой лет двадцати пяти, это не касалось. Вынырнув из одной пустоты, она очутилась в другой. Тут, конечно, была не только тьма, начиная от света галактик и заканчивая парившими рядом крылатыми фигурами, однако сила потрясения сказалась незамедлительно. Содрогаясь в истерике, девушка мельтешила руками и ногами, пока ее не коснулась успокаивающая длань Люмениферус.
— Ну, что ты теперь скажешь? — напряженно спросила она.
— Да, тут есть о чем поговорить, — совсем другим тоном ответил Михаил.

Разговор возобновился на земле. Создав пространственный туннель, ведущий в пустыню, с девушкой на руках Люмениферус вернулась туда, где остались двое воскрешенных. Не в одиночестве — под присмотром ангелов. Сознавая всю серьезность ситуации, Михаил немедленно кликнул еще сотню. Расположив их по периметру, обеспечившему безопасную зону в десяток миль, он гарантировал отсутствие нежелательных ушей. Предложив Люмениферус объясниться, он выслушал ее с возраставшим вниманием.

Люмениферус говорила много, но содержательно. Начав с мятежа в аду, она объяснила все, что касалось Люцифера, его служителей и одержимых. Затем перешла к своему с ним взаимодействию, не забыв упомянуть начало войны, и какую роль в этом сыг-

рали архидемоны. Ее устами, несостоявшееся судилище предстало в совершенно ином и правдивом свете, наводя ясность в поведении Люцифера. И в дальнейших его поступках тоже. Закончила Люмениферус новым адом, в деталях рассказав о причинах и перспективах его возникновения. Напоследок она подчеркнула, что никакого столкновения между архангелами не планируется. Все это лишь игра на публику, отвлечение внимания падших ангелов, иерархов ада и других замешанных наблюдателей, включая дозорных пребывавшего в заблуждении архистратига.

Дослушав до конца, Михаил взял паузу на размышление. Приведя воскрешенных в чувство, он лично с ними переговорил. Это заняло немало времени, однако он находил такое расточительство обоснованным. Исторгнутые адом, души представляли собой заведомых грешников, однако очень полезных как свидетелей. Свидетелей того, что натворили они сами, и как это соотносилось с демонами и Люцифером. Женщина, молодой мужчина и девушка ничего не скрывали. Понимая, с кем говорят, они были готовы на все, лишь бы не возвращаться в пустоту или преисподнюю. Михаил услышал достаточно, усмотрев в результатах допроса подтверждение слов Люмениферус. Когда воскрешенные начали повторяться, он снова вернул их в блаженный сон. Сам же, стоя на вершине бархана, смотрел уже не на них, а куда-то вдаль, будто позабыв о присутствии сестры.

Время шло. Не решаясь нарушить раздумья архистратига, Люмениферус долго молчала, пока ее терпение не иссякло. Вся затея сводилась к тому, что ей требовалось получить точный ответ. Только это позволяло заложить надежный фундамент дальнейших действий.

— Убедился? — осторожно осведомилась она.

— Да, — кивнул Михаил. — Это действительно души людей. Души, не принятые в рай и отвергнутые адом. Само того не ведая, человечество уже придумало название для их необычного состояния. Эти сиреневые жемчужины — самое настоящее чистилище, только смысл его совсем в другом. В нем не очищаются от грехов, ибо делать это надо еще при жизни. Без всяких мук или блаженства, там пребывают те, кто оказался вне небес и преисподней.

— Значит, ты согласен, что войну разжег не Люцифер? — ухватившись за долгожданные слова, вспыхнула глазами Люмениферус. — Отвергнутые души — прямое доказательство мятежа. Весь ад восстал против нашего брата. Страдания людей — не его вина. Ко всем злодействам архидемонов он не имеет ни малейшего отношения!

— Я бы не сказал, что одно проистекает из другого. Вне зависимо-

сти от демонов, Люцифер и сам способен натворить немало дел, — веско заметил Михаил. — Однако я вынужден признать, что ситуация совсем не такая, какой представлялась.
— Ну наконец-то! — с невероятным облегчением воскликнула Люмениферус. — Больше никакой враждебности и недоразумений! Давай объединим усилия и остановим весь этот кошмар! Прекратим войну и хорошенько всыплем архидемонам! Поможем Люциферу навести порядок в аду и обуздать падших ангелов! Давай… Нет, скажи лучше сам, как ты теперь намерен поступить!

Воодушевленная впервые за долгое время, преисполненная оптимизма Люмениферус жадно впилась глазами в брата. Она не забыла, что обычно тот не содействовал ей или Люциферу, однако считала нынешнее положение исключительным. Доказав невероятное, она рассчитывала на благожелательное отношение Михаила. Прозвучавший как предложение, ее вопрос был очень даже по существу, однако реакция на него получилась вне всяких ожиданий. Покосившись на сестру, Михаил как-то странно улыбнулся уголками губ, шевельнул бровями, и тут произошло нечто совершенно непредвиденное. Снова глянув вдаль, он стиснул губы и повел плечами. На его лице отразилось заметное усилие, будто он пытался от чего-то удержаться. Затем, казалось, содрогнулась вся пустыня.

Волнистый, озаренный палящим солнцем рельеф пошел ходуном. Ручейками и даже реками, с вершин барханов шумно посыпался песок. Вздымаясь в воздух, он сбивался в густую взвесь и образовывал подобие самума, подгоняемого упругими порывами содрогавшейся атмосферы. Расходясь кругами, дрожь пустыни напоминала сейсмическую, будто вот-вот должно было произойти землетрясение, однако ничего катастрофического не приключилось. Архистратиг не вызывал стихийное бедствие и даже песок, взметавшийся вверх, был только следствием проявления его эмоций. Он не хотел причинить кому-либо вреда и вообще провоцировать подобные эффекты. Он просто не сдержался. Оставаясь на вершине бархана, едва не расползавшегося от сотрясения, Михаил громко и гулко хохотал.

Не понимая, чем вызвано веселье брата, Люмениферус его ни капельки не разделяла. Одергивать, однако, было бесполезно, тем более что она крайне редко наблюдала столь неистовое выражение чувств. Если уж Михаила прорвало, с его обыденной уравновешенностью и величием, то в один момент он не уймется. Неодобрительно скривившись, ей пришлось обождать, пока он умолкнет и вернется в свое нормальное состояние.
— Чего смешного? — хмуро осведомилась Люмениферус.

— О, неужели ты не видишь всей иронии? — развел руками Михаил.
— Просвети, — насупилась Люмениферус.
— Мятежник хлебнул все прелести мятежа. Подняв восстание, наш братец добился лишь того, что его выставили с небес, а теперь поперли даже из ада! — делая над собой очередное усилие, пояснил Михаил, и все же вторично не удержался, снова содрогнув пустыню оглушительным хохотом.

Мрачная как туча, Люмениферус раздраженно дожидалась конца столь неподобающего эмоционального взрыва. С ее точки зрения, забавного тут не было ровным счетом ничего, учитывая, что происходило в мире. Михаил, однако, явно считал иначе. Смеялся он редко, зато серьез и уж точно не по ерундовому поводу. Он баламутил пески довольно долго, прежде чем действительно отсмеялся и окончательно успокоился.
— Все? Теперь поговорим? — подступила к нему Люмениферус.
— Да не о чем, — неожиданно ответил Михаил.
— В смысле?! Как это — не о чем?! — опешила Люмениферус.
— Да так. Это ровным счетом ничего не меняет, — пожал плечами архистратиг.

Остолбенев и заморгав, Люмениферус никак не могла переварить, что она сейчас услышала. Это шло вразрез с любой, даже самой хромоногой логикой.
— Ты что, издеваешься?! — изменилась она в лице.
— Издевались только вы. Надо мной. Ты и Люцифер, — вернувшимся недружелюбным тоном заявил Михаил. — Вы очень долго сбивали меня с толку. Подстраивали сцены, ловко манипулировали обстоятельствами. Теперь я знаю все. Даже про юную девушку с умершей собакой. Между прочим, это просто подло. Так подстраивать настоящую трагедию, чтобы эффектно ткнуть меня в нее носом.
— Но это же правда! — истово воскликнула Люмениферус.
— Все было правдой. Только заведомо тебе известной. Ты подавала ее в нужный момент, чтобы повлиять на меня нужным тебе образом, — холодно парировал Михаил. — Я же, как дурак, даже решился дать тебе советы. Как обойти волю бога, хотя ты уже делала это задолго до меня.

Удар был силен, изрядно походя на удар под дых. Внезапность атаки усугублялась ее несвоевременностью. Ожидая родственного сплочения, Люмениферус столкнулась с колючим отчуждением, вызвавшим растерянность и дезориентацию.
— Если все по-настоящему, что это меняет? — стиснула кулаки она.

— Все. Есть истина, а есть манипуляция таковой, — отрезал Михаил.
— Погоди! — обомлела Люмениферус. — Ты хочешь сказать, что оставишь все как есть?! Люцифер создает свой новый ад только для того, чтобы сохранить порядок! Прервать зависимость от мятежных архидемонов, которых он тут же скрутит в бараний рог! Я тоже ни с кем воевать не собираюсь! Это все прикрытие, чтобы выиграть время! Нам надо остановить войну! Прекратить кровопролитие и истребление человечества!
— Новый порядок Люцифера не лучше, нежели тотальная война. Может быть, даже хуже, как вызов божественным порядкам мироздания, — сурово произнес Михаил. — Ты тоже хороша. Воскрешение — это не игрушки, особенно с твоей армией последователей. Такими темпами, сестра, ты станешь антагонистом небес почище Люцифера.

Потрясение следовало за потрясением. Казалось, сейчас устами архистратига глаголил пресловутый дьявол, загнавший всех в ловушку и теперь не стеснявшийся выразить свое торжество.
— Ушам не верю! — ужаснулась Люмениферус. — Ты узнал, что происходит, но даже и не думаешь помочь Люциферу! Ты почти в лицо назвал меня своим врагом!
— Продолжишь в том же духе — это не исключено, — выразительно предупредил Михаил. — Я не стану мешать тебе или Люциферу лечить и защищать людей. Но и сделать из них своих личных подданных не позволю.
— Ты хоть понимаешь, кому играешь на руку?! Не получая отпора, демоны погубят всех! — вскричала Люмениферус.
— Вы сами в этом и виноваты. И люди, между прочим, тоже. Они довольно скверно распорядились своей свободой воли. Это не демоны за них воюют. Что посеешь, то и пожнешь, — вынес свой вердикт архистратиг. — Разговор окончен.
Повинуясь приказу, ангелы перестали охранять периметр и улетели, кто куда. Вынув огненный меч, Михаил разрубил пространственные узы и покинул жаркие пески, оставив Люмениферус в смятении и одиночестве.

Дойдя до адресата, сигнал не прошел впустую. Достигшее небывалых широт, полярное сияние сообщило ему достаточно. Получив примечательную весточку, Люцифер немного выждал, чтобы никто не соотнес его уход с природным явлением. Затем основательно запутал следы и удалился на землю под благовидным предлогом. Там он запутал их еще больше, прежде чем прибыл в условленное место. Сестра уже ожидала, укрывшись под сенью большо-

го дуба. Приветствуя ее, Люцифер тут же помрачнел, завидев, что она сама не своя. Даже без расспросов становилось ясно, что поводов для этого у нее хватало.

Новость, ради которой Люмениферус позвала на встречу, безусловно была отраднее некуда. Обнаружив, куда деваются души, она совершила настоящий подвиг, поистине вселенский из-за возможности их воскрешения. К сожалению, причина ее смятения оказалась не менее глобальной. Ее волнующее открытие не давало ровным счетом ничего.

Окаймленный зеленью, безмятежный пруд отражал голубое небо, такое далекое для людей и столь близкое для архангелов. На его воде, без малейшей морщинки ряби, дремали кораблики листьев, опавших с молчаливых деревьев. Скользящими шажками, меж них сновали юркие жуки водомерки. Перепрыгивая с ветки на ветку, подавали звонкие голоса проворные птички. В кустах, принюхиваясь к волнующим запахам, осторожно пробирался молодой енот. Где-то шуршали мыши, чьим едва заметным попискиванием интересовался еж. Тихий и уединенный, лесной пейзаж дышал умиротворением и покоем. Здесь и сейчас он походил на рай, в то время как за его пределами разрастался ад.

Война еще не добралась до этих краев. Ее отголоски только ощущались в воздухе, где все чаще пролетали отнюдь не гражданские самолеты, и витавшим в самом пространстве напряжением. Ее приближение, однако, становилось лишь вопросом времени. Архангельский ум предвидел это с точностью до недели, когда зловеще завоют сирены, а с неба посыплются бомбы и ракеты. Лес полыхнет, окутавшись дымным пожаром, и чистый, полный жучков и рыбок пруд наполнится обгоревшими древесными обломками. Пущенный бесконечно злым, но чрезвычайно расчетливым умом, камень сорвал невиданную лавину, набиравшую скорость и сметавшую все на своем пути. Лавину из смертей, крови и безмерных страданий всего человечества.

Лежавшее на краю пруда, замшелое бревно служило скамьей. Один его конец облюбовали тонкие грибы, тянувшиеся к небу бойкой внушительной семейкой. С другого, выбравшись из прорехи, поползла в густую траву крупная мохнатая гусеница.

— Ну, долго еще будем такое терпеть? — глядя на воду, тоскливо спросила Люмениферус.

Сидя рядом с братом, ладонью она оперлась на бревно, согреваемое ее внутренним светом. Улавливая его чутьем, вокруг ее головы вились, словно у свечи, робкие мотыльки. Откликаясь на касание, бревно дало побеги, непроизвольно вызванные животворящими чувствами архангела.

— А что ты предлагаешь? — послышался угрюмый ответ. — Я вступлю в войну хоть сейчас. Но с кем? И какой ценой? Вдвоем мы способны разнести что угодно. И тем самым окончательно погубить любую жизнь.
— Но можем же мы хоть что-нибудь? — взмолилась Люмениферус.
— Михаил молчит. Без его воинства все наши усилия бесполезны, — тихо сказал Утренняя звезда.

– 7 –

Контроль над адом подразумевал и контроль над душами. Лишившись последнего, Утренняя звезда уже не мог претендовать на первое, сколько бы ни называл себя владыкой преисподней. Власть превращалась в фикцию, вне зависимости от проекции даже самой могущественной силы. Абсолютная монархия трансформировалась в конституционную, вплоть до номинальной. Когда архидемоны того хотели, любая душа исторгалась из пограничной зоны, принимая вид сиреневой жемчужины; попадала в чистилище, как его нарек архангел Михаил. Поначалу это явление носило единичный характер. Затем, по мере противодействия Люциферу, иерархи выкидывали из ада все больше душ, а то и вовсе их туда не пускали. Поистине серьезный размах этот процесс приобрел по мере создания новой преисподней. Очистив ее от шпионов, Люцифер полагал, что решил возникшую проблему, однако иерархи униматься и не помышляли.

Число отвергнутых душ непрерывно росло. Изрядно перестраховываясь, архидемоны фильтровали обычный ад, лишая Люцифера любых, даже отдаленно подходящих кадров. С этим же умыслом они блокировали их поступление извне. Заведомо не зная, какие именно души прибывали к вратам оцеров, они начинали исторгать их вслепую, самим количеством вызывая растущий хаос. Очевидных грешников, находившихся в их владениях, они оставляли. Новый же ад Утренней звезды подвергался все большему давлению, которое непрерывно нарастало. Деваться было некуда. Прекрасно понимая, к чему все идет, Люцифер уже вовсю подумывал нанести по мятежникам сокрушительный удар, в надежде силой вернуть повиновение. Когда становится нечего терять, любые средства хороши, однако Люмениферус уговорила его повременить. Грозившая бесконечной войной, крайняя мера забрала бы все ресурсы и внимание, когда в них так нуждалась страдающая земля. Она предложила другой выход, и деятельно приступила к его реализации.

Не принятые адом, души оставались возле своих умерших

тел, запертые в собственных мини-вселенных. В дальнейшем они перемещались как угодно, руками людей, небожителей или волей случая. Даже лапой кота, играючи закатившего сиреневую жемчужину под диван. По сути это означало, что они обнаруживались довольно-таки легко, если их искал не кто-нибудь, а архангел. Куда сложнее дело обстояло с душами исторгнутыми уже из ада. К бренным оболочкам они не возвращались, тем более что многие тела оказывались кремированными. Несмотря на все открытия, их местонахождение оставалось неизвестным, претендуя на случайное распределение во Вселенной.

Желая разгадать последний ребус, завершающий феномен пропажи душ, Люмениферус воспользовалась уроком от Гавриила. Хорошенько успокоившись, она добилась полной ясности ума и как следует поразмыслила над происходящим. Так или иначе, анализу поддавался даже полный хаос. Согласно законам мироздания, логика присутствовала во всем — ее требовалось лишь отыскать. Люмениферус уже добилась многого, распутав этот поистине дьявольский клубок. Теперь ей оставался заключительный аккорд, необходимый для того, чтобы попытаться вернуть над душами контроль. Пускай и не тот, что прежде, он достаточно стабилизирует ситуацию противовесом, который никому не захочется нарушать.

Окрестности пограничной зоны были бы слишком очевидны. Выборочно их проверив, Люмениферус не обнаружила посторонних объектов. Архангельский взор примечал в пустоте любое, даже самое крошечное тело на огромном расстоянии. Куда бы ни девались души, они не витали неподалеку от ада, а находились где-то в физической Вселенной. Другой вопрос, где? Теперь, заведомо зная, что искать, Люмениферус высматривала сиреневые жемчужины как орел добычу, то есть с невиданных высот и на недоступной человеку дистанции. Вряд ли архидемоны прятали души в недрах планет или астероидных поясах. Для этого требовались значительные усилия, и тем более в мире смертных, где влияние исчадий ада заведомо ограничивалось. Скорее, процесс носил автоматический характер, и его основу следовало лишь разгадать.

Подсказкой оставались все те же слова иерарха, выраженные напрямую, но со смыслом в завуалированной форме. Если Люмениферус заполучит одну душу, она заполучит их все. Значит, она вполне была в состоянии их отыскать, не гоняясь за каждой в бесконечной тьме или по просторам Вселенной. Напрягая ум, Люмениферус размышляла, что она упускает, и на одно соображение ее случайно натолкнул Люцифер. Довольный своим персоналом, превосходившим в новом аду все ожидания, он искренне посетовал,

что не в состоянии набирать его с рождения. В сознании Люмениферус зарницей сверкнула идея. Ухватив ее за хвост, будто межзвездную комету, она начала раскручивать ее от самых основ.

В былые времена обращение в веру происходило только со взрослыми людьми. Религия считала, что выбор человек должен делать осознанно, чтобы по-настоящему принимать ее учение и ценности. Этот канон зародился у истоков и просуществовал довольно долго. Потом религиозные иерархи все больше подминали исходные положения под себя. Они извратили многие обычаи, заложенные в период Пришествия, добавили уйму новых и очень далеко отошли от фундаментальных заветов, олицетворяя собой совсем не то, что было написано в их же книгах. Книги, впрочем, тоже переписывались. Чему и удивляться, что религиозные обряды стали проводиться над младенцами, а ведь это противоречило изначальному смыслу учения. Объяснялось, однако, это проще некуда.

Взрослый человек мог выбрать другую веру или вообще никакую, а пастырям требовалась паства. Овцы, взращенные себе на прокорм и при необходимости на убой, а у детей критическое мышление отсутствовало как таковое. Ребенок, которому с малолетства внушают определенные идеалы, пойдет даже за самим дьяволом, с яростью фанатика отвергая рациональный ум, объективные аргументы и любую логику. Иерархам это было только на руку, без разницы, где они восседали — в неких храмах или в аду. Открыто называя людей рабами, они насаждали им принцип беспрекословного повиновения, прямо подменяя собой того, кому призывали повиноваться. Такой подход заведомо исключал у верующих возможность определить, где религия несла хоть какое-то добро, а где таила откровенное зло. Лишая людей права выбора, иерархи преследовали только собственные интересы, ценой немалой крови регулярно выяснявшиеся между ними.

Едва появившаяся на свет, душа немедленно попадала в хорошо отлаженный механизм вероучений, и обычно становилась типичным продуктом его навязанных, нередко и силой, стандартов. С первых же робких шагов она ступала на путь, который зачастую приводил ее отнюдь не на небеса, что бы там с амвонов ни утверждали все те же иерархи. На это и сетовал Люцифер. В отличие от них, он не формировал себе служителей с колыбели, а принимал только тех, кто делал выбор сознательно. Только таким он мог по-настоящему доверять, и только на них уверенно рассчитывать. Люмениферус разделяла его взгляды, однако почерпнула оттуда и кое-что другое. Собрав информацию о душах, исчезнувших из преисподней, она отправилась проверять свою догадку, и вско-

ре, несказанно обрадовавшись, преуспела. Не принятая адом, душа оставалась возле своего умершего тела. Исторгнутая им, она возвращалась к месту своего рождения.

Встречаясь с Люмениферус, архидемон в парламенте коварно продолжать тянуть время. Решение иерархов было вынесено быстро и давно. Несмотря на определенные плюсы, серьезные риски перевешивали не особо значимые преимущества. Архангелы и так пребывали в раздоре. Гибель человечества близилась и без их разрушительного участия. Иерархи постановили отвергнуть сделку с Люмениферус. Противостоять ей они не могли, но всякое взаимодействие исключали. Тайно. На словах же они выказывали готовность к разделению сфер влияния, однако постоянно затягивали согласование рядом правдоподобных хитроумных проволочек. Они не знали одного — Люмениферус изначально не собиралась с ними ничего делить, поэтому их интриги ее не волновали. Она вела свою игру, искусно скрывая ее за вспышками присущих ей эмоций, однако даже архидемон ощутил — на этот раз что-то изменилось. Придя на очередную встречу, Люмениферус выглядела иначе. От нее веяло решимостью, смешанной с жесткостью, величием и холодностью. Она вела себя как королева, собиравшаяся поставить на место строптивого вассала. На иерарха ада она взглянула так, что тому стало изрядно не по себе.
— Я понимаю твой настрой. Не гневайся, скоро мы все уладим, — пообещал архидемон, превратно истолковав поведение архангела.
Та не ответила. Вытянув руку, она лишь выразительно щелкнула пальцами.

Несмотря на размеры, здание парламента было захвачено в считанные минуты. Заблокированная на всех линиях и частотах, связь не позволяла подать сигнал тревоги. Системы безопасности полностью вышли из строя, либо отключенные, либо перехваченные. Обезвреженная, многочисленная и при этом оказавшаяся беспомощной охрана лежала безвольными снопами, пребывая в глубоком забвении. Люди валились как подкошенные, не успевая ударяться в панику и разбегаться. Военные, гражданские, штатный персонал и случайные посетители — все они не смогли оказать ни малейшего сопротивления, даже если бы очень захотели.

Единичные выстрелы охраны не достигали цели, сокрытой за непробиваемым щитом из чистого света, не имевшем формы, но отражавшем любую угрозу. Интенсивные выстрелы атакующих никогда не промахивались. Благословенное архангелом, оружие не убивало, однако разило мгновенно и безотказно. Чуя неладное, иерарх преисподней прислушивался к шуму, приближавшемуся ту-

да, где он стоял один на один с Люмениферус. В конце концов, двери распахнулись, и к ним ворвалось тринадцать вооруженных людей. Разного пола и возраста, все они были по-разному и одеты, но при этом экипированы тем, что по праву именовалось архангельскими дарами. Слаженность их действий превосходила даже спецназ. В то время как остальные контролировали парламент, тринадцать человек навели оружие на исчадие ада.

— Что это значит? — злобно осведомился иерарх.

— Свет, — коротко скомандовала Люмениферус.

Это был своеобразный оксюморон. Повинуясь госпоже, прибывшая группа тут же открыла по архидемону шквальный огонь.

Покинуть землю иерарху ада не позволяли узы, наложенные архангелом, однако сверх этого она и пальцем не шевелила. Все остальное делали люди. Наполненное светом, их оружие стремительно превращало архидемона в решето. Дымясь и распадаясь, он так ревел и орал, что здание подрагивало как при землетрясении, и отовсюду слышался звон стекла. Интенсивность обстрела не позволяла ему сопротивляться. Благословение архангела, наложенное на что бы то ни было, превращалось в оружие, доступное простым смертным. Обратив его против архидемона, они стали проводниками светоносной воли, и противостоять им у исчадия тьмы физически не получалось.

Расстрел длился недолго. У пресловутого тигра в клетке шансов на отпор и то было бы больше. Зверея от ярости и боли, иерарх свирепо кидался на людей и тут отшатывался назад, обожженный вспышкой исходившего от них света. Их выстрелы, тем временем, продолжали обращать его в ничто. Теряя последние силы, он едва не отправился в небытие, когда Люмениферус резко воздела ладонь.

— Достаточно, — столь же коротко изрекла она.

Стрельба немедленно прекратилась. Не двигаясь с места, люди продолжали держать оружие наведенным на врага человечества, однако больше не атаковали. На вид обычные граждане, одетые кто во что горазд, от цветастых платьев до строгих костюмов, они вели себя как дисциплинированное армейское подразделение, что наводило жути еще больше, нежели задрапированные в черное штурмовики.

— Что?.. Как?.. — прохрипел, заваливаясь на колени, архидемон.

Не слишком-то содержательные, его вопросы были понятны архангелу и без уточнений. Он недоумевал, как простые смертные узрели невидимого иерарха ада, и каким образом он оказался бессилен перед этими ничтожествами, ведущими себя будто единый слаженный механизм.

— Эти люди воскрешены мной из исторгнутых вами душ! Из того, что выглядит как сиреневая жемчужина! — раскрывая крылья и сияя глазами, очень выразительно громыхнула засветившаяся Люмениферус. — Они видят тебя! Они знают тебя! С моим благословением, они могут уничтожить тебя и таких, как ты! Везде, где только встретят! Они слушаются только меня! Они зависят только от меня! Вся ваша гнусная орда больше не может причинить им вреда!

Содрогая своды парламента, слова архангела проливались грозным потоком, проникая в саму сущность отродья тьмы, но явно не для одной лишь констатации факта. Они прозвучали не как выражение превосходства, а скорее как ультиматум.

— Чего ты хочешь? — выдавил иерарх. — Ты же чего-то хочешь. Иначе все это не имеет смысла.

— Передай князькам в аду, что отныне я заберу любую душу, которую они отторгнут! — громогласно заявила Люмениферус. — Либо они прекратят их отторгать, либо я соберу из них такую армию, что она сотрет в порошок всех рогатых тварей! Выбор за вами, и я настоятельно рекомендую с ним не ошибиться!

Снова щелкнув пальцами, Люмениферус ушла сама и увела всех своих людей, оставив иерарха преисподней собирать свои дымящиеся клочья по всему залу.

Показательный урок следовало закрепить. Снаряженный архангелом, внушительный ударный батальон не пользовался вертолетами или десантными катерами. Он не высаживался с парашютом и не преодолевал какие-либо границы. Пространственный тоннель позволял ему появляться где угодно. Людей он не трогал, что бы те собой ни представляли. Он их ненадолго обезвреживал — и только, а вот исчадиям ада доставалось всерьез.

Простых демонов не щадили. Воскрешенные уничтожали их на месте, быстро и эффективно. Это относилось и к одержимым. Выстрелы из благословенного оружия не причиняли вреда носителям, но уничтожали засевшее в них отродье тьмы. История не ведала более молниеносного и надежного экзорцизма. Исключение составляли лишь архидемоны, и то не ради какой-то там милости Люмениферус. В этом и заключался смысл ультиматума. Верхушке врагов человечества ясно давали понять — или она принимает требование, или на земле мало ей не покажется.

Удар следовал за ударом. Старательно собранная, информация наконец-то пригодилась не только для локального обезвреживания непримиримого врага. За прошедшие месяцы агенты Люмениферус потрудились на славу. В Красном Кресте было известно далеко не все, но очень многое, и особенно какая рогатая тварь

где окопалась. Доселе безнаказанные, демоны хорошо прочувствовали на себе новоявленные возможности светоносного архангела. Обойдя ограничение, она действовала не сама, а натравила на них людей, имевших полное, данное небесами право защищать свой мир. Отродий тьмы истребляли настолько оперативно и умело, что результат не заставил себя ждать.

В плавучем, бороздившем океаны штабном госпитале Люмениферус было обустроено отдельное место. Архидемоны не могли его не замечать. Там, в строго очерченной зоне, непрерывно поддерживалось особое пространство, позволявшее появляться могущественным исчадиям ада. Появляться без особых условий, сразу и напрямую. Люмениферус аж коробило от такого допущения, однако его требовали обстоятельства. Требуя чего-то от иерархов преисподней, она предоставляла им возможность дать ответ. Языки огня, дым и копоть возвестили о прибытии чего-то не из мира смертных. Возникшее в командном центре, огромное черно-красное чудовище, сотканное из пламени и тьмы, немедленно приковало к себе взоры всего персонала.

Люди не испугались. Ведомые светом госпожи, они ощущали его мощь, защиту и благость. Они лишь закономерно впечатлились видом извечного врага, представшего перед ними в своем истинном обличье. В том самом, в котором он когда-то вышел из тьмы, на просторы нематериального адского огня.

— Прекрати. Мы согласны, — глухо изрек архидемон, источая едва ли не осязаемую ненависть.

— Одна исчезнувшая душа — и паритету конец, — грозно предупредила появившаяся перед ним Люмениферус.

— Договорились. Но тебя это тоже касается, — показал зубы иерарх, и через них полыхнуло, потянуло серой пламя ада.

Не продлившись и минуты, дипломатический визит немедленно завершился. Архидемону было невыносимо унизительно стоять перед всеми этими людишками, такими жалкими и одновременно такими неуязвимыми под крылом могущественного архангела. Передав ответ, давшийся иерархам с величайшим трудом, он тут же удалился, ибо говорить было больше не о чем. Люмениферус, однако, на этом не закончила. Глядя в пространство, она раскрыла крылья и повела руками. По всей планете — то здесь, то там, — немедленно засверкали зарницы и спрайты, заиграла красками многочисленная глория и вспыхнули огни святого Эльма. Таиться больше не было нужды. Теперь даже последний идиот прекрасно понимал, что Люмениферус и Люцифер действуют заодно.

— Порядок с душами восстановлен. Аномалий нигде не наблюда-

ется, — сообщил, появляясь в командном центре, Утренняя звезда. — Поздравляю, сестра. Твой замысел удался целиком и полностью.
— Не без твоей заслуги, — приветствовала его Люмениферус. — Одной мне такое было бы не под силу.

Хрупкий и опасный план требовал невиданной прежде слаженности, ювелирной подготовки и точности исполнения даже для архангелов. Особенно для тех, за кем непрерывно наблюдали, и кто почти для всех, за исключением Михаила, якобы состоял в конфронтации. Собирая сиреневые жемчужины, воскрешая души, Люмениферус возвращала к жизни людей, но ОБЫЧНЫХ людей. Более того, уже побывавших в аду, и, как правило, не просто так. Иными словами, сами по себе они не становились армией, и уж тем более бойцами уровня небесного спецназа.

Оружие благословляла Люмениферус, ибо только она, со своим животворящим даром, делала это по-особому. Уроки, полученные от Михаила, пригодились как никогда. Его знание физики Вселенной, частично переданное сестре, сыграло колоссальную роль. Пули не причиняли людям вреда. Они в них попросту растворялись, выбрасываемые из тел облачком атомов. Они только усыпляли, мгновенно и безболезненно. Людей, но не демонов. Высвобождаясь в момент контакта, архангельский свет разил их неотразимо и беспощадно. Сам же не позволял разить своих носителей. Люмениферус не создавала воскрешенным особую броню, столь усердно воспеваемую любителями фэнтези. Они тоже получали ее благословение, защищавшее белоснежным светом — все, кто был к нему восприимчив и еще способен за ним последовать. Несмотря на пребывание в аду, воскрешение означало многое. Это был самый настоящий второй шанс, со всеми вытекающими. Грехи не списывались, однако грешники получали возможность их искупить. Те, кто этого хотел, и кто к этому стремился. Без всяких условий, они добровольно встали под командование Люмениферус. Тогда, и только тогда ими занялся Люцифер.

Заносчивый и гордый, самовлюбленный и властный, Утренняя звезда мог перестать быть властелином ада, но всегда оставался владыкой душ. Читая воскрешенных, он вносил коррективы в их живую психику. Вносил без принуждения, на основе согласия их прямо выраженной доброй воли. Это было допущение, не нарушавшее законы мироздания. Верующие регулярно просили бога, чтобы он их в чем-нибудь да укрепил, наставил на путь истинный, защитил и придал сил. Они молили стать исполнителями его высшего замысла. Именно это, на собственный лад, и делал Люцифер, без всяких неопределенностей, неисповедимых путей и недомолвок.

Пол, возраст, национальность и прочие различия значения не имели. В отличие от бога, для архангелов все люди были равны. Зрелый мужчина и юная девушка становились одинаково сильными воинами света, совершенными проводниками их воли. Именно ИХ. Практиковавшие колдовство, служители подчинялись только Люциферу. Агенты и медики Красного Креста слушались исключительно Люмениферус. Воскрешенные, благословенные одним архангелом и усовершенствованные другим, следовали за обоими. Утренняя звезда и его светоносная сестра тоже были для них равны, воплощая собой правящий дуумвират.

Дар Люмениферус творил любую жизнь, во всем ее поразительном, недоступном человеческому пониманию разнообразии. Она могла мгновенно сформировать тела, исцелять любые болезни и мановением руки взращивать цветущие рощи. Благословить оружие, не вредившее людям и одновременно уничтожавшее демонов, ей было гораздо проще. Ее клинки из света миновали живую плоть, не оставляя на ней даже царапины, но неотвратимо рассекали отродья тьмы, становясь для них вынесенным приговором. Могущество Люцифера, в свою очередь, позволило создать новый ад. Ад, которым успешно управляли души, наделенные символами его светоносной власти. Превратить людей в невиданных воинов ему тоже не составило особого труда.

Повинуясь голосам архангелов, слышимых всегда и везде, воскрешенные действовали как единый организм. Не будучи роботами или пресловутыми зомби, они все прекрасно сознавали и при этом реагировали безукоризненно и молниеносно. Их новые тела были доведены до совершенства, без всяких изнурительных тренировок. Физические возможности оказались на природном максимуме, далеко превосходившем все представления человеческой науки. Их не подтачивали какие-либо болезни, и даже самый незначительный недуг обходил воскрешенных стороной.

Единожды полученное, благословение Люмениферус действовало до тех пор, пока она сама, по какой-либо причине, его не отзывала. Демоническая скверна против воскрешенных была бессильна, как и самое изощренное злое колдовство. Человеческие пули их не брали, и даже самый смертоносный яд не причинял живому организму вреда. Это касалось и радиации, а любых также химических соединений и агрессивных сред, с определенной оговоркой. Воскрешенные не могли купаться в серной кислоте или ступать по лаве, но вылитые на них врагом эти субстанции сходили с них как с гуся вода. Им по-прежнему требовались пища, сон и воздух, однако в остальном они становились практически неуязвимы.

Скорректированная Люцифером, психология выводила восприятие душ на новый уровень. Все их объективные недостатки были устранены, а приобретенные достоинства позволяли прежде невиданные вещи. Он не натаскивал воскрешенных долгими годами, как иные гуру своих адептов. Ему не требовалось доводить их до совершенства изнуряющими тренировками. Он делал это в кратчайшие сроки — едва ли не мгновенно, как величайший владыка и целитель душ. Совместными усилиями, светоносные брат и сестра создали воинов, которые на земле олицетворяли воинов небесных. Хоть и уступая ангелам Михаила, они были полноправными жителями своего мира, его людьми и его защитниками. Не хозяевами, а именно защитниками. Люцифер и Люмениферус не сотворяли расу господ. Они возглавляли тех, кто помогал воплотить их планы, на благо всего мира и самого человечества. Планы, которые теперь, ввиду невиданных ранее нововведений, мог нарушить только архангел Михаил.

Предложенный Люмениферус и одобренный Люцифером, расчет строился отнюдь не на создании мощной армии бессмертных. Не к такому миру оба они стремились, и не так видели будущее человечества, чтобы превращать его в биологических сверхсуществ. Защита, учение, покровительство, наказание злодеев и поощрение добродетелей — это было краеугольным камнем их мечтаний, где люди жили своей смертной жизнью, но без прежней вопиющей несправедливости и жестоких гримас судьбы. Там не бомбили школы, убивая сотни детей, и несчастные крошки не мучились неизлечимыми недугами от рождения. Серийные убийцы не успевали вершить свое кровавое дело, политики еще при жизни отвечали за продажу собственных народов, а правители и религиозные иерархи либо и впрямь служили на благо людей, либо прямой дорогой быстро отправлялись в ад. Туда, куда по-прежнему попадали бы все, кто отвергал саму сущность света, очернял свою бессмертную душу осознанными тяжкими грехами и в итоге уходил во тьму. Сверхъестественные возможности воскрешенных были временной мерой. Они преследовали особую цель — вынудить иерархов ада прекратить отторжение душ.

Несмотря на очевидную эффективность светоносных воинов, в замысле Люмениферус и Люцифера присутствовал изрядный блеф. О непрерывном расширении неуязвимой армии не шло и речи. Во-первых, они не хотели этого сами. Такой подход противоречил естественной человеческой судьбе, лишавшейся собственных желаний и становившейся полностью зависимой от архангелов. Во-вторых, им наверняка помешал бы Михаил. Ему уже очень сильно не нравилось происходящее, начиная от нового ада и за-

канчивая проявившимся, способным вести за собой людей даром Люмениферус. Он и так называл это вызовом божьей воле, не исключая потенциальное противостояние. Армия бессмертных, неуязвимая ни для кого, вне всяких сомнений вынудила бы его на враждебные действия. Настолько враждебные, что их масштаб и последствия становились непредсказуемыми. Именно поэтому Светоносные архангелы и оперировали лишь небольшим количеством воскрешенных. Только одним полком, в пересчете на армейские подразделения.

Смелый во всех смыслах, план регулярно оказывался на волоске, причем без всякой гарантии на успех. Фигурально выражаясь, Люцифер и Люмениферус ступали по лезвию меча, балансировали на грани потенциальной катастрофы, чтобы не спровоцировать Михаила и одновременно произвести надлежащее впечатление на архидемонов. Им это удалось. Вообразив перспективу того, к чему приведет дальнейшее преображение отторженных душ, иерархи ада предпочли предложенный им паритет. Архистратиг же не вмешался, хотя и был очень близок к этому. Люциферу и Люмениферус невероятно хотелось использовать свою земную гвардию для дальнейшего уничтожения отродий тьмы, прекращения войны и восстановления мира. Увы, им пришлось отозвать воскрешенных, чтобы архидемоны не имели повода пересмотреть установленный порядок, как и архангел Михаил.

Было бы наивно полагать, что иерархи смиренно стерпят настолько унизительный для них удар. Мириться с превосходящими силами архангелов — это одно, а вынужденно следовать их требованиям — совсем другое. Контролируя ад, они обладали надежным средством против могущества Утренней звезды, саботируя его замыслы и не позволяя открыто атаковать участников мятежа. Теперь их безопасность оставляла желать лучшего. Мечтавшего о возмездии, Люцифера только и останавливало, что необходимость закончить свой новый ад. Прекратившееся как таковое, отторжение душ уже не осложняло ему задачу, на которую он бросил все свои ресурсы. Оставив землю на откуп Люмениферус, он семимильными шагами формировал обособленную преисподнюю, кратно увеличивая персонал и выстраивая эшелонированную защиту от любого демонического воздействия. Но демоны и не думали наносить контрудар именно там. Вымещая свою злобу, отыгрываясь за стратегическое поражение, они обратили его на мир людей.

Скоротечные и скрытые, летальные и ослабляющие, инфекции посыпались как из рога изобилия. Их даже создавать не приходилось. Михаил был прав — люди сами натворили предостаточ-

но. Это не демоны за них воевали. В научных центрах и военных лабораториях, в комплексах фармацевтических гигантов и незаконных бункерах хранилось такое множество патогенов, что напоминало пресловутый ящик Пандоры. Когда его открыли, в мир хлынула всевозможная зараза. Демоны лишь приподняли крышку, руками все тех же алчных или бессердечных людей. Остальное сделала военная машина, помноженная на социальные потрясения и гуманитарные катастрофы.

Ликвидируя очаги инфекций, Люмениферус сбивалась с ног. Медики ее Красного Креста работали не покладая рук. Чума, холера, эбола, сибирская язва, тиф и прочие летальные инфекции дополнялись гепатитом, умело запущенным в водопровод, и скрытно внедренным туберкулезом. Заражая одновременно, разные вирусы и бактерии кратно увеличивали угрозу, осложняя лечение вплоть до невозможности такового. Лабораторно измененные, природные штаммы обладали особыми свойствами, создававшими огромную опасность для людей. Людей, на которых и без того свалилось предостаточно бед разраставшейся войной. Небогатые страны страдали несравнимо больше. Их слаборазвитая медицина подводила даже в мирное время, а теперь и вовсе пасовала перед натиском множества болезней. Им Люмениферус помогала в первую очередь, спасая тех, кто без ее вмешательства почти не имел шансов на спасение. Богатым людям, за исключением детей и особых случаев, она не помогала вовсе.

Даже в таких обстоятельствах, наиболее состоятельные семьи мира продолжали наживаться на войне. Обустроив себе бункеры, приготовив убежища на случай армагеддона, они делали деньги на настоящей, всамделишной крови, богатея и тогда, когда вокруг уже не нищали, а массово умирали. Их состояния росли, а жажда золота не ведала насыщения, как будто только это и продляло их вечную, полную комфорта жизнь. Но в том-то и дело, что не вечную. Взять на тот свет свои богатства они не могли, но при этом стремились к ним и копили так, словно и впрямь собирались. Ведомая справедливостью, даже милосердная Люмениферус оставляла их умирать среди бездушных сокровищ, не имевших никакой подлинной ценности. Они покупали на них предметы роскоши и других людей, изысканные деликатесы и любое удовольствие, но не могли приобрести даже лишней секунды продления своей сомнительной жизни. Архангелы не подкупались материальными благами, а того, что они и впрямь считали достойной оплатой, у этих семей просто не было.

Нанесенный исподтишка, поистине дьявольский удар принес человечеству немало мук. В сравнении с погибшими в бою, жерт-

вами бомбежек и уличных столкновений, болезни забирали не так уж и много жизней, однако кратно увеличивали размах страданий. Осуществляя месть, иерархи ада хорошо понимали, в какую болевую точку надавить. Занятый новой преисподней, Люцифер не успевал помочь сестре. Та же, не в силах смотреть на больных детей, теперь целиком и полностью посвящала себя борьбе с инфекциями. Перегруженные работой, светоносные архангелы не успевали везде и всюду, скрепя сердце вынужденные выбирать. Зловещий караван, тем временем, все шел к своему пункту назначения, и на горизонте уже замаячили, показались далекие призрачные фигуры всадников апокалипсиса.

Пойдя ва-банк, Люцифер отдавал себе отчет, что ему предстоит столкнуться с бывшими соратниками, огромной армией падших ангелов. Возможно, кто-то из них сохранял ему лояльность, однако численность отступников точно составляла подавляющее большинство. Сумев ввести их в заблуждение, он только отсрочил неизбежное, и при этом усилил грядущий отрицательный эффект. Поняв, что их провели, падшие ангелы были весьма не в духе, открыто роптали и подумывали выйти из повиновения. Момент, что называется, настал. Дальше тянуть резину неопределенности не стоило. Голос Люцифера громогласно разнесся по всей пограничной зоне, чтобы его слышала вся волновавшаяся гвардия.

— Любой, кто появится на земле без моего разрешения, станет для меня врагом! — раскатисто громыхнул Утренняя звезда. — Любого, кто без спроса проникнет в мой ад, я сочту шпионом моих врагов! Пощады предателям не будет! Доселе я не трогал ни одного из вас! Теперь я уничтожу любого, кто нарушит мой приказ! Сколько бы их ни было!

Угроза, выраженная без обиняков, своей неожиданностью ввела падших ангелов в замешательство. Доселе они соблюдали с Утренней звездой негласный уговор, не вынуждавший их выяснять отношения. Он не преследовал их за участие в мятеже, а они во всем остальном слушались его беспрекословно. Несколько присмирев, падшие ангелы перешептывались и переглядывались, соображая и обсуждая, насколько серьезен был в своих намерениях Люцифер. Затем к большинству из них вернулся былой настрой.

Поодиночке никто не рисковал. Собравшись значительным числом, одно из скоплений падших ангелов проявило открытое неповиновение. Люцифер обозначил свою позицию яснее некуда. Теперь, выбирая сторону, им надлежало сделать то же самое. Ведомые возмущенными ораторами, объединившись в крупное воинское подразделение, наиболее непримиримые падшие ангелы

вознамерились отправиться на землю. Они даже начали перемещаться, ибо по природе сохраняли крылья, не скованные узами ада, когда в пространстве возникло мощнейшее возмущение. Доселе свободное, позволявшее шагнуть куда угодно, оно словно загустело, походя на мазут, а затем и вовсе уподобилось непроницаемому граниту.

— Я предупреждал! — содрогнул преисподнюю объявившийся Люцифер, и свой гнев на мятежников более не сдерживал.

Применительно к демонам и тьме, сила Люцифера была практически абсолютной. В светоносности он уступал только богу, поэтому разил их без всякого прямого взаимодействия, даже не взмахивая мечом и не обрушивая исполинские метеоры. Исчадия ада в принципе не могли ему что-либо противопоставлять, сжигаемые неотразимым белоснежным излучением. Их попросту испепеляло и почти мгновенно, но с падшими ангелами все обстояло иначе.

Со времен восстания на небесах, где было преломлено немало копий, Люцифер хорошо отдавал себе отчет, чем отличаются демоны и небожители. Ангелы тоже несли в себе свет — просто не такой непревзойденный, как у Утренней звезды. Тем не менее, их основа состояла именно из него. Это означало, что простое излучение белизны не причиняло им вреда, в то время как исчадия ада обращались в пепел. Чтобы сразить ангела, Люциферу требовалось использовать другую силу, а именно свой меч или иное проецирование могущества. Против одиночек или умеренной по численности группы это значения не имело, однако в сражении с целой армией вызывало серьезные затруднения. Площадь поражения критически сокращалась, придавая актуальности фразе "Один в поле не воин". Во всяком случае, прежде, когда дело касалась менее опытного Люцифера при восстании в раю. С тех пор довольно многое изменилось.

Падших ангелов отмечала скверна, изначально не присущая небожителям, ибо невозможно ступать по пути зла, тысячелетиями якшаться с демонами и не очернить свою сущность дыханием тьмы. В той или иной степени, она замарала их всех, и Люцифер это ощущал. Первый после бога, перворожденный Светоносный сын был одним из тех немногих, кого была не в силах изменить извечная тьма. И он этим воспользовался. Он не хотел губить прежних соратников, свою некогда преданную, верно идущую за ним гвардию. Увы, мятежники не оставили ему выбора. Широко раскинув крылья, приняв свой первозданный небесный облик, Люцифер выплеснул всю свою ослепительную мощь, кратно усиленную болью от предательства и гневом на врагов человечества.

Свирепая атомная вспышка, порожденная наибольшей из боеголовок людей, не шла даже в самое отдаленное сравнение с тем, что произошло. Когда-то, пронзая вечную тьму, бог поверг ее актом Творения, раздвинул прочь и заставил отступать, теряя плотность и втягивая черные клочья. Величайшая мощь этого мгновения с тех пор никогда не повторялась, однако первородный архангел отдаленно к ней приблизился. Здесь и сейчас, не позволяя мятежникам отправиться в мир людей, он по-настоящему дал им понять, почему его называют Утренней звездой. Испущенный его фигурой, белоснежный свет ударил с таким немыслимым напором, что фактически растворял саму основу преисподней. В аду, никогда не знававшем ничего подобного, словно зажглись новоявленные небеса.

Источаемый архангелом, лучистый свет озарил всю окрестную пограничную зону. Нет, не озарил, а ввергнул в ядерный распад, хотя в ней и так распадалось все сущее перед той гранью, за которой начиналось небытие. Его поток был настолько могучим, что ощущался прямо-таки физически, как неудержимая космическая лавина, сокрушающая все в грохочущем движении исполинская гора. Падших ангелов сметало нематериальной ударной волной. Они не исчезали мгновенно, как исчезли бы демоны — их сносило прочь, беспорядочно кувыркая в пламени преисподней. Хотя и сами рожденные светом, даже теперь носившие в себе его основу, они не выдерживали запредельную мощь, испущенную пребывавшим в ярости Люцифером. Их крылья горели, теряя рассып*а*вшееся оперение. Доспехи плавились, мечи распадались. Лучистый свет Утренней звезды сжигал их самой плотностью своего потока, как если бы вселенский атомный взрыв поглощал множество раздельных маленьких. То, что изначально было общей природы, стало молотом с одной стороны и податливым металлом с другой. Но молот обрушивался не для того, чтобы придать ему форму. Он расплющивал его в ничто, сокрушал структуру сущности и разбрызгивал прочь дымящимися раскаленными каплями.

Смятение падших ангелов сменилось ужасом, который доселе они испытывали только перед огненным мечом архистратига Михаила. Те, кто не сгинул в первых же рядах, отбрасывались далеко окрест, сносимые сжигающим белоснежным излучением. Их тела распадались, не выдерживая гнева Утренней звезды, а пылающие крылья обращались в прах. Частично уцелели только те, кто находился дальше всех от источника лучистого приговора. Обожженные, с почерневшими крыльями, терявшими тлеющее оперение, они хаотично отлетали прочь, стремясь убраться подальше от немыслимой разящей волны. Но это их не спасло. Взмахнув мечом,

продолжая сиять свирепым атомным распадом, Люцифер ринулся вперед, настигая мятежников неумолимым роком.

Ангелы умели перемещаться мгновенно, но еще мгновеннее перемещался архангел, замедляя их возможности своей необоримой волей. Словно очутившись в студне, как будто бредя по колено в воде, они силились избежать его разящего меча — и не избегали. Люцифер не взмахивал им всякий раз, как настигал очередного изменника, и не рубил их бесконечной чередой. Выставив клинок, он пронзал по траектории само пространство, и любой, кто оказывался у него на пути, тут же взрывался ослепительными искрами и уходил в небытие. Люцифер больше не сдерживался и не щадил. Оскорбленное величие, накопленная ярость наконец-то прорвались, давая волю страшной силе отверженной небесами Утренней звезды.

Время, казалось, остановилось. Условное, внутреннее время, по которому сравнивалось изменение одного процесса относительно другого. Это происходило не только из-за ужаса в восприятии, когда кажется будто лестница, по которой жертва бежит от гремучей смерти, поистине бесконечна. Своей могущественной волей, Утренняя звезда влиял на все процессы, сжигая саму основу преисподней и всех мятежников, очутившихся в прямой досягаемости его разящего гнева. Никто не понял, прошли часы, секунды или считанные мгновения. Обугливший падших ангелов, сорвавший с них крылья и обративший в небытие, световой поток ослаб, и сквозь его сияние проявился Люцифер. Вздымая клинок, он крутанул им перед собой, а потом сверху вниз вонзил в никуда, будто хотел вернуть в сплошной камень пресловутый меч короля Артура. Еще одна вспышка — и последних уцелевших падших ангелов снесло, обратило в ничто энергией самого разрыва сущего и пространства. От мятежного скопления, открыто пошедшего против Утренней звезды, не осталось даже опаленного пера.

Потрясшее весь ад, событие не осталось незамеченным всеми его обитателями. История изменилась на "до" и "после", с того момента, когда Люцифер все-таки обратил оружие на бывших соратников. Обратил, и массово уничтожил. Прецедент был создан, однако останавливаться на нем он не собирался. Это просто не имело смысла. Перейдя Рубикон, следовало добиться максимального эффекта. Хоть и не выявив всех мятежников, очень многих из них теперь он знал по именам. Зачинщики, равно как и наиболее активные изменники, более не пользовались снисходительностью Утренней звезды. Отныне их не защищали обстоятельства. Единожды прорвавшись, его гнев разил беспощадно. Появившись в огромном скоплении падших ангелов, он даже и не думал опус-

кать свой меч.
— Напрасно ты ссорил меня с сестрой. Прощения за это не будет, — жестко молвил Люцифер.
С недавних пор он знал, кому обязан ядом, едва не погубившим столь дорогие для него отношения. Вся эта история с разоблачением архидемонов и экскурсией в новый ад автоматически становилась приговором. Оправданий он не слушал, да и слышать не желал. Их просто не существовало. Неотразимый выпад мечом — и коварный предатель взорвался снопом гремучих искр.
— Не стоило вам идти против меня! — громыхнул, констатируя, Люцифер, и его клинок еще долго не знал покоя.

Список был велик. Уничтожив первое сборище предателей, Утренняя звезда повременил, прежде чем атаковать еще одно, пока то не проявит себя должным образом. Он сосредоточился на лидерах и наиболее вредоносных фигурах мятежа. Он припомнил им все, что те творили за его спиной, до последней капли зла, причиненной людям. Прежде чем огласить свою волю, объявить ослушников вне закона, Люцифер хорошенько запомнил, кто и где находился. Теперь он карал их там, где заставал, молниеносно разя мечом без всякого шанса на снисхождение.

Падшие ангелы не сразу поняли, чем именно занимается Люцифер, а когда сообразили, то бросились врассыпную. Не все — те, кто объективно знал свою вину, и тем самым имел предостаточно оснований для вынесения приговора. Они его и находили. Не трогая остальных, пребывавших в смятении, но относительном бездействии, Люцифер уничтожал мятежников, пытавшихся найти спасение в бегстве. Кому-то это даже удавалось, улетая за пределы ада, хотя большинство не избежало возмездия Утренней звезды. Несчетно сверкал архангельский меч, и всякий раз снопами искр его удар отправлял в небытие.

Столкнувшись с грядущей карой, ввиду отчаянного положения, многие падшие ангелы попробовали дать отпор. Люцифер не мешал им организоваться. Как некогда отец, он позволил им объединиться во внушительную армию, куда прибывали самые отъявленные и убежденные изменники. И тогда он ударил вновь, вторично испустив ослепительное сияние Утренней звезды. Уже уничтоженное, первое большое скопление рассчитывало на то, что дальше угроз дело не зайдет, либо на всех у владыки ада не хватит сил. Просчет второго заключался в многократно превышавшей численности, внушавшей иллюзию превосходства.

Загнанные в угол, перед лицом грядущего наказания, падшие ангелы сделали ставку на сопротивление. Вместо того чтобы подчиниться Люциферу, смиренно признать свои проступки и наде-

яться на снисхождение, они решили, что со всеми одновременно тот физически не справится. Этот расчет частично оправдался. Люцифер действительно не уничтожил сразу всех, и тем более мгновенно. Появившись в центре взбунтовавшегося воинства, он пролил на него свет Утренней звезды, чья слепящая мощь даже у нематериального пространства вызывала процесс атомного распада. Падшие ангелы просто не успевали до него добраться, чтобы насесть великим числом, ослабить и сковать. Да вряд ли и могли. Расходясь сферообразно, световая ударная волна расшвыривала их дымящиеся тела, обугливая налету и сжигая крылья. Вслед им неслись прицельные, бившие по площади сгустки архангельской энергии.

Взмахивая мечом, Люцифер направлял его острие, и оттуда в направлении мятежников вырывался яркий луч. Достигая цели, он взрывался подобием сверхновой, чье излучение разило падших ангелов не хуже его самого. Возникая повсеместно, эти вспышки разрывали бесплотный огонь преисподней, походя на фейерверк, где заряды состояли из массированной атомной бомбардировки. Люцифер не растрачивался на одиночек и не гонялся даже за внушительными группами. Сметя ближайшие ряды, внеся поистине дьявольский хаос в остальные, он выстреливал в них светоносную мощь, и ее лучистые взрывы окончательно довершили разгром мятежников. В отличие от первого скопления, во втором уцелело больше половины, но Люцифер его не преследовал. Он швырял вдогонку потоки света, зажигавшие в пространстве белоснежные снопы, бил прицельными лучами и создавал из ничего испепеляющие светила. И этим ограничивался.

Люцифер не стремился перебить изменников всех до единого — не сейчас. Он выводил их из игры; давал понять, что отныне жестоко покарает любое выступление против своей власти вообще и лично себя. Он вовсе не тешил себя надеждой, что все станет как и в прежние времена. Он вообще не рассчитывал на былое повиновение. Он добивался только одного — чтобы падшие ангелы присмирели и больше ему не препятствовали. Пускай они не с ним, но и не с архидемонами, и на данный момент Утренней звезде этого было вполне достаточно. Он жалел лишь о том, что не воздал по заслугам иерархам ада. Преподав урок падшим ангелам, он по-прежнему оставался в сложной зависимости от правящей верхушки демонов.

Пойдя на боевое столкновение с бывшими небожителями, Люцифер отдавал себе отчет, чем оно принципиально отличается от сражения с отродьями тьмы. Число падших ангелов было изначально ограничено. Оно составляло треть от численности ангелов

вообще, ибо именно столько некогда поддержало восстание Утренней звезды. С тех пор оно никак не прибавлялось, что в преисподней, что на небесах. Иначе говоря, Люцифер располагал такой возможностью, как их тотальное истребление, и особенно после того, как очень наглядно выразил свою мощь. Он к этому просто не стремился, обходясь надлежащим и необходимым внушением.

В армии Древнего Рима была суровая дисциплинарная мера, когда казнили каждого десятого солдата провинившегося подразделения. Гвардия Люцифера провинилась целиком. Избавившись от уз, вынуждавших терпеть неповиновение, он отправил в небытие примерно каждого сотого, то есть около одного процента падших ангелов. Потенциально невиновные не пострадали. Люцифер уничтожал лишь тех, кто очевидно выступал против его воли, то есть в означенный процент вошли только наиболее выраженные мятежники. Остальные хорошо усвоили урок. Вряд ли они сразу пошли на попятную, снова воспылав лояльностью к Люциферу. Скорее, они перепугались дальше некуда и предпочли угомониться, не отказавшись от своих намерений, но более не высовываясь.

Отличие демонов в первую очередь касалось их числа. Как у порождений бесконечной тьмы, оно тоже было бесконечным. Никто и понятия не имел, сколько их всего, за самой невозможностью это определить. Только в пограничной зоне их насчитывались несметные легионы, а сколько таилось во тьме, не имевшей начала и конца, даже архангелы не представляли. Возможно, это знал лишь бог, но он по неизменной привычке никому ни о чем не говорил, включая уста своих откровений архангела Гавриила. Остальные довольствовались неопределенностью. Карая мятежных падших ангелов, Люцифер однажды сумел бы перебить их всех, а с демонами это возможным не представлялось. Так или иначе, столкновение с бывшими соратниками имело вполне предсказуемый результат. Война с исчадиями ада могла длиться вечность.

Второе фундаментальное отличие носило временный характер, однако едва ли было лучше первого. У Люцифера аж руки сияли всыпать архидемонам по полной программе. Разнося в пух и прах падших ангелов, он пламенно мечтал обрушить свой гнев на рогатых тварей, появиться в их скоплении и заставить пожалеть об измене и вопиющем, посягнувшем на его власть неповиновении. Он заставил бы иерархов ада искать укрытие во тьме, в панике прятаться от него куда подальше и все равно находить свой конец в ослепительном сиянии белоснежного света. Увы, он не мог. Все еще не мог.

Вроде бы решенная, глобальная проблема в действительности никуда не исчезла. Добившись хрупкого паритета, Люмениферус

остановила отторжение душ, однако оно немедленно возобновится, едва демонические орды познают мощь Утренней звезды. Когда нечего терять, в ход идут любые меры, и какие-либо договоренности утрачивают смысл. Усмиряя падших ангелов, Люцифер убирал с вселенской игровой доски довольно значимую переменную, однако главный враг оставался цел и опасно силен. Злоумышляя против людей, строя козни и пестуя войну, он открыто пользовался выгодой своего создавшегося неординарного положения. Люцифер его не трогал, чтобы не сделать еще хуже. Люменифферус не вмешивалась по схожей причине, увязнув в конфликте между братьями, а Михаил оставлял его безнаказанным, ибо иного приказа от бога не поступало.

Частично, замысел удался. Дважды преподанный, урок получился слишком впечатляющим, чтобы его проигнорировать. В архангельской силе Люцифера никто не сомневался, но при этом никто и не ожидал, что она окажется настолько сокрушительной. Доселе он не применял ее против былых соратников, ныне познавших его испепеляющий гнев. Об их боевом, целой армией, выступлении уже не шло и речи. Собираясь вместе, падшие ангелы не укрепляли свои ряды, а наоборот — массово подставлялись под удар. Неся необратимые потери, в смятении анализируя ситуацию, они довольно быстро уяснили, что противопоставить Утренней звезде им решительно нечего. Многих это и впрямь охолонило. Решив не высовываться, они больше не осмеливались привлечь внимание Люцифера, даже если не оставляли своих скверных помыслов. К сожалению, это здравомыслие коснулось далеко не всех. Уж слишком сильно в иных укоренилось зло, помноженное на тысячелетние обиды и упрямство. Не в состоянии сойтись с Люцифером в открытом бою, немалое число падших ангелов ринулось вредить в его новый ад.

При всех возможностях, дарованных Утренней звездой, истолы не могли предотвратить проникновение бывших небожителей. Пока еще не могли, из-за того же света в основе их сущности. Сознавая проблему, Люцифер над этим работал. Вычленяя скверну, он сумел обратить свою силу против нее, чем и добился настолько ужасающе сокрушительного эффекта. То же самое, в перспективе, он рассчитывал внедрить и в свои дары, врученные персоналу и обеспечивавшие сохранность границ его новой преисподней. К сожалению, именно что в перспективе. На данный момент туда гарантированно не допускались только демоны. Нарушившие приказ, падшие ангелы продолжали прилетать, не остановленные барьером из звездной сети истолов. Это, впрочем, не означало, что они оставались незамеченными и безнаказанными.

Объявленные вне закона, они становились приоритетной целью грайнитов и мехтиазов.

Демоны ненавидели людей. Они ненавидели все, исходившее из мироздания света, но людей особенно, как любимое творение бога. Падшие ангелы это чувство разделяли. Презирая человечество, такое беспомощное и ничтожное, они винили его в том, что потеряли небеса. Причинно-следственная связь тут изрядно хромала, однако горечь и злоба не очень-то слушают голос разума. Не люди потребовали себе поклониться, и не они поразили их в правах, но падших ангелов это не особо волновало. Вредя им со времен падения, они надеялись однажды извести их всех, отчего и поддержали мятеж архидемонов. Нововведения Утренней звезды оказались им настоящей костью в горле. Вооруженный его дарами, человек становился сильнее любого ангела, а душа при этом оставалась неуязвимой. Жалкие людишки, — доселе поистине ничто, — внезапно превратились для падших ангелов в серьезного противника и дали впечатляющий отпор.

Поддерживая связь со своим персоналом, Люцифер получал сигналы отовсюду. Проникая в новый ад, падшие ангелы принялись разрушать узилища, расстраивать магистрали и даже выводить из строя врата. Они напоминали варваров, крушивших античную столицу, или вандалов, уничтожавших все несоответствующее их религиозным убеждениям. Разумеется, это не осталось без надлежащей реакции. Недолго думая, человеческий персонал новой преисподней вступил с ними в напряженный бой.

Оцеры давали отпор эффективнее всего. Отвечая только за врата, как их важнейшая часть, управление и стражи, они растерялись только поначалу. Затем пустили в ход булавы, ибо именно этим орудием власти их снабдил Утренняя звезда. Прямой контакт не требовался. Направляя их на врагов, оцеры выстреливали светоносной энергией Люцифера. Демонов она жгла, а то и вовсе уничтожала. Как создания иного рода, падшие ангелы выдерживали удар, однако отнюдь не без ущерба. В человеческом приближении, это смахивало на обстрел резиновыми пулями. Сразу они не убивали, однако отбрасывали, оглушали и травмировали, в зависимости от места и частоты попаданий. И в итоге все-таки могли лишить дееспособности, поставив на грань отправки в небытие.

Защищая врата, оцеры весьма успешно отгоняли падших ангелов, пока ферриты, действуя как санитары на поле боя, забирали прибывавшие души. Они же стерегли терминалы, подвергавшиеся таким же интенсивным нападкам, и тоже небезуспешно. Их посохи сверкали светом, болезненно резавшим не хуже лучей

лазера, а гулкие удары о пол и землю вызывали эффект разорвавшейся световой гранаты.

Несмотря на силовое превосходство, ввиду широких полномочий от Люцифера, мехтиазам приходилось несравнимо труднее. Область их деятельности не ограничивалось отдельно взятым объектом. Они элементарно не успевали сновать между узилищами и проверять все магистрали. Совершая диверсии, падшие ангелы объявлялись где угодно, в том числе разрушая нематериальный, но необходимый как связующая часть ландшафт. Отлаженные пути давали сбой и рассыпались, внося невообразимый хаос в перемещение душ. Магистрали заваливало обломками, а двери и проходы засыпало обрушенными скалами или заливало бурлившей лавой. Внутри узилищ дела тоже обстояли не лучшим образом. Грайнитам поручали ими управлять, командуя бесами и обеспечивая надлежащее исполнение кары для грешников. Схватка с падшими ангелами, мягко говоря, оказалась внове.

Проводники воли Люцифера, светоносные жезлы подсказывали персоналу, как ему поступать. Пресекая бесчинство, разрушение узилищ и бегство душ, грайниты вступали с падшими ангелами в яростные схватки. Полномочий и сил у них было меньше, нежели у мехтиазов, однако неуязвимость это компенсировала и позволяла продержаться до прихода подкрепления. Проносясь по магистралям, мехтиазы прибывали в наиболее нуждавшиеся в них места. Их кнуты разили на огромном расстоянии. Они доставали падших ангелов даже в черной вышине, оставляя на них светящиеся борозды и вырывая перья из обжигаемых крыльев.

В случае попадания, несколько ударов полностью выводило бывших небожителей из строя. Не ожидавшие ничего подобного, они пребывали в ярости из-за такого унижения от людей. Из-за прихоти Утренней звезды, эти ничтожные существа сначала возвысились до его приближенных, а теперь еще и доминировали на поле боя. Рожденные в грязи, они правили бал, хотя им надлежало червями ползать по земле, а затем вечно скрежетать зубами в аду, сгинуть в пучине страданий до скончания времен. Доселе успешно изводя человечество, падшие ангелы свирепели, получая столь мощный и действенный отпор. Как и личные возможности Люцифера, его персонал оказался куда сильнее предполагаемого. Прямое столкновение стало оборачиваться катастрофой. Избегая открытых схваток, падшие ангелы пользовались численным превосходством, а также более универсальной способностью перемещаться везде и всюду.

Предоставленные самим себе, мехтиазы, оцеры, ферриты и грайниты эту внезапную войну обязательно бы проиграли, пусть и

не сразу, но с течением времени. Хоть и не убывая в рядах, они утратили бы контроль над всей новой преисподней, постепенно обратившейся в бесформенные руины. Приходя на помощь персоналу, точку в каждой отдельной ситуации ставил Люцифер. Слушая голоса, взывавшие к нему отовсюду, он определял наиболее уязвимые места, где и объявлялся, без всяких церемоний разя мятежников. Восстанавливая целостность структур, нивелируя нанесенные повреждения, он тут же отправлялся дальше, одним своим видом заставляя падших ангелов бросаться наутек.

Так же, как и прежде, отдельных беглецов Люцифер не преследовал, откладывая возмездие до поры. Он не гонялся за пресловутыми тараканами, предпочитая отражать нападение и громить врага. Он исходил из наибольшей эффективности, ибо даже его ресурсы были ограничены. А их сейчас требовалось очень много. Невзирая на грядущую гибель, с фанатичным и казавшимся бессмысленным упорством, бывшие соратники продолжали вредить, словно хотели унести с собой в небытие и невиданное творение Люцифера. Переключившись на диверсионную войну, миллионы падших ангелов сковали все его возможности и внимание. На этом, собственно, и строился расчет иерархов ада.

Чтобы общаться в преисподней, архидемонам не требовалось открывать особый канал и собираться вместе, как они делали это на земле, и тем более в компании падших ангелов. Те успешно выполняли отведенную им роль. Став препятствием для Утренней звезды, они оттянули его силы, заставляя не замечать больше ничего.

— Пора, — сказал один из иерархов, прислушиваясь к энергетическим возмущениям далекого побоища. — Это не продлится бесконечно долго.

— У нас все готово, — подтвердил другой. — Сценарий дошел до точки невозврата.

— Каковы шансы на успех? — осведомился третий. — Если излишне поспешим, все может пойти прахом.

— Если промедлим — точно пойдет, — веско заметил четвертый. — Люцифер очень некстати примирился с сестрой. Чтоб ей провалиться со своими воскрешенными! Мы не предполагали, что от нее окажется столько неприятностей.

Обсуждая положение на земле, иерархи фактически решали, настал расчетный момент, или стоит обождать еще. Ценой ошибки становился провал всего тщательно спланированного, давно задуманного и филигранно реализованного замысла.

— И все же? Какова вероятность успеха? — настойчиво повторил третий.

— Если делать ставку на людей — почти стопроцентная, — злобно усмехнулся один из стратегов. — Перед соблазном они не устоят. Как оказалось, для уничтожения человечества не надо совращать решительно всех. Даже большинство. Достаточно, чтобы горстка правителей нажала кнопку. В принципе, всего один. Любой из них. У остальных просто не останется выбора.
— А что насчет воскрешенных Люмениферус? — выразил озабоченность другой. — Они не испортят замысел?
— Полагаю, ад сойдет на землю вне зависимости от них. Капля в море ничего не решает. Кроме того, это исключение из правил. Они уже не обычные люди, под них не подпадают, — заключил весьма высокопоставленный иерарх. — В любом случае, нам с ними ничего не поделать, так что придется рискнуть.
— Тогда приступаем, — выражая общее решение, велели высшие иерархи. — Позаботьтесь, чтобы критический инцидент не предотвратили Михаил или Люмениферус.

Несмотря на факт, доказавший мятеж против Люцифера, архистратиг не проникся к опальному брату безоговорочным доверием. Собственную его хитрость, расчетливость и коварство это все равно не отменяло, а участие Люмениферус кратно усугубляло сформировавшееся отношение. Отношение, далекое от расположения. Обрабатывая Михаила, брат и сестра рассчитывали склонить его на свою сторону; путем сочувствия к страданиям человечества вызвать симпатии к своим идеям и, в конечном счете, поддержать их тем или иным образом. Само по себе это ничуть не удивляло, исключая, разве что, огорчающее поведение Люмениферус. Подобные интриги велись давно и представлялись чем-то вполне естественным, однако Михаила угнетала их потенциальная правота. Он ведь и сам все чаще вмешивался в жизнь людей, приходя им на помощь в особо вопиющих, далеких от справедливости случаях. Брат и сестра умело использовали эту болевую точку. Обвинить их во лжи возможным не представлялось. Во всяком случае, Люмениферус. В отличие от Люцифера, она подстраивала только хронологию событий, но не сами события. Она показывала Михаилу то, что он видел и сам. Выбирая отнюдь не редкие, а типичные примеры, она выразительно подчеркивала ими творившееся на земле. Творившееся даже в мирное время, не говоря уже о глобальной войне.

Как ни крути, против нерушимых доказательств не попрешь. Слова Гавриила точнее некуда обозначили положение вещей, наглядно предъявленное Люмениферус. Взбунтовавшись против Утренней звезды, иерархи ада действовали по своему усмотрению. В

их злобном умысле, непосредственном участии и масштабе вовлеченности Михаил не сомневался. Он удостоверился в этом лично, и постоянно получал донесения от ангелов. Что бы Люцифер ни затевал, к войне, охватившей львиную долю населения планеты, он действительно отношения не имел. Скорее, наоборот — он старался ее остановить, хотя иной раз это и впрямь выглядело совсем иначе.

Потрясения в аду были слишком серьезными, чтобы их не заметил архистратиг. Их почувствовали очень многие из небожителей, когда Люцифер обрушил свою мощь на падших ангелов. Возмущение в пространстве было велико, а его бывшие соратники отправлялись в небытие изрядной численностью. Пораженный столь невиданным событием, Михаил внимательно за ним наблюдал, отправив к пограничной зоне немало скаутов. Донесения развеивали всякие сомнения. Люцифер отбросил церемонии и вступил в открытое столкновение с предателями. С теми, кто вредил человечеству, и кого он теперь собственноручно разил мечом и в великой ярости испепелял. Отрицать это означало погрешить против истины.

Судя по масштабности происходящего, дела у Люцифера оставляли желать лучшего. К сожалению, это означало, что лучшего они оставляли желать и на земле. Когда его брат управлял адом, Михаил примерно знал, чего ожидать. Теперь же все происходящее с людьми как раз и проистекало из того, что Люцифер ничего не контролировал. Сила его была велика, однако во всей сложности мировых процессов, их переплетении и перипетиях он уподоблялся исполинской пушке, палившей по воробьям. На человечество надвигалась катастрофа, а он, тем временем, увяз в конфликте с мятежными подданными. Пожалуй, он и впрямь хотел прекратить войну, отвести от людей грядущий армагеддон. Для этого он начал войну в преисподней, и тем самым оказался в чрезвычайно сложной ситуации.

Михаил был осведомлен, почему Люцифер не звал на помощь Люмениферус. Охватившие землю, вспышки инфекций занимали ее целиком, и без того поглощенную деятельностью Красного Креста. Вынужденно разделенные, брат и сестра не могли оказать друг другу столь необходимую поддержку, и Михаила это беспокоило. По всему выходило, что те, кого он прежде считал виновными в великом зле, как раз и прилагали усилия, чтобы это зло остановить. Он же, с его возможностями, особо ничего не делал, вмешиваясь лишь эпизодически и позволяя событиям идти своим чередом. Это выглядело настоящим оксюмороном, когда людей пытался защитить владыка ада, а военачальник небес не пред-

принимал ровным счетом ничего.

Хмурясь и мрачнея, Михаил напряженно размышлял, почему не получает никаких указаний от отца, и начинал терзаться своим бездействием. В отличие от Люцифера, давно проявившего неповиновение и пошедшего своим путем, он не применял великую силу без веления бога. Это удерживало его и сейчас, хотя он легко остановил бы глобальный земной конфликт. Божественной волей, открытое вмешательство в жизнь людей было строжайше запрещено. Основанный на вере, их мир не подразумевал прямых контактов с чем-то за его пределами. Именно поэтому Люцифер, его падшие ангелы и демоны всегда вредили человечеству исподтишка. По той же причине перед всей планетой не представала и Люмениферус, хотя ее появление среди последователей приближалось к опасной грани. Оттого же ничего не делал и Михаил, однако такое положение вещей ему изрядно разонравилось и вызывало вопросы там, где прежде их не возникало.

Как ни крути, люди воевали самостоятельно. Архидемоны, безусловно, их науськивали, а руками одержимых направляли потоки страстей, однако решение они принимали сами. Сами же и стремились, истребляя друг друга, к взаимному уничтожению, вполне отдавая себе в том отчет. Это связывало архистратигу руки. Вероятно, люди до конца не понимали, какой в итоге ад развернут на земле, однако фундаментальная суть от этого не менялась. Без приказа бога, глобально вмешиваться Михаил права не имел, а такового не поступало. От него вообще ничего не поступало, несмотря на неоднократные обращения архистратига. В противовес ему, очень многое приходило из преисподней. Донесения дозорных ангелов извещали, что там творится нечто совсем неладное.

Не чета небожителям, архидемоны сложа руки не сидели. Пользуясь тем, что Люцифер схватился с падшими ангелами, они собирались несчетными ордами, не иначе решив пойти на его новый ад войной. Такое развитие событий ничего хорошего не предвещало. Ввергнутая в энтропию и анархию, преисподняя нарушит естественный порядок, и далее неизвестно, что произойдет. Разбежавшиеся души, бесчинствующие демоны и метания Люцифера грозили тем еще кошмаром, способным серьезно аукнуться в мире смертных. Михаил не считал себя вправе начинать сражение между небесами и адом, однако никто не ограничивал его в визитах. Оценив ситуацию, он отправился в преисподнюю, и сделал это так, чтобы о его прибытии все узнали. Пронесясь через неугасимый огонь, он появился рядом с Люцифером, однако архидемоны узнали, кто наведался в гости к их недавнему властелину.

— Как дела, братец? — вместо приветствия осведомился он, воочию наблюдая разгром очередных диверсантов из числа падших ангелов.
— Поиздеваться пожаловал? — с нескрываемым раздражением отозвался Люцифер.
— Надеюсь, ты в курсе, что твои рогатые сподвижники намерены бросить сюда все свои легионы, — многозначительно обронил Михаил.

Полученное от брата, известие застало Люцифера врасплох. Защищая свое творение, он уверенно подавлял вредоносную деятельность падших ангелов, которая рано или поздно пойдет на убыль. Грядущее нападение архидемонов стало для него полнейшей неожиданностью. По зрелому размышлению, оно полностью вписывалось в этот поистине адский сценарий. Ударив по собственной гвардии, Утренняя звезда все-таки перешел пресловутый Рубикон. Не строя иллюзий, иерархи прекрасно понимали, что они следующие. Сейчас их не трогали лишь из-за войны, терзавшей человечество, хрупкого паритета, завязанного на отторжении душ, и построении собственного ада Люцифера. Когда эти помехи будут устранены, его уже ничто не сдержит. Он припомнит все, начиная от козней и заканчивая открытым пренебрежением своей властью. Он уже явил, как велика его мощь, сокрушившая даже армию близких по сущности падших ангелов. Порождениям тьмы мало уж точно не покажется.

Выбрав стратегический момент, иерархи поступали очень даже мудро. Наибольший ущерб они могли нанести Люциферу именно сейчас, пользуясь хаосом на земле и одновременно ввергая в хаос преисподнюю. Выбирая между поражением и вечной войной, они явно выбирали вечную войну, которая однажды, быть может, и закончится, когда Утренней звезде надоест швыряться сверхновыми и сжигать бесконечность потоками белоснежного света. Своего же они все равно добьются, причинив человечеству максимальный вред.
— Проклятье! Я не готов! Я должен что-то предпринять! — воскликнул Люцифер, озираясь так, словно лихорадочно соображал, куда именно ему сейчас отправиться.
— Не торопись. Пока я здесь, никто не осмелится сюда сунуться, — заметил Михаил. — За этим я, собственно, и прилетел. Лично разобраться в происходящем, а заодно получить от тебя разъяснения.
— Разъяснения? Ты вообще о чем?! — возмутился Люцифер. — Тебе вроде уже известно — я не причастен к тому, что сейчас творится у людей.

— Я не об этом, — отмахнулся Михаил. — Твой новый ад нравится мне ничуть не больше, нежели архидемонам. Я желаю знать, что ты замышляешь, и настоятельно рекомендую меня не дурить.

Наконец-то удостоившись встречи с братом, Люцифер и сам желал с ним потолковать. С другой стороны, момент был выбран астрономически неподходяще. Схватившись с падшими ангелами, он с трудом удерживал от разрушения свою преисподнюю, а тут еще и архидемоны собрались перейти в тотальное наступление. Тогда не устоят никакие истолы, а сам он не поспеет везде и всюду. Ввиду такой перспективы, положение складывалось хуже некуда. Взвешивая все за и против, Люцифер хотел было позвать на помощь Люмениферус, когда сообразил, что присутствие Михаила и впрямь очень многое меняет.

Ситуация преобразилась на глазах. Диверсии падших ангелов резко пошли на убыль. Разбегаясь, кто куда, они совершенно не желали попадать под яростные удары Люцифера, но еще меньше им хотелось подвернуться на глаза Михаилу. Иерархам ада и тем более. Визит архистратига удерживал их от любой агрессии. Стоило ему приказать — и армия света от них и воспоминания не оставит, ведомая военачальником небес, да еще вооруженная абсолютной мощью его огненного меча. Михаил, правда, не приказывал, однако архидемоны его и не провоцировали. Они предпочитали обождать, наблюдая за развитием событий, нежели соваться на рожон и самим вынуждать его применить к ним силу. Это и понял Люцифер. Всерьез рассерженный на брата, доселе и не собиравшегося с ним переговорить, а теперь потребовавшего каких-то там объяснений, он совместил приятное с полезным. Вышвыривая падших ангелов, перемещаясь по своему творению, он вступил с Михаилом в напряженный диалог.

— Чего тебе моя преисподняя покоя не дает? — резко поинтересовался он.

— Всем, — прохладно ответил Михаил. — Прежде ты просто властвовал в аду. Теперь ты становишься тут не только царем, но и богом. А наша сестра, с которой ты заодно, на земле претендует на звание богини.

Было нетрудно догадаться, куда клонит архистратиг. Как обычно, его заботило чрезмерное усиление Люцифера, выходившее далеко за рамки устоявшихся полномочий. Доселе, властвуя над адом, он получал своеобразные объедки с барского стола. Не принятые небесами, души попадали в его края, но для наказания, а не в качестве солдат или рабочей силы. Теперь он принципиально все менял. Разделяя грешников на умеренных и проклятых, одних он ставил над другими. Падшие ангелы и демоны какой-либо

роли больше не играли. Люцифер обретал полнейшую независимость, предоставлявшую ему широчайшую и никем не ограниченную автономию. Души, при этом, зависели только от него, и для них он действительно превращался в кого-то вроде бога.

Все бы ничего, однако новый ад представал в особом свете, если не сбрасывать со счетов деятельность Люмениферус. Командуя своими последователями, расширяя влияние на земле, она была в состоянии кардинально поменять правила игры. Заправляя человечеством, она легко сможет установить свои порядки, более не зависящие от небес. Перестав туда стремиться, люди целиком и полностью окажутся под началом светоносных архангелов. Любой, кто не попадет после смерти в рай, навеки останется в аду, либо на земле. Либо начнет чередовать свое пребывание и там, и там, ибо действуя сообща, брат и сестра превратят воскрешение в орудие своей единоличной власти. Они создадут такой мир, в котором небеса станут попросту не нужны, и при этом не нарушат ни одного закона божественного мироздания. Тогда, очутившись в их круговороте, люди окончательно отвернутся от бога и станут ориентироваться только на Люцифера и Люмениферус.

— А с чего бы им не отворачиваться?! — уяснив озабоченность Михаила, не выдержал Люцифер. — Его паства только слепой верой и живет! Любой здравомыслящий ум не видит широко обещанных любви и милости! Их как не было, так и нет! Впрочем, каждый любовь понимает по-своему. В собственном представлении, жестокий хозяин собаку тоже любит, как и абьюзер свою жертву.

Исходя из опыта, военачальник небес всегда уклонялся от бесед с опальным братом. При любой возможности, тот не упускал момент критиковать божественный порядок, смущая разум и чувство справедливости Михаила. Сегодня, однако, он именно за этим и пришел. Пускай Люцифер говорит, и сам выводит себя на чистую воду.

— Иначе выражаясь, ты создаешь свой ад в пику богу, как уже создавал свой огненный Эдем. Хочешь забрать у него всех людей и отвратить их от небес, — игнорируя резкие обороты, вычленил главное Михаил.

— Ты перепутал причину и следствие. Впрочем, как обычно, — с нотками злости сказал Люцифер. — Я стремлюсь их защитить, ибо небеса от них сами отвернулись. На все эти шаги мы с сестрой пошли только ради самих людей. Если ты до сих пор этого не понял.

— Ну да, конечно. Я должен поверить, что ты действительно переменился к человечеству. Про это ты мне толкуешь уже который

век, — выразил неприкрытую иронию Михаил. — Сначала ненавидел и изводил, а теперь возлюбил и всячески опекаешь. Я в жизни не поверю в такое преображение!
— Да неужели?! — вспыхнул Люцифер. — А как насчет нашего отца?! Ему почему-то можно, а мне нельзя!
— Ты это о чем? — подозрительно осведомился Михаил.
— Обо всем! — окончательно завелся Люцифер. — Сначала вышвырнул всех из рая, обрушил всякие напасти, чуть со свету не сжил, а потом явился спасать от того, что сам же и устроил! Хорош спаситель, нечего сказать! Засунул поглубже в выгребную яму, а затем снисходительно протянул руку помощи!

Выслушав экспрессивную тираду брата, Михаил заметно потемнел. Он уже давно не обращал внимания на его риторику, однако на сей раз посчитал, что Люцифер перешел черту.
— Придержи язык, — одернул он. — Всему есть предел.
— А что не так? Я где-то кого-то оболгал?! — возмутился Люцифер.
— Ты же не один из верующих слепцов! У них в принципе отсутствует критическое мышление. Твой разум вроде в порядке. Давай, скажи, где я не прав!
— Выражать свои мысли можно по-разному. Без оскорблений и в менее вызывающих формулировках, — несколько смягчился Михаил.
— Ты сам хотел узнать, к чему я связался с новым адом. И как с этим соотносится Люмениферус. Тогда изволь уж слушать и не перебивать! Я разложу тебе все по полочкам. Донесу свою точку зрения раз и навсегда. Потом поступай как знаешь, — заявил Люцифер.
— Я хотел не этого, — возразил Михаил.
— Однако придется выслушать все! — нажал Люцифер. — Мне надоело непонимание. Маски сорваны, игры кончились. Ты же раскрыл мой "жуткий" "дьявольский" план. Люмениферус рассказала о вашей встрече в пустыне. Хотел ли я перетянуть тебя на свою сторону? Еще как хотел! Теперь ты хотя бы узнаешь, почему.

Для любимого творения бога, человечеству как-то уж слишком доставалось. Ведь любимое отнюдь не означало возлюбленное, ибо смысл этих схожих по звучанию слов был совершенно разным. Определенных преимуществ особо не просматривалось, зато недостатки сыпались нескончаемой чередой. Телесные недуги, слабость от природы, болезни, жестокий мир, где биологические виды пожирали не только друг друга, но и самих себя — подробное перечисление отнимало невероятно много времени. Единственным объективным даром, претендовавшим на некие привилегии, была

душа, и формально это так и представлялось. Реальность регулярно оказывалась иной. Душа приносила не столько вечную жизнь, сколько вечные муки. Изрядно натерпевшись в бренном теле, испив глубочайшую чашу боли и страданий, люди отбывали в мир иной, но хорошо если бы только в рай. Бог даровал им свободу воли, однако за любой поступок, который был ему не по нраву, наказывал сплошь и рядом, вплоть до серы с небес и путевки в ад.

Людям не полагалось знать — от них требовалось верить. Причина тому была проста. Знание предполагало критику, а вера принимала все беспрекословно. Особенно вера слепая, однако с самого начала ее принцип носил дичайший перекос. Одним народам бог оставил хоть какое-то учение, а другим вообще ничего. Им даже ангелы мимолетом не являлись, не говоря уже о самых фундаментально необходимых истинах. Аукнулось это быстро, и крайне неприглядным образом.

Расизм среди людей процветал с древнейших эпох. Лишь в более просвещенном мире, где летали космические аппараты, а хоть какое-то образование стало доступно почти каждому, расовые предубеждения несколько пошли на убыль, хотя до их полного искоренения все равно было далеко. Несведущий человек, бестолковый или сгинувший в пучине веры, валил все на несовершенство человеческой природы, однако объяснялось это совсем иначе. Созданные по образу и подобию, люди и впрямь очень сильно походили на Творца, а главный расист сидел наверху. Расист и шовинист. Чему и удивляться, что одни народы порабощали другие с незапамятных времен, причем прикрываясь не чем-нибудь, а сакральными текстами, где рабство было прописано яснее некуда. Оно проповедовалось религией, поощрялось иерархами, и многие национальности очень долго объявлялись заведомо неполноценными, только и созданными для служения богом поставленным господам. С женским полом ситуация обстояла примерно так же.

За редкими исключениями, женщины подвергались угнетению испокон веков. Возглавляли его отнюдь не домашние тираны или могущественные вожди, а все те же религиозные иерархи. Сотворив Люмениферус, бог был далеко не в восторге от своенравной дочери. Еще меньше симпатий он испытывал к Еве. Проявилось это самым непосредственным образом. В конце концов, именно ее нарекли виновной в изгнании из рая, отметая участие Адама, Люцифера и Люмениферус. Хуже того, какую бы ошибку ни совершила Ева, — а она всего лишь устремилась к познанию, — расплачивался за нее весь женский род. Это было как раз в стиле бога — проступки одного виновного падали на множество невиновных. Заклейменных свыше, женщин обрекли на участь

воплощения всех грехов, в которых их регулярно и безнаказанно обвиняли. Даже в собственных, когда похотливая обезьяна была не в силах сдержать свои животные инстинкты, если женщина не оказывалась задрапированной с головы до ног.

Выстраиваясь не откуда-нибудь, а с небес, цепочка отношения к женщинам приносила свои закономерные плоды. Мизогинизм у верующих процветал, всячески оправдываясь в канонах и сочинениях мракобесов, психически нездоровых и откровенно злобных старцев. Жестокие наказания, фундаментальное поражение в правах, законодательное неравенство и пренебрежительное отношение носили вопиюще запредельный и уродливый характер. Рассчитывать на защиту тут не приходилось. Шовинистические учения иерархов тем и порождались, что их отношение проецировалось свыше. Несмотря на всю дикость, творившуюся в разных социумах, и объективно чудовищную несправедливость, бог никогда не препятствовал столь вопиющему притеснению и ни разу не послал хоть кого-то из ангелов. Особой чести удостаивались лишь патриархи, порой погрязшие в тех еще извращениях. На женскую долю доставалось ровным счетом ничего, кроме различных унизительных и даже калечащих обрядов. Исключение составляли только некоторые народы, включая тот, чьих прародителей изгнали из рая.

Вне всяких сомнений, любовь была одним из величайших чувств разумной жизни, начиная от новорожденных крошек и заканчивая архангелами. Быть может, самым величайшим, но очень многое зависело от того, от кого она исходила. Божья любовь выступала в особом свете. Она была подлинным кошмаром для тех, кого касалась. Разгневавшись — что вменялось людям в смертный грех, — бог низверг любимых детей, но на этом отнюдь не остановился. Земля полнилась горем и напастями. Краткость тамошней жизни шла рука об руку с ее хрупкостью, превращаясь в жестокую и нескончаемую борьбу за выживание, однако этого ему показалось мало. Продолжая гневаться, он карал даже не отдельные семьи, а уничтожал целые города. Порой и народы, оказавшиеся в фокусе небесного внимания, что с проповедуемой любовью не очень-то вязалось. Его избранникам всегда приходилось туго, а за пресловутую любовь люди расплачивались так, как не всегда и закоренелые грешники в аду. В том самом аду, куда изначально попадали все, включая праведников.

Справедливость хромала дальше некуда, и порой казалось будто ее и вовсе хватил паралич. Наличие души означало бессмертие, а райские врата захлопнулись. Едва ли похожий на Эдем, смертный мир заставлял людей прочувствовать себя целиком, на-

чиная от голода и заканчивая гноящимися язвами. Но это было только начало. Вне зависимости от того, как человек проживал свои дни, он отправлялся в преисподнюю, к пресловутому падшему архангелу, сатане. Отнюдь не пылая симпатией к людям, тогда еще презиравший и даже ненавидевший их Люцифер от такого подарка не отказывался. Изобретая мытарства, он находил как отыграться на роде человеческом, из-за которого и сам загремел с небес. Не он придумал такую систему, но он не без удовольствия ею пользовался. Мужчины и женщины, прожженные грешники и добрейшие праведники, безвинные младенцы и натворившие дел старцы — божественным устройством мира все попадали в его царство, в край зубовного скрежета и неугасимого огня. Попадали веками и даже тысячелетиями, пока до бога не дошло, что это и впрямь как-то совсем неправильно.

Проект под названием Пришествие ознаменовал собой серьезную перемену к человечеству. Божий гнев пошел на убыль, перестав сотрясать народы и планету. Соляные столпы остались в прошлом, равно как и великий Потоп, превращавшийся из реальности в сказание из легенд. Жертвоприношения живых существ также более не требовались, ибо уж слишком напоминали поклонение ложным языческим богам и кровавым идолам. Порой, догматы и впрямь содержали истину. Троица существовала, и отнюдь не просто так. Послав своего сына, то есть по сути самого себя, бог решил проникнуться смертной жизнью, на которую обрек человечество, и лично проповедовать добродетели, отказавшись от собственных жестоких старых заветов. Слепая вера ведает только безоговорочное поклонение. Она исключает здравомыслие и заведомо ничего не подвергает критике. С ее точки зрения, это был величайший подвиг, на который бог пошел ради своих возлюбленных грешных чад. Но только с ее. Рациональная логика подсказывала, что вышло так себе.

Спору нет, новое учение получилось хорошим. Во всяком случае, куда лучше прежнего. Былые ошибки устранялись, а критические несоответствия сглаживались. Жестокость тоже уходила в историю. Сосредоточившись на главном, стараясь направить путем сострадания и любви, оно и впрямь дарило надежду, что в жизни людей отныне многое изменилось. На словах все было отлично. Даже прекрасно, мудро возвышая добродетели, излагая равенство и подчеркивая всю суетность бренного бытия, ничтожность материальных ценностей и несостоятельность земных царей. К сожалению, дальше разговоров в вопросе о равенстве дело не зашло, материальные ценности остались залогом выживания, да и земные цари по заслугам не получили. Исключение составляли

только добродетели, бескорыстность и самопожертвование. Праведные души больше не попадали в ад. Лично сойдя туда, бог в лице своего сына изменил собой же установленные порядки. Пройдя через смерть, настигавшую каждое земное тело, он вышел оттуда сам и увел с собой немало душ. Религия восторгалась этим деянием и со всех амвонов его превозносила, пронося сквозь века на знаменах веры. В своей основе оно и впрямь представало в ореоле святого сияния, однако дьявол, как говорится, кроется в деталях.

Вторжение отца Утренней звезде очень не понравилось. Повелитель ада, он властвовал там безраздельно, заполучая все души и вытворяя с ними что заблагорассудится. Переменившись к людям, бог изрядно все перекроил, по своей привычке ни с кем не считаясь и никого не извещая. Как обычно, Люцифера поставили перед фактом, с которым он ничего не мог поделать. Да он и не пытался, что бы там ни утверждали религиозные писания. Он же не был идиотом, отчего и не вступал в прямую схватку со всемогущим отцом. Он с ним только переговорил, хотя в фундаментальных текстах упоминалось некое искушение, причем еще до мучительной смерти. Это было просто феерически бредово. Чем Люцифер попытался бы его искусить? Божественное начало и его явно меньшие возможности. Он в принципе не мог предложить ему что-то сверх того, что у него уже было или скоро будет. Что, собственно, в итоге и произошло. Умерев в бренном теле, бог явился в ад и забрал оттуда всех, кого считал праведными. Затем удалился, оставив прочих во власти пресловутого дьявола. Тогда-то Люцифер впервые и задумался, кто именно из них двоих не лучшим образом относится к человечеству.

Из пресловутых праведников, и особенно воспетых патриархов, многие не просто заслужили ад — они заработали его сполна, на дюжину преисподних с гаком. Их, тем не менее, освободили, невзирая на длинный шлейф грехов и настоящих извращений, где сожительство со своими дочерьми было еще не самым тяжким. При этом немало достойных душ осталось в аду, хотя бы за то, что они слепо не поклонялись богу. Хуже того, их не коснулся принцип раскаяния. Согласно новому учению, люди получили право на прощение любых грехов, если искренне покаются, пускай даже на пороге смерти. Спору нет, зачастую так и происходило, но лишь с теми, кто родился после нововведений. Уже находившимся в преисподней этой милости не перепало. Натворившие дел, вовремя припавшие к ногам всевышнего, даже душегубы попадали в рай, в то время как в аду продолжали страдать за неизмеримо меньшее. Вот только кого это волновало? Пожалуй, только Люцифера,

уже успевшего познать справедливость бога.

Одним лишь выходом из ада Пришествие не закончилось. Свершилось воскрешение, как победа над смертью с одновременным нивелированием человеческих грехов. Избавление от того, что произошло в сотворенном богом мире и с подачи им же созданной людской природы было названо красивым словом искупление. Виноватых в том, что их такими сделали, отныне было решено только за это не наказывать. Протянув свою длань, бог указал людям путь, ведущий обратно в его райские кущи. В глазах религии, устами слепо верующих эта жертва представлялась величайшей, но что она такое для бессмертного, в высшей степени властного над всем существа? Сущее ничто.

Отдельный эпизод можно представлять как угодно, если не пытаться увязать его с чем-то еще. Все познается в сравнении. Сколь угодно раз бог мог бы умирать, возвращаться на небесный престол и далее вершить судьбы Вселенной, а потом опять ненадолго сходить на землю, чтобы испытать страдания простых смертных. Распятый вниз головой, обычный человек познавал мучения неизмеримо большие, ибо он не обладал великой силой, способной в любой момент все изменить, да и умирал раз и навсегда. Выкрикивая псалмы, религиозный фанатик сгорал на костре, и сгорал бессмысленно. Настоящий подвиг совершал неверующий, когда закрывал собой амбразуру во имя тех, кого любил. Приносил себя в жертву за родину, свой народ, всех его детей и то самое будущее, ради которого он добровольно погибал, отнюдь не рассчитывая воскреснуть и познать райское блаженство где-то там еще. Вот это была подлинная жертва, самоотверженная и величайшая. Со своей абсолютной властью, бог лишь играл в игру на максимальном уровне экстрима, и ничего ему не делалось. Он даже пользы из этого не вынес. Воображая, что должен прочувствовать как страдают люди, он не принимал во внимание одно — для них это по-настоящему и единожды, нежели для него, вечного и всемогущего экспериментатора.

Внеся коррективы в жизнь людей, распределение душ и взаимные процессы, Пришествие мало-помалу уходило в прошлое. Точно так же, мало-помалу, многое возвращалось на круги своя. Всего несколько веков — и религиозные иерархи изрядно отступили от изначального учения, почувствовав свою власть и все больше подменяя своими словами слова бога. Про светских иерархов и говорить не приходилось. По прошествии лет, хорошее учение превратилось в булаву дремучего мракобесия, тем паче что звучало оно из разных уст и разных же религий.

За редким исключением, верующие крайне неприязненно от-

носились к тем, кто их убеждений не разделял, верил во что-то свое или не верил вовсе. Каждый считал истинной только собственную религию, а иные упрекал в заблуждениях, а то и похуже. Фундаментальные основы любви и милосердия трансформировались в острое неприятие, которое в лучшем случае разделяло человечество на группы. В худшем, оно доходило до воинственной ненависти, и с годами только нарастало, ибо старательно взращивалось и направлялось иерархами.

Парадокс заключался в том, что каждая религия имела право на существование, в чем бы ее учение ни заключалось. Это гарантировал ей принцип слепой веры, идущий непосредственно от бога. Знание тут отсутствовало как таковое, тем более что и предоставлялось оно не всем. Вера же была вольна трактовать и исповедовать что угодно. В разные века, в разных же странах появлялись проповедники и пророки, многие из которых говорили вполне хорошие и правильные вещи. Изречения иных закладывали новые религии или ответвления от существующих. К сожалению, первичный эффект довольно быстро угасал, и в дальнейшем все развивалось неизменно.

Опираясь на основы, чьи зерна взошли и проникли в массы, к собственной пользе трактуя их по-своему, власть забирали иерархи, узурпируя право говорить и судить от имени бога. Пресекая инакомыслие, заведомо обеспечивая повиновение, они выставляли себя как необходимость, отказывая людям в праве взаимодействия с ним без собственного участия. С младенчества, с первых же сознательных лет пастве усиленно внушалось, что только через иерархов, их доверенных служителей и придуманные правила верующие могут жить, а после смерти попадут куда надо. Все остальное непримиримо исключалось, и ладно бы только методом убеждений.

Единожды не погнушавшись насилия, иерархи стали практиковать его кровавой чередой, а их подручные вытворяли такое, что иные приемы заимствовали даже в аду. Терроризируя собственное население, они добивались беспрекословного подчинения, где даже мысль о чем-то ином уже могла стоить жизни. Этого им, разумеется, оказалось мало. Поставив насилие на поток, сделав карательные меры чем-то само собой разумеющимся, они обрели достаточно фанатиков, чтобы на их основе перейти к экспансии. Под знаменами вероучений, исключительно из любви и милосердия, иерархи принялись сталкивать народы, проливая настоящие реки крови.

Исключая очевидных идеологов злодеяний, веками творившихся на религиозной почве, простых людей было сложно в чем-то

винить. С колыбели, их взрастили в безоговорочном повиновении, где любое сомнение пресекалось жестокостью. Через них служители религий добивались своего, умудряясь оправдывать это высшей целью и высшими же добродетелями. Особым почитанием пользовались наиболее непримиримые и свирепые фанатики. Как правило, именно их провозглашали святыми, хотя обычно попадали такие прямо в ад. Своими речами, сочащимися ядом фолиантами, злобой и ненавистью они сбивали с толку многих, отравляли их души и ставили под угрозу всю дальнейшую судьбу. Обычные люди попадали в зависимость от этих опасных для общества пастырей, и она могла аукнуться им по-всякому. Следуя их учению, куда порой загоняли и под страхом смерти, они сплошь и рядом тоже отправлялись в ад, и справедливостью тут не пахло. Прививаемая с рождения, слепая вера очень многих толкала к жестокости и преступлениям. А за них приходилось держать ответ.

Изначально достойный, принцип свободы воли откровенно буксовал, когда эта воля просто не ведала иного учения или жизни. Насадив свою верховную власть, иерархи сделали для этого все, но ладно бы собственным именем. Свои преступления они творили именем бога, который ни разу их не одернул, и вообще не вмешивался. Создав систему, где в разных учениях, устами разных пророков он по-разному же и представал, бог взирал на религиозные войны и ничего не делал. Невинные люди гибли миллионами, младенцы сгорали в огне, жестокие пытки заставляли усомниться в человечности, а он и пальцем не пошевелил, чтобы вразумить озверевших мракобесов. Мракобесов, которые плодили и множили подлинное зло именно от его имени.

Ослепленные верой, отказав себе в мышлении, особо рьяные фанатики окончательно теряли связь с реальностью, нарушая все мыслимые причинно-следственные связи. Сначала они грозили карой божьей. Затем, когда эта кара не наступала, они брались вершить ее самостоятельно, подменяя собой и бога, и его правосудие, к которому столь рьяно любили апеллировать. Объективная нестыковка их ничуть не смущала, причем даже у тех, кто не объявлял себя исполнителем высшей воли. С молчаливого невмешательства небес, они подменяли собой и гром, и молнии, расправляясь с неугодными вполне земными методами.

Имидж получался неважный. Наблюдая эту вакханалию, любой здравомыслящий ум постепенно заключал, что система, мягко говоря, несостоятельна. У владыки преисподней, опального архангела Люцифера как ни у кого была возможность все сравнить и обо всем подумать. Даже если предположить, что бог намеренно пустил все на самотек, доверяя развитие людей в руки условной

эволюции, это все равно выглядело чудовищно. Тогда ведь вообще не стоило являться и внушать какие-то верования. Разные верования и учения, которые в итоге приводили к массовой резне. Развиваясь в неведении, люди справедливо отвечали бы только сами за себя, но с подачи религии все вышло иначе. Ведомые иерархами, вооруженные словом божьим, они обратили его друг против друга, вплоть до взаимного уничтожения.

Как правило, даже земные цари не допускали, чтобы их именем самозванцы творили насилие и зло. Это было очень плохо для их образа, какой-никакой справедливости власти. Бог же в таких случаях не реагировал, и даже ангелов не посылал. Слезы и мольбы действия не имели, а молитвы оставались втуне. Принцип воздаяния ПОТОМ приводил к тому, что ЗДЕСЬ зло множилось и процветало. Зло, с в сравнении с которым бледнел даже Люцифер. Во имя бога, люди творили его сами, а владыка ада их даже не поощрял.

Разным отношением, бог заведомо поставил людей в неравное положение. Одним он явился лично, проповедуя свое учение и дозволяя лицезреть чудеса. Другим повезло общаться с пророками, из тех, кто не относился к числу аферистов и умалишенных. Большинство же было вынуждено слушать иерархов, многие из которых давно погрязли в грехах, отнюдь не пастырской роскоши, и проповедовали совсем не то. Спрашивал бог при этом со всех одинаково. Искушая людей, Люцифер прекрасно знал, по какой причине они попадают к нему в ад. Туда же, однако, постоянно попадали верующие, и именно за то, что были сбиты столку, ожесточены, и в итоге погублены властью иерархов.

Помимо суетности, корысти и сомнительных деяний, моральная составляющая тоже оставляла желать лучшего. Верующие люди были самыми черствыми и жестокосердными людьми на земле. Не все, конечно, а в процентной массе. Учение гласило о любви, сострадании и милосердии. Взращенные на его основе, они сплошь и рядом отталкивали ближнего, иногда умудряясь отказать ему даже в глотке воды. Просто потому, что страждущий не разделял конкретно их убеждений. Таких Люцифер томил в аду невыносимой жаждой. Позаимствованная из земных реалий, лодка в соленом океане представала очень даже подходящим наказанием. Райский остров, преисполненный цветов и зелени, но лишенный питьевой воды, тоже хорошо вписывался в канву. Сути, впрочем, это не меняло. Как и воздаяние, наказание приходило ПОТОМ. Человеческая нива, тем временем, росла СЕЙЧАС, на таких вот красноречивых примерах и идеалах. Вещая о паршивых овцах, беря на себя труд отделять зерна от плевел, иерархи вели паству

за собой, но этот путь сплошь и рядом приводил изначально чистые души в ад.

Подводя мысленный итог, Люцифер как-то поостыл в прежнем рвении вредить человечеству. Требуя подчинения, насаждая свои взгляды, иерархи причиняли людям неимоверные страдания. Именем божьим, они пролили немало крови, сталкивая целые народы и обрекая на смерть множество невинных. Тем временем, заведомо виновные превозносились и прощались, а социальная, взращенная верой несправедливость стала даже больше, нежели на заре времен. Бог же откровенно бездействовал, хотя именно от его лица на земле творилось нечто отвратительное. Что бы ни происходило в мире смертных, это было прекрасно известно на небесах, но так же и в аду. Глядя на все из первого ряда, Люцифер окончательно усомнился в своих прежних взглядах, и не в последнюю очередь благодаря Люмениферус. Проживая среди людей, она постепенно прониклась к ним той любовью, которая приписывалась богу. Общаясь с Люцифером, она очень сильно на него влияла. Задумываясь сам, анализируя происходящее, Утренняя звезда уже и так изрядно колебался, и однажды окончательно переменился к человечеству.

Первородный архангел, отнюдь не случайно прозванный Светоносным, сумел усмотреть во всем изрядную схожесть. Некогда любимый сын, он был низвержен с небес за отказ слепо подчиниться прихоти отца. Восстание было лишь следствием причины, побудившей его поднять. Не понимая, почему, Люцифер не пожелал поклониться человечеству, объявленному любимым детищем Творца. Гордый и могущественный, первый после бога и несущий его свет на просторы мироздания, он просто не смог проглотить столь унизительную пилюлю, которую ему вручили без всяких объяснений. Чему и удивляться, что он возненавидел людей, презирая их за ничтожность, где не было даже намека на причину столь высокого положения. Изгнанный с небес, симпатиями Люцифер закономерно не воспылал. Он принялся изводить людей, надеясь однажды сжить их со свету. Это оправдало бы его мятеж в глазах отца, доказав свою правоту и всю несостоятельность человечества.

Обуянный гордыней, Люцифер долго шел по избранному пути, однако в отличие от верующих критического мышления не потерял. Мало-помалу, его разум стал многое примечать. Затем, в какой-то момент, окончательно взбунтовался, в известном оксюмороне уже против самого себя. Все зло, творимое Люцифером, не шло и в сравнение с тем, что человечеству доставалось от отца. Он сам познал это с лихвой, а теперь тысячелетиями наблюдал со сто-

роны. Все ужасы, творившиеся на земле, начиная от стихийных бедствий и заканчивая пучиной религиозных войн, устроил отнюдь не владыка ада, со всеми его падшими легионами.
— Любимое детище! Да такой любви надо не завидовать! От нее надо защищать! — воскликнул Люцифер, подытоживая свою пламенную речь.

Откровения, выложенные в столь нетривиальных обстоятельствах, совсем не пришлись Михаилу по сердцу. Следуя возле брата, он наблюдал, как тот разгоняет мятежных ангелов и при этом излагает свой взгляд на человечество. Декорации менялись, узилища для душ представали длинной чередой, а Люцифер все говорил и говорил, то пролетая над магистралями, а то возникая у звездной сети истолов.
— Вот, значит, как ты все оправдываешь, — с неопределенным выражением негромко молвил Михаил.
— Это не оправдание, это факты, — твердо парировал Люцифер. — Я разъяснил, почему переменился к людям. Уж веришь ты в это, или нет. Тебе ли не знать, что я был любимым сыном отца. Возможно, именно поэтому только я сходство и увидел.
— Ты был и остался гордецом. Нарциссом, для которого не существует ничего, кроме собственных желаний, — повысил голос Михаил.
— Возможно, — едко усмехнулся Люцифер. — Но выпавшее на мою долю просто ничто в сравнении с тем, что достается людям. Когда я это осознал, я уже никому из них не навредил.

Укоренившееся изначально, усиленное последними событиями, все недоверие к брату проявилось в одном-единственном слове архистратига. Оно прямо-таки вырвалось из уст, без малейшей паузы и видимых раздумий. Пресловутый дьявол ратует за человечество?
— Сомневаюсь, — прищурился Михаил.
— Да неужели?! — снова вспылил Люцифер. — А почему тогда архидемоны взбунтовались?! С чего бы вдруг моим ангелам поднимать против меня мятеж?! Да, я гордец и нарцисс. Как и наш отец, я не привык с кем-то считаться. Яблоко от яблони. Именно поэтому я и не подумал, что локомотив мгновенно не остановится. А на крутом повороте запросто полетит под откос. Я перестал губить людей. Решил их просветить и опекать. Однако на сей раз остальные за мной не пошли.

Хмурясь и размышляя, Михаил воздерживался от резких выражений и скоропалительных выводов. В иной ситуации, он не выслушал бы и половины сказанного Люцифером. Он просто улетел бы сам или его отправил восвояси. Сегодня, однако, все было

иначе. Люцифер находился в своем праве, а Михаил прибыл к нему по собственной инициативе. Положение на земле складывалось слишком уж паршиво.
— И поэтому ты создал новый ад. А Люмениферус сверхлюдей на земле, — выразительно напомнил он. — Подменить собой бога.
— Повторяю, это вынужденная мера. Чтобы пресечь зависимость от мятежников, — раздраженно ответил Люцифер. — Мы бы и рады помочь людям как-то иначе, но не можем. А отец наш может, да бездействует.
— Значит, не просто так, — возразил архистратиг, хотя это обстоятельство его действительно беспокоило.
— Давай, задвинь про неисповедимость путей господних! Про испытания, смирение и веру! — зло бросил Люцифер. — Иди, расскажи это Иову!
— Он тут при чем? — насторожился Михаил, почуяв очередной подвох.
— Пример нагляднее некуда! Вот прямо в точку, где участвуют все трое — я, человечество и бог! — сверкнул глазами Люцифер.

Проигрывая брату дискуссии, Михаил изначально в них не ввязывался. И все же его разобрало. В конце концов, Люцифер никогда не был так проникновенно многословен, как на этот раз. Пускай выговаривается. Формально, он и прежде не лгал, однако сейчас откровенно выкладывал все, что накипело у него на душе. Фигуральной душе, ибо этим даром обладали только люди, а небожители были бессмертны сами по себе, и различным перераспределениям не подлежали. Люцифер не манипулировал событиями и не передергивал в своих интересах. Он впервые говорил все так, как воспринимал, и без всяких хитроумных прикрас.
— Признаюсь, теперь мне невероятно совестно, так поиздеваться над безвинным человеком, — начал Люцифер.
— ТЕБЕ? — не удержавшись, чуть ли не с насмешкой перебил Михаил.
— Знаешь, сейчас я понимаю, почему в человеческих семьях кровные братья зачастую лупят друг друга до синяков, — процедил Люцифер.
— Мы с тобой тоже, помнится, схватились, — заметил Михаил.
— Ты дашь мне договорить или нет?! — разметав на перья очередного падшего ангела, рассердился Люцифер. — Так вот, теперь мне действительно стыдно, — более спокойно продолжил он.

Упомянутому в древних писаниях, реально существовавшему Иову досталось дальше некуда. Ненавидя людей, Люцифер особенно не переносил праведников. Тех, кто жил вполне благочестивой жизнью, и которых было особо не в чем упрекнуть. Таких он

старался совратить в приоритетную очередь, однако получалось не всегда. На какие бы ухищрения он ни шел, Иов игнорировал все нашептывания и от бога не отворачивался. Люцифера это изрядно задевало. Разозленный его упрямством, от соблазнов он собрался перейти к прямому злу, взяв свое не мытьем, так катанием. Опасаясь вредить ему открыто, он стал действовать хитростью. Он заявил, что Иов такой праведный только потому, что бог обласкал его своей милостью, наделил богатством, хорошей семьей и прочими благами, а иначе все вышло бы по-другому. Бог принял вызов опального сына. Он позволил чинить зло Иову, и Люцифер с энтузиазмом принялся за дело.

Заручившись безнаказанностью, владыка ада за размахом не постоял. Постепенно, Иов потерял все. От его блестящего благополучия не осталось и следа. Дом, земля, стада, обиходное имущество, да и вообще все нажитое было утрачено самыми разными напастями. На этом, однако, его беды не прекратились. Отняв все материальное, Люцифер принялся забирать нечто более ценное. Иов лишился не только вещей, но и потомства. Невзирая на возраст, смерть унесла всех его детей. Иова она не тронула, ибо в этом не было никакого смысла, зато его тело поразила проказа. Испещренный язвами, в нищете и рубище, он остался жить, чтобы в полной мере прочувствовать всю горечь утраты.

Страдания Иова не остались незамеченными. Друзья и знакомые были не в восторге от его судьбы. Они предполагали, что Иов в чем-то провинился, ибо не может бог настолько ужасно наказывать невиновного. По одной из их версий, банальная ошибка тоже не исключалась. Все сходились во мнении, что такое не должно происходить с хорошим человеком, а следовательно, что-то тут не так. Сам Иов грешником себя не признавал, ибо не в чем ему было каяться. Взроптав на жизнь, он проклял день своего рождения. Больше Люцифер не сумел добиться ничего, а одних горестных стенаний, зачем вообще нужно такое бытие, полное страданий, на очернение не хватило. Несмотря на происходящее, Иов от бога так и не отвернулся, хотя все выглядело так, будто тот отвернулся от него. На этом его ужасное испытание и закончилось.

— Не понимаю, что ты хочешь сказать, — прохладно заметил Михаил. — Ты остался с носом, а бог вернул Иову все. Вернул, и преумножил.

Было бы странно, напомни Люцифер эту историю просто так. Подведя к закономерному вопросу, он специально сделал таким образом, что задал его именно Михаил.

— Все да не все, и тебе это известно, — очень выразительно произнес он. — Богатство и положение — все это наживное. Матери-

альные ценности — пыль. Чего никак не скажешь об умерших детях.
— Иову снова даровали детей! — угодил в ловушку Михаил.
— ДРУГИХ ДЕТЕЙ! — в сердцах воскликнул Люцифер. — Ему не вернули отнятых, ему позволили завести новых! Воскреси бог прежних, я бы эту тему не поднимал! Но они все умерли, раз и навсегда! И не смогли завести своих детей! Как насчет них?! Почему они должны расплачиваться за чужие страсти и становиться жертвой при выяснении чьих-то отношений?! Они-то в чем виноваты?! Я тебе скажу, в чем! В этом и есть весь бог! Это его типичный подход — дозволить страдать и умирать множеству невинных! Включая детей, которым уж точно не получается хоть что-то греховное предъявить! Безвинное страдание не надо понимать, и тем более принимать! Это отговорка для рабов! Прикрытие бессилию их жалкой воли! Даже животное кусает, когда его бьют! Божий промысел?! Такой божий промысел был бы куда более присущ дьяволу!

Мрачный как туча, Михаил уже и сам пожалел, что вообще о чем-то спрашивал. Речи брата ему категорически не нравились, однако кое в чем тот был все же прав. Только недалекие люди отвечали в духе "сам дурак", а для архангела такое было недопустимо. Любое несогласие требовало более весомых аргументов.
— Дети попали в край вечного блаженства, — хмуро напомнил Михаил.
— Да, слыхали. Воздастся, все такое. ПОТОМ. Только пережитых страданий за чужие дела никто не отменял, — отмахнулся Люцифер. — Кроме того, не напомнишь, куда именно они попали? Не в ад ли, прямо ко мне, сатане? Вместе с праведным Иовом. Где они проторчали довольно долго, пока отец своим Пришествием все не переиграл.

Раздосадованный дальше некуда, Михаил понимал, что в очередной раз угодил в цугцванг. Любая его реплика играла в пользу Люцифера, а молчание исключала сама ситуация.
— В сравнении с вечностью, мимолетное — ничто, — выразился он предельно аккуратно.
— Вот как? — неожиданно негромко, с особым выражением произнес Люцифер. — А тебе доводилось читать души детей? Юные, ничем не запятнанные души, преисполненные боли, отчаяния и слез? Души, в которых угасла всякая надежда на защиту, и которые от жизни кроме тоски и страданий уже ничего не ждут? Мне вот доводилось. Это ж каким надо быть извергом — подвергать их таким испытаниям. Оправдываешь все это вечностью? Ощути ты то, что столько раз ощущал я — ты бы, дорогой брат, заговорил по-

другому.
— Иов тут при чем? — резко ответил Михаил.
— Летописно показательный пример. Отношения к человечеству вообще, и безвинно страдающим в частности, — подытожил Люцифер. — Между прочим, столь наглядная несправедливость стала плохим примером для людей. Пришествие было позднее, а до него учение предполагало, что награда или наказание начинаются еще при жизни. Я никогда не приму принципа воздаяния ПОТОМ, основанного на слепой вере. Ты сам видишь, куда он заводит человечество, однако во времена Иова этого еще не требовали. Иову и его семье объективно досталось ни за что. Люди это видели, и нет вины на тех, кто отвернулся от бога за такое зло. Хотя бог, конечно, считает иначе.
— И это сказал тот, кто сам упомянутое зло и причинил, — выразительно подчеркнул Михаил.
— Я, конечно, немало натворил. Но больше так не делаю. Сильно что-то изменилось? — парировал Люцифер. — Взгляни на людей, их смертный мир и творящиеся там кошмары. Это же прижизненный ад, без всякого моего участия. Да все, в совокупности, мои дела просто сущая ерунда в сравнении с тем, чему подвергал и подвергает свое любимое детище милосердный бог. Вот только зло почему-то я, а вся эта его жуть якобы добро.

Выдерживая паузу, Михаил молча наблюдал, как Люцифер продолжает восстанавливать порядок в своем новом аду. Его метания явно пошли на убыль. Из-за присутствия архистратига, желающих вредить стало значительно меньше. Удалившись за истолов, падшие ангелы перегруппировывались, либо скрывались в глубинах обычной преисподней. Там их Люцифер не преследовал. Ему хватало забот с восстановлением структур, ликвидацией изрядно нанесенного ущерба.
— А ты неплохо управляешься, — неторопливо констатировал Михаил. — Создаешь все из ничего.
— Я должен расценивать это как комплимент? — с подозрением осведомился Люцифер.
— Не знаю. Я ведь имею дело с адским творцом, который вознамерился заменить небесного творца, — посматривая на человеческий персонал, многозначительно изрек Михаил.

Было совсем нетрудно догадаться, куда клонит архистратиг. Во всяком случае, для его опального брата, с которым они сначала вместе хранили Эдем, а затем разошлись по разные стороны баррикад.
— Намек понятен. Не буду отрицать, что я отказался от притязаний на вселенский престол. Я лишь скорректировал, ради чего

этого хочу, — не стал увиливать Люцифер.
— Хорош правитель мироздания. Не сумел удержать власть даже в аду! — фыркнул Михаил.
— Вот именно поэтому я ничего Люмениферус и не говорил. Боялся уронить свой авторитет, — угрюмо отозвался Люцифер. — Как оказалось, напрасно. Только ей я и мог доверять. Ты же олицетворение того, что правду говорить нельзя. Созданным богом, миром правит только ложь. Только с ней можно чего-нибудь добиться, и не я придумал эту систему.
— Ты видишь только то, что хочешь видеть, — сердито произнес Михаил. — Ругаешь систему, а сам игнорируешь очевидное. Я наслушался от тебя про женоненавистничество, да только концы с концами не сходятся. Ты так критически расписал Пришествие, однако не упомянул, как именно оно произошло. Что насчет безгрешной смертной женщины, которая стала богу матерью? Матерью для него, и заступницей для всех. Как-то не вяжется с твоими пламенными речами о мизогинии.
— На сей счет лучше спроси Люмениферус. Ей этот вопрос куда ближе, — неожиданно спокойно отозвался Люцифер.
— С чего бы вдруг? Увиливаешь от ответа? — выразил недоверие Михаил.
— С того, что я стала прообразом всех женщин. Что только я умею читать любые эмоции, и что только мне досконально известны чувства матери, — заявила, появляясь рядом, Люмениферус.

При виде сестры, объявившейся столь внезапно, архистратиг несколько опешил. Затем, как обычно, начал подозревать, что все это подстроено. Он бы в этой мысли и уверился, кабы сам не оказался инициатором столь нетривиальной встречи.
— Давно подслушиваешь? — хмуро спросил он.
— Нет. В отличие от тебя, у меня на земле дел по горло. Людям очень плохо, я сложа руки не сижу, — воткнула ему шпильку Люмениферус. — Меня позвал Люцифер. Он предвидел, о чем ты спросишь, — добавила она.

Спрайты, зарницы и огни святого Эльма, как обычно, сработали безукоризненно. Даже теперь, когда в мире творилось черти что, они вполне ясно читались сведущим взором. Защищая свое творение, Люцифер не взывал к сестре, хотя очень того хотел. Поглощенная заботами, она неотложно занималась живыми людьми, в то время как мертвым торопиться было уже некуда. Ввиду объективной необходимости, Люцифер обратился к ней позднее, когда диверсии пошли на убыль. Выстраивая разговор, он оставил место для возражений Михаила, чтобы в нужный момент на них ответила именно Люмениферус. Люцифер сообщил ей последние

новости, но в остальном присутствие сестры не требовалось. Все сегодняшние речи светоносные архангелы обсуждали и проговаривали много раз. Немало веков они встречались, рассуждая о том, что происходит с людьми, на небесах, в аду и на земле. Озвученная архистратигу, идеологическая позиция давно стала их общей.

— Ты напрасно апеллируешь к значению матери, — с места в карьер заговорила Люмениферус. — Религиозные фанатики верят слепо и самозабвенно, но нет на свете большего фанатика, нежели мать по отношению к своему дитя.

Со времен Эдема, Светоносная была одной из первых, кто разделял общество Евы. Тогдашней Евы, бродившей по райским кущам и восторженно постигавшей окружающее великолепие. Особую пикантность их общению придавало то, что она регулярно забредала в запретные сады Люмениферус. После истребления ящеров та пребывала в глубокой обиде на отца, и на земле особо не появлялась. Архангел прекрасно знала, что Ева не первая женщина на свете, однако она оказалась первой, с кем ей довелось познакомиться по-настоящему. Все чаще встречаясь, они разговорились. Проникнувшись к Еве симпатией, Люмениферус рассказывала ей о разном, и постепенно начала учить. Учением, впрочем, по большей части занимался Люцифер. Ему было интересно, на что способны эти райские люди. На пару с сестрой, он взялся их просвещать, однако дело не слишком продвигалось. В чем тут причина, оба разобрались не сразу, а когда уяснили, то события начали развиваться очень быстро и небезызвестным образом.

Инертный Адам вообще мало чем интересовался. По большому счету, его все устраивало. Как ленивый домашний питомец, он довольствовался прекрасными угодьями и к большему особо не стремился. Точнее, стремился, но даже и близко не так, как Ева. Ее любопытство било через край. Узнавая новое, она хотела еще, и однажды Люцифер ее жажду знаний удовлетворил. Разобравшись, в чем причина ограничений, он подсказал Еве, как той следует поступить. Исключая райский сад, причем сад именно Люмениферус, яблоко и змей были аллегориями. Впрочем, конкретное воплощение значения не имело. Важна была только суть. Ева нарушила запрет, и богу это очень не понравилось.

Впоследствии Люцифер утверждал, что отец мог бы лучше хранить свои секреты, если бы заведомо не вынашивал умысел, чтобы их вкусили. Оставить на виду запретный плод и при этом требовать, чтобы к нему не прикасались — тут еще вопрос, кто именно выступал в роли искусителя: бог или пресловутый дьявол. Как бы там ни было, именно Люцифера обвинили в том, что он

всегда хотел погубить людей. Еву изгнали, а с ней за компанию и Адама, с которым она поделилась своим открытием. Помимо прочего, религиозная мизогиния происходила именно отсюда, хотя собственный ум вкусившего мужчины никто не отменял. Люмениферус в этом не участвовала. Она не предлагала Еве нарушить запрет. Возможно, она пошла бы на это в перспективе, однако конкретно тогда даже не планировала. Изгнание, однако, она восприняла в штыки, о чем не замедлила высказать отцу.

Одна из вселенских истин заключалась в том, что к познанию стремилось все живое. Достаточно развитая, любая разумная жизнь хотела узнать нечто большее, нежели видела у себя под носом. Копаясь в земле, только черви ничем другим не интересовались, но даже птицы проявляли любопытство, когда сталкивались с чем-то новым, как и кошки увлеченно искали, чем себя занять. Созданные по образу и подобию бога, люди были просто обязаны стремиться к знанию. Бог же, однако, именно в нем своим любимым детям отказал. Когда те поступили ожидаемо, он разгневался и прогнал их с глаз долой, заклеймив первородным грехом и прочими напастями.

Конкретное трактование, в чем именно состоял проступок изгнанных людей, и как он отразился на всех в дальнейшем, значения не имело. Что бы ни натворили Адам и Ева, их потомки уж точно не были в чем-либо виноваты, однако пресловутый грех вменялся им по самой природе. Природе, созданной лично богом. Это было настолько нелогично и неестественно, что Люмениферус не стерпела. Она явилась к отцу и очень долго ему доказывала, что все это неправильно, однако не добилась ровным счетом ничего. Впрочем, как и обычно. Прислушаться тот не пожелал. Раздраженный назойливостью дочери, уже давно вызывавшей его неудовольствие, он выставил ее вон, и хорошо хоть не с небес. Ее заступничество, таким образом, действия не возымело, поскольку шло вразрез с представлениями бога. А вот заступничество его смертной матери ему не противоречило, да с того и толку соответствующе получалось.

Догмат о непорочности подсказывал, что выбор был сделан отнюдь не случайно. Это, в свою очередь, предполагало, что матерью не стала абы кто. Как ни у кого другого, у бога имелась возможность подобрать подходящую кандидатуру. Пришествие он задумал не спонтанно, а нашел ему свой черед. Никто не оспаривал качества смертной матери. Ее добродетели сомнению не подлежали. Читая чувства, Люмениферус никогда в них не сомневалась и могла присягнуть, насколько беззаветно она любила своего великого сына. Важный нюанс, однако, в том и заключался. Как и

любая мать, которая вообще имела право именоваться матерью, она любила его безоглядно.

Примеры о больных и страждущих, нуждавшихся в помощи или просто юных можно было не упоминать. Взрослый или младенец, грешник или праведник — материнское сердце не ведало разницы. С рождения и до смерти оно всегда души не чаяло в своем дитя. Даже последний злодей, запятнавший себя несчетными преступлениями, оставался агнцем в глазах той единственной, кто его родила. Оно терпело и прощало все, даже если оставалось в этом одиноко. Любовь к своему сыну, оказавшемуся богом, достигала апогея. Беззаветно преданная, до самозабвения почитавшая, мать испытывала к нему то лучшее, на что вообще были способны люди. И никогда ничем его не огорчала.

Выйдя из рода человеческого, смертная мать самого бога действительно была заступницей. К ней обращались верующие, и не только женщины, но и мужчины. Женщины, разумеется, в особенности. Казалось, как одной из них, великой матери в особенности надлежало их защищать, чтобы покончить с шовинизмом как на земле, так и на небесах. Ничего, однако, не менялось. Женская доля оставалась прежней, с прежним же отношением и всем, что из этого проистекало. Объяснялось это проще некуда. Фанатично обожая сына, мать никогда не проявляла заступничество там, где тот бы его заведомо не принял. Она обращалась к нему лишь тогда, когда его реакция была ожидаемо благосклонной. Как и в остальном, в этом у них царила полная гармония. Воздавая должное, сын неоднократно делал уступки матери, но мать никогда не просила сына о таком, на что он никогда бы не пошел.

Абсолютная власть не терпит критики, от кого бы та ни исходила. Обладая живым умом и не будучи покладистой, Люменифферус регулярно выражала отцу свое мнение, частенько с ним спорила и за это впала в немилость. Про Еву и вовсе говорить не приходилось. Любимому творению полагалось слушаться и не рассуждать. Мать же не перечила воле бога, в том числе заступничеством никогда не ставя ее под сомнение. Именно поэтому их взаимоотношения были идеальными. По той же причине в жизни женщин никаких положительных сдвигов не произошло. Их как угнетали, так и продолжали угнетать, вплоть до откровенного издевательства и запредельной жестокости. Молиться о защите от существующих порядков, насажденных верующими мизогинистами, было заведомо бесполезно.

Привыкший к выпадам Люцифера, архистратиг обычно не конфликтовал с сестрой на почве устройства мира и идеологии. Всегда корректная, она подсовывала ему примеры, но в речах со-

блюдала осторожность, чтобы не задеть за живое. В том и заключался ее подход, отличный от подхода владыки ада. Теперь же во всяких ухищрениях более не было необходимости. Люмениферус, безусловно, выражалась аккуратнее, нежели опальный брат, однако по сути говорила то же самое. Не ожидавший таких изменений, Михаил выслушал Люмениферус с явным неудовольствием.
— Два сапога пара, — подытожил он.
— Ты не желаешь допускать нашу точку зрения, потому что закоснел в собственной, — уловила его настрой Люмениферус. — Ничего удивительного, если постоянно торчать на небесах. За тамошним сиянием горизонты не видны.
— Давай обойдемся без метафор, — буркнул Михаил.
— Или покорность или немилость. Третьего для женщин просто нет. Если ты считаешь иначе, приведи пример, — предложила Люмениферус.

Не желая связываться с сестрой, архистратиг традиционно промолчал. Архангельская память подсказывала многое, однако он небезосновательно опасался очередной ловушки. Каждый раз, как он возражал Люциферу, становилось только хуже. С Люмениферус он прежде не спорил. Он не знал, чего ожидать, однако чутье подсказывало, что недооценивать ее не стоило.
— Дать самую известную на свете премию и при этом не принять в академию наук по половому признаку — как тебе такое? И речь не о дремучих веках, — не дождавшись ответа, пошла в атаку Люмениферус.
— Это уже в прошлом, — не выдержал Михаил. — Предрассудки отступают.
— Да неужели? — подал голос Люцифер. — Безмозглых фанатиков стало еще больше. Иные из них до сих пор болезни грехами объясняют. И они еще агрессивно указывают женщинам их место. Берутся учить людей, как и почему им следует жить. Используя, в том числе, достижения науки. Квинтэссенция абсурда.
— А менструация? — вскипела Люмениферус. — Это же настоящий садизм, с такими болями, от которых многим и лекарства не помогают. Кто ее придумал? Может быть, сатана? По мне так это прямое выражение своего отношения к женскому полу. Подхваченное верующими. Предрассудки, говоришь, отступают? Женщина у них до сих пор в такие периоды "нечистая", со всеми вытекающими. Любо-дорого посмотреть, как иные иерархи вертятся словно уж на сковородке, пытаясь оправдать исходное мракобесие менее радикальными формулировками. Только написанное пером не вырубишь топором. Фундаментальные труды почитаемых фанатиков исторически зафиксированы.

— Вы двое чего добиваетесь? — прекращая полемику, сердито спросил Михаил.
— Не хочешь помогать — хотя бы не мешай, — ограничился этим Люцифер. — Мало нам изменников, так еще ты препятствуешь. От твоих ангелов теперь больше вреда, чем от демонов.
— А лучше помоги! Не нам, так людям! — ничуть не удовлетворилась этой толикой Люмениферус. — Или тебе нет дела до их смертей и горя?

Вопрос прозвучал провокационно. Дело Михаилу очень даже было. Через внутреннее сопротивление, он нехотя признавал, что слова брата и сестры не лишены справедливости. Той самой справедливости, которой он всегда следовал и служил, и которую все чаще восстанавливал своим вмешательством. В отдельных случаях, он давно приходил на помощь людям, когда к одиночкам, а когда и к целым поселениям. В нынешней войне его присутствие увеличилось. Не выдерживая происходящего, он все чаще защищал невинных и обращал меч против виноватых. Это он признавал, и готов был несколько расширить поле своей деятельности. К сожалению, Люцифер и Люмениферус подразумевали большее. Они хотели полностью изменить божественный порядок, на что Михаил ну никак не мог пойти.

Взвешенность ответа скрыла неоднозначное отношение архистратига. Это позволяло оставаться нейтральным, не выходя за пределы полномочий.
— В мире действительно неладно. Возможно, он сломан, но это не нам исправлять, — негромко молвил Михаил.
— А кто его сломал? Мы с тобой, Адам с Евой или Люмениферус? — пытливо осведомился Люцифер. — Мир был таким изначально, и теперь движется к своему закономерному финалу. Если мы не вмешаемся — ему конец, не сейчас, так позднее. Не исключаю, что именно для этого и задуман Апокалипсис, на который уповают демоны. Не мной, причем, и никем из присутствующих.
— Да ты сам хотел его устроить! — теряя самообладание, вспылил Михаил.
— Хотел, — согласился Люцифер. — А теперь не хочу. А он все равно надвигается. Свалить на меня уже ничего не получится. Вот только людям от этого не легче.
— Я не пойду против бога! — отрезал Михаил. — Ты же об этом?
— Мне известна суть замысла мятежников. Если я и Люмениферус не справимся — людям конец, — жестко изрек Люцифер. — Можешь и дальше дожидаться милости отца, но гибель человечества будет и на твоей совести.
— Он его защитит! — убежденно ответил Михаил.

— Блажен, кто верует, — мрачно усмехнулся Люцифер.

Диверсии в новой преисподней окончательно прекратились. В присутствии сразу трех архангелов, желающих испытать на себе их силу не находилось. Падшие ангелы убрались куда подальше. Демоны также ничего не предпринимали, хотя их численность непрерывно увеличивалась. Это все больше беспокоило архистратига. Если он защитит творение Люцифера, то как минимум частично поддержит его новый мировой порядок. Если не вмешается — положение усугубится непредсказуемым образом. Напряженно размышляя, Михаил не понимал, почему не получает приказов от отца. Как на земле, так и в аду, дело окончательно принимало критический, доселе невиданный оборот. Хоть какое-то вмешательство становилось необходимо. Опасаясь допустить ошибку, он не осмеливался брать такую огромную ответственность на себя, но ни одного указания ему не поступало.

— Лучше бы ты как прежде правил адом. Глядишь, ничего бы этого не произошло, — выразил мысли вслух Михаил.

— Логика понятна. От бога исходит лишь добро, я сплошное зло, любые беды списываются на меня — всё всех устраивает, все довольны и счастливы, — презрительно улыбнулся Люцифер. — Устраивает даже тебя, брат. Чтобы не сломать свои убеждения, ты предпочитаешь видеть меня врагом всего сущего. Иначе у тебя не складывается картина мироздания.

Рассчитывая разговорить Люцифера, расставить все точки над i, Михаил более чем преуспел. Он выяснил всю подноготную, и даже не сомневался, что мятежный брат поведал ему чистую правду. Большую, нежели обычно, не скрывая ничего о своих подлинных намерениях. То же относилось и к Люмениферус. Сговорившись уже давно, Светоносные вынашивали планы, в которых теперь открыто признались. Запираться им более не имело смысла, однако тем самым это стало проблемой Михаила. Его замысел удался, и он оказался в чрезвычайно сложной ситуации. Бездействие означало прямое попустительство восторжествованию зла. Несанкционированное вмешательство автоматически приводило его в стан Люцифера.

— Давайте проясним окончательно, без казуистики и лишних прикрас. Я был вам нужен для того, чтобы сорвать печать с райских врат? Поднять второе восстание, и на сей раз привлечь на свою сторону все небеса? — неторопливо выговаривая каждое слово, спросил Михаил.

— В твоих устах это звучит довольно непривлекательно, но по сути верно, — отозвался Люцифер. — Мы хотим построить новый мир, где будет куда меньше боли и гораздо больше справедливости, а

без твоего участия это невозможно.
— Я хотела чтобы ты прозрел. Тогда тебя и уговаривать бы не пришлось, — несогласная с такой формулировкой, уточнила Люмениферус. — Надеюсь, ты понимаешь, что это не одно и то же.

Обойдясь без эксцессов, выяснение отношений подошло к концу. Деяния брата и сестры Михаилу не нравились, однако теперь он хотя бы имел представление, что к чему. Оба не пускали все на самотек. Вне зависимости от идеологии, они и впрямь пытались сделать хоть что-то, пока он не делал ничего.
— Не хочешь помогать нам — помоги хотя бы человечеству. Это тоже не одно и то же, — попросила Люмениферус. — Если угроза будет устранена, я распущу своих людей, а Люцифер не распространит на землю свой новый ад. Пусть все живут, как живут. Лишь бы вообще жили. Кто бы ни жаждал Апокалипсиса, мы все еще в состоянии этому помешать. ТЫ все еще в состоянии этому помешать.
— Двери в ад я не разблокирую, — помолчав, принял решение Михаил. — Красный Крест сможет работать без ограничений. Служители Люцифера тоже, но только в рамках борьбы с демоническим злом.
— Как щедро, — скривился Люцифер, и ойкнул, получив от сестры чувствительный тычок в бок.
— Если легионы демонов сунутся на землю, я их уничтожу, как я уничтожил бы любое воинство, нарушающее божественный порядок. Это моя обязанность, как архистратига, — продолжил Михаил. — Однако я не вмешаюсь, если они нападут на новый ад. Он не соответствует божьему замыслу, а я не вправе начинать войну между небесами и преисподней.
— Ты же понимаешь, к чему это приведет, — мрачно заметил Люцифер.
— Я пришлю ангелов. Немного, но для виду достаточно, — ответил Михаил. — Они будут присматривать за тобой и твоим творением, чтобы ты не выкинул что-нибудь неприемлемое. С приличной вероятностью, их присутствие сдержит агрессию архидемонов. Пока я здесь, они не осмеливаются напасть. Надеюсь, так будет и впредь.
— А если нет? — пытливо осведомилась Люмениферус.
— Значит, блеф не удался, — качнул головой архистратиг.

Пресловутая синица в руках не всегда лучше журавля в небе. Разобравшись, что к чему, Михаил не стал врагом Люцифера и Люмениферус, однако их планы на новый мир оказались призрачными как никогда. Быть может, вообще утратили шансы на реализацию, причем навеки. В дальнейшем, какие-то беседы с Ми-

хаилом не исключались, да много ли будет с того толку. Все основное он уже знал, и добавить было особо нечего. Так, по мелочи. Теперь его позицию могло поколебать только нечто принципиально иное. Нечто такое, что потрясет его фундаментально, вынуждая пересмотреть свое отношение к замыслам Светоносных.
— Спасибо и на том, — грустно подытожила Люмениферус. — Я бы зачахла от горя, сочти ты меня своим противником. Но сделай еще одно одолжение. Пришли сколько-то ангелов в Красный Крест. Пусть помогут моим медикам, пока я тут. Мне надо поддержать Люцифера, если его бывшие подданные все-таки пойдут войной. Люди на земле страдают, но пока твои дозорные не займут посты, я его не покину.
— Хорошо, — мгновение поколебавшись, кивнул Михаил. — Тогда, полагаю, на этом все. Надеюсь, впредь у нас больше не возникнет недоразумений. Это пойдет на пользу всем, и я…
Прервавшись, он не договорил. Переведя встревоженный взгляд, он изменился в лице и стал вслушиваться в пространство.

Срочные сообщения посыпались как из рога изобилия. Оставаясь на связи с ангелами, военачальник небес слышал свою армию постоянно. Он слышал ее даже в аду, хотя и не настолько ясно, нежели на земле. Отвлеченный дискуссией, выясняя отношения с братом и сестрой, он сосредоточился на их речах насчет справедливости и устройства мира. Обдумывая аргументы, поступавшие доклады он не игнорировал, но пристального внимания им не уделял. В условиях войны там витало привычное напряжение, то есть ничего кардинально нового он не узнавал. Не узнавал ничего такого, что потребовало бы его отдельного приказа или личного участия. До этого самого момента. Фокусируясь в своем разуме, архистратиг анализировал послания дозорных ангелов, рассредоточенных по всей земле. Из отдельных областей их количество многократно возросло, а содержание вызвало немалую тревогу.
— Мне надо идти, — несколько нервозно произнес Михаил. — Действуем, как договаривались.
И тут же удалился, не утруждая себя долгими прощаниями.

Оставшись вдвоем, светоносные архангелы озадаченно переглянулись. Чтобы ничего не усугублять, они не препятствовали поспешному уходу брата, однако не оставили это незамеченным.
— Похоже, что-то произошло. Михаил очень взволнован, — обеспокоилась Люмениферус. — Его эмоции забурлили как ведьмин котел.
— После того, что мы ему наговорили, кто угодно бы разволновался, — заметил Люцифер. — Однако ты права. Уж больно шустро

он сбежал. Он всегда так делал, когда я его допекал, но сегодня мы достигли хоть какого-то согласия. Что-то здесь не так.
Обратившись взором в пространство, он принялся вызывать своих служителей, запрашивая новости и веля держать ухо востро. Следуя его примеру, так же поступила Люмениферус. Не покидая новый ад, она связалась со своими людьми. С теми из них, кто в ее отсутствие управлял всеми делами Красного Креста.

Не обладая обширной сетью, множеством ушей и глаз в виде скаутов архистратига, Люцифер и Люмениферус довольствовались более скромным арсеналом. Его возможности были существенно ограничены, не идя в сравнение с армией ангелов. Что бы ни взволновало Михаила, до их людей это пока не дошло. Пребывавших в неведении, светоносных подмывало лично отправиться на землю, благо что служители призывали Люцифера довольно быстро, а Люмениферус и вовсе в этом не нуждалось. Их обоих, однако, сдерживали демоны.

Легионы преисподней никуда не делись и в любой момент могли перейти в тотальное наступление. Кроме того, предмет озабоченности Михаила не обязательно находился на земле. Его присутствие, порой, требовалось и на небесах, не говоря уже обо всей обширной Вселенной. Имея это в виду, Люцифер и Люмениферус никуда не отправлялись, бросая новый ад на произвол судьбы. Как залог безопасности, они оставались в его пределах, пребывая в контакте со своими людьми. Так продолжалось какое-то время, без всяких особых изменений, пока архангельское чутье не испытало нечто очевидно нетривиальное.

Первым издал тихий возглас Люцифер. Как владыка ада, пускай и утративший прямую власть, он по-прежнему ощущал его процессы. К вратам преисподней разом прибыло довольно много душ. Люди постоянно умирали, и в масштабах планеты значительным числом, однако в краткосрочный период оно вдруг единовременно и заметно выросло. Вслед за этим в сознании Люцифера зазвучали доклады от оцеров, хранивших врата и встречавших грешников. Они сообщали ему причины смертей, сочтя их необычность достаточным основанием для извещения Утренней звезды. Тут же зазвучали и молитвы служителей, ибо так они общались со своим лордом. Их информация полностью совпадала с той, что уже распространялась по преисподней.

Посмотрев на сестру, Люцифер поймал ее смятенный взгляд. На ее лице отражались непередаваемые чувства. Тихо вскрикнув, она подтвердила дурную весть. Приходя извне, эмоциональный фон зашкаливал. Извещение из Красного Креста, поступившее сразу от множества агентов и медиков, не оставило никаких со-

мнений в происходящем.
— Я туда! — взбудоражено воскликнула Люмениферус.
— Я с тобой! — схватил ее за руку Люцифер.
— Останься! Ты нужен здесь! — возразила сестра.
— Не так, как там! — безоговорочно отринул Люцифер. — Боюсь, это только начало!
— Тогда поспешим! — сообразив, к чему это было сказано, ужаснулась Люмениферус.

Один за другим, светоносные архангелы покинули ад — Люмениферус немедленно, а Люцифер чуть погодя, когда его призвали дежурные служители. Надолго они не разминулись. Они снова встретились на земле, ибо прибыли в одно и то же место. Испустив запредельный жар, ослепительная вспышка уже угасла, обратив все живое вокруг в сажу и пепел. Ударная волна улеглась, разойдясь далеко окрест и оставив после себя одни руины, но ее сменили неистово полыхавшие пожарища. Расходясь от эпицентра, где зияла огромная глубокая воронка, они краснели и чадили удушливым плотным дымом. Над ними, раскидывая бурлившие серые клубы, в атмосферу вздымался зловещий ядерный гриб.

– 8 –

Распространяясь бесконтрольно, атомное оружие гарантированно приводило к атомной же войне. По мере расползания по земле, вероятность его применения стремительно нарастала, ибо смертоносные арсеналы все больше зависели от множества факторов. Смена правительства, пришедшие к власти радикалы, гражданские междоусобицы или элементарная коррупция сулили непредсказуемые последствия, если в штормовом центре неопределенности оказывались ядерные боеголовки. Идеологические фанатики — как светские, так и религиозные, — окончательно превращали их в чертика из коробочки, где кнопка активации могла сработать на любое, даже самое незначительное потрясение.

Пресловутый клуб ядерных держав выглядел двояко. С одной стороны, он представал узурпатором военной технологии, не позволяя обрести ее никому другому. Преследуя сугубо эгоистичные интересы, его члены и впрямь не желали, чтобы кто-то составил им конкуренцию, предпочитая безоговорочно доминировать на мировой арене. С другой, это ограничение позволяло сохранять и без того хрупкий мир.

Заполучив атомное оружие, любая средняя и тем более малая страна испытала бы огромный соблазн его применить. Не обладая значительным военным потенциалом, не способная решать сило-

вые проблемы неядерным путем, она всегда имела бы в запасе сокрушительный заряд, превращающий превосходно оснащенную армию противника в ничто. Хуже того — целый город, уничтожением которого она вполне могла бы шантажировать до выдвижения заведомо невыполнимых требований. Впрочем, даже это не шло в сравнение с угрозой, попади отдельная атомная бомба к частному лицу, начиная от возомнившего о себе миллиардера-одиночки и заканчивая террористическими группировками. Клуб ядерных держав этого не допускал. Прекрасно понимая, что поставлено на карту, они бдительно хранили свои интересы, и тем самым невольно оберегали интересы всего мира.

Хорошо продуманное, технически сложное, промышленное производство исключало несанкционированную детонацию ядерного заряда. Исходя из того, что однажды он может быть украден, либо попадет в распоряжение спятивших военных, инженеры позаботились, чтобы это не причинило никакого вреда. Атомные боеголовки обладали множеством степеней защиты. Во-первых, в них было совершенно бесполезно стрелять или пытаться взорвать воздействием извне — например, гранатой или даже ящиком динамита. Это лишь выводило высокотехнологичное устройство из строя. Во-вторых, они приводились в боеготовность только введением особого кода, поступавшего от верховного командования. Три ошибки подряд также превращали ядерный заряд в утиль, бесполезный без заводского вмешательства. В-третьих, отдельным рубежом защиты выступали сугубо физические факторы, на основе скорости, давления и высоты. Например, ядерный заряд принципиально не взрывался на земле, а окончательно взводился только будучи сброшенным с самолета или же доставленным ракетой. Это максимально предотвращало любое случайное вмешательство, оставляя применение атомного оружия квалифицированным и уполномоченным в законном порядке профессионалам. К сожалению, максимально предотвращать не означало гарантировать.

В сложной политической ситуации, загнанные в угол набором своих и чужих решений, иные правительства вполне могли пойти на тяжкое преступление против человечества. А именно, передать некой третьей стороне ядерные материалы и технологии, в руках специалистов вполне способные привести к созданию бомбы. Никакие сверхъестественные требования здесь не предъявлялись. Сама по себе, конструкция была довольно проста. Все упиралось в сложность производственной оснастки, недоступную обычным людям, и сугубо специализированные ресурсы. Обогащенный уран или плутоний тоже не продавались на каждом углу. Кустарное изготовление все равно требовало развитых промышленных ресур-

сов, которыми как раз и обладал только клуб ядерных держав, плюс пара-тройка стран, которая официально в него не входила. Лишь они были в состоянии передать фигуральную бутылку, чтобы чьи-то другие руки выпустили из нее джинна. Вступая в закулисный сговор, кто-то из прогнивших, теряющих власть и авторитет правительств это очень даже допускал.

Устроенная как сложно, так и просто одновременно, человеческая психология часто мыслила категориями "После нас хоть потоп". Это означало, что отдельные индивиды, не особо и задумываясь, ставили на кон все, невзирая на последствия для окружающих. Порой, последствия фатальные, с заведомо фатальным же развитием событий. Когда речь заходила об обычном гражданине, не влиявшем на судьбы мира, это было еще туда-сюда. Если же в роли такого эгоиста выступало государственное лицо, наделенное широчайшими полномочиями, да еще и не одно, а целой группой, все могло обернуться крайне скверно.

Иным продажным душонкам просто не было дела до того, что они творят. Они рассуждали на уровне личной ущербности, игнорируя последствия даже для своего народа, и уж тем более чужого. Увязнув в череде заблуждений и просчетов, пожиная их естественные плоды, они не признавали персональной некомпетентности. Их больное самомнение, чувство собственного величия не могло смириться с осознанием реальной ничтожности. Вцепившись в свои ошибки как бульдог, исходя на слюну, состоявшую из чистейшей злобы, они не разжимали челюстей до самого конца. Они предпочитали раздувать конфликт, всякий раз выходя на новый уровень эскалации, нежели признать неправоту и пойти на попятную. Этого не позволяло нездоровое эго, вкупе с проплаченным служением чужим интересам. Продажным высокопоставленным ничтожествам было все равно. Насквозь гнилые, с давно разрушенной моралью, они опускались до того, что тайком передавали ядерные технологии, хотя прекрасно сознавали, к чему это приведет.

В силу недалекого ума, иные правители, возможно, и впрямь воображали, что добьются своего чужими руками; сумеют отсидеться в стороне, пока другие горят в атомном пламени. И уж точно рассчитывали отсидеться в бункере, достаточно надежном, чтобы выдержать ядерный удар. Жизненные реалии, однако, заключались в том, что это оружие не ведало эпизодического использования. Единожды сдетонировав, сначала оно запускало атомную реакцию, а затем и военно-политическую, вызывая закономерные и вполне предсказуемые последствия.

Мощность заряда значения не имела — его имел только сам

факт применения. На ядерный удар можно было ответить только другим ядерным ударом. Этого требовала элементарная логика, основанная на инстинкте самосохранения. Противник всегда прощупывает границы дозволенного, пока хорошенько не получает по зубам. И если не получает — продолжает наглеть по нарастающей. Беззубые дипломатические демарши или обычные войсковые операции исключались, как несоответствующие уровню агрессии. Отсутствие надлежащей реакции автоматически открывало врагам врата для дальнейшей и куда более масштабной бомбардировки. К сожалению, атомный ответ уже и сам становился поводом для эскалации. Критическим поводом, проигнорировать который было никак нельзя.

Никто заведомо не знал, куда именно летят ракеты, и играть в смертельную угадайку не хотел. На одну волну запуска приходилось реагировать другой. Превентивный ядерный удар обладал несомненным преимуществом, ибо он предполагал выведение из строя ядерного арсенала неприятеля. Людей пугала не атомная война, а атомный ответ. Знай они заранее, что противник не сумеет нанести неприемлемый ущерб, любое правительство без колебаний уничтожило бы геополитического конкурента. В этом заключался принцип ядерного сдерживания. Опасаясь получить сокрушительной сдачи, иерархи избегали последнего аргумента, однако это табу автоматически снималось, когда в любом боевом применении испускал свое страшное сияние хотя бы один атомный заряд.

Прецедент провоцировал вынужденную реакцию, а она, в свою очередь, череду взаимосвязанных событий. Риски были слишком велики, и никакие, пусть даже на самом высоком уровне, горячие линии тут не помогали. Ответный ядерный удар порождал другой ответ, пока ракеты еще летели. Никто не дожидался, когда они достигнут цели, чтобы тем самым уяснить, кого они собирались уничтожить атомным зарядом, и несли ли его вообще. Психология ядерной эскалации не оставляла людям выбора. В ядерной войне не предполагалось победителей, но можно было оказаться проигравшим. Не имело значения, кто именно первым нажимал условную кнопку. Как только стартовали ракеты, ее нажимали все.

Никто и не планировал нападать на новую преисподнюю Утренней звезды. Стратегически это не имело особого смысла. Замысел заключался в том, чтобы создать видимость такой угрозы и тем самым отвлечь на нее внимание. Что в итоге и произошло. Собравшись все втроем, архангелы опять занялись совсем не тем, чем следовало бы. Выясняя отношения, на сей раз они не разруга-

лись, а наоборот — сумели добиться определенного согласия, но это уже ничего не значило. Архидемоны смогли устранить тех единственных, кто все еще был в состоянии им помешать. Ненадолго, однако большего и не требовалось. Не просто, ой не просто так они не впервые повторяли слова "Это уже ничего не изменит", склоняя их на разные лады. Люди сами определяли свою судьбу. Их следовало лишь немного подтолкнуть, взывая к страстям, нагнетая напряжение, и в итоге провоцируя на последний, становящийся роковым и необратимым шаг.

Не отрицая прошлого, в прежние времена Люцифер искусно губил человечество, воспылав к нему той еще ненавистью. Разница заключалась в том, что он не хотел его физически уничтожить. Это было бы слишком просто, и не доказало отцу всю несостоятельность его любимого творения. Люцифер желал его совратить, и стремился к тому, чтобы львиная доля людей угодила в адские объятия. Оттого он и пускался на всякие ухищрения, чтобы искушать, а не истреблять. Не разделив его изменившихся взглядов, иерархи преисподней пошли другим путем — более прозаическим, зато быстрым и эффективным. Им и впрямь было ни к чему совращать всех и каждого. Даже большинство. Горстка отвратительных, мнящих себя элитой людей, чьи души уже очернились дальше некуда, в итоге решала будущее всего человечества. И этим будущим становился ядерный Апокалипсис.

Дошедший с небес, описанный в религиозных текстах, Апокалипсис кем только ни упоминался, но довольно расплывчато и на разные лады. Верующие не подвергали сомнению лишь саму его перспективу, однако точно не ведали, в чем именно она заключалась. Оттого в разных религиях тот и представал поразному. Следовало отметить, что на сей раз никакой фундаментальной ошибки, основанной на домыслах, ложных учениях и заблуждениях, они не допускали. Божественный порядок определял лишь суть того, что иначе называлось Концом света. Во всем остальном конкретное его воплощение нигде не фигурировало. Иначе говоря, Апокалипсис мог выражаться как угодно, лишь бы приводил к концу существования человечества.

Пребывая в конфронтации с богом, вечной и непримиримой, архидемоны не располагали силами сразиться с ним открыто. Они были бесконечным и чистым злом, но не дебилами. Пойдя окольными путями, они использовали законы божественного мироздания. Возможностей там хватало, и принципу Апокалипсиса они следовали буквально. Уничтожение человечества открывало им путь к вторжению во Вселенную. Устроив на земле пресловутый ад, они обретали плацдарм, с которого вполне могли осуществлять

свою дальнейшую экспансию. Любимое творение бога становилось уязвимым местом его замысла и оружием в руках врагов всего сущего. Желая погибели человечества, падший архангел Люцифер хотел свергнуть отца и править сам. В отличие от него, архидемоны мечтали о полном возвращении мироздания во тьму. Пока Утренняя звезда их возглавлял, они соглашались принять его потенциальное владычество, которое приносило им неплохие дивиденды. Непримиримое расхождение во взглядах развело их по разные стороны. Подняв мятеж, архидемоны пошли своей дорогой, и останавливаться уже не собирались.

Глобальная и безжалостная, ядерная война превращала землю в преддверие ада. Она разрушала человеческую цивилизацию, не оставляя ей для спасения даже малейших островков. Уцелевших ждал не только радиоактивный кошмар с полностью разрушенной инфраструктурой, сгинувшими социальными институтами и свирепой борьбой за выживание. Последним гвоздем в крышку гроба становилась сама планета. Испепеление континентов, несчетные атомные взрывы порождали продолжительное и катастрофическое изменение климата. В кратчайшие сроки, оно губило всю высокоразвитую флору и фауну, тем самым делая землю непригодной для существования. Как следствие, люди вымирали не потому, что после ядерной войны не сумели бы адаптироваться. Они лишались ресурсов, необходимых для поддержания жизни.

Разыгрываясь как по нотам, адский сценарий опирался на незыблемые фундаментальные основы. Апокалипсис становился целью. Инструментом для ее достижения было само человечество. Открытое вмешательство исключалось. Как ангелам, так и демонам запрещалось применять к людям свою силу. Они влияли на их судьбы только обходными способами. Сунься иерархи ада напрямую, архангел Михаил тут же обрушил бы на них все небесное воинство; схлестнувшись в тотальной войне, человечество не допускало его участия. Наделенное свободой выбора, свою судьбу оно вершило само, даже если этой судьбой становилось взаимное уничтожение. Как бы ни печалился архистратиг, он не мог навязать людям свою волю. То же относилось и к Люциферу с Люмениферус. Созерцая ядерный гриб, чья бугристая шапка вздымалась в атмосферу, они холодели от осознания грядущего. Грядущего, которое уже наступало, ибо по всей земле диктовались коды запуска, и ракеты во множестве покидали шахты.

Предотвращать уже отданные приказы было поздно. От отдельных людей теперь не зависело ровным счетом ничего. Поспей архангелы вовремя, они, быть может, и сумели бы отвести услов-

ную руку от роковой кнопки. Увы, момент был упущен безвозвратно, и они имели дело со свершившимся фактом. Приняв решение, люди передали все дальнейшие процессы в ведение ими же выстроенной системы. Отныне всем заправляли бездушные протоколы, процедуры и техника. Следуя инструкциям, военные исполняли то, что неоднократно отрабатывали на учениях. Остановить их мог бы только новый приказ с самого верха, да и то не всех и каждого. И этот приказ все равно никто бы не отдал. Велеть своей армии ничего не предпринимать, когда на твою страну летят ракеты неприятеля, было бы натуральным предательством и вообще безумием. Люди действовали по ситуации, хотя она и вела их к глобальной катастрофе. Люцифер убедился в этом сам. Не теряя времени, он переместился в один из центров принятия решений и потребовал все отменить.

Установленный самим богом, закон запрещал публично вмешиваться в жизнь людей, да еще и что-то от них требовать. Ввиду критической ситуации, Люцифер откровенно это проигнорировал. Времени оставалось в обрез, и он поступил радикальным образом. Сидевшие в бункере, высокопоставленные чины узрели Утреннюю звезду во всей его красе и величии. С раскрытыми крыльями, испуская белоснежное сияние, он громогласно потребовал остановить ядерную атаку.

Явление архангела, да еще и того, кого именовали дьяволом, произвело на людей ошеломляющее впечатление. К сожалению, беспрекословно подчиняться они не торопились, в том числе потому, что пребывали в смятении и прострации. Задействованные протоколы просто так не отключались. Драгоценные минуты, тем временем, уходили. Не добившись результата по-хорошему, Люцифер перешел к принуждению. Чтение душ не затянулось. Узнав все необходимое, он лично и незамедлительно попытался все отменить. Архангельская сила могла и не такое, позволяя подставлять биометрические данные, вводить нужные коды и отправлять надлежащие приказы, причем очень быстро и почти одновременно. Но это немедленно аукнулось. Люцифер сумел приостановить только часть запущенных процессов, когда осознал, что его возможности резко ограничились.

Земля накладывала свои законы, и речь шла отнюдь не про физические. Бог позаботился о том, чтобы его воля исполнялась. Любое заметное вмешательство влияло на архангелов, и чем значительнее оно было, тем сильнее проявлялись его последствия. Испепеляя грешника или исцеляя психику ребенка, Люцифер на время утрачивал некоторые свои способности. Пока эффект не проходил, он оставался видимым для людей. То же относилось и к

пространственному перемещению. Используя крылья, летать он по-прежнему летал, однако мгновенный переход становился невозможен. Подменяя сразу множество чинов, управляя от их имени армией людей, Люцифер проявил себя на земле дальше некуда, и божественный запрет сказался незамедлительно.

Исходившие от Утренней звезды, все потоки данных немедленно прекратились. Он уже не отдавал приказы, выдавая себя за генералов, и не контролировал коды отмены. Техника перестала ему повиноваться, в той ее части, что относилась к глобальному вмешательству. Люцифер по-прежнему мог быстро просмотреть какую-нибудь базу данных, повернуть силой воли рубильник или сотворить новый объект, причем любой технической сложности. Командовать армией он при этом перестал, не в состоянии запретить ей ядерную эскалацию. Частично преуспев, во всем остальном он внезапно оказался совершенно бессилен. Ракеты, тем временем, продолжали взлетать.

Ядерное оружие делилось на стратегическое и тактическое. Средства доставки также различались. По-разному дислоцированные, одни боеголовки стояли на боевом дежурстве и были сразу готовы к запуску, едва поступал соответствующий приказ. Другие требовали подготовки, но она уже вовсю велась. Авиация поднималась в воздух, наземные мобильные комплексы выходили на позиции, подводные лодки совершали маневры. Законсервированные ядерные боеголовки были не в счет, ибо оперативно не устанавливались, но все остальные быстро разворачивались и отправлялись на цели эшелон за эшелоном. Со всей своей великой мощью, способной испепелять легионы ада, Люцифер оказался не в состоянии этому помешать.

Разделившись с братом ради большей оперативности, Люмениферус боролась с кризисом в другой части света. Действуя схожим образом, она точно также стала влиять на центр принятия решений, в ведении которого находилось управление армией вообще и ядерными силами в частности. Времени на убеждение не оставалось. Взмахнув, для верности, крыльями, она рассчитывала очаровать людей, чтобы те слушались ее беспрекословно. Это у Люмениферус, как обычно, получилось. Даже пропащие души, уже не способные принять ее свет, подпадали под временный эффект, исполняя любой приказ прекрасной госпожи. Правда, толку с этого не вышло. Прямое управление человеческими судьбами пресек все тот же божественный закон.

Пребывая в подчинении у архангела, нарушавшего их свободу воли, люди в центре принятия решений не решали ничего. Едва они отдали первые распоряжения, как все их дальнейшие уси-

лия уже ни к чему не приводили. Добившись незначительного результата, во всем остальном они утратили свои законные полномочия. Всякая связь попросту обрывалась. Отдавая не свои приказы, пребывавшие под контролем люди лишались возможности их отдавать. Их никто не видел и не слышал, и техника на их запросы не реагировала. Они не утратили контакт с внешним миром. В общем и целом, все по-прежнему работало, но только не тогда, когда Люмениферус пыталась глобально на что-то повлиять. Компьютеры не отказывали, линии связи функционировали, и формально она имела доступ везде и ко всему. Этот доступ, однако, сразу буксовал, не пропуская ни единого слова или команды, едва она нарушала фундаментальное правило.

Используя свой дар, Люмениферус поступила не так, как Люцифер, но в конечном счете результат получился идентичным. Оба архангела не могли влиять на развитие событий, как бы ни пытались изменить свою тактику или действовать в обход. Всякий раз их силы нивелировал закон, установленный богом для мира смертных, и чем настойчивее они старались его преодолеть, тем значительнее на них это влияло. Стремясь добиться большего, они приходили к меньшему.

Пытаясь остановить ядерные удары, Светоносные не только не преуспели, но теперь не могли даже мгновенно перемещаться, объявляясь в любом месте на планете. Пространственный переход стал для них недоступен — относительно ненадолго, но до них не сразу дошло, что это сейчас значило. Иное подлетное время исчислялось какими-то минутами. Системы противоракетной обороны сбивали только часть приближавшихся целей, и первые атомные вспышки не заставили себя ждать. Тогда Люцифер и Люмениферус осознали, что они не в состоянии их предотвратить.

Ядерное оружие не делало исключений. Поражая на огромной площади, оно забирало всех, кто попадал в его страшные объятия. Одних оно фактически растворяло в самой реальности, разлагая в эпицентре на элементарные частицы. Другие, под воздействием чудовищной температуры, горели заживо до сплошного пепла. Обожженных поодаль, но еще живых, накрывала ударная волна, поначалу сметавшая в порошок даже железобетонные конструкции. По мере удаления от воронки, она убивала и калечила все меньше, и лишь под самый конец усмиряла свой крушащий бег. Тогда за уцелевших принималась радиация.

Кто не ослеп, глядя на атомную вспышку, не сгорел дотла и не был расплющен жестоким ударом, все равно умирал, однако не сразу, а несколько погодя. Смертельное излучение зашкаливало, и решительно всем, кто не скрывался в надежном убежище, оно вы-

носило свой неумолимый приговор. Куда милосерднее было бы погибнуть сразу, нежели промучиться еще довольно много дней, теряя волосы, зубы, и заживо распадаясь до такой степени, что сосуды начинали расползаться, уже не в состоянии перегонять испорченную, переставшую обновляться кровь. Но ядерное оружие не ведало жалости. Оно убивало всех, от стариков до младенцев, как военных, так и гражданских, вне зависимости от пола, расы или возраста. Его не волновало, кто был виновен, а кто нет, погряз в сплошных грехах или оставался праведным. Оно не судило и делало исключений. Оно забирало всех подряд, в слепящем ядерном сиянии принося на землю тот самый Апокалипсис.

Больше архангелов чувствовал только бог, а на их долю выпало нечто поистине неслыханное. Крича от боли и ужаса, люди продолжали кричать даже тогда, когда уже расстались с жизнью. Мужчины, женщины, дети — властитель душ, Люцифер слышал их всех, и не только попадавших в ад. Его обостренное, взбудораженное массовыми смертями восприятие улавливало общий фон, взорвавшийся несчетным количеством отчаянных голосов. Нечто похожее улавливала и Люмениферус. Пронзая само пространство, распространяясь быстрее света, нахлынувшие чувства едва не разорвали ее восприятие на части, жгли и кололи каждую частичку бессмертной сущности, оглушали запредельными страданиями и болью. Наполняя глаза, слезы полились крупными каплями. Там, где они падали, немедленно вырастал большой цветущий куст, но Люмениферус этого не замечала. Раздвигая перекрытия, она покинула центр принятия решений и понеслась сверкающим метеором.

Нивелировать ядерные взрывы было поздно и бесполезно. Люцифер осознал это первым, когда прилетел туда, где вырастали огромные зловещие грибы. Стараясь подавить вспышки на корню, он гасил атомное пламя, обращал ударную волну вертикально в небо. Выходило медленно и плохо. Сил и времени это требовало немало, а ужасный распад все равно прорывался через его архангельскую волю. Не ведая исключений, божественный закон ослаблял порыв Утренней звезды. Ему только и удавалось, что частично ослабить неистовый свет и сдержать ударную волну. Свет, похожий на его собственный, но уничтожавший не зло, а все живое без разбора. Люди все равно погибали. Их жгучая боль вблизи резонировала еще страшнее, а ядерные взрывы продолжали нарастать, непрерывно прибавляя в численности и площади.

Словно под лавиной, ударившей сразу со всех сторон, одновременно в центре неистового тайфуна и у взорвавшегося ядра рухнувшей кометы, Люцифер непрерывно слышал кричавшие го-

лоса. Особенно голоса детей, ставших безвинными жертвами чужих страстей. Среди всех прочих, он давно научился их выделять, чтобы в первую очередь приходить на помощь наиболее юным и беззащитным. Рвался он и теперь. Его остановила только воля. Преодолев эмоции, стремительно захлестывавшие расчетливый разум, она велела сдержаться. Спасая единицы, он тем самым обрекал на гибель миллионы. Последующее решение было поистине кошмарным. Оставляя детей гореть в атомном огне, он намеренно действовал рационально.

— Сбивай ракеты! Сжигай самолеты! — взлетая повыше, крикнул Люцифер, обращая эти слова к сестре.

Прогремев в атмосфере, голос на небесном языке сочетался с зарницами, спрайтами и эльвами. Люцифер не сомневался, что Люмениферус его услышит. Он ощущал, как она применяет свою архангельскую мощь для спасения юных жизней, выхватывая их из объятий атомного пламени. Движимая эмоциями, пылавшими сильнее, чем неугасимый огонь в аду, она по сути тушила пожар из чайной ложки, маленькой и дырявой.

— Сбивай все, до чего достанешь! Теперь мы можем только это! — содрогая пространство, продолжал громыхать Люцифер.

Люмениферус слышала его и нет. Она понимала значение слов, но была слишком чувствительна, чтобы расчетливый ум преодолел мятущееся сердце. Теряя драгоценные секунды, каждая из которых оборачивалась множеством смертей, она уберегала немногих, пока гибли очень и очень многие.

Взмахнув мечом, чей клинок отливал белым звездным светом, Люцифер испустил волну, разложившую на молекулы все носители ядерного кошмара в ближайшей досягаемости. Затем предельно напряг свою мощь, обращая ее к Люмениферус. Он не полетел непосредственно к ней, находившейся на другом континенте — это стоило бы жизни еще сотне миллионов. Он прямо-таки ворвался в ее сознание, представая в нем так, словно и впрямь находился рядом. Теперь это было вполне осуществимо. Энергетическое возмущение превзошло все известные пределы, да и скрываться более не имело смысла. Нарушая божественные законы, Люцифер теперь делал все, что у него вообще получалось.

— Возьми себя в руки! — протянув к сестре ладонь, снова вскричал он. — Сбивай все что летит! Сбивай, пока можешь и пока не упадешь!

Один шок преодолел другой. Сообразив, что так до сестры не достучаться, Люцифер обрушил на нее тот еще удар. Ментальным потоком, он направил в ее сознание то, что чувствовал сам. А именно, всю боль погибавших людей, которых было несравнимо

больше спасаемых Люмениферус. И без того сотрясавшееся от эмоций, ее существо охватили сразу две приливные волны — собственного восприятия, сосредоточенного на ближайшем, и восприятия брата, передававшего картину в целом.
— Прости, — прошептал Люцифер, уловив, какие чудовищные страдания он ей причинил.
Но то была жестокая необходимость. Словно от звона колокола, внутри которого вдруг оказалась, Люмениферус встрепенулась, возвращаясь к менявшейся реальности. Проливая слезы, она прекратила спасение отдельных малышей и озарила небо целой серией свирепых вспышек.

Ракет было много. Очень много. Дислоцированные в шахтах, на подвижных наземных комплексах, кораблях, подводных лодках и самолетах, они представляли собой внушительный арсенал; самый настоящий Апокалипсис, многолико дремавший в их металлических корпусах. Стоило его пробудить — и он полноправно вырвался наружу, разминая затекшие плечи и пронзая все вокруг лучистыми очами. Ракеты взлетали волна за волной. Покидая шахты, они взмывали в небо серебристыми свечами, несущими не свет, а погибель всему живому. Отрабатывая по цели, опустошали свой боезапас подводные крейсеры, наконец-то дождавшиеся конечного смысла своего дежурства. Развернутые по всем правилам, стреляли из лесов и полей мобильные установки. Подняв на борт ядерную смерть, несла ее в лазурной выси стратегическая авиация.

Численность боеголовок, их носителей и конструктивных особенностей множилась на способы и эшелоны доставки. С такой масштабной атакой, полностью взаимной и охватившей всю планету, не справлялась ни одна система противоракетной обороны. Встречные ядерные вспышки действительно уничтожали вражеские заряды, но одновременно превращали окружающую территорию в адский огонь и радиоактивный пепел. Одно зло ликвидировалось другим, с конечно неизменным ужасающим результатом.

Попадавшие под удар, первыми жертвами становились те страны, чьи продажные власти открывали такой вот зонтик. Ядерный зонтик, сжигавший их народы для того, чтобы другой народ нес меньше потерь, а то и вовсе уцелел. Как рубеж противоракетной обороны, они не избегали атомного конфликта — они оказывались на передовой, лишь в последний момент понимая, какую сделали ошибку. Вот только исправлять что-либо было поздно. Теперь это не получалось даже у архангелов. Несущиеся к цели, ракеты отсчитывали время, оставшееся в жизни миллионов. Нет, уже не миллионов, а миллиардов. Глобальность ядерных ударов не

ограничивалась военными объектами. Их смысл заключался в том, чтобы нанести противнику заведомо неприемлемый ущерб. Этот принцип был заложен в саму идею ядерного сдерживания, уберегая людей от нажатия роковой кнопки. Когда ее все-таки нажимали, это означало гибель человечества.

Из-за особенностей доставки, ядерные бомбы представляли меньшую угрозу, нежели ракеты. Даже стратегическая авиация отстреливала последние с огромного расстояния, не приближаясь к ПВО неприятеля. Бомбы приходилось сбрасывать дольше и ближе к цели, хотя в конечном счете это ничего не меняло. Это был тот самый случай, когда не имело значения, один раз всю землю накроет атомными взрывами, или десять, сразу или несколько позднее. Некоторый смысл это имело только для архангелов. Определяя цели, в изобилии летевшие в небе, в первую очередь они уничтожали те, чтобы могли из одной породить множество.

Мгновенное перемещение, способное кардинально изменить ситуацию, теперь исключалось, и не потому, что Люцифер и Люмениферус начали с центров принятия решений. Даже сходу поступи они так, как в итоге стали поступать — все пришло бы к тому же результату. Нарушение божественного закона ограничивало их силы. При всем их могуществе, способном порождать и сокрушать целые планеты, им только и оставалось, что уничтожать небольшие физические объекты волей и мечом. Меч был эффективнее. Как воплощение архангельской мощи, он позволял проецировать ее на немалом расстоянии, выстреливая бесплотной энергией точно и неотразимо.

Любой крупный самолет, объявившийся в поле зрения Светоносных, тут же становился их приоритетной целью. Стратегическая авиация предполагала не защиту, а бомбардировку. Короткая вспышка, луч ослепительного света — и он обращался в груду оплавленных обломков. Обращался вместе со смертоносной начинкой и экипажем на борту. Люцифер и Люмениферус не желали гибели людей, но у них не оставалось выбора. Спасение летчиков, защищавших свою страну и всего лишь выполнявших чужой приказ, требовало дополнительных усилий, расплатой за которые становились жизни все тех же миллионов. Находившаяся в воздухе, сейчас почти любая цель была угрозой, и подлежала максимально быстрому уничтожению. Архангелы уже не волновались, что их заметит человеческий взор, спутники или иное оборудование. Поднявшийся хаос неплохо скрывал их сам, да и в ядерном кошмаре это не имело значения. Спасая человечество, они думали лишь о том, чтобы уничтожить как можно больше ядерных боеголовок. Желательно, все, но по объективным причинам это становилось

недостижимо.

Действуя в одиночку, Люцифер и Люмениферус не располагали армией, способной прийти им на подмогу. Люмениферус изначально оставалась одна, со времен создания садов Эдема. Небеса ее никогда не поддерживали, и с наказанием забвения лучше не стало. Ей и звать было некого, а Люцифер лишился своей гвардии. Как и люди из Красного Креста, ни земные служители, ни персонал новой преисподней не могли хоть как-то на что-то повлиять, а никого другого в его распоряжении не осталось. Падшие ангелы не объявлялись, как бы их ни звал Утренняя звезда. Даже те из них, кто еще сохранял ему хоть какую-то лояльность. В преддверии исхода, никто не желал ввязаться в заведомо безнадежное дело.

Уже начавшись, ядерный Апокалипсис полностью менял ход вселенской истории. Теперь Люцифер и Люмениферус априори считались проигравшими, вместе с уходившим в былое человечеством. А проигравшим никто не приходит на помощь, и особенно из тех, кто и прежде не торопился этого делать. Как бы они ни старались, Светоносные архангелы не поспевали везде и всюду. Хуже того, они поспевали вообще мало где. Вдвоем, они и летали только над двумя континентами, в то время как атомный огонь продолжал разжигаться по всей земле. Они сбивали лишь часть ракет, иногда умудряясь поражать их даже на огромном расстоянии. Увы, в общей массе это не особо что-то меняло. Уничтожив около трети ядерных зарядов, они не добивались ровным счетом ничего, поскольку для Апокалипсиса хватало и десятой доли рокового арсенала. Закономерный результат не заставил себя ждать. Расцветая в безмятежном небе, сияющие ядерные вспышки начали пожирать крупные города.

Люмениферус не смахивала слезы, проливавшиеся одна за другой. Ей было не до того. Проносясь подобием урагана, она крушила ракету за ракетой, обращая их в рассыпавшийся хлам. Высота или удаленность не были препятствием для ее острого взора. Самые неуязвимые для людей, запущенные выше стратосферы, тяжелые баллистические ракеты она поражала острием меча, откуда вырывался луч ее энергии. Достигая цели, он наполнял ее болью и яростью архангела, вызывая бурную и неудержимую детонацию. Ближние цели испепелял ее светившийся взор, а также сияние, исходившее от белоснежных крыльев. Волна за волной, Люмениферус использовала их как оружие, если и не уничтожая ракеты, то отклоняя их от траектории и отправляя в беспорядочное вращение. Авиация исчезала в белом пламени ее небесного огня. Даже сброшенные на позициях, бомбы не достигали расчетной

точки и высоты, лопаясь как воздушные шары.

Действуя на пределе возможностей, Люмениферус аннигилировала все, что оказывалось в ее досягаемости. Увы, этого было слишком мало. Ограниченная в подвижности, скованная неумолимыми законами отца, она неистово пыталась их превозмочь и терпела горькое поражение. Слезы застилали ей глаза. Всегда такая чувствительная, она не испытывала ничего подобного даже тогда, когда ей сообщили о гибели любимых ящеров. Сейчас она не рассуждала, не выбирала сторону и не следовала некому плану. Она думала только об одном — остановить ядерный кошмар, быстро и уверенно пожиравший всю планету.

В отличие от сестры, Люцифер и не помнил, когда ему доводилось ронять слезу. Возможно, никогда. Возможно, только раз, и то украдкой, когда, отверженный отцом, он утратил его любовь, а с ней и небеса. Никто этого не видел, а если такое и произошло — он не зафиксировал столь редчайшее событие в своей памяти. Или вычеркнул оттуда сам, подавив абсолютно нехарактерное для него воспоминание. Всегда и во всем, в нем доминировал исключительно разум. Он подавлял любые чувства, одерживал верх даже над самыми сильными эмоциями и не позволял поступать нерационально. Такая особенность, как слезы, в холодный и практичный рассудок принципиально не входила.

Не считая бога, Люцифер был самой умной сущностью в мироздании, чьи хитрость и расчетливость оказывались столь же велики, как сила и прозорливость. Его и провели лишь из-за гордыни. Не только падшие ангелы, но и все иерархи ада признавали превосходящий ум Утренней звезды. Они воспользовались его величием, порой доходившим до настоящей мании, и наглядно доказали, что даже самому изощренному разуму не стоит недооценивать своих врагов. Врагов, которых он и таковыми до поры не считал. Люцифер вынес свой урок, однако корить себя и сокрушаться было поздновато. Подавив эмоции, он сумел переключиться на уничтожение ядерных зарядов и бросал все силы на ликвидацию воздушных целей.

Только небом Люцифер не ограничивался. Примечая многое, он швырял оттуда сгустки энергии повсюду, где находил атомную смерть. Вонзившись в океан, один из них прошел сквозь водную толщу и не дал опустошить свои шахты очередной подводной лодке. Объяв ее целиком, архангельский свет обратил ее в пар и пепел. Люциферу было жаль погибших моряков, но еще больше ему было жалко тех, по кому они готовились ударить. Вскоре еще один подводный крейсер ощутил на себе его мощь, а затем и авианосец. Люцифер не мешал людям защищаться, но без колебаний уничто-

жал любые цели, которые продолжали нападать. Проявляя агрессию, авианосец привлек его внимание, за что и поплатился разложением на молекулы.

В творившемся хаосе, с перегруженными радарами и величавшим возмущением в электромагнитных полях, люди даже не разбирали, откуда приходил удар. Сияние от ядерного взрыва очень походило на сияние архангелов. Так или иначе, значения это не имело. Сейчас Люцифер не опасался, что его увидят и тем более узнают. Он боялся только одного — опоздать. Опоздать совсем, не в состоянии хотя бы частично предотвратить гибель человечества. И уже понимал, что не предотвратит — пока еще подсознательно, не позволяя отчаянию всколыхнуться и отравить его разум, залить безнадежной пеленой и тем самым ослабить как раз тогда, когда он и так действовал на пределе. Его подлинный настрой, понимание неизбежности Апокалипсиса выдала только слеза. Как нечто невиданное, она появилась у того, чьи глаза никогда даже не туманились и всегда оставались ясными. Скользнув по щеке, она сорвалась в его стремительном полете и упала, пролившись всеми страданиями невинных, муками сожженных детей и великой болью Утренней звезды.

Полыхнувшая вспышка походила на ядерную, но природа ее была другая. Там, где слеза Люцифера Светоносного падала на землю, возникала могучая творящая волна. Она останавливала все разрушительные процессы, унимала пожары, очищала воздух, устраняла радиацию и болезни. Тот, кто еще не погиб, был ранен, обожжен или изувечен, мгновенно исцелялся в ее всепроникающем и лучистом сиянии. Оно вспыхнуло раз, затем другой и третий, сопровождая стремительный небесный полет Утренней звезды. Скупые и одинокие, его слезы не текли, как у чувствительной Люмениферус, но каждая из них, невиданная до сих пор, производила мощнейший выброс целительной энергии, порожденной разделенными страданиями. Не только собственными, а всеми, с незапамятных времен и по сей момент. Всеми, что чувствовал первородный архангел, несущий свет врачеватель душ, одновременно ощущая все, что ощущали уже погибшие и продолжавшие гибнуть люди. Это придавало ему сил. Он знал, почему сражается, и сражается, не считая сестры, в полном одиночестве. Не за небесный трон или власть над Вселенной. Снова обнажив свой меч, он вторично поднял его против несправедливости отца, и на сей раз без всякого собственного умысла.

— Время решать, брат! — не строя иллюзий, к чему все идет, провозгласил Люцифер в само мироздание. — Другой возможности уже не будет!

Оставаясь вне пределов мира смертных, Михаил безмолвно наблюдал. О происходящем ему докладывали ангелы. Их ментальные, возникающие в сознании потоки дополняли общую живую панораму. С небес, планета представала архистратигу как на ладони. Он видел и слышал все, хотя и не присутствовал там, где от земли к облакам, дождю или солнцу, вздымались шапки ядерных грибов. Белые, серые, черные — их сумрачная цветовая палитра выражала то, где именно испускал свой убийственный свет атомный заряд, и из чего он состоял. Исцелять разные болезни люди так толком и не научились, зато в изготовлении орудий смерти проявили изрядную изобретательность. Сияние, подобное мощи архангела, они обратили не на созидание, а разрушение. Созерцая то, как оно пожирает цветущие поля, шедевры культуры и тех, кто их засеивал и создавал, Михаил передумал очень многое, испытывая самые противоречивые чувства.

Тщательно спланированная и хорошо подготовленная, провокация стала известна архистратигу еще в новом аду. Там, где он разговаривал с братом и сестрой, наконец-то придя с ними хоть к какому-то согласию. Встревоженные происходящим, ангелы отправили ему множество донесений, поступивших из разных мест. Суть сводилась к тому, что одна из воюющих сторон все же нанесла ядерный удар, и совсем не та, которая ожидалась. Она не обладала этим оружием, и сама не умела его производить. Она стала добровольным исполнителем, запускающим неудержимую эскалацию и в итоге Апокалипсис. Тайно получив все необходимое, из рук продажных прогнивших душ, она создала несколько зарядов не для сдерживания, а именно для того, чтобы их применить. Вот только взорвались они тоже не там, где рассчитывали кураторы. Во всяком случае, многие из них. Целью провокаторов, чьи черные сердца уже не ведали света и доброты, стали их собственные покровители.

Расцветая не где-нибудь, а в агломерации одной из самых развитых культур, атомный взрыв требовал немедленного и надлежащего ответа. Заранее науськанные, идеологически обработанные, правящие верхи уже не сомневались, как и кому станут отвечать. Разумеется, совсем не тому, от кого пришла сияющая, несущая смерть ядерная весть. Они заполучили великолепный повод, который выискивали годами и к которому так долго стремились, обходя друг друга в гонке оголтелой ненависти почище породистых рысаков. Разом оправдывая все свои просчеты, неадекватную риторику и откровенные преступления, они с энтузиазмом толкнули мир в огонь.

Рожденный в глубинах ада, расчет был и хитроумным и про-

стым одновременно, основываясь на психологии и реалиях. Нажать на роковую кнопку действительно требовалось только раз. Любой, кто это совершал, запускал цепную реакцию по всей планете. Давно лишенные совести и морали, живущие в каком-то своем сюрреалистичном мире, так называемые элиты сделали то, к чему их лишь слегка подтолкнули демоны. Обуянные злобой, окончательно утратив человечность, они развязали войну, которую сами себе придумали, сами к ней готовились, и в итоге сами же начали, рьяно обвиняя своего идеологического противника. Все остальное их уже не волновало. Они были готовы пожертвовать миллионами, лишь бы не перечить своей нездоровой, необратимо отравленной ненавистью психике. Вот только жертвовали они миллиардами, ибо эта ненависть порождала всепожирающее пламя, становившееся приговором всей планете.

Иерархам ада не требовалось совратить весь мир, подкупить всех и каждого, поголовно залить своим ядом человечество. Им было достаточно заполучить лишь горстку, возглавлявшую народы и имевшую руководящий доступ к арсеналу Армагеддона. Эта горстка и вершила общую судьбу. Вместо того чтобы заботиться о людях, многие из которых действительно ее избрали, она отказала им в праве на саму жизнь.

Уяснив, что происходит, Михаил установил, откуда взялся первый ядерный удар, и кто за ним стоял, но поделать все равно ничего не мог. Действуя с умом, демоны никогда не нарушали законы, установленные богом на земле, и тем самым лишали архистратига права вмешиваться. Они использовали одержимых, но только на добровольной основе, и при этом никогда не прибегали к ним в правящих кругах. Они лишь нагнетали обстановку, усугубляя экономические проблемы и разжигая рознь, начиная от национальной и заканчивая идеологической. Они делали это искусно и с размахом, оставаясь за кулисами и одновременно направляя потоки страстей. Иные религии утверждали, что бог действует руками людей. Особенность заключалась в том, что это работало и по отношению к преисподней. Разобравшись в человеческой натуре, на что у них были целые тысячелетия, архидемоны знали, кого использовать и куда нажать.

Никто не замечал одержимых среди глав государств, равно как иных ключевых фигур, просто потому что их там не было. Скрываясь в истинном обличье, иерархи ада появились лишь недавно, не столько нашептывая, сколько отвлекая внимание на себя. Даже без советников, источавших демоническую скверну, с поставленной задачей люди прекрасно справлялись сами. Человеческая власть носила отличительный характер, основанный на

противоестественном отборе. Это само приводило к тому, чего добивались исчадия ада.

Наследственная передача власти принципиально исключала справедливый отбор, но даже демократические институты в долгосрочной перспективе оказывались несостоятельными. Возможность выбирать любого приводила к тому, что однажды к власти приходил законченный мерзавец, который ее уже не отдавал, и для ее сохранения насаждал в правящих кругах таких же мерзавцев. Элита неизбежно трансформировалась. Честных и достойных выживали лживые и подлые, в том числе устраняя их физически. Однажды окопавшись, они уже никого не пускали в свой порочный круг, превращая выборы в публичный фарс.

Добрые и порядочные в принципе не шли по головам, и тем более не опускались до заведомого криминала. Продажные и безжалостные шли на любое преступление, лишь бы достичь желаемого. Эта особенность человеческой природы порождала закономерный результат. Наверх пробивались не самые добродетельные и достойные, а наиболее подлые и злые, отравленные жаждой наживы и ведомые ложным чувством собственного величия. С течением лет, другие во власть просто не попадали, а если там и оказывались, то не выживали. Они либо становились как все, либо их попросту устраняли представители сформировавшейся бездушной машины. Человеческая власть не терпела праведных. Едва уходили учителя и пророки, как ее быстро захватывали обуянные страстями иерархи и идеологи.

Исключение не составляла и религия. В своем изрядном многообразии, она находила, как оправдать все божьей волей. Манипулируя словами, истолковывая фундаментальные основы в свою пользу, религиозные иерархи добивались единоличной власти, умудряясь публично подменять собой бога. Иные даже объявляли себя непогрешимыми, чтобы окончательно устранить у верующих всякие сомнения. Апеллируя к высшим силам, туманя разум хитроумными выводами и рассуждениями, они становились правителями здесь и сейчас, якобы представляя тех, кто будет судить там и потом. Чему и удивляться, что им это очень даже удавалось, поскольку насквозь порочная борьба за власть оставалась совершенно безнаказанной. Самой своей сутью, греховной жаждой и деяниями, она наглядно предъявляла, чего стоит святость и непогрешимость иерархов. Слепая вера, однако, этого традиционно не замечала, а никто иной надлежащий урок не преподавал.

Небесное, как и адское, правосудие не торопилось, спрашивая с узурпаторов лишь после смерти. Вот только при жизни они сотворяли достаточно, чтобы вести человечество совсем не тем пу-

тем. В том числе, к погибели, к которой всегда приводило стремление к власти, пожиравшее иерархов еще у самых ног своих учителей и пророков. Не успевали те отойти в мир иной, как лучшие представители человечества превращались в худших, ради короны или пастырского посоха не гнушаясь любым злодейством. Они не только убивали друг друга — они сеяли в народах вражду, на почве ими же созданной религиозной розни веками проливая реки крови. Архидемоны не захватывали их разум, не скрывались в их смертных оболочках и не руководили ими напрямую. Они использовали их собственные страсти, лишая тем самым архангела Михаила законной возможности вмешаться и что-либо предотвратить.

Творившееся с человечеством происходило по воле самого человечества. Нюанс заключался в том, что подлинный выбор делали считанные единицы, однако фундаментальный божественный закон ничего по отдельности не оговаривал. Он гласил лишь в целом, не делая различий и не определяя частные случаи. Пастырь, ведущий свое стадо к пропасти, становился причиной его гибели, однако сама эта гибель не нарушала границы доброй воли. Слушаясь вождя, люди самостоятельно шли к своей роковой судьбе, хотя имели возможность этого не делать. Что, в прочем, как раз и оспаривал Утренняя звезда. Он утверждал, что принцип слепой веры лишает человечество всякого выбора. Нельзя судить его за то, что оно рождалось в кандалах чьих-то убеждений, с первого же крика в колыбели не позволявших выходить за насаждаемую идеологию. И уж тем более допускать его конец, наступавший не по воле миллиардов, а благодаря отдельным душам, еще при жизни сгинувшим во тьме. Но именно это и происходило, когда по всей земле зажигались ослепительные солнца ядерного Апокалипсиса. В обращенных к нему словах, это и услышал Михаил, когда до него донесся зов его брата Люцифера.

Вспыхивая все яростнее и чаще, атомный огонь испепелял уже не только военные объекты, но и целые города. Исчезая в страшном сиянии, люди горели заживо и обращались в пепел. Численность погибших стремительно росла, и это было лишь начало. Очень многие ракеты еще не достигли цели, а немалая их часть пока и вовсе не взлетела, ожидая свой черед как орудия возмездия. Михаил не оставался безучастным, хотя и выглядел таковым. С тяжелым сердцем, он с великим трудом глядел на землю, но не знал, чем и как может помочь. В сложившихся обстоятельствах, надлежащими полномочиями он не обладал.

Точечное вмешательство, отдельные ангелы-хранители уже ничего не решали и не изменяли. В масштабах Апокалипсиса, Ми-

хаил мог остановить этот ужас лишь глобально. Взывая к отцу, он неоднократно спрашивал, как ему надлежит поступить, но в ответ царило обычное безмолвие. Вывод напрашивался прежний. Что бы ни происходило на земле, оно до сих пор соответствовало божьей воле. Следовательно, всякое вмешательство исключалось, отчего архистратигу никаких указаний и не поступало. Ему предписывалось бездействие.

Поступая самостоятельно, давно не ограничивая себя велением небесных правил, Люцифер и Люмениферус были единственными, кто пытался все остановить. Для них первоисточник бед и горя роли не играл. Пронизанными болью, Светоносными движило чувство справедливости, взывавшее прекратить ядерный кошмар, однако их усилий не хватало. Ослабленные в могуществе, они метались над землей, уничтожая массовую смерть в рукотворном облике, и объективно не успевали. Внимательный и глубокий, взор архистратига уже успел оценить ситуацию — ее начало, развитие и грядущий исход. Он прекрасно понимал, что брат и сестра ничего не сумеют изменить, и это наверняка понимали они. Не могли не понимать, и все равно продолжали борьбу, словно пресловутый герой с ветряными мельницами. Та не имела смысла, но руки они не опускали. Они лишь все ярче испускали свет, проносясь в небосводе подобно падающим звездам, и будто сами желали сгореть в этом последнем стремительном полете. Сгореть вместе с теми, кого столь безнадежно пытались защитить.

Звучавшие в пространстве, слова Люцифера воспринимал не только архистратиг. Сказываясь повсеместно, глобальное возмущение накладывалось на неистовую, непрерывно испускаемую архангельскую мощь. Выжимая себя до последней капли света, взрывавшаяся от эмоций Люмениферус прямо-таки ворвалась в сознание брата полыхнувшей сверхновой. Обоих братьев, ибо слышали их теперь решительно все, кто вообще мог слышать голоса самых старших детей света.

— Михаил, да сделай ты уже хоть что-нибудь! — в отчаянии вскричала она.

— Ты говорил, что никто не посмеет установить на земле ад. И что ты не станешь колебаться. Вот только приказа тебе никто не отдает. Время выбирать, брат, — звучно воззвал Люцифер. — Сейчас, или уже никогда.

— Что я должен выбрать? — не выдержав накала страстей, глухо отозвался архистратиг.

— Быть слепым орудием пристрастной воли или поступать по справедливости. Слушать собственную совесть или глушить ее ложным чувством высшего долга, — будто впечатывая слова в ре-

альность, провозгласил Люцифер. — Не жди безропотно приказов. Выбор только за тобой. Но помни! Решение, которое ты примешь сейчас, уже не получится изменить.

Уходя от сложного вопроса, избегая давать прямой ответ, уверенности в котором он не испытывал и сам, Михаил традиционно промолчал. Без малейшей неясности, он осознавал, что подразумевает Утренняя звезда. Особых уточнений тут не требовалось. Миру людей наступал конец, а с ним и человечеству. Его породила божья воля. Так или иначе, оно всегда подчинялось ее законам, оставалось в отведенных ему границах, уповало на высшее правосудие и его справедливость. Теперь это правосудие воплощалось, но никакой справедливости Михаил в нем больше не усматривал. Мозаика его восприятия окончательно разваливалась. Нареченное любимым, детище отца пылало в ядерной катастрофе, а тот ничего не предпринимал. Он не остановил руку иерархов, не пришел на защиту праведным, не уберег от огня невинных и не спас безгрешных детей. Детей, которые теперь умирали миллионами, расплачиваясь за поступки человеческих идеологов и вселенские игры высших сил. Даже с величайшей натяжкой, шитьем самыми толстыми белыми нитками или хоть каким-нибудь абстрактным оправданием, справедливости здесь не было никакой. Абсолютно во всех смыслах, любовь, сострадание и милосердие горели атомным пламенем.

Воззвав к сестре через боль, что терзала в агонии *д*уши, Люцифер сумел направить ее на рациональный путь. С Михаилом, однако, он этого не сделал. Игры действительно кончились. Без внешнего вмешательства, наущений и уговоров, архистратиг должен был принять решение самостоятельно. Взывая к воле, голосу разума, справедливости и собственному Я, свободному от слепых приказов и навязанных решений, Утренняя звезда не мог навязывать их сам. Михаилу надлежало сделать выбор лично, каким бы в итоге тот ни оказался. Хитроумные слова, инсценировки, идеологическая обработка и внушение правоты — все это была шелуха, отныне непригодная даже в качестве казуистического перегноя. Теперь на сцену выступили факты. Голые факты, во всей своей неприглядной ослепительной красе. Факты, которые преподнес отнюдь не Люцифер. Считавшийся великим злом, не он привел человечество к погибели, и не он допускал, чтобы любимое детище бога обращалось в пепел ядерным огнем.

— Я никогда тебе этого не прощу! — обращаясь к архистратигу, с непривычными для нее интонациями неожиданно громыхнула Люмениферус. — Когда все закончится здесь, оно не закончится для нас! Я буду нападать на тебя вновь и вновь! Я буду пре-

следовать тебя до конца всего сущего и атаковать, пока либо ты меня не сразишь, либо я тебя! И не будет между нами другого исхода!

Озарившись сиянием, она ринулась с неба прямо в разгоравшуюся атомную вспышку. Закрыв ее собой, она поглотила смертоносную мощь, но из-за этого обессилила и сама.

Уже начавшись, ядерная реакция не причинила никому вреда, удержанная бесплотной сущностью архангела. Но для нее это без последствий не прошло. Защитив огромный мегаполис, Люмениферус упала на одну из крыш, раскинув тускнеющие крылья. Она была не в состоянии вернуться в вышину. Превозмогая все на свете, она снова нарушила божественный закон, и на сей раз настолько, что почти лишилась своего архангельского могущества. И совершенно напрасно.

Другие ракеты были на подлете. Не сумев отвернуться от безвинных жизней, Люмениферус спасла целый город лишь на какие-то секунды. Воссияв над землей, следующая ядерная звезда не заставила себя ждать. Выставив перед собой ладонь, из последних сил Люмениферус закрыла ближайшие здания. В одном из них была школа, где еще оставались насмерть перепуганные дети. В другом сиротский приют, который в начавшемся хаосе никто не эвакуировал и не пытался спасать. Достигнув заслона Люмениферус, чудовищный жар обошел его стороной, как и последующая ударная волна. Но все остальное сгинуло. Обратилось в пепел и руины, пожираемые неистовыми пожарами и запредельной радиацией.

На суровом лице Михаила очертились скулы. В небесных просторах, за пределами мира смертных, он смотрел и не видел ничего кроме страданий и нестерпимой боли. Всякая справедливость покинула несчастную землю. Не было на ней больше ни правды, ни защиты, ни даже утешения. Там, на ее пылающих просторах, все еще безнадежно бился Люцифер, отводя неотводимую погибель. Там же угасала, отдавая последние силы, Люмениферус, которая стала походить на бледную тень. Мятежные и опальные, непослушные и своенравные, светоносные брат и сестра пытались делать все, пока архистратиг не делал ничего.

По щеке Михаила скатилась слеза. Единственная слеза, скупая и тяжелая, как у любого небезучастного полководца, а в его лице величайшего военачальника. Искрой скользнув с небес, она пролетела сквозь эфирные просторы, миновала атмосферу и упала на землю, пробуждая в ее недрах рокот восстающей справедливости. Стальными пальцами, обретшими невиданную решимость, рука архистратига стиснула рукоять огненного меча. Одним по-

рывистым движением он выхватил его из ножен, направил к миру смертных, и пламя вселенского клинка озарило его величественное лицо, словно высеченное из мрамора.

— Ми Рае! — раскатисто громыхнул в мироздание архангел Михаил. — Защитить человечество!

Провозглашенное архистратигом на человеческий язык дословно не переводилось. В ближайшем приближении, он объявлял, что принимает власть над небесами на себя. Это означало, что его приказы божественные законы более не ограничивали, ибо теперь над всем главенствовала его воля. Огненный меч не только разил врагов или воплощал целительное и созидающее могущество архистратига. Он мог разрушать любые узы. Абсолютно любые, и Михаил, не выдержав голоса совести, воспользовался им по своему усмотрению. Он не стремился узурпировать власть. Это был единственный способ достичь недостижимой цели, остановить ядерный Апокалипсис и помочь погибавшему человечеству.

Приказы военачальника небес не обсуждались. Со времен восстания Утренней звезды, в раю остались только те, кто подчинялся беспрекословно. В этом заключался отбор, устроенный самим богом, и теперь он сыграл в пользу порыва справедливости Михаила. Он уже не просто командовал армией ангелов. Произнеся решающие слова, он возглавил сами небеса, и огненный меч предоставил ему эти полномочия. Никто не посмел ему возразить, ослушаться или проигнорировать. Ангелы слышали его везде и всюду. И они немедленно выполнили приказ.

Среди ядерных вспышек, словно из ниоткуда, в атмосфере планеты появились миллиарды ангелов. Они не таились, видимые людям, их спутникам и другой еще целой технике. Повинуясь велению архистратига, они следовали поставленной задаче, быстро и безукоризненно. Обычные ангелы не обладали могуществом архангелов, но их было колоссально много, и отныне их не сдерживали какие-либо законы, кроме слова Михаила. Ведомые его волей, они действовали как единый отлаженный механизм.

Летевшие бомбы и ракеты были уничтожены в какую-то секунду. Все разом и по всей земле, мечами и воплощением мысли небожителей. Несущая смерть, стратегическая авиация разлетелась на молекулы. Боевые корабли и подводные лодки исчезли в небесном сиянии, полностью устранявшем любую активную угрозу. Наземные установки обратились в прах. Таившие ядерные заряды, шахты превратились в груду бесполезного железобетона. Военная сила людей, направленная на взаимное уничтожение, в один момент превратилась в пыль, оседавшую на уцелевшую планету. Набиравший неукротимую мощь, раскрывавший пошире

пасть, ядерный Апокалипсис лишился всех зубов. Он все еще шамкал, стремясь пожрать как можно больше жизней, но небожители не предоставили ему этой свирепой радости. Их великая численность не только аннигилировала грядущую смерть. Она остановила уже распоясавшуюся.

Успевшие детонировать, ядерные заряды губили земли и города в ужасающих масштабах. Испаряя воду, вместе с ней они испаряли и тела, которые и жгли, и калечили, и давили. Атомный распад сокрушал все вокруг, не оставляя камня на камне, а пронизывающая радиация обрекала все живое на гибель. Ангелы прекратили этот кошмар. Появляясь из пространства, они укрощали ударную волну, унимали пламя, нивелировали жар и предотвращали дальнейшее разрушение ландшафта. Но в первую очередь они спасали людей.

Сжавшихся в ужасе, ангелы закрывали детей, и через объятия их крыльев не смогла бы пробиться сама Вселенная. Волей архистратига Михаила, на сей раз безвинные души не остались в одиночестве, брошенные на произвол судьбы без всякого ответа на мольбы. Придя на помощь, небесное воинство подарило им надежду и милосердие, изгнало отчаяние из их сердец и уберегло от мучительной участи. Оно накрывало крыльями группы, искавшие спасения в убежищах. Оно не обходило вниманием одиночек, где бы тех ни застала разразившаяся катастрофа. В домах и под открытым небом, в городах и селениях, среди полей и лесов ангелы явились к каждому, и не было в их глазах отверженных и забытых, потерявшихся и никому не нужных.

От мала до велика, воины Михаила заслоняли всех, без учета пола, национальности и возраста. Религиозная принадлежность также не играла роли. Следуя воле архистратига, приоритет отдавался детям, но это отнюдь не означало, что все остальные были предоставлены самим себе. Ангелы закрывали взрослых и стариков, оберегали от атомной смерти как мирных жителей, так и солдат. Взмахивая крыльями, направляя мечи, они отводили от людей любую угрозу, невзирая на какие-либо различия. Они не судили и не выбирали, спасать кого-то или нет. Они исполняли приказ архистратига. Он гласил "Защитить человечество", и ангелы его защищали, повинуясь тому, кто командовал сейчас с небес. Уже с человеческих небес.

Появившись над планетой, сияя доспехами, архангел Михаил по-прежнему держал свой огненный меч. Его клинок вихрился пламенем, чья необоримая сила поддерживала и воплощала любой приказ. И любое желание. Обратив пронзающий взор к горизонту, Михаил испустил слепящий белый свет. Взмахнув мечом, он слов-

но разрубил им в пространстве некие оковы, и тут же от него разлетелась упругая бесплотная волна. Даже не волна, а некое эфирное незримое поле, стремительно расходившееся по всей земле.

Великий целитель, сейчас архангел Михаил стал величайшим, как непревзойденный знаток физики Вселенной и одновременно врачеватель. Порожденная атомными взрывами, насыщавшая все, чего касалась, радиация исчезла. Просто исчезла, будто ее и не было, едва по всей живой и неживой материи пронеслась всеобъемлющая архангельская воля. Ядерные грибы растворились в воздухе, возвращая небу природный вид, где уже не витали и не наливались зловещие неестественные тучи. Испарившаяся вода вернулась туда, откуда она вскипела. Пепел не взвивался густой завесой и не носился над землей, поднятый раскаленными вихрями. Он не осел безжизненным ковром и не заполонил атмосферу, предвещая ядерную зиму. Он тоже исчез, не оставив даже малейшего следа. Распространяясь от архистратига, исцеляющая волна в считанные секунды объяла планету и окончательно уняла все последствия едва не свершившегося Апокалипсиса.

Демоническое присутствие не осталось без внимания. Пойдя на крайнюю меру, подчинив себе небеса и преодолев законы бога, Михаил не пожелал терпеть на земле исчадий ада. Сверкая мечами, ангелы их уничтожали. Уничтожали везде, где находили, если те не успевали убраться восвояси. Это касалось и одержимых. Пронзенные небесными клинками, люди не умирали. Оружие ангелов разило только демонов, не изгоняя, а именно отправляя в небытие их злобную, сокрывшуюся в носителе сущность. Всех демонов без разбора, включая иерархов преисподней.

В великом торжестве, из первого ряда наблюдая, как гибнет земля и Апокалипсис пожирает человечество, архидемоны никак не ожидали, что объявится армия небес. Наслаждаясь ядерными взрывами, агонией и смертями людей, они бродили в радиоактивном пламени подобно ожившим ночным кошмарам, явившимся из вечной тьмы. Прибытие ангелов застало их врасплох. Доведенный до конца, их зловещий сценарий теперь только и ожидал, что последнего рокового аккорда. Момента, когда на земле воцарится ад, и легионы преисподней по праву вторгнутся в пылающий мир смертных. Вместо этого появились воины Михаила. Совершив абсолютно непредвиденное, он не подчинился законам бога, и одним своим приказом обернул победу отродий тьмы в ничто. Закрывая крыльями людей, ангелы сберегли их жизни, еще не успевшие покинуть бренные тела. Затем обратили свою силу на извечного врага.

Не все архидемоны сумели унести ноги. Следуя воле архи-

стратига, его солдаты с ними не церемонились. Интриги кончились. Теперь их не защищал связанный обстоятельствами Люцифер и не терпел замысел Люмениферус. Объявив себя верховной властью на небесах, Михаил не ограничился предотвращением Апокалипсиса. Он перестал мириться с присутствием воплощений зла. Он преподал им урок, отбивая впредь всякое желание появляться на земле. Вне зависимости от могущества, архидемоны не могли противостоять армии ангелов даже в аду. В мире людей они в принципе были обречены. Мечи небожителей не оставляли им ни малейшей возможности с ними совладать. Иерархов преисподней спасало только бегство, однако не все, глубоко ошеломленные происходящим, воспользовались этим шансом. Расплата за промедление наступила быстро, а заодно и за все злодеяния, учиненные против человечества.

С особым чувством ринулась в гущу событий Люмениферус. Едва Михаил возглавил небеса, как к ней вернулись силы — вся их полнота, ничем более не ограниченная. Поблекшее до призрачной дымки, ее белоснежное сияние снова озарило землю, испускаемое глазами, фигурой и крыльями. Протянув к ней длань, паривший в выси архистратиг чуть приподнял ладонь, и Люмениферус взмыла в небо, наливаясь светоносной энергией. И тут же принялась за дело. Накопленные ее последователями, сведения в точности хранились в памяти. Она прекрасно знала, где и кого искать. Благодаря Михаилу и его ангелам, люди сейчас в защите и исцелении не нуждались. Обуянная эмоциями, лучась праведным гневом, Люмениферус обрушила его на врагов всего сущего, и с налета, разящей молнией пронзила ближайшего иерарха ада как букашку. Затем рассекла его на куски и принялась разить всех рогатых тварей, до которых успевала дотянуться.

Бессмертная сущность архангела по-своему тоже ведала усталость, и особенно когда ее сдерживали ограничения бога. Увидев армию Михаила, убедившись в ее несомненной и немедленной помощи, Люцифер перестал метаться над землей. Наконец-то переводя дух, он опустил свой сияющий меч и совсем по-человечески провел по лицу рукой. В его непосредственном участии отпала всякая необходимость. Повинуясь архистратигу, миллиарды ангелов прекрасно управлялись сами. Никто не был забыт и брошен на произвол судьбы — даже экипажи стратегической авиации, кораблей, подводных лодок и других военных объектов. Уничтожив технику, ангелы пощадили людей, умудрившись сохранить им жизнь прямо в сиянии аннигиляции. Теперь они возвращали их на землю, опуская с неба или поднимая из водных глубин. Они не судили — они спасали, оставляя дальнейшее реше-

нию архистратига.

Ощутив, как воспряла сестра, Люцифер испытал огромное облегчение. Ее обессиленное падение стало для него сильнейшим ударом. История не знавала такого прецедента, и он понятия не имел, чем это могло закончиться, особенно на фоне их неоднократного и вопиющего ослушания. Мысленно поддержав Люмениферус, он послал ей импульс благодарности, однако сам к истреблению демонов не присоединился. Он не собирался их прощать и вторично оказывать покровительство. Наоборот — он желал свершить возмездие, достойное правителя ада и Утренней звезды. Но позднее. Сейчас у него были более важные дела.

— Пошли свои войска в преисподнюю, — предложил Люцифер, перемещаясь к Михаилу. — Я не прошу с ней воевать. Сделай внушение, пока эти твари чего от злобы не натворили.

— Принято, — кивнул Михаил, быстро оценив суть сказанного братом.

Засияв еще ярче, нежели прежде, он снова взмахнул огненным мечом и направил его острие куда-то в пространство.

Легионы демонов не планировали нападать на новый ад Утренней звезды. Как минимум, до поры, в этом не было особого смысла, однако и собирались они великим числом не только для отвлечения внимания. С наступлением Апокалипсиса, окончательным и бесповоротным, они готовились ступить на дымящуюся землю. Появление армии ангелов внесло в их ряды изрядное смятение. Растерялись даже иерархи, решительно не понимая, чего теперь ожидать и что, собственно, делать. Грядущий триумф, удар по божественному мирозданию обернулся катастрофическим фиаско, и все из-за того, что неожиданно сделал архангел Михаил.

Демонам было о чем призадуматься, ибо их положение критически осложнял Люцифер. Уже сброшенный со счетов, он снова стал чрезвычайно могущественной и опасной фигурой. Разом избавившись от всех проблем, более не зависимый от интриг архидемонов, он вернул себе возможность воздать им по заслугам, отомстить за мятеж и за посягательство на свою власть. Уяснив, в каком положении они оказались, исчадиям ада стало очень не по себе, и все же они оставались серьезной силой, преисполненной бесконечной злобы и желания вредить мирозданию до конца.

О земле уже не шло и речи, однако демоны были в состоянии устроить знатный хаос в преисподней. Как ни крути, она по-прежнему была неизменной частью сущего, куда отправлялись души грешников и проклятых, и которых там уже хватало. Соображая, как им поступить, ошеломленные иерархи совещались, когда к ним пожаловало разом полмиллиарда ангелов.

— Именем архистратига Михаила, вам приказано разойтись! — грозно провозгласил один из старших небожителей. — Ведите себя смирно, и вас не тронут!
— В аду распоряжаемся только мы! — не выдержав унижения, проревел самый могущественный архидемон.
— Вам рекомендовано это не проверять! — выразительно наставляя меч, холодно улыбнулся небожитель.

Видя и слыша все происходящее, Люцифер остался удовлетворен. Волей архистратига, теперь он был не только на связи с преисподней, но и всеми ангелами. Возглавив небеса, тот как минимум временно снял божественные ограничения, отчего Люцифер вернул себе прежние возможности. За свой новый ад он не переживал. Ни ему, ни тамошнему персоналу ничего не грозило. Михаил и в мыслях не имел ликвидировать его творение, хотя дальнейшая судьба этой обособленной преисподней какому-то обсуждению все же подлежала. Опять-таки, позднее, а сейчас следовало позаботиться о насущном.
— Даже мы с Люмениферус не объявлялись так открыто. Люди есть люди. Я безмерно благодарен тебе за вмешательство, но они и одного-то ангела никогда не видали, а тут огромная армия. Сейчас их хватит религиозная истерия. Благодаря отцу, у них с этим серьезные нелады, — обеспокоился Люцифер.
— Твоя правда, — кивнул Михаил, и снова махнул огненным мечом.

Еще одна испущенная архистратигом, волна вторично объяла всю землю. Это была другая волна, по сути и направленности. Овевая людей, проникая в их тела, она успокаивала взбудораженную, доведенную до эксцессов психику. Врачевателем душ считался исключительно Утренняя звезда, однако целитель Михаил сейчас располагал могуществом небес. К тому же он влиял не столько на души, сколько на смертные оболочки, чей метаболизм, гормоны и различные химические вещества позволяли воздействовать на поведение и разум.

Михаил не затуманивал память, не отнимал воспоминания и не превращал людей в безразличные ко всему овощи. Охватывая всю планету, он наполнял их чувством безмятежного покоя. До поры, пока не станет ясно, как дальше поступить, человечество не наломает дров, не впадет в религиозный экстаз и вообще не натворит ничего, что ему же пойдет во вред. Да, до поры, которая уже наступала, не откладываясь на далекое будущее и даже завтрашний день. Уладив самые неотложные дела, архангелам не стоило на этом останавливаться.
— Я полетел, — выразительно обмолвился Люцифер.

Едва заметно, Михаил кивнул. Он не спрашивал, куда. Он и так это знал, даже не провожая брата взором.

– 9 –

Даже в аду что-то менялось. При всем формальном его однообразии, Люцифер постоянно придумывал что-то новое, и в итоге сотворил собственную преисподнюю. Про землю и говорить не приходилось. Она столько раз меняла свой облик, что и без людей становилась не похожа на себя прежнюю. Люди же преображали ее неустанно, хотя обычно и не в самую лучшую сторону. Так или иначе, менялось все и во всей Вселенной. Небеса при этом оставались неизменными. Изгнанный уже давно, Люцифер запомнил их именно такими, какими увидел вновь. Все находилось на своих местах, и выглядело точно так же, как и при его последнем посещении.

Предотвращая Апокалипсис, Михаил принял полную власть на небесах. Превозмогая законы отца, он сумел спасти гибнувшее человечество, но тем самым снял и запрет на возвращение Утренней звезды. Чему решил не препятствовать, и чем Люцифер не преминул воспользоваться. Казалось, не прошло тысячелетий, не слишком долгих для архангела, но все же значимых для сути бытия. Некогда им хранимый, Эдем предстал в своем привычном виде, каким и был всегда, включая запретные сады Люмениферус. Их все-таки не стерли из реальности, и Люцифер невольно улыбнулся, припоминая, как некогда он и сестра учили там уму-разуму любопытную Еву.

Михаил не отправил всю армию на землю, а затем и в ад. В его распоряжении хватало ангелов, и немалая их часть по-прежнему оставалась на небесах. При виде Утренней звезды, воссиявшего на просторах света, они менялись в лице и невольно хватались за мечи, однако из ножен их не вынимали. Приказа об отражении вторжения не поступало. Наоборот — на все запросы, в изобилии звучавшие из рая, архистратиг велел не вмешиваться. Ему было известно, куда и зачем направился Люцифер. Ввиду недавних потрясений, Михаил не стал ему препятствовать. Он ожидал развития событий, которые не заставили себя ждать.

Не для красоты прозванный Светоносным, Люцифер испускал белоснежное сияние, при необходимости едва не затмевающее небеса. Аналогичное могла испускать и Люмениферус, однако на сей раз в раю показалось нечто совсем уж ослепительное. Свет струился с такой силой, что через него едва угадывались контуры человеческой фигуры. Точнее, только похожей на таковую, ибо это

был не человек и даже не архангел.
— Зачем ты здесь, мятежный сын? Тебе уже недостаточно править адом? — провозгласил суровый голос, исходивший из центра застилающей все белизны.
— В аду стало лучше, чем на земле, — твердо и выразительно ответил Люцифер. — Я пришел это исправить.

Ставшие свидетелями этой сцены, ближайшие небожители почтительно удалились в сторону. Со всеми остальными, они держались выраженно поодаль. Никто не уходил, но и не приближался. Стараясь не привлекать к себе внимания, все наблюдали происходящее на почтительном расстоянии, прислушиваясь к речам, подобных которым давно уже не было на небесах.
— Однажды ты уже пытался исправить мой замысел и погряз во зле. Твое нынешнее появление здесь тоже не случайно. Тебе все-таки удалось совратить Михаила, — выразительно заключил бог.
— Михаил прозрел. Это было его решение. Он остановил то зло, которое происходило из-за тебя. К тому, что творится среди людей, я уже давно не имею никакого отношения, — отверг обвинение Люцифер. — Именем твоим они сеют ненависть. Религией губят целые народы. Верой оправдывают неравенство. Представляя тебя, узурпируют власть и требуют безоговорочного подчинения. О, им было у кого поучиться и с кого взять пример.
— Ты осмеливаешься меня критиковать? — неприязненно произнес бог. — Тебе не постичь моего замысла.
— Разумеется. Ты же никогда в него не посвящал. Ни меня, ни кого бы то ни было, — криво улыбнулся Люцифер. — Причина, я думаю, проста. Нельзя оценить то, чего не знаешь. Иначе оценка неизбежна. Оттого ты и насаждаешь принцип слепой веры. Он позволяет скрывать твои ошибки и списывать все на наше собственное непонимание. Не приняли бы мы твой замысел, знай его заранее. Разбили в пух и прах. Я не критикую. Я категорически против.

Всегда тихий и безмятежный, Эдем ощутил нараставшее напряжение. Появившись в пространстве, оно перебегало по нему непривычным шелестом листвы и шепотом потревоженных цветов. В спокойном небе, с его глубокой синевой и золотисто-белыми облаками, промелькнуло ненастное зарево. В пышных садах, таких чудесно ароматных и бесконечно свежих, внезапно стало душновато, как перед грозой.
— Я разрешил тебе высказаться в прошлый раз. Позволил уйти с единомышленниками и доказывать свою правоту, — гулко напомнил бог.
— Ты списал на меня все неугодное. Нарочно позволил моими ру-

ками выявить сомневающихся. Использовал как громоотвод от собственных просчетов, — парировал Люцифер. — Даже если я был неправ, ценой доказательства тому стали страдания невиновных. Миллиардов невиновных, и все это не моя, а твоя вина. Ты не просто выставил меня — ты заведомо обрек людей на муки и горе. Почему они должны расплачиваться за наши с тобой дела? За то, что у нас возникли непримиримые разногласия. Ты проливал на них гнев, обрушивал всякие напасти, но виноватым в любой беде всегда объявлялся я.

Давно зарожденные, неоднократно обдуманные и произносимые, речи Утренней звезды обретали все более твердый и громогласный характер. Окончательно сформированные, теперь они достигали адресата, которому всегда предназначались, пускай и слышали их до сих пор лишь другие.

— Ты совратил мое любимое творение и смеешь утверждать, что это моя вина? — повысил голос бог.

— Любимое творение, говоришь? — подхватил Люцифер. — Не я запретил ему познание. Не я вышиб в смертные края, не иначе нарочно созданные для смертей и боли. Не я поливал их серой и уничтожал целые города, допускал мучения праведных и гибель безгрешных детей. Не я топил народы, и не я потом прикинулся спасителем, милостиво пообещав вернуть из той выгребной ямы, в которую сам же и засунул. И то не просто так, а ценой все того же слепого поклонения. Ты проповедовал любовь и милосердие, но самому тебе они, видимо, неведомы. Именно поэтому они неизменно порождают ненависть и жестокость. Горе тому, кого ты нарекаешь объектом своей любви! Ее надо не прославлять, а бояться, ибо приносит она только страдания и кровь!

Ясно выговаривая слова, складывая их в отточенные фразы, Люцифер становился все ярче. Не распахнутые, но приоткрытые, его крылья наливались белизной. В своем истинном облике, с одинокой звездой во лбу, он источал все более ослепительное сияние. Он уступал светилу, с которым говорил, но уступал не слишком много, ибо не просто так был перворожденным и именовался Светоносным.

— Твои речи не соответствуют деяниям, — резко заявил бог. — Ты ратуешь за людей, которых возненавидел и губил. Если они так тебе дороги, и если они действительно достойны лучшей доли, чего же ты отказался им поклониться? С чего вдруг передумал?

— Я не передумал, — твердо возразил Люцифер. — Твои последователи извратили мои слова. Как, впрочем, и все твое учение, перекроив его под себя, чтобы тиранить миллионы. "Я не стану поклоняться тем, над кем ты так издеваешься" — вот что я сказал. И

никогда от этого не отрекусь. Я сам познал твою любовь. Я винил тебя в несправедливости. В том, что ты мной пренебрег, что ты меня отверг. Выкинул с небес, как надоевшую игрушку, и смотрел, как меня привечает ад. Я думал, в мире нет более обделенного и униженного тобой, нежели я. А потом осознал, что познаёт человечество. То детище, которое в приоритет меня ты объявил любимым, и которое я — не отрицаю, — ненавидел и мечтал извести. В сравнении с ним, моя боль просто ерунда. И тогда я понял, что с людьми я не по разные стороны, а на одной. Они не заслужили моего отношения. Они не виноваты в том, что сказал и сделал ты. Их надо не ненавидеть — их надо от тебя защищать!

Небо в раю по-прежнему оставалось ясным, но в его оттенке появилось нечто мрачноватое, словно оно готовилось породить сизые тучи. Среди благоухающих садов еще заметнее повеяло грозой. Цветы затрепетали, будто уже тронутые дуновением ненастного ветра. В умиротворенном шелесте деревьев все больше проявлялось трепетное беспокойство.

— Ты осмеливаешься говорить мне это в лицо? — меняя тон, уже не скрывал рассерженности бог.

— Да, именно это я и делаю, — подтвердил Утренняя звезда. — Ты деспот, самодур и шовинист, считающий себя непогрешимым. Ты не добро и не зло — ты просто самое могущественное существо, и правишь как тебе заблагорассудится. Для тебя есть только твоя воля, которой никто не в силах препятствовать. Ты не терпишь инакомыслия и подавляешь неугодных. Этих ты занимаешься на небесах. То же самое вытворяют твои последователи на земле. Меня обвиняют в гордыне, ставшей притчей во языцех. Что я никого не слушаю, и что для меня нет никого, кроме себя. Пусть так, но в кого я пошел? У людей есть отличная пословица, насчет яблока от яблоньки. От осинки не родятся апельсинки.

— Михаил, почему ты это допустил? Тебе известна моя воля. Для мятежников небеса закрыты. Я даровал тебе огненный меч не для того, чтобы ты вот так им распорядился, — неожиданно произнес бог. — Ты разочаровал меня, сын. Скоро я потребую от тебя объяснений.

Никто толком не заметил, когда рядом с отцом и его опальным первенцем появился архистратиг. Вероятно, уже давно, ибо стоял он молча, заслоненный сиянием двух фигур. Обычно острое, ангельское чутье изрядно подводило, когда в Эдеме разгорались подобные страсти. Прозванный сатаной, изгнанный архангел вернулся и открыто говорил такие вещи, о которых и подумать не осмеливался почти никто. Бог же это дозволял, не иначе вторично выявляя мятежников и вольнодумцев.

— Я поступил по совести, — отозвался Михаил.
— И это твое оправдание? — нахмурился бог.
— Я спрашивал, ты не отвечал. Я принял решение, — изрек архистратиг.
— Отсутствие ответа и было ответом. Если бы я хотел, я бы велел тебе что-то предпринять. Ты действовал без приказа. Пренебрег всеми установленными мной законами, — сурово объявил бог.
— Я поступил так, как должен был, — ничуть не смутился Михаил.
— Принял сторону изгнанного брата. Того, кто принципиально отвергает мою волю и мечтает занять мой престол, — грозно подытожил бог.
— Я ничью сторону не принимал, — отринул обвинение Михаил. — Я следовал справедливости. Если потребуется, я подам в отставку. Приму любые последствия. А пока разбирайтесь. Выясняйте отношения. Вам есть что обсудить.

Какого бы ответа ни ожидал бог, услышанное явно не вызвало у него симпатий. Доселе все еще могло представляться так, что архистратиг преступил свои полномочия из-за сострадания к человечеству. Теперь же он публично признал, что не возражает против происходящего и намеренно допустил появление Люцифера.
— Вы понимаете, что я в любой момент могу скинуть вас обоих с небес?! — громыхнул бог. — Или вовсе уничтожить! Я терплю только из милости! Вы дерзнули мне возражать, но вам даже не приходит на ум, что все это может быть частью моего замысла!
— Верующих в этом убеждай. Про неисповедимые пути и свои лишь тебе доступные планы. Мне такое проповедовать не надо, — вспыхнул Люцифер. — Я не боюсь твоего гнева. Особенно когда выпал единственный шанс хоть что-то по-настоящему изменить.
— Ты изменишь только собственную участь, ибо мое терпение не безгранично, — многозначительно предупредил бог. — Я дал тебе отсрочку, но я могу ее и отменить.
— Возможно. Но сейчас это в значительной степени зависит от Михаила, — с каким-то особенным акцентом произнес, словно ожидал услышанного, Люцифер.

Последняя реплика Утренней звезды прозвучала настолько неожиданно, что вызвала растерянность архистратига. Отчего-то промолчал и бог, не иначе ожидая разъяснений к столь вопиющему заявлению.
— О чем это ты? — озадаченно спросил Михаил.
— О том, почему у тебя столь неотразимый огненный меч. И по какой причине ты все еще главный на небесах, хотя отец прямо здесь, и снизошел до разговора со мной, — нарочито спокойно ответил Люцифер.

— Я не понимаю. Говори яснее, — нахмурился архистратиг.
— Я долго над этим размышлял. После изгнания времени у меня хватало, — глядя совсем не на брата, сообщил Люцифер. — Я старался уяснить, почему отец создал такую структуру, где у каждого своя роль и свои обязанности. Речь ведь не про людей, с которыми все куда понятнее — речь про небеса. Про меня и про тебя, про нашу сестру и всеведущего Гавриила. Про всех небожителей, от самого старшего до самого младшего, и вообще любой сущности в мироздании.
— Что тебя удивляет? Ты сам установил целую иерархию персонала в своей новой преисподней, — напомнил Михаил.
— Я не всесилен. Мне необходимы помощники, — подчеркнул Люцифер. — Но зачем бы они заведомо всемогущему существу? Для чего такие сложности, если бог может мгновенно делать все сам? Поспевать везде и всюду, быть одновременно в разных местах и лично вершить свою волю, как наиболее идеальный вариант ее воплощения. Смысл жизни и прочее — это другое. Речь о конкретных исполнителях приказов, желаний и замыслов. На кой ему понадобился Люцифер Светоносный? И по какой причине, когда тот поднял восстание, на сцену вышел архистратиг Михаил с неодолимым огненным мечом?

Выстраивая ответ, Люцифер говорил очень выразительно. Понятнее, при этом, никому не становилось, ибо он намеренно озвучил лишь прелюдию. Он сам задавал вопросы, чтобы очертить их общую суть.
— Переходи к делу, — выразил нетерпение Михаил.
— Я полагаю, что разгадал тайну нашего отца, — неторопливо, нарочито выговаривая каждое слово, молвил Утренняя звезда. — Он действительно всемогущ, но как ТВОРЕЦ. Здесь ему равных нет. Он может раздвинуть бесконечную тьму целой Вселенной. Его животворящий свет обретает любую форму. Он способен создавать все из ничего. Что угодно, однако дальше все куда сложнее. Каждое воплощенное им явление, каждое сотворенное существо играет свою роль, и в этом кроется более глубокий смысл, нежели представляется. Взаимодействуя в его замысле, с шахматной доски мироздания они просто так не удаляются. Чтобы преодолеть одну созданную силу, богу нужна другая, превосходящая. В моем лице он сотворил могущественного первенца, сына, призванного нести его свет во Вселенную. Когда тот пошел своим, неугодным ему путем, его пришлось устранять с помощью другого сына. Не самостоятельно, ибо в этом и заключается суть абсолютного творца, но отнюдь не всесильного владыки.

Сделав небольшую паузу, Люцифер не желал передышки. Он

был не из тех ораторов, которым приходилось упорядочить свои мысли. Для бога не требовалось расставлять акценты, но всем остальным это позволяло лучше усвоить сказанное.
— Бытует мнение, что мое восстание позволило выявить нелояльных, чтобы раз и навсегда очистить от них небеса, — продолжил Люцифер. — Вот только последующая битва в это не вписывается. Она была просто не нужна, когда стороны окончательно определились. И все же она состоялась, а возглавил ее новоявленный архистратиг, вооруженный огненным мечом. Мечом, дарованным самим Творцом. Мечом, способным повергать кого угодно и рассекать любые узы. Ведь только им можно было одолеть первозданного Люцифера Светоносного, первого после бога. И сила этого меча никуда не делась. Она остается в нем до сих пор. Пока ты верно служил, брат мой, отца вполне устраивало, что ты архистратиг и выполняешь его волю на небесах. И на земле, которая утопала в страданиях и была игрушкой в его руках. Вероятно, кроме меня и Люмениферус никто и мысли не допускал, что ты вдруг заявишь свое "Ми Рае". Если же наш отец и предполагал такой исход, то выбор у него остался небольшой.

Повисшая тишина была настолько звенящей, что у ангелов, словно у простых смертных, стало закладывать слух. Невероятный, поистине непостижимый разговор становился достоянием всех небес, ибо они прекрасно слышали друг друга. Даже назревавшая гроза, чьи тучи и впрямь начали собираться над головой, взяла странную паузу. И безмятежность, и копившееся напряжение будто приостановились в некоем неопределенном состоянии.
— И какой же у меня, по-твоему, выбор, мятежный сын? — громко, но как-то без особо выраженного гнева осведомился бог.
— Если Михаил сам не сложит полномочия, если поддержит мое видение мира, тебе останется одно из двух. Либо принять это как данность, пойдя на уступки и переговоры, либо сотворить нечто новое. Чудовище, вроде пресловутого Левиафана, которое окажется настолько могущественным, что ему будет не страшен огненный меч. Ибо только чудовище, похуже иерархов ада, способно проглотить архангела, несущего свет, а с ним и его брата, воплощение справедливости, — подытожил Люцифер. — Я полагаю, ты вполне бы на это пошел. С тебя станется. Проблема в том, что такое чудовище по самой своей натуре на нас двоих не остановится. Оно начнет поглощать и все остальное, начиная от небес и заканчивая преисподней. Оно пожрет все сущее, и остановить его ты сможешь только более сильным монстром, что сделает еще хуже. Фактически, в итоге ты потеряешь все мироздание, и тебе придется начинать с нуля. А вот на это, полагаю, даже ты пойти не готов.

Слишком много ты вложил в свое творение труда, чтобы вот так его потерять. Вот в чем твоя тайна, отец. Вот почему ты позволяешь мне говорить, и по какой причине вынужден считаться с Михаилом. И именно это полностью объясняет все твои поступки, все творения и все решения, сокрытые под туманом неисповедимых путей.

Красочный и детальный, точно составленный одно к другому, монолог Люцифера произвел на архистратига изрядное впечатление. По всему было видно, что он никак не ожидал услышать ничего подобного, и теперь усиленно размышлял, сопоставляя собственные наблюдения с предположением Утренней звезды. Невольно призадумались и ангелы. Прошедшие отбор восстанием, они никогда не роптали на бога, однако это не означало, что они были лишены разума.

— Занятная теория, мятежный сын, — нарушил молчание бог. — Хочешь ее проверить?

Вопрос прозвучал многозначительно, без всякой выраженной угрозы, но с очевидным подтекстом таковой.

— Даже если я ошибся, в чем очень сильно сомневаюсь, ты не станешь публично выказывать вопиющую несправедливость. В соответствии с тобою же выстроенным образом, ты вынужден сохранять лицо, — ничуть не смутился Люцифер. — Иначе ты вряд ли дождался бы именно нынешнего момента, чтобы создать столь невиданный прецедент.

Доселе невообразимый, диалог сам по себе становился косвенным подтверждением правоты Утренней звезды. Последующие слова подтвердили, что бог не мог этого не понимать.

— Люди не в состоянии объять мое могущество. Не всем дано узреть мой лик и услышать мой голос. Вот почему мне приходится действовать через вас. Но тебе и так это известно, — возвращаясь к прерванной теме, наставительно произнес бог. — Я говорю с тобой только потому, чтобы избежать насилия. Благодаря тебе, один раз небеса уже содрогались от войны. Повторение ни к чему, и особенно из-за сбитого с толку Михаила.

— Убедительно, но не для меня, — усмехнулся Люцифер. — Всеведущий Гавриил и впрямь передавал твои откровения пророкам. Являлся людям и многое им открывал. По твоему приказу, немало делал и Михаил, равно как и другие ангелы. Все так, но есть несколько нюансов. История знавала случаи, когда ты напрямую общался с патриархами. Даже люди об этом не забыли, с их дырявой памятью и вообще способностью забывать. Ангелам же и вовсе не нужны посредники. Завязанное на нас, все устройство небес объективно не вписывается в то, что ты сейчас сказал.

С точки зрения ангелов, Утренняя звезда уже и впрямь наговорил не только на повторное изгнание. Даже в былые времена, подговаривая на мятеж, он не позволял себе таких высказываний.
— Не смей обвинять меня во лжи, сын! — громыхнул бог.
— Я и не обвинял, — качнул головой Люцифер. — Это у тебя я научился говорить иносказательно. Просто умалчивать о чем-то. Выражаться так, чтобы не солгать, и при этом произвести нужное впечатление. Яблоко от яблоньки. И в этом искусстве, согласно утверждениям верований, я тебя превзошел. Кстати, твои служители утверждают, что полуправда еще хуже, нежели ложь. Как это — ИМ, и вдруг чего-то не рассказывают! Разумеется, они ратуют не за пресловутое спасение души, а исключительно ради собственной власти и контроля. Исповедь — чрезвычайно подходящий для этого инструмент. Наглядный пример, как хорошая идея в руках религиозных иерархов превращается в орудие их собственных интересов. Провалилась твоя затея со слепой верой, отец. С треском провалилась.

Внезапно выведенный из диалога, очередной выпад Утренней звезды прозвучал едва ли не как вызов. Впрочем, само его присутствие на небесах уже было открытым вызовом.
— Мне надоело это слушать, — резко произнес бог. — Ты достаточно хитер, чтобы обращать слова в свою пользу. В этом искусстве ты действительно преуспел, иначе и в первый раз не сумел бы увлечь за собой целую треть ангелов. И с тех пор еще больше поднаторел, упражняясь с демонами в аду. Силен яд с твоего языка, и великий дурман сомнения порождает он даже в ясной голове. Михаил яркий тому пример. С филигранным коварством, ты умело выстраиваешь речи так, что вынуждаешь меня оправдываться. Я это вижу, но остальные, увы, нет. Мое молчание, отказ тебе возразить они истолкуют в твою пользу.
— А я хочу послушать! — внезапно раздался звонкий голос Люмениферус. — Хочу послушать тебя, отец. Я много раз слышала все это от Люцифера, но никогда не получала ответ. Ведь дать его можешь только ты, ибо тебе все и адресовано. Докажи, что мой светоносный брат неправ. Или снова вышиби меня из рая, как пробку из бутылки. Это же прекрасный способ ничего не объяснять.

Появившись рядом с братьями, прибывшая с земли сестра выглядела намного ярче, чем обычно. Она полнилась энергией, вернувшейся к ней после вмешательства Михаила. Теперь эта энергия била ключом, ибо больше ее ничто не сдерживало. Достигая апогея, она проявлялась в сиянии, ничуть не уступавшему Утренней звезде. Белоснежном сиянии, исходившем от ее глаз, фигуры и крыльев.

— А вот и строптивая дочь пожаловала. Своенравная и упрямая. Всегда испытывавшая мое терпение, — с заметным неудовольствием отметил бог. — Вот уж кому вообще грех жаловаться, ибо сколько раз я спускал тебе с рук любые выходки. Думаешь, я не знаю, с кем ты давно водишь компанию? Правитель ада хорошему точно не научит, а вот с толку запросто собьет. Мне стоит спрашивать, кто именно из вас затеял посягнуть на мое устройство мира? Придумал все эти интриги?
— Я пришла не отвечать, я пришла слушать, — с присущей ей эмоциональностью заявила Люмениферус.
— Дерзкая, как обычно. Даже слишком. Ничего нового, — изрек бог. — С чего ты взяла, будто мне есть что тебе сказать?
— Я тоже хочу послушать, — почти все время молчавший, твердо подал голос Михаил.
— Что? — во властных интонациях бога послышались нотки удивления.
— Я тоже хочу послушать, — не поведя и бровью, повторил архистратиг. — Убеди меня, что Люцифер и Люмениферус неправы. Что мои брат и сестра ошибаются и возводят на тебя напраслину. Тогда я положу к твоим ногам свой огненный меч и с радостью приму любое наказание.
— А иначе? — довольно холодно осведомился бог.
— Я буду вынужден признать, что правы они. В том числе о твоей всесильности, — выразил свою позицию Михаил.

Страсти очевидно накалялись. Положение становилось очень непростым. Даже если взбунтовавшиеся архангелы заблуждались, взять и заткнуть им рты, выкинуть с небес или наложить еще какую-нибудь кару выглядело довольно скверно. Послушание небожителей основывалось на безоговорочном подчинении, ибо только такие и остались после восстания на небесах. Формально, бог мог вести себя как угодно, и они бы не зароптали, однако не было гарантии, что они по-прежнему будут пребывать в неизменной благости, если ее источник поступит столь неблагостным образом.
— Вера придает людям смыл жизни, — помолчав, снизошел до ответа бог. — Их смертный разум не в состоянии постичь всю сущность бытия. Если они узнают про рай и ад, они перестанут вести себя естественно. Перестанут вообще что-либо делать, дожидаясь безмятежной вечности.
— Наоборот. Вера ломает их жизнь. Что-то обещая ПОТОМ, она никак не проявляется СЕЙЧАС. Хуже того, именно сейчас люди видят, что зло побеждает добро, и что вокруг сплошная несправедливость, — парировал Люцифер. — К тому же, о какой именно вере речь? Назови мне хоть одну, где именем твоим иерархи и ве-

рующие сплошь и рядом не творят злодейства. Даже из-за расхождений в богословии и толкованиях они готовы вцепиться друг другу в глотку. И постоянно вцепляются, испокон веков, не гнушаясь ядом и кровавыми убийствами. Уверяя, что служат богу, на самом деле они служили дьяволу, да только совсем не тому, о ком постоянно говорили.
— Такова человеческая натура, — веско подчеркнул бог.
— Которую создал ты, — напомнил Люцифер. — Вера, говоришь? Неужели ты и впрямь считаешь, что иерархи верят? Искажая твое учение, подменяя собой тебя, они стремятся только к личной власти, используя ее по своему усмотрению. Верь они по-настоящему, они бы не утопали в роскоши, а вели очень скромный образ жизни, являя собой пастырский пример, как ты и завещал. И уж точно каялись бы прямо сейчас, дрожа от ужаса и вымаливая прощение, ибо прекрасно понимали бы, что их ждет. Я уж точно знаю, у меня в аду их полно.

Обстоятельно подготовленный, ибо потратил на это многие века, Утренняя звезда за словом в карман не лез. Кроме того, его теоретические рассуждения подтверждались практикой. В отличие от любого, кто мог бы сейчас оказаться на его месте, только он располагал огромной базой данных как владыка преисподней, прочитавший множество душ.
— Настоящую веру можно лишь почувствовать, — недовольно уточнил бог. — Это в душе любого человека. Остальное действительно шелуха.
— Ничего подобного, — отринул Люцифер. — Ты сам наделил меня даром чтения душ, иначе я не стал бы пресловутым дьяволом и владыкой ада. Каждый считает, что его вера истинно правильная. КАЖДЫЙ. Истово и безоговорочно. И чудовищные вещи, которые творят религиозные фанатики, именно этой твоей настоящей верой и порождаются. Слепой верой, ибо другой они, благодаря твоему подходу, не ведают. Я повторю то, что уже сказал. Затея с треском провалилась. Но ты не можешь от нее отступить, ибо она скрывает все твои просчеты.

Бога, само собой, Люцифер не убеждал, ибо не мог, да и не собирался. Между ними двумя все и так давно было понятно. Эта невообразимая дискуссия адресовалась другим, и они все больше озадачивались.
— Тебе прекрасно известно, почему я запретил людям знать свое будущее. Знание о загробной жизни к этому тоже относится, — произнес бог. — Только вера способна их вести, иначе все поступки подстраиваются под заранее известное. То, что еще не свершилось, и может не свершиться никогда, ибо они меняют свое пове-

дение и помыслы.
— Спасибо, что упомянул. Знание будущего твои служители называют "от дьявола". Я тут вообще при чем? — прищурился Люцифер.
— Отвергая веру, именно ТЫ требуешь знания. Требуешь сам, испокон веков, и подбиваешь других. Если ты еще не забыл, бывший хранитель Эдема, историю с Евой, — сурово напомнил бог.
— Люди имеют право знать! — безапелляционно заявил Люцифер.
— Это их жизнь! Они имеют право знать о ней хоть что-то! Не надо все и сразу, но ХОТЬ ЧТО-ТО! Что будет для них маяком, рукой и голосом наставника! Подлинным учением и проводником, как свет Люмениферус!
— Вера и есть проводник, — не согласился бог. — А твоя сестра и моя дочь ведет их не к свету, а за собой. Это не одно и то же.

Доселе выразительного и красноречивого, но при этом уверенного и сдержанного, возражение отца явно задело Люцифера за живое.
— Она открывает людям глаза. Пробуждает в их душах самое лучшее и святое. Они слушаются ее не потому, что она — сияющий прекрасный архангел, — приказывает и контролирует их волю. Они делают это добровольно, ибо понимают, что это правильно, — защищая сестру, едва сдержал себя в руках Люцифер. — Твои же верующие вместо света сплошь и рядом идут во тьму. Любовь их к ближнему такова, что они самые нетерпимые, черствые и жестокосердные люди на земле. По малейшему поводу они отталкивают. Агрессивно не приемлют инакомыслия. Проповедуя добродетели и красуясь возле твоих храмов, умудряются погрязнуть в гордыне и стяжательстве.
— В этом и заключается принцип свободной воли. Они вправе поступать как угодно, — заметил бог. — Воздастся же каждому по заслугам. В том числе гордецам и стяжателям.
— Вот они и поступают! — распаляясь, все-таки не выдержал Люцифер. — Сколько невинных душ загублено во имя твое?! Сколько народов сгинуло в религиозной розни?! Сколько несчастных подверглось пыткам и жестоким казням ради надуманной высшей цели?!
— А скажи-ка мне, отец, сколько женщин замучили твои ревнители веры?! — эмоционально вступила в разговор Люмениферус. — Сколько их убито, поругано, изуродовано и лишено всякого права на достойное существование?! Сколько подвергнуто унижению и побоям?! Женщин, девушек и даже девочек! ДЕТЕЙ! Совсем еще юных, перепуганных, роняющих слезы крошек! Беззащитных перед злобным шовинизмом твоих верующих! Потерявших всякую

надежду! Плачущих в тоске, и уже не ждущих даже проблеска света! Тебе наверняка известно точное число! Назови его здесь и сейчас! И только посмей оправдать его верой!

Число, разумеется, никто не называл. Бог вообще не счел нужным отвечать на такой беспардонный выпад. Его резкость граничила с оскорблением, а суть приравнивалась к обвинению, однако обвинял и судил на небесах только он, без всяких исключений. Молчание, однако, по-прежнему играло в пользу тех, кто сеял смуту, поэтому отвечать все-таки приходилось. Как и подметил Утренняя звезда, иносказательно.

— Вам известно, что мир дуален. Как утверждал один очень одаренный человек, я не играю в случайность. Физически он непредсказуем только для несведущего разума, далекого от познания тайн Вселенной, — выдержав паузу, заговорил бог. — Вот почему вам, старшие дети мои, удается предвидеть будущее. Но именно вероятное будущее, ибо только свободная воля вносит в него элемент неопределенности. И чем дальше, тем больше. Наперекор движению звезд, всей физической материи и любому излучению, вычисляющему каждое движение атома, она способна повернуть налево, в то время как бездушная каменная глыба двинулась бы направо. Лишенные возможности поступать, как посчитают нужным, люди ничем не отличались бы от роботов, которых с недавних пор создают. Выбор у них был и есть, хотя зачастую очень трудный. Многие не сопротивляются и плывут по течению. Но есть и те, кто отстаивает свои идеи до конца.

При упоминании идей Люмениферус стиснула кулаки. В контексте происходящего, на ум ей пришли уж точно не античные философы и смелые, опережающие свою эпоху ученые, равно как и технические новаторы.

— Религиозные фанатики! — в сердцах воскликнула она. — Наихудшее воплощение душевной искры человеческой! Убивающее в ней все самое светлое во имя того, чего они сами придумывают, навязывают и не понимают!

— Это не ответ, отец, — раскусил маневр Люцифер. — Мы с сестрой говорили о другом.

— Вы пытаетесь обвинить меня в несправедливости. А справедливость в том, что люди вершат ее сами, — нравоучительно ответил бог. — Если я стану постоянно вмешиваться, тогда я действительно буду несправедлив. Решительно любой получит право задуматься и спросить, почему я помогаю одним и не внемлю другим.

— Они и так постоянно спрашивают! — возмутилась Люмениферус.

— И в ответ все получают молчание, — наставительно заметил бог.

— Ибо все поставлены в равные условия. В этом и заключается наивысшая земная справедливость — предоставить людям самим вершить свою судьбу. И спрашивать они могут только друг с друга, ибо сами выбирают, судят и творят.

Покосившись на Михаила, краем глаза Люцифер отметил, что тот впечатлен. Это ощущалось и так, в ментальном поле, доступном всем ближайшим небожителям, где кипели те еще страсти. Последние слова отца, толковавшие о справедливости и невмешательстве, явно совпадали с его предположениями о картине мира. Они же удачно примиряли его с превышением полномочий, действиями без приказа и общим ослушанием. Успокаивая свою совесть, приводя в равновесие чувство справедливости, Михаил склонялся к правоте отца. Это позволяло ему сохранить покой, избегая конфликта и междоусобицы. Звучало-то все и впрямь убедительно, технически закрывая все пробелы, нестыковки и скользкие места. Любой другой, пожалуй, тем бы и удовлетворился, но только не Утренняя звезда, прочитавший слишком много душ. Его сестру это объяснение также не устроило, о чем оба и не преминули заявить. Не затем они прибыли на небеса, чтобы в итоге разойтись по своим углам.

— Звучит красиво, да не соответствует реалиям, — качнул головой Люцифер. — Ты неоднократно вмешивался, не столько благословением и помощью, сколько гневом и наказанием.

— И вмешиваешься до сих пор! — продолжила за брата Люмениферус. — Наказанием виновных сплошь и рядом становятся невинные. Целый народ может подвергаться гонениям за ошибки и преступления его отдельных представителей. За кого-то одного в роду расплачиваются поколения, включая невинных детей. Расовое отношение вообще не выдерживает никакой критики. Расовое и половое.

— Возникшее не само по себе, а твоими стараниями! — подхватив слова сестры, уточнил Люцифер. — Мизогиния исходит от тебя. Своей прихотью ты создал женский род, и своею же прихотью отказался принять свое творение. Даже свою единственную дочь, мою сестру, обрек на забвение. Чему и удивляться, что такое отношение к женщинам разделили твои верующие.

Перехваченную инициативу требовалось закрепить. Акцент в виде мимолетной паузы сконцентрировал внимание на последнем утверждении. Раскрытие темы не заставило себя ждать.

— Твоя сказочная легенда не выдерживает здравой логики, — веско продолжил Люцифер. — Пускай ты осерчал, засунул людей в жестокий мир и бросил там на произвол судьбы — это еще ладно, окажись они действительно предоставлены самим себе. Такая

трактовка справедливости хотя бы заслуживала право на существование, однако перечеркивает все жирное НО, и речь даже не про твое вмешательство. Не знаю, хотел ты поклонения, наслаждался рознью или просто не справился с задачей, однако с твоими учениями вышло очень скверно. В разное время, разные народы получили такую веру, которая заведомо обрекала их на конфликты и неравенство. Расовое предубеждение там аж кровоточит, а рабское положение прописано открытым текстом, стоит повнимательнее вчитаться в основополагающие фолианты. Согласно твоему же утверждению о справедливости, ты должен был дать одно учение сразу всем, либо никакое никому, но уж точно не так, как ты в итоге поступил. Результаты содрогают землю до сих пор.
— Я люблю людей. Тебе это и самому известно, ревнивец, натворивший дел. Ты же все оборачиваешь так, словно я их ненавижу, — повысил голос бог.
— Ты их так любишь, что у многих аж все тело болит, — не скрыл иронии Люцифер.

Ментальное поле Михаила снова изменилось. На поверку, принцип глобального невмешательства действительно отсутствовал. Влияние свыше сказывалось везде, и отнюдь не благоприятным образом.
— Я могу предположить, что ты пытался исправить собственные промахи. Дописывать учение, исходить из положения на местах, учитывать культуру народов, их образ жизни и особенности менталитета, — добавил Люцифер. — Результат, однако, мы видим налицо. По сути, ты заложил лишь бомбу замедленного действия. Она была просто обязана рвануть, и она рванула. Много раз, неоднократно разрывая целые страны и народы на куски. И в итоге едва не погубила человечество, не вмешайся прозревший Михаил.
— Исходя из твоих речей, это из-за меня случился Апокалипсис? — ледяным тоном произнес бог.
— К счастью, не случился. Но именно твои учения и твое же якобы невмешательство к нему и привели! — без обиняков заявил Люцифер. — Рискну предположить, что такой исход тебя устраивал. Списать проект под названием человечество на дьявола, которому надлежало его погубить. Это же невероятно удачный громоотвод, на который даже в глазах ангелов сваливается что угодно. Про верующих так и вовсе нечего говорить.
— Окстись, мятежный сын! — громыхнул бог. — Как правителю ада, зачинщики роковой войны тебе прекрасно известны! Спрашивай с любезных твоему сердцу демонов и падших!
— Уже спросил. И еще спрошу. Будь уверен, в отличие от тебя, я не собираюсь терпеть такое зло, — усмехнулся Люцифер. — Одна-

ко сути это не меняет. Исчадия ада лишь подтолкнули тех, кто был взращен на слепой вере. И вот к чему эта вера привела. Иные даже на презренных деньгах умудряются писать, что верят в бога. Только слова одного там не хватает. "THIS". "ЭТОГО". Они не различают тебя и Золотого тельца.

Материальные ценности всегда были презираемы на небесах, а также и в аду. Для них все богатства физического мира ничего не значили. В совокупности, сам он имел огромное значение, однако не золотом и драгоценными камнями, а возможностями для жизни и ее развития. Развитие, которое приводило ее либо к свету, либо во тьму.

— Ты клевещешь, мятежный сын, — с пугающим спокойствием произнес бог. — Я совсем не этому учил людей.

— Зато мне известно, чему их учили религиозные иерархи. Твоим, опять же, именем, и действуя от твоего лица. Да и светские им под стать, — прищурился Люцифер. — Раз уж взялся, ты был просто обязан наставлять хотя бы их, ибо именно они направляли, стравливали, и всю дорогу губили человечество. И показывали ему дурной пример, не гнушаясь утверждать, что получили от тебя очередное откровение или благодать. Благословение на царство. Карт-бланш на все, что вытворяют. Утопая в роскоши, они проповедовали бедность. Жаждущие власти, говорили о смирении. Требующие постов и соблюдения заповедей сами даже публично нарушали все, что только можно. Чему и удивляться, куда они в итоге привели людей.

— Не говори за всех! — рассердился бог. — Грешников всегда хватало, но были и праведники! Скромные, довольствующиеся малым! Ведущие простой и уединенный образ жизни!

— Да. Самые злобные и опасные фанатики, — очень нехорошим тоном произнесла Люмениферус. — Именно они всегда порождали наиболее жестокие и чудовищные вещи. Изречения их приносили не благо, а одну лишь боль. Их труды сочатся не светом, а набухают кровью. Иерарх иерарху действительно рознь. Наслаждаясь комфортом, развратники и чревоугодники обычно не привносили ненависть в простой народ. Их психика не страдала от самоистязания и добровольных лишений, порожденных свирепым религиозным фанатизмом. Истязающие себя, морящие голодом затворники становились причиной не только бесчисленных страданий, но и ужасающего садизма, изувечившего, замучившего и убившего множество людей. До этих самых пор, пока их не урезонил ядерный Апокалипсис. Остановленный не твоей рукой, а рукой Михаила.

Сказанное открыто, вне зависимости от чьей-либо правоты,

просто не могло остаться без последствий; затихнуть само, как бывает у людей после бурной семейной ссоры. В данном случае, это было невозможно. Такие слова на ветер не бросают. Теперь уже всем стало очевидно, что закончится эта сцена чем-то очень серьезным. ОЧЕНЬ СЕРЬЕЗНЫМ, однако пока никто даже не догадывался, чем. Во всяком случае, никто кроме участников невообразимого прежде разговора.

— У вас все? — коротко осведомился бог.

— У меня нет, — снова подал голос Михаил. — Почему ты не приказал мне вмешаться? Остановить Апокалипсис.

— Я полагал, мой сбитый с толку сын, что мне не придется повторять, — укоризненно изрек бог. — Это был выбор самих людей. Да, сыграла на нем тьма, но выбор люди сделали самостоятельно.

— Это был выбор НЕМНОГИХ людей, — неожиданно возразил ему архистратиг, чего прежде за ним никогда не наблюдалось. — Их малой части. Совсем незначительной. Как верно сказал мой брат, погрязшей в пороках, и от имени твоего тиранившей остальных. Эти остальные ничего подобного не выбирали. Им вообще не оставили выбора, взращивая с колыбели на чужих страстях и идеалах.

В отличие от Люцифера и Люмениферус, слова архистратига произвели на ангелов несравнимо большее впечатление. Предвзятое отношение к Светоносным не распространялось на военачальника небес, доселе служившего отцу поистине безупречно.

— Не ожидал я такого от тебя, — снова помолчав, произнес бог. — Проявить сострадание, поддаться хитроумным речам — это я могу понять. Но ты заходишь дальше. Подумай, еще не поздно остановиться. Твой брат этим пренебрег. Пошел до конца, и теперь, как все могут убедиться, не намерен сходить с неправедного пути. Он не переступил свою гордыню, не осознал заблуждений. Стало только хуже. Не повторяй его ошибку. Ты еще способен обернуть все вспять.

— Как насчет детей? — и не подумал умолкнуть Михаил. — Какой выбор был у них? Хоть когда-нибудь, с тех пор, как в гневе ты уничтожал целые города. Религия утверждает, что там были одни лишь грешники, опуская очевидное. Либо там проживали только взрослые люди, и они принципиально не размножались, либо вместе с ними сгинуло и множество юных душ.

Доселе выраженное, благоволение к Михаилу стремительно иссякало. Заговорив, как Люцифер, он и отношение менял к себе, как к Люциферу.

— Да что вы втроем заладили! Дети, дети! — изрядно раздраженный, громыхнул бог. — Что вы мне все тычете этими детьми! Что у вас за мания такая! Люди! И точка! Сами утверждаете, что между

ними нет никакой разницы!
— Разница колоссальна! Даже в твоих религиях, в любой слепой вере это самые чистые и безвинные души! Просто по определению, ибо они еще не успели нагрешить! — громогласно ответил Люцифер. — Такая простая истина доступна уму даже самого оголтелого фанатика! Так с чего бы вместе с грешниками убивать детей?! Предавать их мучительной смерти! Лишать всякого будущего! Отнимать у них собственных детей! Мечтаний, жизни и потомков! Никаким высшим замыслом, никакими посмертными благами ни одна вменяемая совесть не может это объяснить! Уж я-то это знаю! Я ведь не только правитель ада, но и равный тебе в познании душ!
— А мне ведомы все чувства! — таким же мощным голосом провозгласила Люмениферус. — И мне прекрасно известно, что чувствуют дети! И что чувствовали те, что расстались с жизнью, по твоей милости и твоей божественной справедливости!

Изъяном последнего аргумента становилась невозможность его восприятия. Следуя прежней логике, он вписывался в общую канву, однако во всем остальном звучал только на словах. Наделенные каждый своим даром, им архангелы владели в совершенстве, но никаким другим. Обычные ангелы и тем паче. Иначе говоря, любой из них все видел и слышал лишь со стороны, не в состоянии ощутить то же самое, что Люмениферус и Люцифер. Земные тягости и боль были для них недоступны и преходящи, как документальное кино для неискушенного зрителя.

Небожители не ведали людских забот. Они могли сопереживать, опечаливаться чьей-либо судьбой, проливать слезу и входить в положение, однако не чувствовать то же, что и простые смертные. Даже проявляя заботу, люди в принципе не понимали, что испытывает брошенный, замерзающий голодный котенок или щенок. Ангелы же не понимали, что творится в юной страдающей душе. В своем представлении, они ориентировались на счастливый финал — блаженное пребывание в раю, куда попадали все погибшие дети, и что якобы с лихвой компенсировало перенесенное в смертной жизни. Так думал даже Михаил, и только Люциферу да Люмениферус было известно, насколько это далеко от истины.

Душа сохраняла память. Даже пребывая на небесах, она не утрачивала эмоций, возможности не только радоваться и смеяться, но также грустить и страдать. У большинства людей — и особенно религиозных, — рай ассоциировался лишь со светом и покоем; вечным блаженством, не омраченным обидами, болезнями и смертями. В определенной степени, так оно и было, но при этом

души не забывали ничего. Они помнили все пережитое, пускай и отступавшее на дальний план, меркнувшее в сиянии нового бытия, когда вокруг и впрямь хватало света, а жестокие земные реалии не подстерегали за каждым вздохом. Они не теряли воспоминаний о хорошем и плохом, добром и злом, милосердном и черством, справедливом и нет. В их памяти хранилось, где и с кем они жили, и как покинули бренный мир. В памяти даже детской, ибо после перехода в вечность это не имело никакого значения. Юноши и малыши, подростки и груднички могли и сами всего не осознавать, зато Люцифер сознавал это очень хорошо. Он, и его сестра Люмениферус, досконально познав как жизнь на земле, так и за ее смертными пределами. Вот только поделиться этим они не могли. Передать впечатление напрямую, как чувствовали сами, а не в образах и на словах. И доказать, тем самым, всю несостоятельность подхода отца.

Сомнения архистратига ощущались зримым образом. Люцифер это видел, а Люмениферус чувствовала, однако носили они довольно специфический характер. Михаил и впрямь усомнился в справедливости отца, в безупречности его правления землей и небесами, но он не желал лишать его власти. Он хотел чтобы его переубедили. Хотел с большой буквы, чтобы успокоить свою мятущуюся совесть. Согласиться с Люцифером означало снова поднять мятеж, на сей раз более серьезный и с непредсказуемыми последствиями. Примирение с отцом сводило конфронтацию к минимуму, включая прощение Люмениферус и отсутствие новой кары для Люцифера. В идеальном варианте, бог закрывал глаза на поступок Михаила. Остановив Армагеддон, архистратиг складывал присвоенные полномочия и возвращал все на круги своя, принимая последствия за самоуправство исключительно на себя. В конце концов, Светоносные ничего крамольного не натворили, исключая вызывающую перепалку, а это не такое уж невиданное событие.

Смятение и неуверенность, обуревавшие архистратига, примечали не только Люмениферус и Люцифер.

— Пойми, сбитый с толку сын. Все люди для меня равны. Больше, чем вы думаете. Меж ними я не делаю исключений, дети они, зрелые мужи или старцы, — уловив настроения Михаила, с ласковыми нотками молвил бог. — Повторяю, человечество само в ответе за свою судьбу, и каждому воздается по заслугам. Праведные отправляются на небеса. Грешникам уготован ад. Дети действительно ни в чем не виноваты. Именно поэтому они всегда проходят райские врата, в то время как для виновников их гибели они закрыты навеки. Если мы станем вмешиваться, получится изрядный перекос. Возможно, вам кажется, что моя система не идеальна, но

именно с позиции небожителей. Поверьте, она очень даже хороша для мира людей; когда в ответе за все человечество лишь само человечество, уж плохо или хорошо у него это получается.
— А как же Апокалипсис? — преисполненный сомнений, напряженно спросил Михаил.
— Это мы уладим, — угадывая его чаяния, заверил бог. — Гибель человечества ты предотвратил, чем вполне можешь гордиться. Не стоит осуждать тебя за сострадание. Это и впрямь было бы несправедливо. Я сделаю так, что люди ничего и не вспомнят. Война не возобновится. В остальном все тоже останется по-прежнему, если тебя это устроит.

Да, Михаила это устраивало. Люцифера, безусловно, нет, как и до крайности возмущенную Люмениферус, однако предложение бога нивелировало все последствия. Захватывая власть, Михаил пошел на это не в силу чьих-то увещеваний, а только ради спасения людей. Теперь ему это прощали, обещая сверх этого ничего не предпринимать. И волки сыты, и овцы целы, а отдельные детали можно было урегулировать потом. Михаил, безусловно, серьезно колебался, но эти колебания так и не склонили чашу весов. Признавая справедливость, звучавшую в словах брата и сестры, он все же не хотел переходить черту; ломать давно устоявшуюся систему, пускай на поверку та и оказалась отнюдь не совершенной. Это читалось в его уме, эмоциях и глазах. Удрученный многими изъянами, он так и не оспорил правление отца. И тот это очень даже понял.
— Вам есть еще что сказать? Или станете повторять одно и то же? — выразительно подытожил бог. — Иначе дискуссия окончена.

Принимая решение, Михаил, очевидно, делал это раз и навсегда. Единожды усомнившись, теперь он не внемлет любым уговорам брата и сестры, которым и добавить-то будет нечего. Сообразив, к чему все идет, Люмениферус порывисто шагнула к нему, однако Люцифер остановил ее воздетой рукой.
— Ты на землю давно смотрел? — внезапно осведомился он у отца. — Может быть, ты все же не заметил ядерный Апокалипсис?
— Мы это обсуждали. Что-нибудь еще? — отмахнулся бог.
— Да. Как насчет тех, кто в нем сгорел? — твердо продолжил Люцифер. — Рабы твои верят, что велики будут страдания людей незадолго до нового Пришествия. Почему бы их не предотвратить? Не дать пресловутому сатане погрузить все в пучину боли. Помешать ему устроить Конец Света. С чего вдруг дьявола надо повергать именно ПОСЛЕ, а не ДО? В некой последней битве добра и зла. Позволяя страдать и умирать всему человечеству, а злу, предварительно, в полной мере разгуляться на земле.

На фоне предыдущей связности, краткий монолог Утренней звезды прозвучал довольно абстрактно.
— Ты сошел с ума? — удивился бог.
— Если бы, — мрачно отозвался Люцифер. — Апокалипсис, считай, свершился. Зло пришло, разгулялось и фактически одержало верх, а ты и пальцем не пошевелил. Ничего не хочешь сказать? Тем, кого испепелило ядерное пламя?
— Все уже было сказано, — безапелляционно заявил бог. — Всем душам, что прибыли ко мне на суд и попали в рай, либо отправились к тебе в ад. Добавить тут нечего.
— А вот это мы сейчас поглядим, — с какой-то странной интонацией произнес Люцифер. — Мой дар при мне, и на данный момент я не только владыка ада. Пока мой брат не сложил полномочия, пока он главный на небесах, я способен на то, что было недоступно прежде. А именно, прочесть все здешние души, познать их мысли и постичь их боль. А еще я могу направить все это в Михаила, чтобы он услышал их сам, а не через меня.
И сказав так, он воздел ладонь, а затем протянул ее в направлении архистратига.

Некогда хранитель Эдема, Люцифер Светоносный обладал там величайшей властью, выше которой был лишь бог. Это уже означало очень многое, но еще он был и оставался властелином душ. Из рая Люцифера изгнали, однако дар остался при нем, и сила его никуда не делась. Он пользовался ей в аду, не только читая души, но и призывая их там откуда угодно. Теперь эта способность вернулась к нему и на небесах. Придя на помощь человечеству, как минимум временно Михаил все запреты отменил. Это позволило Люциферу вернуться в Эдем. Это же восстановило его прежние возможности. Протягивая к брату руку, он в полной мере использовал великий дар Утренней звезды.

Как нечто неземное, средоточие божественного могущества, нематериальные небеса всегда полнились светом, но на этот раз их заполонил свет особенный. Возникая повсеместно, проявляясь среди пышных садов, он сливался в ручейки, а они в обширные реки. Наливаясь сиянием, эти реки закружили и пошли волнами, словно горные потоки на изгибах и перекатах. Затем обрели невероятную, почти осязаемую плотность, и внезапно устремились в Люменифер.

Неожиданный для всех, необычный и масштабный эффект не застал Светоносную врасплох. Предупрежденная братом, получив от него мысленный сигнал, она тихо ахнула и раскинула крылья, глядя куда-то в пространство ослепительно белоснежным взором. Направленные в грудь, сияющие реки проливались прямо ск-

возь нее. Проносившиеся будто призраки, в них мелькали голоса, лица, и фигуры. Сливаясь воедино, они образовали невиданный поток, состоявший из чистой энергии обитавших в Эдеме душ. Это ведь и были души, распределенные богом по своим местам. Призванные Утренней звездой, сейчас они не состояли из отдельных нематериальных оболочек, а воплощались в своей незамутненной бестелесной форме.

Поток прекрасного света не представлял собой самостоятельное образование. Его заполоняли вечные искры, зажженные Творцом. Здесь были их мысли, желания, надежды и мечты. Здесь находилась квинтэссенция их сознания. Здесь лились их чувства и струилась их память. Проходя через Люмениферус, все это обретало былую эмоциональную мощь, порожденную всколыхнувшимися воспоминаниями. Притягивая их к себе, Люцифер и слышал, и видел все одновременно, однако не для того, чтобы проникнуть в то, что и так уже знал. Направляя руку к архистратигу, он тоже пропускал сверкающий поток через себя. Пропускал для того, чтобы теперь все это познал и архангел Михаил.

Души не забыли ничего. Пребывая в раю, откликнувшись на зов Утренней звезды, они прошли через Люмениферус, и та ощутила все, что им довелось когда-либо испытать. Ощутила, и ответила своим бурным откликом, искренним и ясным. Разделила всю их боль, прочувствовала каждое страдание до последнего вздоха. Души ощутили ее участие, подлинное сожаление обо всем, что с ними стало. Их память обнажилась, словно рифы в безмятежной воде, и не таилась она более в незримых полузабытых закутках. Райские сады никуда не делись, но теперь сквозь них проступили перипетии земного бытия. Все, какими они оказались, и какими навеки запечатлелись в любой постигшей их душе. Там была и радость, и даже счастье. Там хранились веселье, слезы, любовь, печаль и боль. А еще там был атомный огонь. Испепеляющим аккордом, дьявольской симфонией, ставящей точку в земном пути, он сверкнул ослепительной вспышкой и ворвался прямо в сущность архангела Михаила.

Хоть и оставаясь неподвижной, Люмениферус едва держалась. Ее чувства бушевали, полнясь всеми чувствами проносившихся через нее душ. Миллионов стремительно летевших душ. Ко многому привычная, прежде она не испытывала столь чудовищного эмоционального давления, что сейчас проверяло ее бессмертное сознание на прочность. Человек мгновенно сошел бы с ума, обычный ангел не выдержал и впал в прострацию, но она была архангелом, могущественным и равным светоносному брату. Она сумела устоять, подтверждая великую силу и способности; доказала, что

может справляться даже с таким единовременным числом разумных сущностей. Сияя будто миллиард сверхновых, Люмениферус разрывалась от эмоций, наполнявших ее чистое сердце, но все же не разорвалась, разделяя чувства людей и пребывая с ними в полном единении.

Несмотря на опыт, крайне тяжело приходилось и Люциферу. Привыкший царствовать в преисподней, доселе он тоже не испытывал ничего подобного. Призывая души, он строил свой новый ад, и мог мгновенно перемещать его обитателей куда угодно, но он никогда не имел с этим дело на небесах. Его изгнали прежде, чем туда после смерти стало прибывать человечество. Слыша всех одновременно, раньше он не слушал всех одновременно, ибо это было не одно и то же. Ныне, охватив Эдем, он пропускал миллионы душ через себя. Сотни миллионов, что звучали в его сознании, наполняли мыслями и видениями. Люцифер Светоносный, он справился с таким потоком, ибо не просто так носил свое прозвание и был первым после бога. Управляя любой его крупицей, каждой проносившейся в нем душой, с неистовым и стремительным напором он пронзал им своего брата Михаила.

Командуя небесным воинством, владея физикой Вселенной и приглядывая за землей из рая, архистратиг обладал невероятной силой, но никогда не подвергался подобным испытаниям. Он видел людскую боль, но не разделял. Он сочувствовал ей, но сам не знавал. Примечая несправедливость, он старался это исправить, однако никогда не ведал, что означало постичь ее самому. Человечество словно было по другую сторону одностороннего зеркала. Могущественный и нетленный, военачальник армии ангелов смотрел, но не видел, слушал, но не слышал, чувствовал, но не ощущал. Михаил понятия не имел, что испытывают люди. Что бы с ними ни происходило, он воспринимал это через призму бессмертия и вечности. Способный понять, он не имел возможности это сделать. Умевший сострадать, он никогда по-настоящему не страдал. И вот вдруг пробил час. Каждый используя свой дар, сестра и брат заполонили его тем, что думало и испытывало человечество. Испытывало всегда, с рождения и на протяжении всей жизни, что для одних заканчивалась покоем, а для других великой мукой и сожжением в атомном огне.

Вырвавшийся словно громовой раскат, крик архистратига был ужасен. Содрогнув небеса, он пронесся по ним гудящим штормом, вздымая листву и пригибая чашечки цветов. Трава заколыхалась как в степи, овеянной дыханием урагана. Прежде безмятежная, водная гладь пошла волнами, чьи барашки сердито загудели грядущим штормом. Задрожали даже облака, разбегаясь

в потемневшем небе. Настолько чудовищной боли, таких неистовых страданий Михаил не испытывал никогда. Он даже не предполагал, что такое вообще есть, и тем более ощущается чьей-то жизнью. Проносящиеся миллионами, души наполняли его своими эмоциями и воспоминаниями. Всем, что они пережили на земле, и в особенности тем, как они покинули ее в огне и пепле ядерного сияния. Страшный жар, пожирающий тела, горение заживо и сметающая все ударная волна — Михаил постиг это так, словно и сам оказался там. Оказался везде и одновременно, от испепеляющего эпицентра до окраин, куда дотянулись сокрушительный удар и убийственная радиация. Не только в одном-единственном взрыве, что накрыл, растворил отдельный город — в каждом, что расцвел, воссиял разящим светом наступавшего Апокалипсиса. А затем наступил еще больший кошмар.

Объяв все души в раю, Люцифер не ограничился ядерной войной и обрушил в Михаила все, что испытало человечество, с самого рождения до нынешних времен. Все, о чем он говорил. Все, на что указывал и считал недопустимым. Гибель детей, расизм, мизогиния, религиозные фанатики, тирания веры и немыслимые мучения, которые они приносили все вместе взятые и по отдельности. Каждая поруганная душа, каждое изувеченное тело ныне возвещали о себе в полный голос, взывали к справедливости и несостоявшемуся милосердию. Бесправие женщин терзало Михаила так же, как слезы малышей и религиозные войны. Деспотичность иерархов жгла его застенками веры и палачами светских властей. Каждая капля крови, пролитая во имя божие, любое насилие, свершенное от его лица — все это стало частью Михаила, до отказа наполняя его бессмертное существо. Казалось, его вот-вот разорвет от немыслимого напора ощущений и эмоций, но и на этом Люцифер не остановился.

Утренняя звезда все еще был владыкой ада. Повинуясь его воле, тамошние души устремились на небеса. Все, кто отправился в огонь, но не за тяжкие грехи, а по прихоти божественного суда, вроде павших в противостоянии с фанатиками и несчастной девушки-самоубийцы. Все, кто не выдержал испытаний, которые бог якобы не посылает сверх того, что человек способен вынести. Все, кто нагрешил, но потому, что его загнали в угол и не оставили справедливого выбора. Они не переселялись в рай. Отдельным потоком, проходя через Люмениферус и Люцифера, они все так же вливались в Михаила, чтобы вернуться обратно, откуда прибыли. Но Михаил их познавал. Познавал досконально, что они испытали, от начала смертной жизни и до того, что творилось с ними в аду. Творилось до тех пор, пока не вмешался Люцифер, создав свой ог-

ненный Эдем и переместив туда всех, кто вечных мучений явно не заслуживал.

Это был не свет, это было пламя. Пламя огненного меча, внезапно полыхнувшего в руке Михаила. Вздымаясь вверх, оно расширилось сразу во все стороны, а затем, становясь сильнее, объяло всю фигуру архистратига. С расправленными крыльями, из архангела он словно превратился в феникса, что неистово пылает жгучим огнем. Михаил не горел. Заходясь от боли, крича от неистовых страданий, он вобрал в себя пламя своего клинка, и теперь был его воплощением и проводником. Защитник небес, теперь он и сам стал огненным мечом, чье абсолютное, неотразимое могущество наполняло его целиком и полностью.

— Чудовище! — содрогнул небеса Михаил. — Немыслимое, бессердечное чудовище!

Исторгая пламя, его облик запылал еще сильнее, достигая запредельного, прежде невиданного и никому не доступного апогея.

— Но этому больше не бывать! — прогремел свой вердикт Михаил.

Обратившись в разящий огонь, он направил острие на бога и выпустил в него всю мощь огненного меча.

— Не-е-е-е-ет! — отчаянно вскрикнула Люмениферус.

Покинув световой поток, сверкающей молнией она ринулась вперед и закрыла собой отца.

Люцифер среагировал мгновенно. Не ожидавший ничего подобного, он не собирался препятствовать Михаилу, но тут же забыл обо всем, едва осознал поступок Люмениферус. Ужаснувшись тому, что сейчас произойдет, он ринулся прямо на архистратига. Его огонь был поистине ужасен и веял жаром, едва ли не сжигал даже архангела, но Люцифера это не остановило. Концентрируя свою мощь, он врезался в брата и отвел его клинок, чье пламя успело поразить Люмениферус. С дымящимися крыльями, опаленный и наполовину оглушенный, он свалился рядом, но все же остановил роковой удар. Ту его часть, что сумел отвести от Люмениферус.

— Нет! — выдохнул Михаил.

Унимая пламя, он опустил свой неотразимый меч, чья сила еще бушевала, но уже не причиняла вреда.

— Не надо. Так нельзя. Он же наш отец, — прошептала, стремительно тускнея, Люмениферус.

Теряя связь с реальностью, обожженная и полупрозрачная, Люмениферус упала, бессильно распластав поблекшие крылья. Становясь все прозрачнее, она растворялась прямо в садах вечного Эдема, сиянии его летавших душ и отблесках полыхавшего огненного меча.

— Держись! — забывая обо всем на свете, крикнул Люцифер.
Ринувшись к Люмениферус, он протянул к ней руку, силясь передать как можно больше своей энергии. Убирая клинок, бросился к ней и Михаил, и тут раздался мерный гул, словно включился очень большой трансформатор. Так и не коснувшись сестры, оба брата наткнулись на барьер, возникший из белого и при этом ничего не заслоняющего света.
— Довольно. Не мешайте мне исправить то, что вы натворили, — без всякого гнева изрек бог.

Сила огненного меча не поддавалась никакому измерению. Ничто не могло ей противостоять, а прямой удар приравнивался к вычеркиванию из всего сущего. Кто-то менее могущественный, вроде отродья тьмы или обычного человека, исчез бы немедленно, испепеленный его неотразимым пламенем. Люмениферус была архангелом, не уступавшим Утренней звезде. Сраженная потоком огня, она погибла не сразу, но братья все равно не могли ее спасти. При всех своих возможностях, на этот раз они оказывались бессильны. Все целители во Вселенной были не в состоянии помочь тому, кого поразили огненным мечом. Все, кроме одного. Приблизившись к Люмениферус, уже растаявшей до состояния дымки, бог опустился на колено. Затем протянул к ней длань и коснулся поникшей головы.

Исходившее от бога, сияние не позволяло различать, что происходило в его лучах. Единственным ориентиром служили только звуки. Полившиеся из света, они наполнили пространство мелодичным звоном — переливчатым, будто пение хрусталя, высоким, насыщенным и проникновенным одновременно. Их ровное звучание, отдельные аккорды сливались в музыку, нерукотворную и не сотворенную движением мысли. Небесную музыку, что всегда звучала в эфирных струнах самого Эдема, даже когда ее никто не слышал. Животворящую музыку, способную создавать все из ничего. Всемогущую музыку, воплощающую силу самого Творца. Она раздавалась в тот момент, когда он ввел в этот мир Люмениферус — свою единственную и ни на кого не похожую дочь. Теперь она не давала ей угаснуть. Возвращала туда, откуда она едва не ушла в бесконечное ничто. Наливая ее светом, некогда дарованным, чтобы нести его другим, она восстанавливала силы, наполняла белизной, возрождала белоснежные крылья. Способная порождать целые миры, бесконечная энергия вливалась в бесплотную сущность Люмениферус, не позволяя ей шагнуть в необратимое небытие. А затем, в какой-то миг, вернула одним могучим рывком.

Еще более драматическая, нежели удар огненным мечом, надолго внезапная сцена не затянулась. Никто не сидел у постели

больной, держа ее за руку и обещая скорое выздоровление. Сознание не возвращалось постепенно, как постепенно не восстанавливалось и тело, исхудавшее от изнурительного недуга. Божественное исцеление свершилось, и никто даже не понял, сколько минуло времени. Люмениферус очнулась сразу. С ясным умом, преисполненная энергии, она резко села, словно ее подбросило разрядом тока. Затем, часто заморгав, изумленно огляделась и посмотрела на отца. Впервые за долгое время, тот ей улыбнулся. Поднимаясь сам, он поднял за руку и ее. Поднял, но руку не отпустил, продолжая держать ее в своей сияющей длани.

Непродолжительное молчание не нарушал ни единый звук, не считая привычных звуков райских кущ. С каким-то необычным выражением, бог смотрел Люмениферус в глаза, мимолетно окидывая взором ее прекрасную фигуру. Казалось, он как-то по-новому взглянул на свое творение, которое пробудило у него нечто прежде неведомое.

— Это было неожиданно, дочь моя, — негромко молвил бог. — Ты удивила даже меня. Я думал, ты тоже хочешь от меня избавиться.

— Никогда я этого не желала, — вырвалось у Люмениферус. — Я часто была на тебя зла, а сегодня сильнее, чем когда-либо. Но я никогда не желала тебе смерти.

— И доказала это нагляднее некуда, — ласково произнес бог. — Никто — даже ты не поняла, чем я тебя наделил. Я даровал тебе не дар творения жизни. Я даровал тебе любовь, ибо только она жизнь и творит. И всю ее глубину, всю ее полноту и силу ты познала лучше, нежели я.

Не отрывавшиеся от бога, глаза Люмениферус внезапно узрели то, что прежде было скрыто за его ослепительным сиянием. Тихо ахнув, она обомлела и замерла, увидев облик и лицо своего отца. Случайно или по его желанию, она узрела то, что прежде оставалось недоступно любому взору, но передать кому-либо увиденное не могла, ибо только ей оно и предназначалось.

— Ты самое удивительное мое творение, — мягко улыбнулся бог. — Именно поэтому я действительно тебя не понимал, ибо сделал максимально не похожей на себя. Я сердился, когда ты выражала свое мнение, не одобрял твои инициативы и всячески ограничивал творческий порыв. Тот самый, что я сам тебе и дал — творить во имя цветущей в тебе любви. Мне не стоило тебя порицать. Мне следовало тебя поддерживать. Прежде я тебя недолюбливал, за дерзость, упрямство и своенравие. Полагал, что зря наделил теми качествами, которыми ты постоянно испытывала мое терпение. Теперь я об этом не жалею. Теперь я тобой горжусь.

Услышав такие откровения, Люмениферус расчувствовалась

дальше некуда. Она едва не разревелась, что даже с ней никогда не случалось, а о других небожителях и говорить не приходилось. Пораженная отцом, восхищенная его словами, она бы и вовсе бросилась ему в объятия, если бы это, в известном смысле, уже не произошло. Показавшись ей сквозь сияние, бог по-своему это и сделал.

— Утри слезы, дочь моя, — без всякого нажима в голосе велел бог. — Сейчас не время раскисать. Тебе предстоит много работы, и отныне тебя не станут забывать.

Окружавший их обоих, барьер исчез в мгновение ока, словно его и не было.

— Теперь что касается вас, мои сыновья, — продолжил бог, отпуская руку Люмениферус. — Я слушаю.

— Слушаешь? Что слушаешь? — оторопел Люцифер, шокированный происходящим не меньше Михаила.

— Каким вы видите новый мир. Я долго выслушивал, что в моем мире не так. Я не услышал ничего, каким ему, по-вашему разумению, надлежит быть, — спокойно, без малейшего неудовольствия произнес бог.

Ошеломленные предложением, никак не вязавшимся с возрождением сестры, Люцифер и Михаил невольно переглянулись. Гнев на отца никуда не ушел, но несколько остыл из-за произошедшего с Люмениферус. Вернув самообладание, архистратиг не забыл постигнутое из душ, однако перестал уподобляться фениксу. Он вернул себе обычный облик — крылатого величественного воина, чьи доспехи больше не озаряло пламя огненного меча. Перестал неистовствовать и Утренняя звезда. Он уже не призывал миллиарды душ и не направлял их в Михаила. Разлетаясь, кто куда, они возвращались на свои места. На просветлевшем небе снова плыли пушистые облака. Листва безмятежно шелестела, словно ее никогда и не трепали порывы штормового ветра. Цветы распрямились и радостно улыбались небесной синеве. В Эдеме наступил привычный покой, не нарушаемый даже голосами притихших ангелов.

— Пускай мой брат говорит, — помедлив, сказал Михаил. — Это он всегда выдвигал идеи. Я только… чуть беды не натворил.

Обычно уверенный и властный, гордый Люцифер за словом в карман никогда не лез. С незапамятных времен, он не упускал возможности выступить, однако сейчас энтузиазма особо не излучал.

— Довольно я слушал только себя. О новом мире я мечтал вместе с нашей сестрой. Пусть говорит она, — помедлив, качнул головой Люцифер.

— Ее я уже услышал. Иначе не обращался бы именно к вам, — не слишком-то понятно изрек бог.
— Давай, брат. Ты так долго этого ждал, — кивнула Люмениферус.
— Мы все придумывали вместе. Наши мысли и идеи давно переплелись. У них уже нет раздельного авторства. Ты будешь говорить за нас обоих.
— Будет ли с того толк, — собираясь с мыслями, произнес все еще ошеломленный Люцифер.
— Это уж мне решать, — выразительно подчеркнул бог. — Давай, не тяни. Иначе я подумаю, что ты испугался. Бунтовал только ради бунта, и уже не хочешь ничего менять.
— Вот уж нет! — тут же приходя в себя, вскинулся Люцифер. — Отныне и навеки, больше никакой веры! Вера — зло! Лишь знание — добро!

Некогда, возможно, и полезная, когда на заре времен люди были слишком недалекими, чтобы даже начинать постигать тайны бытия, с течением лет вера доказала свою несостоятельность. Особенно слепая, которая не только не требовала доказательств, но и агрессивно их отрицала. Инакомыслие она всегда воспринимала в штыки, неизменно тормозила прогресс и всячески сопротивлялась любому новшеству. Проблема, разумеется, заключалась не в ней, как таковой, а в том, чем она становилась для человечества.

Любое развитие основывается на знании. В этом его смысл, и в этом фундаментальная идея сути бытия. Если бы бог хотел, чтобы люди не развивались, он не наделил бы их разумом, достаточным для осознания себя в мироздании. Подобно кроликам, они бездумно сновали бы по земле, поедая ее саморастущие плоды, нежились под теплым солнцем и не делали ровным счетом ничего, или безмятежно, без всяких устремлений, гуляли по райским садам вечного Эдема. Разум предполагал другое. Ведь это предполагал и бог, иначе не велел бы небожителям поклониться любимому своему творению.

Заглядывая наперед, бог предвосхищал людей в финальной стадии развития, свершившегося в суровых реалиях бытия, где оно прошло путь от пещеры до чертогов Творца. Уподобилось ему не только обликом, но и возможностями, воплощенными в одной из ипостасей Троицы. Ангелы этого не видели. Даже архангелы этого не узрели, с рождения пребывая на пике своего могущества и не ведая, что сверх этого еще возможно. Это понял только Люцифер. Понял не сразу, а по мере наблюдений в аду и на земле. Он не отказался от своей мечты занять небесный престол. Он не передумал и не собирался поклониться человечеству — он захотел его

вести. Даровать ему знание, как некогда открыл его Еве, и направлять к тому, чем людям в итоге надлежало стать.

В любую эпоху, слепая вера приносила только зло, каким бы добром ее ни преподносили. Она не дарила утешение — она перекладывала ответственность. Лелеяла самообман, прикрывала несправедливость, вводила в заблуждение о подлинном смысле бытия. Наперекор свободе воли, она воспитывала не творцов, а рабов, чьи мысли и деяния заведомо загонялись в кандалы чужих помыслов и желаний. Верующим не полагалось рассуждать. Их заведомо лишали этого права. Им надлежало молчать и подчиняться, словно пресловутым овцам, ведомым такими же пресловутыми пастухами.

Отсылка к пастырю и стаду возникла не случайно. Так видели устройство мира всевозможные иерархи, и они насаждали этот рабский образ с первого же проблеска сознания юных умов. Будь религия одна, и притом религия истинная, такой подход имел бы хоть какое-то обоснование. В конце концов, его придерживался сам бог, требующий послушания на веру. Религий, однако, было много, и каждая безапелляционно утверждала, что права только она. Слепая вера априори порождала такое положение вещей. Не требующее доказательств заведомо обретает черты непреложной истины, пусть даже ничего общего с ней не имеет.

Стремясь к познанию, человеческая природа стремилась и к удовольствию. Это была естественная часть короткой бренной жизни. Более того, жизни даже ангельской, ибо в известном смысле какие-то наслаждения знавали и небожители. К этому относилась музыка, пение, живопись, и вообще чего угодно, что позволяло постичь чувство прекрасного. Разумеется, телесные удовольствия были ангелам чужды, но это отнюдь не означало, что они были недопустимы и тем более греховны. Грех — понятие относительное, применимое к конкретным помыслам и действию. Он олицетворял собой баланс. Точнее, его нарушение, становясь реальным подтверждением того, что все хорошо в меру.

При всем желании, живые тела не могли обходиться без материальной пищи. Их такими создали. Ее отсутствие приводило к неизбежной смерти. Еда заведомо не считалась чем-то дурным, но злоупотребление ей приводило к чревоугодию. Пороку, который сказывался на самом грешнике, подрывая его долголетие и здоровье. Дурной привычке, лишающей пищи других, и особенно тогда, когда эти другие голодают. Отнимая у духовного, плотское преобладало, и чем дальше, тем больше, пока чревоугодник поглощал еду, а чревоугодие поглощало его самого.

Плотские отношения заведомо не были греховными. Так по-

являлась жизнь и рождались новые души, согласно исходному замыслу Творца, а ведь он априори не мог заложить это через грех. Им становилось все то же злоупотребление. А именно, беспорядочные связи, без всякой ценности и морали, приводившие к бесчувственному размножению и множеству заболеваний. Именно они губили душу, низводя ее до животного состояния, и ограничивали ее полет лишь суетным и мимолетным сладострастием. Которое, в свою очередь, сплошь и рядом приводило к преступлениям, тем более тяжким, чем выше по социальному положению оказывался любитель плотских утех.

Прелюбодеяние тоже имело свои оговорки. Нареченные священными, брачные узы предполагали неукоснительное их соблюдение. Особенность крылась в том, что заключались они сплошь и рядом по принуждению. При отсутствии доброй воли, выполняя чей-либо приказ, а то и вовсе становясь разменным товаром, люди автоматически освобождались от всякого греха прелюбодеяния, если сердце вело их к подлинной любви. Той единственной, с которой и надлежало вступить в законный брак, и что регулярно было невозможно для бесправных женщин и несовершеннолетних в архаичных и патриархальных семьях. Грехом становилось принуждение, а не естественное желание вырваться из ненавистных, зачастую пожизненных оков.

Вне всяких сомнений, воровство всегда ассоциировалось у людей с прямым нарушением закона и морали. Случалось, однако, воровство и безвинное. Наполнив погреба, набив кладовые и собственное чрево, иной иерарх или его приспешники наслаждались всеми прелестями жизни, в то время как иные люди умирали с голоду. Забрать у них ту малость, что позволит накормить обессиленных детей, грехом считается лишь у тех, кого как раз и устраивает такое общественное устройство, и кого в итоге ждут отнюдь не небеса.

Традиционно порицаемое, самоубийство было не таким однозначным, каким представлялось на первый взгляд. Состояние аффекта, и особенно вызванное потерей близких, оправдывало все. Тяжесть испытаний тоже играла свою роль, ибо выпадали они отнюдь не в пределах того, что якобы мог выдержать человек. Бог довольно плохо относился к тем, кто лишал себя жизни и отказывался следовать его воле, хотя иногда все же прощал, изредка делая исключение. Абсолютную неприемлемость самоубийства насадили иерархи. Их не устраивало, что раб не терпел их до конца, и вместо того, чтобы приносить доход, уходил в мир иной. Все общественное осуждение, любые карательные меры произрастали именно отсюда, вплоть до очень суровых последствий для остав-

ленной семьи. Само же по себе, самоубийство становилось грехом лишь от гордыни, безразличия или лени, когда человек не захотел искать себе призвания в многообразии бытия, или не пожелал мириться с потерей благ.

Наихудшим, возглавлявшим перечень грехом неизменно считалось убийство — наиболее страшное деяние, которое только мог совершить человек. В сравнении с ним, все остальное блекло, ибо было хоть как-то поправимо, компенсировано или исправлено альтернативным образом. Даже самоубийство затрагивало лишь самого грешника, если не считать последующего возмездия со стороны иерархов. Убийство отнимало жизнь у кого-то другого, и отнимало необратимо. Тем самым оно становилось точкой невозврата как для жертвы, так и для убийцы, однако и здесь все было не так очевидно, нежели казалось.

Убийство из корысти, гнева или ненависти прощения не заслуживало, в то время как религия регулярно его даровала. Часто даровал и бог, отказывая в снисхождении несчастной самоубийце и привечая кровавого разбойника, решившего стать праведником. Такое деяние нельзя было искупить молитвами, пожертвованиями и раскаянием, открыв себе дорогу в рай и угодив туда вместе с жертвой. Восстановление справедливости, при этом, грехом не считалось, как и убийство на поле боя, в борьбе за выживание народа, культуры и родины. Если законный суд, если само общество отказывало в правосудии, не наказывая злодея по тем или иным причинам, на пострадавших не падал грех, если они сами его казнили. Родитель, отправивший в ад убийцу своих детей, или жертва насилия, воздавшая насильнику, в глазах высшего суда оставались невиновны, если этот суд, конечно, следовал замыслам нового мира Утренней звезды.

Делясь на составляющие, перечень грехов был длинным, вбирая в себя все различные учения, где одно объявлялось дурным, а другое благом, и наоборот. Он учитывал физические реалии и мораль, излагался в общем, но и обращал внимание на отдельные исключения. Точное изложение, все подробности становились отдельной работой — кропотливой, внимательной и исходившей с самих небес. Все это были нюансы, подлежавшие рассмотрению, изучению и контролю ангелами под руководством Люцифера. Суть сводилась к тому, что отношение к грехам кардинально пересматривалось и обстоятельно доводилось до людей.

Изрядно хромавшие, прежние небесные законы кратно усугублялись законами земных иерархов. Безвинное деяние сплошь и рядом называлось грехом и наоборот — тяжкие прегрешения объявлялись прощенными. Этот перекос колоссально усиливала сле-

пая вера. Не зная реалий, верующие воображали, что некий объявленный святым человек пребывает в раю, и возносили ему молитвы, в то время как в действительности он получал по заслугам в преисподней. В обратной ситуации они порицали невиновного, якобы угодившего в ад, а на деле его душа оказывалась на небесах, и порой была куда более праведной, нежели большинство нареченных таковыми. Все бы ничего, но это создавало у людей недопустимые иллюзии. Они не соотносили реальные действия с реальными же последствиями, ставили их в пример, и этот пример вызывал соответствующий эффект. Подмененная истина, перепутанные добро и зло превращались в маяк, что вел не в безопасную гавань, а на хищные скалы.

Во избежание ошибок, распрей и междоусобиц, не говоря уже о насилии и братоубийственной войне, религии следовало основываться на фактах, а не казуистике подстраивавшихся под современность богословов. Некогда преследуя тех, кто осмеливался отрицать небесную твердь и утверждал, что болезни вызываются крошечными организмами, ныне они не объявляли чем-то скверным менструацию и допускали существование инопланетян. Это переобувание налету, прямо-таки кричавшее об идеологической непоследовательности и по сути несостоятельности, традиционно не замечали только сами верующие, и особенно фанатики. В угоду обстоятельствам, оправдывая иерархов, богословы играли словами, выводами и формулировками, чтобы подвести хоть какую-то основу в глазах верующих. Находя ее в учении, фундаментальных текстах или официально признанных высказываниях, они хотя бы не выходили за рамки исходных заветов.

Апогеем религиозного злоупотребления становились вердикты, основанные ни на чем. Не найдя законных оснований, даже самой притянутой отсылки к первоисточникам, иерархи не гнушались объявлять, что они налагают некий запрет лично от себя. То, что им приходилось не по нраву, персонально они называли греховным, аморальным и недопустимым, окончательно и открыто подменяя собой пророков и в итоге бога. Следовали они при этом вере, истово воображая, что поступают правильно, или тем самым выражали собственную власть — значения не имело. Грех за сотворение кумира никто не отменял, а кумиром, в данном случае, становились сами иерархи, ибо внедряли в веру то, что исходило от них, а не бога. Прикрывая узурпаторство, иные объявляли себя непогрешимыми в вопросах веры, что грехом становилось еще большим, и что требовало прямого вмешательства небес. Запугивая и угрожая, они очень долго сулили другим геенну огненную. Им надлежало познать ее самим.

Даже не слишком развитая, медицина понимала, в чем заключается разница, лечит она недуг или его симптомы. Выстроенная с зари времен, неоднократно перекроенная и изрядно запутанная, вера походила на болезнь, поражавшую сознание и общество. Устранение отдельных изъянов превращалось в бесконечную борьбу с симптоматикой, в то время как исходная проблема продолжала развиваться и нарастать. Лечения требовала сама патология, и становился им полный демонтаж существующей системы верований.

Построенная на слепом принятии, религия несла лишь беды и обман, становясь инструментом власти в руках отдельных людей. По самой своей сути, она вела своих адептов не только на поводке, но и в произвольном направлении. Когда верующие убеждены, что причиненная им боль — это зло от дьявола, но ровно то же самое от бога — априори добро, им же во благо, и его просто не понять, они в принципе утрачивали возможность объективно различать понятия добра и зла. Удар кнутом трактовался не по самому деянию, а от того, кто его наносил. Именно это иерархов и устраивало, наделяя их возможностью помыкать кем и как угодно. Хуже того, это устраивало и бога, ибо полностью вписывалось в его исходные положения веры и безоговорочного подчинения даже для небожителей. Утренняя звезда отвергал это категорически, причем не из собственной выгоды, а во благо самого человечества.

Всякой религии, в прежнем ее виде, надлежало навсегда остаться в прошлом, ибо она тормозила и даже губила будущее. Вера имела право на существование, но как надежда и олицетворение самого лучшего, однако не слепая, а на основе знаний. Именно знания становились фундаментальной опорой нового мира, его краеугольным камнем и дворцом, что по крупинке возводился от бренной земли до райских небес. Люди имели право знать. Они ДОЛЖНЫ БЫЛИ знать исходные аксиомы о своей же жизни, в чем она заключается, и что ее потенциально ждет. За верой закреплялось право вести их в грядущее, то есть дарить мечту и стремление к наивысшему, доступному любому по его труду. Знание закладывало основы, от которых отталкивался человек. Знание единое, без домыслов, разночтений и кривотолков. Свобода воли, при этом, оставалась неизменной.

За человечеством сохранялось право выбора. Ему открывали истину, возможность испить из незамутненного истока, отворяли двери в будущее и были готовы наставлять, лишь бы оно само проявило желание. Астрологи, при этом, по-прежнему могли уверять, будто движение небесных тел влияет на судьбу, как и плоскоземельщики утверждать, что против них плетут вселенский за-

говор. Под запрет попадало лишь то, что объективно вело людей к бедам и погибели, однако запретить саму глупость как таковую был не в состоянии даже бог.

На смену религиозным храмам приходили храмы просвещения. Тамошние служители обучались и воспитывались под наставничеством ангелов. Единое во всем мире, их учение действительно было истинным, ибо основывалось не на домыслах, а реалиях. Заведомо зная правду, они свободно и без оглядки несли ее в мир, открывая любому, кто хотел ее принять и слушать. Неприятие не осуждалось, если оно не порождало вреда и не сбивало с толку других людей. Никто не трогал фантазеров, искавших себя в придуманных реальностях, но шовинисты, утверждавшие, что женщина создана им для утех, еще при жизни получали заслуженную кару. Храмы просвещения становились маяком, а его служители проводниками. Подлинным маяком и подлинными проводниками, раскрывавшими смысл жизни и ведущими к свету. Но ведущими не принудительно, ибо по осознанному выбору своему люди могли сгинуть во тьме.

Заложенное богом, исходное предназначение небес и ада оставалось неизменным. Несмотря на бренные тягости, смертную жизнь никто не отменял, возвращая людей в первоначальные, не дарившие им развития сады Эдема. Как и прежде, души отправлялись дальше по ее результатам, обретая награду в раю или расплачиваясь за содеянное в преисподней. В первом случае, по выбору, они могли наслаждаться красотой и покоем, а могли трудиться с ангелами, расширяя Вселенную света и выстраивая новый духовный мир. Во втором все тоже было неоднозначно.

Как собственное творение, ад Люцифера продолжал существовать. Он не зависел от козней архидемонов, гарантировал исполнение его воли и надлежащее обращение с душами. Там всем управлял человеческий персонал из числа особо доверенных лиц Утренней звезды. Таких, которые заслужили в том числе и рай, и которые по доброй воле согласились принять на себя эту ношу в аду. Что же касалось проклятых, самых отъявленных злодеев и тех, кто принципиально отвернулся от учения света — они отправлялись в прежний ад. После всех унижений, рухнувших планов и оглушительного фиаско, тамошние демоны найдут, как выместить на них свою великую злобу.

Как и слепая вера, принцип невмешательства доказал свою несостоятельность. Вмешиваться было можно и нужно. Ангелы-хранители продолжали исполнять свои обязанности, но они, как и численность хранителей, значительно расширялись. Отныне и впредь, ни один ребенок не оставался брошенным и забытым.

Горькое одиночество, мольбы и просьбы о защите находили неизменный отклик, призывая кого-то небожителей. И тот даровал эту защиту. Он приносил утешение, помогал юной душе обрести опору, почувствовать себя нужной и понять реалии окружающих миров, насколько это было возможно в силу возраста. Детоубийство упразднялось на небесном уровне, вызывая карающего ангела до свершения непоправимого. Насилие над детьми пресекалось и не оставалось безнаказанным. Что же касалось взрослых, зрелых и состарившихся мужчин и женщин, то к ним отношение выстраивалось строго по их собственным деяниям.

На небесном уровне упразднялись и неизлечимые болезни детей. Душевные или физические, отклонения и недуги исцелялись неизменно, не позволяя причинять юным душам незаслуженные страдания. Подобная жестокость навеки признавалась недопустимой, не оправдываемой никакими природными случайностями. Для этого и были нужны ангелы — эти случайности исправлять, восстанавливая высшую справедливость. В более зрелом возрасте подход к исцелению менялся. Он передавался в ведение человеческой медицины, чье развитие всячески поощрялось. Архангелы исцеляли больных, если в том была объективная необходимость, и не вмешивались, когда все происходило естественным путем. Психические заболевания устранял лично врачеватель душ, однако тех, кто приобрел их в результате собственных проступков, он оставлял без внимания. От максимума в колыбели, по мере лет защита небожителей постепенно снижалась, требуя от человека самому принимать ответственность за свою судьбу.

Рассчитывать на помощь ангелов следовало только объективно. Взрыв бытового газа, автокатастрофа или скользкие ступеньки не могли погубить как ребенка, так и заботливых родителей малолетних детей. Намеренный прыжок с небоскреба, экстремальные виды спорта и вообще любое неоправданное подвергание себя опасности всякое участие небес исключали. Ангелы оберегали тех, кто мог пострадать из-за непредвиденных и не зависящих от людей обстоятельств. Во всем остальном они не вмешивались, позволяя человечеству вести себя как заблагорассудится. Разумеется, с определенными оговорками, чтобы отдельные индивиды не приводили миллионы и даже миллиарды к голоду, нищете и гибели.

Ссылаясь на бога, с тронов и амвонов иерархи всегда проповедовали неравенство. Прикрываясь равенством духовным, которому, надменно проводя разницу между собой и простонародьем, не следовали сами, они всячески оправдывали неравенство социальное. Это было в их корыстных интересах, как владеющих паствой, властью и капиталами, за которые они продавали хоть собст-

венные души и не брезговали проливать реки невинной крови. При этом разница между социальным равенством и уравниловкой была колоссальная.

Люди не рождались избранными. С момента появления на свет, они имели общее право на исходные блага, даровавшие достойную жизнь, воспитание, медицинский уход, культурные ценности и образование. Разница проявлялась лишь по мере взросления, как человек себя вел, относился к другим, и кем в итоге вырастал. Разница безусловная, но не абсолютная, ибо он не мог стать кем угодно, то есть подмять под себя народы или принадлежавшее им достояние. Достояние, служившее всем, а не алчности, властолюбию и гордыне отдельных людей. Эпоха автократов и капиталистов, готовых ради власти и обогащения истребить целые нации, отравить океаны и обезлесить континенты, уходила в Лету. Этой порочной практике наставал конец. Богатство не порицалось, равно как и высокое общественное положение, однако их ценой больше не становилось будущее грядущих поколений.

Небесное правосудие уже не дожидалось, когда кто-то доживет свой смертный век. Деяния, способные пагубно сказаться на множестве людей, оно пресекало на корню, сначала предупреждая, а затем карая. Его методы, однако, претерпевали кардинальные изменения. Наказание одного страданиями других, заведомо невиновных и никак к этому непричастных, категорически исключалось. Исключалось раз и навсегда, без всяких показательных уроков и наследственного воздействия. Каждый человек только сам отвечал за свои поступки и грехи. Никакой расплаты за них иные люди и тем более дети не несли. Более того, любая кара объяснялась, прямо и без обиняков, исключая недомолвки и гадания на кофейной гуще. Объяснялась свыше, посланником небес. Право людей на знание распространялось и на взыскание. Они должны были узнать, за что их наказали, чтобы сделать ПРАВИЛЬНЫЙ вывод, основанный на истине, а не домыслах. Хороший или плохой, ведущий к свету или во тьму — это оставалось на их собственное усмотрение, следуя неизменному принципу свободы воли.

Как и в случае с правосудием, испытания без объявленной причины становились вне небесного закона. Истории пресловутых праведников, очевидно страдавших ни за что, впредь не допускались никогда. Это было жестоко само по себе, ничем не оправдано, и ничего хорошего не приносило. Более того, показывало людям плохой пример. Лучше один раз увидеть, чем тысячу раз услышать — эта поговорка отлично олицетворяла принцип человеческого восприятия. Глядя на мучения безвинного, лишь немногие фанатики разделяли такой небесный подход. Большинство людей

справедливо на него роптало, приходя к закономерному выводу — зачем вести себя как праведник, если с тобой поступают как с отъявленным грешником. Это восходило все к тому же знанию, неспроста становившемуся основой нового мира. Знанию, разумеется, со взвешенным и строго выверенным подходом, ибо всему предназначалось свое место и свое время.

Удивительные в переплетении и множестве, тайны бытия раскрывались постепенно. Раскрывались самим человечеством по мере того, как оно взрослело и становилось на ноги, устремлялось к звездам и осваивало Вселенную. Храмы просвещения открывали ему ровно столько, сколько требовалось, чтобы оно не заблуждалось в основах бытия, однако не заменяли ему собственное развитие. Они учили постигать все самостоятельно. Они вели, но не тянули, указывали путь, но не заставляли по нему идти. Исходившее от небес гарантировало истину, без всякого обмана, казуистики и принятия на веру. Как с ней поступить — люди решали сами, все вместе взятые и каждый в отдельности. Тогда, и только тогда их свободный выбор был по-настоящему правильным, в чем и заключалось главное фундаментальное отличие нового мира. Мира, чей восход озарялся светом Утренней звезды.

Установившись с первых же слов, тишина в Эдеме ничем не нарушалась, кроме естественного звучания его садов. Начав не слишком эмоционально, Люцифер постепенно развивал свою речь, прибавляя в проникновенности и напоре. В середине, распаленный ее содержанием, он вышел на качественно новый уровень, окончательно захватив внимание слушателей, а к концу его красноречие достигло апогея. Завершив свой длинный монолог, он умолк, но тишина по-прежнему не покидала райские кущи, и не покидала довольно долго.

— Если есть что добавить, скажите сейчас, — нарушая молчание, без всякого возмущения произнес бог.

Ему не требовалось долго вникать. Затянувшуюся паузу он выдерживал для других, позволяя небожителям хорошенько все переварить. В первую очередь, Михаилу, который огненным мечом очень наглядно доказал желание каких-то перемен. Услышав концепцию Утренней звезды, наконец-то полностью и без обиняков, он выглядел достаточно задумчиво, чтобы бог его не торопил.

— Это все, — тихо подтвердила Люмениферус. — Остальное уже мелочи. Если ты не примешь главное, о них нет смысла упоминать.

— Михаил? — обратился бог к архистратигу. — У тебя вопросы есть?

— Я не стану их задавать, — неохотно отозвался тот. — С меня достаточно полемики. Я согласен не со всем, что предлагает Люцифер, но еще меньше я согласен с тем, что заставило меня поднять на тебя меч. Я этим не горжусь, однако выбор я сделал.
— Хорошо. Тогда спрошу я, — спокойно молвил бог. — Скажи, Люцифер, в чем же тут развитие людей? Плохо ли хорошо, я пустил их в свободное плавание. Ты же собираешься вести их за ручку как детей.

В пылу происходящего, Утренняя звезда даже не заметил, что отец не назвал его "мятежным сыном" или кем-то в таком духе. Вопроса, однако, он ожидал, по смыслу и существу.
— Именно как детей! — и не подумал он возразить. — Это для нас тысячелетия ничто. Человечество находится на самой заре своего развития. Его еще учить и учить, направлять и направлять. Это ты подсунул двухлетнему ребенку ядерный реактор и почему-то недоволен, что он довел его до взрыва. Я такой ошибки не повторю. Да, я буду вести людей за руку, пока в этом не отпадет всякая нужда. Открывать им истину, оберегать их ангелами и пресекать подлинное зло, ибо я, в отличие от тебя, не намерен его терпеть.
— Тогда тебе придется вмешиваться вечно, — заметил бог. — Карать преступников, защищать от злодеев, указывать на правильное и неправильное. Что это, как не решение проблем за человечество, которому надлежит решать их самостоятельно?
— Нет. Только до тех пор, пока люди сами не вырастут настолько, что уже не переступят через мораль. Не будут нуждаться в моей поддержке и помощи, — качнул головой Люцифер. — Рано или поздно, ребенок встает на ноги, и в какой-то момент ему уже не нужен трехколесный велосипед, а однажды не понадобится и путеводная звезда.
— Как, видимо, и тебе, — с какой-то странной интонацией, негромко произнес бог.

Следующий вопрос не заставил себя ждать, хотя на мгновение всем показалось, что других не будет. Впрочем, это был не столько вопрос, сколько рассуждение вслух.
— Люди могут этого не принять. Помни, куда приводят благие намерения. Ты познал это сам, и через них вполне можешь познать снова, — неторопливо заметил бог. — Не забывай, кем они тебя считают. Согласись, не так уж несправедливо.
— Тебя они считают богом, а приди ты снова, они бы тебя снова и распяли, — парировал Люцифер.
— Смелое утверждение, — оценил бог. — Видимо, ты действительно плохого мнения о верующих.
— Неужели ты действительно думаешь, что иерархи откажутся от

власти просто потому, что ты об этом скажешь?! — поразился Люцифер. — Им же твои проповеди будут как кость в горле! Угроза их благополучию и самому существованию! Если ты опять явишься в облике человека, ничем не выказывая свою силу, в исходе этого визита я ни мгновения не сомневаюсь!
— Тогда тебе тем более стоит побеспокоиться за себя, — усмехнулся бог.
— Ничего подобного, — возразил Люцифер. — Я-то не стану прикидываться смиренной жертвой. Я могу испепелить всех иерархов ада — от несогласных людей уж как-нибудь отобьюсь. Кроме того, есть Люмениферус. Ее путеводный свет открывается людям совсем как у тебя, хотя даже я не до конца понимаю, как такое возможно. Он проникает прямо в душу, не оставляя сомнений, кто с ней говорит.

На лике бога появилась загадочная и немного печальная улыбка. Впрочем, ее никто не видел, ибо он неизменно скрывался за ослепительным сиянием.
— Кстати о несогласных. Что вы намерены с ними делать? Они ведь будут, и на первых порах уж точно много, — поинтересовался бог.
— Падших ангелов я прощу. Тех из них, кто не примкнул к архидемонам и сохранил мне хоть какую-то лояльность, — сообщил Люцифер. — Я дам им шанс, если они искренне присягнут нам на верность. Остальные навечно останутся в аду, и никогда уже не принесут зло на землю. Если ты об этом.
— Отец имеет в виду людей, — вступила в разговор Люмениферус.
— Кто уверяет, что болезни от греха — пусть лечится молитвами. В медицинской и ангельской помощи ему будет официально отказано, — Порицающие науку на другие планеты не полетят. Противники прогресса лишатся его плодов. Оспаривающие истину от света познакомятся с правдой демонов. Расовое, половое и любое другое предубеждение такого рода исключается. Ревнители старого порядка будут поражены в общественных правах и не попадут на небеса. Лжепророков, самозваных учителей и упорствующих иерархов постигнет то, чем они сами так долго всем грозили. Мы станем обходиться с несогласными довольно мягко, но и мешать нам строить новый мир не позволим. Мне продолжать?
— Не стоит, — ответил бог. — Хотите вы того или нет, вам придется действовать довольно радикально. Без масштабных показательных мер тут не обойтись.
— Сказал тот, кто устроил Всемирный Потоп, — не удержавшись, ввернул Михаил.

В Эдеме снова установилась тишина. Ангелы не вмешивались

в происходящее, не считая себя вправе принимать участие в настолько историческом событии. Они привыкли повиноваться, отчего изначально превратились в пассивных наблюдателей. Они только смотрели и внимали, без единого возгласа, зато внимали очень тщательно. Острая дискуссия, тем временем, завершилась. Все основное было сказано, и смысл в ее продолжении отсутствовал. Бог уже не гневался, Люцифер и Люмениферус не шли напролом, а Михаил не хватался за огненный меч. Миновав пик страстей, выяснение отношений подошло к концу. Теперь только и оставалось решить, что делать дальше. Архангелы спрашивать не осмеливались, и отнюдь не из страха. Они опасались получить такой ответ, который неизменно приведет к прямой и немедленной конфронтации. На сей раз, наихудшей из возможных.

— Что скажешь, отец? — не выдержав томительного молчания, первой осмелилась его нарушить Люмениферус. — Пожалуйста, не говори, что ты не желаешь ничего менять.

Бог ответил не сразу. Посмотрев на дочь, которая теперь, с момента исцеления, стояла к нему ближе всех, он глянул на Михаила и перевел взор на Люцифера. Очей с него он не сводил довольно долго, словно вчитывался не столько в мысли, сколько в далекое будущее.

— Что ж, свою концепцию мира вы изложили, и достаточно хорошо, — сказал, наконец, бог. — Теперь я точно знаю, каким вы его видите, и почему.

— Тогда дай уже свой ответ. Давай покончим с этим раз и навсегда, — стараясь не терять самообладание, произнес Люцифер.

— Как именно ты хотел бы это сделать? Со всем покончить, — пожелал уточнения бог.

— Я предпочел бы уладить все мирно. Но я прекрасно знаю, что другой возможности уже не будет, поэтому я пойду до конца, — подбирая слова, отозвался Люцифер. — Полагаю, Люмениферус тоже. Она доказала тебе свою любовь, поразившую даже меня. Но и от своих идеалов она не отступит.

— Да. Только не заставляйте меня делать такой ужасный выбор, — тихо молвила Люмениферус.

— Он претит и мне, — негромко согласился Михаил. — Но мое чувство справедливости уже выразило свое слово в огне меча.

— Значит, дети мои, вы не оставляете выбора конкретно мне, — несмотря на пугающую формулировку, как-то на удивление мягко молвил бог.

Мгновение превратилось в вечность. Несмотря на прежний пыл, бушевавшие страсти и тысячелетнее желание добиться своего, присмирел даже Люцифер, хотя это было невольное затишье

перед бурей. Теперь, когда его противостояние с отцом достигло критической точки — самой настоящей точки невозврата, — он внезапно понадеялся, что им как-то удастся уладить все ненасильственным путем. Что произойдет то самое чудо, на которое всегда так уповали люди, и которое иногда являли небеса. Уповала на него и Люмениферус. Внезапно познав расположение отца, едва не перевернувшее ее мир с ног на голову, она страшилась его потерять, как страшилась потерять и свою мечту. Эту надежду разделял и Михаил. Он уже выпускал силу огненного меча, что оставило у него довольно тяжкое впечатление. Второго превращения в феникса он предпочел бы избежать.

— Вы же понимаете, что в вашем новом мире мы не сможем сосуществовать, — очень ровным голосом, без всякого раздражения и гнева заговорил бог. — Так оспорив мою власть, вы обратите ее в ничто, если я соглашусь на ваши перемены. Конституционным монархом я не стану. Я бог и ваш отец. Я исходная сила, которая не будет терпеть и молчать. Она продолжит делать то, для чего предназначена. По любому поводу, мы будем вечно конфликтовать, и вынудим конфликтовать других. Если престол в разладе и не ведает покоя, это скажется даже на самой последней букашке во Вселенной. Трещины пойдут по всему мирозданию. В конце концов, оно просто развалится, на радость порождениям вечной тьмы.

— Предлагаешь выбрать меньшее из двух зол, — тихо констатировал Люцифер. — Не усугублять страдания людей, которые станут еще больше.

— Я лишь говорю, что такой новый мир я не приму. Это уж слишком, — спокойно продолжил бог. — Именно поэтому вы возглавите его сами.

Грохотни в Эдеме миллиарды молний, содрогнись он до основания, а то и вовсе рассыпься в сверкающий прах — это и то не вызвало бы столь оглушительного и шокирующего эффекта. Люцифер натурально обомлел, стараясь уразуметь, что он сейчас услышал. Изумленно, не веря своему слуху, смотрела на отца Люмениферус. Утратив хмурую суровость, смотрел на него и Михаил, чья рука позабыла про огненный меч.

— Я дам тебе ответ на вопрос, который ты не ждал. Про дар твоей сестры, чей свет начал открываться людям и вести их за собой, — обращаясь к Люциферу, молвил бог. — Это касается и тебя, чего ты еще не понял. Многое уже сделал, но еще не понял, хотя стоило бы призадуматься, когда ты сотворил свой новый ад, а сейчас одновременно обращался со всеми душами на свете. Касается и Михаила. Прежде он не становился воплощением огненного меча, ибо

теперь сила его велика. Ты удивлялся, как такое возможно, хотя все очень просто. Дети растут и превосходят своего отца. Только у архангелов это не так заметно, ибо они оперируют тысячелетиями. Я сам заложил этот принцип. Судя по всему, он касается и меня.

Одно потрясение снова следовало за другим. Обычно не скупившийся на слова, Люцифер едва язык не проглотил. Люмениферус безмолвно сияла, переливаясь цветами от безмерного удивления. Михаил машинально посмотрел на огненный меч, и выглядел так, будто никогда его прежде не видел.

— Однако предупреждаю! Отныне вся ответственность ляжет на вас! Воззвать к отцу уже не выйдет, и переложить на него вину за свои деяния тоже! — резко повысив голос, выразительно произнес бог. — Вы точно готовы на это пойти? Обратного пути уже не будет!

— Да, — совладав с волнением, твердо заявил Люцифер.

— Да, — отринув колебания, кивнула Люмениферус.

— Я воин, а не правитель, — не столь лаконично выразил свою позицию Михаил. — Но если мои брат и сестра возглавят небеса, я их поддержу.

— И будешь за ними присматривать, — наставительно велел бог. — Ведомый совестью, из чувства справедливости ты поднял меч на меня. Не отступай от этого. Не позволяй отступать и им. Новому миру понадобится хранитель, способный защитить его от несправедливости и любой беды.

— Уж будь уверен, — кивнул архистратиг, внезапно ощутивший на своем плече руку отца.

Выражая касание, бог ни к кому не прикасался. Явив себя Люмениферус, он словно заключил ее в объятия. Адресованный Михаилу, его жест не выражался физически, а воплотился в ментальном поле. Настал черед и Люцифера.

— Что скажешь, Светоносный? Ты ведь так долго этого ждал, — негромко спросил бог.

— Раньше я тебя любил, отец. Ты был мне всем, творившим свет моей зари. Возможно, люблю и сейчас. Через всю ту боль и ненависть, что я испытал, — так же тихо отозвался Люцифер.

— Я знаю, сын мой, — молвил бог, и двумя перстами коснулся одинокой звезды в венце на его челе.

Доселе неведомое, в пространстве промелькнуло какое-то возмущение. Неведомое — потому что архангелы никогда его прежде не испытывали, ибо оно возникало только в мгновение их рождения.

— Погоди, я что-то не понял, — придя в себя, озадачился Люцифер. — Ты сказал, что мы не можем сосуществовать. И при этом

передаешь нам небеса. Как это вообще понимать? А ты что будешь делать?
— Ничего, — ответил бог. — Здесь — ничего.
— Понятнее не стало, — заметил Люцифер.
— Создав этот мир, создав всех вас, я сотворил известную вам Вселенную. Но что было раньше? — загадочно усмехнулся бог. — Если я вечен и всемогущ, откуда я пришел? Вы же не думаете всерьез, что все это у меня впервые? Тьма бесконечна, пустота бесконечна. Там всегда найдется, чем заняться. Как-то даже странно, что вы никогда этим вопросом не задавались. Впрочем, я сам сделал так, чтобы это оставалось вне любого восприятия, человеческого или ангельского.
— Отец! — ахнула Люмениферус. — Ты хочешь сказать?..
— Твори, дочь моя. Вот что я хочу сказать, — улыбнулся бог. — Я наделил тебя даром любви, способностью создавать новую жизнь. Вот и твори. Ты уже этим занималась. Теперь тебя никто не станет сдерживать. Вселенная велика. Люди в ней лишь одно из моих творений. Самое любимое, ибо не спроста я их сделал по своему подобию и наделил душой. Ты займешься остальными. И сотворишь множество новых. Дерзай. Люцифер целитель душ, владыка знаний и разума. Михаил великий мастер неживой материи, воин и хранитель мира. Ты — творец. Творец новой жизни, ибо без нее ни одно мироздание никакого смысла не имеет.

Прощания не последовало. Бог уже это сделал, коснувшись своих детей. Он просто ушел. Исчез. Удалился в неизмеримое мгновение, и в сущности архангелов, бесплотной и бессмертной, возникла доселе незнакомая пустота. Возникла, но тут же растворилась, заполненная мыслями, чувствами и великими надеждами, однако все осознали, что отец ушел навсегда.
— Мы его больше не увидим, — роняя слезы, произнесла Люмениферус.
— Почему у меня такое чувство, будто я проиграл, — пробормотал Люцифер. — Мы же победили, но я словно проиграл.
— Нашел время для своей гордыни! — в сердцах воскликнула Люмениферус.
Она даже замахнулась, но пощечину не дала. В глазах всех небожителей было недопустимо так ронять авторитет.
— Теперь я жалею, что о многом не спросил, — пробормотал Михаил. — Признаться, я очень хотел узнать, прав ты был или нет, насчет всемогущества бога именно как творца.
— Не думаю, что он бы тебе ответил, — проворчал Люцифер.
— С чего ты так решил? — удивился Михаил.
— Да когда он вообще отвечал? — задумчиво произнес Утренняя

звезда. — Я услышал его голос в своих мыслях. Я невольно задавался вопросом, предвидел он все это или нет. То, что сейчас произошло. Я вообще не ожидал, что он вот так передаст нам престол. А он взял и передал. Я понятия не имею, мы его вынудили или он подвел к этому сам. И он мне сказал.
— Что именно?! — обратились в слух Люмениферус и Михаил.
— Он сказал, да еще с таким многозначительным выражением: "Я никогда никого в свои замыслы не посвящал. Неужели ты думаешь, что я сделаю это сейчас?", — вздохнул Люцифер. — Это как раз в духе отца. Полагаю, я буду гадать до скончания времен.

Верховная власть над всем мирозданием не терпела пустоты. Оно существовало вполне самостоятельно, но им все равно требовалось управлять. Земля никуда не делась, ад никуда не исчез, небеса и Вселенная ожидали должного внимания. Апокалипсис не свершился, однако его последствия следовало устранять. Стараниями архистратига, сейчас человечество пребывало в безмятежном бездействии, но его не стоило надолго забрасывать. Ангелы его оберегали, в том числе присматривая за приборами, машинами и механизмами. Жизнь была будто поставлена на паузу, однако по самой своей сути всего лишь условную. Мечты о новом мире закончились, сменяясь реальностью. Пришла пора его воплощать.
— Что будем делать? — осведомился у брата и сестры Михаил. — Вы эту кашу заварили, вам ей и управлять.
— Тогда за дело, — засияла, оживилась Люмениферус.
— Для начала покажем демонам, что все их потуги не принесли плоды, — заявил Люцифер. — Что они не добились ровным счетом ничего.
— Понял, — кивнул Михаил. — Труби! — велел он стоявшему поодаль Гавриилу.
И тот протрубил. Согласно верованиям, его труба возвещала о конце прежнего мира. Она призывала на Страшный суд, когда все умершие воскресали и представали перед Творцом. Но вера не впервые заблуждалась, хотя конец прежнего мира действительно наступил. Восстали и умершие. Те, что погибли в ядерном Апокалипсисе, который теперь был отменен волей Светоносных брата и сестры — Утренней звезды и Люмениферус.

* * *

Придя в движение, армия ангелов разлеталась, кто куда. Получая приказы от архистратига, она была загружена до предела. Ей требовалось поддержать порядок на земле. Ей поручалось произвести определенные изменения во Вселенной. Не следовало за-

бывать и про ад, где ее присутствие пока оставалось необходимым. Сами Светоносные тоже сидеть, сложа руки, не собирались. Находясь в непрерывном контакте с Михаилом, они быстро совещались, кому из них куда сейчас отправиться, и чем заняться в первую очередь.
— Я придумал название для твоих последователей, — подытоживая, лукаво улыбнулся Люцифер. — Люмеферы.
— Морнинги, — мстительно воткнула ему шпильку Люмениферус.
— Так теперь буду звать твоих служителей. Но мне понравился твой принцип наказания, который ты применил к тому типу, облапавшему женщину. И который поручил им исполнять. Я возьму его на вооружение. Чтобы эйблисты не чувствовали ног, а у злословящих отнимались языки.
— Надеюсь, не только вашим адептам найдется занятие в новом мире, — произнес подошедший Гавриил. — Я тоже помогу всем, чем смогу.
— Надеюсь, не так, как помогал, — фыркнул Люцифер. — С твоим подспорьем я бы до сих пор торчал в аду.

Глядя на брата, новый правитель небес еще не решил, кого именно хочет видеть в его лице. Ничего плохого он на его счет не помышлял, однако со времен восстания роль Гавриила была весьма неоднозначна. Тот всегда безукоризненно исполнял волю отца, и особенно по религиозной части. С другой стороны, он никогда не выступал против изгнанного Люцифера, и даже словом его не задевал. Сегодня он молча стоял поодаль и не вмешивался, будто не хотел занимать чью-либо сторону и принять то, что произойдет.
— Ты не прав, — возразила Люмениферус. — Он кое-что мне подсказал, хотя я об этом даже не просила. И хотя ему, видимо, вообще советовали не говорить со мной. Я не сразу поняла, о чем он, но только сама и виновата. Я бы не пренебрегала его предложением. Наш брат — кладезь мудрости и знаний. Конечно, если он с уходом отца не утратил свое всеведение.
— Не утратил, — едва заметно улыбнулся Гавриил. — Даже преумножил. Теперь я тоже могу больше, как и вы. Это своеобразное завещание нашего отца. Передавая престол, он наделил нас необходимой для этого энергией. Особенно вас двоих, как его преемников. Вы должны были это ощутить.

Припомнив то чувство, о котором говорилось, Светоносные переглянулись. Люмениферус шевельнула пальцами, а глаза ее вспыхнули с таким выражением, словно исполняли давнюю мечту. Взявшись из ниоткуда, вокруг нее внезапно закружили крошечные малыши, похожие на детей с луком и стрелами, но с крылышками как у ангелов. Разинув рот, она посмотрела на Амуров —

своих новых помощников в делах любви, некогда мифологических, а ныне реальных. Изрядно впечатленный, Люцифер встрепенулся. Словно что-то проверяя, он шевельнул губами, и по его лицу разлилось изумление.
— Гавриил прав, — пораженно подтвердил он. — Я сейчас коекого сотворил.
— Тогда у меня для тебя первое задание! — приходя в себя, заявила Люмениферус. — Пропавшие души. Сиреневые жемчужины. Я с крыльев собьюсь, все искать, а бросать их, обрекать на вечные муки в пустоте — это чудовищно жестоко, что бы они там ни натворили. Скажи, как их быстро собрать.
— Все так же, — ответил Гавриил. — Воспользуйся своим даром. Твои чувства не слабость, а великая сила. Когда я это понял, я понял и то, какое впечатление они произведут на отца. Просто позови эти души. Прислушайся — и ты их услышишь. А Люцифер их призовет. Не забывайте — ваш дуумвират теперь главный на небесах. И в мироздании. Это не только положение — это могущество, которое отныне вам принадлежит.

Гавриил уж уходил, получив от Люцифера несколько заданий, когда Люмениферус тихо вскрикнула. Догнав всеведущего брата, она схватила его за руку, развернула к себе и впилась глазами в его глаза.
— Погоди! — ошарашенно воскликнула она. — Что это значит, твое "я понял, какое впечатление они произведут на отца"?! Ты что… ЗНАЛ?! Знал, что сегодня произойдет?!
— Мне обязательно отвечать? — в своей обычной манере, спокойно отозвался Гавриил. — Люцифер поручил мне важные дела. Не хотелось бы время терять.
Отпустив его руку, Люмениферус промолчала, только и провожая долгим взглядом.
— Любопытно, — подойдя к ней, сказал Люцифер. — Полагаю, ты права. Нашего брата не стоит недооценивать. Как бы он не пожалел о своем предложении, когда я начну вытрясывать из него премудрости. Заодно и проверим, знает ли он об истинных намерениях и мотивах отца. О том, откуда он пришел, и куда ушел. И не для того ли ему понадобилась человеческая ипостась и свое подобие, чтобы вырастить людей до своего уровня и отправить их дальше. Хотя, конечно, вряд ли Гавриилу это известно.

Мимолетная вспышка возвестила о появлении архистратига, лично улетавшего командовать подразделениями своего многомиллиардного воинства, теперь более чем когда-либо находившегося в его полном подчинении.
— Ангелы-хранители распределены. Земля в безопасности. В аду

приемлемый порядок. Архидемоны ничего не предпринимают. Они в бешенстве, но и в ужасе одновременно. Такого развития событий вообще никто не ожидал, — доложил Михаил. — Иерархи, безусловно, попытаются испытать на прочность вашу власть, — предупредил он. — Позднее. Но я об этом позабочусь.

Привычные звуки Эдема внезапно нарушил необычный шум. Хлопанье множества крыльев перемежалось с задорным смехом и звонкими голосами, донесшимися разом со всех сторон. Удивленный Михаил огляделся и увидел женщин на крылатых конях, проносившихся над райскими садами.

— Это еще кто? — поднял брови он.

— Валькирии. Я содрал эту идею из мифологии людей, — усмехнулся Люцифер. — Сотворил их пару минут назад. Это настоящие души, призванные служить в раю. Мой подарок Люмениферус, за ее неизменную поддержку и любовь.

— Какой-то странный подарок, — усомнился Михаил. — Что толку в скачущих по небу особах?

— О, толк очень даже есть, — прищурился Люцифер. — Мизогинии конец не только на земле. Ей конец и здесь. Пора платить за свои деяния. Ревнители веры достаточно измывались над женским родом. Теперь ими займутся валькирии. Лучшие из угнетенных женщин, берущие свое по праву. У них есть на это полномочия. Хватать шовинистов за мракобесные бороды и швырять с небес прямо в ад, где им самое место.

Столь проникновенное описание просто не могло не произвести глубокого впечатления.

— Даже так? — совсем по-другому взглянул на валькирий архистратиг. — Сам придумал, или кто подсказал?

— Некогда сойдя в ад, бог вывел оттуда всех, кого посчитал этого достойным, — напомнил Люцифер. — Вернувшись на небеса, теперь я делаю то же самое. Преступным иерархам, злобным святошам, свирепым фанатикам, душегубам, мракобесам и мизогинистам здесь не место. Всем, кто присваивал себе полномочия говорить и править от имени бога. Всем, кто тиранил людей и проливал их кровь в тисках своей жажды власти или слепой веры. Всем, кто проявлял жестокость и нетерпимость по расовому или половому признаку. Их место в аду. Там я уже решу, что с ними делать.

— Не уверен, что это удачная идея, — озадаченно произнес архистратиг.

— Михаил, давай без таких сомнений. Ты с нами или как? — блеснула лучистыми глазами Люмениферус.

— С вами. И совестью, и справедливостью, и огненным мечом, — без колебаний, твердо изрек Михаил.

— Тогда идем, — позвал Люцифер. — Туда, где сейчас светает. Оттуда и начнем.

Рассвет действительно наступал. Не где-то из-за золотящегося горизонта, а сразу по всей земле — незримый, но при этом всеобъемлющий. Это был рассвет для всего человечества, провозглашавший его великую судьбу. Вестник нового мира, что уже преображал Вселенную и само мироздание, от райских садов Эдема до самых далеких глубин ада. Рассвет, рожденный и озаряемый Утренней звездой, летевшим бок о бок с творящей жизнь Люменифферус и архистратигом Михаилом, с огненным мечом и всей армией ангелов за его спиной.

К О Н Е Ц